

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2022

№ 77

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацьшен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Кириюшин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекбай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич**, канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории – ответственный секретарь;
Молодин Вячеслав Иванович, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедры российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Сандов Илхомжон Мухиддинович**, д-р ист. наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд); **Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul**, PhD, prof. Colby College (Waterville, USA); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.**, Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasiliy P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Fedosov Egor A.**, Executive Editor, PhD (History), lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University; **Troizkiy Eugeniy F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan); **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Верниев И.И. Русско-татарский межэтноконфессиональный альянс в городской политике Казани позднеимперского периода	5
Войтикова В.А. Периодическая печать Томска в 1990-е гг.: анализ динамики развития	12
Конев К.А., Федосов Е.А. Образно-символическая специфика презентаций Антанты и США в советской печатной пропаганде периода Гражданской войны (1918–1920 гг.)	20
Лиджиева И.В. Попечительский корпус Калмыцкой степи второй половины XIX – начала XX в. (по материалам Национального архива Республики Калмыкия)	30
Плеханова А.М., Цыремпилова И.С. Старообрядческие общины Бурятии в условиях экономической и социокультурной модернизации 1920-х гг.: адаптация и противостояние	41
Попов П.Л., Черенев А.А. К проблеме объективных предпосылок сибирского сепаратизма	51
Ратковский И.С. «Кавказ считаем более рациональным для больного как горца»: лечение и отдых Сталина в период НЭПа	60
Соловенко И.С., Рожков А.А., Карпенко С.М., Григоренко Е.Р. Инновационный потенциал горных инженеров в условиях повышения конкурентоспособности угольной промышленности России в начале XXI в.	70
Суслов А.Ю. Социалистическая Лига Нового Востока как проект объединения эмиграции (1920-е гг.)	82

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Бочарникова М.В. О трансформации и некоторых чертах президентского политического лидерства в Республике Корея в 1948–2021 гг.	87
Винават П. Конфликты в Индокитае и вступление Лаосской народно-демократической республики в АСЕАН (1975–1997 гг.)	95

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Арапина С.В., Супрыгина Г.Г. Историки об историке: памяти Лидии Николаевны Корневой, доктора исторических наук, профессора Кемеровского государственного университета	99
Арtyukov A.P. Преобразование содержания учебных материалов в 1953–1956 гг.	107
Зноско Ю.А. Вопросы изучения истории Томской епархии в современных исторических исследованиях	115
Лазуревская Ю. А. История развития отечественной гражданской авиации: от специальных к комплексным исследованиям	124
Путилин М.С. О перспективах исследования легенд о «возвращающемся избавителе»	133
Широкова М.А., Должиков В.А. Современная отечественная историография об актуальности педагогического наследия славянофилов	141

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Vernyaev I.I. Russian-Tatar interethnic alliance in the urban politics of Kazan in the late imperial period	5
Voytikova V.A. The periodical press of Tomsk in the 1990s: an analysis of the dynamics of development	12
Konev K.A., Fedosov E.A. Figurative and symbolic specifics of the Representation of the Entente and the United States in the Soviet Printed Propaganda of the Civil War Period (1918–1920)	20
Lidzhieva I.V. The trustee corps of the Kalmyk steppe of the second half of the XIX century – beginning of XX century (based on the materials of the National Archive of the Republic of Kalmykia)	30
Plekhanova A.M., Tsyrempilova I.S. Old Believer communities of Buryatia in the conditions of Economic and socio-cultural modernization of the 1920s: adaptation and confrontation	41
Popov P.L., Cherenev A.A. To the problem of objective preconditions of siberian separatism	51
Ratkovskii I.S. “We consider the Caucasus more rational for the patient as a mountaineer”: Stalin’s treatment and rest during the NEP	60
Solovenko I.S., Rozhkov A.A., Karpenko S.M., Grigorenko E.R. The innovative potential of mining engineers in the conditions of increasing the competitiveness of the Russian coal industry at the beginning of the XXI century	70
Suslov A.Y. Socialist League of the New East as a project of unification of Russian emigration (1920s)	82

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Bocharnikova M.V. On the Transformation and Some Features of Presidential Political Leadership in the Republic of Korea in 1948–2021	87
Vinavath P. Conflicts in Indochina and Lao PDR’s Entry into ASEAN (1975–1997)	95

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Arapina S.V., Suprygina G.G. Historians about the historian: in memory of Lydia Nikolaevna Korneva, doctor of historical sciences, professor of Kemerovo State University	99
Artyukov A.P. Transformation of the educational materials content in 1953–1956	107
Znosko Yu.A. Questions of studying the history of the Tomsk diocese in modern historical research	115
Lazurevskaya Ju.A. History of development of domestic civil aviation: from special to complex researches	124
Putilin M.S. The prospects for studying the legends of the “returning savior”	133
Shirokova M.A., Dolzhikov V.A. Modern Russian historiography on the relevance of the pedagogical heritage of Slavophiles	141

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Мажинский С.В. Становление этнопсихологии в контексте развития теорий «национального характера» и «национального духа»	149
Цысына Д. Хуваанак – традиционное гадание тувинских шаманов	155
Цыряпкина Ю.Н. Православие в городах национализирующегося Узбекистана в 2010-е гг.	165

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Баранова С.И. Изразец как явление русской культуры: источники и изучение	174
Бравина Р.И. Металлические перстни-печатки из якутских погребений XVIII–XIX вв.	189
Жукова Л.Н. Злоказненные силы в традиционных верованиях и фольклоре лесных юкагиров	196

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Лекаренко О.Г., Мунько А.В. Об истории и историках: интервью с Б.С. Жигаловым	207

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Mazhinsky S.V. Formation of ethnopsychology in the context of “national character” and “national spirit” theories development	149
Jiasina D. Huvaanak - traditional divination of tuvan shamans	155
Tsyryapkina Yu.N. Orthodoxy in the cities of nationalizing Uzbekistan in the 2010s	165

PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

Baranova S.I. Izrazets as a phenomenon of Russian culture: sources and study	174
Bravina R.I. Metal Signet Rings from Yakut Burials of the 18th – 19th centuries	189
Zhukova L.N. Evil Forces in Traditional Beliefs and Folklore of the Forest Yukagirs	196

ACADEMIC LIFE

Lekarenko O.G., Munko A.V. About History and Historians: Interview with B.S. Zhigalov	207

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья

УДК 94(47)

doi: 10.17223/19988613/77/1

Русско-татарский межэтноконфессиональный альянс в городской политике Казани позднеимперского периода

Игорь Иванович Верняев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, i.vernyaev@spbu.ru

Аннотация. Обсуждается значение этноконфессионального фактора в городской политике Казани в начале XX в. Среди казанской элиты сформировалось две муниципальные идеологии. В соответствии с первой город рассматривался как «общее благо» с централизованным управлением, муниципальной инфраструктурой, регулированием публичной и частной сфер; в соответствии со второй – как коалиция этноконфессиональных, профессиональных и других групп, реализующих через своих представителей корпоративные интересы. Исследование показало, что до конца имперского периода этноконфессиональный фактор играл возрастающую роль.

Ключевые слова: Российская империя, Казань, русские, татары, городская политика, модели городского управления, межэтноконфессиональный альянс

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00353.

Для цитирования: Верняев И.И. Русско-татарский межэтноконфессиональный альянс в городской политике Казани позднеимперского периода // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 5–11. doi: 10.17223/19988613/77/1

Original article

Russian-Tatar interethnic alliance in the urban politics of Kazan in the late imperial period

Igor I. Vernyaev

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, i.vernyaev@spbu.ru

Abstract. The purpose of the study is to assess the significance of the ethno-confessional factor in the urban policy of Kazan of the late imperial period, the formation and organizational design of municipal ideologies and the corresponding practices of urban governance. The main sources of the research were the published protocols of the City Duma, statistical data and materials from the city periodicals. During the post-reform period, the ethno-confessional particularism of urban institutions was eliminated, city-wide self-government was formed on the principles of tax qualifications, and the spatial, infrastructural, economic, civil and social spheres of the city were integrating. This, on the one hand, exacerbated the problem of rivalry around the issues of representation of ethno-confessional interests in urban governance and decision-making, and on the other hand, it became an incentive for the formation of inter-ethnic coalitions and cooperation. The multidimensional heterogeneity of the urban population has become a factor in the formation among the Kazan elite of two models of city visions, a kind of «municipal ideologies» with appropriate management practices. They were most clearly manifested and organizationally formed in the company of 1912–1913 during elections to the City Duma. In accordance with the first of them, the city was viewed as a “common good” with centralized management, municipal infrastructure, active regulation of not only public but also private spheres of life. In accordance with the second, the city was perceived as a coalition of diverse groups – ethno-confessional, professional, entrepreneurial, etc. – realizing their group corporate interests through representatives in the city government. On the basis of these municipal ideologies, the corresponding coalitions of eligible townspeople – «progressives» and «Russian-Muslim non-partisan bloc» were formed. The interethnic alliance predetermined the victory of the second of these electoral blocs and the corresponding

municipal ideology in the 1913 elections. This led to the partial curtailment of plans for large-scale municipalization, a number of social engineering projects, including an active invasion of the private life of the townspeople. Until the end of the imperial period, the ethno-confessional factor played a significant and even increasing role in a number of areas – in the urban economy, self-government, politics, ways of forming urban politic coalitions and urban development projects.

Keywords: Russian Empire, Kazan, Russians, Tatars, urban policy, models of urban governance, interethnic alliance

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00353.

For citation: Vernyaev, I.I. (2022) Russian-Tatar interethnic alliance in the urban politics of Kazan in the late imperial period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University Journal of History*. 77. pp. 5–11. doi: 10.17223/19988613/77/1

Одна из ключевых черт модерной эпохи – формирование общих сфер жизнедеятельности: интегрированной экономики, институтов управления, самоуправления, суда и права, инфраструктуры разного типа, политических организаций, гражданской сферы. Это формирование общего материального и социально-пространствия сопровождалось преодолением жестких сословно-корпоративных, этнических, культурно-бытовых границ между людьми и их группами. В авангарде таких изменений были, прежде всего, города. Здесь, в условиях относительно плотной и компактной среды, формировалось единое материальное, институциональное, инфраструктурное и символико-смысловое пространство. В то же время процессы интеграции обостряли проблему участия, представительства этно-культурных групп (и в целом, и элит), их интересов в интегрирующихся модерных пространствах. Этничность, этническая мобилизация становились важным фактором и ресурсом как соперничества, конфликта, так и сотрудничества, установления взаимовыгодного альянса. Этноконфессиональный фактор был значим в осмыслиении города как целого, в муниципальной политике, выработке и реализации различных моделей городского управления и представительства в нем групповых интересов, в развитии инфраструктуры и социальной сферы.

В существующих общих работах по пореформенному городскому самоуправлению Российской империи этноконфессиональному фактору уделяется недостаточно внимания [1–3]. Не обобщено и не проанализировано в сравнительном плане то, как на процессы социально-экономической, институциональной и политической модернизации в городе влиял фактор политичности. В то же время в последние десятилетия вышел ряд новаторских работ, посвященных истории отдельных поликультурных городов разных регионов. Эти работы объединяют то, что в них рассматриваются не отдельные этноконфессиональные группы, а собственно поликультурный город, те или иные городские сферы, где различные группы мобилизуются, взаимодействуют, конфликтуют и сотрудничают [4–9].

Казань – один из тех российских городов, где население всегда отличалось полигенетическим разнообразием. По данным переписи 1897 г., среди горожан было 73,4% русских и 21,9% татар, а также присутствовали незначительные по численности меньшинства – коренных народов края и имперских городских диаспор. В ряде работ изучались отдельные аспекты

разнообразия в различных сферах позднеимперской Казани [10–16]. В то же время в историографии уделено недостаточное внимание значению этноконфессионального фактора в формировании образа города как целого, модели управления, динамике представительства групповых интересов в городской власти.

Рассмотрим в этой связи последнюю перед Первой мировой войной избирательную кампанию 1912–1913 гг. по выборам в городскую думу, одну из наиболее активных в позднеимперский период. Эта компания была особенно значима для окончательного формирования конкурирующих муниципальных «идеологий», вокруг которых организовывались городские коалиции. В ходе нее ярко проявилось значение этноконфессионального фактора в этих процессах.

С конца 1900-х гг. среди гласных городской думы Казани и шире – активной части городских элит – оформляются две коалиции, получившие неофициальные названия «стародумцев» и «новодумцев» (или прогрессистов). Такое разделение касалось прежде всего русской части гласных и цензовых горожан. Состав этих городских «партий» не соотносился в полной мере с основными общероссийскими политическими силами (в этом смысле обе городские коалиции позиционировали себя как «беспартийные»), их разделяли разные представления о городе, городском развитии, внутригородских интересах. При этом татарский (мусульманский) избирательный округ, являясь значимой организованной силой на городских выборах, мог существенно повлиять на победу той или иной из городских «партий», ее главенство в городской политике.

«Новодумцы» исходили из представления о городе как о едином социальном, хозяйственном, инфраструктурном и управлении организме. Один из лидеров новодумской «партии» заявил на предвыборном собрании: «Город теперь является особого рода маленьким государством». Цель муниципального управления в таком представлении о городе – развитие его как совокупности «общественных благ». В связи с этой общей установкой «новодумцы» выступали за широкую и ускоренную муниципализацию городского хозяйства и, соответственно, отказ от концессионной и подрядной систем управления городской инфраструктурой и предприятиями как невыгодных для города и горожан. Осветительные сети, транспорт, водопровод, канализация, оборудованные торговые помещения, пристанская инфраструктура, мосты и перевозы, предприятия по благоустройству и другие службы должны принадлежать городу, управляться его администрацией.

Муниципализация требовала, в свою очередь, «создания общего плана городских предприятий и планов по всем отраслям городского хозяйства». Новодумцы выступали за активную социальную политику и регулирование рыночных отношений. Городская дума и администрация должны осуществлять «постоянный контроль над всеми отраслями народного хозяйства». В целях борьбы с дороживизной город должен организовать снабжение населения (прежде всего малоимущего) и учреждений топливом, дешевым продовольствием, создать городское производство строительных материалов. Должна развиваться принадлежащая городу сеть санитарно-медицинских учреждений. Новодумцы разрабатывали проекты перестройки городского пространства — ограничения расширения города, активной перепланировки городских улиц [17. № 5963; 18. № 76].

Городское управление должно затрагивать не только публичное, но и частное пространство. Так, следовало установить санитарный надзор как в общественных местах, так и на частных территориях — во дворах и домах. Частное строительство должно было вестись под контролем городской администрации. Еще одно направление активного вторжения в частную сферу — плановая борьба городского управления с разного рода социальными девиациями, прежде всего алкоголизмом и нищенством. Предполагалось, что муниципальная власть фактически возьмет под контроль частные, конфессиональные и сословно-корпоративные учреждения по призрению. Для этого, в частности, предполагалось создать «центральное распределительное бюро для старых и увечных по богадельням и сирот по приютам», установить организационные связи с общественными благотворительными организациями. В образовательной сфере город должен был завершить формирование по единому плану городской школьной сети и перейти к всеобщему обучению русского и мусульманского населения города [18. № 78].

В целом идеологию и программу городского управления «новодумцев» можно охарактеризовать как технократическую и социал-инженеристскую. Уже в период работы думы 1909–1913 гг. значительная (около четверти состава думы) фракция гласных-«новодумцев» предприняла некоторые действия по реализации своей программы. По ее инициативе при управе был создан технический отдел, призванный осуществлять организационно-технологическое руководство городской хозяйственной деятельностью и строительством. Был составлен план территории города как ключевое условие и инструмент управления городской недвижимостью, произведена инвентаризация городских имуществ. Хозяйственным способом проведены работы по возведению дамбы, которая должна была обеспечить удобное транспортное сообщение между волжскими пристанями и центром города. Осуществлена механизация городского пожарного депо. Создан муниципальный «черный обоз» — предприятие по вывозу нечистот и уборке улиц и площадей. Запущен утилизационный завод. Создан муниципальный перевоз через Казанку. Расширено городское садовое хозяйство. Расширена сеть городских училищ. Разрабатывались планы выкупа в городскую собственность ряда концессий на клю-

чевые инфраструктурные объекты (например, электрическая и трамвайная сети). На осуществление своих проектов «новодумцы» планировали использовать, в частности, крупные частные займы [17. № 5967; 18. № 1, 23]. В целом практика и планы расширения городского хозяйства и рационализации управления им были продолжением тенденций, наметившихся в предыдущие годы. Как показала в своей диссертации Г.Р. Заманова, в конце XIX – начале XX в. удельный вес в бюджете Казани доходов, получаемых от эксплуатации и сдачи в аренду городских имуществ (зданий, сооружений, земель, угодий), постепенно возрастал (с 1871 по 1904 г. — с 28,8 до 41,1%), а от сборов и пошлин — уменьшался (с 46,3 до 23,6% за тот же период). В то же время на 1904 г. доля дохода от городских предприятий оставалась незначительной — 2,9%. В этом отношении муниципализация делала только первые шаги [19. С. 76–80].

«Стародумская» фракция, в отличие от «новодумцев», не строила широкомасштабных проектов трансформации города и городского хозяйства. Их подход был умеренным, приземленным и, по их мнению, pragmatичным: «...в хозяйственном деле важны не планы, а навык». Планы «новодумцев» характеризовались ими как опасное, дорогостоящее и не обеспеченное наличными материальными ресурсами и кадрами проектирование. Программа и практика «новодумцев», по их мнению, не учитывали разнородных текущих нужд и проблем различных групп цензовиков и более широких кругов населения города. Город не готов к масштабной муниципализации хозяйства и инфраструктуры. Традиционный способ обслуживания городских нужд компаниями-контрагентами, концессионерами является более эффективным, профессиональным и менее затратным. У города нет достаточного количества квалифицированных кадров для самостоятельного ведения большого и сложного муниципального хозяйства.

«Стародумцы» указывали на многочисленные ошибки и провалы муниципальных проектов, инициированных «новодумцами». Созданный «новодумцами» технический отдел оказался слишком дорогим и малоэффективным. Городской поземельный план — малопригодным на практике. Автомобильная техника в пожарном депо — очень дорогостоящей в эксплуатации, не обеспеченной соответствующими кадрами. Муниципальный «черный обоз» оказался более дорогим и менее эффективным, чем выполнение этих же работ внешним подрядчиком. Услуги городского утилизационного завода были слишком дорогими для потребителей. Заготовка городом топлива хозяйственным способом оказалась, по оценке «стародумцев», убыточной. Построенная хозяйственным способом дамба имела серьезные недоработки, что затрудняло ее полноценное использование. «Стародумцы» предупреждали от муниципализации сети городского освещения и других инфраструктурных сетей и предприятий ввиду сложности их хозяйственной эксплуатации: «У города не было пока ни одного крупного предприятия, которое эксплуатировалось бы хозяйственным способом, приносило бы надлежащий доход и могло бы служить примером, вносящим уверенность в недовевающие сердца обывателей. Наоборот, все, за что

ни брался город, выходило, мягко говоря, довольно неудачно». Они обвиняли прогрессистскую группу в том, что из-за инициированных ею масштабных проектов и трат городской бюджет стал резко дефицитным, что вынудило осуществить переоценку недвижимости горожан, в результате чего увеличилось их налогообложение. «Стародумцы» выступали за более осторожную финансовую политику, против того, чтобы город брал крупные частные кредиты под свои масштабные проекты и влезал тем самым в долги [17. № 5966, 5967, 5974, 6172; 18. № 34, 72, 73].

Подход с точки зрения «общего блага», «общественной пользы» казался им теоретичным и малопригодным на практике в силу разного имущественного, социального, хозяйственного, этнокультурного статуса городских групп. Для разных групп и категорий населения восприятие того, что является «благом» и «пользой» здесь и сейчас, могло быть различным. Так, как выяснилось, даже отношение к такому вроде бы очевидному «благу», как водопровод, у домохозяев оказалось разным. Проведенный думой опрос показал, что многие из них в случае проведения магистрали не планируют подключать к водопроводу свои дворы и дома и осуществлять минимально необходимый для окупаемости системы разбор воды [20. С. 382–395]. Проведение благоустройства улиц могло быть «благом» для домовладельцев, рантье, так как это повышало стоимость их недвижимости, привлекало состоятельных чиновников-квартиросъемщиков, и негативным фактором для тех, кто арендует недорогое жилье на таких улицах, поскольку арендодатели увеличивали плату за него. Многие относительно небогатые цензовики окраин выступали против широких и дорогостоящих планов развития городского хозяйства, опасаясь в связи с этим повышения налогов [17. № 5973; 18. № 69]. Не отрицая необходимости благоустройства города, «стародумцы» не стремились форсировать муниципализацию и наращивать масштабы городского хозяйства за счет увеличения сборов [17. № 5974]. В целом они видели город как очень разнородное пространство, где существует множество групп с различными групповыми интересами и нуждами, которые невозможно привести к общему знаменателю. Деятельность думы и управы должна быть сосредоточена на решении текущих проблем наиболее прагматичным и наименее затратным способом.

В соответствии с указанными общими установками строились и выборные стратегия и тактика двух ведущих городских фракций 1910-х гг. «Новодумцы» рассчитывали на усиление избирательной активности цензовых горожан, прежде всего избирателей с окраин города, путем перехода от выборов в едином городском избирательном собрании к выборам по территориальным частям, что допускалось городовым положением 1892 г. Хотя им не удалось добиться перехода к территориальной избирательной системе, и выборы 1913 г. проходили в едином собрании, «новодумцы» в период предвыборной кампании провели собрания избирателей во всех шести частях городах, сформировали порайонные предвыборные комитеты и центральный общегородской комитет. Через взаимодействие

с территориальными комитетами и агитацию на собраниях «новодумцы» сформировали список кандидатов, пропорционально представляющих городские районы и соответствующих по качествам их программным установкам.

«Стародумцы» в формировании своего предвыборного списка сделали ставку не столько на общность программных подходов кандидатов, сколько на представительство в будущей думе ключевых городских групп интересов. Город в их стратегии и тактике рассматривался прежде всего как совокупность, компромиссный альянс значимых групп разного типа. Это не обязательно только наиболее состоятельные и влиятельные группы, но все те группы цензовых горожан, которые сумели организоваться и выразить потребность и желание иметь своих представителей в городском самоуправлении. Для «новодумцев» с их приоритетом программного принципа такой коалиционно-групповой подход был неприемлем: «...при таких условиях трудно проводить общую программу действий, ибо защищаются лишь интересы отдельных групп...» [17. № 5964].

Находясь перед выбором, лидеры татарской общины города предпочли войти в альянс со «стародумской» фракцией, существенно усилив при этом ее избирательные позиции. В результате такого соглашения альянс принял общее название «русско-мусульманский беспартийный блок». Одним из решающих аргументов в пользу этого союза для лидеров мусульман стал отстаиваемый «стародумцами» существующий порядок выборов гласных думы в общем собрании. При территориальном представительстве, на котором настаивали «новодумцы», татары, проживавшие в основном во 2-й и 5-й административно-полицейских частях города, имели шанс провести только 5–6 гласных вместо максимальных по закону 16 мест (т.е. 20% от всех) в городской думе, которые они имели в последние годы [17. № 5897; 18. № 11].

Кроме того, следует учитывать, что модель городского хозяйства, развиваемая «новодумцами», подразумевала усиление влияния технократического элемента в управлении городом – специалистов, профессионально подготовленных служащих, клерков, а татары были недостаточно представлены в таких категориях занятости, как «свободные профессии» и чиновники [21]. Соответственно, «новодумская» программа создавала для них дополнительные риски утраты приобретенных позиций и представительства в городской элите. Исходя из этих рисков и своих интересов, лидеры мусульман на предвыборных собраниях критиковали уже осуществленные проекты и планы ускоренной муниципализации городского хозяйства. Указывали, что в ситуации, когда у города «нет грошей на неотложные нужды», в том числе татарских частей города, дума и управа по инициативе «новодумцев» «мотала деньги направо и налево» – на казарменное строительство, на которое был взят крупный и невыгодный заем, на планирование города, покупку пожарного автомобиля, найм в технический отдел города «архитекторов, сверх-архитекторов» и др. [17. № 5965]. В этом отношении позиции мусульман и «стародумцев» оказались близки. «Стародумцы», кроме того, обещали поддер-

живать мусульман в их различных религиозных, культурно-образовательных нуждах и требованиях [17. № 5974, 5980].

В предвыборный список русско-мусульманского блока были также включены представители ряда других крупных и влиятельных групп и организаций в городе. Так, блок поддержало многочисленное общество взаимного страхования, которое было заинтересовано в расширении количества членов (лидеры мусульман обещали, что татары будут активно пользоваться услугами этого общества в случае общей победы) и поддержке со стороны города в их конкурентной борьбе с частными страховщиками. Характерно, что «новодумцы», противостоя груповой модели альянса русско-мусульманского блока, агитировали членов общества взаимного страхования голосовать единолично, по собственному разумению, а не согласованно, как единая группа с общими интересами [Там же. № 5968]. Поддержали русско-мусульманский блок и выдвинули своих представителей в его список подрядчики – контрагенты города, которые были объективно не заинтересованы в «новодумской» программе широкой муниципализации. Солидарно с ними выступили городские трактирщики. Обложение трактирных заведений было значимой статьей в городском бюджете. Повышение в последние годы обложения трактирных заведений, связанное в том числе с масштабными расходами в рамках «новодумской» программы муниципализации, подтолкнуло их к альянсу с русско-мусульманским блоком [Там же. № 5971]. Внушительно были представлены также чиновничество (от служащих государственных и общественных учреждений в список кандидатов были включены 20 человек), разные категории «свободных профессий» (юристы, медики, профессора и преподаватели, инженеры и др.). В список входил представитель обществ приказчиков и русских ремесленников, служащих частных компаний. Поддержали блок многие домовладельцы, недовольные повышением городского сбора с недвижимости. Мусульмане выделенные им блоком 16 ожидаемых мест в думе по большей части также распределили между значимыми группами интересов – торговцами, транспортниками и иными сообществами в своей среде [18. № 78].

Организационному оформлению групп интересов и поиску ими представительства способствовало то, что некоторые из них производили внутреннюю раскладку между собой налоговых сборов (в частности, трактирщики, содержатели постоянных дворов, меблированных комнат и др.). По сути, в городе функционировали раскладочные общинны представителей некоторых видов деятельности [20. С. 611, 624, 695–706; 22. С. 226–230; 23. С. 4–10, 168–174]. Тем самым на городских выборах организационно они были готовы мобилизоваться, сформулировать свои интересы и выдвинуть своих представителей в думу. Именно на такие мобилизованные отраслевые группы интересов в среде пальщиков городского налога в значительной мере и сделал ставку русско-мусульманский блок.

Один из лидеров русско-мусульманского блока К.С. Олешкевич на предвыборном собрании следующим образом охарактеризовал историю и принципы

его формирования: ядро блока формировалось в думе с 1909 г., затем к нему примкнуло много русских избирателей, а затем и мусульман, ряд городских объединившихся групп со своими особыми интересами, и в итоге в выработанный список «входят часть старых гласных, новых жителей и представители различных профессий и ремесел, чтобы каждая группа Казанских граждан могла найти в думе представителей своих интересов». Участники собрания блока горячими аплодисментами одобрили такой подход [17. № 5974].

Различные мобилизованные группы цензовых горожан привлекало в блоке также то, что его лидеры не выдвигали никаких особых требований к их представителям, соглашаясь на те кандидатуры, которые выдвигали сами группы. Это касалось и мусульманской «квоты» в выборном списке. «Новодумцы» же, напротив, сами активно формировали список, «фильтровали» предлагаемых представителей, подыскивая кандидатов, отвечающих определенным критериям и разделяющих общие программные установки фракции. Это отталкивало от них потенциальных сторонников. Вообще «новодумцы» в предвыборный период вели себя порой высокомерно и некорректно по отношению к некоторым группам избирателей. Например, на упрек некоторых участников предвыборного собрания, что «новодумцы» не прилагают достаточно усилий к тому, чтобы склонить на свою сторону такую организованную и мощную силу, как избиратели-татары, один из руководителей новодумцев ответил: «Идти к мусульманам на поклон комитет посчитал для себя неудобным, полагая, что времена Мамая для России миновали, и что русские могут и не ходить на поклон к мусульманам». Избиратель не согласился с подобной постановкой вопроса, возразив, что кропотливая работа по формированию альянса и учету особых интересов – это «не хождение на поклон, а только желание быть солидарными с крупной группой местных жителей» [17. № 5964; 18. № 29, 69]. Оттолкнули мусульман и порой грубые высказывания о них в «новодумской» прессе и на территориальных собраниях. Сами территориальные собрания и избранные ими комитеты рассматривались частью «новодумцев» как способ консолидации русских цензовых горожан, чтобы противостоять организованности мусульман. Звучали угрозы, что в случае отказа от согласования списков предвыборные территориальные комитеты «новодумцев» мобилизуют русских избирателей в существенно более значительном, чем прежде, количестве, и они не позволят мусульманам вовсе пройти в думу [17. № 5971; 18. № 24, 38]. Такие тактика и риторика не добавляли «новодумцам» сторонников в среде мусульман.

Не следует, как это встречается в литературе, однозначно отождествлять две охарактеризованные городские коалиции с определенными сословными группами. Неверно полагать, что «стародумцы» и инициированный ими русско-мусульманский блок – это исключительно «консервативное купечество», представители старой торговой элиты, а «новодумцы» – только интеллигенты, представители свободных профессий и чиновники. Так, лидерами русско-мусульманского блока были представители вполне современных сфер

занятости и специальностей: Н.Н. Киселев – ветеринар, К.С. Олешкович – архитектор, М.А. Сайдашев – издатель и владелец типографии. В предвыборных списках кандидатов той и другой городской «партии» были купцы и дворяне по сословной принадлежности, торговцы, промышленники, чиновники, служащие и представители «свободных профессий» по профессиональной занятости [17. № 5980; 18. № 84]. Но муниципальная идеология, воображаемая модель города и принципы формирования были разными.

Список «стародумцев» одержал победу на городских выборах 1913 г. Их установка на создание довольно эклектичной коалиции мобилизовавшихся и влиятельных групп интересов оказалась более успешной, чем стратегия и тактика прогрессистского блока. При этом поддержка со стороны татар и их лидеров сыграла одну из ключевых ролей в успехе русско-мусульманского беспартийного блока. Напротив, «новодумцам» не удалось в достаточной мере мобилизовать избирателей вокруг территориальных интересов и обобщенных программных установок.

В новой думе в силу преобладания представителей победившего русско-мусульманского блока усилились настроения по отказу от некоторых созданных или запланированных предыдущим составом думы элементов муниципального хозяйства по причине дорогоизны их содержания, неэффективности или нехватки необходимых кадров. Так, были намечены отказ от автомобильной техники в пожарном обозе, закрытие утилизационного завода, приостановка работ по созданию городской дамбы. Предложен отказ от общегородского, квалифицированного по составу, но дорогостоящего технического отдела, замена его «опытными» техниками в каждой части города. В целом проявилась тенденция на сворачивание значительной части новодумской программы муниципализации городского хозяйства [18. № 143].

Подводя итог, отметим, что текущие процессы модернизации, их незавершенность, гибридность, осложненность разнородностью городского населения стали фактором оформления в начале XX в. среди цензовых горожан, их активной части двух моделей города, своего рода «муниципальных идеологий», и соответствующих практик на уровне городского самоуправления. Один из городских блоков – «новодумцы» – исходил из модели города как целого, исповедовал идеологию и риторику «общего блага», «общественности», «общих интересов». Из этой модели проис текали продвижение муниципализации, технологический и социальный инженеризм, формирование общегородской материальной и институциональной инфраструктуры, актив-

ное регулирование частной сферы, выдвижение на лидерские позиции специалистов и «технократов». Объект и субъект такой политики, помимо города в целом, – горожанин как гражданин города, при относительном игнорировании групповой корпоративности и соответствующей идентичности. Для второго объединения – русско-мусульманского блока – город был совокупностью организованных и влиятельных групп интересов. Соответственно, городское политическое пространство – это площадка согласования интересов тех групп, которые смогли мобилизоваться. Русско-мусульманский блок выступал против «новодумской» стратегии муниципализации городского хозяйства. Во многих отношениях подход русско-мусульманского альянса оказывался более pragmatичным и отвечающим наличным материальным и кадровым возможностям города, более соответствовал относительно слабой сформированности общегородской идентичности, малой привлекательности идеи «общего блага» и, наоборот, сильной приверженности групповым интересам и групповой идентичности. Эта позиция, кроме того, отражала совершенно объективные трудности перехода к полномерному и планомерному городскому хозяйству, дорогоизны его для городского обывателя. Такой подход отражал сохранявшиеся очень различные интересы разных групп, разнородность их социально-экономического, социокультурного и этно-конфессионального статуса, соответствовал гетерогенности даже относительно немногочисленного цензового населения. Для мусульман, татарских элит с их недостаточным участием в сфере «свободных профессий» и инженерно-технической специализации усиление в городе власти и позиций технократов было беспокоящим фактором, несло риски утраты традиционных крепких позиций городского представительства и традиционного межэтноконфессионального баланса. Ставка «новодумцев» для реализации своей программы на расширение своего избирателя, прежде всего окраинного, путем перехода к участковым выборам и территориальному представительству несла угрозу утраты сложившегося и устоявшегося максимально возможного по закону представительства в городском самоуправлении для мусульман-цензовиков. Потому они в лице своих элит сделали ставку на коалицию «групп интересов», которая одержала победу на муниципальных выборах 1913 г. До конца имперского периода этно-конфессиональный фактор играл очень значимую и даже возрастающую по ряду направлений роль в городских экономике, самоуправлении, политике и проектах городского развития.

Список источников

1. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60 – начале 90-х гг. XIX в. Правительственная политика. Л. : Наука, 1984. 260 с.
2. Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX в. СПб. : Наука, 1994. 160 с.
3. Виноградов В.Ю. Становление и развитие городского самоуправления в России в 1870–1914 гг. М. : Экон-Информ, 2005. 388 с.
4. The City in Late Imperial Russia / ed. by M. Hamm. Bloomington : Indiana University Press, 1986. 388 p.
5. Hirschhausen U. von. Die Grenzen der Gemeinsamkeit. Deutsche, Letten, Russen und Juden in Riga 1860–1914. Göttingen : Vandenhoeck and Ruprecht, 2006. 448 S.
6. Meir N.M. Jews, Ukrainians, and Russians in Kiev: Intergroup Relations in Late Imperial Associational // Slavic Review. 2006. Vol. 65 (3). P. 475–501.
7. Weeks T. Vilnius Between Nations, 1795–2000. De Kalb : Northern Illinois University Press. 2015. 366 p.
8. Sifneos E. Imperial Odessa: Peoples, spaces, identities. Leiden ; Boston : Brill, 2018. 286 p.

9. Шаблей П. Российская империя и мусульмане Семипалатинска: дисбаланс власти и неоднородные общества в конце XIX века // *Ab Imperio*. 2019. № 3. С. 47–87.
10. Häfner L. *Stadtdumawahlen und soziale Eliten in Kazan' 1870 bis 1913: Zur rechtlichen Lage und politischen Praxis der lokalen Selbstverwaltung* // *Jahrbucher für Geschichte Osteuropas*. 1996. № 44. S. 217–252.
11. Каплуновский А.П. Казанская мещанская община в пореформенное время // *Вестник Евразии*. 1996. № 2. С. 31–48.
12. Салихов Р.Р. Представительство татар-мусульман в выборных органах местного самоуправления в Казани на рубеже XIX–XX вв. // *Панорама-форум*. 1997. № S12. С. 102–116.
13. Зорин А.Н., Зорин Н.В., Каплуновский А.П. и др. *Очерки городского быта дореволюционного Поволжья*. Ульяновск : Средневолжский науч. центр, 2000. 601 с.
14. Бадретдинов Т.З. Городское самоуправление Казанской губернии в начале XX века: выборы, структура, общественно-политическая деятельность, 1905–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002. 264 с.
15. Häfner L. *Gesellschaft als lokale Veranstaltung. Die Wolgastädte Kazan' und Saratov (1870–1914)*. Köln : Böhlau Verlag, 2004. 594 S.
16. Geraci R.P. *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. Ithaca ; London : Cornell University Press, 2001. XVIII, 389 p.
17. Казанский телеграф. 1913.
18. Камско-Волжская речь. 1913.
19. Заманова Г.Р. Городское самоуправление в Казани (1870–1904) : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002. 225 с.
20. Журналы и протоколы заседаний Казанской городской думы за 1904 год. Казань : Казанская гор. дума, 1907. XXII, 743 с.
21. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб. : ЦСК МВД, 1903. [4], XVI, 284 с.
22. Протоколы заседаний Казанской городской думы за первую половину 1887 года. Казань : Казанская гор. дума, 1887. XVI, 541 с.
23. Журналы и протоколы заседаний Казанской городской думы и доклады управы за 1908 год. Казань : Казанская гор. дума, 1910. 15, 401 с.

References

1. Nardova, V.A. (1984) *Gorodskoe samoupravlenie v Rossii v 60 – nachale 90-kh gg. XIX v. Pravitel'stvennaya politika* [Urban government in Russia in the 1960s – early 1990s. The government policy]. Leningrad: Nauka.
2. Nardova, V.A. (1994) *Samoderzhavie i gorodskie dumy v Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* [Autocracy and City Dumas in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries]. St. Petersburg: Nauka.
3. Vinogradov, V.Yu. (2005) *Stanovlenie i razvitiye gorodskogo samoupravleniya v Rossii v 1870–1914 gg.* [Formation and Development of Urban Self-government in Russia in 1870–1914]. Moscow: Ekon-Inform
4. Hamm, M. (ed.) (1986) *The City in Late Imperial Russia*. Bloomington: Indiana University Press.
5. Hirschhausen, U. von (2006) *Die Grenzen der Gemeinsamkeit. Deutsche, Letten, Russen und Juden in Riga 1860–1914*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht.
6. Meir, N.M. (2006) Jews, Ukrainians, and Russians in Kiev: Intergroup Relations in Late Imperial Associational. *Slavic Review*. 65(3). pp. 475–501.
7. Weeks, T. (2015) *Vilnius Between Nations, 1795–2000*. De Kalb: Northern Illinois University Press.
8. Sifneos, E. (2018) *Imperial Odessa: Peoples, Spaces, Identities*. Leiden; Boston: Brill.
9. Shabley, P. (2019) The Russian Empire and the Semipalatinsk Muslims: Power Imbalance and Heterogeneous Societies at the End of the 19th Century. *Ab Imperio*. 3. pp. 47–87. (In Russian).
10. Häfner, L. (1996) *Stadtdumawahlen und soziale Eliten in Kazan' 1870 bis 1913: Zur rechtlichen Lage und politischen Praxis der lokalen Selbstverwaltung*. *Jahrbucher für Geschichte Osteuropas*. 44. pp. 217–252.
11. Kaplunovskii, A.P. (1996) *Kazanskaya meshchanskaia obshchina v poreformennoe vremya* [Kazan lower middle-class community in the post-reform period]. *Vestnik Evrazii*. 2. pp. 31–48.
12. Salikhov, P.P. (1997) *Predstavitel'stvo tatar-musul'man v vyboryakh organakh mestnogo samoupravleniya v Kazani na rubezhe XIX–XX vv.* [Representation of Muslim Tatars in elected bodies of local self-government in Kazan at the turn of the 19th – 20th centuries]. *Panorama-forum*. S12. pp. 102–116.
13. Zorin, A.N., Zorin, N.V., Kaplunovskii, A.P. et al. (2000) *Ocherki gorodskogo byta dorevolyutsionnogo Povolzh'ya* [Essays on the Urban Life of the Pre-Revolutionary Volga Region]. Ulyanovsk: Srednevolzhskiy nauch. tsentr.
14. Badrtdinov, T.Z. (2002) *Gorodskoe samoupravlenie Kazanskoy gubernii v nachale XX veka: vybory, struktura, obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost', 1905–1917 gg.* [Municipal self-government of Kazan province in the early 20th century: elections, structure, social, and political activity, 1905–1917]. History Cand. Diss. Kazan.
15. Häfner L. (2004) *Gesellschaft als lokale Veranstaltung. Die Wolgastädte Kazan' und Saratov (1870–1914)*. Köln: Böhlau Verlag.
16. Geraci, R.P. (2001) *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. Ithaca and London: Cornell University Press.
17. *Kazanskiy telegraf*. (1913)
18. *Kamsko-Volzhskaya rech'*. (1913)
19. Zamanova, G.R. (2002) *Gorodskoe samoupravlenie v Kazani (1870–1904)* [Municipal government in Kazan (1870–1904)]. History Cand. Diss. Kazan.
20. Kazan City Duma. (1907) *Zhurnaly i protokoly zasedaniy Kazanskoy gorodskoy dumy za 1904 god* [Journals and minutes of meetings of the Kazan City Duma for 1904]. Kazan: Kazan City Duma.
21. Troybitskiy, N.A. (ed.) (1903) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. Kazanskaya guberniya* [The first General census of the population of the Russian Empire in 1897, Kazan province]. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs.
22. Kazan City Duma. (1887) *Protokoly zasedaniy Kazanskoy gorodskoy dumy za pervuyu polovinu 1887 goda* [Minutes of meetings of the Kazan City Duma for the first half of 1887]. Kazan: Kazan City Duma.
23. Kazan City Duma. (1910) *Zhurnaly i protokoly zasedaniy Kazanskoy gorodskoy dumy za 1908 god* [Journals and minutes of meetings of the Kazan City Duma for 1908]. Kazan: Kazan City Duma.

Сведения об авторе:

Верняев Игорь Иванович – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: i.verniaev@spbu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Vernyaev Igor I. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: i.verniaev@spbu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.11.2020; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 10.11.2020; accepted for publication 06.05.2022

Научная статья

УДК 050:94(571.16)"19/20"

doi: 10.17223/19988613/77/2

Периодическая печать Томска в 1990-е гг.: анализ динамики развития

Валерия Андреевна Войтикова

Томский государственный университет, Томск, Россия

Средняя школа № 37, Томск, Россия

gruzdevavalerya@yandex.ru

Аннотация. Анализируются изменения рынка прессы Томска в 1990-е гг. вследствие экономической нестабильности и бурного развития альтернативных средств массовой информации. Выявлено, что трансформация медиасфера значительно повлияла на процесс реорганизации газетной периодики города и стала стимулом к обновлению «старых» изданий. Спектр газетных изданий Томска расширился: появилось большое количество узкоспециализированной прессы. Автор акцентирует внимание на том, что газетный рынок Томска развивался, несмотря на расширение и популяризацию среди населения «новых» средств массовой информации, высокой конкуренции за аудиторию.

Ключевые слова: газеты, периодическая печать, медиасфера, читательская аудитория, приложения

Для цитирования: Войтикова В.А. Периодическая печать Томска в 1990-е гг.: анализ динамики развития // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 12–19. doi: 10.17223/19988613/77/2

Original article

The periodical press of Tomsk in the 1990s: an analysis of the dynamics of development

Valeriya A. Voytikova

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Secondary school № 37, Tomsk, Russian Federation

gruzdevavalerya@yandex.ru

Abstract. The article analyzes changes in the press market in the 1990s due to economic instability and rapid development of alternative media. The subject of the research is the peculiarities of the development of newspaper periodicals in the period of the 1990s. The aim of the article is to analyze the dynamics and to reveal the tendencies, which were typical of the print media in this period. The research is based on the transcripts of microphone materials kept in the State Archive of the Tomsk region and the materials of periodical press (newspapers «Krasnoe Znamya», «Narodnaya Tribuna», «Tomsky Vestnik», and others).

Comprehension of peculiarities of transformations that occurred with newspaper periodicals of the 1990s should become an important component in the systematic study of Tomsk media sphere. The article characterizes the changes in the structure of the media sphere, noting a significant increase in the number of non-state media. Competition with other media and difficult economic conditions of the market became the factors contributing to the difficult situation with the newspaper periodicals.

In the course of the study, changes in the newspaper press market have been analyzed. As a result, publications that were closed in the 1990s (e.g., «Tomsk Youth Express», «Tomsk Spectator»), publications that were published in the Soviet period and continued in the 1990s (e.g., Krasnoye Znamya) and new Tomsk newspaper publications (e.g., «Vam», «Delo», «Reklama») have been covered.

The author comes to the following conclusions. The number of publications that appeared before the 1990s and continued to exist at that time and of the ones that appeared in the 1990s is much higher than those that disappeared from the market of printed products of Tomsk. The thematic range of publications expanded.

Transformation of the media sphere had a significant impact on the process of reorganization of newspaper periodicals, became an incentive to update the "old" editions. As a result, there were serious changes in the information policy of newspapers. Thus, institutional, compositional and graphic, and thematic changes are covered in the article. The editorial policies of the newspapers, which changed under the new economic conditions, contributed to the transformation of many newspapers into successful market publications.

One of the most important trends of the period was the symbiosis of journalism and commercial advertising which became the main source of survival for many publications.

The diversity of new publications intended for different groups of readership, their preservation and successful existence under market conditions, and the tendency to grow in a difficult material existence allow us to conclude that the newspaper press successfully overcame the period of the 1990s.

Keywords: newspapers, periodical press, media sphere, readership, applications

For citation: Voytikova, V.A. (2022) The periodical press of Tomsk in the 1990s: an analysis of the dynamics of development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History.* 77. pp. 12–19. doi: 10.17223/19988613/77/2

Общественно-политические изменения периода 1990-х гг. оказали существенное влияние на становление и развитие средств массовой информации г. Томска. В этот период СМИ стали не просто отдельным политическим фактором, «площадкой» для политического дискурса, но и пространством свободного комментирования и формирования «повестки дня». Многие отрицательные черты, присущие советской системе, стали проникать в поле общественного обсуждения (в основном через прессу). По мнению Р.П. Овсепяна, «никогда прежде однопартийная советская журналистика не сталкивалась с необходимостью объективного отражения многочисленных проблем, рожденных новым политическим и экономическим мышлением» [1. С. 198].

На сегодняшний день в научной среде не изучено в достаточной степени развитие медиасфера и ее сегментов в 1990-е гг. Во-первых, это обусловлено во многом тем, что медиаконтент данного периода слабо репрезентативен в СМИ. Например, микрофонные материалы радиопередач находятся лишь в архиве, практически отсутствуют источники личного происхождения в рамках указанной тематики. В данный момент отсутствует и систематизированная развернутая история развития средств массовой информации Томска в 1990-е гг. Во-вторых, по мнению автора, не всегда исследователи четко разграничивают схожие термины «медиасфера», «медиасистема», «медиасреда» и т.п. Данный аспект усложняется междисциплинарностью исследований СМИ. К настоящему времени одной из необходимых задач является задача фиксации и выстраивания событийной и фактологической истории томских СМИ. Недавняя современность становится ускользающим от исследовательского внимания прошлым.

Периодическая печать является важнейшим сегментом медиасферы. В понимании автора, осмысление изменений периодической печати 1990-х гг. должно стать важной составляющей в системном изучении медиасферы Томска. Исследование ее истории дает возможность понимания законов функционирования, тенденций развития в 1990-е гг. Без анализа трансформаций традиционных и новых медиа на рубеже веков невозможно понять современное состояние средств массовой информации города и перспективы их развития в будущем.

Исследователями сделаны серьезные шаги в изучении функционирования медиасферы России и ее городов, но лишь в рамках отдельных сюжетов. Важнейшей работой в данном направлении является статья А.В. Чернова о выделении специальной проблемной области исследований медиарегионалистики [2]. Она важна не только для понимания процессов, протекаю-

щих в массмедиа региона, но и для оценки ключевых социально-экономических факторов региона.

Медиасфера как самостоятельный объект изучения встречается редко. Учебный текст И.П. Яковлева «Стратегическое управление медиасферой» – фактически единственная обобщающая работа, посвященная медиасфере как системе средств массовой коммуникации [3]. Автором выделяются характеристики медиасферы, стратегии ее развития как на уровне страны, так и на уровне регионов.

Монография И.В. Лизуновой внесла серьезный вклад в изучение средств массовой информации Сибири и Дальнего Востока в российском медиапространстве на рубеже XX–XXI вв. [4]. Важное место в этой работе и других ее публикациях занимает периодическая печать. И.В. Лизунова отмечает, что объективные факторы, такие как огромная территория страны, низкая плотность населения, низкая покупательная способность, привели к тому, что рынок печати развивался в регионах крайне неравномерно [5]. Соответственно, говорить о развитости региональных рынков печати на рубеже веков преждевременно.

Н.В. Жилякова отмечает, что томская журналистика прошла те же важнейшие этапы трансформации медиасистемы, что и другие крупные регионы: расширение типологического спектра изданий, коммерциализацию прессы, появление независимых СМИ, передел рынка между общественно-политическими и рекламными изданиями и т.д. Однако Томск выделялся особым характером взаимодействия власти и СМИ [6. С. 58].

Несмотря на возросший интерес исследователей к тематике медиа, вопрос влияния общественных трансформаций периода 1990-х гг. на средства массовой информации, число которых значительно возросло в регионах, практически не рассматривался. Новизна данной работы заключается в исследовании отражения процессов трансформации периода 1990-х гг. на периодическую печать г. Томска. Цель статьи – анализ динамики и выявление тенденций, характерных для печатных СМИ в этот период.

В 1990-е гг. медиасфера, понимаемая автором как информационное пространство, в котором происходит владение различными субъектами соответствующими медиаресурсами [7. С. 206], только начала выстраиваться в сферу общественных отношений. Ресурсами могут быть каналы, газетные издания, ТВ-студии и т.д. Огромное значение в концепте «медиасфера» придается информационному пространству, определенным идеям и смыслам, наполняющим это пространство.

Исчезновение монополии многих традиционных массмедиа на передачу и распространение информации привело к тому, что рынок для части медиаресурс-

сов расширился. Во многом на это повлиял «Закон о печати и других средствах массовой информации» [8], который означал прекращение государственной монополии на информацию и начало процесса создания медиа не только различными организациями, но и отдельными гражданами.

В Томской области в этот период осуществляло вещание большое количество федеральных телекомпаний (Первый канал; НТВ / СТ-7; Рен ТВ / ТВ-2; СТС / Открытое ТВ; Спорт / ГТРК; ТНТ / НТСЦ; Россия; ДТВ / 22 канал и др.) [9. С. 129], а также 9 муниципальных телекомпаний. Кроме того, возникло большое количество мелких студий кабельного телевидения (как муниципальных, так и частных кабельных сетей), рекламных и деловых агентств. В начале 1990-х гг. в Томске появилось агентство деловой информации, на базе которого была создана компания «Томика», сегодня предоставляющая интернет-услуги.

Рынок конкурентных медиаизданий значительно расширился с середины 1990-х гг. за счет появления негосударственных телекомпаний, таких как Студия-Т, ТВ-2, а также развития негосударственного радиовещания. Независимые телекомпании сразу приобрели популярность среди населения: «На 1 сентября 1992 г. свои симпатии телеканалу ТВ-2 выразили около 500 тыс. зрителей» [10. Л. 1]. Впоследствии у многих телеканалов появились и рекламные агентства. У ТВ-2 оно сформировалось в ноябре 1992 г. Ролики производства ТВ-2 заслужили очень хорошие отзывы на фестивалях и семинарах в Новосибирске, Красноярске, Алма-Ате, Москве и других городах. Всего в Томске к началу XXI в. действовало 15 телекомпаний и телестудий, в большинстве своем частных структур [4. С. 74].

В 1990-е гг. на медиарынке Томского радиовещания возникли такие компании, как «Радио Сибирь» (лидер радиовещания), «ТВ-2 Радио», а также ГТРК «Томск» («Радио России»). В эти же годы произошло расширение крупных центральных медиакомпаний (например, «Эхо Москвы», «Радио России» и т.д.) на региональное телерадиовещательное пространство. Серьезную конкуренцию составляли и информационные агентства. Их преимущество обусловливалось большей оперативностью поступления информации для томской общественности в сравнении с газетами.

Вышеперечисленные изменения в структуре медиасфера не могли не сказаться на положении томской прессы. В начале 1990-х гг. произошло сокращение газетной периодики в структуре массмедиа, она стала занимать более скромное место в сравнении с предшествующими годами, произошел отток читательской аудитории. Усилился этот процесс благодаря безвозмездному доступу к телевизионной информации, интересу к телевидению: цветной телевизор перестал быть роскошью для большинства семей. Уходило в прошлое и доверие читателей, газета перестала восприниматься читательской аудиторией как источник, способный повлиять на решение бытовых проблем граждан в условиях кризиса власти. Однако развитие «новых медиа» не могло привести к полному исключению, отказу от традиционных СМИ, в частности газет, учитывая их возможности, например адресную доставку.

Рост числа «новых» медиа стал лишь одним из объективных факторов тяжелого положения газетной периодики. Большую роль играла и экономическая конъюнктура рынка. Газетные издания оказались в ситуации сокращенного финансирования, высокой инфляции, высоких типографических расходов. Под заголовком «Кому жировать на похоронах» в «Красном знамени» была опубликована статья редактора газеты Владимира Алексеевича Иванова. Автор отмечал, что область лишается самой массовой ежедневной независимой газеты из-за высокой стоимости бумаги. «В начале 1990 г. газетная бумага стоила 280 рублей за тонну... Цена бумаги повысилась более чем в 50 раз» [11. Л. 80].

Большинство газет в этих условиях было вынуждено повышать цену. Это стало тенденцией практически для всех изданий. Начатые в 1992 г. экономические реформы, либерализация цен привели к ситуации подписного кризиса. Один из читателей газеты «Народная трибуна» утверждал: «Если в прошлые годы люди подписывались на 4–5 изданий, а многие и на более десяти, то нынче и одно не все осиливают. Гласность можно задушить не только цензурой, но и ценами, что делается с большим успехом» [12. Л. 155].

Еще одной тенденцией изучаемого периода стало резкое снижение тиражей. Например, у газеты «Красное знамя» в середине 1990 г. он составлял 199 тыс. экземпляров, в январе 1991 г. упал на 43% – до 107 тыс. экземпляров [13. С. 35]. В 1990-е гг. тираж еще сильнее снизился и достиг менее 50 тыс. экземпляров. При этом заметно возросла цена на издание (более чем в 10 раз). Сокращалась и периодичность выхода большинства изданий: например, газета «Красное знамя», которая до начала 1990-х гг. была ежедневной, в рассматриваемый период стала выходить несколько раз в неделю. Начало активной реализации прессы в розницу привело к еще большему оттоку читателей.

Низкая покупательная способность населения при отсутствии широкой государственной поддержки приводила к двум противоположным процессам. С одной стороны, рыночные отношения повлекли закрытие многотиражных газет предприятий, а также различных других наиболее крупных изданий. Например, в 1991 г. был закрыт еженедельник экрана, театра и музыки «Томский зритель», возобновленный в 1989 г. Такая же участь постигла областную комсомольскую газету «Молодой ленинец», основанную в 1951 г. и преобразованную в 1990 г. в «Томский молодежный экспресс» («ТМ-экспресс»). В начале 1990-х гг. она значительно потеряла в тираже. Например, во втором полугодии 1992 г. тираж сократился более чем в три раза [14. Л. 78]. Коллектив редакции просил о помощи главу областной администрации В.М. Кресса, который обратился к жителям области: «Надо помочь газете», – поскольку средств во внебюджетном фонде администрации не было. Несмотря на приложенные усилия, не смогли помочь и учредители «ТМ-экспресса», среди которых были крупнейшие предприятия, такие как «Сибхимкомбинат», «Томсоцбанк». В итоге газета прекратила существование с января 1993 г.

Огромные усилия прилагали местные власти для того, чтобы сохранить и другие областные и городские

издания, например демократическую газету «Народная трибуна» (редактор Ю.И. Гришаев). В 1992 г. члены Томского комитета поддержки российских реформ на одном из заседаний выступили в поддержку газеты. Было решено обратиться с письмом к администрации области о скорейшем выделении «Народной трибуны» 360 тыс. рублей в квартал обещанной дотации, продолжить сбор подписей и средств в поддержку газеты. Кроме того, поручить народному депутату России А.В. Кобзеву обратиться в комитет по гласности Верховного Совета, к министру информации М.Н. Полторанину с изложением ситуации вокруг газеты «Народная трибуна» [15. Л. 213].

В октябре 1992 г. на сессии Малого совета Томского областного Совета было решено профинансировать расходы на газету в объеме 3 млн руб., комиссии по гласности и и.о. председателя совета Г.А. Шамину совместно с коллективом газеты «Народная трибуна» подготовить учредительный договор [16. Л. 172]. Ранее помочь газете оказывали и руководство томского облпотребсоюза, перечислив на расчетный счет «Народной трибуны» 20 тыс. руб., и торгово-производственного объединение «Томлесторг», внесший вклад также в размере 20 тыс. рублей [17. Л. 124].

Примечательно, что цена подписки на газету, например в 1992 г., была невысокой: на полугодие она составляла 78 руб., на квартал 39 руб., на месяц 13 руб. Сравним с газетой «Красное знамя»: подписная цена вместе с услугами связи на «Красное знамя» 360 руб. на полгода, 180 на три месяца, 60 руб. на месяц. Однако, несмотря на невысокую цену подписки, помочь властей, сохранить газету в конечном итоге не удалось, и она прекратила выход в 1995 г.

Помощь оказывалась и городскому изданию «Томский вестник»: например, в первом квартале 1992 г. горсовет выделил «Томскому вестнику» 1 млн руб., во втором – более 2 млн руб. [18. Л. 76]. Помощь выражалась не только в материальной форме, но и в бесплатной подписке на «Томский вестник», которая была организована за счет средств городского фонда социальной поддержки населения.

Кризис постиг практически все газетные издания. Исходя из микрофонных материалов радиопередач, можно сделать вывод, что «Красному знамени» средств, вырученных от подписки, хватило бы не более чем на 2 месяца. В этих условиях облпотребсоюз перечислил в «Фонд спасения газеты» 20 тыс. руб. [19. Л. 7]. Сами читатели также переводили денежные средства, например семья Пастуховых, Е.И. Сутулов, Т.Н. Грехова, М.В. Трифонов, Г.С. Кинозерова.

Для изменения положения прессы 24 ноября 1995 г. был принят Федеральный закон «Об экономической поддержке районных (городских) газет» [20. Ст. 4559], который был направлен на поддержку местной прессы, облегчение материального положения газет. В действительности же он не решил вышеизложенных проблем, с которыми столкнулась пресса еще в период поздней перестройки.

С другой стороны, несмотря на существование в нестабильных, тяжелых материальных условиях, именно в данный период возникло много негосударственных

органов печати. Хотя важнейшее место в структуре газетной периодики Томска 1990-х гг. принадлежало областной газете «Красное знамя» (возникла в 1917 г.), серьезную конкуренцию ему составили новые массовые общественно-политические газетные издания: «Томская неделя», «Вечерний Томск» и особенно созданный в июне 1990 г. «Томский вестник». Выпустив с июня по декабрь 1990 г. всего 9 номеров, городская газета спустя несколько лет не только повысила периодичность выхода, став ежедневной, но и получила статус областной, в то время как газета «Красное знамя» значительно потеряла в тираже и сократила периодичность выхода до нескольких раз в неделю. Кроме того, именно в этот период «Томский вестник» был включен в каталог российских газет, предназначенных для дипломатического корпуса, корреспондентских пунктов иностранных издательств, аккредитованных в Москве, а также для распространения за пределами СНГ. Московское агентство обзора прессы What the Papers предложило «Томскому вестнику» сотрудничество, предполагавшее публикацию материалов томской городской газеты в реферативном обзоре российской региональной прессы, который будет выходить на английском языке [21. Л. 60]. Критические публикации, вопросы многопартийности, широкое обсуждение запретных тем и оппозиционных движений придавали новой для Томска газете свой собственный новаторский стиль.

Если ранее газеты принадлежали властным структурам, осуществлявшим финансирование изданий, например газета «Томский вестник» была органом городского совета народных депутатов, то в постсоветский период многие стали принадлежать местной бизнес-элите, коллективам редакции и даже частным лицам. Так, 23 августа 1991 г. редакция «Красного знамени» начала свою самостоятельную деятельность, выйдя из состава издательства «Красное знамя». По словам корреспондента газеты В.И. Федорова, «...оно [Красное знамя] было партийным и лишалось средств финансирования. Не было смысла оставаться» [13. С. 80]. Закрытое акционерное общество «Редакция “Красное знамя”» было создано путем реорганизации Товарищества с ограниченной ответственностью «Редакция газеты “Красное знамя”», являясь при этом полным правопреемником. На протяжении 1990-х гг. газета «Красное знамя» сохранила ведущее положение среди других газетных изданий. Примечательно, что газета, сменив учредителя, сохранила свое название, в отличие от многих других. Например, газета Асиновского района «Причулымская правда» стала называться «Наше Причулымье» (с 1992 г.), газета Кривошеинского района «Ленинский путь» получила название «Районные вести», «Правда Ильича», издававшаяся Томским районом (с 1956 г.), стала называться «Томское предместье». Смена названий стала тенденцией времени.

С началом процессов коммерциализации в Томске заметно стремительное увеличение узкоспециализированной прессы. Многие издания стали выпускаться журналистами, которые покинули свои издания. Так, в начале 1990-х гг. возникли газеты бывшего журналиста «Красного знамени» С. Балашова «Вам», посвя-

щенная экономической жизни региона, рекламно-информационная газета издательства «Красное знамя» «Утро» (выпуск до 1992 г.; главный редактор – бывший журналист газеты «Красное знамя» Г. Скарлыгин).

В 1990 г. вышел первый номер газеты «Республика» (газета томского отделения Республиканской партии). Она была наполнена статьями, в которых критиковались властные структуры. Регулярно использовались заголовки к статьям, подрывающие авторитет партии, например: «Надо помочь Горбачеву достойно уйти в историю»; «Коммунистическая идеология стала главной причиной многочисленных бед и трагедий российского народа» [22. С. 68]. В начале 1990-х гг. газета сотрудничала с «Томским вестником», в котором публиковались многие ее материалы.

В рассматриваемый период произошел всплеск интереса к краеведческой периодике: была выпущена газета писательской организации «Сибирские Афины».

Был возобновлен выпуск издания «Томские православные ведомости». В 1992 г. вышел первый номер газеты «Знамя мира» (редактор Г.С. Горчаков, издатель концерн «Алькор»).

Число изданий возрастало с каждым годом. Расширялся и их тематический спектр. Возникли газета УВД Томской области «Досье», газета в поддержку предпринимателей и новых экономических реформ «Дело» (до 1995 г.), политическая газета «Голос труда» (выходила в начале 1990-х гг.), общественно-политическое издание «Все для Вас» (1993), медицинское издание «На здоровье» (1998), информационно-рекламная «Антенна в Томске» (с 1994 г.), газета для садоводов и огородников «Хозяин» (1999) – проект газеты «Томский вестник», «Вакансии недели» (1999) – издание, ориентированное на выпускников Томского государственного университета, «Из рук в руки» (1999) и многие другие, представленные в таблице.

Динамика томских газет в 1990-е годы*

Издания, выходившие в советский период и прекращенные в 1990-е гг.	Издания, выходившие в советский период и продолженные в 1990-х гг.	Издания, возникшие в 1990-е гг.
Многотиражные: 1) «На стройках Томска» 2) «За ударные темпы» 3) «Новые фильмы» 4) «Судостроитель» Еженедельники: 5) «Томский зритель» 6) «Молодой Ленинец» 7) «Народная трибуна»	1) «Красное знамя» 2) «Действие» 3) Alma mater 4) «За кадры» 5) «За строительные кадры» 6) «Знамя труда» 7) «Лампочка» 8) «Новая техника» 9) «Рабочая трибуна» 10) «Радиоэлектронник» 11) «Томский инструментальщик» 12) «Томский медик» 13) «Томский нефтехимик» 14) «Томский учитель» 15) «Электротехник»	1) «Томский вестник» (1990) 2) «Вам» (1990) 3) «Республика» (1990) 4) «Утро» (1991) 5) «Дело» (1991) 6) «Домостроитель» (1991) 7) «Буфф сад» (1992) 8) «Комиссионка» (1992) 9) «Знамя мира» (1992) 10) «Томская неделя» (1993) 11) «Сибирские Афины» (1993) 12) «Бизнес» (1994) 13) «Рекламный дайджест» (1994) 14) «Ева» (1994) 15) «Все для Вас» (1995) 16) «Авторынок» (1996) 17) «Бизнес Практика» (1996) 18) «Сибирский вестник психиатрии и наркологии» (1996) 19) «Рынок недвижимости» (1996) 20) «Ва-банк» (1997) 21) «Жилсовет» (1997) 22) «МК в Томске» (1997) 23) «Реклама» (1997) 24) «Честное слово» (1997) 25) «На здоровье» (1998) 26) «НЕГОЦИАНТЪ» (1998) 27) «Желтые страницы – Томстелеком» (1998) 28) «Томский оптовик» (1998) 29) «Компьютеры и связь» (1998) 30) «Все для дома» (1999) 31) «Вестник НКО» (1999) 32) «Вакансии для всех» (1999) 33) «Вечерний Томск» (1999) 34) «Курьер. Пресс» (1999) 35) «Ваше здоровье» (1999), 36) «Стройка» (1999), 37) «Авторегион» (1999) 38) «Ваше здоровье» (1999), 39) «Дом Польский» (1999)

* Подсчеты автора.

В 1990-е гг. Томск пополнился многими рекламными изданиями. С 1994 г. холдинг «Рекламный дайджест» стал выпускать газету «Рекламный дайджест», а с 1997 г. – газету «Реклама» (издается до настоящего

времени). Выпуск рекламной прессы в эти годы (газеты «Ва-банк», «Аукцион-Онлайн») можно отметить как достаточно успешный проект. Это подтверждали высокие тиражи (каждый продукт – больше 100 тыс. экз.).

высокий охват читательской аудитории. Достаточно конкурентоспособными представителями на рынке газетной периодики стали платные рекламные издания «Комиссионка», возникшая с 1992 г. и вошедшая в состав газеты «Томская неделя», «Курьер», «Из рук в руки» (тираж более 7 тыс. экз.).

Отдельно стоит остановиться на более крупных томских изданиях, возникших в этот период. В 1993 г. в Томске появилась первая независимая социально-политическая газета «Томская неделя», учрежденная ООО «Томская неделя» во главе с политиком Олегом Николаевичем Плетневым. Это было достаточно широкое по спектру тем издание, нередко в газете размещались критические публикации. Неоднократно газета признавалась лучшим общественно-политическим изданием на различных конкурсах прессы. Появление подобной независимой газеты можно отметить как положительный факт, так как, помимо относительно независимой редакторской позиции в отношении многих материалов, газета составила конкуренцию двум ведущим региональным изданиям, тем самым заставляя их улучшать собственный контент, борясь за аудиторию (тираж «Томской недели» составлял около 20 тыс. экз.; в основном реализация происходила по подписке).

С 1995 г. стало издаваться региональное приложение к газете «Комсомольская правда» «Экстра-КП». В эти годы впервые в регионе появилась сетевая газета «МК в Томске», а также первый глянцево-гламурный журнал «У всех на устах», выпущенный в 1996 г. (выпуск был прекращен уже в 1998 г.).

Если обратить внимание на период существования многих изданий, он был достаточно недолгим. Это обусловливалось не только функционированием в сложных материальных условиях, но и отсутствием своевременной корректировки редакционной политики в условиях недостаточного аудиторного внимания. Стоит отметить, что тираж газет также был небольшим (в основном не более 5 тыс.), часть изданий была в форме приложений. Однако можно констатировать, что рынок был хорошо насыщен. Это подтверждает и приведенная выше таблица.

Существование прессы в непростых экономических условиях, в конкурентных отношениях между собой и другими видами медиа, привело к серьезным изменениям в редакционной политике большей части газет, что способствовало сохранению части изданий. Трансформации, происходившие в медиасфере Томска, стали катализатором процесса реорганизации системы периодической печати, стимулом к обновлению «старых» изданий. Непросто пришлось и новым изданиям, вынужденным искать свой собственный формат, который бы удовлетворял потребности различных групп читательской аудитории.

Можно выделить следующие типы изменений в информационной политике ряда газет: институциональные (газета «Красное знамя» из органа областного комитета КПСС стала независимой общественно-политической газетой), композиционно-графические (большинство изданий наполнилось иллюстративным материалом, появились колонки для новых рубрик,

особое внимание стало уделяться фотографиям к репортажам). Особое место занимают тематические изменения. В прошлое ушло многостраничное описание партийных событий, исчезли многословные статьи на экономические темы. Для сохранения своей аудитории редакторы старались освещать как можно больше разноплановых событий, писать о бизнесе, о деловых людях, которым посвящались отдельные рубрики и даже тематические страницы. Регулярно публиковались материалы, посвященные предвыборным кампаниям, политическим партиям, отдельным кандидатам. Нередко им отводились целые газетные полосы.

Появилось большое количество материалов о различных явлениях и именах, ранее не освещавшихся по идеологическим соображениям. Расширилась палитра мнений по различным спорным вопросам. Стала более выраженной авторская позиция. В целом газеты стали более информативными. Это проявлялось и в увеличивающемся количестве рубрик. В ряде рубрик (например, «Вопросы по существу» газеты «Красное знамя») читатели могли задать интересующие их вопросы, предложить темы для обсуждения. Таким образом, конкуренция за медиапространство и аудиторию вводила новые формы работы с читателем.

Значительная часть газетных полос начала заполняться рекламой, которая, как и в дореволюционный период, стала одним из основных источников финансирования газет; например, для таких газет как «Томский вестник», «Красное знамя», которые лишились финансирования властей. Но, несмотря на повсеместное использование рекламы не только в рекламно-информационных, но и общественно-политических изданиях, анализ газетной периодики показывает, что заработка на рекламе не был основной статьей доходов. Газеты имели дополнительные меры поддержки – льготные тарифы, которые служили фактором увеличения подписки, снизившейся с начала 1990-х гг. Льготная подписка в основном была характерна для районных изданий и двух основных общественно-политических изданий – «Красного знамения» и «Томского вестника». Большинство газет города реализовывалось в розницу.

Одной из тенденций развития прессы в 1990-е гг. стало появление у различных изданий приложений, за счет которых происходил рост узкоспециализированной газетной прессы. Их наличие, во-первых, обеспечивало дополнительную аудиторию читателей в условиях расширения газетного рынка, во-вторых, позволяло получать дополнительное финансирование за счет размещения рекламы. У газеты «Красное знамя» одной из первых появилось полноценное рекламно-информационное приложение «Пятница» (с января 1991 г.), которое реализовывалось в розницу и по подписке. В 1990-е гг. выходили такие приложения, как «Выходной», «Ева» (для женской аудитории), в 2000-е гг. появилось приложение «Бизнес». «Томский вестник», второе по тиражу издание, имел приложения «Баучер», «Буфф-сад», «Хозяин», «День добрый», «Вместе», предназначенное для школьников, историко-краеведческое приложение «Елань». Появление такого количества приложений у одного изда-

ния можно отметить как положительную тенденцию: конкуренция со многими изданиями мотивировала создавать разнообразный контент, была способом расширения читательской аудитории.

Таким образом, в 1990-е гг. начались серьезные изменения в периодической печати. Процесс реорганизации прессы привел к значительным институциональным, структурным, функциональным и тематическим изменениям. Несмотря на то, что тенденцией начала 1990-х гг. стало закрытие многих газет (например, «Народной трибуны», «Томского молодежного экспресса», «Томского зрителя» и др.), именно в этот период в Томске сформировалась представительная группа рекламно-информационных изданий. Тенденция увеличения количества газетных изданий привела к тому, что палитра газетной периодики в 1990-е гг. была представлена для горожан большим числом разнонаправленных газет: различными спортивными, деловыми, культурными, рекламно-информационными изданиями, а также изданиями для малых аудиторных групп.

На основании представленных данных можно сделать вывод, что количество изданий, возникших до 1990-х гг. и продолживших существование в это время, а также появившихся в 1990-е гг. значительно выше числа тех, которые исчезли с рынка печатной продукции Томска (см. таблицу). Некоторые издания, например «Дело», «Вам», «У всех на устах» и др., существовали относительно недолго, однако подавляющее большинство сумело преодолеть непростые годы и продолжить свою успешную деятельность в новом тысячелетии.

Начавшийся процесс реорганизации медиасфера Томска стал стимулом для изменений газетной перио-

дики, произошло обновление «старых» изданий. Можно констатировать начало перехода традиционной журналистики («партийность газет») к современной, работающей в интересах общественности, ориентирующейся на специфические запросы. Газеты видоизменили свой функционал, публикациям стали присущи разножанровость, полемичность, плюрализм тем. Грамотная редакционная политика изданий способствовала трансформации многих газет в успешные рыночные издания при сохранении их собственного стиля. 1990-е гг. стали не только временем конкуренции «новых» и «старых» медиа, но и плодотворным временем для журналистов.

Одна из важнейших тенденций периода – симбиоз журналистики и коммерческой рекламы. Реклама стала одним из главных источников выживания многих изданий. Существование в городе рекламной прессы, как бесплатной, так и платной, было достаточно успешным и длительным проектом.

Несмотря на непростое материальное положение, высокую конкуренцию с другими медиа, пресса не потеряла своего значения и интереса читательской аудитории. На 1 тыс. жителей области в 2002 г. приходилось около 500 экз. периодических изданий более чем 90 наименований [4. С. 106]. Положительная динамика деятельности изданий отмечается на протяжении всего периода. Многообразие новых изданий, предназначенных для различных групп читательской аудитории, сохранение и успешное существование в рыночных условиях основных газетных изданий, тенденция их роста в сложных материальных условиях позволяют сделать вывод, что газетная пресса успешно преодолела период 1990-х гг.

Список источников

1. Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики: февраль 1917 – начало XXI в. / под ред. Я.Н. Засурского. М. : Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2005. 352 с.
2. Чернов А.В. Возможна ли межрегионалистика как специальная область исследований массмедиа? // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 2. С. 74–78.
3. Яковлев И.П. Стратегическое управление медиасферой : учеб. пособие. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, 2014. 176 с.
4. Лизунова И.В. Средства массовой информации Сибири и Дальнего Востока в российском медиапространстве (90-е ХХ в. – первое десятилетие ХХI в.) / науч. ред. А.Л. Посадсков. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2012. 310 с.
5. Лизунова И.В. Развитие рынка прессы в регионах России в начале ХХI столетия // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 120–124.
6. Жилякова Н.В. Новейшая история Томской журналистики: газеты, журналы и электронные СМИ в периоды «перестройки» и «лихих девяностых» // Век информации. 2020. № 3. С. 58–67.
7. Буряк М.А. Медиасфера: концептуализация понятия // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2014. Вып. 2. С. 200–212.
8. О печати и других средствах массовой информации : закон СССР от 12.06.1990 № 1552-1 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=59#41xFK7TuCtgDU8z>.
9. Бендерский В.В., Хмылов В.Л. История отечественных средств массовой информации : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2006. 150 с.
10. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-2089. Оп. 1. Д. 1: «Да», Газета независимого телеканала ТВ-2.
11. ГАТО. Ф. Р-909. Оп. 5. Д. 2597: Микрофонные материалы радиопередач (25–29 января 1992 г.).
12. ГАТО. Ф. Р-909. Оп. 5. Д. 2678: Микрофонные материалы радиопередач (4–7 октября 1992 г.).
13. Войтикова В.А. Региональная периодика в период перестройки (на примере газет «Красное знамя» и «Томский вестник») : выпускная бакалаврская работа по направлению подготовки 46.03.01 – История и археология. Томск, 2018.
14. ГАТО. Ф. Р-909. Оп. 5. Д. 2652: Микрофонные материалы радиопередач (11–14 июля 1992 г.).
15. ГАТО. Ф. Р-909. Оп. 5. Д. 2607: Микрофонные материалы радиопередач (25–27 февраля 1992 г.).
16. ГАТО. Ф. Р-909. Оп. 5. Д. 2682: Микрофонные материалы радиопередач (19–21 октября 1992 г.).
17. ГАТО. Ф. Р-909. Оп. 5. Д. 2608: Микрофонные материалы радиопередач (28–29 февраля 1992 г.).
18. ГАТО. Ф. Р-909. Оп. 5. Д. 2653: Микрофонные материалы радиопередач (15–17 июля 1992 г.).
19. ГАТО. Ф. Р-909. Оп. 5. Д. 2599: Микрофонные материалы радиопередач (1–4 февраля 1992 г.).
20. Об экономической поддержке районных (городских) газет : федеральный закон от 24.11.1995 № 177-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4559.
21. ГАТО. Ф. Р-909. Оп. 5. Д. 2675: Микрофонные материалы радиопередач (25–28 сентября 1992 г.).
22. Бобкова Н.П. Спектр обсуждаемых политических тем на страницах печатных изданий Томской области 1990–1997 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 3. С. 67–72.

References

1. Hovsepyan, R.P. (2005) *Istoriya noveyshey otechestvennoy zhurnalistikii: fevral' 1917 – nachalo XXI v.* [The history of the latest Russian journalism: February 1917 – early 21st century]. Moscow: Moscow State University.
2. Chernov, A.V. (2014) Media regional studies as the special research area of mass media, is it possible? *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2. pp. 74–78. (In Russian).
3. Yakovlev, I.P. (2014) *Strategicheskoe upravlenie mediasferoy* [Strategic Management of the Media Sphere]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, Higher School of Journalism and Mass Communications.
4. Lizunova, I.V. (2012) *Sredstva massovoy informatsii Sibiri i Dal'nego Vostoka v rossiyskom mediaprostranstve (90-e XX v. – pervoe desyatiletie XXI v.)* [Siberian and Far East Media in the Russian media space (1990s – the first decade of the 21st century)]. Novosibirsk: SB RAS.
5. Lizunova, I.V. (2009) Razvitiye rynka pressy v regionakh Rossii v nachale XXI stoletiya [Development of the media market in Russian regions in the early 21st century]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri.* 3. pp. 120–124.
6. Zhilyakova, N.V. (2020) Noveyshaya istoriya Tomskoy zhurnalistikii: gazety, zhurnaly i elektronnye SMI v periody “perestroyki” i “likhikh devyanostykh” [The latest history of Tomsk journalism: newspapers, magazines, and electronic media during the Perestroika and “Dashing Nineties”]. *Vek informatsii – The Age of Information.* 3. pp. 58–67.
7. Buryak, M.A. (2014) Mediasfera: kontseptualizatsiya ponyatiya [Media sphere: conceptualization of the concept]. *Vestnik SPbGU. Ser. 9.* 2. pp. 200–212.
8. USSR. (1990) *O pechatni i drugikh sredstvakh massovoy informatsii: zakon SSSR ot 12.06.1990 № 1552-1* [On the press and other mass media: USSR Law No. 1552-1 dated June 12, 1990]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=59#41xFK7TuCtgDU8z>.
9. Benderskiy, V.V. & Khmylev, V.L. (2006) *Istoriya otechestvennykh sredstv massovoy informatsii* [History of Russian Mass Media]. Tomsk: Tomsk State University.
10. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-2089. List 1. File 1: “Da”. *Newspaper of the independent TV channel TV-2.*
11. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-909. List 5. File 2597: *Mikrofonnye materialy radioperedach (25–29 yanvarya 1992 g.)* [Microphone materials of radio broadcasts (January 25–29, 1992)].
12. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-909. List 5. File 2678: *Mikrofonnye materialy radioperedach (4–7 oktyabrya 1992 g.)* [Microphone materials of radio broadcasts (October 4–7, 1992)].
13. Voytikova, V.A. (2018) *Regional'naya periodika v period perestroiki (na primere gazet “Krasnoe znamya” i “Tomskiy vestnik”)* [Regional periodicals during the Perestroika (a case study of “Krasnoe znamya” and “Tomskiy Vestnik”)]. Bachelor's Thesis. Tomsk.
14. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-909. List 5. File 2652: *Mikrofonnye materialy radioperedach (11–14 iyulya 1992 g.)* [Microphone materials of radio broadcasts (July 11–14, 1992)].
15. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-909. List 5. File 2607: *Mikrofonnye materialy radioperedach (25–27 fevralya 1992 g.)* [Microphone materials of radio broadcasts (February 25–27, 1992)].
16. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-909. List 5 File 2682: *Mikrofonnye materialy radioperedach (19–21 oktyabrya 1992 g.)* [Microphone materials of radio broadcasts (October 19–21, 1992)].
17. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-909. List 5. File 2608: *Mikrofonnye materialy radioperedach (28–29 fevralya 1992 g.)* [Microphone materials of radio broadcasts (February 28–29, 1992)].
18. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-909. List 5. File 2653: *Mikrofonnye materialy radioperedach (15–17 iyulya 1992 g.)* [Microphone materials of radio broadcasts (July 15–17, 1992)].
19. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-909. List 5 File 2599: *Mikrofonnye materialy radioperedach (1–4 fevralya 1992 g.)* [Microphone materials of radio broadcasts (February 1–4, 1992)].
20. Russian Federation. (1995) *Ob ekonomicheskoy podderzhke rayonnykh (gorodskikh) gazet: federal'nyy zakon ot 24.11.1995 № 177-FZ* [On the economic support of district (city) newspapers: Federal Law No. 177-FZ of November 24, 1995]. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* 48. Art. 4559.
21. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-909. List 5. File 2675: *Mikrofonnye materialy radioperedach (25–28 sentyabrya 1992 g.)* [Microphone materials of radio broadcasts (September 25–28, 1992)].
22. Bobkova, N.P. (2015) Spektr obsuzhdaemykh politicheskikh tem na stranitsakh pechatnykh izdaniy Tomskoy oblasti 1990–1997 gg. [The range of political topics discussed on the pages of printed publications of the Tomsk region in 1990–1997]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History.* 3. pp. 67–72. DOI: 10.17223/19988613/35/10

Сведения об авторе:

Войтикова Валерия Андреевна – аспирант кафедры российской истории Томского государственного университета; учитель истории Средней школы № 37 (Томск, Россия). E-mail: gruzdevavalerya@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Voytikova Valeriya A. – Postgraduate Student of the Department of Russian History of Tomsk State University; History Teacher of Secondary School No. 37 (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gruzdevavalerya@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.04.2022; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 07.04.2022; accepted for publication 06.05.2022

Научная статья

УДК 94(47+57) "1918/1920"

doi: 10.17223/19988613/77/3

Образно-символическая специфика репрезентации Антанты и США в советской печатной пропаганде периода Гражданской войны (1918–1920 гг.)

Кирилл Александрович Конев¹, Егор Андреевич Федосов²

^{1, 2} Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ konev-k-92@rambler.ru

² e.a.fedosov@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается образно-символическая специфика печатной пропаганды большевиков периода 1918–1920 гг. На основе количественного и качественного анализа содержания большевистских газет и плакатов проводится типологизация образов, при помощи которых новая власть формировалась представления о внешнем враге. Анализ образа интервентов как «враждебного Другого», формировавшегося на страницах печати и с помощью плакатной графики, дал возможность охарактеризовать методы и приемы, а также ценностные установки советской пропаганды в данный период.

Ключевые слова: Гражданская война в России, большевики, визуальная пропаганда, периодическая печать, образ врага

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-78-00094.

Для цитирования: Конев К.А., Федосов Е.А. Образно-символическая специфика репрезентации Антанты и США в советской печатной пропаганде периода Гражданской войны (1918–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 20–29. doi: 10.17223/19988613/77/3

Original article

Image and symbolic specificity of the Entente and the United States representation in the Soviet printed propaganda of the Civil War period (1918–1920)

Kirill A. Konev¹, Egor A. Fedosov²

^{1, 2} Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ konev-k-92@rambler.ru

² e.a.fedosov@yandex.ru

Abstract. The aim of this work is to reconstruct the content and define key characteristics and methods of forming the image of an external enemy in the Soviet agitation and propaganda materials during the Civil War (from January 1918 to January 1920). A typology of images is carried out, with the help of which the new government formed ideas about an external enemy, based on a quantitative and qualitative analysis of the content of newspaper publications and poster plots. The analysis of the image of the interventionists as a "hostile Other", which was formed on the pages of the press and with the help of poster graphics, has made it possible to characterize the methods and techniques, as well as the values of the Soviet propaganda in this period.

The methods of forming the image of an external enemy at the textual and figurative-symbolic level did not always have clear boundaries of application, often mixing up within the same message / text - a poster or a newspaper article. Visual images and symbols of various types could be present within the same plot. Mocking and revealing couplets were combined with invocative slogans. A look at the "hostile Other" through the class optics did not exclude the use of a metaphorical language of description, which included zoomorphic images and stereotypical ideas about one or another former allied power. The combination of socio-political and national-symbolic stereotyping, coupled with the use of language and visual techniques for the purpose of dehumanization and ridiculing, made it possible to form a multidimensional image of the enemy. On the one hand, it was the personification and bearer of a system of exploitation and oppression that was hostile to the new Soviet regime. At the same time, it was firmly connected with the internal opponents of the Bolsheviks at the class level. On the other hand, the image was both monolithic (bourgeois states/governments, capitalists / imperialists) and fragmented (individual countries, politicians, governments, interventionist troops). The ambivalence of the hostile image of the interventionists was achieved by using a set of recognizable and easily perceived characteristics. They were based on familiar and replicated language and visual components, as well as on developed, unified and reproducible message-to-message confrontation schemes that were based on class-specific perception of the

current conflict. One could imagine a kind of narrative "about the construction of a new world". The main positive characters of this narrative were the Bolsheviks themselves, the world and Russian proletariat. The former allies were seen as a part of the world imperialist system. No distinction was made between internal and external "counter-revolution". At the same time, the variability of approaches and formats demonstrates a wide range of political metaphors, some of which were dictated not only by the doctrinal principles of the Bolsheviks, but also by a set of archetypal ideas based on deeper mental codes

Keywords: the Civil War in Russia, the Bolsheviks, visual propaganda, periodicals, the image of the enemy

Acknowledgments: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 20-78-00094).

For citation: Konev, K.A., Fedosov, E.A. (2022) Figurative and symbolic specifics of the Representation of the Entente and the United States in the Soviet Printed Propaganda of the Civil War Period (1918–1920). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University Journal of History.* 77. pp. 20–29. doi: 10.17223/19988613/77/3

Вмешательство иностранных государств в российскую Гражданскую войну повлекло за собой не только целый ряд политических, военных и экономических последствий. «Интервенты», «империалисты» являлись Другими, или Чужими, образы которых влияли на формирование идентичности, мировоззрения и идеологических установок участников Гражданской войны – как красных, так и их противников.

Образы внешнего мира, являвшиеся компонентами политических кампаний и частью представлений различных групп российского общества, подвергались анализу в работах отечественных историков [1, 2]. Изучение информационно-пропагандистских практик большевиков на фоне борьбы с контрреволюцией и интервенцией нередко фокусировалось на визуальной пропаганде. Уже в 1925 г. появилась работа, посвященная агиткам времен Гражданской войны [3]. В целом в советской историографии та или иная характеристика наглядной агитации СССР редко обходилась без очерка или хотя бы упоминания о сюжетной и стилистической специфике плакатов революционной эпохи. Примером тому могут служить работы самих плакатистов [4] и искусствоведов [5, 6]. Вместе с соавторами Н.И. Бабурина провела одно из наиболее крупных современных исследований об отечественном плакате [7], сочетающее искусствоведческие оценки с подробным анализом организации процесса создания плакатной продукции на различных исторических этапах советской эпохи (1917–1991), а также выпустила специальное издание [8], в котором опубликованы не только репродукции образцов наглядной агитации, выпущенных в первые годы советской власти, но и документальные материалы, характеризующие особенности агитационной работы большевиков. В настоящее время продолжается типологизация визуальных образов периода Гражданской войны [9]. В отдельных публикациях рассматривается генезис некоторых из них, а также сравниваются изображения, задействованные в «красной» и «белой» пропаганде [10, 11].

В целом же до сих пор специалисты в части изучения образов Других – врагов и союзников, обращались в большей степени к контексту мировых войн, модернизации российского общества в 1920–1930-е гг. или холодной войны. Анализу содержания и особенностей влияния образов внешнего мира на общество в период Гражданской войны историками уделялось меньше

внимания. Остается сравнительной редкостью обращение к региональным аспектам пропагандистской деятельности красных. Кроме того, несмотря на изученность основных приемов и тенденций советской наглядной агитации рассматриваемого периода, практически не проводилась реконструкция образа интервентов в его динамике и вариативности, а также во взаимосвязи с другими смысловыми категориями советской пропаганды.

Цель данного исследования состоит в реконструкции содержания и определении ключевых характеристик и приемов формирования образа внешнего врага в советских агитационных и пропагандистских материалах в период Гражданской войны (с 1918 по 1920 г.). Предметом исследования выступает образ стран Антанты и США, осуществлявших интервенцию в Россию в рассматриваемый период.

Территориальные рамки исследования охватывают в основном восток России (от Поволжья до Приморья), а также Москву и Петроград в силу использования центральных газет большевиков. Выбор хронологических и территориальных рамок обусловлен сроками осуществления интервенции на востоке России и контекстом вооруженного противостояния с антибольшевистскими правительствами на территории Сибири, претендовавшими на всероссийский статус. Основными источниками выступили материалы большевистской периодической печати – как центральных изданий (Москва и Петроград), так и некоторых региональных газет, выпускавшихся в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Кроме того, важным источником для анализа визуального компонента образа стала наглядная агитация большевиков – плакаты и политические карикатуры.

В данной статье для определения подходов к формированию образов иностранных интервентов производился сплошной просмотр текстов газет с целью выявления особенностей дискурса советской пропаганды в отношении бывших союзных держав. Для этого выделялись ключевые смысловые элементы – идеологемы, а также речевые приемы конструирования образов. Кроме того, для определения особенностей визуализации внешнего врага осуществлялся частотный анализ текстов и изображений 204 советских плакатов 1918–1920 гг.¹, в которых так или иначе воспроизводился его образ.

Становление системы агитации и пропаганды, во многом обеспечившей успехи красных в сложный период Гражданской войны, происходило не сразу. Важной вехой на данном пути стал VIII съезд РКП(б) в марте 1919 г., на котором был принят ряд документов, нацеленных на выстраивание единой и централизованной системы агитации и пропаганды, использовавшей различные средства, важнейшим из которых являлась периодическая печать, рассматриваемая большевиками как «незаменимое средство воздействия на самые широкие массы» [12. С. 73].

Помимо периодики особое значение в информационно-пропагандистской практике большевиков имели средства наглядной агитации, что было продиктовано рядом причин: во-первых, необходимостью говорить с широкими народными массами доходчивым языком зрительного образа; во-вторых, потребностью оперативно освещать развитие событий при дефиците газет и журналов; в-третьих, недостатком альтернативных форм визуализации политической информации, каковыми в СССР позднее стали, например, газетные или журнальные карикатуры². Однако превращение плакатной агитации в организованное и массовое средство идеологического воздействия также происходило не сразу. Импульс был дан после учреждения 25 октября 1919 г. Литературно-издательского отдела Политуправления Реввоенсовета (Литиздат ПУР), перед которым ставилась задача – «составление и выпуск периодических изданий, плакатов, картин, рисунков, открытых писем военно-агитационного характера»; а уже к 1 июня 1920 г. этой организацией было выпущено 57 наименований плакатов, из них некоторые тиражом в 100 тыс. экземпляров [8. С. 124–125], что весьма масштабно по меркам Гражданской войны.

В целом, несмотря на меры по институализации пропагандистской работы, в революционной стихийности еще не было готового образно-символического канона, и каждый образец плакатной продукции во многом оставался репликой его авторов, так или иначе созвучной культурному коду современников. Это можно сказать и о советской печати 1918–1920-х гг., в которой, особенно на локальном уровне, могли встречаться оригинальные суждения и идеи.

Один из первых шагов советской власти в области правотворчества – Декрет о мире – не только выражал основу подхода большевиков к урегулированию мирового конфликта и их ключевой лозунг – «мир без аннексий и контрибуций», но и формировал определенный образ внешнего мира. Совет Народных Комиссаров, обращаясь к правительствам и народам всех стран – участниц войны, особо выделил рабочий класс «...трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств, Англии, Франции и Германии», на который возлагались особые надежды в деле «освобождения трудящихся» и борьбе за мир [13. С. 15–16]. Внешний мир, таким образом, представлялся не только как источник внешних угроз или бедствий, вызванных войной, но и как поле активных преобразований со стороны самих большевиков, призывающих народы к действию, а также «трудящихся» и «эксплуатируемых», которым отводилась роль борцов за мир.

Оптика классового подхода позволяла рассматривать мир за пределами советской республики двояко. Оставаясь местом, откуда исходит угроза, он мог выступать и потенциальным источником позитивных изменений. Так, если опасность представлял мировой империализм в лице буржуазии и правительства других государств, то потенциальную помощь мог оказать рабочий класс этих же стран. Превращение всего мира в арену противостояния «кугнетателей» и «кугнетенных» позволяло в определенных контекстах переформатировать представления о нем. Бывшие союзники рассматривались как часть мировой империалистической системы. Не делалось различий между внутренней и внешней «контрреволюцией». А значит, внешний враг изображался в первую очередь не как представитель иной культуры, языка, религии и т.п., а как персонификация системы неравенства, несправедливости или эксплуатации.

В силу этого можно говорить о таком приеме формирования образа внешнего врага, как *социально-политическая стереотипизация*. Иностранные политики, промышленники, военные сливались в единый образ классового врага, «империалиста». Дискурсивно это могло выражаться в виде перечислений имен зарубежных лидеров в сочетании с российскими противниками большевиков, дополняясь этот список мог и обобщенными категориями. Авторы газетных статей и пропагандистских текстов не делали различий в разновидностях врагов, тем самым как бы принижая их статус и в то же время «упаковывая» описание любого противостояния в любой точке бывшей Российской империи в понятную схему борьбы двух миров. В первом же номере «Правды» за 1918 г. Е. Преображенский, говоря о сути переживаемого конфликта, отмечал, что партия большевиков «...стремится к превращению войны империалистической в войну с империализмом, т.е. в гражданскую войну, т.е. войну классов... В этой войне нам противостоит один фронт, начиная с Вильгельма и Гофмана, продолжая Калединым, Ллойд-Джорджем и кончая социал-патриотами всех стран и народов, которые от открытых империалистов отличаются только методами одурачивания народных масс», – подчеркивал автор [14].

Весной 1918 г. на фоне заключения Брестского мира и слухов в печати о возможном вмешательстве союзников в русские дела большевики позиционировали всех участников мировой войны как врагов республики. «Империалисты всех стран давно точат зубы на Советскую власть революционной России. В этом отношении между империалистами Германии и Австрии и нашими бывшими союзниками нет разницы. Всем им рабоче-крестьянская Россия одинаково ненавистна», – сообщала своим читателям иркутская «Сибирская рабоче-крестьянская газета», редакция которой призывала, «пока враги еще не спелись», использовать передышку и наладить хозяйство в стране [15].

Действия антибольшевистских сил на востоке страны весной и летом 1918 г. расценивались большевиками как предательство и «продажа» Сибири империалистам. Томские большевики, откликаясь на слухи о возможной интервенции, полагали, что как только сибирская буржуазия и «социалисты» поделят между собой власть,

следует ожидать наступления на Сибирь иностранных сил [16]. Высадка интервентов в Приморье в конце лета 1918 г. интерпретировалась как следствие совместных действий буржуазии – российской и зарубежной [17].

В то время как белые в своей пропаганде стремились изобразить гражданскую войну как еще один фронт мировой войны, где сражаются германцы и красные против союзников, для большевиков противостояние выглядело иным образом. В конце 1918 г. «Петроградская правда» писала о том, что «...создание единого революционного фронта – русско-германско-азиатского с его неисчислимыми интеллектуальными организациями, материальными и людскими ресурсами, знаменовало бы окончательное поражение буржуазно-империалистического блока...», а значит, основные усилия союзных держав направлены на разрушение этого революционного фронта [18]. Действия Антанты и США в Версале также рассматривались как очередные попытки «ушушнения» советской республики всевозможными способами. «Лига народов – лига капиталистических стран задумала стереть с лица земли социализм. Она уговорилась: установить одинаковые правила эксплуатировать и угнетать все колонии в мире, уговорилась установить правила эксплуатации рабочих всех стран», – откликалась большевистская «Ижевская правда» на сообщения о создании Лиги наций в начале 1919 г. [19].

Антибольшевистские лидеры, будучи непосредственными противниками советского правительства, изображались не иначе как «слуги» международного капитала, что предопределило и дальнейший взгляд на них как на несамостоятельную силу. Так, в передовой статье «Известий» Омского ревкома через год после прихода к власти А.В. Колчака отмечалось, что «они («помещик и буржуа» – К.К., Е.Ф.) провозгласили лозунг “Единой Великой России” и призвали на защиту России всех капиталистов мира, всех хищников Англии, Америки, Японии». Указывая, что «Колчак стал тем, чем был все время Семенов: откровенным прислужником иноземного капитала», автор статьи отме-

чал, что «только Европейская мировая реакция могла бы задушить социалистическую революцию в России», но поскольку «иноземный капитал окован своими рабочими», у него не было возможности активно вмешиваться в русские дела [20].

Имеющаяся выборка плакатов также показывает, что социально-политическая стереотипизация являлась наиболее частым подходом к визуализации образа внешнего врага, встречавшимся в 82% рассмотренных агиток. В основном их сюжеты концентрировались на силах внутренней контрреволюции: конкретных политических деятелях, белогвардейском генералитете, церковниках, кулаках. Более универсальной семантикой отличалось изображение *капиталиста* – круглого субъекта в смокинге и цилиндре, иногда «украшенном» короной. Так, достаточно сравнить сатирические плакаты В. Дени «Богатей с попом брюхатым и с помесником богатым из-за гор издалека тащут³ дружно Колчака...» (1919) и «Капитал» (1920). В первом случае по тексту и образам-спутникам ясно, что имелась в виду, скорее, российская буржуазия, тогда как во втором подразумевался уже более глобальный антагонист, иллюстрирующий и такую строку Д. Бедного: «...Своей стальною паутиной опутал я весь шар земной». Зачастую иностранная принадлежность подобного «буржуя» формально пояснялась надписью «Антанта»⁴. Враждебное капиталистическое окружение олицетворяли и конкретные политические фигуры. Например, на плакате Н. Кочергина с нарочито простонародным названием «Эге капиталисту горе, загоним его в Черно море» (1919) вполне узнаваем американский президент Вильсон. В других сюжетах он вместе с Ллойд-Джорджем и Клемансом то трепещет из-за возникновения III Интернационала (рис. 1), то пускает пузыри⁵. В целом приведенные выше сюжеты на долгие годы сформировали определенный канон в визуализации внешнего врага, который, с учетом ситуативных изменений, находил отражение в сотнях карикатур на западных политиков и бизнесменов.

Рис. 1. Худ. В. Мельников, 1919

Несмотря на то, что репрезентация союзников исходила из классового подхода, существовал и другой способ конструирования их образов, который можно обозначить как *национально-символическую стереотипизацию*. Ее суть состояла в указании на характерные черты, присущие политике или общественно-политическому строю каждой державы, а порой и особенностям национального характера населения. Здесь могли актуализироваться бытовавшие в российском обществе национальные и внешнеполитические стереотипы, сочетаемые с «классовой оптикой». Примечательно, что эти же стереотипы могли быть использованы авторами газетных публикаций и по другую сторону фронта – в антибольшевистском лагере.

Говоря о «хищнических» устремлениях всех империалистов, советская печать в то же время отмечала особенности их политики, а также не забывала указывать на существовавшие между союзными державами противоречия. Весной 1918 г., откликаясь на японский десант во Владивостоке, пермские большевики отмечали наличие противоречий между США и Японией на Дальнем Востоке. Подчеркивая, что «американские империалисты, заправляющие Соедин. Штатами, – такие же точно хищники, как и империалисты всего мира», автор статьи полагал, что конкуренция между союзниками может воспрепятствовать захвату ими Сибири [21].

В благовещенском большевистском издании в августе 1918 г. отмечалось, что все «империалистические державы» одинаково стремятся к контролю мирового рынка, используя при этом «...насилие, обман несознательных масс, грабеж отсталых стран». Однако автор публикации полагал, что каждая из стран использует более подходящие ей «приемы»: «Германия откровенно и нагло выставляет свой бронированный кулак. Англия в общем действует более осторожно, и тиски, в которые она взяла рабочих за время войны, она сжимает постепенно, но неуклонно, систематично и основательно. Америка же ведет самую тонкую игру. Укрывшись под вывеской “Великая демократия”, она с большим искусством морочит трудовые массы, заманивая их в ловушку самых чудесных обещаний» [22].

Примечательно, что уже в данный период в большевистской прессе начал закрепляться образ США как ведущей капиталистической державы. При этом формировался стереотип о стране, где все общество подчинено идеи материальной наживы. «Во главе интернационала королей, банкиров, попов и генералов встали американские капиталисты как представители класса угнетателей стран с наиболее развитым крупнокапиталистическим производством, где только золото владеет умами и сердцами людей, где вся жизнь построена на бесстыдной эксплуатации, обмане и угнетении пролетарских масс», – сообщалось в «Ижевской правде». Вашингтон при этом характеризовался как «центр международной контрреволюции» [23].

Регулярно публиковавшиеся в большевистских газетах новостные публикации из Западной Европы и США свидетельствовали о росте недовольства иностранных рабочих, революционных брожениях и забастовках, рисовали масштабную картину глубокого кризиса, в котором оказалась капиталистическая си-

стема. Вместе с тем они сообщали читателям подобности внутреннего положения бывших союзниц России, рабочие и солдаты которых требовали невмешательства в русские дела [24].

Анализ внутреннего положения стран Запада присутствовал в публикациях как ключевых большевистских идеологов, так и местных партийцев. Так, Л.Д. Троцкий, рассуждая о причинах и ходе пролетарской революции, оспаривал тезис о том, что в наиболее развитых капиталистических странах, таких как Британия и Франция, революция должна случиться раньше. По его мнению, раннее развитие капитализма в Англии, позволившее создать для части рабочих «привилегированное положение», островное положение, а также консервативная, но гибкая политическая система позволили британской буржуазии затормозить развитие пролетарской революции [25].

Реагируя на сообщения о братании союзных солдат и красноармейцев на Северном фронте, В.А. Быстрянский обращал внимание на особенности национального характера англосаксов. «Нас не может удивить отсутствие стойкости американских и английских частей. Мы знаем, что эти государства не имеют прочных милитаристских традиций, что английские и американские рабочие не получили казарменной прививки», – полагал революционер [26]. Подобные рассуждения советских журналистов и идеологов, несомненно, дополняли представления аудитории о союзниках, придавая образам, сконструированным на основе классового подхода, национальные черты и особенности.

Национально-символическая стереотипизация присутствует и в визуальных материалах, обнаруживаясь примерно в 49% рассмотренных сюжетов. Существенная доля приходится на отдельные символы «старой» России – флаг, герб, императорскую корону и т.д. Они, как правило, использовались для придания пародийного эффекта изображениям белогвардейских «верховных правителей». Однако присутствовала и символика, опиравшаяся на обобщенные национальные образы внешнего врага. Так, на одном из первых призывных антиимпериалистических плакатов: «За мир народов! На борьбу с буржуазией всех стран» (1918), – среди прочих вариантов антагониста в качестве олицетворения США представлял Дядя Сэм. На сатирической агитке В. Дени «Лига наций» (1919) он же восседает вместе с аналогичным по семантике британским Джоном Буллем и неким собирательным французом, который идентифицируется по государственному флагу⁶. Делая данных персонажей национально узнаваемыми, сатирик стремился показать и классовую сущность, посему каждый из них имел вид антропоморфного денежного мешка. Этим они заметно отличались, например, от плакатного образа польского пана: шапка-конфедератка, кафтан-жупан, шаровары и сабля – характерные атрибуты, явно продиктованные этно-культурным стереотипом о шляхтиче⁷.

Наконец, еще одной особенностью конструирования большевиками образа врага в лице Антанты и США являлась их метафорическая презентация в текстах. По-другому ее можно еще охарактеризовать как метод *дегуманизации* [2. С. 16–17]. В данном слу-

чае авторы применяли языковые средства, придающие комические, зловещие или уничтожительные характеристики. В ход шли метафоры, эпитеты, гиперболы, аллегории и другие литературные тропы, а также разговорные речевые обороты, пропагандистские и журналистские штампы. Вариативность при этом зависела лишь от талантов авторов текстов и редакции. Кроме того, на выбор тех или иных метафор влияли задачи издания и его целевая аудитория.

Один из наиболее часто употребляемых наборов метафор был связан с образным рядом животного мира, что позволяло полнее и ярче представить политику союзных стран как «хищническую». Так, например, в публикации «Известий Уфимского совета народных комиссаров» англо-французская буржуазия охарактеризована штампом «волки в овечьей шкуре», а эсеры и меньшевики – как «лакеи» и «крыщи буржуазного порядка» [27]. Распространенным было применение словосочетаний «гидра контрреволюции» [28] и «акулы империализма» [29]. Образ гидры как многоголового мифического чудовища в данном случае использовался для маркирования многоликой внешней и внутренней контрреволюции и мог применяться как в текстуальной, так и образной форме и их комбинации, например в газетных карикатурах [30]. Порой образы были весьма изобретательными и запоминающими. «Культурные гиены золотого мешка не насытились русской кровью, облизываясь ею три с половиной года, они снова поднимают вой на светозарный восток, чуя добычи. Их ведут на Россию “русские люди, преданные родине”», – писала симбирская газета, сообщая со ссылкой на зарубежную печать о контрреволюционной деятельности русских дипломатов Манакова и Извольского, находившей «живой отклик» среди западных «реакционеров и финансистов» [31].

Не жалели красок авторы и при описании капитализма и империализма как формы общественно-политического бытия, стремясь с помощью языка описания подчеркнуть его негативные качества и указать на скорую гибель. «Бездонная пасть его (капитала. – К.К., Е.Ф.) поглощала ежедневно в ненасытную свою утробу сотни тысяч человеческих жизней, безымянных, покорных. Капитал рос, капитал жирнел. Его чудовищное тело раскинулось по всему земному шару. Странное нелепое тело; с единой мыслью, с множественной волей» [32]. Образ хищного, ненасытного существа, подобный тому, что описан выше, в той или иной вариации возникал на страницах печати, карикатурах и плакатах.

Нелицеприятные сравнения и эпитеты могли применяться и при характеристике отдельных зарубежных политических и военных деятелей. Президент США В. Вильсон, изображавшийся в качестве лидера наиболее сильной капиталистической державы, удостоился целого ряда издевательских и ироничных характеристик, таких как «заморский разбойник», «мастер “демократического” словоблудия», «буржуазный попугай» [33]. Упор на «болтливость» американского президента неслучαιен: именно знаменитые «14 пунктов» Вильсона и его обращение к Съезду советов впоследствии иронически обыгрывались большевистскими авторами.

Вместе с тем при характеристике стран Антанты и США допускались не только дегуманизация и создание негативных образов. Ироническое отношение к ним просматривается и в использовании кавычек, в которые помещалось само слово «союзники», и в применении эпитетов – «достойные», «дружественные», «свободолюбивые» – с целью насмешки над политикой интервентов. Необходимо отметить, что большевиками могли применяться метафоры и образы, которые в то же время использовались и их противниками, например образ «железного кольца», окружившего советскую республику [34].

Дегуманизация врагов путем придания им зооморфных или иных нечеловеческих черт в наглядной агитации позволяла более доходчиво и ярко раскрывать образы, формировавшиеся текстуально. К плакатам, исполненным в подобном символико-аллегорическом ключе, можно отнести 18% рассмотренных сюжетов. При этом они заметно различаются по смысловой и эмоциональной нагрузке. Так, некоторые зооморфизмы несли прежде всего сатирический эффект. Именно его добивался художник В. Дени, изображая Деникина, Колчака и Юденича пасами на поводке у Дяди Сэма, Джона Булля и их французского союзника (рис. 2) или же представляя «ясновельможную Польшу» в виде свиньи и собаки⁸. В то же время орлы-стервятники, которым противостояли герои плакатов «Добей врача!» (1918) и «Белогвардейский хищник терзает тело рабочих и крестьян...» (1920), напротив, по-своему усиливали пафос революционной борьбы, придавая ей аналогию с мифом о Промете [5. С. 38].

Часть аллегорий происходила из архетипических представлений об абсолютном зле. Например, скелет, типичными атрибутами которого являлись коса, саван или корона, семантически обозначал войну, голод или разруху в целом⁹. Заметной популярностью у плакатистов обладало изображение гидры (чаще всего повернутой), головы которой шаржировались то под правителей империалистических стран, то под представителей привилегированных классов старой России¹⁰. Не раз художники шли по пути прямой аллюзии на иконописный сюжет о Георгии Победоносце, в роли которого мог выступать и лично Л.Д. Троцкий, и сориентальный красноармеец, поражавший «дракона контрреволюции», чье изображение детализировалось буржуазным цилиндром или фамилиями лидеров белого движения¹¹. Однако отдельные аллегории отличались большей оригинальностью сюжетного решения. Так, на плакате «Правда против силы, боем против зла» (на укр. яз.; 1920) империализм олицетворяли каменные ворота, стилизованные под хищную голову в короне, из пасти которой выходят колонны войск Антанты с пушками, танками, самолетами, дирижаблями и линкорами (рис. 3). Примечательно, что во главе этого милитаризированного потока шли представители духовенства разных конфессий. В то же время работа Б. Зворыкина «Борьба красного рыцаря с темной силою» (1919), несмотря на заложенный в название мотив сакрального противостояния, предлагала куда менее инфернальную трактовку антагониста, заключавшуюся в изображении двух витязей, визуальная

семантика которых не была столь уж зловещей¹². Следует также учесть, что противник не всегда представлял в шаржированных или аллегорических формах. Так, на раннем плакате А. Апсита «Нападение импе-

риалистов на Советскую Россию» (1918) войска интервентов исполнены во вполне реалистической манере. Иногда враг упоминался вообще только на текстовом уровне.

Рис. 2. Худ. В. Дени, 1919

Рис. 3. Неизв. автор, 1920

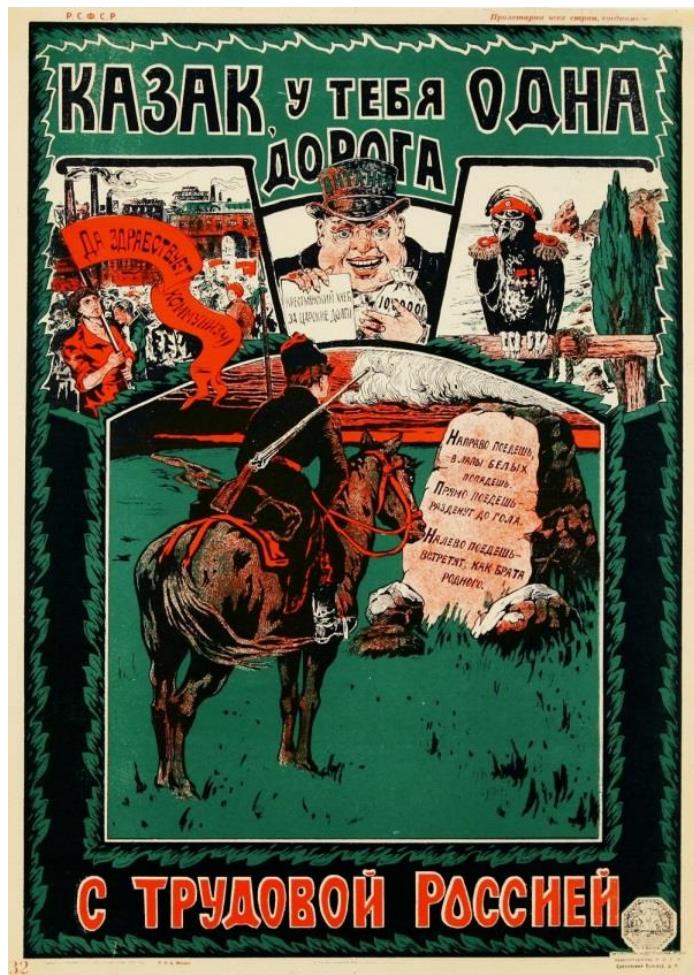

Рис. 4. Худ. Д. Моор, 1920

С точки зрения специфики форм плакатных сообщений эпохи Гражданской войны в 44% рассмотренных материалов наличествуют *призывающие лозунги*¹³. Вместе с тем после революции пропаганда нередко выполняла повествовательно-объяснительные функции, придавая части агиток (18%) характер *инструкции*, которая могла быть пространной либо ограничиваться кратким риторическим вопросом, ответ на который давался уже на уровне изображения¹⁴. Карикатурные образы врага закономерно сопровождались высмеивающими или разоблачительными текстами, охватившими 43% плакатов, чей формат колебался от отдельных *сатирических фраз*¹⁵ до целых *поэтических произведений* и *сказок* на новый революционный лад. В частности, острая поэзия Д. Бедного составила текстовую основу для множества сюжетов, порой представая даже в нескольких вариантах визуализации, как было, например, с пародийным «Манифестом барона фон-Врангеля»¹⁶. Сказочный язык плакатного текста, очевидно, позволял не только кратко и доступно пересказать весь нарратив о глобальном социальном конфликте, наглядно представив внешних и внутренних врагов, но и сделать это в режиме некоторой психологической разгрузки. «Дед мусье Капитал», «бабка Контрреволюция», «внучка Социал-соглашатель», «Саботажная сучка», – таковы смеховые персонажи, нарисованные Д. Моором для «Советской Репки» (1920), которая, в свою очередь, будучи положительным героем, получила облик красноармейца в буденовке. На другом своем плакате художник уподобил казака витязю на распутье, а актуальные политические фланги превратил в надписи с былинного камня¹⁷ (рис. 4).

В содержательном плане рассмотренные плакатные тексты при описании врага опирались на ряд категорий, которые чаще всего семантически были связаны с понятиями *капитализм* (в 37% плакатов), *смерть* (28%), *гнет* (25%). Основным же типами действия, к которым наглядная агитация призывала зрителя перед лицом противника, являлись *борьба* (24%) и *труд* (22%), что

по-своему подчеркивает примерный паритет наступательных и созидательных мотивов в красной пропаганде.

В заключение отметим, что при взгляде на «враждебного Другого» текстовые и изобразительные приемы не всегда имели четкие границы применения, зачастую смешиваясь в рамках одного сообщения – будь то плакат или газетная статья. Визуальные образы и символы различного плана могли присутствовать в рамках одного сюжета, а вслед за разоблачительными куплетами порой гремели лозунги. Оптика классового подхода не исключала применения метафоричного языка описания, включавшего зооморфные образы и стереотипные представления о той или иной бывшей союзной державе, позволяя формировать многомерный образ противника. С одной стороны, он выступал олицетворением и носителем враждебной новому советскому строю системы эксплуатации и угнетения, являясь при этом прочно связанным с внутренними противниками большевиков на базовом – классовом – уровне. С другой стороны, был одновременно монолитен (буржуазные государства / правительства, капиталисты / империалисты) и дискретен (отдельные страны, политики, правительства, войска интервентов). Подобная двойственность достигалась за счет набора узнаваемых и легко воспринимаемых населением характеристик, основанных на знакомых языковых и визуальных компонентах, а также проработанной, единообразной и воспроизводимой от сообщения к сообщению схемы противостояния, основанной на классовом взгляде на текущий конфликт, где «свой» – мировой пролетариат и прочие эксплуатируемые прослойки населения, а противники – всевозможные «угнетатели» и их «прислужники». Вместе с тем вариативность подходов и форматов демонстрирует широкий диапазон политических метафор, часть которых была продиктована не только доктринальными установками большевиков, но и набором архетипических представлений, основанных на более глубоких ментальных кодах.

Примечания

¹ Количество плакатов по годам: за 1918 г. – 15 шт.; за 1919 г. – 73 шт.; за 1920 г. – 116 шт.

² Хотя впоследствии известный карикатурист Б. Ефимов называл газету «Правда» «колыбелью советской политической карикатуры», только в четырех ее выпусках за 1918 г. были опубликованы сатирические рисунки. В подшивке за 1920 г. они не обнаруживаются вовсе.

³ Здесь и далее в названиях плакатов орфография сохранена.

⁴ См., напр., плакаты В. Дени «Не распрыгается!» (1920) и Д. Моора «Казак, ты с кем? С нами или с ними?» (1920). Интересно, что на эскизе последнего надпись «Антанта» не было.

⁵ См. плакаты Д. Мельникова «Рабочий крепись! Антанта дрогнула. Пролетариат Запада идет тебе на помощь» (1919), В. Дени «В волнах революции» (1920).

⁶ Однако в качестве национальных символов Франции обычно рассматриваются Марианна и Галльский петух, изображения которых в дальнейшем использовались и в советской визуальной пропаганде.

⁷ См., напр., плакаты В. Дени «Спеши пана покрепче вздуть! Барона тоже не забудь!!!» (1920), Д. Моора «Тройку загнали. Пара не вывезет!» (1920), Б. Ефимова «Пани бурлаки...» (на укр. яз.; 1920) и др.

⁸ См. соответственно плакаты «Антанта» (1919), «Свинья, дрессированная в Париже» (1920) и «Последняя собака Антанты» (1920).

⁹ Примером подобной трактовки сюжета можно считать работы Д. Моора «Враг у ворот! Он несет рабство, голод и смерть!...» и «Советская Россия осажденный лагерь. Все на оборону!» (оба – 1919).

¹⁰ См., напр., плакаты А. Апсита «Обманутым братьям», (1918), С. Мухарского «Царские солдаты. Солдаты революции» (1919).

¹¹ См. плакаты В. Дени «Троцкий поражает дракона контр-революции» (1918), Б. Силкина «Три года социальной революции» (на укр. яз.; 1920), неизв. худ. «1917 – Октябрь – 1920» (1920).

¹² Интересно, что автор данного плаката покинул Советскую Россию уже в 1921 г. и спустя некоторое время поселился в Париже.

¹³ См., напр.: Киселис П. «Товарищи! Все на Урал! Смерть Колчаку и прочим приспешникам царя и капитализма!» (1919).

¹⁴ Можно сравнить, например, объем текстового содержания плакатов «Германская революция и задачи Красной Армии...» и «Кто против Советов» (оба – 1919).

¹⁵ См., напр.: Дени В. «Антанта под маской мира» (1920).

¹⁶ «Манифест» получил хождение в 1920 г. на плакатах В. Дени и неустановленного одесского художника.

¹⁷ Моор Д. «Казак, у тебя одна дорога с трудовой Россией. Направо поедешь, в лапы белых попадешь. Прямо поедешь – разденут до гола (этот путь вел к Антанте, требовавшей возврата «царских долгов». – К.К., Е.Ф.). Налево поедешь – встретят, как брата родного (в «трудовой России». – К.К., Е.Ф.)» (1920).

Список источников

1. Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М. : Новый хронограф, 2011. 392 с.
2. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века : эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М. : РОССПЭН, 2006. 288 с.
3. Полонский В.П. Русский революционный плакат. М. : Госиздат, 1925. 192 с.
4. Корецкий В.Б. Заметки плакатиста. М. : Сов. художник, 1958. 164 с.
5. Демосфенова Г.Л. Советский политический плакат. М. : Искусство, 1962. 443 с.
6. Бабурина Н.И. Политический плакат художников Российской Федерации. Л. : Художник РСФСР, 1975. 36 с.
7. Вашик К., Бабурина Н.И. Реальность утопии. Искусство русского плаката XX века. М. : Прогресс-Традиция, 2004. 415 с.
8. Бабурина Н.И. и др. Агитмассовое искусство Советской России : материалы и документы : Агитпоезда и агитпароходы. Передвижной театр. Политический плакат. 1918–1932 : в 2 т. М. : Искусство, 2002. Т. 1. 299 с.
9. Гражданская война в образах визуальной пропаганды : словарь-справочник / под ред. Е.А. Орех. СПб. : Скифия принт, 2018. 176 с.
10. Сергеева О.В. Визуальный язык «красных» и «белых» плакатов периода гражданской войны в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20, № 4. С. 210–229.
11. Мухаметзянова Э.В. Отражение идеологических установок «белых» и «красных» в плакатах периода Гражданской войны // Научные горизонты. 2020. № 10 (38). С. 83–89.
12. Минаева О.Д. Сложные аспекты в изучении истории формирования системы партийно-советских СМИ // История отечественных СМИ. 2017. № 1 (3). С. 67–90.
13. Декреты советской власти / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. М. : Политиздат, 1957. Т. I: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. 625 с.
14. Преображенский Е. Гражданская война и война внешняя // Правда. 1918. 16 (3) янв.
15. Американский дядя // Сибирская рабоче-крестьянская газета (Иркутск). 1918. 2 апр. (20 марта).
16. Предатели Сибири // Знамя революции (Томск). 1918. 28 мая.
17. Станский А. Благовещенск. 13 августа // Известия Совета Трудящихся Амурской Социалистической Федеративной Республики. 1918. 13 авг.
18. В.Ф.Ш. Сводка по внешней политике // Петроградская правда. 1918. 24 дек.
19. Стахов И. Хищники говорили // Ижевская правда. 1919. 19 февр.
20. Смирнов И. 18 ноября 1919 г. // Известия Омского революционного комитета. 1919. 18 нояб.
21. Наступление японского империализма // Известия Пермского губернского исполнительного комитета советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 9 апр. (27 марта).
22. З.Р. Благовещенск, 11 августа // Известия Совета Трудящихся Амурской Социалистической Федеративной Республики. 1918. 11 авг.
23. Шапошников Р. Великая борьба между Вашингтоном и Москвой // Ижевская правда. 1919. 12 янв.
24. Против вмешательства в русские дела // Деревенская коммуна (Петроград). 1919. 3 июля.
25. Троцкий Л. В пути // Волжская коммуна (Самара). 1919. 7 мая.
26. Быстрицкий В. Братание // Петроградская правда. 1918. 27 дек.
27. Волки в овечьей шкуре // Известия Уфимского совета народных комиссаров. 1918. 11 июня (29 мая).
28. Товарищи! Революция в опасности // Известия Симбирского совета крестьянских рабочих и солдатских депутатов. 1918. 4 июля (21 июня).
29. Акулы империализма // Ижевская правда. 1918. 10 дек.
30. Решительный бой с многоголовой гидрой // Деревенская коммуна (Петроград). 1919. 11 июля.
31. Б.П. Заграничные гнезда русской контр-революции // Известия Симбирского совета крестьянских рабочих и солдатских депутатов. 1918. 19 июля.
32. Лебедев Ф.Я. Гибель империализма // Вечерние известия (Иркутск). 1918. 15 мая.
33. Шапошников Р. Вильсон выехал в Европу // Ижевская правда. 1918. 6 дек.
34. Круг замкнут // Голос Кунгурского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 5 июля (22 июня).

References

1. Golubev, A.V. & Porshneva, O.S. (2011) *Obraz soyuznika v soznanii rossiyskogo obshchestva v kontekste mirovykh voyn* [The image of an ally in the minds of Russian society in the context of world wars]. Moscow: Novyy khronograf.
2. Senyavskaya, E.S. (2006) *Protivniki Rossii v voynakh XX veka : evolyutsiya "obraza vraga" v soznanii armii i obshchestva* [Opponents of Russia in the wars of the 20th century: The evolution of the “image of the enemy” in the minds of the army and society]. Moscow: ROSSPEN.
3. Polonskiy, V.P. (1925) *Russkiy revolyutsionny plakat* [Russian Revolutionary Poster]. Moscow: Gosizdat.
4. Koretskiy, V.B. (1958) *Zametki plakatista* [Posterist's Notes]. Moscow: Sov. Khudozhhnik.
5. Demosfenova, G.L. (1962) *Sovetskiy politicheskiy plakat* [Soviet Political Poster]. Moscow: Iskusstvo.
6. Baburina, N.I. (1975) *Politicheskiy plakat khudozhhnikov Rossiyskoy Federatsii* [Political poster of the Russian Federation artists]. Leningrad: Khudozhhnik RSFSR.
7. Vashik, K. & Baburina, N.I. (2004) *Real'nost' utopii. Iskusstvo russkogo plakata XX veka* [The reality of utopia. The Russian poster art of the 20th century]. Moscow: Progress-Traditsiya.
8. Baburina, N.I. et al. (2002) *Agitmassovoe iskusstvo Sovetskoy Rossii: materialy i dokumenty: Agitpoezda i agitparokhody. Peredvizhny teatr. Politicheskiy plakat. 1918–1932: v 2 t.* [Agitation art of Soviet Russia: materials and documents: Agitation trains and agitation steamers. The mobile theatre. Political posters. 1918–1932: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo.
9. Oreh, E.A. (ed.) (2018) *Grazhdanskaya voyna v obrazakh vizual'noy propagandy* [Civil War in the Images of Visual Propaganda]. St. Petersburg: Skifiya print.
10. Sergeeva, O.V. (2017) Visual Language of the “Red” and “White” Russian Civil War Posters. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 20(4). pp. 210–229. (In Russian). DOI: 10.31119/jssa.2017.20.4.11
11. Mukhametzyanova, E.V. (2020) Otrazhenie ideologicheskikh ustanovok “belykh” i “krasnykh” v plakatakh perioda Grazhdanskoy voyny [Reflection of the ideological attitudes of the “Whites” and “Reds” in the posters during the Civil War]. *Nauchnye gorizonty*. 10(38). pp. 83–89.
12. Minaeva, O.D. (2017) Slozhnye aspekty v izuchenii istorii formirovaniya sistemy partiyno-sovetskikh SMI [Complex aspects in the study of the history of the party-Soviet media system]. *Istoriya otechestvенных SMI*. 1(3). pp. 67–90.
13. USSR. (1957) *Dekrety sovetskoy vlasti* [Decrees of the Soviet Power]. Vol. 1. Moscow: Politizdat.
14. Preobrazhenskiy, E. (1918) Grazhdanskaya voyna i voyna vneshnyaya [Civil war and external war]. *Pravda*. 16th (3rd) January.
15. Sibirskaya raboche-krest'yanskaya gazeta (Irkutsk). (1918) Amerikanskiy dyadya [American uncle]. 2nd April (20th March).
16. Znamya revolyutsii (Tomsk). (1918) Predateli Sibiri [Traitors of Siberia]. 28th May.

17. Stanskiy, A. (1918) Blagoveshchensk. 13 avgusta [Blagoveshchensk. August 13]. *Izvestiya Soveta Trudyashchikhsya Amurskoy Sotsialisticheskoy Federativnoy Respubliki*. 13th August.
18. V.F.Sh. (1918) Svodka po vneshey politike [Summary of Foreign Policy]. *Petrogradskaya pravda*. 24th December.
19. Stakhov, I. (1919) Khishchchiki sgovorilis' [Predators conspired]. *Izhevskaya pravda*. 19th February.
20. Smirnov, I. (1919) 18 noyabrya 1919 g. [November 18, 1919]. *Izvestiya Omskogo revolyutsionnogo komiteta*. 18th November.
21. *Izvestiya Permskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta sovetov rabochikh, soldatskikh i krest'yanskikh deputatov*. (1918) Nastuplenie yaponskogo imperializma [The offensive of Japanese imperialism]. 9th April (27th March).
22. Z.R. (1918) Blagoveshchensk, 11 avgusta [Blagoveshchensk, August 11]. *Izvestiya Soveta Trudyashchikhsya Amurskoy Sotsialisticheskoy Federativnoy Respubliki*. 11th August.
23. Shaposhnikov, R. (1919) Velikaya bor'ba mezdu Vashingtonom i Moskvoy [The Great Struggle between Washington and Moscow]. *Izhevskaya pravda*. 12th January.
24. *Derevenskaya komuna (Petrograd)*. (1919a) Protiv vmeshatel'stva v russkie dela [Against interference in Russian affairs]. 3rd July.
25. Trotsky, L. (1919) V puti [On the way]. *Volzhskaya komuna (Samara)*. 7th May.
26. Bystryanskiy, V. (1918) Bratanie [Fraternization]. *Petrogradskaya pravda*. 27th December.
27. *Izvestiya Ufimskogo soveta narodnykh komissarov*. (1918) Volki v ovech'ey shkure [Wolves in sheep's clothing]. 11th June (29th May).
28. *Izvestiya Simbirskogo soveta krest'yanskikh rabochikh i soldatskikh deputatov*. (1918) Tovarishchi! Revolyutsiya v opasnosti [Comrades! Revolution in danger]. 4th July (21st June).
29. *Izhevskaya pravda*. (1918) Akuly imperializma [Sharks of imperialism]. 10th December.
30. *Derevenskaya komuna (Petrograd)*. (1919b) Reshitel'nyy boy s mnogogolovoy gidroy [The decisive battle with the many-headed hydra]. 11th July.
31. B.P. (1918) Zagranichnye gnezda russkoy kontrevolyutsii [Foreign nests of the Russian counter-revolution]. *Izvestiya Simbirskogo soveta krest'yanskikh rabochikh i soldatskikh deputatov*. 19th July.
32. Lebedev, F.Ya. (1918) Gibel' imperializma [The death of imperialism]. *Vechernie izvestiya (Irkutsk)*. 15th May.
33. Shaposhnikov, R. (1918) Vil'son vyekhal v Evropu [Wilson went to Europe]. *Izhevskaya pravda*. 6th December.
34. *Golos Kungurskogo soveta krest'yanskikh, rabochikh i soldatskikh deputatov*. (1918) Krug zamknut [The circle is closed]. 5th July (22nd June).

Сведения об авторах:

Конев Кирилл Александрович – кандидат исторических наук, заведующий отделом рукописей и книжных памятников Научной библиотеки, ассистент кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории, старший научный сотрудник лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: konev-k-92@rambler.ru

Федосов Егор Андреевич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры российской истории, ведущий библиотекарь сектора хранения фонда Научной библиотеки Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: e.a.fedosov@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Konev Kirill A. – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Manuscripts and Book Monuments of the Research Library of TSU; Assistant of the Department of History of the Ancient World, the Middle Ages and Methodology of History of Tomsk State University; senior researcher at the Laboratory of General and Siberian Lexicography (Tomsk, Russian Federation). E-mail: konev-k-92@rambler.ru

Fedosov Egor A. – Candidate of Historical Sciences, Assistant of the Department of Russian History of Tomsk State University, Leading Librarian of the Sector of Storage of the Research Library of TSU (Tomsk, Russian Federation) E-mail: e.a.fedosov@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.02.2022; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 08.02.2022; accepted for publication 06.05.2022

Научная статья

УДК 94(47)

doi: 10.17223/19988613/77/4

Попечительский корпус Калмыцкой степи второй половины XIX – начала XX в. (по материалам Национального архива Республики Калмыкия)

Ирина Владимировна Лиджиева

Южный научный центр Российской академии наук», Ростов-на-Дону, Россия, irina-lg@yandex.ru

Аннотация. Цель данной статьи – исследование социально-демографических характеристик попечительского корпуса Калмыцкой степи второй половины XIX – начала XX в. на основе анализа формуллярных о службе списков и аттестатов улусных попечителей. Автор приходит к выводу, что для чиновничества, реализовывавшего имперскую региональную политику на национальной окраине и представлявшего собой социальный капитал, Калмыцкая степь выступала благоприятной средой для карьерного роста.

Ключевые слова: Калмыцкая степь, Управление калмыцким народом, чиновничество, улусный попечитель, улусное управление

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100347-2.

Для цитирования: Лиджиева И.В. Попечительский корпус Калмыцкой степи второй половины XIX в. – начала XX в. (по материалам Национального архива Республики Калмыкия) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 30–40. doi: 10.17223/19988613/77/4

Original article

The trustee corps of the Kalmyk steppe of the second half of the XIX century – beginning of XX century (based on the materials of the National Archive of the Republic of Kalmykia)

Irina V. Lidzhieva

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation, irina-lg@yandex.ru

Abstract. The management system of the Kalmyk steppe of the Astrakhan region that lay on the outskirts of the Russian empire went on being reformed in the second half of the 19 century. In 1867 the Chamber of State Property was reorganized and the Ordyn Chamber was renamed into Control over the Kalmyk People.

The aim of the imperial policy was to involve distant regions into the integrated system of management. The bureaucratic structure was considered to be a basis for the policy. The social and demographic peculiarities of the Trustees' Board of the Kalmyk steppe are under consideration in the present article. Local branches of the Trustees' Board in Kalmyk districts in the period between the second half of the 19 century and the beginning of the 20 century are paid a particular attention.

The social history toolkit has been applied to the carrying out the present research.

The prosopographical method has been used to analyze documents of the National Archive of the Kalmyk Republic in order to track the life and career development of the members of local branches of the Trustees' Board in Kalmyk districts in the period between the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century. The statistical analysis has been made to create a collective image of the bureaucratic body of the executive power in the Kalmyk steppe. The author has used the list of district trustees from 1867 to 1917 that was a part of the Unified list of all officials in the Russian empire. The documentary source was an official reference book compiled through a calendar year. The list under consideration underwent insignificant additions. Among the social and demographic peculiarities of the Trustees' Board of the Kalmyk steppe the social class and religious background are paid a close attention.

The author draws a conclusion that the local body of management system was considered to be a start for the further career promotion for every involved person even not a highly qualified one. The distance from the federal center, climate characteristics and local management system contributed to the peculiarities of the body. Some officials took into account the features of the local culture and got professional education to carry out their duties efficiently.

Keywords: Kalmyk steppe, Management of the Kalmyk people, bureaucracy, ulus trustee, ulus administration

Acknowledgments: The publication is prepared in the framework of the implementation of the State task of the Federal Research Centre The Southern Scientific Centre Of The Russian Academy Of Sciences, №. project 122020100347-2.

For citation: Lidzheva, I.V. (2022) The trustee corps of the Kalmyk steppe of the second half of the XIX century – beginning of XX century (based on the materials of the National Archive of the Republic of Kalmykia). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoryya – Tomsk State University Journal of History*. 77. pp. 30–40. doi: 10.17223/19988613/77/4

XIX век – период формирования в Российской империи нового бюрократического аппарата, значение которого постоянно возрастало. Увеличение территории государства, рост численности населения, усложнение схемы общественных отношений привели к расширению структуры управленческого аппарата. Калмыцкая степь во второй половине XIX – начале XX в. представляла собой региональную окраину, население которой имело особый правовой статус в социальной структуре российского общества – инородец. Основной целью имперской политики на указанной территории являлось создание условий и постепенное интегрирование системы управления в общероссийское социально-экономическое и политическое пространство. Проводниками этой политики выступало чиновничество, от его квалификации, знаний местных особенностей, в том числе истории народа, его традиций и обычаяев, зависел результат поставленной цели, а также положение народа в целом и прежде всего его материальное благосостояние. В связи с этим чиновничество приобретало ключевую роль и оказывало влияние на все сферы жизни общества. Исключением не являлась и Калмыцкая степь, которая для кого-то стала частью жизни, а для кого-то лишь трамплином в дальнейшей карьере. Качественное изучение социального состава указанной прослойки социума является на сегодняшний день одним из актуальных направлений в историографии.

Предметом исследования данной статьи являются социально-демографические характеристики попечительского корпуса Калмыцкой степи второй половины XIX – начала XX в. на примере улусных попечителей. В ходе исследования рассматриваемой проблемы применен инструментарий социальной истории. Так, использование просопографического метода позволило на основе анализа документальных материалов из фондов Национального архива Республики Калмыкия провести реконструкцию жизненного и профессионального пути улусных попечителей Калмыцкой степи второй половины XIX – начала XX в., а с помощью статистического анализа создана коллективная биография чиновничества органа исполнительной власти Калмыцкой степи в рассматриваемый период на примере улусных попечителей.

Региональное чиновничество имперского периода не раз выступало объектом исследования историков. Так, проблема, посвященная изучению личного состава государственного аппарата – чиновничества, раскрывается в работе П.А. Зайончковского, обратившегося к исследованию состава отдельных групп высшей бюрократии и губернской администрации, а также условий службы чиновничества [1].

О.В. Морякова, исследователь системы государственного управления России XIX в., в статье «Про-

винциальное чиновничество в России второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы», актуализируя проблему, к которой обращается в указанной статье, отмечает: «Работа государственных учреждений во многом зависит от социальной психологии людей, в них служащих» [2. С. 11].

Новшеством историографии постсоветского периода стало появление ряда работ, посвященных изучению социального состава и условий службы регионального чиновничества, занимавшего средние и низшие ступени в вертикали власти [3–5].

Новейшая отечественная историография обогатилась значительным количеством исследований по проблеме чиновничества XIX – начала XX в., подробный анализ которых представлен в статьях О.А. Плех и А.А. Оспановой [6, 7].

Американский исследователь В. Пинтнер – первый зарубежный ученый, обратившийся к изучению чиновничества России первой половины XIX в. на основе анализа формуллярных списков [8]. Применение математических методов научного исследования позволило ему сделать ряд выводов, характеризующих данную социальную, профессиональную группу по ряду признаков.

К сожалению, существует лишь незначительное количество работ, в которых авторами затрагиваются отдельные аспекты темы чиновничества, состоявшего на службе в Управлении калмыцким народом [9, 10]. Между тем изучение этого «особого слоя людей» [11. С. 455], в том числе и для Калмыцкой степи в рассматриваемый период, явившейся национальной окраиной, позволило бы выявить отдельные аспекты эволюции имперской политики в отношении регионов, а также инородческого населения империи.

С 1 января 1867 г. «вследствие передачи государственных крестьян в ведение общих по крестьянским делам учреждений...» [12. С. 469] Палата Государственных Имуществ была закрыта, а Ордынское Отделение Палаты переименовано в Главное Управление калмыцким народом. При этом в примечании к «Штатам и табелям» части второй высочайше утвержденного 22 декабря 1866 г. Расписания должностей и издережек по местному губернскому управлению государственных имуществ отмечается, что в Астраханской губернии «...остается временно управление калмыцким народом без изменения штатов» [13. С. 645]. Согласно ст. 118 Положения 1847 г. в каждом улусе учреждалось по одному улусному управлению в трех казенных улусах: Багацохуровском, Эркетеновском, Яндыко-Икизохуровском, а также в четырех владельческих: Хошеутовском, Малодербетовском, Большедербетовском и Харахусо-Эрдниевском. На основании представления министра Государственных Имуществ об упразднении должности Опекуна и об учреждении

должности Правителя в Харахусо-Эрдниевском калмыцком улусе 25 января 1888 г. высочайше утвержденным постановлением императора Александра III Харахусо-Эрдниевский улус из разряда владельческих был переведен в разряд казенных. Расходы на содержание новой должности Правителя (345 руб. в год) относились на счет калмыцкого общественного капитала [14]. Соответственно, действующее на тот момент штатное расписание по Управлению калмыцким народом предусматривало должности семи улусных попечителей и девяти их помощников, по два в Малодербетовском и Яндыко-Икизохуровском улусах, а также попечителя и его помощника в Мочагах [15]. «Мочаги и Калмыцкий Базар, территории которых являлась общим пользованием всех улусов, находились в особом положении. Калмыцкий Базар был в основном центром торговли скотом, найма рабочей силы» [16. С. 197].

На протяжении второй половины XIX в. количество улусных управлений не раз подвергалось изменениям. Так, 13 марта 1860 г., согласно представлению Наместника Кавказского и Министра Государственных Имуществ, «... признавая необходимость, для прекращения споров и недоразумений, возникающих между Астраханскими и Ставропольскими губернскими начальствами по заведыванию калмыками и магометанскими народами, кочующими на землях как Астраханской, так и Ставропольской губерний...» [17], Большедербетовский и отдельная часть Малодербетовского улуса с их управлениями передавались из ведомства Астраханского в ведение Ставропольского губернского начальства.

6 марта 1864 г. попечитель Багацохуровского улуса представил в Палату Государственных Имуществ приговор улусного общества «...о желании наименовать Багацохуровский улус – Багацохуро-Муравьевским» [18. Д. 111. Л. 1]. И уже 16 июля 1864 г. император Александр II утвердил ходатайство калмыков [19]. Виленский, Ковенский, Гродненский и Минский Генерал-Губернатор и Главный Начальник Витебской и Могилевской губерний, генерал от Инфanterии М.Н. Муравьев в своем письме от 26 июля к Министру Государственных Имуществ просит: «...объявить от его имени калмыкам означенного улуса благодарность за добрую их об нем память» [Там же. Л. 2].

2 января 1878 г. на основании ходатайства зайсангов, опекунов и старшин Хошоутовского улуса импе-

ратором Александром II этот улус был переименован в Александровский [20].

Департамент Общих Дел уведомлением от 17 июня 1888 г. сообщил главному Попечителю калмыцкого народа о том, что 13 июня 1888 г. император «повелеть соизволил о соединении управления Мочажными и Яндыковскими калмыками в Яндыковско-Мочажное управление» [21. Д. 329. Л. 13]. На основании п. 1 этого повеления канцелярия попечителя Мочагов в составе одного переводчика, одного толмача и одного писца переводилась в новое улусное управление. Сэкономленные в результате сокращения должностей средства в размере 1 500 руб. направлялись на «усиление содержания чиновников «по ближайшему усмотрению Министерства Государственных Имуществ». Но уже 30 ноября 1888 г. Попечитель Н.О. Назаров обращается в Управление калмыцким народом с просьбой об упразднении с 1 января 1889 г. должности одного переводчика, объясняя это тем, что «...достаточно и одного» [Там же. Л. 29]. Данное обращение вызывает недоумение, так как функциональные обязанности переводчиков и толмачей были довольно обширными [22], и отказ попечителя от квалифицированного сотрудника не находит объяснения. Занимавший сокращенную должность попечителя Мочагов надворный советник П.Л. Скибневский оставлен за штатом на общем основании с сохранением содержания в течение года [21. Д. 329. Л. 25].

В результате количественных и качественных преобразований во второй половине XIX в. на территории Калмыцкой степи функционировало пять улусных управлений и четыре отдельные части (табл. 1).

На основании доклада Министра Государственных Имуществ о необходимости внесения изменений в личный состав Управления калмыцким народом император 17 августа 1881 г. повелел с 1 сентября того же года учредить должность Помощника Попечителя с содержанием 1 000 руб. (жалованье 650 руб. + столовых 350 руб.) [23].

В соответствии с высочайше утвержденным положением Комитета Министров о некоторых изменениях в составе Управления калмыцким народом от 27 августа 1882 г. были увеличены оклады содержания четырех улусных попечителей до 2 000 руб. и двух помощников, заведовавших отдельными частями улусов на правах попечителей, – до 900 руб. (табл. 2) [24].

Таблица 1

Улусные управление в Калмыцкой степи

Положение 1847 г.	Вторая половина XIX в.		
Багацохуровский	Багацохуро-Муравьевский с 1864 г.	1) Александро-Багацохуровское	1. Александровский улус в 1888–1916 гг.
Хошоутовский	Александровский с 1878 г.		
Эркетеновский	2) Эркетеновский		
Яндыко-Икизохуровский	3) Яндыко-Мочажный в 1888–1916 гг.	Мочаги в 1867–1888 гг.	2. Икизохуровский в 1882–1916 гг.
Малодербетовский	4) Малодербетовский		Отдельная часть Малодербетовского улуса с 1882 г.
Харахусо-Эрдниевский	5) Харахусовский в 1888–1916 гг.		3. Манычский с 1909 г.
4. Калмыцкий Базар			
		Пять улусных управлений и четыре отдельные части	

Таблица 2

Количественный состав улусных управлений и содержание чиновников во второй половине XIX – начале XX в.

Должности	Положение об управлении калмыцким народом 1847 г.		Положение Комитета Министров о некоторых изменениях в составе Управления калмыцким народом	
	Количество	Содержание	Количество	Содержание
Улусный попечитель	7	570	4/3	2 000/1 500
Помощник попечителя	9	285	7/2/1	600/900/1 000
Писец	7	80	7	80
Переводчик	7	170	7	170
Толмач	7	100	7	100

Список лиц, занимавших должности чиновников улусных управлений, составлен по данным Адрес-календаря – Общей росписи всех чиновных особ в государстве, который являлся официальным справочным изданием по всем губерниям империи. При этом следует отметить, что в список были внесены незначительные корректизы, обусловленные тем, что в Адрес-календаре указывались сведения только об одном назначении, произведенном в течение одного года, тогда как смена попечителей в одном улусе могла быть произведена не единожды. Таким образом, с момента образования Управления калмыцким народом, т.е. с 1867 г., и до 1917 г. во всех улусах Калмыцкой степи службу по должности улусного попечителя несли 92 человека. На основе анализа формуллярных списков о службе и аттестатах, отложившихся в фондах Национального архива Республики Калмыкия, персональные данные были получены только на 79 чиновников, что составляет 86% от их общего числа. Формуллярные списки сохранились только у 49 чинов-

ников, что составляет 64%, аттестаты – у 33 чиновников (43%), т.е. на троих попечителей сохранились и формуллярные о службе списки, и аттестаты.

В соответствии со ст. 1 Устава о службе по определению от правительства (далее – Устав о службе) при поступлении на гражданскую службу «принимается в уважение: 1) состояние лица или его происхождение, 2) возраст, 3) познания» [25. С. 3]. Исходя из указанных критериев, построен анализ корпуса улусных попечителей Калмыцкой степи второй половины XIX – начала XX в. Следует отметить, что следующая статья Устава содержит правовую норму, в соответствии с которой при поступлении на гражданскую службу не учитывалась этническая и конфессиональная принадлежность кандидатов, и формуллярный о службе список не предусматривал указание сведений об этнической принадлежности.

На рис. 1 отображен анализ сословной принадлежности чиновников попечительского корпуса Калмыцкой степи во второй половине XIX – начале XX в.

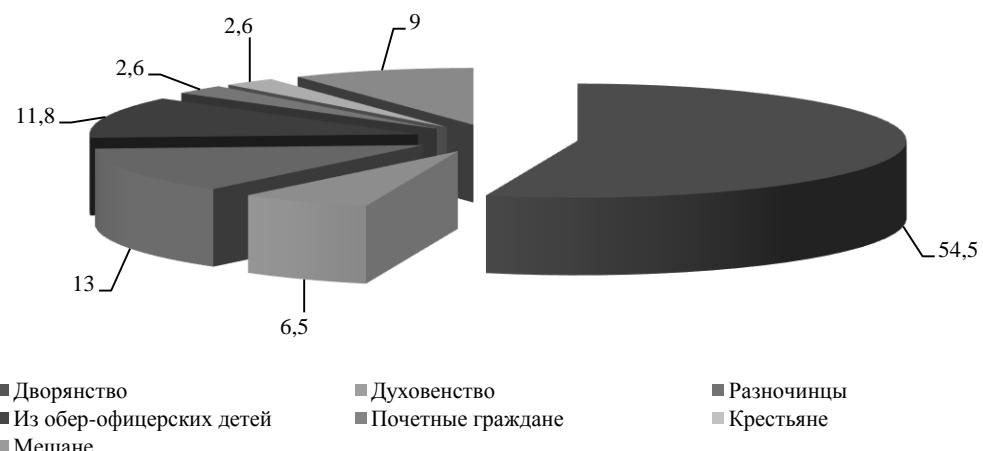

Рис. 1. Сословная принадлежность улусных попечителей, %

Подборка сословных групп, указанных на рис. 1, сложилась на основе сведений, представленных в формуллярных списках и аттестатах, т.е. по данным, предоставленным самими чиновниками.

Большинство улусных попечителей в Калмыцкой степи (54,5%) в рассматриваемый период происходили из дворянского сословия, что закономерно для монархической формы государственного правления. География представителей данного привилегированного сословия обширна. Так, в графе «Из какого звания происходит» формуллярного списка А.И. Каллистова значится:

«Из потомственных дворян Вятской губернии», – В.А. Зварковского – «из дворян Санкт-Петербургской губернии», Л.Н. Ращевского – «из потомственных дворян Черниговской губернии», В.Н. Сагайдак – «из потомственных дворян Херсонской губернии», Н.Ф. Терлецкого – «из потомственных дворян Полтавской губернии» и т.д.

В Российской империи существовало еще и личное дворянство. Так, ст. 3 манифеста «О порядке приобретения дворянства службою» от 11 марта 1845 г. гласит: «Недворяне, поступающие в гражданскую службу, при

производстве на оной в чин 14-го класса получают право личного почетного гражданства, а при производстве в 9-й класс вступают в права личного дворянства; дослужившиеся до 5-го чина приобретают дворянство потомственное» [26. С. 450]. Среди указанных выше попечителей все принадлежали к потомственным дворянам; при этом следует учесть, что действующее законодательство позволяло беспорочной службой приобрести звание потомственного дворянина. Однако, как отмечает О.В. Морякова, «...доходы этих людей не позволяли вести им такой же образ жизни, какой вели настоящие потомственные дворяне, а значит, и чувствовать себя наравне с ним они не могли... сами дворяне никогда не признавали их равными себе и не считались с ними» [2. С. 19].

В графе 2 («Из какого звания происходит») формуллярного списка о службе Чиновника Особых поручений IX класса, не имеющего чина, Казимира Станиславовича Раздольского, впоследствии ставшего попечителем Малодербетовского улуса, указано: «Сын коллежского советника» [27. Д. 190. Л. 7 об.], т.е. получившего звание личного дворянина, которое не распространялось на детей, при этом сыну выгоднее было указать приобретенную сословную принадлежность отца, чем прежнюю.

13% из числа всех улусных попечителей Калмыцкой степи за период со второй половины XIX до начала XX в. принадлежали к разночинцам, т.е. выходцам из податных сословий, получившим образование. Эта категория населения России XVII–XIX вв. возникла, по мнению председателя Государственного совета князя Б.А. Васильчикова, «по недостатку в твердых преградах, кои бы отделяли одно сословие от другого, каждый оставляет ремесло отца своего, пренебрегая наследственными для оного способами, и усиливается получить каким бы то ни было образом права и преимущества высшего сословия» [1. С. 41]. Податной инспектор Енотаевского уезда, надворный советник К.К. Павлинов распоряжением по Министерству Внутренних Дел от 14 апреля 1912 г. назначается попечителем Яндыко-Мочажного улуса. В формуллярном о службе его списке значится «сын статского советника» [28. Д. 242. Л. 7 об.]. Данный чин до 9 декабря 1845 г. давал право на получение потомственного дворянства по манифесту «О порядке приобретения дворянства службою» от 11 июня 1845 г. Так же, как и в случае с К.С. Раздольским, Павлинов указывает не сословную принадлежность, а гражданский чин отца, что выглядело более респектабельно.

Отнесли себя к обер-офицерским детям 11,8% улусных попечителей. Так, Н.Н. Малеванов «по окончании полного курса наук в Астраханском уездном училище в службу вступил в Астраханское губернское правление в число канцелярских служителей 2-го разряда 1872 г. 28 декабря» [21. Д. 276. Л. 115 об.]. С.А. Козин – выпускник Императорского Санкт-Петербургского университета, поступивший на гражданскую службу по ведомству Министерства Внутренних Дел в 1903 г., исполнявший должности попечителей Яндыко-Мочажного и Малодербетовского улусов, в 1908 г. был назначен Заведующим калмыцким народом [28. Д. 185].

Статья 5 Устава о службе запрещает принятие на гражданскую службу мещан и вообще людей, принадлежащих к податным сословиям. Между тем проведенный анализ показывает, что 9% улусных попечителей принадлежат к мещанскому сословию. Например, астраханский мещанин Н.И. Назаров «по окончании полного курса в специальных классах Лазаревского института восточных языков в службу вступил в штат Канцелярии Астраханского Губернатора» [21. Д. 401. Л. 7 об.], а в 1876 г. на основании его прошения был перемещен в Управление Калмыцким народом и прослужил в Калмыцкой степи более 20 лет. Ситуация с мещанином Назаровым, получившим высшее образование, подпадает под действие ст. 8 этого же Устава. Согласно норме указанной статьи, получают право на поступление в гражданскую службу, «когда кто из них по месту воспитания своего приобретает право на классный чин или вообще окончит курс учения в таком заведении, из которого, на основании сего устава, дозволено принимать в службу независимо от рода и звания».

6,5% от общего числа улусных попечителей по своему происхождению отнесли себя к духовенству. В числе положений Устава о службе также имели место ограничения в отношении детей из семей священнослужителей. Так, в соответствии со ст. 7 способных к службе детей церковнослужителей дозволялось определять в канцелярские служители консисторий, духовных попечительств и духовных правлений, «с таким ограничением, чтобы они не имели права переходить в иную гражданскую службу». Право на поступление в гражданскую службу давали нормы, содержащиеся в ст.ст. 20, 21 Устава о службе, согласно которым для этого требовалось особое разрешение от духовного начальства и свидетельство от губернского правления. Среди попечителей, в аттестате которых указывалось происхождение «из семьи священнослужителей», были П.П. Максимович, окончивший полный курс Симбирского духовного училища, а также он «обучался в Симбирской духовной семинарии, но не окончивший курса по увольнению из духовного звания...» [29. Д. 265. Л. 73 об.], А.С. Балыклейский, Н.И. Россинский и М.И. Соколов.

5 апреля 1832 г. император Александр I подписал Манифест «Об установлении нового сословия под названием Почетных граждан» [30]. В соответствии с данным документом учреждалось как потомственное, так и личное почетное гражданство, его представители получали ряд привилегий, отличающих их от купечества и мещан: свобода от подушной подати, телесных наказаний в случае совершения преступлений, а также право избраться на общественные выборные должности. Анализ сословного происхождения улусных попечителей показал, что 2,6% от их общего числа относятся к почетным гражданам. Один из них – Виталий Ефимович Локтев, в 1905 г. окончивший Санкт-Петербургский Императорский университет и заступивший в Земский Отдел по инородческому производству, 15 апреля 1906 г. на основании прошения был переведен в Калмыцкую степь на должность попечителя Яндыко-Мочажного улуса, а 10 ноября

1911 г. назначен Заведующим Калмыцким народом [28. Д. 194].

Еще 2% улусных попечителей являлись выходцами из крестьянского сословия, тогда как вышеупомянутая ст. 5 Устава о службе содержит ограничение по сословному принципу для лиц податных сословий при поступлении на гражданскую службу, к каким относились прежде всего крестьяне. Так, приказом Астраханского губернатора от 9 сентября 1902 г. за № 481 к исправлению должности попечителя Малодербетовского улуса был допущен Михаил Дмитриевич Ермаков, происходивший из крестьян Самарской губернии. Уровень его образования – Сулакское начальное народное училище Самарской губернии, что не позволяло воспользоваться положением ст. 8 Устава о службе. Законодательный акт, отменивший сословный принцип при производстве в первый классный чин, был

высочайше утвержден 5 октября 1906 г.; согласно ему «канцелярские служители для производства их в первый классный чин делятся на разряды в зависимости от полученного ими образования» [31]. Данная ситуация показывает, что, во-первых, сословное деление общества изжило себя, во-вторых, дефицит образованных кадров, в особенности на региональных окраинах, вынуждал местные власти привлекать на гражданскую службу лиц, не соответствующих существующим требованиям.

Представленный на рис. 2 анализ религиозной принадлежности улусных попечителей показывает, что абсолютное большинство (88,3%) из них являлись православными, незначительные доли последователей других конфессий распределились следующим образом: 6,5% – католики; 2,6% – лютеране; по 1,3% – армяно-григориане и мусульмане.

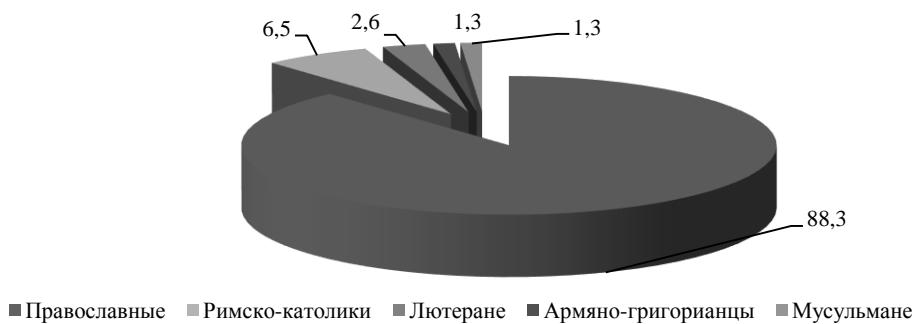

Рис. 2. Религиозная принадлежность улусных попечителей, %

Рис. 3. Образовательный уровень улусных попечителей, %

В соответствии с «Положением о порядке производства в чины по гражданской службе» все чиновники подразделялись по образованию на три разряда: лица с высшим образованием; со средним; лица, окончившие низшие учебные заведения либо получившие образование на дому [32]. Исходя из сведений, представленных в формулярных о службе списках, а также аттестатах попечителей, кроме указанных в вышеприведенном нормативном правовом акте уровней образования, были выделены неполное высшее и незаконченное среднее. На рис. 3 представлены результаты анализа образовательного уровня улусных попечителей Калмыцкой степи во второй половине XIX – начале XX в.

Статья 21 Устава о службе гласит: «Всяк желающий поступить в гражданскую службу, если не кончил курса учения в учебном заведении, обязан на предва-

рительном испытании доказать, что он не только умеет правильно читать и писать, но знает основания грамматики и арифметики, без чего никто в службу принят быть не может». Среди попечителей незначительная доля (1,3%) была и таких, которые в прямом смысле только и умели читать и писать, т.е. имели начальное образование; 3,7% улусных попечителей ограничились домашним образованием; более половины (77%) имели среднее и около четверти (19%) – высшее образование.

Из 12 существовавших в Российской империи Императорских университетов дипломы пяти – Московского, Санкт-Петербургского, Дерптского, Казанского, Томского – имели 12 улусных попечителей, а также двое не окончили обучение в Московском Императорском университете. Кроме того, на службе в улусных управлениях состояли выпускники Лазаревского ин-

ститута восточных языков и Новоалександрийского института сельского хозяйства и лесоводства.

Из улусных попечителей, имевших высшее образование, дворяне составляли 37,5%, разночинцы и обер-офицерские дети – по 18,75%, почетные граждане – 12,5%, выходцы из семей мещан и духовенства – по 6,25%, что наглядно отражало имперскую политику в сфере образования: высшее образование продолжало оставаться характерным для представителей привилегированного сословия, но с учетом незначительной доли тех, у кого дворянское звание являлось приобретенным по Табели о рангах.

Из числа улусных попечителей следует отметить Казимира Раздольского, получившего образование в Императорском Санкт-Петербургском университете, который 17 августа 1902 г. подал прошение о зачислении его на службу по Управлению калмыцким народом, указывая, что «в течение университетского курса он имел возможность ознакомиться с языком и бытом калмыков и монголов» [27. Д. 190. Л. 1]. По распоряжению Министра Внутренних Дел от 11 сентября 1904 г. за № 19480 и приказом Астраханского губернатора по Управлению калмыцким народом 23 сентября № 612 Раздольский был назначен Попечителем Малодербетовского улуса, но уже 18 августа 1905 г. согласно прошению уволен [Там же. Л. 81, 112].

Ученик профессора Санкт-Петербургского университета В.Л. Котвича, подготовившего немало научных работников, прославивших востоковедную науку, выпускник факультета восточных языков С.А. Козин нес службу на должности попечителя Яндыко-Мочажного, а затем Малодербетовского улуса. Губернатор И.Н. Соколовский в приказе о назначении Козина непременным членом астраханского губернского присутствия отмечает: «За 7 лет службы в Калмыцкой степи Козин близко ознакомился с жизнью, бытом и потребностями калмыков и, получив отличную подготовку по должности Заведывающего Калмыцким Народом, в коей с особым успехом и пользою для дела, провел около трех лет... связавший свое имя со степью и оставил им навсегда по себе добрую и благодарную память калмыков» [28. Д. 185. Л. 209]. Беспорочная служба таких образованных людей, безусловно, способствовала качественному улучшению жизни управляемого ими населения. К сожалению, не все из них задерживались в Калмыцкой степи.

Кроме того, по мнению О.В. Моряковой, «карьера чиновника зависела не от образования, а была делом случая или протекции» [2. С. 16]. Данное мнение подтверждается сведениями из послужного списка губернского секретаря Кичик Эрдниева, который «происходит из калмыков простолюдин Яндыковского улуса и окончил курс наук со степенью Действительного студента в Императорском Казанском университете [29. Д. 497. Л. 25]. На основании диплома 7 сентября 1882 г. он был определен Помощником Попечителя Яндыковского улуса, но уже в январе 1883 г. подал прошение об отставке, а 13 апреля – прошение о зачислении на должность переводчика, удовлетворенное 2 мая 1883 г. Что способствовало столь быстрому изменению по службе? По утверждению выпускника Военно-меди-

цинской академии Петербурга Эренджена Хара-Давана, среди калмыков бытовало мнение: «Зачем так долго учиться, все равно дальше писаря в улусном управлении не пойдешь, помощником попечителя все равно не будешь. В этом была доля правды. Никто из окончивших высшее учебное заведение не мог найти устраивающей, поле деятельности, службу среди своего народа» [33. С. 223]. Дальнейшая судьба К. Эрдниева не менее интересна. В декабре 1886 г. Главный Попечитель калмыцкого народа направляет на утверждение Астраханскому губернатору результаты выборов на должность правителя Яндыковского улуса, согласно которым избран К. Эрдниев. Астраханский губернатор Н.М. Цеймерман незамедлительно дает свое согласие и направляет ходатайство об утверждении К. Эрдниева в должности в Министерство Государственных Имуществ, указывая, что «...Эрдниев вероисповедания ламайского 1876 г., имеет от рода 40 лет, и хотя по происхождению калмык-простолюдин Яндыковского улуса, но окончивший курс в Императорском Казанском Университете со званием Действительного студента, на основании 1 п. 306 ст. IX т. Зак. О состоянии 1876 г. имеет права личного почетного гражданина и по своему юридическому образованию без сомнения будет полезен в делах службы» [29. Д. 497. Л. 42]. Департамент Общих Дел направил Главному Попечителю калмыцкого народа уведомление от 28 февраля 1887 г., в котором сообщалось, что Его Превосходительство «...не признал возможным утвердить Эрдниева, так как Правители улусом могут быть назначаемы только из рода зысангов или владельцев» [Там же. Л. 43]. Имперские власти стояли на защите интересов привилегированных слоев самодержавного государства, допущение к властным позициям простолюдина, даже имеющего высшее образование, тем более на национальной окраине, могло стать прецедентом и нарушить сложившийся на протяжении ряда столетий порядок в социальной структуре общества, без того подвергавшийся изменениям, обусловленным требованиями времени.

Среднее образование имели 57% улусных попечителей, состоявших на службе во второй половине XIX – начале XX в., среди них были выпускники военных, духовных и уездных средних учебных заведений.

Абсолютное большинство попечителей, окончивших военное среднее образовательное учреждение, после выхода в отставку поступали на гражданскую службу. Например, Николай Михайлович Анненков, происходивший из потомственных дворян, воспитывался в Санкт-Петербургской военной гимназии и окончил Елизаветградское кавалерийское училище. В 1893 г. на основании прошения в чине подпоручика ушел в отставку и в том же году по постановлению астраханского губернского правления назначен на должность пристава 4-го участка. Указом Правительствующего Сената по Департаменту Герольдии от 7 марта 1894 г. за № 125 был переименован в коллежские секретари со старшинством по чину поручика [21. Д. 775. Л. 5–10].

43% выпускников духовных средних образовательных учреждений из числа улусных попечителей

являлись выходцами из семей священнослужителей. Так, в аттестате М.В. Вейсова значится: «Происходит из священнических детей» [29. Д. 265. Л. 59]. Окончив Псковское духовное училище, он поступил на службу в Нижегородское губернское правление.

В.Ф. Недоносков и В.И. Степанов, происходивший из мещанского сословия, – оба окончили полный курс наук в Астраханской духовной семинарии, но согласно прошению первый был определен на службу Астраханский Приказ Общественного Призрения [28. Д. 220. Л. 9 об.], а второй – по постановлению астраханской Палаты уголовного и гражданского суда – определен на службу в ее штат канцелярским служителем [Там же. Д. 248. Л. 162 об.].

Следующей социально-демографической характеристикой попечительского корпуса является семейное положение. Из числа всех улусных попечителей около четверти на момент службы в Калмыцкой степи в графе «Семейное положение», указали: «холост», – тогда как их доля в числе имевших высшее образование составляла 43%, при этом возрастные границы колебались от 28 до 47 лет. На наш взгляд, годы учебы, а затем суровые условия службы на региональной окраине не способствовали созданию семьи. Немаловажным фактором выступал также размер жалованья. Так, не имеющий жены и детей попечитель Калмыцкого Базара Рафаил Дмитриевич Фенелонов в прошении, поданном им на имя Главного попечителя калмыцкого народа Ивана Степановича Картеля, пишет: «Исполняя Ваше приказание, я должен был произвести излишний расход из своего жалованья на проезд, содержание и наем квартиры для временной остановки... я должен был вновь обмундироваться и завести новое хозяйство... При настоящем положении, скоропостижном оставлении службы в период времени разрешения мне пенсии придется опять закладывать или продавать вещи для своего содержания» [29. Д. 601. Л. 23].

Сложнее ситуация складывалась у семейных чиновников, которые в своем большинстве озабочивались не проблемами государственной службы, а решением вопросов обеспечения семьи. Например, Александр Петрович Криницкий, воспитанник Александровского кадетского корпуса, выпускник Первого Казенного Павловского военного училища, состоял на военной службе с 1885 г., а в 1898 г. уволен в запас армии в чине поручика и в этом же году назначен Приставом 5-го участка г. Астрахани [21. Д. 1910. Л. 132–133 об.]. Приказом по Управлению калмыцким народом от 18 ноября 1899 г. А.П. Криницкий назначен на должность Попечителя Яндыко-Мочажного улуса, но тем же приказом ему было предписано вступить в должность Попечителя только по завершении всех дел по должности Чиновника Особых Поручений. В этой ситуации он понес дополнительные расходы, которые усугубили без того тяжелое материальное положение, что и обусловило его обращение с прошением к Главному Попечителю калмыцкого народа. Приведем отрывок из этого документа: «...мне с моей большой семьей приходилось жить на два дома в течение 3 1/2 месяцев только на 73 руб. в месяц... Пособие я получил по должности Чиновника Особых Поручений

59 р., каковые все-таки дали возможность кое-как перебиться моей семье. Накопившиеся за это время долги... принудили меня взять третье жалованье, которое удерживается теперь с меня по 40 р. в месяц. К Пасхе пособия я никакого не получил, так как уже не был Чиновником Особых Поручений, а Попечителем к Пасхе пособия не выдается. Удержание такой большой суммы (1/4 всего содержания в месяц) при такой большой семье и при необходимости поддерживать, кроме того, свое попечительское достоинство и не ударить лицом в грязь, отражается на мне тяжело» [Там же. Л. 41 об.]. Такого рода прошения являются не исключением, а, скорее, устоявшейся процедурой, при помощи которой чиновники пытались решить свои материальные проблемы.

Имущественное положение чиновников характеризуют сведения, представленные в графе «Есть ли имение», причем как у него самого, так и у его родителей и жены. На основе анализа привлекаемых источников было установлено, что только 12,7% из общего числа улусных попечителей являлись собственниками имущества, например К.И. Бухарин являлся владельцем деревянного дома в Астрахани, принадлежавшего умершей жене [29. Д. 193. Л. 8], А.И. Каллистов имел в г. Верном усадебное место с насаждениями и постройками на нем [34. Д. 192. Л. 25 об.], Н.И. Россинский – деревянный дом и разного рода постройки с землею в окрестностях деревни Кибирчины Сурожского уезда Черниговской губернии [Там же. Д. 47. Л. 2]. Основным и единственным источником доходов для большинства улусных попечителей являлось жалованье. Отдаленность от губернского центра зачастую приводила к злоупотреблениям улусных попечителей на местах. Так, во взяточничестве было уличено более четверти из числа рассматриваемых чиновников. По утверждению исследователя чиновничества России XIX в. П.А. Зайончковского, «...по многочисленным отзывам современников, взяточничество и казнокрадство с точки зрения чиновничьей морали было обычным явлением» [1. С. 143]. Абсолютное большинство этих чиновников принадлежало к потомственным дворянам, и только незначительная часть происходила из числа обер-офицерских детей и канцелярских служащих. Однако, судя по формулярным спискам, ни один из них не обладал недвижимостью, ни наследственной, ни благоприобретенной. Так, в отношении попечителя Малодербетовского улуса Астраханской Палатой Уголовного и Гражданского суда было принято решение: «Принять меры к поддержанию спокойствия в ставке Малодербетовского улуса, арестовать Попечителя Каллистова и произвести у него обыск ввиду указания стражи, что у него находятся запасы спирта для пьянства и наворованного у казны сахара, награбленные у калмыков шубы, часы и проч.» [34. Д. 192. Л. 85 об.]. Подобное поведение со стороны чиновничества, олицетворявшего имперские власти в регионе, не способствовало установлению престижа власти и, как следствие, эффективной интеграции инородческого общества в общероссийское пространство. Как отмечает Э. Хара-Даван, «...попечителями и помощниками попечителя чаще всего бывали люди с "домашним обра-

зованием”, да к тому же всякие отбросы центра: взяточники, пьяницы, драчуны, нередко и проворовавшиеся чиновники» [33. С. 223]. Инеродец, получивший высшее образование, как никто другой соприкоснувшись с попечительской системой, всячески препятствовавшей распространению образования в народе, прекрасно осознавал суть этого «попечительства» и кем оно осуществлялось.

Таким образом, социально-демографические характеристики попечительского корпуса Калмыцкой степи второй половины XIX – начала XX в. показывают, что половина из всех улусных попечителей принадлежала к дворянскому сословию. Если учесть факт наличия среди них приобретенного потомственного дворянского звания, то следует констатировать имевшую место вертикальную, восходящую социальную

мобильность, которая была характерна для представителей разночинных слоев российского общества, также занимавших значительное место в социальной структуре попечительского корпуса Калмыцкой степи.

Характеризуя образовательный уровень улусных попечителей, следует отметить его разнообразность: от домашнего до высшего. Региональная окраина, которой являлась Калмыцкая степь в рассматриваемый период, выступала благоприятной средой для карьерного роста. Отдаленность от центра, неизученность территории, незнание традиций и обычая народов, ее населяющих, длительный период военных конфликтов – все это в конечном итоге обусловило дефицит кадрового состава, способного адаптироваться в новых условиях и управлять народами, не приветствовавшими изменений веками устоявшегося уклада.

Список источников

1. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М. : Мысль, 1978. 288 с.
2. Морякова О.В. Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX в.: социальный портрет, быт и нравы // Вестник Московского университета. Сер. 8. 1993. № 6. С. 11–23.
3. Иванов В.А. Губернское чиновничество России в 50–60-х гг. XIX в. М. : Мысль, 1998. 235 с.
4. Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперский период (на территории Урала, 1892–1914 гг.). Самара ; Оренбург : ИПК ГОУ ОГУ, 2007. 750 с.
5. Избасарова Г.Б. Институт попечителей в Казахской степи XIX в.: правовое положение и должностные инструкции // Былые годы. 2017. Т. 46, № 4. С. 1366–1375.
6. Плех О.А. Провинциальное чиновничество России в первой половине XIX в.: отечественная историография конца XX – начала XX в. // Вопросы истории. 2019. № 11. С. 258–272.
7. Оспанова А.А. Изучение чиновничества в российской исторической науке // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17, № 3 (2). С. 499–502.
8. Pintner W.M. The Social Characteristics the Early Nineteenth Century Russian Bureaucracy. Т. II // Slavic Review. 1970. Vol. 29, № 3. P. 429–443.
9. Бурчинова Л.С. Из истории управления калмыцким народом (XIX в.) // Труды молодых ученых Калмыкии. Элиста : КНИИЯЛИ, 1973. Вып. 3: Серия истории и филологии. С. 59–67.
10. Мацакова Н.П., Амаева Д.В., Оконова Л.В. Роль чиновничества в социально-экономическом развитии и управлении Калмыкии в XIX в. // Каспийский регион: политика, экономика культуры. 2018. № 4 (57). С. 69–75.
11. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М. : Госполитиздат, 1958. Т. 2. 677 с.
12. Об изменении и сокращении состава Министерства Государственных Имуществ и подведомственных оному местных по губерниям учреждений // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1868. Т. XLI, ч. 2. № 44024. С. 469–471.
13. Расписание должностей и издержек по местному губернскому управлению государственных имуществ // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1868. Т. XLI, ч. II: Штаты табели. № 44024. С. 644–645.
14. О причислении Харахусо-Эрдниевского калмыцкого улуса к разряду казенных улусов и об устройстве в нем нового управления // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1890. Т. VIII. № 4965. С. 17–18.
15. Штат по Управлению калмыцким народом к № 24144. 1847 г. Апреля 23 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1848. Т. XXII, ч. 2. С. 63–65.
16. Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М. : Наука, 2002. 524 с.
17. Порядок заведывания кочующими в Ставропольской губернии калмыками, и о новой пограничной черте между Ставропольской и Астраханской губерниями от 13 марта 1860 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1862. Т. XXXV, ч. 1. № 35556. С. 222.
18. Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. И-7. Оп. 4.
19. О наименовании Багацохуровского калмыцкого улуса «Багацохуро-Муравьевским» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1867. Т. XXXIX. № 41075. С. 626–627.
20. О наименовании Хошоутовского Калмыцкого улуса «Александровским» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб. : Тип. II Отделения Его Императорского Величества канцелярии, 1880. Т. LIII. № 58051. С. 11.
21. НА РК. Ф. И-9. Оп. 5.
22. Лиджиева И.В., Бадмаева Е.Н. Толмачи-калмыки на государственной службе Российской империи: социальный статус и пределы карьерного роста // Былые годы. 2019. № 4. С. 1716–1725.
23. О некоторых изменениях в личном составе Управления Калмыцким народом // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1885. Т. 1. № 354. С. 266–267.
24. Положение Комитета Министров о некоторых изменениях в составе Управления калмыцким народом // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1886. Т. 2. № 1075. С. 391–392.
25. Устав о службе гражданской по определению от правительства // Свод законов Российской империи. СПб. : Тип. II Отделения Собственной его Императорского Величества канцелярии, 1857. Т. 3, тетрадь 1. С. 1–39.
26. О порядке приобретения дворянства службою // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1846. Т. XX, ч. I. № 19086. С. 450–451.
27. НА РК. Ф. И-9. Оп. 1.
28. НА РК. Ф. И-9. Оп. 11.

29. НА РК. Ф. И-9. Оп. 4.
30. Об установлении нового сословия под названием Почетных граждан // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1833. Т. VII. № 5284. С. 193–195.
31. Об изменениях порядка производства в первый классный чин и переименования в гражданский чин из офицерского // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1906. Т. XXVI, ч. I. № 28393. С. 893–894.
32. Положением о порядке производства в чины по гражданской службе // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1834. Т. IX. № 7224. С. 656–665.
33. Хара-Даван Э. Калмыцкие студенты-пионеры // Эренджен Хара-Даван и его наследие : сб. ст. и материалов / сост. А.Э. Алексеева. Элиста : Герел, 2012. 350 с.
34. НА РК. Ф. И-9. Оп. 2.

References

1. Zayonchkovskiy, P.A. (1978) *Pravitel'stvennyy apparat samoderzhavnoy Rossii v XIX v.* [The government apparatus of autocratic Russia in the 19th century]. Moscow: Mysl'.
2. Moryakova, O.V. (1993) *Provintsial'noe chinovnichestvo v Rossii vtoroy chetveri XIX v.: sotsial'nyy portret, byt i nravy* [Provincial bureaucracy in Russia in the second quarter of the 19th century: a social portrait, way of life and customs]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8.* 6. pp. 11–23.
3. Ivanov, V.A. (1998) *Gubernskoe chinovnichestvo Rossii v 50–60-kh gg. XIX v.* [Provincial officials of Russia in the 1850–60s]. Moscow: Mysl'.
4. Lyubichankovskiy, S.V. (2007) *Gubernskaya administratsiya i problema krizisa vlasti v pozdneimperskiy period (na territorii Urala, 1892–1914 gg.)* [Provincial administration and the crisis of power in the late imperial period (on the territory of the Urals, 1892–1914)]. Samara; Orenburg: SEI OSU.
5. Izbasarova, G.B. (2017) *Institut popechiteley v Kazakhskoy stepi XIX v.: pravovoe polozhenie i dolzhnostnye instruktsii* [Institute of trustees in the Kazakh steppe of the 19th century: the legal status and job descriptions]. *Bylye gody.* 46(4). pp. 1366–1375.
6. Plekh, O.A. (2019) Provincial bureaucracy of russia in the first half of the 19th century: domestic historiography of the end of the 20th – early 21st century. *Voprosy istorii.* 11. pp. 258–272. (In Russian). DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201911Staty33
7. Ospanova, A.A. (2015) *Izuchenie chinovnichestva v rossiyskoy istoricheskoy nauke* [The study of bureaucracy in Russian historical science]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk – Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.* 17(3-2). pp. 499–502.
8. Pintner, W.M. (1970) The Social Characteristics the Early Nineteenth Century Russian Bureaucracy. Vol. II. *Slavic Review.* 29(3). pp. 429–443.
9. Burchinova, L.S. (1973) *Iz istorii upravleniya kalmytskim narodom (XIX v.)* [From the history of the management of the Kalmyk people (the 19th century)]. *Trudy molodykh uchenykh Kalmykii.* 3. pp. 59–67.
10. Matsakova, N.P., Amaeva, D.V. & Okonova, L.V. (2018) The role of bureaucracy in socio-economic development and management of Kalmykia in 19th century. *Kaspiskiy region: politika, ekonomika kul'tura – The Caspian Region: Politics, Economics, Culture.* 4(57). pp. 69–75. (In Russian).
11. Lenin, V.I. (1958) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 2. Moscow: Gospolitizdat.
12. Russia. (1868a) Ob izmenenii i sokrashchenii sostava Ministerstva Gosudarstvennykh Imushchestv i podvedomstvennykh onomu mestnykh po guberniyam uchrezhdeniy [On changing and reducing the composition of the Ministry of State Property and subordinated to it local institutions in the provinces]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 2. Vol. XLI(2). № 44024. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. pp. 469–471.
13. Russia. (1868b) Raspisanie dolzhnostey i izderzhek po mestnomu gubernskomu upravleniyu gosudarstvennykh imushchestv [Schedule of positions and costs for the local provincial administration of state property]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 2. Vol. XLI(2). № 44024. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. pp. 644–645.
14. Russia. (1890) O prichislenii Kharakhuso-Erdnievskogo kalmytskogo ulusa k razryadu kazennyykh ulusov i ob ustroystvye v nem novogo upravleniya [On classifying the Kharakhuso-Erdnievsky Kalmyk ulus to the category of state uluses and on the arrangement of a new administration in it]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 3. Vol. VIII. № 4965. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. pp. 17–18.
15. Russia. (1848) Shtat po Upravleniyu kalmytskim narodom k № 24144. 1847 g. Aprelya 23 [Staff for the Administration of the Kalmyk people to No. 24144. April 23, 1847]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 2. Vol. XXII(2). St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. pp. 63–65.
16. Maksimov, K.N. (2002) *Kalmykiya v natsional'noy politike, sisteme vlasti i upravleniya Rossii (XVII–XX vv.)* [Kalmykia in national politics, the system of power and government in Russia (the 17th – 20th centuries)]. Moscow: Nauka.
17. Russia. (1862) Poryadok zavedyvaniya kochuyushchimi v Stavropol'skoy gubernii kalmykami, i o novoy pogranichnoy cherte mezhdu Stavropol'skoy i Astrakhanskoy guberniyami ot 13 marta 1860 g. [The order of management of Kalmyks nomadic in the Stavropol province, and about the new border line between the Stavropol and Astrakhan provinces of March 13, 1860]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 2. Vol. XXXV(1). № 35556. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. pp. 222.
18. The National Archives of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-7. List 4.
19. Russia. (1867) O naimenovanii Bagatsokhurovskogo kalmytskogo ulusa "Bagatsokhuro-Murav'evskiy" [On naming the Bagatsokhurovsky Kalmyk ulus as "Bagatsokhuro-Murav'evsky"]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 2. Vol. XXXIX. № 41075. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. pp. 626–627.
20. Russia. (1880) O naimenovanii Khoshoutovskogo Kalmytskogo ulusa "Aleksandrovskim" [On naming the Khoshoutovsky Kalmyk ulus as "Aleksandrovsky"]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 2. Vol. LIII. № 58051. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. p. 11.
21. The National Archives of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-9. List 5.
22. Lidzhieva, I.V. & Badmaeva, E.N. (2019) *Tolmachi-kalmyki na gosudarstvennoy sluzhbe Rossiyskoy imperii: sotsial'nyy status i predely kar'ernogo rosta* [Kalmyk interpreters in the public service of the Russian Empire: social status and limits of career growth]. *Bylye gody.* 4. pp. 1716–1725.
23. Russia. (1885) O nekotorykh izmeneniyakh v lichnom sostave Upravleniya Kalmytskym narodom [On some changes in the personnel of the Administration of the Kalmyk people]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 3. Vol. 1. № 354. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. pp. 266–267.
24. Russia. (1886) *Polozhenie Komiteta Ministrov o nekotorykh izmeneniyakh v sostave Upravleniya kalmytskim narodom* [Regulations of the Committee of Ministers on some changes in the composition of the Administration of the Kalmyk people]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 3. Vol. 2. № 1075. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. pp. 391–392.
25. Russia. (1857) *Ustav o sluzhbe grazhdanskoy po opredeleniyu ot pravitel'stva* [Charter on civil service by the Government definition]. In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 3(1). St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. pp. 1–39.
26. Russia. (1846) *O poryadke priobreteniya dvoryanstva sluzhboyu* [On the procedure for acquiring nobility by service]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 2. Vol. XX(1). № 19086. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. pp. 450–451.

27. The National Archives of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-9. List 1.
28. The National Archives of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-9. List 11.
29. The National Archives of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-9. List 4.
30. Russia. (1833) Ob ustanovlenii novogo sosloviya pod nazvaniem Pochetnykh grazhdan [On the establishment of a new class called Honorary Citizens]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 2. Vol. VII. № 5284. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. pp. 193–195.
31. Russia. (1906) Ob izmenenii poryadka proizvodstva v pervyy klassnyy chin i pereimenovaniya v grazhdanskiy chin iz ofitserskogo [On changing the order of production to the first class rank and renaming to the civil rank from the officer]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 3. Vol. XXVI(1). № 28393. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. pp. 893–894.
32. Russia. (1834) Polozheniem o poryadke proizvodstva v chiny po grazhdanskoy sluzhbe [Regulations on the order of production in the ranks of the civil service]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 2. Vol. IX. № 7224. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. pp. 656–665.
33. Khara-Davan, E. (2012) Kalmytskie studenty-pionery [Kalmyk students-pioneers]. In: Alekseeva, A.E. (ed.) *Erendzhen Khara-Davan i ego nasledie* [Erendzhen Khara-Davan and His Heritage]. Elista: Gerel.
34. The National Archives of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-9. List 2.

Сведения об авторе:

Лиджиева Ирина Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: irina-lg@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Lidzhiieva Irina V. – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Humanitarian Studies, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: irina-lg@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.12.2020; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 03.12.2020; accepted for publication 06.05.2022

Научная статья

УДК 94(571.54)(=161.1)

doi: 10.17223/19988613/77/5

Старообрядческие общины Бурятии в условиях экономической и социокультурной модернизации 1920-х гг.: адаптация и противостояние

Анна Максимовна Плеханова¹, Ирина Семеновна Цыремпилова²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия, plehanova.am@mail.ru

² Восточно-Сибирский государственный институт культуры, Улан-Удэ, Россия, irina161073@mail.ru

Аннотация. Выявлена специфика взаимоотношений старообрядческих общин Бурят-Монгольской АССР с советской властью в условиях социально-экономической модернизации 1920-х гг., показаны реакции староверов на формы и методы антирелигиозной борьбы, исследована динамика их взглядов по отношению к экономическим новациям, реформам в образовании и здравоохранении и др. Установлено, что активно разворачивающееся советское строительство противоречило старообрядческим догматам и вызывало неоднозначные реакции – от попыток адаптации до категорического отрицания и противостояния. Доказано, что восприятию нововведений препятствовали герметичность старообрядческого сообщества, его изолированность и замкнутость, архаическая традиционность.

Ключевые слова: старообрядцы Бурятии (семейские, староверы), советская власть, модернизация, адаптация, противостояние

Благодарности: Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика geopolитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5).

Для цитирования: Плеханова А.М., Цыремпилова И.С. Старообрядческие общины Бурятии в условиях экономической и социокультурной модернизации 1920-х гг.: адаптация и противостояние // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 41–50. doi: 10.17223/19988613/77/5

Original article

The Old Believers' communities of Buryatia under economic and socio-cultural modernization in 1920s: adaptation and resistance

Anna M. Plekhanova¹, Irina S. Tsyrempilova²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation, plehanova.am@mail.ru

² East Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russian Federation, irina161073@mail.ru

Abstract. The topicality of the research is due to the necessity of analyses of group and individual strategies of adaptation, coexistence and resistance of the traditional communities, including the Old Believers' communities, under the new social reality of 1920s. This period is characterized with fast shift from one economic condition to other, transformation of political, economic and social spheres, and the break of traditional ideas. The research will be enable to significantly adjust the contemporary vision of economic and socio-cultural modernization of national autonomy – the Buryat-Mongolian ASSR. The article focuses on the features of interiorization of the Soviet power by the Old Believers with the accent on the problem of adaptation of novelties into everyday life. Based on the published resources and archive materials the article reveals the specificity of the relationships between the Old Believers' communities and authorities. It also shows the reactions of the Old Believers on methods of antireligious agitation and propaganda; provides the analysis of their attitude to modernization projects in education and health care; examines the features of assimilating the novelties in economic, leisure and everyday practices, in marriage and family relations.

The complicated process of assimilating new social practices and economic relations imposed by the Soviet power in the Buryat-Mongolian ASSR developed gradually because of the late establishment of the Soviet power and ethnocultural and economic features of the region. Firstly, the Old Believers took new power as a force that could adjust local life, but with the growth of antireligious struggle their attitude to atheistic power turned into negative. The authorities started to use administrative levers to influence the Old Believers' communities, and methods of socio-cultural events relating

to every sphere of people's life became more and more aggressive, which increased the Old Believers' aversion of the atheistic regime and facilitated the popularity of opposition attitudes.

The research shows that the more conservative a community is, the harder its members, especially the most orthodox ones, perceive novelties, the stronger they oppose and resist these novelties. The practice of implementing the Soviet modernization projects of the 1920s revealed that the state must take into account the historical, ethnocultural and confessional features of the regions and the peoples inhabiting them when choosing the means and elaborating the mechanisms of reforming the society.

Keywords: the Old Believers of Buryatia, Soviet power, modernization, adaptation, resistance

Acknowledgments: The article was prepared out within the state assignment (project "Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic and Intercultural Interaction (17th-21st Centuries)", № 121031000243-5).

For citation: Plekhanova, A.M., Tsyrempilova, I.S. (2022) Old Believer communities of Buryatia in the conditions of Economic and socio-cultural modernization of the 1920s: adaptation and confrontation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Iстория – Tomsk State University Journal of History.* 77. pp. 41–50. doi: 10.17223/19988613/77/5

В современных гуманитарных науках предметом пристального исследовательского интереса является советская модернизация 1920–1930-х гг. Традиционным подходом к изучению процессов экономической и социокультурной трансформации долгое время являлся «взгляд сверху», с позиции осуществления государственной политики. Сегодня одним из актуальных направлений является изучение проблем восприятия и понимания модернизационных процессов, реакций на них как отдельных граждан, так и целых сообществ. В настоящей статье предпринята попытка анализа стратегий адаптации, сосуществования и противостояния старообрядцев Бурятии в условиях новой социальной реальности 1920-х гг. Этот период характеризуется быстрым переходом из одного экономического состояния в другое, трансформацией политических, хозяйственных и социальных сфер, сломом устоявшихся традиционных представлений. Следует отметить, что в современной региональной историографии уже имеется положительный опыт изучения взаимоотношений старообрядческих общин с советской властью [1–6].

Развиваясь в контексте общегосударственной политики, модернизационные процессы на территории Бурятии по масштабам, глубине и темпам преобразований имели свою специфику. Природно-географические особенности региона, особое geopolитическое положение (близость к странам Центральной Азии), богатство природных ресурсов при недостатке капиталов для их освоения, сочетание различных типов хозяйственной деятельности, неразвитость промышленной базы и кадровых ресурсов – все это предопределило специфику преобразований. Создание в 1923 г. национальной автономии коренного этноса Западного Забайкалья – бурят – привнесло в процесс социально-экономической модернизации региона «национальный» оттенок. Бурят-Монгольская АССР представляла собой территорию взаимодействия различных этнических и конфессиональных групп, которые проживали в непосредственной близости друг от друга, но при этом сохраняли собственный традиционный образ жизни. Поэтому действия власти в старообрядческом селе, бурятском улусе или в столице республики – Верхнеудинске, направленные на внедрение нововведений, воспринимались по-разному и требовали выработки специфических для каждого отдельного случая мер.

После революции и установления советской власти в Западном Забайкалье старообрядцы оставались наиболее традиционной, патриархальной, крепко спаянной группой. Их поселения представляли собой закрытые сообщества, изначально считавшие все нововведения враждебными и чуждыми. Как известно, семейских отличали прекрасная физическая форма, огромное трудолюбие, непреклонная воля, социальная сплоченность, трудовая солидарность и др. Их существенной характеристикой являлся заметный прирост населения, который «шел значительно быстрее, нежели сибирского» [7. Л. 5]. Об этом свидетельствуют материалы учета естественного движения населения, согласно которым уровень рождаемости в Мухоршибирском районе, где 70% жителей составляли старообрядцы, был в два раза выше, чем в среднем по Бурятии [8. Л. 38]. Согласно материалам Бурят-Монгольского обкома ВКП(б), в период с 1919 по 1926 г. произошел существенный рост численности дворов в ряде сел: в Шаралдае с 370 до 602, в Харашибири с 380 до 490, в Новой Бряни с 378 до 481, в Мухоршибири с 360 до 415. В целом в республике по данным 1926 г. насчитывалось 3 694 старообрядческих хозяйств [9. Л. 2, 74]. По подсчетам исследователей, общая численность проживавших в республике старообрядцев в 1920-е гг. составляла около 70 тыс. человек [10. С. 87].

Учитывая локальные особенности и специфику старообрядцев, местные власти в 1926 г. инициировали проведение комплексного обследования быта и экономического состояния семейского населения БМ АССР, результаты которого позволили обосновать необходимость разработки и применения специальных мер по отношению к старообрядцам [9. Л. 1–51]. Сложность восприятия и противостояние старообрядцев мероприятиям советской власти, недостатки и перегибы со стороны местных чиновников стали предметом обсуждения совещания работников семейских районов республики, прошедшего в Верхнеудинске с 17 по 20 июля 1928 г. На совещании, в работе которого приняли участие 42 делегата, были обсуждены актуальные вопросы партийного и хозяйственного строительства, культурно-бытовой работы и антирелигиозной пропаганды в семейских районах [7. Л. 1–46; 11. Л. 106–129; 12. Л. 3–35, 51–86]. Проведение комплексного обследования и организация специального совещания свиде-

тельствовали об особом отношении власти к старообрядческому сообществу.

Семейские и советская власть: сосуществование или противостояние?

После прихода к власти большевиков старообрядцы не могли оставаться в стороне от набирающих силу процессов строительства нового общества. Главным вопросом для них, как, впрочем, уже на протяжении более чем двух с половиной столетий, стала проблема взаимоотношений с властью, но теперь уже с новой – советской.

После окончания Гражданской войны отношение забайкальских старообрядцев к советской власти было, скорее, лояльным и благоприятным, что обуславливалось как освобождением от «семеновщины» и интервентов, так и необходимости адаптации к новым реалиям. Можно говорить о том, что старообрядцы увидели возможность сохранить свою веру при условии прекращения открытой борьбы с правящей властью. Однако по мере проведения в жизнь мероприятий новой власти, в том числе усиления антирелигиозной пропаганды, отношение к коммунистам стало стремительно ухудшаться.

Катализатором, подтолкнувшим активное сопротивление старообрядческих общин, стало объявление обязательной регистрации религиозных объединений. Власть, оформляя таким образом правовые взаимоотношения, стремилась ввести учет религиозных организаций и верующих и наладить надзор за их деятельность. Естественным ответом стал категорический отказ старообрядческих общин, мотивировавших свою позицию тем, что «регистрировать культ не позволяют канонические правила» [6. С. 142]. Это стало предметом обсуждения на специальном закрытом заседании бюро Бурят-Монгольского обкома РКП(б) 15 января 1924 г., где было принято решение закрыть и опечатать два-три молельных дома в качестве исключения и с целью давления [13. Л. 5]. Такие действия вызвали еще большее негодование со стороны верующих, поскольку нанесение «антихристовой печати» воспринималось ими не только как акт передачи культового здания в распоряжение властей, но и как порча их имущества, прямая угроза святой вере. Учитывая общую, угрожающую социальным взрывом, ситуацию, власти были вынуждены отступить и «в смысле закрытия... не принимать никаких решений и мер по отношению старообрядческого населения без согласования с ГПУ». Но эта ретирада была временной.

Уже с 1926 г. стала проводиться массовая регистрация. По справедливому мнению современных исследователей, «общины в процессе регистрации были вынуждены жертвовать своей традиционной замкнутостью и закрытостью религиозно-общественной жизни, а это вызывало сомнения в совместности сотрудничества с властью с основами “христианского вероисповедания” и побуждало староверов тщательно продумывать последствия своих шагов» [4. С. 61]. К 1 января 1930 г. в Бурят-Монгольской АССР было зарегистрировано 50 старообрядческих общин с общей

численностью в 22 640 верующих [14. Л. 16–17 об.]. В этом проявилось однозначное стремление власти не только поставить старообрядческие общины под тотальный контроль, но и в недалекой перспективе полностью изжечь религию из повседневности советских граждан.

Строго соблюдая основные догматы своей веры, «выработанные в вековой борьбе с царизмом», старообрядцы не принимали никаких нововведений. Партийных работников они стали называть «слугами антихриста», «дьявольским сосудом» и т.д. Большинство боялось вступить в кооперацию, поскольку членам выдавалась книжка с печатью. Довольно противоречивым было мнение о В.И. Ленине: некоторые считали, что он перед смертью раскаялся, отступил от «куммунии», пригласил папу, причастился, и его похоронили «с архиереями». Из имени Ленина, а также из пятиконечной звезды, по расчетам староверов, получалось число 666. Красноармейский головной убор ассоциировался у них с «ликом звериным» [9. Л. 28–29].

В секретном отчете уполномоченного по Надеинской волости Верхнеудинского уезда за 1925 г. сообщалось: «Старообрядцы отличаются особой непримиримостью ко всему новому, откуда бы оно не исходило... влияние революционных тенденций оказало воздействие и на них, в первую очередь на бедноту, но зажиточные крестьяне являются столпом и хранителями церковных преданий, выразителями общественного мнения... Темнота их и невежество огромны» [15. Л. 4].

С середины 1920-х гг. общественное мнение складывалось не в пользу властей. Большинство семейских относилось к коммунистам «не особенно доброжелательно», во многих селах «некоторые слои населения даже враждебно», но все вынуждены были признавать власть советов, придерживаясь слов писания: «Нет власти, если не от Бога». К этим «некоторым слоям» относились прежде всего состоятельные старообрядцы и уставщики. Так, в 1926 г. в донесениях ОГПУ отмечалось, что «со стороны старообрядческого духовенства имеются также проявления агитации среди населения с целью восстановления последнего против советской власти» [5. С. 36].

Одной из распространенных была легенда о конце советской власти, который должен был наступить в 1926 г. Так, крестьянка из Новой Бряни Евгения Агеевна Матвеева, 35 лет, рассказывала, что «в этом году, коммунистов не будет, влась есть тоже переменит-ся придет привидент (президент. – А.П., И.Ц.) он будет царствовать тридцать три года, жись будет при ем бравая, адали прежняя... наступит такое время – земля не будет давать плода, неба дажжа, деревья посохнут, звери и скот будут ходить и кричать не находя себе еды, все это будет как сказана в писании» [9. Л. 15].

Следует отметить, что в послереволюционный период для старообрядческого крестьянства не были закрыты пути социальной адаптации. Советская власть пыталась использовать в своих целях его стремление к «общинной, коммунистической жизни», предоставив при определенных условиях возможность организовывать советские сельскохозяйственные коллективы со свободным управлением культа. Позднее эта ини-

циатива была свернута по идеологическим соображениям. Тем не менее можно говорить, что в первые годы старообрядчество не рассматривалось советской властью в качестве враждебной социализму религиозной общности.

«Успехи» антирелигиозной борьбы среди старообрядцев

Специфику взаимоотношений старообрядческого населения и власти определял религиозный фактор. Поскольку религия являлась основой основ и определяла все стороны хозяйственной, социальной и культурной жизни старообрядцев, их естественной реакцией стала решительная защита своих традиционных ценностей. Активно разворачивавшаяся на протяжении 1920-х гг. антирелигиозная борьба, ее формы и методы вызывали крайнее возмущение и противостояние староверов.

Наиболее влиятельными в старообрядческих общинах были уставщики и начетчики. Это были грамотные, пользующиеся непререкаемым авторитетом руководители общин. Они не были посвящены в духовный сан, но вели богослужения и совершили церковные обряды. Они могли крестить, исповедовать умирающего, отпевать покойников. Как отмечалось в отчете Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) по результатам специального обследования быта и экономического состояния старообрядческого населения в 1926 г., «они были и есть страшное зло в семейских селах, губя всякое живое начало и заставляя своей церковной властью пребывать во мраке и невежестве» [9. Л. 15, 29].

Влияние и роль уставщиков и начетчиков при формировании общественного мнения вызывали небезосновательную обеспокоенность советских чиновников. За наиболее истовыми служителями культа устанавливалось наблюдение спецслужб, что находило отражение в агентурных обзорах: «Уставщик с. Шаралдай Павлуцкий И.К. имеет влияние на население и агитирует за религию, запугивает отлучением от церкви... в с. Надеино уставщики Хомяков Михаил и Павлов Фома проводят собрание, настаивают не хоронить тех, кто курит табак и состоит членом Общества потребителей» [16. Л. 73].

Важным направлением стала борьба на идеологическом фронте, или антирелигиозная пропаганда, целью которой являлось стремление «выбить» из сознания людей «религиозный дурман» и освободить его для новой – социалистической – идеологии. Это должно было привести к сокращению числа верующих, особенно среди молодежи. Партийные работники отмечали, что эффективному проведению антирелигиозной работы в семейских районах мешал ряд трудностей и особенностей. К ним относились крепость семейных устоев, безусловный авторитет старшего поколения, поголовная неграмотность населения, болезненная религиозность, переходящая в фанатизм, отторжение нового и др.

Ответом со стороны староверов стали обвинения новой власти в отрицании бога, а следовательно, – в «склонении ко диаволу». Вскоре они и вовсе утвер-

дились в мнении, что «христианам, боящимся Бога, лучше со зверьми в лесах жить и всякую нужду переносить», чем «в городах или в красных селах при власти жить, от Бога отступив» [17. С. 331]. Название «антихристов» прочно укоренилось за советскими чиновниками за то, что «не молятся Богу и не соблюдают праздников», за их грехи выпадают «все беды и напасти». «Особенно яростно настроены старухи. Они при виде красного знамени и пионерских галстуков падают ниц лицом в землю. Одна из них при виде пионера схватила внука за голову, пригнула к земле, говоря: “Лежи и не гляди, антихристы идут”»; «...старухи поварчивают, считая, что некрещеное дитя должно обязательно болеть» [9. Л. 47].

Антирелигиозная пропаганда была сконцентрирована в комплексе социокультурных мероприятий, затрагивающих все стороны жизни населения. «Выдержанная линия по внедрению безбожия прежде всего в семье, а затем и в окружающем населении» проводилась в партийных ячейках («есть случаи, и очень нередки, когда коммунисты имеют иконы, молятся Богу для “показа”»), в сельских органах («работа по внедрению культурных навыков в сельское хозяйство»), в избах-читальнях, красных уголках, школах («умело поставленное антирелигиозное воспитание», «объяснение явлений природы в противовес силе Бога») и др. Большой объем работы возлагался на общественные организации, в том числе и на комсомол, были случаи когда «...они, например, ругают матом начетчиков, в результате чего начетчики проклинают их, зовут еретиками» [7. Л. 12–14].

В 1920-е гг. религиозная обрядность, социальное расслоение, роль служителей культа были еще достаточно сильны, что обусловило принятие активных мер органами власти. На совещании партийных работников семейских районов, состоявшемся в июле 1928 г., антирелигиозная борьба выдвигалась как «основное направление советской работы», в отношении уставщиков и начетчиков предлагалось на местах принять «самые решительные меры для того, чтобы заставить их замолчать» [Там же. Л. 23]. Практическая реализация решений этого совещания начала активно осуществляться в 1930-е гг.

Отношение семейских к экономическим мероприятиям советской власти

С момента появления в Забайкалье старообрядцы старались рационально устраивать свои хозяйства. Они принесли с собой высокую сельскохозяйственную культуру, выращивали рожь, пшеницу, ячмень, гречиху, овес, занимались огородничеством. Скотоводство играло в их хозяйствах подсобную роль. Практически все современники отмечали значительные хозяйствственные успехи семейских, которых отличало большое трудолюбие.

В 1920-е гг. староверы по-прежнему старались поддерживать и развивать свое хозяйство всеми способами. Но ко всяким новшествам многие относились отрицательно. Начавшееся межевание земель они посчитали делом, Богу не угодным: «Грех землю мерять

разными инструментами». Поставленные на возвышенных местах триангуляционные сооружения, по мнению староверов, отгоняли тучи, отчего и случалась засуха. Употреблять разные машины в хозяйстве – сепараторы, жатки, молотилки, жнейки, косилки и т.д. – считалось грехом. Семейские, особенно пожилые, полагали, что лучше «до смерти пахать на своей сохе».

Тем не менее, будучи от природы рачительными хозяевами, старообрядцы не могли не замечать экономической выгоды от использования различных технических новшеств. Прислушиваясь к рекомендациям агронома, они все чаще, особенно во второй половине 1920-х гг., стали приобретать сельскохозяйственный инвентарь, некоторые даже мечтали о тракторе. «Не пойдет у нас по горам трахтур, виши какая бединушка» [18. С. 288], – сетовал житель с. Жирим Архип Петров. Кроме того, семейские стали задумываться над правильностью распределения полей и их обработки, «начинают поговаривать об искусственном удобрении, о переходе с двухполья на многополье, а также пробуют прививать другие культуры». К примеру, в с. Новая Брянь за счет «увеличения машин и применения агрономической помощи, а также путем расширения оросительных канав» значительно повысился урожай трав, что позволило увеличить поголовье домашнего скота [9. Л. 27, 43].

К экономическим мероприятиям советской власти, в частности к колхозному строительству, развернувшемуся в республике со второй половины 1920-х гг., семейские относились негативно. В 1927 г. в Бурятии имелось 65 колхозов [19. Л. 5], в то время как в районах с семейским населением, где сильное влияние имели зажиточные крестьяне, выступавшие против колхозных хозяйств, колхозов не было вовсе. Старообрядческие хозяйства игнорировали, а порой бойкотировали, кампании по сбору единого сельхозналога. Так, налоговые сельскохозяйственные сборы в 1924/1925 хозяйственном году в целом по республике были выполнены на 1 октября в размере 103,4%, в то время как в Верхнеудинском уезде лишь на 84,76% годового задания [20. С. 12]. Здесь, особенно в районах, где проживало семейское население, почти 50% хозяйств совсем не вносили налог вплоть до января по причине высокого обложения и низких заготовительных цен. Невыполнение налога было связано как с неприятием экономической политики большевиков, так и с выживательным настроением крестьян, которые говорили: «Идет борьба между сторонниками Сталина и Троцкого, посмотрим, кто победит. Если победит Троцкий, то налог с крестьянства будет снят, потому что Троцкий за крестьян, против налога» [21. Л. 8].

Особенности восприятия староверами советской образовательной политики

Сложно и неоднозначно происходило усвоение семейскими мероприятий советской власти, направленных на ликвидацию неграмотности и расширение школьного образования. В 1919 г. профессор Иркутского университета А.М. Селищев, проезжая с научно-исследовательской целью по семейским селам, отметил повсеместные

случаи отрицательного отношения к школе: в Бичуре на сходе, когда говорил школьный инструктор, его прерывали словами: «не надо нам этого, жили мы и без школы, да цели были»; «старики училища нам не дают, уставщики в церковь пускать не будут». Оберегая патриархальные традиции, обычаи, нравы и привычки, старообрядцы и сами порой негативно высказывались о своей традиционной повседневности: «Мы народ глупый, темный, необразованный, – знаешь – семейства» [22. С. 11–14].

Несмотря на неприятие советской образовательной политики, на протяжении 1920-х гг. в семейских селах была развернута сеть культурно-социальных учреждений: школы и ликпункты, избы-читальни и красные уголки, клубы. Представление о том, как в те времена работали школы, дает выдержка из архивного документа: «В селе Нижний Жирим школа была открыта 1 октября 1921 г. В 1922–1923 гг. в повышении грамотности особых успехов не было. Старообрядцы в большинстве своем считают науку грехом. В селе нет школьного здания, школа помещается в частном доме. Учеников с начала учебного года было 43 человека, один учитель всех их не мог обучать в одно время. Он разбивал их на две группы. С первой занимался утром, а со второй – после обеда. Ввиду такой загруженности учителя школу для взрослых организовать не удалось. После пасхи многие родители забрали своих детей из школы для работы в поле. В школе осталось 10 учеников. К тому же однажды богатеи избили одного из активистов по ликвидации неграмотности Ф.Л. Калашникова за то, что под школу активисты заняли дом купца Ермоля. Калашников же привез из города учителя, которому за обучение детей родители платили деньгами и продуктами» [1. С. 131]. В с. Гашей Мухоршибирской волости школа была открыта в 1923 г., «число желающих учиться велико, хотя преобладает количество девочек»; функционирование школы поддерживалось общими усилиями жителей села («доставляет дрова, добывает средства на сторожа, наблюдает чистоту и порядок») [9. Л. 32].

К середине 1920-х гг. в крупных населенных пунктах школы были открыты, но они были малокомплектными, отсутствовали обустроенные помещения, не хватало учителей. Родители не желали отдавать детей в советские школы, считая грехом учиться в заведениях, где не преподаются Закон Божий и церковнославянская грамота: «Мы к советской власти относимся хорошо, но до тех пор не пойдем к ней, пока она не разрешит нам иметь свои училища»; «пусть бы их и школы были, только бы их закону божьему учили, а то песни, да разные забавы учат у них» [23. С. 120]. 86-летний начетчик Никифор Ефремович Киреев говорил: «...народился в настоящее время Антихрист и царствует, богохульство полнейшее, строят антихристовы учреждения, клубы, избы-читальни, школы и прочее... Зачем все это? Разве нам крещеным это нужно? Нам нужно Богу молиться» [5. С. 37]. Одним из показательных примеров открытого сопротивления образовательной политике стал поджог Никольской школы [12. Л. 20].

Делегат II съезда Советов Бурят-Монгольской АССР А. Петров, представляющий на форуме интере-

сы старообрядцев Верхнеудинского уезда, высказал мнение, что нежелание семейских включиться в процесс ликвидации неграмотности было обусловлено не только приверженностью вере, но и невниманием правительства республики: «...у нас на 900 душ нет ни одной школы... Если бы у нас были избы-читальни, ликпункты или другие просветительные учреждения, то наше молодое поколение пошло бы туда и почерпнуло бы там для себя кое-какие познания» [24. С. 142]. Жители с. Мухор-Тала высказывались, что «обещали всеобщее обучение, а школ почти нет, детей не принимают учиться» [9. Л. 39].

Явное желание учиться выражала молодежь, особый интерес проявляя к изучению сельскохозяйственного дела. «Вот были бы мы ученые, так с землей-то знали как управиться», – считали молодые люди. Мечтали и о медицинском образовании: «...я бы на дохтура выучился, стал бы людей лечить, а то у нас бабы все к шаманкам (знахаркам) ходят» [18. С. 291].

К началу 1930-х гг. школьная сеть в семейских селениях стала более разветвленной, недоверие к «еретикской» школе продолжало сохраняться в основном у старшего поколения.

Санитарно-гигиенические навыки старообрядцев и их отношение к здравоохранительным практикам

Отличительными особенностями быта старообрядцев были строгое соблюдение правил гигиены и любовь к чистоте, возведенная в культ. Один из староверов, вспоминая свое детство, рассказывает: «А ведь сколько тогда было болезней! Тьма тьмущая! И скарлатина, и гепатит, и оспа ветряная, и даже проказа, и дизентерия... А откуда в тех краях врачи? Как спасались староверы? Они вывели правила гигиены: посуда для гостей должна быть отдельной. (Может, гость – табашник? Самый большой грех у староверов – курить табак (“бесам кадить”). А табашник считался ничтожным, падшим человеком. “Знаешь, сколько деревень они спалили, табашники?” – часто говорил мне батя. И потом стыдно, когда изо рта какая-то палка торчит). Например, у нас в доме посуда для гостей всегда стояла на полке: завернутая в чистый рушник, до блеска вымытая. Но – отдельная. Из нее мы не ели. И когда уходил случайный гость-бродяга, ручки двери окуривали дылом можжевельника. Так спасались от заразы» [25. С. 39]. Таковы были санитарно-гигиенические нормы, выработанные староверами для исключения риска заражения при общении с потенциальными больными, в том числе с носителями социальных болезней, которые были широко распространены в Бурятии [26. С. 181].

Семейские категорически не признавали врачей, лечились только народными средствами, преимущественно растительными. По их понятиям, «травы и коренья указаны нам самим Богом, а лекарства металлические, аптечные, обработанные аптекарями немцами, поганы; принимать их грешно, ибо они выдуманы людьми» [27. С. 114]. Из-за неприятия достижений научной медицины у семейских была высокая младенческая смертность. Впрочем, оставшиеся в живых в результате «естественного отбора» отличались крепким

здоровьем. Отвергая помощь официальной медицины, семейские тем не менее принимали эту помощь из рук бурятских лам, доверяя им значительно больше, чем русским «никонианам» и «безбожникам» [28. С. 327].

Обращаться к врачу считалось грехом по писанию: «Лучше в нездравии пребывать, чем ради немощи в нечестие впасть» [22. С. 14]; «лучше хворать, чем согрешить». Большинство староверов и в 1920-е гг. лечилось у знахарей и знахарок. Особенно староверы не любили прививать оспу, считая ее «печатью антихриста». Между тем эпидемические заболевания за годы революции свирепствовали среди семейских несколько раз и уносили сотни жертв. Так, в 1915 г. в Куналее умерли 700 чел., в Куйтуне – 800 чел.; распространенной была скарлатина («очень часто встречаются одноглазые»), а оспой переболел практически каждый [7. Л. 5]. А.М. Попова отмечала, что во время экспедиции «...в 1924 г. в Тарбагате нам пришлось видеть, как из одного дома выносили 4–5 гробов за 3–4 дня, или же как слепли дети и даже подростки». На вопрос: «Неужели вам не жаль своих детей?» – давался жестокий, противоречащий любовному отношению семейских к детям, ответ: «Ну, у нас их, как щенят, развелось», – или же: «За наши грехи маются», – а то и так говорили: «Помаются – та том свете хорошо будет» [23. С. 126].

К концу 1920-х гг. отношение староверов к европейской медицине стало меняться, однако народная медицина оставалась еще в полной силе, а знахарю продолжали доверять больше, чем врачу.

Семейно-брачные и внутрисемейные отношения: традиции и новации

Издавна у старообрядцев сложились иерархические отношения внутри семьи, установленные еще «Домостроем». Их семьи были традиционными, патриархального типа, с большим количеством детей. В большой усадьбе, состоящей из нескольких домов, жило до четырех поколений одной семьи. Главой семьи являлся отец («как на церкви крест, так и муж жене глава»), его слова были законом для всей семьи, даже родители слушались своего сына, считая его кормильцем всей семьи; без разрешения главы семьи не начиналась работа, не покупалась одежда и т.д. Все вопросы общественной жизни села решались только мужчинами, без всякого участия женщин. Супружеские изменения как мужа, так и жены строго порицались. Межэтнические и межрелигиозные браки были запрещены: «За православных или каких-либо других иноверцев выйти или жениться считается позором и грехом». Общение с «никонианами» осуждалось. Благодаря особенностям быта, связанным с религиозным мировоззрением, семейские ни с кем не смешивались и сохраняли свои отличительные черты, как нравственные, так и физические.

В семьях староверов ограничивались увеселительные мероприятия, нарушителей строгих правил поведения уставщик мог отлучить от церкви, предать анафеме. Запрещался прием пищи совместно с иноверцами. Семейские не курили, алкоголь практически не употребляли.

Старообрядцы ревниво защищали и оберегали сложившиеся веками устои, однако в 1920-е гг. под влиянием общих социально-экономических изменений в стране, раскрепощения личности семейно-брачные и внутрисемейные отношения стали претерпевать значительные изменения. Советская власть создала новую форму брака, совершающегося самостоятельно по обоюдному согласию жениха и невесты. Но большинство семейских не признавало государственной регистрации брака, считая это «печатью антихриста», грехом: «они уже теперь не ропщут на регистрацию рождения детей и смерти, только протестуют против регистрации браков... гораздо больше сходятся без регистрации» [9. Л. 33]. Даже в конце 1920-х гг. встречались случаи насильтвенной выдачи в замужество. Родители невесты запрашивали «за косу» калым, зажиточные семьи платили иногда по 100–150 рублей.

Имущество и земельные наделы в семьях староверов делили редко; как правило, они наследовались по мужской линии. Однако под влиянием социалистических нововведений нередко стали отмечаться разделы имущества, что вызывало крупные семейные неприятности, усугубленные идеинными расхождениями главы семейства и сыновей. Все чаще в семейских селах молодежь, «заразившись» новыми взглядами, посещала избы-читальни, пела революционные песни, привыкала к курению, отходила от соблюдения постов, посещения храмов и молельных домов, более того – начинала сопротивляться родительской власти. У молодых людей стали формироваться свои взгляды, они осмеливались критиковать действия родителей и даже высказывать свои мысли открыто. Родители пытались «вразумить заблудшихся», но не добившись результата, выгоняли детей. Сыновья подавали на своих отцов в суд, который выносил решение о выделении определенной доли из отцовского хозяйства.

В результате мероприятий, направленных на раскрепощение женщин, в традиционном старообрядческом обществе началась переоценка роли женщин, особенно молодых, в семье и обществе. В дореволюционный период семейские женщины должны были беспрекословно подчиняться мужьям, они были бесправными, не могли принимать участие в общественных делах, не имели права голоса на сходках, родители не считали нужным давать образование дочерям. С 15–16 лет девушка уходила в чужую семью, где ее положение усугублялось, ведь молодая сноха должна была угодить всем членам семьи. С первого года замужества добавлялись заботы о детях: «у редкой семейской женщины не бывает по 12–15 ребят», «частые роды в самых неблагоприятных условиях накладывают неизгладимый физический и умственный отпечаток – она рано стареет и становится пассивной» [12. Л. 115].

Трудно было отказаться от старинных заветов, гласивших, что «бабе дорога от кути до порога», «курица не птица, баба не человек», «вторые глаза выше лба не бывают, так и женщина выше мужа не бывает», тем не менее и среди женщин стали появляться сельские активистки, комсомолки, женделегатки и т.д. Так, 27 октября 1925 г. состоялось собрание женщин-крестьянок села Новосретенск Окино-Ключевской волости Троиц-

косавского аймака с повесткой: «1. Ликвидация неграмотности среди женщин; 2. Выбор делегаток на волостную конференцию, которая состоится 1 ноября 1925 г.» Вначале собравшиеся заслушали доклад представителя Окино-Ключевского ВИКа Федотова, который разъяснил «важность образования живущих вдали от центра и города, находящихся во мраке темноты и невежества, и что грамотному человеку легче улучшить свое хозяйство», и призывал женщин посещать пункты ликвидации неграмотности. По первому вопросу собравшиеся постановили: «Мы, все присутствующие на собрании, сознаем, что грамотность приносит больше пользы для каждого человека, и дабы не остаться в будущем в темноте и невежестве, примем всевозможные меры к ликвидации неграмотности, обязуемся посещать ликпункты и вовлекать за собой всех несознательных». В рамках рассмотрения второго вопроса единогласно избрали делегатками на волостную конференцию Григорьеву Феклу Корневну и Петрову Евдокию Ивановну [3. С. 146].

Традиционное общество не было готово к таким изменениям и не желало принимать женщину нового типа. В с. Десятниково «на организационном заседании Сельского Совета две крестьянки были выбраны в члены Сельсовета, за что были осмеяны родственниками мужа» [Там же. С. 145], в с. Окино-Ключи четыре девушки согласились ехать на курсы в Верхнеудинск, но на другой день отказались, так как родители поставили условие: «Если поедите учиться в город, то мы вас проклянем» [11. Л. 108]. Женщины, выразившие активную жизненную позицию, пожелавшие «скинуть оковы семейного порабощения», сталкивались с осуждением и насмешками односельчан, противостоянием со стороны родственников, подвергались нападкам и побоям мужей, угрозам изгнания из дома.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. незначительная часть женщин стала отказываться от традиционной семейской одежды, заменив кичку платком, укоротив сарафан. Но и эти новшества осуждались староверами. Имеющуюся неустойчивость женских взглядов демонстрирует ситуация, когда «жена партийца днем на собрание делегаток идет в полном семейском наряде, а вечером приходит с мужем на партсобрание одетая совершенно по-городски» [Там же]. Все это были отдельные случаи, а большинство женщин по-прежнему находились под влиянием духовных лиц, опасались греха, особенно женщины, имеющие детей, поскольку боялись писания, в котором сказано: «Грехи родителей падут на детей».

Религиозная традиционность и советские нововведения

В связи с высокой религиозностью и традиционностью старообрядческого общества многие социалистические нововведения не находили поддержки у семейских. Наибольшее сопротивление вызвало у старообрядцев внедрение вместо церковных обрядов новых советских традиций, основанных на революционных ценностях и идеалах: празднование дня рождения вместо именин, наречие новорожденных не по святым, а новыми

именами, символизирующими революционные события и идеи. Однако к концу 1920-х гг. новые формы празднования, советские обряды и ритуалы все активнее внедрялись в жизнь старообрядческих обществ. Так, «...в селе Большой Куналей дочь секретаря сельсовета Фокея Васильева была наречена необычным для семейских именем Лидия без участия уставщиков... При большом стечении народа в клубе произносили речи, желали здоровья, поздравляли родителей и преподносили подарки. Выступления были направлены против уставщиков. Церковное крещение было объявлено ерундой и обманом. Верующие старики и старушки были возмущены и шокированы таким свято-татством. Но ничего не могли поделать» [1. С. 130].

Сложный процесс усвоения новых социальных практик, экономических отношений и ценностных представлений, внедрявшихся властью, характеризовался широким спектром реакций населения на советские нововведения. Изменения, аналогичные всей остальной территории страны, в Бурят-Монгольской АССР развивались постепенно, что объяснялось не только более поздним окончанием Гражданской войны, но главным образом этнокультурной и хозяйственной спецификой.

Старообрядцы – социально и культурно герметичное сообщество Бурят-Монголии – представляли собой крепко сплоченную этноконфессиональную группу, которая ревностно защищала сложившиеся веками устои. Замкнутость, культ самобытных традиций и обычаев, «трудовая солидарность, социальная сплоченность, строгая мораль и независимость» [2. С. 4] продолжали определять своеобразие взаимоотношений старообрядческих общин с властью. Если поначалу новая власть воспринималась многими староверами как сила, способная привнести порядок в жизнь местного общества и избавить его от последствий Гражданской войны, то по мере активизации и усиления антирелигиозной пропаганды отношение к «безбожной власти» становилось сугубо негативным, граничащим с категорическим отрицанием и яростным противостоянием. Набирающая силу власть стала активно использовать административные рычаги в ходе наступ-

ления на старообрядческие общины, а применяемые методы антирелигиозной борьбы становились все более агрессивными, что укрепляло староверов в неприятии советского атеистического режима и способствовало распространению в их среде оппозиционных настроений.

Адаптация к советским новшествам, как правило, сопровождалась отторжением новой социальной реальности ортодоксальной религиозной общиной, институциональным и индивидуальным сопротивлением. Обособленное и закрытое сообщество староверов, выработавшее за длительное время собственные санитарно-гигиенические нормы и навыки, категорически отказывалось принимать советские здравоохранительные практики, основанные на европейской медицине. Аналогичной была реакция традиционных старообрядческих общин на советские модернизационные проекты в образовании, хозяйственных, бытовых и досуговых практиках, семейно-брачных и внутрисемейных отношениях. С началом реализации новых революционных экспериментов 1930-х гг. – колханизации, индустриализации и культурной революции – были приняты кардинальные меры по разрушению традиционного уклада старообрядцев, в результате чего «...волна колханизации пробила брешь, поглощавшую за собой коренную перестройку хозяйственного и культурного уклада» [29. С. 150]. Однако ни в эти годы, ни в последующие советским новациям не удалось полностью разрушить традиционный образ жизни забайкальских старообрядцев.

Проведенное исследование показало, что чем традиционнее и консервативнее сообщество, тем сложнее его члены, особенно наиболее ортодоксально настроенные, воспринимают новации и неотвратимее становится их отторжение и сопротивление им. Опыт реализации советских проектов 1920-х гг. показал необходимость учета государством (вне зависимости от его политической и идеологической основы) исторических, этнокультурных и конфессиональных особенностей регионов и населяющих их народов при выборе способов и разработке механизмов реформирования общества.

Список источников

1. Болонев Ф.Ф. Семейские: историко-этнографические очерки. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1992. 206 с.
2. Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Алтая и Забайкалья: опыт сравнительной характеристики. 2-е, изд. испр. Барнаул : Изд-во БЮИ, 2000. 48 с.
3. Васильева С.В. Изменение статуса семейской женщины в 20-е гг. XX в. // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи : материалы IV Междунар. науч. конф., 14–17 сент. 2004 г. Владивосток : Краски, 2004. С. 145–147.
4. Васильева С.В., Бураева С.В. Иркутско-Амурская епархия: 100 лет в истории древлеправославия. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 166 с.
5. Костров А.В. Советская власть и старообрядцы Байкальской Сибири в 1920-е гг. // Новый исторический вестник. 2010. № 1 (23). С.35–42.
6. Цыремпилова И.С. История старообрядческой церкви в Бурятии в 1920-е гг. // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., 26–28 июня 2001 г. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. С. 142–144.
7. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 1321.
8. ГАРБ. Ф. Р.-196. Оп. 1. Д. 1649.
9. ГАРБ. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 961.
10. Башкетуев А.В. Население Бурятии в 1920–1930 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Улан-Удэ, 2002. 214 с.
11. ГАРБ. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 1314.
12. ГАРБ. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 1420.
13. ГАРБ. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 377.
14. ГАРБ. Ф. Р.-248. Оп. 3. Д. 16.
15. ГАРБ. Ф. Р.-207. Оп. 1. Д. 846.

16. ГАРБ. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 834.
17. О неповиновении новой власти // Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1999. С. 329–331.
18. Из рукописи А. Поповой «Из поездки по Забайкалью (семейские). Путевые очерки» (Восточно-Сибирского географического общества) // История старообрядцев (семейских) в документах Государственных архивов Байкальского региона (1766–1917) : сб. док., comment., перевод. Иркутск : Оттиск, 2016. С. 283–292.
19. ГАРБ. Ф. Р.-475. Оп. 1. Д. 474.
20. Финансовое положение Бургеспублики : (годовой отчет БНКФ за 1925–1926 гг.). Верхнеудинск, 1926. 62 с.
21. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 31. Д. 6.
22. Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск : Гос. Иркутск. ун-т, 1920. 81 с.
23. Попова А.М. Семейские (Забайкальские старообрядцы) // Бурятиеведение. 1928. № 1-3 (5-7). С. 105–138.
24. Второй съезд Советов Бурят-Монгольской Автономной Социалистической Советской Республики. Верхнеудинск : Изд. Управления делами ЦИК и СНК Бургеспублики, 1925. 188 с.
25. Гордеева О.Б. Родом из Восточного Прибайкалья (К 70-летию С.К. Устинова) // Сибирь. 2001. № 1. С. 32–54.
26. Башкуев В.Ю. Российская медицина и монгольский мир: исторический опыт взаимодействия (конец XIX – первая половина XX вв.). Иркутск : Оттиск, 2016. 436 с.
27. Высоцкий Н.Ф. Народная медицина. М., 1911. 168 с.
28. Гордеева О.Б. Тибетская медицина у старообрядцев Байкальской Сибири в 30–50-е гг. XX в. // Известия Иркутского университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2013. № 2 (11), ч. 1. С. 321–329.
29. Помус М.И. Бурят-Монгольская АССР. М. : Соцэкгиз, 1937. 395 с.

References

1. Bolonev, F.F. (1992) *Semeyskie: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Trans-Baikal Old Believers: historical-ethnographic sketches]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.
2. Bolonev, F.F. (2001) *Staroobryadtsy Altaya i Zabaykal'ya: opyt sravnitel'noy kharakteristiki* [Old Believers of Altay and Trans-Baikal: Comparative Characteristics]. 2nd ed. Barnaul: Barnaul Law Institute.
3. Vasilyeva, S.V. (2004) Izmenenie statusa semeyskoy zhenschchiny v 20-e gg. XX v. [The changed status of an Old Believer woman in the 1920-s]. *Staroobryadchestvo Sibiri i Dal'nego Vostoka. Istoryya i sovremennost'. Mestnye traditsii. Russkie i zarubezhnye syvazi* [Old Believers of Siberia and the Far East. History and Modernity. Local Traditions. Russian and Foreign Links]. Proc. of the 4th International Conference. Vladivostok, September 14–17, 2004. Vladivostok: Kraski. pp. 145–147.
4. Vasilyeva, S.V. & Buraeva, S.V. (2012) *Irkutsko-Amurskaya eprakhiya: 100 let v istorii drevlepravoslaviya* [Irkutsk-Amur Eparchy: 100 Years in the History of the Old Orthodox Church]. Ulan-Ude: Buryat State University.
5. Kostrov, A.V. (2010) Sovetskaya vlast i staroobryadtsy Baykalskoy Sibiri v 1920-e gg. [Soviet power and the Old Believers of Baikal Siberia in the 1920-s]. *Novyy istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*. 1(23). pp. 35–42.
6. Tsyrempilova, I.S. (2001) Istorya staroobryadcheskoy tserkvi v Buryatii v 1920-e gg. [History of the Old Believers' Church in Buryatia in the 1920s]. *Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye syvazi* [Old Believers of Siberia and the Far East. History and Modernity. Local Traditions. Russian and Foreign Links]. Proc. of the 3rd International Conference. Ulan-Ude, June 26–28, 2001. Ulan-Ude: SB RAS. pp. 142–144.
7. The State Archives of the Republic of Buryatia (GARB). Fund P-1. List 1. File 1321.
8. The State Archives of the Republic of Buryatia (GARB). Fund R.-196. List 1. File 1649.
9. The State Archives of the Republic of Buryatia (GARB). Fund P.-1. List 1 File 961.
10. Boshektuev, A.V. (2002). *Naselenie Buryatii v 1920 – 1930 gg.* [The Population of Buryatia in the 1920–30-s]. History Cand. Diss. Ulan-Ude.
11. The State Archives of the Republic of Buryatia (GARB). Fund P.-1. List 1. File 1314.
12. The State Archives of the Republic of Buryatia (GARB). Fund P.-1. List 1. File 1420.
13. The State Archives of the Republic of Buryatia (GARB). Fund P.-1. List 1. File 377.
14. The State Archives of the Republic of Buryatia (GARB). Fund R.-248. List 3. File 16.
15. The State Archives of the Republic of Buryatia (GARB). Fund R.-207. List 1. File. 846.
16. The State Archives of the Republic of Buryatia (GARB). Fund P.-1. List 1. File 834.
17. Anon. (1999) O nepovinovenii novoy vlasti [On disobedience to new power]. In: Pokrovskiy, N.N. (ed.) *Dukhovnaya literatura staroverov vostoka Rossii XVIII–XX vv.* [Spiritual Literature of the Old Believers of the Russian East in the 18th – 20th centuries]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. pp. 329–331.
18. Vasilyeva, S.V. (ed.) (2016) *Istorya staroobryadtsev (semeyskikh) v dokumentakh Gosudarstvennykh arkhivov Baykal'skogo regiona (1766–1917)* [The History of the Old Believers (Semeyskikh) in the documents of the State Archives of the Baikal Region (1766–1917)]. Irkutsk: Ottisk. pp. 283–292.
19. The State Archives of the Republic of Buryatia (GARB). Fund R.-475. List 1. File 474.
20. BNKF. (1926) *Finansovoe polozhenie Buregspubliki (godovoy otchet BNKF za 1925–1926 gg.)* [Financial situation in Buryat Republic (annual report of the BNKF for 1925–1926)]. Verkhneudinsk: [s.n.].
21. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 31. File 6.
22. Selishchev, A.M. (1920) *Zabaykalskie staroobryadtsy. Semeyskie* [Old Believers of Trans-Baikalia]. Irkutsk: Irkutsk State University.
23. Popova, A.M. (1928) Semeyskie (Zabaykalskie staroobryadtsy) [Trans-Baikalian Old Believers]. *Buryatevedenie*. 1-3(5-7). pp. 105–138.
24. Department of Affairs of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the Burrepublic. (1925) *Vtoroy s"ezd Sovetov Buryat-Mongol'skoy Avtonomnoy Sotsialisticheskoy Sovetskoy Respubliki* [Second Congress of Soviets of the Buryat-Mongolian Autonomous Socialist Soviet Republic]. Verkhneudinsk: Department of Affairs of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the Burrepublic.
25. Gordeeva, O.B. (2001) Rodom iz Vostochnogo Pribaykalya (K 70-letiyu S. K. Ustinova) [Born in the Eastern Trans-Baikalia (to the 70th anniversary of S.K. Ustinov]. *Sibir'*. 1. pp. 32–54.
26. Bashkuev, V.Yu. (2016) *Rossiyskaya meditsina i mongol'skiy mir: istoricheskiy opyt vzaimodeystviya (konets XIX – pervaya polovina XX vv.)* [Russian medicine and the Mongol world: historical interaction (the late 19th – first half of the 20th century]. Irkutsk: Ottisk.
27. Vysotskiy, N. F. (1911) *Narodnaya meditsina* [Ethnoscience]. Moscow: [s.n.].
28. Gordeeva, O.B. (2013) Old Believers' Attitude Towards the Tibet Medicine in Siberia in 1930-1950s. *Izvestiya Irkutskogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie – The Bulletin of Irkutsk State University. Political Science and Religion Studies*. 2-1(11). pp. 321–329. (In Russian).
29. Pomus, M.I. (1937) *Buryat-Mongol'skaya ASSR* [Buryat-Mongol ASSR]. Moscow: Sotsekzgiz.

Сведения об авторах:

Плеханова Анна Максимовна – доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (Улан-Удэ, Россия). E-mail: plehanova.am@mail.ru

Цырэмпилова Ирина Семеновна – доктор исторических наук, доцент, проректор по научной работе Восточно-Сибирского государственного института культуры (Улан-Удэ, Россия). E-mail: irina161073@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Plekhanova Anna M. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Scientific Work Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: plehanova.am@mail.ru

Tsyrempilova Irina S. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for Scientific Work East Siberian State Institute of Culture (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: irina161073@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.05.2020; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 12.05.2020; accepted for publication 06.05.2022

Научная статья

УДК 911.37 + 930.85

doi: 10.17223/19988613/77/6

К проблеме объективных предпосылок сибирского сепаратизма

Петр Леонидович Попов¹, Алексей Анатольевич Черенев²

^{1, 2} Институт географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук, Иркутск, Россия

¹ plp@irigs.irk.ru

² tcherenev@irigs.irk.ru

Аннотация. Даётся обзор основных звеньев в истории сибирского сепаратизма. Делается обобщение, что отделяющаяся часть страны всегда обособлена этническим составом большей части населения или (и) пространственным разрывом. Сибирь как макрорегион не обособлена от остальной России в этих отношениях, и ее отделение представляется крайне маловероятным. В Сибири имеется фактор обособления, подобный пространственному разрыву, – значительная удаленность от социально-экономического и политического ядра страны.

Ключевые слова: сепаратизм, Сибирь, макрорегион, этнический состав, территориальный разрыв

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научного проекта АААА-А21-121012190018-2 и АААА-А21-121012190056-4.

Для цитирования: Попов П.Л., Черенев А.А. К проблеме объективных предпосылок сибирского сепаратизма // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 51–59. doi: 10.17223/19988613/77/6

Original article

To the problem of objective preconditions of siberian separatism

Petr L. Popov¹, Aleksei A. Cherenev²

^{1, 2} V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk, Russian Federation

¹ plp@irigs.irk.ru

² tcherenev@irigs.irk.ru

Abstract. The article provides an overview of the main links in the history of Siberian separatism, as well as its vitality and the limitations of real political results. The main cases of irreversible disintegration of states in the last 300-400 years are considered, and a generalization is made that the separating part of a country is always isolated by the ethnic composition of the majority of the population, or / and by a spatial gap. The historical background of the collapse of the country is often caused by its foreign policy defeat, but this condition is not necessary (the collapse of European colonial empires). In the 1990s, the ideas to reduce the importance of the state as a social institution, as well as the transfer of part of its functions to the intra-state and regional level were popular. Regionalism and separatism are not the same thing, but regionalist sentiments (at the level of the macro-region) may favor separatist sentiments. Siberia being a macro-region, is not isolated from the rest of Russia in this relationship, and its separation seems extremely unlikely. The concept of “subethnos” is considered, and it is noted that in some cases the differences between subethnos of one ethnus are minimal, in some cases they are relatively large, up to approaching the level of interethnic differences (and then they can turn into a significant factor of macro-regional isolation). Differences in the Russian population of the macroregions of Russia are among the weakest differences in the sub-ethnic series. Siberia is not the most separate macro-region of Russia, either in the sub-ethnic or in the physical-geographical sense. In Siberia there is a separation factor, to some extent similar to a spatial gap – a considerable distance from the socio-economic and political core of the country. Another factor contributing to the existence of Siberian separatism is the socioeconomic lag of most of Eastern Siberia from other macro-regions of the country. Apart from the influence of socio-economic difficulties on the protest potential there is a territorial-organizational aspect. In Russia two developed areas (Western and Far Eastern) might be formed and separated by the lagging regions located in Eastern Siberia and the continental part of the Far East. Such a territorial structure of distribution of development levels, in addition to other obvious shortcomings, can contribute to the isolation (up to the intensification of separatist tendencies) of the marine part of the Far East, taking into account its involvement in economic relations with powerful neighboring states.

Keywords: separatism, Siberia, macro-region, ethnic composition, territorial gap

Acknowledgments: The study was carried out at the expense of the state order no. АААА-А21-121012190018-2 and АААА-А21-121012190056-4.

For citation: Popov, P.L., Cherenev, A.A. (2022) To the problem of objective preconditions of siberian separatism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija – Tomsk State University Journal of History.* 77. pp. 51–59. doi: 10.17223/19988613/77/6

Введение

Случаи разделения государства на суверенные образования, или отчуждение территорий в пользу другого государства, в мировой истории не являются редкостью. Как правило, такие разделения происходят в обстановке острого конфликта между сторонниками сепаратизма и силами, стремящимися сохранить государственное единство. Даже если сепаратизм не является настолько влиятельным, чтобы добиться основной цели – отделения соответствующей части страны, он может превратиться в достаточно серьезную силу, с которой другим политическим акторам приходится считаться. Россия и в своем современном состоянии, и в прежних состояниях (Советский Союз, Российская империя) сталкивалась с проблемами этнического сепаратизма. Тенденции макрорегионального сепаратизма, вызываемого не этническими, а какими-то иными факторами, в России в перечисленные эпохи (времена феодальной раздробленности – особая тема) были слабы, но и они заслуживают анализа. Наиболее влиятельное направление данного типа сложилось именно в Сибири.

Круг концепций и политических акций, связанных с идеей обособления Сибири от остальной России, вплоть до отделения, имеет достаточно большую историю [1–4]. Относительная историческая устойчивость и вместе с тем отсутствие массовой поддержки сибирского сепаратизма делают правомерным вопрос о характере его объективных предпосылок. Этот вопрос и рассматривается в предлагаемой статье.

Сибирское областничество, его социально-психологические и теоретические установки

Одним из первых прецедентов сибирского сепаратизма историки считают намерения первого губернатора Сибири М.П. Гагарина отделить Сибирь от России и создать самостоятельное королевство в 1711–1719 гг. М.О. Акишин в своей работе приводит цитату из книги П.А. Словцова «Историческое обозрение Сибири» (М., 1838): «Гагарин злоумышлял отделиться от России, потому что верно им водворены в Тобольске вызванные оружейники, и началось делание пороха». Также М.О. Акишин ссылается на известного русского историка-генеалога князя П.В. Долгорукого, который в своих «Записках» писал, что истинной причиной опалы и казни М.П. Гагарина был замышляемый им мятеж [5. С. 47].

Первым проявлением теоретического обоснования сибирского сепаратизма является сибирское областничество. Основателями данного общественного движения принято считать Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, С.С. Шашкова и др. [6. С. 6, 7].

Базовые положения сибирских областников были довольно непоследовательными: восприятие Сибири как колонии и выделение «сибирского этноса» сочетались с отрицанием перспективы государственного обособления Сибири. А.В. Малинов в своей работе подчеркивает тезис одного из основателей концепции областничества А.П. Щапова, что областничество есть не что иное как «местный патриотизм». По мнению Е.П. Ковалышкиной,

сибирское областничество отличалось от украинского в базовом подходе к этническому составу населения. Украинские философы проповедовали идеи национализма, а сибирские областники говорили о поддержке и развитии сибирских инородцев как части «сибирского этнического типа» [8. С. 228]. В основе учения сибирского областничества лежит направление социально-экономического и культурного развития региона. Г.Н. Потанин определил областничество как «идеологию культурного самоопределения для русских жителей Сибири и инородцев» и признавал в своей работе лишь «культурный сепаратизм», а стремление Сибири к автономии связывал с территориальными особенностями региона, а не с национальной идеей как таковой [9]. Но, безусловно, уклон к идеи этнического отличия сибиряков от русских европейской части в сибирском областничестве был, что означало серьезную сепаратистскую тенденцию.

Несомненно, сибирское областничество имело ряд предпосылок, неспецифичных для него, действовавших и в отношении ряда других политических движений того времени. Назревал кризис (или, скорее, катастрофа) самодержавия и Российской империи. Назревал и кризис всей системы европейских империй. В такой обстановке росло разочарование в прежних идеалах, мировоззренческих установках и усиливалось стремление к поиску новых путей [10. С. 58–60], в том числе путей, ведущих от империи. В этом отношении возникновение и дальнейшее развитие сибирского областничества – явление, родственное усилению национального сепаратизма в предреволюционное и революционное время. В некоторых аспектах его можно рассматривать в одном ряду с революционными движениями либерально-демократического толка, с учетом западнической идеиной ориентации основателей областничества.

Отметим и такой мотив у Потанина: возможность в будущем переноса столицы России в Сибирь. Здесь сибирское самосознание также утверждается, но расходится с сепаратистскими устремлениями. Развитием идей и тенденций сибирского областничества и их реализацией стало создание Сибирской Республики.

Сибирская Республика

В декабре 1917 г. в целях провозглашения независимости Сибири областники провели чрезвычайный съезд в г. Томске, на котором приняли решение о создании исполнительного (Сибирский Областной Совет) и законодательного (Сибирская Областная Дума) органов власти. Сибирская Областная Дума приняла на себя верховную власть в Сибири. Произошло временное сепаратистское отторжение Сибири от России. В январе 1918 г. Сибирская Областная Дума избрала Временное сибирское правительство, которое 4 июля 1918 г. приняло «Декларацию о государственной самостоятельности Сибири» [11. С. 24; 12. С. 133; 13. С. 209; 14].

Управляющий делами Верховного Правителя и Совета министров Российского правительства Г.К. Гинс в своей работе написал, что «в 1918 году существовала четыре месяца самостоятельная Сибирская Республика». Здесь же он указывает на отсутствие сепаратизма

в декларации 4 июля: «Российской государственности как таковой не существует, ибо значительная часть территории России находится в фактическом обладании центральных держав, а другая захвачена узурпаторами народоправства... Правительство не считает Сибирь навсегда оторвавшейся от тех территорий, которые в совокупности составляли Державу Российскую, и что все его усилия должны быть направлены к воссозданию Российской государственности» [15. С. 121].

Ситуация в современной (постсоветской) России

Обстановка 90-х гг. XX в. благоприятствовала обособленческим тенденциям в Сибири. 1990-м годам вообще был свойствен децентрализационный настрой в вопросах реформ экономики и государственного управления. Отчасти он был обусловлен стремлением преодолеть чрезмерную централизацию советского периода.

В 1990 г. была создана межрегиональная ассоциация «Сибирское соглашение», в состав которой вошли 14 сибирских регионов. В 1993 г. председатели Новосибирского (В.П. Муха) и Кемеровского (А.Г. Тулеев) областных советов на совещании ассоциации поставили вопрос о создании Сибирской республики. Можно ли это считать сепаратизмом? Наверное, нет. Необходимо учесть, что деление любого государства на суверенные части неразрывно связано с территориальными и демографическими потерями. В условиях распада СССР глава Верховного совета РСФСР Б.Н. Ельцин, выступая в Казани, произнес: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить. Но вы находитесь в центре России – и об этом нужно подумать», – что послужило началу «парада суверенитетов» национальных республик и этнических автономных образований. В данных условиях края и области оставались без привилегий в экономической, социальной и политической сферах. Статус республики позволил бы их получить. Многие известные зарубежные геополитики (З. Бжезинский и др.) говорят о наличии стратегических интересов у Японии и Китая к Восточной части России в качестве территории своего доминирования [16]. Активизировались и идеи аннексии Сибири в США (сепаратизм и аннексия, как показывает история, – часто сочетающиеся явления).

Проекты реформы административно-территориального устройства в России в 1990-е гг. имели общую направленность на деление страны на крупные административно-территориальные единицы, соответствующие макрорегионам России.

Таким образом, можно отметить всплеск регионалистских тенденций в России в 1990-е гг. (не только в Сибири), иногда переходящих в сепаратизм. В 2000–2018 гг. появилась тенденция новой централизации управления государством, в том числе в региональной политике. При этом вполне очевидно, что регионалистские, децентрализационные установки 1990-х гг. (в некоторых случаях способные приводить к сепаратизму) по-прежнему имеют сторонников, тем более что проблемы оптимального разделения полномочий между федеральным центром и региональными властями остались во многом нерешенными.

Чтобы оценить объективные предпосылки сибирского сепаратизма, можно рассмотреть наиболее значимые случаи распада государств, произошедшие в относительно недавнее, или по крайней мере не в очень далекое, со слишком отличающимися историческими обстоятельствами, время. Следует проанализировать, насколько объективные условия современной России схожи с условиями, имевшими место в этих странах накануне их распада, и похожа ли Сибирь в соответствующих отношениях на отделившиеся от них части.

Наиболее значимые случаи распада государств с XVI в. до нашего времени: имеется ли сходство с современной Россией?

Приведем перечень распавшихся стран и обстоятельства их распада.

Германия (Священная Римская империя германской нации) распалась на княжества в первой половине XVII в. Исторический фон – Реформация, межрелигиозная война, вторжения иностранных армий. Колониальные империи (Британская, Испанская, Нидерландская и др.) распались в XIX–XX вв. в результате отделения заморских стран, создаваемых или восстанавливаемых завоеванным неевропейским населением, и стран, создаваемых мигрантами из метрополии на заморских территориях. Исторический фон: в некоторых случаях имело место стремление создать в государстве, возникающем в результате отделения, несколько иную социально-экономическую систему, чем существовавшая в империи или в ее колониальной части.

Австро-Венгерская империя распалась в начале XX в. в результате отделения завоеванных соседних стран. Исторический фон – поражение Австро-Венгрии в Первой мировой войне. Речь Посполитая потеряла в XVII в. Украину в результате сочетания сепаратистского движения на Украине с военными действиями со стороны России. Османская империя распалась XIX–XX вв. в результате отделения завоеванных стран, в основном территориально близких. Исторический фон – поражения Османской империи в войнах с Россией XVIII–XIX вв., затем поражение в Первой мировой войне.

Югославия распалась в 90-х гг. XX в. в результате отделения республик и этнических анклавов, в обстановке поддержки сепаратизма со стороны США, Великобритании и Германии, возможно, и ряда других стран. Чехословакия распалась в 90-е гг. XX в. в результате разделения на два государства. Советский Союз распался в результате отделения бывших союзных республик. Исторический фон – поражение Советского Союза в холодной войне, поддержка дезинтеграционных процессов со стороны других геополитических акторов. После распада Советского Союза произошло отделение частей некоторых республик (Азербайджана, Молдовы, Грузии, Украины). С тяжелыми проблемами столкнулась и Россия (две чеченские войны).

Обозревая факты распада государств, можно обратить внимание на следующие обстоятельства. Самый очевидный способ разделения государства: отделяется сильно отличающаяся в этническом, субэтническом смысле часть или часть, обособленная пространствен-

ным разрывом (эти обстоятельства могут сочетаться). Не всегда такие части отделяются, но отделяются именно такие части. То есть к распаду государства приводит нарушение сходства частей (сильные субэтнические или этнические различия) или их связи. Впрочем, оба эти фактора взаимосвязаны положительно: нарушение связи между частями этноса приводит к возникновению или усилению субэтнических различий. Но при этом субэтнические различия не всегда бывают настолько сильными, чтобы они сами по себе, без учета непосредственного влияния нарушения связи, вызвали распад государства.

В большинстве случаев при распаде страны этническое различие между разделяющимися частями имело место; случаи распада при существовании территориального разрыва, без этнического различия, сравнительно редки (Британская империя). Случаи распада при существовании субэтнического различия, но при отсутствии территориального разрыва, еще реже (Германия XVII в.).

Мы не рассматриваем вопрос, почему (в силу каких причинно-следственных отношений) именно этнические различия и пространственные разрывы являются особо значимыми факторами распада государств, но отмечаем, что без одного из этих условий или их сочетания распада государства обычно не происходит.

Не затрагиваем мы и сложную проблематику экономических противоречий между частями одного государства, в том числе таких отношений, которые рассматриваются как эксплуатация колоний метрополиями. И здесь можно отметить: при отсутствии (или слабости) этнических различий и пространственных разрывов эти противоречия разрешаются как-то иначе, без разделения страны. Вообще значимость экономических факторов в этом круге вопросов не следует абсолютизировать. Советский Союз распался вопреки обилию и глубине экономических связей, их выгодности для большинства республик. Юг США в целом экономически менее развит, имеет менее высокий уровень жизни, чем Север, хотя богаче его минерально-сырьевыми ресурсами, в большой мере специализирован на добывающей промышленности. Здесь можно увидеть нечто эксплуатационное, колониальное. Но сепаратистских тенденций, по крайней мере достигающих основной цели – отделения, на Юге нет. Техасский сепаратизм существует, но пока не привел к созданию нового государства.

Страны, распавшиеся (или потерявшие части) по этническому принципу, не имевшие территориального разрыва, – Австро-Венгерская и Османская империи, Речь Посполитая, Югославия, Чехословакия, Советский Союз, Украина, Грузия, Азербайджан, Молдова.

Распад морских колониальных империй происходил отчасти под влиянием этнических различий (отделение «небелых» колоний), отчасти под влиянием пространственного разрыва (отделение США от Великобритании, позднее и обособление Канады, Австралии, Новой Зеландии). Оба мотива сочетались при отделении стран Латинской Америки от Испании и Португалии. Здесь имели место и пространственный разрыв, и значительные субэтнические, переходящие по силе

в этнические (в ряде случаев, может быть, и суперэтнические), различия между испанцами и португальцами, с одной стороны, и народами, формировавшимися в Латинской Америке, – с другой. В Северной Америке не появилось многолюдных метисных групп, в Латинской Америке они возникли.

Особый случай – распад Германии в XVII в. Пространственных разрывов здесь не было, были субэтнические различия, они и сыграли основную роль, несмотря на то что количество образовавшихся княжеств-государств было больше количества существовавших в Германии субэтносов. Все же территориальные ядра распадающейся Германии, вокруг которых группировались противники во времена Реформации и Тридцатилетней войны, были, несомненно, субэтническими. Впрочем, распад Германии оказался временным. Единство англосаксонского мира как особого geopolитического актора тоже было восстановлено (в особенности в ходе и в результате двух мировых войн), хотя и не путем образования единого государства, но через развитие исключительно тесных межгосударственных отношений.

Обратим внимание на то, что оба случая воссоздания единства имели место при наличии субэтнических, а не этнических различий между сближающимися государствами. Вообще реинтеграционные тенденции, появляющиеся по прошествии довольно длительного времени после распада страны, – не редкость, но чем глубже различия сближающихся стран, тем меньше результаты сближения.

Стоит отметить и некоторые другие обстоятельства, способствующие распаду страны. Часть страны, тяготеющая к сепаратизму, как правило, не только обособлена в указанных смыслах, но и довольно крупна, ощущает некую потенциальную самодостаточность. Историческим фоном распада страны нередко являются ее внешнеполитические поражения, но это условие не обязательно (распад европейских колониальных империй).

Сепаратизм в ареалах, занимаемых коренными этносами, сильнее сепаратизма в ареалах, сформировавшихся в результате относительно недавней миграции определенной этнической группы. Так, в странах Северной и Латинской Америки имеются территориальные различия в этническом составе в пределах одной страны, но они создают меньше проблем с сепаратизмом, чем монолитные ареалы коренных этносов в странах Старого Света (например, в Турции, Иране, Китае, Испании, Франции).

Похожа ли Россия на перечисленные распавшиеся страны по наличию предпосылок отделения отдельных регионов? В России нет частей, разделенных сколько-нибудь значительным морским разрывом. Одна часть – Калининградская область – отделена сухопутным разрывом. Разрыв этот, впрочем, невелик и, соответственно, в качестве предпосылки сепаратизма он слаб. В нашей стране существуют монолитные ареалы коренных (веками живущих на соответствующих территориях) этносов. История показывает, что предрасположенность к сепаратизму в такого типа образованиях имеется.

Но имеются ли в России мощные субэтнические ареалы? Может быть, именно Сибирь является таковым?

Сначала рассмотрим понятие «субэтнос». Общность, называемая субэтносом, вполне очевидно, индивидуализирована, т.е. относительно едина и обособлена от других субэтносов того же этноса в лингвистическом, генетическом, идеологическом отношениях. Эти различия между субэтносами качественно слабее аналогичных различий между этносами. В некоторых случаях различия между субэтносами одного этноса минимальны, в других случаях они относительно велики, вплоть до приближения к уровню межэтнических различий. Субэтнос территориально тяготеет к крупному (по масштабам соответствующей страны) региону (макрорегиону). Не всегда макрорегионы различаются по субэтносам (для выделения макрорегионов достаточно их индивидуализированности по природным условиям), но если субэтнос преобладает в достаточно большом монолитном ареале, такой ареал всегда воспринимается как макрорегион.

В России традиционно выделяют около 10 макрорегионов – экономических районов (уже то обстоятельство, что их число у разных авторов разное и границы одних и тех же макрорегионов проводятся несколько по-разному, говорит о нечеткости различий между ними). Можно ли считать, что русское население разных макрорегионов различается на субэтническом уровне? Если даже ответить на этот вопрос утвердительно, то нужно признать и то, что это самые слабые различия субэтнического ряда.

Русский этнос относительно (в сравнении с большинством других этносов) однороден в языковом отношении, более или менее однороден в религиозном отношении (во всех макрорегионах преобладает, хотя и в разной степени, одна традиционная религия), довольно однороден в генетическом отношении (в составе генофонда преобладают славянские элементы, при движении на север и восток от Центрально-Черноземного и Южного макрорегионов усиливается присутствие угро-финских элементов, но ни в одном макрорегионе они не преобладают). При этом Сибирь не является самым отличающимся макрорегионом России. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

Сибирь в макрорегиональной структуре России: оценка объективных предпосылок сепаратизма

Территориальный объем Сибири определить достаточно сложно. В настоящее время единственное юридическое понятие, отражающее этот макрорегион, – это Сибирский федеральный округ (СФО). В СФО не включены некоторые территории, традиционно относимые к Сибири (Тюменская область); вместе с тем Западная и Восточная Сибирь, обычно различаемые как особые экономические районы в научной литературе советского периода, отнесены к этому округу. Исторически первым было, по-видимому, понятие Сибири как территории к востоку от Волги, осваиваемых Русским государством. Соответствовала этому понятию Сибирская губерния XVIII в. Позднее можно

проследить тенденцию к уменьшению и дроблению территориального объема понятия «Сибирь». В XIX в. появились понятия «Западная Сибирь», «Восточная Сибирь», «Южная Сибирь». В XX в. части Западной Сибири стали рассматриваться как части других макрорегионов – Урала и Поволжья, часть Южной Сибири вошла в Казахстан, а большая часть Восточной Сибири стала называться Дальним Востоком. В настоящее время все чаще употребляется понятие «Байкальский регион», территориально включающее часть Восточной Сибири. В обсуждаемом проекте Минэкономразвития «Стратегия пространственного развития России до 2025 года» на территории, обычно относимой к Западной и Восточной Сибири, различаются Западно-Сибирский, Южно-Сибирский, Енисейский, Байкальский макрорегионы. Самый недавний шаг – перевод Республики Бурятия и Забайкальского края в Дальневосточный федеральный округ. (Не очень ясно, как это установление сочетается в указании Байкальского региона в проекте Минэкономразвития, поскольку этот регион оказывается разделенным между Сибирским и Дальневосточным федеральными округами.) Имеется, впрочем, и конкурирующая тенденция, в соответствии с которой Сибирь представляется как Азиатская часть России; работы, в которых проводится такое деление, немногочисленны. Неопределенность территориального объема Сибири говорит о недостаточной ясности тех социально-географических и физико-географических оснований, по которым ее границы проводятся.

Большая часть населения Сибири (в каком бы объеме ее ни понимать) – этнические русские. Можно ли сказать, что русские в Сибири имеют сильные субэтнические отличия от русских других макрорегионов России? Объективных оснований для такого утверждения нет. Русское население Сибири формировалось в результате миграций из разных макрорегионов Европейской части России и других стран, входивших в Российскую империю и Советский Союз. Некоторое влияние на него, особенно на старожильческую часть, связанную с миграциями XVII в. (в основном из северной России), оказало смешение с местными этносами, но в большинстве случаев это смешение было небольшим. В Сибири возникли лишь относительно немноголюдныеmetisные сообщества, в которых доли русского и местного компонентов близки (гураны в Забайкалье, сахалары в Якутии). Отметим большую разницу с Латинской Америкой.

В разных частях Сибири коренное население различается в этнокультурном смысле (например, ханты и манси в Западной Сибири, с одной стороны, и хакасы, тувинцы в Восточной Сибири – с другой, – это народы, у которых мало общего). Поэтому связи сибирских старожилов с местными народами усиливали культурные различия между региональными группами старожилов. (Соответственно, если подчеркивается значение этих связей как фактора обособления старожилов Сибири от русских других макрорегионов России, то должны подчеркиваться и различия между региональными группами старожилов Сибири.) Старожильческое население, вероятно, составляло больше половины

населения Сибири до столыпинских миграций начала XX в. Эти миграции и события советского времени привели к его смешению с мигрантами из Европейской части Российской империи.

В русском населении Сибири, сложившемся к нашему времени, чаще встречаются европейские (кроме собственно русских – украинские, белорусские, немецкие, польские) корни, чем местные этнические. Но, может быть, сравнительно сильным смешением с другими этносами русские Сибири и отличаются от русских других макрорегионов России? Едва ли есть основания для такого вывода. И в других макрорегионах, сформировавшихся в основном после быстрой экспансии России, начавшейся в конце XV в. (Урал, Северо-Восток Европейской части, Поволжье, Юг, Дальний Восток), а также в столицах русское население смешивалось с другими этносами, как местными, так и пришлыми. К сильным макрорегиональным, субэтническим различиям эти процессы не привели, потому что состав пришлого населения в разных макрорегионах был сходным и само это население в большей части было близко по происхождению к русскому, а преобладание повсеместно получали русский язык и культура. Сибирь, таким образом, не является в данном отношении исключением. Макрорегионы Европейской части России в ряде случаев сильнее различаются между собой и по диалектным особенностям русского языка, и по составу генофонда русского населения (главным образом по участию в нем уgro-финских элементов), чем от русского населения Сибири. Дальний Восток (его наиболее населенная часть) отличается от остальной Сибири отсутствием старожильческого пласта населения и многочисленностью потомков выходцев из Южной России и Украины.

Необходимо рассмотреть вопрос о правомерности применения к Сибири понятия «колония». Как известно, областники считали Сибирь колонией Европейской России [17. С. 163–197; 18. С. 136–140], что имело у них определенный сепаратистский уклон. Слово «колония», разумеется, можно употреблять в разных значениях. Этот термин имеет корни в античности. Н. Макиавелли писал, что древние «имели обыкновение посыпать в земли завоеванные или пустующие новых жителей в поселения, именовавшиеся колониями. Благодаря этому не только возникали новые города, но победителю было легче владеть завоеванной страной, места пустынные заселялись и население государства гораздо правильнее распределялось по его землям» [19. С. 167]. Впоследствии произошел перенос значения термина с поселения в завоеванной стране на саму завоеванную страну. Преобладает в современной литературе такое значение: колонией называют неевропейскую страну, завоеванную европейской страной, или страну, сложившуюся на территории, завоеванной европейской страной вне Европы (например, Австралия, по отношению в Британской империи). Соответственно, термин «колония», как правило, не употребляется для обозначения европейской страны (территории), завоеванной неевропейской страной, и европейской страны, завоеванной другой европейской страной, или неевропейской страны, за-

воеванной неевропейской страной. В редких случаях европейскую страну, завоеванную также европейской страной, называют колонией (например, Бретань, Корсику по отношению к Франции, Шотландию и Ирландию по отношению к Англии), но, скорее, в полемическом смысле, со стремлением вызвать у адресата неприятные ассоциации со странами «третьего мира». Колонией не считают, например, Грецию и Египет по отношению к османской Турции, или Чехию по отношению к Австрии, хотя эксплуатация, очевидно, имела место во всех этих случаях.

Сибирь соответствует такому понятию колонии. И освоение Сибири русскими происходило примерно в то же самое время и во многом при одних обстоятельствах, что и освоение колоний западными европейцами. Но и в данном отношении Сибирь не является исключением среди макрорегионов России. Также неевропейскими регионами следует, с учетом исторического контекста, считать и Урал, и Поволжье, и Юг, потому что к моменту их присоединения к России они были частью Азии не только в формально-территориальном смысле (границу по Уралу стали проводить позднее), но и в смысле культурном. Различие ситуаций в том, что для западных европейцев колонизируемая не-Европа была за морем, а для русских – на сухопутном пути, более или менее длинном. Практическое значение этого различия велико. Пространственного разрыва, являющего важной предпосылкой разделения страны, между Россией и ее новыми землями, за исключением Русской Америки, которая и была утрачена в соответствии с отмеченной закономерностью, не было. Поэтому, хотя колонии и отделились от европейских стран, от России ее макрорегионы, исторически колонии, вероятно, не отделятся.

Нельзя сказать, чтобы и в физико-географическом отношении Сибирь представляла собой какой-то хорошо индивидуализированный выдел (что могло бы быть по крайней мере предпосылкой для формирования субэтнических различий). В биогеографии выделяют Евро-Сибирскую флористическую провинцию (растения с физико-географической точки зрения – и фактор, и индикатор множества признаков природной среды). Сильно отличается Дальний Восток, южная часть которого входит в другую, китайско-японскую, флористическую провинцию. Кроме того, Дальний Восток – самый океанический макрорегион России, а Сибирь – один из самых континентальных. Опять-таки, наиболее сильные разделения проходят не между Сибирью и Европой, а как-то иначе.

В Сибири действует, однако, особый фактор обособления – большая территориальная удаленность от ядра страны. Этот фактор родствен территориальному разрыву, он способствует нарушению связи между частями страны, хотя и в меньшей степени. По-видимому, именно этот фактор сделал в XVIII–XIX вв. сибирское региональное самосознание сравнительно сильным, приводящим иногда к сепаратистским тенденциям. Впрочем, даже тогда они не привели к необратимым политическим последствиям.

Дальнейшие исторические события (усиление функционирования Транссиба, столыпинские миграции

начала XX в., сдвиг индустрии на восток в довоенное время, ссылки времен коллективизации, перемещение промышленных предприятий во время Великой Отечественной войны, стройки послевоенного времени) привели к смещению демоэкономического потенциала страны в восточном направлении и ослабили обособленность Сибири. Революционные изменения в информационных технологиях, в технологиях связи и транспорта (авиация) также ослабили разобщающее действие пространственных расстояний.

Объективные, связанные с фактором пространственной разобщенности, предпосылки, благоприятствующие сибирскому сепаратизму, соответственно, ослабли.

Поражение в холодной войне, распад Советского Союза, ослабление России создали, однако, новую генерацию предпосылок сибирского сепаратизма. Внешнеполитические поражения, как показывает история, во многих случаях благоприятствуют сепаратизму. Инерция распада распространилась и на Российскую Федерацию. Но в наше время потенциал России возрастает. К тому же в 1990-е гг. были популярны идеи уменьшения значения государства как социального института, перехода части его функций на внутригосударственно-региональный уровень. Регионализм и сепаратизм – не одно и то же, но регионалистские настроения (на уровне макрорегиона) могут благоприятствовать сепаратистским настроениям. Вскоре стало ясно, что никакой «Европы регионов» (или чего-то подобного где-либо еще) не возникает, мир остается сообществом государств и межгосударственных союзов. Более того, в связи с кризисными явлениями в мировой экономике и усилением военной, разведывательной, вообще силовой проблематики в современном мире значение института государственности, особенно в сильных государствах, очевидным образом возрастает. На этом фоне не только сибирский сепаратизм, но и сибирский регионализм, понимаемый как идея создания особого субъекта РФ в территориальном объеме Сибири, выглядит устаревшим.

Нужно, впрочем, отметить одно обстоятельство, создающее некоторую угрозу усиления предпосылок, скорее, не сибирского, а дальневосточного сепаратизма и этнического сепаратизма в Восточной Сибири. Наименее развитым и наименее благополучным в социальном отношении макрорегионом Российской Федерации является Восточная Сибирь [20. С 162] (за исключением Красноярского края; Иркутская область по ряду позиций занимает промежуточное положение между Красноярским краем и остальной частью Восточной Сибири). Дальний Восток тоже является одним из отстающих макрорегионов, но его наиболее крупные и населенные регионы отстают меньше и, главное, развиваются быстрее, имеют больше внима-

ния со стороны правительства, чем большинство регионов Восточной Сибири. В России может сформироваться два развитых ареала (Западный и Дальневосточный), разделяемых отставшей частью регионов, находящихся в Восточной Сибири и континентальной части Дальнего Востока. Такая территориальная структура распределения уровней развития, помимо других очевидных недостатков, может способствовать обособлению морской части Дальнего Востока, с учетом ее вовлеченности в экономические отношения с мощными соседними государствами.

Таким образом, сибирский сепаратизм следует считать бесперспективным направлением в том смысле, что не существует достаточных объективных предпосылок, в силу которых могла бы реализоваться идея отделения Сибири от остальной России. Но некоторые предпосылки макрорегионального сепаратизма (его существования, воспроизведения) в восточной части России все же существуют, и главная из них – территориальная удаленность от демоэкономического ядра страны, усугубляемая недостаточной развитостью, сниженным социальным благополучием многих субъектов РФ, находящихся в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

Выводы

1. Сибирский сепаратизм исторически устойчив и при возникновении кризисов Российской государственности приводил к серьезным политическим последствиям.

2. Необходимые, но недостаточные условия распада государства (или отделения его части) – этническое отличие населения отделяющейся части и (или) наличие пространственного разрыва (сухопутного или морского).

3. В Сибири на макрорегиональном уровне отсутствуют основные предпосылки отделения (этническое отличие большинства населения и территориальный разрыв), но имеется значительная удаленность от экономического и политического ядра государства, что является некоторым аналогом территориального разрыва.

4. Сепаратистским тенденциям в Восточной Сибири и континентальной части Дальнего Востока способствует социально-экономическое отставание этого ареала от других частей страны. Некоторые регионы данного ареала являются депрессивными.

5. Социально-экономическое отставание Восточной Сибири и континентальной части Дальнего Востока ослабляет континуальность российского пространства и способно усилить обособленческие тенденции в более развитой морской части Дальнего Востока.

Список источников

1. Сесюнина М.Г. Дело сибирского сепаратизма: (историография вопроса) // Политическая ссылка в Сибири, XIX – начало XX вв. Новосибирск : Наука, Сиб. отделение, 1987. С. 39–48.
2. Горюшкин Л.М. Дело об отделении Сибири от России // Отечество : краевед. альманах. 1995. № 6. С. 66–84.
3. Вуд А. Сибирский регионализм: прошлое, настоящее, будущее? // Расы и народы. 1997. № 24. С. 203–217.
4. Watrous S. The Regionalist Conception of Siberia, 1860 to 1920 // Between Heaven and Hell. The Myth of Siberia in Russian Culture / ed. by G. Diment, Y. Slezkine. New York, 1993. P. 113–132.
5. Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск : Автор, 1996. 223 с.

6. Малинов А.В. Философия и идеология областничества. СПб. : Интер-социс, 2012. 128 с.
7. Вибе П.П. Сибирское областничество // Вопросы истории Сибири XX в. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. С. 249.
8. Ковалышкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири: концепция государственной политики и областническая мысль. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 323 с.
9. Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири // Сборник к 80-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина. Избранные статьи и биографический очерк. Томск : Типо-лит. Сиб. т-ва печатного дела, 1915. С. 110.
10. Головинов А.В. Идеология и философия областничества: к проблеме политологической идентификации // Вестник Челябинского государственного университета, 2011. № 14. С. 58–61.
11. Жадан Л.А. К вопросу об идеологии сибирского областничества (1907–1916 гг.) // Из истории общественно-политической жизни Сибири : межвуз. тем. сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. С. 18–32.
12. Жадан Л.А. Из истории общественно-политической деятельности сибирского областничества в 1907–1917 гг. // Из истории буржуазии в России. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1982. С. 126–139.
13. Переира Н. Областничество и государственность в Сибири во время гражданской войны // Гражданская война в России: перекресток мнений. М. : Наука, 1994. С. 201–214.
14. Шиловский М.В. Сибирский представительный орган: от замыслов к трагическому финалу (январь–ноябрь 1918 г.) // Сибирь в период гражданской войны. Кемерово : Кемеровский обл. ИУУ, 1995. С. 4–18.
15. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920 гг. : (впечатления и мысли члена Омского Правительства). Пекин : Изд-во Типо-лит. Русской Духовной Миссии, 1921. 332 с.
16. Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы : Пер. с англ. М. : ACT, 2013. 702 с.
17. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. 555 с.
18. Головинов А.В. Идеология сибирской свободы: этнокультурные и политические идеи классиков областничества (к 170-летию со дня рождения Н.М. Ядринцева). Барнаул : Изд-во ААЭП, 2012. 184 с.
19. Макиавелли Н. Малое собрание сочинений. СПб. : Азбука, 2018. 576 с.
20. Попов П.Л., Сараев В.Г. Сравнение Сибири с другими макрорегионами России по уровню развития и социального благополучия // Успехи современного естествознания. 2016. № 9. С. 160–171.

References

1. Sesyunina, M.G. (1987) *Delo sibirskogo separatizma: (Istoriografiya voprosa)* [The Case of Siberian Separatism: (Historiography of the Question)]. In: Goryushkin, L.M., Derevyanko, A.P., Bochanova, G.A. & Pokrovskiy, N.N. (eds) *Politicheskaya ssylka v Sibiri, XIX – nachalo XX vv.* [Political exile in Siberia, 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Nauka. pp. 39–48.
2. Goryushkin, L.M. (1995) *Delo ob otdelenii Sibiri ot Rossii* [The case of the separation of Siberia from Russia]. *Otechestvo*. 6. pp. 66–84.
3. Wood, A. (1997) *Sibirskiy regionalizm: proshloe, nastoyashchee, budushchee?* [Siberian regionalism: past, present, future?]. *Rasy i narody*. 24. pp. 203–217.
4. Watrous, S. (1993) The Regionalist Conception of Siberia, 1860 to 1920. In: Diment, G. & Slezkine, Y. (eds) *Between Heaven and Hell. The Myth of Siberia in Russian Culture*. New York: Palgrave Macmillan. pp. 113–132.
5. Akishin, M.O. (1996) *Politseyskoe gosudarstvo i sibirskoe obshchestvo. Epokha Petra Velikogo* [The police state and the Siberian society. The Epoch of Peter the Great]. Novosibirsk: Avtor.
6. Malinov, A.V. (2012) *Filosofiya i ideologiya oblastnichestva* [Philosophy and ideology of regionalism]. St. Petersburg: Inter-socis.
7. Vibe, P.P. (1993) *Sibirskoe oblastnichestvo* [Siberian regionalism]. In: Shilovsky, M.V. (ed.) *Voprosy istorii Sibiri XX v.* [Issues of the History of Siberia in the Twentieth Century]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
8. Kovalyashkina, E.P. (2005) *“Inorodchесkiy vopros” v Sibiri: kontsepsiya gosudarstvennoy politiki i oblastnicheskaya mysль* [The “Non-Russian Question” in Siberia: the concept of state policy and regional thought]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Potanin, G.N. (1915) *Izbrannye stat'i i biograficheskiy ocherk* [Selected articles and a biographical essay]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirsogo tovarishchestva pechatnogo dela.
10. Golovinov, A.V. (2011) Ideologiya i filosofiya oblastnichestva: k probleme politologicheskoy identifikatsii [Ideology and philosophy of regionalism: to the problem of political identification]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 14. pp. 58–61.
11. Zhadan, L.A. (1981) K voprosu ob ideologii sibirskogo oblastnichestva (1907–1916 gg.) [On the ideology of Siberian regionalism (1907–1916)]. In: Bozhenko, L.I. (ed.) *Iz istorii obshchestvenno-politicheskoy zhizni Sibiri* [From the history of the socio-political life of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 18–32.
12. Zhadan, L.A. (1982) Iz istorii obshchestvenno-politicheskoy deyatel'nosti sibirskogo oblastnichestva v 1907–1917 gg. [From the history of socio-political activities of the Siberian regionalism in 1907–1917]. In: Rabinovich, G.Kh. (ed.) *Iz istorii burzhuazii v Rossii* [From the history of the bourgeoisie in Russia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 126–139.
13. Pereira, N. (1994) *Oblastnichestvo i gosudarstvennost' v Sibiri vo vremya grazhdanskoy voyny* [Regionalism and statehood in Siberia during the Civil War]. In: Polyakov, Yu.A. (ed.) *Grazhdanskaya voyna v Rossii: perekrestok mneniy* [Civil War in Russia: A Crossroads of Opinions]. Moscow: Nauka. pp. 201–214.
14. Shilovskiy, M.V. (1995) *Sibirskiy predstaviteľnyy organ: ot zamyslov k tragiceskemu finalu (yanvar'-noyabr' 1918 g.)* [The Siberian representative body: from plans to the tragic finale (January – November 1918)]. In: *Sibir' v period grazhdanskoy voyny* [Siberia during the Civil War]. Kemerovo: Kemerovo Regional Institute for the Improvement of Teachers. pp. 4–18.
15. Gins, G.K. (1921) *Sibir', soyuzniki i Kolchak. Povorotnyy moment russkoy istorii 1918–1920 gg.: (vpechatleniya i mysli chlena Omskogo Pravitel'stva)* [Siberia, allies and Kolchak. The turning point in Russian history of 1918–1920: (impressions and thoughts of a member of the Omsk Government)]. Beijing: Izd-vo Tipe-lit. Russkoy Dukhovnoy Missii.
16. Brzezinski, Z. (2013) *Velikaya shakhmatnaya doska: gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy* [The Great Chessboard: The Reign of America and its Geostrategic Imperatives]. Translated from English. Moscow: AST.
17. Yadrintsev, N.M. (2003) *Sibir' kak koloniya v geograficheskem, etnograficheskem i istoricheskem otnoshenii* [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
18. Golovinov, A.V. (2012) *Ideologiya sibirskoy svobody: etnokul'turnye i politicheskie idei klassikov oblastnichestva (k 170-letiyu so dnya rozhdeniya N.M. Yadrintseva)* [The ideology of Siberian freedom: the ethnocultural and political ideas of the classics of regionalism (on the 170th anniversary of the birth of N. M. Yadrintsev)]. Barnaul: ААЕНР.
19. Machiavelli, N. (2018) *Maloe sobranie sochineniy* [Small Collected Works]. St. Petersburg: Azbuka.
20. Popov, P.L. & Saraev, V.G. (2016) Sravnenie Sibiri s drugimi makroregionami Rossii po urovnu razvitiya i sotsial'nogo blagopoluchiya [Comparison of Siberia with other macro-regions of Russia in terms of development and social well-being]. *Uspekhi sovremennoego estestvoznaniya*. 9. pp. 160–171.

Сведения об авторах:

Попов Петр Леонидович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник лаборатории теоретической географии Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН (Иркутск, Россия). E-mail: plp@irigs.irk.ru

Черенев Алексей Анатольевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории георесурсоведения и политической географии Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН (Иркутск, Россия). E-mail: tcherenev@irigs.irk.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Popov Pyotr L. – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher at the Laboratory of Theoretical Geography of the V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: plp@irigs.irk.ru

Cherenev Alexey A. – Candidate of Geographical Sciences, Senior Researcher at the Laboratory of Geo-Resource Studies and Political Geography of the V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: tcherenev@irigs.irk.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.05.2019; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 20.05.2019; accepted for publication 06.05.2022

Научная статья

УДК 94(47) 084

doi: 10.17223/19988613/77/7

«Кавказ считаем более рациональным для больного как горца»: лечение и отдых Сталина в период НЭПа

Илья Сергеевич Ратьковский

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, i.ratkovskij@spbu.ru

Аннотация. Рассматриваются история болезни и лечения И.В. Сталина в период НЭПа, назначенные процедуры и места отдыха. В это время многие вопросы внутренней политики решались в переписке со Сталиным, а также откладывались до момента его возвращения из отпуска. Географическая близость места отдыха определяла вовлеченность Сталина в рассмотрение национальных вопросов республик Кавказа. В статье также рассматривается роль Сталина в организации отдыха и лечения лидеров партии. Статья основана на материалах РГАСПИ и источниках личного происхождения.

Ключевые слова: здравоохранение, Политбюро, НЭП, здоровье Сталина, Сталин

Для цитирования: Ратьковский И.С. «Кавказ считаем более рациональным для больного как горца»: лечение и отдых Сталина в период НЭПа // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 60–69. doi: 10.17223/19988613/77/7

Original article

We consider the Caucasus more rational for the patient as a mountaineer": Stalin's treatment and rest during the NEP

Ilya S. Ratkovskii

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, i.ratkovskij@spbu.ru

Abstract. The history of I.V. Stalin's disease and treatment, prescribed procedures and treatment sites provide a lot of information. This aspect has been worked out quite well in relation to the period after the end of World War II. However, the history of Stalin's health and treatment of the NEP period has yet to be investigated. Meanwhile, the dates of Stalin's holidays and treatment can be linked to the political processes that took place at that time. The materials of the archival funds of the Russian State Autonomy and Information Administration (f. 558 and others), which allow us to determine the schedule of Stalin's holidays are very helpful. They also contain Stalin's personal correspondence with members and candidates of the Politburo from the places of his treatment. Along with other sources of personal origin, this allows you to create a reliable picture of Stalin's disease and treatment in the period under review.

I.V. Stalin's health and treatment during the NEP was determined by many important moments in the history of Russia-USSR. These circumstances had a direct impact on the political life of the country. Despite the fact that Stalin's illness sometimes limited his participation in the political process of the country, he still played a key role in it. Many domestic policy issues were resolved in personal correspondence with Stalin, and were also postponed until his return from vacation. During vacations a number of key points were considered with the military and political figures of the country. From this point of view, one can consider Stalin's vacation in the Crimea in 1925.

Stalin's position in the country's leadership stabilized his vacation and treatment schedule. Further, Stalin's holidays took place in the Caucasus and lasted from two to three months. The geographical proximity of the vacation spots determined Stalin's involvement into consideration of the national issues of the Caucasus republics. So, even earlier, he resolved issues related to the Mountain Republic, the status of autonomies in its composition, the exit of autonomies from it. Stalin's supervision of the republics of Transcaucasia was an important point as well.

An analysis of a close circle of political figures who spent their holidays and treatment together with Stalin is needed. Among them were K.E. Voroshilov, G.K. Ordzhonikidze, S.M. Kirov, etc. These people enjoyed the full confidence of Stalin. The same aspect should be applied to those who remained on the "replacement" of Stalin in Moskva: V.M. Molotov, L.M. Kaganovich. Analysis of correspondence will determine their responsibilities, as well as accountability to Stalin.

The key moment of the study was the role of Stalin in organizing recreation and treatment of the party leaders. The post of Secretary General, among other things, denoted the oversight of these issues. Stalin not only recommended the terms of the holidays, but also the places of treatment, and regulated their duration. This moment allowed Stalin to control the degree of participation of members and candidates of the Politburo and the members of the Central Committee in the political

process of the country. An important point was the material support of the process of their treatment. In fact, Stalin's treatment and vacation policy was a continuation of the personnel policy and played an important role in his assertion in power.

Keywords: health, Politburo, NEP, Stalin's health, Stalin

For citation: Ratkovskii, I.S. (2022) "We consider the Caucasus more rational for the patient as a mountaineer": Stalin's treatment and rest during the NEP. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University Journal of History.* 77. pp. 60–69. doi: 10.17223/19988613/77/7

Состояние здоровья определяет жизнь любого человека. Здоровье И.В. Сталина влияло не только на его жизнь, но и на жизнь многих миллионов людей. От него зависело как принятие решений, так и возможное их откладывание. За ним внимательно следили не только врачи, но и его политические противники. Поэтому изучение истории болезней Сталина – это не только уточнение различных страниц его биографии, но и анализ многих политических процессов того времени.

Существуют определенные научные изыскания в данном направлении. В большей степени исследователей интересовали заключительные годы жизни Сталина, обстоятельства его смерти [1]. Так, в мемуарной и исследовательской литературе хорошо освещаются послевоенные отпуска Сталина. В этом плане можно указать на статью О.В. Натолочной и А.А. Черкасова о первом продолжительном послевоенном отпуске Сталина осенью 1945 г. [2]. Укажем также на воспоминания Н.С. Власика, где приводится много сведений о послевоенном отдыхе Сталина, в меньшей степени о довоенном периоде [3]. Отметим опубликованные воспоминания Ю.С. Соловьева, где также хорошо просмотрен послевоенный отдых Сталина, прежде всего на Ближней даче и в Боржоми [4].

Однако более ранние годы деятельности И.В. Сталина в этом аспекте практически не исследованы, в том числе это касается периода НЭПа и начала 1930-х гг. Можно только указать на отрывочные данные, которые приводят в своем исследовании Ж. и Р. Медведевы [5]. Отчасти информация содержится в научно-популярных книгах об истории госдоч А.Е. Артамонова, выполненных им в стиле «документального романа» (выражение автора), часто без ссылок на использованные материалы [6–8]. Между тем существуют архивные фонды РГАСПИ, в том числе доступные дистанционно благодаря проекту «Документы советской эпохи» [9], а также электронным и книжным публикациям Фонда А.Н. Яковлева. Опубликованные источники личного происхождения, партийные документы и переписка представляют возможность акцентированно дать характеристику указанной теме [10, 11].

Сразу отметим, что существует ряд указаний на здоровье Сталина в дореволюционный период. Действительно, с молодости у Сталина было врожденное уродство – сохнущая левая рука, следствие неизлечимой генетической болезни Эрба. Указывается также на сросшийся палец на ноге и на последствия для здоровья Сталина перенесенной оспы.

Уже в период семинарского обучения у Сталина фиксируются хронические болезни. Так, в прошении И.В. Джугашвили от 3 июня 1898 г. ректору Тифлисской духовной православной семинарии о. архимандр-

риту Серафиму об освобождении в связи с болезнью от переэкзаменовки по священному писанию им указывалось: «Так как по причине грудной болезни (грудная болезнь – туберкулез, чахотка. – И.Р.), которой я так давно страдаю и которая так усилилась во время экзаменов, я нуждаюсь в продолжительном отдыхе и в более менее сносном уходе, – покорнейше прошу Вас, Ваше Высокопреподобие, избавить меня от переэкзаменовки по Св. Писанию и таким образом дать мне возможность в некоторой степени вы свобождаться от указанной болезни, так медленно подтачивющей мои силы уже с первого класса» [12. Д. 4327. Л. 1].

Указания на болезнь легких есть и в письмах Сталина периода енисейской ссылки. Он пишет о проблемах со здоровьем И.В. Малиновскому (1 ноября 1913 г.) [Там же. Д. 5393], Т.А. Словатинской (23 ноября 1913 г.) в книгоиздательство «Просвещение»: «...еще заболел, какой-то подозрительный кашель начался. Необходимо молоко... но деньги, денег нет») [Там же. Д. 5392], – Г.Е. Зиновьеву (21 декабря 1913 г.): «Все бы ничего, если бы не болезнь, но эта проклятая болезнь, требующая ухода (т.е. денег), выводит меня из равновесия и терпения. Жду») [13. Д. 95. Л. 3]. Очевидно, что помимо чахоточных явлений последствием ссылки был и более поздний ревматизм Сталина. Однако дальнейшие указания на проблемы со здоровьем у Сталина на несколько лет пропадают и начинают фиксироваться только в 1920-х гг.

В начале 1920 г. Сталин в качестве члена РВС Юго-Западного фронта участвует в военных действиях на южном направлении. Очевидно, напряжение этих дней сказывается на здоровье Сталина. После занятия красными войсками Ростова и Новочеркасска он пишет заявление об освобождении его от военной работы. Однако Политбюро на заседании 17/18 января 1920 г. отклоняет его просьбу, предоставив Сталину 10-дневный отпуск [14. Д. 55. Л. 1]. Stalin остается членом РВС Юго-Западного фронта.

Дальнейшие события 1920 г. опять-таки связаны с активной продолжительной военной деятельностью Сталина, что не способствует улучшению состояния его здоровья. Постоянные разъезды на спецпоезде по фронтам лишь ухудшают ситуацию. Так, вернувшись в Харьков из очередной поездки 20 июля 1920 г., Stalin заболевает, и его пребывание в городе продлилось до конца месяца [13. Д. 650. Л. 280].

31 июля 1920 г. началась новая командировка Сталина. Продолжавшаяся польская кампания, споры с Л.Д. Троцким не добавляли ему здоровья. Когда он вернулся в Москву, 19 августа Политбюро поставило вопрос об организации Сталину двухнедельного отпуска и проголосовало за него [14. Д. 103. Л. 2]. Очевидно, что состояние здоровья Сталина было не луч-

шим, но было и стремление его противников временно удалить Сталина «на отпуск» из Москвы. Stalin с этим не мог согласиться и остался в Москве, приняв участие в последующих заседаниях Политбюро.

В конце сентября вопрос об отъезде Сталина на отдых вновь рассматривался Политбюро. Характерно, что в этот период ставится вопрос и о первом отдыхе Ф.Э. Дзержинского. Окончание польской войны и стабилизация советской республики позволяли уже проводить целенаправленное лечение советских лидеров. Stalin пытался оттянуть отдых и лечение, мотивируя необходимостью его присутствия на Всероссийском совещании работников РКП, открытие которого намечалось на 15 октября. Просьба Сталина была отклонена Политбюро 6 октября. Ему было предложено выехать на Кавказ в ближайшие дни. Stalin лишь добился скорейшего возвращения для работы на Северном Кавказе С.М. Кирова [14. Д. 111. Л. 1].

Однако Stalin продолжал участвовать в заседаниях Политбюро 9, 11 и 14 октября, позднее отбыв на Северный Кавказ, но отнюдь не на отдых [Там же. Д. 113–115]. 25 октября из Владикавказа он отправил телеграмму № 147 председателю Турецкой коммунистической партии Мустафе Супхи, с копией члену Кавбюро Е.Д. Стасовой, с просьбой ждать его приезда в Баку [12. Д. 4405. Л. 1–2]. 6 ноября он выступил на заседании Бакинского совета о положении в Азербайджане за три года советской власти [Там же. Д. 5369], а 12 ноября произнес речь в Темир-хан-шуре о провозглашении автономии Дагестана. 17 ноября Stalin выступил с речью о советской автономии горцев Кавказа на Съезде народов Терской области в помещении Владикавказского театра. В докладе Сталина, в частности, определялась структура государственного устройства Горской автономии [15. С. 32]. Таким образом, его поездка на Северный Кавказ сопровождалась целой чередой важнейших мероприятий, о которых он вскоре отчитался на заседании Политбюро 27 ноября 1920 г.

Работа на Северном Кавказе вместо возможного отдыха не могла не повлиять на здоровье Сталина. Сказалась и смена климата. Еще 4 декабря он участвовал в заседании Политбюро, но скоро заболевает [14. Д. 126]. В середине декабря 1920 г. фиксируется одна из его первых серьезных болезней. Он даже пишет 16 декабря записку Н.Н. Крестинскому, с копией для В.И. Ленина (для пленума ЦК), о невозможности из-за болезни принять прямое участие в работе пленума: «Болезнь помешала мне принять прямое участие в работе пленума, но участвовать в голосованиях, если меня будут опрашивать, я могу спокойно» [12. Д. 4599]. Как минимум до 22 декабря он болел [Там же. Д. 4312].

Новый 1921 г. был для Сталина не менее напряженным. Вскоре после окончания X съезда партии он вынужден был лечь на операцию. История болезни и лечения Stalin, с 26 марта по 8 апреля 1921 г. находившегося на лечении в больнице им. К.Т. Солдатенкова, зафиксирована в отдельном больничном деле [16. Д. 675]. Данное лечение было итогом уже давней болезни: в деле указывалось на ее продолжительность в 7 месяцев [Там же. Л. 1 об.].

При поступлении был произведен осмотр больного доктором В. Соколовым: «Общее состояние удовлетворительное. Питание тоже удовлетворительное. Жизнь немного вздут, болезнен при ощупывании в области соеси. Диспептических явлений нет. Было два тяжелых приступа. Со стороны легких – жесткое дыхание, хрипов нет. При исследовании внутренних органов 26 III найдено приглушение под правой легочной верхушкой, здесь же жесткий выдох и отдельные незвонкие хрипки. На остальном протяжении в легких ничего патологического не обнаруживается. Сердце увеличенено: правая граница по правому краю грудины. Левая же заходит на сантиметр за левую сосковую. Шумов нет, но второй тон раздвоен и тоны не вполне чисты. Второй тон аорты акцентуирован. Пульс около 80, ритмичен, артерии жестковаты. Немного увеличена селезенка (была малярия). В области соеси ограниченная небольшая болезненность при пульпации. Советую до операции больше лежать и принимать (пропуск слова, скорее всего настойка опия. – И.Р.) по 5 кап. 3 раза» [Там же. Л. 1]. Температура в период поступления была невысокая: 36,4. Такая же была и утром. Состояние Stalin было плохим, его слабило. Прикладывали лед. Вечером и утром следующего дня ему поставили клизмы, уже готовя для операции.

28 марта состоялась операция по удалению червеобразного отростка слепой кишки (аппендэктомия). Лечил Stalin доктор В. Розанов. Червеобразный отросток был удален под общим наркозом. При операции использовались хлор и кокайн. Этот отросток оказался спаянным своим концом со слепой кишкой, где была перфорация, и повернут кверху. Были наложены швы. Операция Stalin оказалась успешной. Постепенно его здоровье улучшилось. 4 апреля швы были сняты, но из одного шва были выделения, и температура поднялась до 37,8. Рана немного гноилась до 7 апреля, но уже на следующий день ситуация улучшилась. Вскоре Stalin выписали из больницы [Там же. Л. 2–3].

Материалы данного больничного дела дополняются документами из другого дела, хранящегося в РГАСПИ [17. Д. 1482]. В данном документе содержатся данные осмотра Stalin врачами в более поздний послеоперационный период и их рекомендации. «Иосиф Виссарионович осмотрен нами... сердце расширенное... нервная система значительно улучшилась». Заключение: требуется отдых (поездка) на Кавказ для «лечения не менее полутора месяцев полного покоя и хорошего питания. Кавказ считаем более рациональным для больного как горца. В. Соколов. Розанов» [Там же. Л. 1 об.].

Данный осмотр врачей Stalin практически совпал с важным решением Политбюро по медицинскому вопросу. На заседании Политбюро от 23 апреля 1921 г. пунктом 6 был рассмотрен вопрос об отпусках членов ЦК. Было принято решение «признать необходимым предоставить продолжительные отпуска следующим членам ЦК – Stalinу, Каменеву, Рыкову, Троцкому. Кратковременные отпуска на 2–3 дня членам ЦК санкционировать с разрешения секретаря ЦК» [14. Д. 154. Л. 2]. Там же уточнялось персонально по Stalinу: «Признать необходимым предоставление продолжительных отпусков следующим членам ЦК: тов. Stalinу

ну, которого обязать лежать, после чего направить его в Гагры на 1 1/2 месяца» [17. Д. 1481. Л. 2]. Вскоре, 30 апреля, Политбюро утвердило конкретные даты «немедленных отпусков»: «Предписано Каменеву начать свой отпуск после 1 мая и Сталину – в ближайшие дни» [14. Д. 157. Л. 5; 17. Д. 1481. Л. 3].

Судя по всему, Сталин выполнил это постановление с некоторым опозданием: в середине-конце мая 1921 г. В этот период проходят его отдых и лечение в Нальчике. Он часто выезжал на охоту, бродил в горах [16. Д. 650. Л. 280]. Здоровье его явно окрепло, и он собирался вернуться в Москву, но Ленин настоял на продолжении отпуска: сначала на две недели, потом еще на две [Там же].

Пребывание Сталина на Северном Кавказе, как и в 1920 г., не было только чередой лечебных процедур и прогулок. Северный Кавказ этого периода был ареной продолжавшегося национального строительства. Нахождение Сталина на отдыхе в указанном регионе не могло не привлечь внимания местных руководителей национальных республик. Одним из обсуждавшихся уже с мая 1921 г. вопросов был статус Кабардинской автономии [15. С. 34]. «Этот вопрос был поставлен перед товарищем Сталиным во время приезда в Кабарду в начале лета 1921 г. В то время товарищ Сталин находился в городе Нальчике в местности “Затишье”. Он приезжал сюда для восстановления своего здоровья, подорванного от напряженной работы в период Гражданской войны. Внимательно выслушав представителей кабардинского народа, Сталин заявил им, что против выделения Кабарды в автономную область ничего не имеет, а наоборот, приветствует это выделение как целесообразное с точки зрения политической и экономической выгоды РСФСР и обещает, что он снесется с Москвой и вопрос об автономии Кабарды будет разрешен положительным образом» [16. Д. 650. Л. 202–203]. 10 июня 1921 г. в Нальчике состоялся 4-й окружной съезд советов Нальчинского округа. Ожидали Сталина, но «он не мог прибыть на съезд ввиду обострившейся болезни» [Там же. Л. 203]. Поэтому Сталин 12 июня послал извинительное письмо председателю съезда советов Кабардинского округа с передачей приветствия делегатам съезда. Он указывал: «Я, к большому моему сожалению, не могу принять участие в работе съезда ввиду обострившейся болезни» [12. Д. 2108. Л. 1]. Отсутствие Сталина на съезде не было тактической уловкой, он поддерживал намеченные его решения. Однако прерывать лечение было нежелательно. В начале июля 1921 г. Сталин приехал в Тифлис через Владикавказ. С.А. Такоев, бывший председатель СНК Горской республики, пытался уговорить его оставить Кабарду в составе Горской республики. Сталин ему указал, что вопрос решен уже окончательно. 1 сентября состоялось выделение Кабардинской автономии из Горской республики. Кабардинское руководство длительное время будет благодарно Сталину за его позицию в этом вопросе, очень гостеприимно принимая его впоследствии на Северном Кавказе.

Между тем лечение Сталина в июле продолжилось. Об этом 17 июля телеграфировал Ленину Г. Орджоникидзе, подтверждая факт лечения [17. Д. 1481. Л. 4].

В 1922 г. у Сталина фиксируются новые проблемы со здоровьем. 6 февраля Ленин пишет записку В.М. Молотову о предоставлении Сталину нового отпуска. Как и ранее, Ленин объединяет Сталина и Каменева, предлагая общие меры для улучшения их здоровья: 3-дневный еженедельный отпуск с вечера четверга по понедельник до партийного съезда [Там же. Л. 7] (XI съезд РКП(б) проходил в Москве с 27 марта по 2 апреля 1922 г. – И.Р.). Ленин на этом не остановился. 6 марта он инициировал вопрос об отпуске Сталину и Каменеву [Там же. Л. 6]. Вопрос об этом был поставлен на заседании Политбюро 7 марта 1922 г. Политбюро одобрило решение об отпуске [14. Д. 277. Л. 2].

Однако нет никаких указаний, что данное решение Сталиным было выполнено. Он продолжал работать в Москве, не делая длительных перерывов в своей политической деятельности. Только летом Политбюро смогло обязать Сталина выполнять его постановления. 13 июля 1922 г. Постановлением Политбюро ЦК РКП(б) было принято «твёрдое решение» об отпуске Сталина: «Обязать т. Сталина проводить 3 дня за городом» [17. Д. 1481. Л. 8].

Вместе с тем утомленность Сталина не ушла. Позднее он согласился на очередной летний отпуск. В письме Н.И. Бухарину и Г.Е. Зиновьеву, с копией К.Е. Ворошилову, он сообщил о своем отъезде в отпуск, в частности указывая: «Дней через 8–10 уезжаю в отпуск (устал, переутомился). Всего хорошего» [13. Д. 39].

Отказы Сталина уходить в отпуск вплоть до крайнего момента, до обострения болезни, характерны и для более позднего периода его биографии. Политбюро напрямую указывало Сталину на недопустимость подобного поведения. Впрочем, имелась здесь и политическая подоплека: через заботу о здоровье Сталина удалить его из Москвы на как можно более длительный срок или ограничить его в публичных выступлениях.

Вновь подобный вопрос встал ранней весной 1923 г. Решением Политбюро от 8 марта 1923 г. было «решено запретить Сталину публичные выступления в течение ближайших двух недель и предложить ему использовать их полностью для отдыха» [14. Д. 340. Л. 3; 17. Д. 1481. Л. 9]. В свою очередь, самому Сталину вместе с Зиновьевым 1 марта на Политбюро было поручено в закрытом заседании СНК сообщить о мерах, которые предпринимались ЦК по уходу и лечению Ленина [14. Д. 341. Л. 2]. Отметим, что тем же решением Троцкого из-за его болезни временно подменял Рыков [Там же]. Все это происходило на фоне ухудшения здоровья Ленина и, возможно, имело свои политические причины. Впрочем, преувеличивать значение «контроля» Сталина над больным Лениным не стоит, в первую очередь ввиду того, что и сам Сталин не был вполне здоров. Уже 24 марта фиксируется новое обострение болезни Сталина (ревматизм руки), и на него заводится новая санитарная книжка [17. Д. 1482]. «Весной 1923 г. молодой Анастас Микоян, который в 27 лет был уже секретарем Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б), приехав в Москву, навестил Сталина в его кремлевской квартире. Рука Сталина, как свидетельствует Микоян в своих воспоминаниях, была забинтована. «Рука болит, – объяснил Сталин, –

особенно весной. Ревматизм, видимо. Потом проходит». На вопрос, почему он не лечится, ответил: «А что врачи сделают?» Микоян уговорил Сталина поехать лечиться в Сочи, на мацестинские горячие сероводородные ванны, которые уже в течение многих десятилетий считались хорошим лечебным средством именно при болезнях суставов. Осенью того же года Сталин, послушавшись Микояна, поехал в Сочи. У Сталина действительно периодически болели мышцы рук и ног. Он полагал, что это ревматизм, который он получил в результате четырехлетней ссылки в Восточную Сибирь. Так оно, по-видимому, и было [5. С. 12].

Серьезные проблемы со здоровьем – боли в мышцах рук и ног, частые простуды, бессонница – начались у Сталина в начале 1920-х гг. Он серьезно страдал от полиартрита, и весенняя болезнь была его обострением. На заседании пленума ЦК 26 апреля 1923 г. вопрос об отпуске и лечении Сталина был передан на рассмотрение Политбюро [17. Д. 1481. Л. 10]. Согласно протоколу Политбюро от 3 мая 1923 г., Сталину был предоставлен месячный отпуск [14. Д. 349. Л. 5; 17. Д. 1481. Л. 11].

Вопрос об отпуске Сталину был поставлен Политбюро и 9 августа 1923 г. Срок отпуска был установлен в полтора месяца [14. Д. 370. Л. 9]. 10 августа Сталин направил К.Е. Ворошилову в Ростов шифротелеграмму о предстоящем отпуске: «Отпуск начинается 15 августа [17. Д. 31. Л. 98–99]». Телеграфировал Сталин Ворошилову неслучайно, так как именно с ним он предполагал совместный отдых. Указанный летне-осенний отпуск упомянут в вышеприведенных воспоминаниях и Микоян.

Уже в конце августа Сталин был на Северном Кавказе, где на минеральных водах началось его лечение. 30 августа 1923 г. он телеграфировал из Ессентуков в ЦК РКП(б) В.М. Молотову и Я.Э. Рудзутаку с просьбой сообщить о телеграмме наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко и санкционировать оставление врача Александрова в Ессентуках: «Передайте Семашко или его заместителю, что доктор Александров останется в Ессентуках еще три недели по моему настоянию ввиду моей болезни точка Прошу наркомздрав санкционировать Сталин» [12. Д. 2547. Л. 1]. Здесь к нему присоединился Ворошилов. Уже в первые недели лечение о явно улучшило состояние здоровья Сталина. 8 сентября он даже написал письмо Зиновьеву с описанием приема им грязевых ванн в Ессентуках, давая высокую оценку русским врачам: «Если поднимем Ильича, я готов стать религиозным человеком, поверить в чудо и... перебить нерусских врачей. Которые до смерти напугали нас своими резолюциями, будь они трижды прокляты» [17. Д. 734. Л. 49].

15 сентября 1923 г. Сталин (вместе с Ворошиловым) оставил отзыв о лечении в Ессентуках и о служащей грязелечебницы М. Генераловой: «К сведению советских и партийных учреждений. Свидетельствую, что подательница сего, Мария Генералова, служащая грязелечебницы в Ессентуках, является заслуживающей полного доверия и преданной Советской республике труженицей. И. Сталин. 15/IX–23 г. Вполне присоединяюсь. Ворошилов» [12. Д. 2548 Л. 1].

«Мацестинский курорт помог Сталину, и боли в мышцах почти исчезли. Но это было временное облегчение. Радикального выздоровления при ревматоидных и артритных заболеваниях не бывает и в наши дни. Сталин стал приезжать в Мацесту каждый год. Первые годы он во время приездов в Сочи жил в отдельном доме, выбранном для него Микояном. Но в 1926 г. для Сталина оборудовали помещение в санатории в Старой Мацесте. Главным врачом этого санатория был врач-курортолог Иван Владимирович Валединский. Краткие записи Валединского о встречах со Сталиным, опубликованные недавно, дают наиболее ясную картину здоровья Сталина до 1940 г. Осмотр Сталина, произведенный тремя врачами, не обнаружил никаких отклонений от нормы. Сталин тем не менее прошел полный курс мацестинских теплых сероводородных ванн от естественных горячих источников. Это ему помогло» [5. С. 12–13]. Возможно, эффект лечения грязевыми ванными был бы еще больше, если бы Сталин соблюдал все предписания врачей. Однако это не всегда происходило, на что есть указание Демьяна Бедного, который упоминал в письме Сталину: «Говорят, вы здесь лечились не ахти как аккуратно. Я о себе не могу этого сказать. Питаюсь скучно и все такое, как мне предписано [17. Д. 701. Л. 2–3 об.]». Из контекста письма Д. Бедного выходит, что прописанную врачами диету Сталин не соблюдал. Возможно, речь шла и об отказе Сталина ограничить курение. Между тем одним из факторов ухудшения здоровья Сталина было именно оно. Но курение было не только одной из привычек Сталина, но и частью его образа [18. С. 247–252].

Вернувшись в Москву Сталин был полон сил и вновь включился в борьбу за лидерство в партии. Однако, возможно, в силу неполного соблюдения рекомендаций врачей по режиму, лечение дало лишь временный эффект. Сказывался и другой момент: в Москве ежедневное питание и отдых Сталина в этот период были практически не организованы на регулярной основе. Эффект кавказского отдыха в московских условиях быстро сходил на нет.

Решением Политбюро уже 15 ноября Сталину был предоставлен недельный отпуск [14. Д. 394. Л. 4; 17. Д. 1481. Л. 12]. Пройдет месяц после этого непродолжительного отпуска, и у него начнутся новые приступы болезни. С 1 января 1924 г. Сталин вновь на постельном режиме. На него будет составлена режимная карта, которая «приправливается к партбилету, и выполнение режима обязательно наравне с партобязанностями» [17. Д. 1481. Л. 14–22]. В последние дни жизни Ленина Сталин был болен; отчасти это объясняет председательство Дзержинского в ленинской похоронной комиссии [19. С. 362–364].

Тем не менее Сталин был на похоронах Ленина 27 января 1924 г., в отличие от Л.Д. Троцкого, который лечился в это время на юге. Возможно, участие в похоронной процессии при крайне низкой температуре вновь обострило болезнь Сталина. Решение Политбюро от 4 февраля 1924 г. предписывало «предоставить Сталину с 6 февраля месячный отпуск с освобождением на это время от всякой работы и местопребыванием по указанию врачей». Вновь отпуск он

получил одновременно с Каменевым. Зиновьев уходил в двухнедельный отпуск чуть позднее, с 8 февраля, Рудзутак – с 12 февраля, Рыкову предписывался «согласно заключению врачебного консилиума двухмесячный отпуск, не возражая против предложения Рыкова о том, чтобы отпуск начался через 3 недели, но лишь в том случае, если врачебный консилиум согласится с такой отсрочкой начала отпуска» [14. Д. 414. Л. 8–9; 16. Д. 1481. Л. 13]. У Сталина оказался самый продолжительный отпуск. Решением Политбюро от 28 февраля ему продлили отпуск на неделю: с 6 по 12 марта [14. Д. 422. Л. 4].

Следующий отпуск у Сталина состоялся уже традиционно летом. Решением Политбюро от 3 июня ему, опять одновременно с Каменевым, был предоставлен отпуск с 10 июня по 1 августа 1924 г. [Там же. Д. 441. Л. 6]. Однако выезд в отпуск задерживался. Характерен ответ Сталина на письмо Демьяна Бедного, который лечился от подагры в Ессентуках и приглашал приехать туда же лидера партии [17. Д. 701. Л. 2–3 об.]. Stalin ответил поэту в конце июня: «“Приезжайте” – пишете Вы. К сожалению, не могу приехать. Не могу, потому что некогда... У нас, в Москве, полоса съездов еще не прошла». При этом само письмо было написано и отправлено с опозданием, 16 июля 1924 г. [17. Д. 701. Л. 6]. Решение Политбюро так и не было выполнено.

Между тем конфликты в Политбюро все усиливались, здоровью Сталина это явно не способствовало. 19 августа он пишет письмо В. Куйбышеву о своей отставке с поста генерального секретаря партии, добавляя в нем о необходимости отпуска: «Прошу дать для лечения отпуск на месяца два» [17. Д. 126. Л. 68–69]. Отчасти просьба Сталина была удовлетворена: отпуск ему было решено дать. 1 августа Политбюро приняло решение: «Предоставить отпуск Сталину с конца августа сроком на два месяца» [14. Д. 459. Л. 2]. Отставку же не приняли. Впрочем, сам Stalin вскоре продолжил выяснять отношения с некоторыми членами Политбюро, при этом используя как раз «отпускную тему». В письме от 15 сентября он поднял в заявлении на имя В.М. Молотова (копия Куйбышеву и Енукидзе) вопрос об отпущеных на отпуск деньгах. Всего было выдано 5 тыс. рублей на 5 человек: Сталина, Дзержинского, Енукидзе, Аванесова, Лашевича. Потом работник ГПУ А.Я. Беленький уточнил, что половина из этих средств была выделена на Зиновьева, а остальные – на пятерых указанных деятелей. При этом Зиновьев в последние полтора месяца, помимо указанных 2,5 тыс., получил еще ранее 10 тыс. рублей, включая некую сумму на Бухарина. То же самое было с расходами на отпуск Троцкого. Stalin просил разобраться, так как эта тема должна была быть гласной. Сам же он просил ЦК на расходы во время отпуска 400–500 рублей. При этом добавляя, что свой отъезд в Крым он откладывает ввиду предстоящего приезда Орджоникидзе [17. Д. 728. Л. 8–9].

Зима 1925 г. ознаменовалась очередным обострением болезни Сталина, опять давал себя знать полиартрит. Врачи вновь запретили ему выступать на больших собраниях в течение нескольких недель. Поэтому многие предполагавшиеся выезды Сталина не были осуществ-

лены. В частности, по этой причине решением Политбюро от 19 февраля была отклонена просьба ЦК КПУ о поездке Сталина на Донецкую губпартконференцию [14. Д. 489. Л. 4].

Весной здоровье Сталина улучшилось, но опять на непродолжительное время. Уже 1 июня 1925 г. на него составляется новая амбулаторная карта [17. Д. 1482]. Здоровье Сталина этим летом было не лучшее. Он вновь едет в июле на мацестинские воды. На время отпуска по решению Политбюро от 2 июля 1925 г. его заменяет В.М. Молотов [14. Д. 509. Л. 5].

25 июля, уже из Сочи, Stalin пишет письмо Молотову о Ф.Э. Дзержинском с просьбой не ставить вопрос о его отставке с поста председателя ВЧХ [19. С. 381–382]. Его беспокоит здоровье Дзержинского и других близких ему людей. Оттуда же 30 июля, после улучшения ситуации с лечением, он пишет Г.К. Орджоникидзе с советом ему и С.М. Кирову обратить серьезное внимание на здоровье: «...неужели ты так серьезно болен! Обрати серьезное внимание на себя хоть раз в жизни и лечись по-человечески. Пойми, что ты уже не так здоров и не так молод. А Киров что делает там? Лечится от язвы желудка нарзаном? Ведь этак можно доканать себя. Какой заихарь “пользует” его? Долго ли думаете пробыть в Кисловодске? А потом куда? Я думаю потом отправиться в Крым. Лечусь аккуратно. Мацестинская вода действует много лучше, чем Эссентинские грязи. Как бы нам повидаться... Не можете ли как-нибудь заехать в Сочи? Или, может быть, мне заехать к Вам?» [12. Д. 3334].

После отдыха в Сочи Stalin с 20 августа продолжает отпуск в доме отдыха ВЦИК № 4 «Мухалатка», который находился недалеко от Фороса. Здесь в это время отдыхали многие видные советские деятели: Ворошилов, Микоян, Дзержинский, Фрунзе, Кон и т.д. [19. С. 385 Г.К. Орджоникидзе 387]. В архивах сохранилось письмо К.Е. Ворошилова А.С. Енукидзе от 8 сентября 1925 г. из дома отдыха «Мухалатка», где он рассказывает об отпуске Сталина: «...Кроме всего прочего Коба научился играть в кегли и биллиард. И то и другое ему очень нравится. Шкирятов... сейчас “дуется” со Сталиным и Чубарем в биллиард» [20]. Это был один из самых продолжительных отпусков Сталина в период НЭПа.

1926 год начинается вновь с обострения болезни. Возможно, сказывалась активная политическая борьба зимой 1925/1926 гг., разгром зиновьевской оппозиции. Вновь в феврале дают знать и усталость, и ревматизм. Уже 1 февраля 1926 г. Stalin телеграфирует в Тифлис: «Думаю через две недели уйти на короткий отпуск, устал очень» [17. Д. 34. Л. 21–22]. Однако в отпуск из-за обострения болезни он не уходит. 18 февраля постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) Сталину назначен консилиум зарубежными врачами-профессорами. Осмотр должен был состояться по графику 26 февраля в течение всего дня [Там же. Д. 1481. Л. 23–24]. На основе врачебного осмотра было принято решение о назначении Stalinу продолжительного лечения.

Зная это, Stalin отправил 16 мая телефонограмму Орджоникидзе в Тифлис, предлагая новый совместный отпуск: «На днях буду в районе Сочи. Ты как думаешь

проводи свой отпуск?» [17. Д. 34. Л. 80–81]. 20 мая Политбюро, рассматривая вопрос о летних отпусках, приняло решение «предоставить Сталину отпуск на 1 1/2 месяца для лечения» [14. Д. 561-2. Л. 9; 17. Д. 1481. Л. 25]. 1 июня 1926 г. он отправляет телеграмму жене: «Москва. Кремль. Надежде Аллилуевой. Приезжай Тифлис Зине (З.Г. Орджоникидзе, жена Г.К. Орджоникидзе. – И.Р.). По приезде Тифлис несколько дней выедешь Сочи. Я буду через несколько дней Сочи. Ответ Тифлис Орджоникидзе. Сталин» [12. Д. 3265. Л. 1]. Вскоре он выезжает на юг.

Уже 1 июня ему был назначен процедурный лист на принятие мацестинских ванн. Для Сталина оборудовали помещение в санатории в Старой Мацесте [17. Д. 1482. Л. 12]. Маршрут проезда Сталина был также тщательно спланирован. Из Москвы он следовал до Ростова-на-Дону, откуда должен был выехать на Тифлис 9 июня в 12 часов по военно-грузинской дороге до Владикавказа, из Беслана выехать поездом № 9 в 23 часа до Армавира, куда прибыть в 10 часов 10 июня. Из Армавира поезд № 3 в 15 часов в Туапсе, куда прибыть 11 июня в 3 часа. Из Туапсе в Сочи проследовать поездом № 31 в 7 часов 11 июня. «Охране необходимые меры принять» [Там же. Д. 1481. Л. 26–27].

По дороге Сталин в Тифлисе отравился рыбой и болел вплоть до приезда в Сочи 15 июня [11. Письмо Сталина Молотову 15 июня 1926 г.]. По приезде в Сочи он находится под внимательным контролем врачей. Его ежедневно взвешивают в течение 10 дней: 20–30 июня, позднее осматривают консультанты И. Тарасевич, С. Щуровский и Обросов [17. Д. 1482]. Отпуск заканчивался как раз в предверии июльского пленума ЦК.

Пленум прошел в борьбе между сторонниками Сталина и противниками генеральной линии партии. Одним из событий пленума стала скоропостижная смерть Дзержинского 20 июля 1926 г., которая формально объединила его друзей и противников. Дзержинского хоронило все Политбюро: и те, кто был в нем на момент смерти Дзержинского, и те, кто был недавно из него исключен: Сталин, Калинин, Томский, Куйбышев, Рыков, Бухарин, Рудзутак, Орджоникидзе, Молотов, Зиновьев, Троцкий и многие другие. Вместе 22 июля они несли гроб. Это был последний момент единства партии...

11 августа консультанты составили медицинскую справку о состоянии здоровья Сталина. 21 августа ее персонально продублировал Обросов [17. Д. 1482]. Рекомендации врачей были учтены Политбюро. 26 августа оно разрешило Сталину новый отпуск на полтора месяца согласно предписанию врачей. Молотов был назначен членом делегации ВКП(б) в ИККИ на время отсутствия Сталина в Москве [14. Д. 583. Л. 4; 17. Д. 1481. Л. 28]. Сталин прошел ряд медицинских процедур, включая электрокардиограмму 9 сентября [17. Д. 1482]. У него по-прежнему болела рука. В письме Молотову от 16 сентября он кратко упомянул это обстоятельство: «Понемногу поправляюсь, но рука еще болит» [10. Письмо Сталина Молотову 16 сентября 1926 г.]. Чуть позднее, 23 сентября, он писал Молотову из Сочи: «Поправляюсь более или менее» [Там же. Письмо Сталина Молотову 23 сентября 1926 г.].

Лечение Сталина летом-осенью 1926 г. дало определенный эффект. Впервые за несколько лет он не заболел зимой 1926/1927 гг. Возможно, сказались и изменения в охране Сталина, которая стала уделять большее внимание его здоровью. Ранее, согласно мемуарам нового руководителя охраны Н.С. Власика, «...т. Сталин приезжал на дачу с семьей только по воскресеньям и питался бутербродами, которые они привозили с собой из Москвы». Власик изменил ситуацию: «Я начал с того, что послал на дачу белье и посуду, договорился о снабжении продуктами из совхоза, находившегося в ведении ГПУ и расположенного рядом с дачей. Послал на дачу повариху и уборщицу. Наладил прямую телефонную связь с Москвой». Теперь Сталин «воскресенье проводил дома с семьей, обычно выезжал на дачу» [3. С. 18–20].

Летний отпуск Сталина планировался в обычном порядке. Согласно графику, утвержденному Политбюро 5 мая 1927 г., он начинался 1 июня и должен был длиться до 1 августа [17. Д. 1481. Л. 29]. График не претерпел изменений. Политбюро утвердило 2 июня замену Сталина по работе в Коминтерне на период отпуска Молотовым [14. Д. 637-2. Л. 3].

С 7 июня начался традиционный отдох-лечение Сталина на юге [17. Д. 1482]. Однако в этот раз оно проходило не так успешно, более того, в ходе лечения Сталин даже заболел. 1 июля он написал о своей болезни В.М. Молотову: «Дорогой Вячеслав! Болен, лежу и потому пишу кратко.... К пленуму могу приехать, если это нужно» [12. Д. 5388. Л. 53].

Возможно, болезнь Сталина в этот раз сделала отпуск не столь эффективным. Кроме того, его не радовала и испортившаяся погода. Из-за нее Сталин досрочно выехал в Москву, прибыв 23 июля [11. Письмо Сталина Молотову 23 сентября 1926 г.].

Во всяком случае, согласно данным Ж. и Р. Медведевых, ему потребовался повторный отпуск уже осенью этого же года: «Однако в 1927 году Сталин снова приехал в Мацесту, уже в конце ноября и с теми же жалобами. Он провел на курорте почти весь декабрь. Перед началом курса сероводородных ванн было проведено тщательное обследование здоровья пациента, включавшее рентгеновские снимки легких и кардиограмму сердца. Было измерено и кровяное давление. Все оказалось в норме. Сталину тогда было 48 лет. Лечебные ванны опять помогли ему» [5. С. 13].

На этот раз эффект был заметен: Сталин вновь не заболел зимой 1927/1928 гг. Более того, он заменил заболевшего Орджоникидзе, который должен был выехать в Сибирь. Очевидно, что при плохом состоянии здоровья Сталина поездка бы просто не состоялась [14. Д. 668. Л. 7]. Выезд в Сибирь также не ухудшил ситуацию со здоровьем, и Сталин продолжает активную политическую деятельность.

Летний отпуск планировался в обычном порядке. Политбюро 10 мая утвердило график отпусков членам и кандидатам в члены Политбюро. Сталинский отпуск должен был начаться 10 июля и продлиться до 10 сентября [Там же. Д. 686. Л. 6]. Однако начало его отпуска смешилось, весь июль и несколько дней августа он пробыл в Москве. Ж. и Р. Медведевы даже утвержда-

ли, что в 1928 г. Stalin не брал отпуск и оставался весь год в Москве [5. С. 13]. Однако это не так. 2 августа 1928 г. Политбюро было принято предложение Stалина о замене его ввиду отъезда в отпуск Molотовым в составе польской и германской комиссий конгресса КИ [14. Д. 698. Л. 9]. С 5 августа по 29 сентября 1928 г. в Сочи на Stалина была заведена новая амбулаторная карта: начался очередной курс лечения [17. Д. 1482]. В этот период Stalin не только лечится и отдохает, но и, как всегда, состоит в активной переписке: есть его письма из Сочи 26 и 31 августа. Особенности сталинского отдыха описывает Власик: «Осенью, обычно в августе-сентябре, Stalin с семьей уезжал на юг. Свой отпуск он проводил на Черноморском побережье, в Сочи или в Гаграх. Жил он на юге месяца два. Отдыхая в Сочи, он иногда принимал мацестинские ванны. В продолжение всего отпуска он очень много работал. Он получал много почты... Во время отпуска происходили и деловые встречи» [3. С. 21]. Stalin много читал, следил за политической и художественной литературой. Развлечениями на юге были поездки по морю на катере, кино, кегельбан, городки, в которые он любил играть, а также бильярд. Партнерами были сотрудники, жившие вместе с ним на даче. Много времени Stalin уделял саду. Живя в Сочи, он посадил в своем саду много лимонов и мандаринов. Всегда сам следил за ростом молодых деревьев, радуясь, когда они хорошо принимались и начинали давать плоды [Там же. С. 21–22].

Stalin вернулся в Москву в октябре 1928 г. В начале 1929 г. Политбюро приняло решение об отпуске Stалину. Согласно решению от 17 января ему представлялся отпуск на 10 дней [13. Д. 722. Л. 7]. Основной отпуск уже традиционно приходился на лето-осень, включая бархатный летний сезон. Как пишут Medvedevы, «в 1929 году Stalin уехал отдыхать на юг в начале августа, сначала в Нальчик, а затем в Сочи. Чувствовал он себя плохо – только в письме от 29 августа Molотову сообщил: “Начинаю поправляться”. Еще через месяц Stalin писал в Москву: “Думаю остаться в Сочи еще неделю”» [5. С. 13].

Первоначально отпуск проходил в Нальчике, в привычной для Stалина обстановке. Вместе с ним отдыхали Ворошилов и Орджоникидзе. С 29 июля началось лечение Stалина [17. Д. 1482]. Некоторые обстоятельства отдыха он сообщал в письме Енукидзе: «Здравствуй, Авель! В Нальчике из центральных людей живем трое: Я, Ворошилов, Серго. Расходы на еду и пр. идут за счет Кабардинского облисполкома, что неправильно и, по-моему, обременительно для последнего» [Там же. Д. 728. Л. 24]. Судя по ответу Енукидзе, сталинское письмо было написано в 20-х числах августа. Он писал Stалину: «Здравствуй, Сосо! Получил твое письмо. Ты прав, что некоторые расходы в связи с пребыванием в Кабарде центральных работников мы должны взять на себя. Я посыпаю тов. Пахомова (зав. хоз. отделом ЦИК) в Кисловодск, он заедет в Нальчик и все сделает осторожно и хорошо... Я думаю, что в Кабарде надо нам организовать небольшой дом отдыха» [Там же. Л. 19]. К этому моменту Stalin уже перехал в Сочи, о чем он сообщил Енукидзе 29 авгу-

ста: «Здравствуй, Авель! Письмо получило. Спасибо. Я нахожусь теперь в Сочи и останусь там, чтобы принять дополнительно десяток ванн и отдохнуть как следует. Жду Калинина. Напиши, какого числа выезжает» [Там же. Л. 21]. Возможно, мотивы переезда из Нальчика в Сочи крылись в простуде Stалина. 1 сентября он писал в письме жене: «В Нальчике я был близок к воспалению легких. У меня “хрип” в обоих легких, и все еще не покидает кашель». Об этом же он писал 29 августа Molотову: «После болезни в Нальчике начинаю поправляться в Сочи» [11. Письмо Stалина Molотову 23 сентября 1926 г.].

Переезд в Сочи действительно улучшил ситуацию. Лечение здесь продолжалось до 12 октября 1929 г. [Там же. Д. 1482]. Сам Stалин уже к концу сентября чувствовал себя окрепшим. 30 сентября он писал Molотову: «Думаю остаться в Сочи еще неделю. Каково ваше мнение? Если скажете, могу немедля приехать» [10. Письмо Stалина Molотову 30 сентября 1929 г.]. После приезда в Москву, окрепший и уверенный в своих политических и физических силах, Stалин пишет статью «Год Великого перелома».

Начавшийся год стал для Stалина отнюдь не столь радужным, как это виделось ранее. Уже в самом начале года он вновь болеет. 1 января становится точкой отсчета рецидива старой болезни [17. Д. 1482]. Решением Политбюро Stалину уменьшают нагрузку. 15 января было принято предложение Molотова, Кагановича и Калинина о предоставлении Stалину отпуска на две декады с тем, чтобы он присутствовал на заседаниях Политбюро [14. Д. 772. Л. 11]. Только к весне ситуация со здоровьем Stалина улучшилась, что он указал в письме M. Горькому от 30 апреля: «Как Ваше здоровье? Пишете Самгина? Я здоров. Дела у нас идут недурно. Живем!» [17. Д. 718. Л. 34].

Тем не менее, оберегая здоровье Stалина и давая ему возможность сосредоточиться на ключевых делах, Политбюро 5 мая приняло решение предоставить ему с 4 мая 1930 г. трехнедельный отпуск для подготовки к отчету ЦК на съезде, с присутствием на заседаниях Политбюро [14. Д. 784. Л. 12].

25 июля Политбюро утвердило предварительные сроки отпуска Stалина. Было решено предоставить ему отпуск на 2,5 месяца, предложив уйти в отпуск не позднее 26 июля [Там же. Д. 790. Л. 11]. Как справедливо указывают Р. и Ж. Medvedevы, в 1930 и 1931 гг. Stалин также удлинял свой отпуск на юге до двух месяцев, уезжая в начале августа и возвращаясь в Москву в начале октября. К нему в санаторий приезжали с длительными визитами некоторые друзья, особенно часто Ворошилов, Киров и Горький. В Москве в это время председательствовал на заседаниях Политбюро Molотов, Stалин регулярно отправлял ему с фельдшерской службой записки – инструкции по очень многим проблемам. Записка от 13 августа 1930 г. кончалась припиской: «Р.С. Помаленьку поправляюсь». 24 августа Stалин писал Molотову: «Я немного хвораю (ангина!), но скоро пройдет» [11. Письмо Stалина Molотову 24 августа 1930 г.]. 13 сентября Stалин уже сообщал Molотову о выздоровлении: «Я теперь вполне здоров» [Там же. Письмо Stалина Molотову

13 сентября 1930 г.]. Как и в прошлом году, Сталин вернулся в Москву в середине октября.

Именно в конце 1920-х гг., уже на исходе НЭПа, сложилась и закрепилась система регулярных летних отпусков Сталина. Стабилизация внутриполитическая

совпала со стабилизацией состояния здоровья Сталина. Он мог теперь позволить себе не только продолжительный отдых на Кавказе, но и лечение в Москве и Подмосковье. Хорошее физическое состояние подкрепляло его политические амбиции.

Список источников

- Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М. : АСТ, 2015. 464 с.
- Натолочная О.В., Черкасов А.А. Сталин в Сочи (по материалам зарубежной прессы 1945 г.) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2014. № 3-4. С. 147–151.
- Власик Н.С. Воспоминание о И.В. Сталине // Исторический вестник. 2013. № 5 (152). С. 16–75.
- Соловьев Ю.С. Рядом со Сталиным // Исторический вестник. 2013. № 5. С. 133–187.
- Медведев Ж., Медведев Р. Неизвестный Сталин. М. : Время, 2011. 496 с.
- Артамонов А.Е. Госдачи Крыма. История создания правительственные резиденций и домов отдыха в Крыму. М. : Центрполиграф, 2015. 448 с.
- Артамонов А.Е. Госдачи Минеральных вод Тайны создания и пребывания в них на отдыхе партийной верхушки. М. : Центрполиграф, 2017. 479 с.
- Артамонов А.Е. Госдачи Черноморского побережья Кавказа. Недавно рассекреченные документы и бумаги. М. : Центрполиграф, 2018. 607 с.
- Документы Советской эпохи. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#search> (дата обращения: 24.04.2019).
- Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. / редкол.: А.В. Квашонкин и др. М. : РОССПЭН, 1999. 519 с.
- Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. : сб. док. / сост.: Л. Кошелева, В. Лельчук, В. Наумов, О. Наумов, Л. Роговая, О. Хлевнюк. М. : Россия молодая, 1996. 302 с.
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 1.
- РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2.
- РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3.
- Даудов А.Х. Государственное устройство Горской АССР // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2012. Вып. 1. С. 31–41.
- РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4.
- РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11.
- Крапивин М.Ю. «Выпуск сигарет с портретами наших вождей является их выльгаризацией совершенно не нужной»: руководство ГПУ о портретах руководителей партии и государства на табачной продукции (июль 1923 г.) // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 247–252.
- Ратковский И.С. Дзержинский. От «Астронома» до «Железного Феликса». М. : Алгоритм, 2017. 464 с.
- Мешков В. Мухалатка для команда: о чем говорил Сталин с Фрунзе в тени кипарисов // Московский комсомолец – Крым. 2016. 2 мая.

References

- Khlevnyuk, O.V. (2015) *Stalin. Zhizn' odnogo vozkhoda* [Stalin. The Life of a Leader]. Moscow: AST.
- Natolochnaya, O.V. & Cherkasov, A.A. (2014) *Stalin v Sochi* (po materialam zarubezhnoy pressy 1945 g.) [Stalin in Sochi (based on materials from the foreign press in 1945)]. *Golos minuvshego. Kubanskiy istoricheskiy zhurnal*. 3-4. pp. 147–151.
- Vlasik, N.S. (2013) *Vospominanie o I.V. Staline* [Recollections about I.V. Stalin]. *Istoricheskiy vestnik*. 5(152). pp. 16–75.
- Soloviev, Yu.S. (2013) *Ryadom so Stalinym* [Next to Stalin]. *Istoricheskiy vestnik*. 5. pp. 133–187.
- Medvedev, Zh. & Medvedev, R. (2011) *Neizvestnyy Stalin* [The Unknown Stalin]. Moscow: Vremya.
- Artamonov, A.E. (2015) *Gosdachi Kryma. Istorija sozdaniya pravitel'stvennykh rezidentsiy i domov otdykh v Krymu* [State dachas in the Crimea. The history of government residences and rest houses in the Crimea]. Moscow: Tsentrpoligraf.
- Artamonov, A.E. (2017) *Gosdachi Mineral'nykh vod. Tayny sozdaniya i prebyvaniya v nich na otdykhke partiynoy verkhushki* [State dachas of Mineralnye Vody. Secrets of their creation and vacation of the party elite in them]. Moscow: Tsentrpoligraf.
- Artamonov, A.E. (2018) *Gosdachi Chernomorskogo poberezh'ya Kavkaza. Nedavno rasssekrechennye dokumenty i bumagi* [State dachas of the Black Sea coast of the Caucasus. Recently declassified documents and papers]. Moscow: Tsentrpoligraf.
- Sovdoc.rusarchives.ru. (n.d.) *Dokumenty Sovetskoy epokhi* [Documents of the Soviet Era]. [Online] Available from: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#search> (Accessed: 24th April 2019).
- Kvashonkin, A.V. et al. (eds). (1999) *Sovetskoe rukovodstvo. Perepiska. 1928–1941 gg.* [Soviet leadership. Correspondence. 1928–1941]. Moscow: ROSSPEN.
- Stalin, I.V. (1996) *Pis'ma I.V. Stalina V.M. Molotovu. 1925–1936 gg.* [Letters from I.V. Stalin to V.M. Molotov. 1925–1936]. Rossiya molodaya.
- The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 558. List 1.
- The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 558. List 2.
- The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 3.
- Daudov, A.Kh. (2012) *Gosudarstvennoe ustroystvo Gorskoy ASSR* [The state structure of the Mountain Autonomous Soviet Socialist Republic]. *Vestnik SPbGU. Ser. 2. 1.* pp. 31–41.
- The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 558. List 4.
- The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 558. List 11.
- Krapivin, M.Yu. (2015) ‘GPU Direction About Party and State Leaders Portraits on Tobacco Production (July 1923)’. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 3. pp. 247–252. (In Russian).
- Ratkovskiy, I.S. (2017) *Dzerzhinsky. Ot “Astronom” do “Zheleznoy Feliksa”* [Dzerzhinsky. From “Astronomer” to “Iron Felix”]. Moscow: Algoritm.
- Meshkov, V. (2016) Mukhalatka dlya komandarma: o chem govoril Stalin s Frunze v teni kiparisov [Mukhalatka for the commander: what did Stalin and Frunze talk about in the shade of cypresses]. *Moskovskiy komsomolets – Krym*. 2nd May.

Сведения об авторе:

Ратковский Илья Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: i.ratkovskij@spbu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ratkovsky Ilya S. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Modern History of Russia at the Institute of History of Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: i.ratkovskij@spbu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.10.2019; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 16.10.2019; accepted for publication 06.05.2022

Научная статья

УДК 94:622:338.2

doi: 10.17223/19988613/77/8

Иновационный потенциал горных инженеров в условиях повышения конкурентоспособности угольной промышленности России в начале XXI в.

Игорь Сергеевич Соловенко¹, Анатолий Алексеевич Рожков²,
Сергей Михайлович Карпенко³, Екатерина Романовна Григоренко⁴

¹ Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия

² АО «Росинформуголь», Москва, Россия

^{2, 3} Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», Москва, Россия

⁴ Московский технический университет связи и информатики, Москва, Россия

¹ solovenko71@mail.ru

² raa@riu.ru

³ ksm_62@mail.ru

⁴ katiach@bk.ru

Аннотация. Даётся характеристика инновационного потенциала горных инженеров России в начале XXI в. Выделяются основные этапы и особенности его развития. Определяются ключевые направления инновационной деятельности, их результаты и значение. Делается вывод о том, что, несмотря на устойчивый тренд экспортно-ориентированного развития угольной промышленности России, заметно снизилась эффективность инновационного потенциала горных инженеров. Механизм его формирования и реализации оказался в ситуации затянувшегося перехода от советской модели к либерально-рыночной.

Ключевые слова: инновации, потенциал, горные инженеры, угольная промышленность, конкурентоспособность

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07350.

Для цитирования: Соловенко И.С., Рожков А.А., Карпенко С.М., Григоренко Е.Р. Инновационный потенциал горных инженеров в условиях повышения конкурентоспособности угольной промышленности России в начале XXI в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 70–81. doi: 10.17223/19988613/77/8

Original article

The innovative potential of mining engineers in the context of increasing the competitiveness of the Russian coal industry at the beginning of the XXI century

Igor. S. Solovenko¹, Anatoliy A. Rozhkov², Sergey M. Karpenko³, Ekaterina R. Grigorenko⁴

¹ National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

² JSC Rosinformugol, Moscow, Russian Federation

^{2, 3} National Research Technological University “MISIS”, Moscow, Russian Federation

⁴ Moscow Technical University of Communications and Informatics, Moscow, Russian Federation

¹ solovenko71@mail.ru

² raa@riu.ru

³ ksm_62@mail.ru

⁴ katiach@bk.ru

Abstract. The subject of the authors' research is the innovative potential of mining engineers in the context of improving the competitiveness of the Russian coal industry at the beginning of the XXI century. The «fresh» character of the period under review determined the dominance of industry literature in the analysis of materials. The purpose of the article is to characterize the innovative potential of Russian mining engineers at the beginning of the XXI century.

The use of the comparative historical method showed that Russian mining engineers at the time under consideration were under the influence of both the “Soviet” and liberal market factors of innovative development. The use of the problem-chronological method showed that the dynamics of innovation in the coal industry had a heterogeneous nature, which in many respects repeated the all-Russian one. The authors highlight the main stages in the development of the innovative potential of mining engineers and their features. The first stage (2000–2006) is characterized by positive dynamics, when

a new institutional and regulatory framework for innovations was formed. At the second stage (2007–2010), when there was a reformatting of the directions and content of innovations in the coal industry, a course was taken for the digitalization of management and production processes. The third stage (2011–2020) stands out for the ambiguous results of the development of the intellectual and innovative potential of mining engineers in the context of intensification of the digital transformation of the industry. A number of successes in one area coexisted with the growth of external and internal threats to this process. This is directly indicated by the deepening crisis in the field of domestic coal engineering.

The analysis of the materials carried out by the authors allows us to assert that the favorable price environment of the world energy resources market, which dominated during the period under consideration, has significantly reduced the role of innovation as a priority factor in production improvement and economic activity.

The final conclusion is that at the beginning of the XXI century the mechanism for the formation and implementation of the innovative potential of Russian mining engineers found itself in a situation of a protracted transition from the Soviet model to the liberal market. Russia continued to lose its position as one of the trendsetters of innovative solutions in world coal production, which had persisted since Soviet times. At the same time, business and the state failed to create a new, highly effective mechanism for the formation and implementation of the competitive innovative potential of Russian mining engineers. The weakest link between them, in our opinion, was higher mining education, which found itself in a difficult situation due to cardinal and sometimes erroneous reforms.

Keywords: innovation, potential, mining engineers, coal industry, competitiveness

Acknowledgments: The research was carried out with the financial support of the RFBR as part of the scientific project No. 19-29-07350.

For citation: Solovenko, I.S., Rozhkov, A.A., Karpenko, S.M., Grigorenko, E.R. (2022) The innovative potential of mining engineers in the conditions of increasing the competitiveness of the Russian coal industry at the beginning of the XXI century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University Journal of History.* 77. pp. 70–81. doi: 10.17223/19988613/77/8

На рубеже XX–XXI вв. в области реализации инновационной политики сложилась весьма противоречивая ситуация. С одной стороны, в это время Россия имела всего около 5% инновационно-активных предприятий [1. С. 119]. С другой – именно тогда понятие «инновации» стало одним из самых употребляемых в теории и практике производственно-экономической деятельности предприятий во многих сегментах отечественной экономики, включая угольную промышленность. По мнению авторитетных экспертов, несмотря на множество проблем в этой сфере деятельности, тогда удалось сохранить ослабленный в 1990-е гг. научно-технический потенциал и сконцентрировать усилия на формировании национальной инновационной системы [2. С. 208]. Все отрасли промышленности взяли курс на энергичное внедрение инноваций, что, безусловно, сыграло важную роль в деле их продвижения, в том числе и в угольной промышленности. Как и прежде, ключевыми проводниками инновационной деятельности на угледобывающих и перерабатывающих предприятиях были горные инженеры. В ходе реализации основных мер по реструктуризации угольной промышленности их численность значительно сократилась в связи с закрытием нерентабельных и неперспективных шахт и разрезов. Вместе с тем на предприятиях остались наиболее преданные и увлеченные любимым делом акторы угледобычи, которая, в свою очередь, динамично меняла свой вектор и содержание в сторону современных и конкурентоспособных подходов устойчивого развития.

В первые годы XXI столетия инновационная деятельность в угольной промышленности России была ориентирована на решение таких стратегически важных задач, как улучшение финансового положения предприятий и компаний, создание экономических условий для развития производства и формирования

конкурентного рынка угля, кардинальное изменение технического, технологического и экономического уровня угледобычи, обеспечение шахт и разрезов современной высокопроизводительной импортной техникой, повышение объемов экспорта угля, производство высококачественной конечной продукции, в том числе в рамках углехимических, угольно-металлургических и энерготехнологических комплексов и др. [3. С. 30]. Только достигнув существенных результатов по этим направлениям, можно было сохранить энергетическую, экономическую и национальную безопасность российского государства.

Однако следует заметить, что внедрение инноваций в сфере угледобычи сдерживалось рядом объективных обстоятельств, что не позволяло иметь высокие темпы генерации и реализации творческого потенциала горных инженеров. К ним относились такие, как инерционный характер отрасли, минимальный государственный протекционизм на фоне активной поддержки предприятий газовой и нефтяной промышленности, географическая отдаленность большинства угольных бассейнов и месторождений от внешних и частично от внутренних рынков (прежде всего Кузбасса), постоянная необходимость повышения квалификации горных инженеров, вызванная усложнением горно-геологических условий ведения подземных и открытых работ, внедрением современной горнодобывающей техники и др. Во многом это предопределило специфику и характер инновационной деятельности горных инженеров, ориентированных на поддержание динамического равновесия производственно-технологических, экономических, финансовых, социальных и экологических факторов в процессе угледобычи в целях устойчивого и конкурентоспособного роста производства.

Динамика инновационной деятельности в угольной отрасли имела неоднородный характер, который во мно-

гом повторял общероссийский. В первые годы XXI столетия, как и в других отраслях экономики, она имела положительный характер [4. С. 14]. Данный позитив объясняется стабильно положительной динамикой темпов роста как российской, так и мировой экономики, благоприятной для сырьевых отраслей конъюнктуры мирового рынка, повышением инвестиционной привлекательности предприятий добывающих отраслей промышленности и др. При этом рост потребности отечественной экономики в дополнительных объемах электроэнергии инициировал особое внимание к угольной промышленности, которая продолжала сохранять ключевую роль в топливно-энергетическом комплексе России. Вместе с тем качественное отставание угольной промышленности от других отраслей ТЭКа требовало активного государственного вмешательства в решение таких важных вопросов, как использование положительного международного опыта в сфере «чистой» угольной генерации, увеличение объемов инвестиций в отрасль, реорганизация отраслевой научно-исследовательской деятельности и системы подготовки кадров горных инженеров и т.д. Эти задачи стали приоритетными на заседании президиума Государственного совета РФ по проблемам угольной промышленности, который проходил в г. Междуреченске Кемеровской области в 2002 г. Однако детальная критика на нем теоретических и практических результатов подготовки горных инженеров оставила без внимания фундаментальные вопросы генерации и внедрения инноваций в сфере угледобычи [5. С. 18, 78].

Уже в первые годы XXI в. в угольной отрасли формировались новая институциональная и нормативно-правовая база инноваций, а также необходимая для их реализации инфраструктура. В этом направлении особо выделялся ведущий угольный бассейн – Кузбасс. Так, здесь в 2003 г. был принят областной закон «О государственной научно-технической политике Кемеровской области и об организации научной и (или) научно-технической деятельности», в 2008 г. – законы «Об инновационной политике Кемеровской области», «О технопарках в Кемеровской области», «О государственной поддержке инвестиционной, инновационной и производственной деятельности в Кемеровской области» [6. С. 151] и др. Положительные изменения происходили и на федеральном уровне. В 2003 г. Правительство РФ разработало «Энергетическую стратегию России на период до 2020 года» [7], в которой важное место занял вопрос дальнейшей реализации научно-технической и инновационной политики в угольной отрасли. Решение данного вопроса увязывалось с необходимостью роста качества угольной продукции, а также «коренным техническим перевооружением угледобывающего производства». Соответственно, возникла серьезная потребность в повышении квалификации горных инженеров.

К решению этой задачи активно подключился Кемеровский региональный институт повышения квалификации им. В.П. Романова Минтопэнерго России, который проводил обучение специалистов по программам профессиональной переподготовки [8. Л. 70]. Здесь в течение рассматриваемого времени повыше-

ние квалификации работников угольной промышленности целенаправленно ориентировалось на новые отечественные и зарубежные инновационные технологии. Немаловажно, что все программы организовывались как многофакторные функциональные структуры, соединяющие в общем синергетическом поле компетенции руководителей предприятий угольной отрасли по процессам горных работ, а также функциям и уровням управления. Инновационные способы обучения строились на основе использования компьютерного моделирования внештатных ситуаций в рамках программ обеспечения производственной безопасности и др. [9]. Главным результатом деятельности Кемеровского регионального института повышения квалификации им. В.П. Романова Минтопэнерго России стали десятки тысяч переподготовленных руководителей и специалистов угольной промышленности, готовых к работе с новыми технологиями ведения горных работ.

Важные изменения в области повышения инновационной активности молодых специалистов происходили на вузовском уровне. Большую популярность тогда приобрели малые инновационные предприятия (МИП), особенно в Кузбасском государственном техническом университете (КузГТУ) [10. С. 76]. Это создавало дополнительные возможности внедрения инноваций в горном деле, положительно отразилось на привлечении к этому процессу новых, прежде всего молодых, инженеров.

Успехи угледобытчиков на рубеже ХХ–XXI вв. повысили профессиональную заинтересованность молодых выпускников вузов в повышении своей востребованности и конкурентоспособности на рынке труда. В пользу интенсификации инновационной деятельности горных инженеров свидетельствовало то, что благодаря ей уголь вполне уверено возвращал свое конкурентное преимущество в сравнении с другими источниками энергии [11. С. 47], а также создавал условия активного взаимодействия со смежными отраслями, прежде всего коксохимической, которая выделялась своими инновационными показателями.

В начале рассматриваемого периода инновационная деятельность в угольной промышленности осуществлялась за счет многих факторов. При этом творческий подход горных инженеров наиболее полно раскрылся при реализации таких мероприятий, как: регулярная подготовка новых запасов угля, готовых к выемке, а также использование новейших схем подготовки шахтного поля, позволявших обеспечивать концентрацию горных работ; использование высокопроизводительных комплексов для выемки угля в очистных забоях, благодаря которым добывался миллион тонн угля в год на одну бригаду; модификация конструкций и технологий крепления горных выработок, что существенно снижало трудоемкость и травмоопасность проходческих работ и повышало надежность подземных горных выработок; внедрение полной конвейеризации внутришахтного транспорта, обеспечивавшей пропускную способность более 30 тыс. т/сут.; повышение производительности труда в два-три раза на базе технического перевооружения производства и концентрации горных работ; реконструкция вентиля-

ции шахт путем бурения скважин большого (1,9–3,6 м) диаметра, применения комбинированной схемы пропаривания с газоотсасывающими вентиляторами [3. С. 30]; внедрение в открытом способе добычи угля импортного выемочно-погрузочного оборудования большой единичной мощности в соответствии с технологическими особенностями вскрышных, добывчих и транспортных работ.

Таким образом, в деятельности горных инженеров явно преобладали технологические инновации процессного типа, основанные на использовании нового производственного оборудования, и / или программного обеспечения, новых технологий, на существенных изменениях в производственном процессе или их совокупности. Они успешно развивались благодаря накопленному опыту, а также ликвидации многих барьеров в области международного сотрудничества. При этом технологические инновации продуктowego типа, маркетинговые, организационные и экологические инновации не были столь результативными.

Важным результатом инновационной деятельности в первые годы ХХI в. являлось то, что (как и в экономике России в целом [12. С. 89]) немного возросла патентная активность [13. С. 59], появились высокие технологии угольного производства категории Hi-Tech использования научно-технического прогресса [3. С. 30], стабильно возрастали производительность труда, а также объемы добычи угля и его экспорт [14. С. 125, 127, 132], динамично совершенствовались учебные планы и программы подготовки в ведущих горных вузах страны (Москва, Санкт-Петербург).

Вместе с тем проведенный анализ выявил, что российские угольные компании в сфере инновационной деятельности по-прежнему заметно отставали от зарубежных. Выделяются две основные причины: во-первых, неэффективное использование технологий добычи открытым и подземным способами, которые были вполне адекватны горно-геологическим условиям российских шахт и разрезов и сопоставимы с зарубежными; во-вторых, низкий уровень эксплуатации, обслуживания и текущего ремонта высокопроизводительной техники в условиях, отличающихся не в лучшую сторону от тех, в которых работают угольные предприятия наиболее продвинутых в техническом и технологическом плане стран Северной Америки и Австралии. Это подтверждается информацией отчетных документов, где неоднократно указывается на недостаточный уровень подготовки инженерных кадров для угледобычи [15. Л. 14; 16. Л. 93], а также участие специалистов в непрофильных мероприятиях [17. Л. 30].

Еще большее беспокойство в это время вызывало то, что управление прорывными направлениями инновационной деятельности в организациях и предприятиях подземного способа добычи угля в основном осуществлялось путем внедрения новых импортных очистных и проходческих комбайнов, позволявших проводить горные выработки большого сечения (до 25 м²) с темпами не менее 600 м/мес [18. С. 36]. Это соответствовало общей ситуации в сфере машиностроительного производства России [19. С. 17–18], которое оказалось неготовым адекватно реагировать в том числе

на потребности угольного производства. Длительное отсутствие стратегии развития машиностроения все активнее превращало отечественные предприятия в нетто-импортера оборудования для добычи угля, при том что Россия в 2001 г. по этому показателю была пятой страной в мире [20. С. 32]. Тенденция усиления импортозависимости от зарубежного горного оборудования свела к минимуму возможности инновационной деятельности в таком сегменте угледобычи, как совершенствование отечественного горно-шахтного оборудования. При этом надо признать, что поставки и внедрение новой импортной техники имели и положительное воздействие на угольную промышленность России. Использование лучших образцов ведущих фирм-производителей позволяло отечественным горным инженерам иметь великолепные возможности развития инновационного потенциала в плане дальнейшего конструирования, применения материалов, компоновки, дизайна и других качеств, отличавших импортную технику от российской и даже советской.

К отрицательным явлениям инновационного развития также относилось и то, что в начале рассматриваемого периода российские угледобывающие предприятия на порядок отставали от зарубежных конкурентов по такому важному направлению инновационной деятельности, как цифровая автоматизация и роботизация процессов угледобычи. В это время иностранные компании, например, уже активно внедряли в горное производство полностью автоматизированные системы транспортировки добываемого полезного ископаемого. В 2005 г. за рубежом на предприятиях горнодобывающей промышленности использовались японские роботы-самосвалы (Komatsu), оснащенные фирмой технологией FrontRunner. Через три года горнодобывающие компании Komatsu и Rio Tinto запустили на одном из угольных разрезов робот-самосвал, снабженный GPS-навигацией, лазерными дальномерами, радарами, телекамерами, системой распознавания препятствий и беспроводной связью. Оператор только следил за деятельностью самосвала, а управление машиной было полностью возложено на компьютер [21]. Для того времени это был революционный прорыв, который обеспечивал в угольной промышленности существенное повышение производительности труда, снижение производственных издержек, а также повышение уровня промышленной безопасности.

Динамичные нововведения иностранных компаний в области совершенствования горной техники усиливали ее конкурентоспособность и, как следствие, ее российский импорт, что снижало активность отечественных предприятий и горной науки в создании аналогичной высокотехнологичной машиностроительной продукции. Импортозависимость от поставок горно-шахтного и горнотранспортного оборудования для угольной отрасли России продолжала неуклонно расти. Максимум «инновационного», что могли в этих условиях реализовать российские угольные компании и машиностроительные предприятия, – это локализация импортозамещающего оборудования и технологий по его производству, которая подразумевала интеграцию местных производственных, научных и трудовых

ресурсов с зарубежными компаниями [22]. Однако практика локализации зарубежного оборудования не получила должного распространения. Данная ситуация в корне отличалась от того, что было в советское время и даже первые постсоветские годы, когда развивались самостоятельные, уникальные направления и отечественные школы инновационного типа.

Очевидным было отставание от международных стандартов системы вузовской подготовки и последующей переподготовки специалистов, в том числе связанной с генерацией и использованием инноваций. Основной причиной недостаточной подготовки выпускников технических вузов следует считать то, что с их стороны отсутствовала серьезная мотивация. Она нивелировалась отсутствием материальных стимулов к труду [23. С. 53], безудержной коммерциализацией образования, а также дефицитом бюджетных мест в вузах, который вынуждал сохранять контингент выпускников в ущерб их уровню компетентности [24. С. 122] и др. Кроме того, подготовка горных инженеров, так же как и многих других специалистов, осложнилась в это время реформой высшего образования, основной целью которой стал переход на двухуровневую систему обучения. Если для других специальностей такой переход не был столь болезненным, то подготовка горных инженеров, а также инженеров-конструкторов, где требовался большой практический опыт, явно пострадала. Заметно снизилось привлечение к образовательному процессу опытных специалистов-практиков. В некоторых вузах, как, например, в Юргинском технологическом институте (филиал) Томского политехнического университета, удалось сохранить специалитет. Вместе с тем такой подход не имел масштабного характера. Процесс перехода на бакалавриат к тому же сопровождался частыми изменениями учебных планов и программ, порой в ущерб объему и содержанию спецпредметов.

Отдельного внимания требует проблема подготовки горных инженеров к инновационной деятельности. Процесс обучения требовал роста квалификации их преподавателей и научных руководителей в области инновационной деятельности, оптимизации проектирования учебного процесса, усиления межпредметных связей в процессе освоения учебного материала, активного использования самых современных технологий обучения: информационных, модульных, коммуникационных и др. По обоснованному мнению специалистов, учебные планы и программы нуждались в пересмотре перечня дисциплин и часовой нагрузки, а также во внедрении таких новых предметов, как, например, «Инновационный менеджмент» и т.д. Педагоги подчеркивали и то, что процесс обучения будущих инженеров имел стихийный характер по причине недостатка научных исследований, а также рекомендаций по совершенствованию форм и методов обучения в технических вузах [25. С. 73–74, 115, 174–175]. Очень актуальной была задача подготовки инженерных кадров (технологических и геологических специальностей), способных управлять меняющимся производством и решать комплекс задач изучения и высокоеффективного использования полезных ископаемых [26. С. 53].

Проблемы подготовки инженерных кадров создавали условия «старения» персонала [27. С. 91], особенно в научно-исследовательских и проектно-конструкторских организациях отрасли.

На фоне благоприятной конъюнктуры мирового рынка угля эти и другие негативные явления в производственно-экономической деятельности стали снижать интенсивность инноваций в угледобыче. Во многом данная ситуация усугублялась отсутствием четкой методологии учета инноваций, а также государственной и корпоративных программ развития инновационной деятельности. Это подтверждается выводами многих экспертов, представленными ими фактами, которые позволяют утверждать, что очевидный спад инновационной активности в угольной промышленности приходится на 2007 г. Тогда уровень инновационной деятельности предприятий и компаний угольной отрасли не превышал 0,4–0,6% роста рентабельности производства [28. С. 3], снижалась патентная активность [13. С. 59], угольную промышленность не относили к отраслям с высоким научно-техническим потенциалом [19. С. 18], был очень низким удельный вес инженеров в инновационно-активных организациях России [29. С. 38] и др.

Начиная с 2008 г. наблюдается рост внимания к генерации и использованию инновационного потенциала горных инженеров. Это было вызвано двумя серьезными причинами: во-первых, ухудшением финансового положения предприятий угольной промышленности, вызванным разразившимся тогда мировым экономическим кризисом; во-вторых, с 2008 г. стали предприниматься первые шаги по цифровизации экономики России, а термин «цифровизация» активно входил в научный оборот. Данный процесс стал рассматриваться как один из ключевых драйверов инновационного развития предприятий и компаний. Использование цифровых технологий имело весьма актуальный характер для угольной промышленности, особенно в сферах диспетчеризации, промышленной безопасности и охраны труда [30]. Проблемы перехода к цифровым технологиям объективно усилили взаимный интерес бизнеса и государства.

Улучшение производственно-экономических показателей шахт и разрезов было одинаково важно как бизнесу, так и государству. Бизнес остро нуждался в снижении издержек производства, без чего немыслима высокая конкурентоспособность. Важным фактором повышения возможностей финансирования инновационной деятельности горных инженеров стало укрупнение угольных компаний. Российская экономика уже имела такие известные во всем мире компании, как СУЭК, «Распадская угольная компания», «Южный Кузбасс», «Кузбассразрезуголь», «Южкузбассуголь», «Воркутауголь», «Якутуголь» и др. Фактически все они входили в состав крупнейших горно-металлургических компаний – «Евразуголь», «Мечел», «Уральская горно-металлургическая компания», «Северсталь». Между тем анализ источников финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) в России показывает, что если государство еще стремилось выполнить свои обязательства,

и разрыв по этому источнику финансирования имел всего двух-трехкратное отставание, то по финансированию за счет угольного бизнеса он составлял примерно 12–13 раз [31. С. 8]. Таким образом, плановые показатели увеличения финансирования НИОКР отрасли не выполнялись. Финансовый дефицит оказывался на производственно-экономической деятельности, реализации мероприятий инновационного характера. На этом фоне в 2010 г. делается вывод о необходимости осознанного долевого взаимовыгодного участия в инвестициях персонала предприятий [32. С. 288]. Однако предложенный в диссертации доктора экономических наук Т.А. Коркиной механизм привлечения персонала к решению этой важной задачи не получил широкого распространения в силу недостаточного развития мотивационных факторов.

В свою очередь, государство остро нуждалось в наращивании темпов экономического роста страны, которые зависели от увеличения производства электроэнергии при одновременном сокращении энергоемкости единицы ВВП. Решение этой задачи было возможно посредством инновационного технологического развития отраслей ТЭКа. Органы власти и управления своевременно скорректировали нормативно-правовую базу инновационной деятельности. В декабре 2011 г. была утверждена «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года», разработанная на основе положений Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года, которая была утверждена в 2008 г. в соответствии с Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике» [6. С. 147, 151]. Таким образом, инновационная деятельность с этого времени стала одной из важнейших задач в экономической сфере. При этом системный характер решения данной задачи обеспечивал угольной промышленности новые (правовые, финансовые и организационные) возможности подготовки кадров горных инженеров: многие обозначенные приоритетные направления научно-технического и технологического развития страны имели прямое либо косвенное отношение к угледобыче.

Активная деятельность федеральных органов власти и управления объяснялась и макроэкономическими причинами. В 2010 г. мировая экономика успешно преодолевала рецессию и постепенно выходила на новый технологический уровень развития. Конкурентоспособность предприятий все больше ориентировалась на увеличение производительности труда, автоматизацию и роботизацию производственных процессов и создание интеллектуальных управляемых систем. Эффективное управление ресурсами стало главным фактором инновационного развития, в том числе и на угледобывающих предприятиях [31. С. 5]. В пользу инновационного развития шахт и разрезов было и то, что отрасль уже прошла этап реструктуризации, остро нуждалась в интенсификации технического и технологического потенциала горных инженеров. Основными направлениями реализации инновационного потенциала горных инженеров в области угледобычи в середине второго десятилетия XXI в. стали совершенство-

вание системы промышленной безопасности и охраны труда, информатизация и цифровизация процессов производства и управления на предприятии, повышение уровня и качества человеческого капитала.

Череда крупных аварий на угледобывающих предприятиях страны в 2007 и 2010 гг. выдвинула на первый план в области инноваций задачу обеспечения дополнительных условий и гарантий промышленной безопасности. Инновационные проекты были в основном ориентированы на передовые технологии в сфере подземной добычи угля в виде цифровых высокоскоростных систем коммуникации для организации подземной мобильной связи, позиционирования персонала и техники, аварийного оповещения персонала и т.п. Управление инновационным развитием осуществлялось благодаря следующим мерам:

- 1) преобразования в развитии безопасности жизнедеятельности на основе использования междисциплинарных знаний и новых принципов при создании коммуникационных технологий;
- 2) изменения конструктивных решений в действующих технологиях;
- 3) внедрение оптимальных вариантов ранее применяемых технологий безопасности и жизнедеятельности;
- 4) разработка и внедрение новых систем контроля безопасности на шахтах и разрезах;
- 5) разработка новых методов обеспечения безопасности жизнедеятельности.

Эти новации обеспечивали рост эффективности промышленной безопасности на предприятиях «от нескольких процентов до сотни раз» [30. С. 190–191].

Динамично, и не только в сфере промышленной безопасности, развивалось во втором десятилетии XXI в. такое очень перспективное направление, как цифровизация процессов производства и управления на угледобывающих шахтах и разрезах. Большую роль в этом сыграли как внутренние, так и внешние возможности. Первые варианты цифровых технологий, которые были представлены автоматизированными системами управления, успешно использовались еще в советское время, а затем в 1990-е гг. [33. С. 13–14]. В рассматриваемый период данное направление было тесно связано с реализацией процесса перехода предприятий к функционированию по принципам промышленной стратегии «Индустрія 4.0», т.е. четвертой промышленной революции. Этот переход был тесно связан с достижениями зарубежной научно-технологической мысли и основывался на таких ключевых технологиях, как автономные промышленные роботы, сбор и анализ больших данных (Big Data), виртуальная и дополненная реальность, аддитивные технологии (трехмерная печать), облачные технологии, промышленный Интернет вещей, искусственный интеллект, беспилотные устройства (дроны), блокчейн, создание цифровых двойников производств и др. [34]. Точной отсчета начала реальной цифровизации в отрасли стал 2015 год. Тогда в самой передовой с точки зрения инноваций угольной компании – СУЭК – был впервые создан цифровой Единый диспетчерско-аналитический центр, из которого стало осуществляться цифровое управление промышленной безопасностью и т.д. В том же

году на шахте «Полысаевская» была внедрена первая безлюдная роботизированная выемка угля [35].

Цифровой переход в угольной промышленности открыл широкий спектр возможностей для различных инновационных проектов и новых профессиональных компетенций горных инженеров. Так, в ходе реализации новых форм организации проектирования и строительства угольных шахт одним из инновационных решений стало применение технологий BIM-моделирования, которые решают задачу оптимизации этапов проектирования и проектной детализации входящих в модель информационного моделирования этапов жизненного цикла угольной шахты [36. С. 44]. Данное направление моделирования стало очень популярным в профессиональном сообществе отечественных горных инженеров-проектировщиков.

С середины второго десятилетия XXI в. цифровизация угледобывающих шахт и разрезов приобрела существенные масштабы. Ведущие российские компании и предприятия стали работать над внедрением «умных технологий» («Интеллектуальный карьер», «Умная шахта», «Автоматизированная подготовка производства» и др.), которые в будущем должны значительно повысить автоматизацию процессов производства и производительность труда, а также свести к минимуму потери и угрозы. Некоторые из ведущих угольных компаний, например СУЭК и ХК «СДС-уголь», придали этой работе системный характер [37]. Вполне закономерно, что эти компании стали самыми инновационно активными. Однако цифровизация угольной отрасли так и не приобрела масштабного характера. В последних научных работах обращается внимание на то, что до сих пор так и не разработана отраслевая стратегия цифровизации предприятий угольной промышленности, отсутствует система стратегического цифрового управления, не созданы центры цифровых компетенций, не обеспечено развитие информационной инфраструктуры, а также не разработаны программы повышения квалификации по цифровому развитию [38].

Важность цифровизации процессов производства и управления на предприятиях быстро осознали горные вузы страны. Созданный на базе Санкт-Петербургского горного университета Научный центр цифровых технологий успешно занимался совершенствованием компетенций в области цифровизации угольной отрасли [39]. Вместе с тем педагогический опыт этого университета оказался мало востребованным.

Во второй половине второго десятилетия XXI в. конкурентная борьба в отрасли развернулась в области использования человеческого капитала, который обеспечивал дополнительный рост прибыли компаний [40. С. 14–15]. При этом очевидным являлось то, что наличие новой, высокопроизводительной техники уже не было главным конкурентным преимуществом предприятий. На различие в эффективности использования ресурсов при сопоставимых условиях работы и равной квалификации обратил внимание в своей докторской диссертации Л.В. Лабунский еще в 2004 г. По его расчетам, разрыв в эффективности использования человеческих ресурсов тогда составлял по предприятию три-четыре раза [41. С. 225]. Российские ученые убеди-

тельно доказали, что вложения в человеческий капитал давали довольно значительный по объему, длительный по времени и интегральный по характеру экономический и социальный эффект. К основным элементам в структуре человеческого капитала относились здоровье работников, образование, доходы и расходы [42. С. 25, 54].

Использование человеческого капитала как направление инновационной деятельности горных инженеров в условиях относительного финансового благополучия долго недооценивалось. Его продвижение шло трудно, но уверенно. Об этом свидетельствует внимание к данной проблеме как на теоретическом (особенно работы С.А. Волкова), так и практическом уровне (выделялась компания СУЭК) [40, 43]. Раньше других в компании СУЭК было создано отдельное подразделение – Центр инновационных технологий [37. С. 188], который сконцентрировал внимание на использовании человеческого капитала. В результате доля инновационно-активного персонала постоянно возрастала и в конце первого десятилетия XXI в. составляла около 17,5% независимо от географии подразделения [40]. Однако рост инновационной активности и результативности человеческого капитала тормозил дефицит прямых отношений между улучшениями в трудовых процессах и увеличением конкурентоспособности итогового продукта, а также «сформировавшаяся в угольных компаниях культура производственной деятельности работников» [43. С. 19]. Это опять же указывает на методологические недоработки в области формирования и использования инновационного потенциала.

Подводя общие итоги, отметим следующие важные моменты. Не вызывает сомнения факт существенного воздействия инновационного потенциала горных инженеров на процесс повышения конкурентоспособности отечественной угольной промышленности. Творческие способности горных инженеров и их инженерная мысль позволили значительно увеличить такие показатели, как угледобыча, экспорт угольной продукции, патентная активность для основного открытого способа добычи (особенно в 2016 и 2017 гг.), производительность труда рабочих и др. [14. С. 128]. В конце второго десятилетия XXI в. из общего числа перспективных шахт и разрезов (46 единиц) высоким инновационным потенциалом обладали 27 предприятий. Из общего числа стабильных шахт и разрезов (с учетом изменений в группах перспективных) средним инновационным потенциалом обладали 28 предприятий, низким – 63. На шахты и разрезы, которые, по полученной оценке, в принципе способны к инновациям, приходилось более 88% общего объема добычи угля по отрасли, из них на предприятия с высоким и средним инновационным потенциалом – около 56% [35]. Историко-экономический анализ деятельности ряда российских угольных компаний свидетельствует об успешном внедрении здесь инновационной техники и технологий, прежде всего в области промышленной безопасности, диспетчеризации производства, обогащения угля, цифровых методов обработки бухгалтерской, финансовой, логистической информации. Появились первые практические опыты безлюдной выемки угля

на шахтах (СУЭК). Началось внедрение роботизации в процессах добычи и транспортировки угля на разрезах (СУЭК, СДС-Уголь).

Одним из главных результатов, подтверждающих достаточно высокий уровень инновационного потенциала на протяжении фактически всего рассматриваемого периода, можно считать то, что уровень квалификации, широта и глубина знаний у подготовленных в России специалистов не уступали, а порой и превосходили уровень выпускников горных вузов ближнего и дальнего зарубежья. Иностранные горные компании отмечали широкий кругозор российских специалистов, отдавая должное их профессиональным и управленческим способностям. Столь лестную характеристику, естественно, можно было распространить не на весь корпус российских горных инженеров, но в среднем отечественные специалисты были не менее конкурентоспособны на рынке труда, чем выпускники зарубежных вузов. Российские специалисты занимали многие ключевые позиции в ряде международных горных инжиниринговых и добывающих компаний [44. С. 80–81]. Однако данные выводы касаются выпускников первого десятилетия XXI в., когда в образовательных программах доминировал специалитет. В последних научных работах такая высокая оценка выпускников российских горных вузов не встречается. Это указывает на усиление противоречий в системе подготовки кадров горных инженеров, в том числе в сфере инновационной деятельности.

Действительно, в конце второго десятилетия XXI в. интеллектуально-инновационный потенциал горных инженеров России испытывал воздействие как положительных, так и отрицательных факторов. Причем некоторые из них имели амбивалентный характер. Например, санкционная политика стран Запада, с одной стороны, ограничила производственно-экономические и технологические возможности угледобывающих предприятий, с другой стороны, заставила руководство и инженерно-технические кадры искать новые, абсолютно самостоятельные решения инновационного типа.

В целом к положительным факторам, которые воздействовали на инновационный потенциал горных инженеров, относились следующие:

- продолжавшееся укрупнение угледобывающих компаний в совокупности с расширением интеграционных связей;

- к числу инновационно активных секторов экономики относились некоторые смежные с угледобычей производства, например углехимия [45. С. 13].

Отрицательные факторы, влиявшие на инновационный потенциал:

- дальнейший рост дефицита инженерно-технических и научных кадров. Почти половина производственного персонала не имела профессионального образования, отвечавшего современным запросам производства. Недостаток высокого уровня компетентности частично возмещался значительным стажем трудовой деятельности на предприятии. Работники со стажем свыше 20 лет составляли более 63% общей численности кадрового состава на предприятиях угольной промышленности [46. С. 253];

- отсутствие дуального обучения, актуальность которого подчеркивалась неоднократно [47];

- незрелость рынков высокотехнологичной углехимической продукции, что влекло низкую инвестиционную активностью отечественного бизнеса в этой сфере [6. С. 153];

- тенденция слабой патентной активности, особенно в сравнении с ведущими индустриальными державами, а также с советским прошлым [48. С. 292–293]. Во многом это было результатом низкого уровня процедуры рассмотрения заявок на получение патентов и неэффективности механизма правового регулирования патентных отношений в целом [13. С. 61];

- недооценка инноваций со стороны инженерно-технического персонала [49. С. 64];

- низкий уровень развития отечественного горного машиностроения. С начала 2000-х гг. доля импорта в поставках горно-шахтного оборудования постоянно росла и в 2017 г. превысила 77% [50. С. 58]. Причем данная динамика сохранялась и после 2014 г., когда перед российской экономикой была поставлена задача кардинального импортозамещения из-за усиления санкционной политики со стороны стран Запада [22. С. 26];

- отсутствие на предприятиях четкой методологии определения инноваций (инновационной деятельности, продуктов, техники и технологий), что порой приводило к подмене понятий, когда желаемое выдавали за действительное.

Итак, развитие инновационного потенциала горных инженеров благоприятно отразилось на увеличении количественных и качественных показателей работы предприятий угольной промышленности. К основным фактам, подтверждающим данный тезис, относятся такие, как рост производительности труда и угледобычи, укрепление конкурентоспособности на зарубежных рынках, снижение смертельного травматизма на производстве и др. Однако процесс развития инновационного потенциала горных инженеров был неоднородным, выделяются его этапы и их особенности, в том числе негативного характера. Первый этап – 2000–2006 гг., характеризуется положительной динамикой, во многом повторяющей общероссийские тенденции, когда формировалась новая институциональная и нормативно-правовая база инноваций. Второй этап – 2007–2010 гг., когда произошло переформатирование направлений и содержания инноваций в угольной промышленности, был взят курс на цифровизацию управленческих и производственных процессов. Третий этап – 2011–2020 гг., выделяется неоднозначными результатами развития интеллектуально-инновационного потенциала горных инженеров в условиях интенсификации цифровой трансформации отрасли. Ряд успехов по одним направлениям соседствовал с нарастанием внешних и внутренних угроз этому процессу. На это напрямую указывает углубление кризиса в сфере отечественного угольного машиностроения.

Доминировавшая в течение рассматриваемого времени благоприятная ценовая конъюнктура мирового рынка энергоресурсов значительно снизила роль инноваций как приоритетного фактора повышения показателей производственно-экономической деятельности.

Несмотря на устойчивый тренд экспортно-ориентированного развития угольной промышленности России, заметно снизилась эффективность процессов формирования и реализации инновационного потенциала горных инженеров, что ослабило конкурентные преимущества отрасли, в том числе и в таком стратегически важном направлении, как цифровая трансформация.

Таким образом, в начале XXI в. механизм формирования и реализации инновационного потенциала российских горных инженеров оказался в ситуации затянувшегося перехода от советской модели к либе-

рально-рыночной. Россия продолжила терять сохранившиеся с советских времен позиции одного из законодателей инновационных решений в мировой угледобыче. В то же время бизнесу и государству не удалось создать новый, высокоеффективный механизм формирования и реализации конкурентоспособного инновационного потенциала российских горных инженеров. Самым слабым звеном, на наш взгляд, являлось высшее горное образование, которое оказалось в сложной ситуации по причине кардинальных и небезошибочных реформ.

Список источников

1. Бердашевич А.П. Российская наука: состояние и перспективы // Социс. 2000. № 3. С. 118–123.
2. Научный потенциал России за 1995–2005 годы : аналитико-стат. сб. / И.В. Зиновьева и др.; гл. ред. Л.Э. Миндели. М. : Центр исслед. проблем развития науки РАН, 2007. 399 с.
3. Петренко Е.В. Развитие инновационной деятельности в угольной отрасли России // Уголь. 2006. № 1. С. 30–34.
4. Индикаторы инновационной деятельности: 2007 : стат. сб. М. : Гос. ун-т – Высш. шк. экономики, 2007. 400 с.
5. Тулеев А.Г. Новая угольная стратегия России рождена в Кузбассе. Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 2002. 174 с.
6. Фридман Ю.А., Речко Г.Н., Логинова Е.Ю., Оськина Н.А. Институты и инструменты инновационного развития угольной промышленности Кузбасса // Вестник КузГТУ. 2014. № 3 (103). С. 147–154.
7. Об утверждении Энергетической стратегии России на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 28.08.2003 № 1234-р // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901872984> (дата обращения: 22.06.2021).
8. О создании государственных экзаменационных комиссий : приказ Кемеровского регионального института повышения квалификации Минтопэнерго России от 23.05.2000 № 168 // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10112. Оп. 1. Д. 225.
9. Кемеровский региональный институт повышения квалификации им. В.П. Романова. URL: <http://kemripk.ru/> (дата обращения: 23.06.2021).
10. Ковалев В.А. Технический университет для инновационного развития Кузбасса // Записки Горного института. 2013. Т. 205. С. 70–76.
11. Совещание по социально-экономическому развитию Сибири // Уголь. 2006. № 6. С. 47.
12. Кузнецов В.И., Сагиева Г.С. Анализ результатов научно-технической деятельности в России сквозь призму патентной активности // Экономика, статистика, информатика. 2010. № 5. С. 89–95.
13. Шайдуллина В.К., Павлов В.П., Синельникова В.Н., Ефимова Н.А., Новицкая Л.Ю. Правовые проблемы патентования в угольной промышленности: вызовы цифровой экономики // Уголь. 2019. № 1. С. 58–62.
14. Рожков А.А., Соловенко И.С. Основные тенденции развития угольной промышленности России в конце XX – начале XXI в. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 124–136.
15. Протокол совещания центральной комиссии по рассмотрению программ производственной и финансово-хозяйственной деятельности на 2000 год ОАО «Ростовуголь», 24 января 2000 г. // ГАРФ. Ф. 10112. Оп. 1. Д. 216.
16. Протокол заседания по рассмотрению производственной и финансово-хозяйственной деятельности ОАО «Дальвостуголь» за I полугодие 2000 года, 6 сентября 2000 г. // ГАРФ. Ф. 10112. Оп. 1. Д. 219.
17. ГАРФ. Ф. 10112. Оп. 1. Д. 223.
18. Петренко Е.В. Управление прорывными направлениями инновационной деятельности в угольной отрасли // Уголь. 2006. № 7. С. 34–36.
19. Бамбаева Н.Я., Уринсон М.Я. Статистический анализ инновационного потенциала Российской Федерации // Вопросы статистики. 2008. № 7. С. 15–19.
20. Краснянский Г.Л., Ревазов М.А. Современное состояние угольной промышленности и перспективы инновационного развития : отдельные статьи Горного информационно-аналитического бюллетеня (научно-технического журнала). 2010. № 5. 34 с.
21. Санников В. Роботизированные карьеры и шахты: будущее промышленности // Популярная механика. 2017. 6 окт. URL: <https://www.popmech.ru/vehicles/10522-nechelovecheskiy-faktor-roboty/> (дата обращения: 24.06.2021).
22. Рожков А.А., Карпенко С.М., Сукачев А.Б. Импортозависимость в угольной промышленности и перспективы импортозамещения горно-шахтного оборудования // Горная промышленность. 2017. № 2. С. 25–30.
23. Ахметжанов Б., Жданкин А.А., Шохор М.М. О возможностях новых систем стимулирования труда на горных предприятиях // Уголь. 2006. № 1. С. 51–53.
24. Толкачева Н.В. Проблемы исторического образования в технических вузах на современном этапе модернизации высшего образования // Модернизация образовательного процесса в техническом университете при переходе на новые стандарты : материалы учеб.-метод. конф., 17 декабря 2010 г. / под ред. Ю.А. Юркова. Петропавловск-Камчатский : КамчатГУ, 2012. С. 119–127.
25. Овчинникова Г.М. Подготовка студентов технических вузов к инновационной профессиональной деятельности : дис. ... канд. пед. наук. Тольятти, 2000. 232 с.
26. Потапов В.П., Нифантов Б.Ф., Заостровский А.Н., Занина О.П. Новые направления реформирования деятельности отраслей промышленности и науки в Кузбассе // Инновации угольной промышленности : материалы совещ., 8 дек. 2004 г. Кемерово, 2004. С. 40–55.
27. Пенс И.Ш. О социальной структуре работников угольной промышленности // Вопросы статистики. 2003. № 9. С. 87–91.
28. Стариков А.П. Пути совершенствования инновационного развития угольных компаний // Уголь. 2007. № 11. С. 3–4.
29. Пучков Л.А., Петров В.Л. Система подготовки горных инженеров России. Стратегический подход в определении прогноза развития. М. : Изд-во Моск. гос. горного ун-та, 2008. 40 с.
30. Панихидников С.А., Новоселов С.В. Инновации в обеспечении безопасности жизнедеятельности на угольных шахтах России. СПб. : СПбГУТ, 2017. 212 с.
31. Плакитина Л.С. Интенсификация инновационного процесса в угольной промышленности России // Горная промышленность. 2011. № 3. С. 4–11.
32. Коркина Т.А. Управление инвестициями в человеческий капитал угледобывающих предприятий : дис. ... д-ра экон. наук. Челябинск, 2010. 364 с.
33. Лукичев С.В., Наговицын О.В. Цифровая трансформация горнодобывающей промышленности: прошлое, настоящее, будущее // Горный журнал. 2020. № 9. С. 13–18.
34. Erboz G. How to Define Industry 4.0: Main Pillars of Industry 4.0 // Managerial Trends in The Development of Enterprises In Globalization Era : International Scientific Conference. Nitra : Slovak University of Agriculture in Nitra, 2017. С. 765–766.

35. Текущий архив АО «Росинформуголь».

36. Астафьева О.Е. Возможности цифровой трансформации угольной промышленности на этапе строительства и проектирования опасных производственных объектов, входящих в инфраструктуру угольной отрасли // Уголь. 2020. № 3. С. 44–48.

37. Урбан О.А. Социальный механизм институциональной трансформации хозяйства в монопродуктовом регионе : дис. ... д-ра социол. наук. Новосибирск, 2014. 482 с.

38. Власюк Л.И., Сиземов Д.Н., Дмитриева О.В. Стратегические приоритеты цифровой трансформации угольной отрасли Кузбасса // Экономика предприятий. 2020. Т. 13, № 3. С. 328–338.

39. Итоги круглого стола «Цифровизация угольной промышленности: вызовы и перспективы» (Минтопэнерго, 28.10.2019 г.) // Росинформуголь. URL: https://www.rosugol.ru/news/innovatsii.php?ELEMENT_ID=28238 (дата обращения: 17.03.2020).

40. Волков С.А. Повышение инновационной активности и результативности человеческого капитала угольной компании : дис. ... канд. экон. наук. Курск, 2019. 130 с.

41. Лабунский Л.В. Методология развития компетенций персонала горнодобывающего предприятия : дис. ... д-ра экон. наук. Челябинск, 2004. 329 с.

42. Сагдеева Л.С. Качество человеческого капитала как фактор социально-экономического развития региона : дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2012. 245 с.

43. Харченко Е.В., Волков С.А., Захаров С.И. Повышение инновационной активности и результативности человеческого капитала угольной компании // Уголь. 2021. № 2. С. 18–25.

44. Твердов А.А., Иванов И.А. Проблемы, задачи и перспективы развития горного образования в России // Горный журнал. 2015. № 12. С. 80–82.

45. Индикаторы инновационной деятельности: 2019 : стат. сб. М. : Гос. ун-т – Высш. шк. Экономики, 2019. 376 с.

46. Масилова М.Г. Старение персонала как кадровая проблема на предприятиях угольной промышленности // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8, № 2 (27). С. 251–254.

47. Григорьева Н.В. Формирование профессиональной компетентности будущих инженеров горной промышленности в условиях дуального обучения : дис. ... канд. пед. наук. Бийск, 2018. 249 с.

48. Архипова М., Карпов Е. Анализ и моделирование патентной активности в России и развитых странах мира // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2012. № 4. 286–293.

49. Костарев А.С. Разработка стратегии инновационного развития угледобывающего производственного объединения в условиях смены технологических укладов : дис. ... д-ра экон. наук. Челябинск, 2020. 284 с.

50. Рожков А.А., Карпенко Н.В. Анализ использования отечественного и зарубежного технологического оборудования на угледобывающих предприятиях России // Уголь. 2019. № 7. С. 58–64.

References

1. Berdashkevich, A.P. (2000) Rossiyskaya nauka: sostoyanie i perspektivy [Russian Science: The Status and Prospects]. *Sotsis*. 3. pp. 118–123.
2. Zinovieva, I.V. et al. (2007) *Nauchnyy potentsial Rossii za 1995–2005 gody* [Scientific potential of Russia for 1995–2005]. Moscow: RAS.
3. Petrenko, E.V. (2006) Razvitiye innovatsionnoy deyatel'nosti v ugol'noy otrassli Rossii [Development of innovation activity in the Russian coal industry]. *Ugol' – Russian Coal Journal*. 1. pp. 30–34.
4. Gorodnikova, N.V. et al. (2007) *Indikatory innovatsionnoy deyatel'nosti: 2007* [Indicators of Innovative Activity: 2007]. Moscow: HSE.
5. Tuleev, A.G. (2002) *Novaya ugol'naya strategiya Rossii rozhdena v Kuzbasse* [Russia's new coal strategy was born in Kuzbass]. Kemerovo: Kemerovskoe kn. izd-vo.
6. Fridman, Yu.A., Rechko, G.N., Loginova, E.Yu. & Oskina, N.A. (2014) Institutions and tools of innovation development of Kuzbass coal industry. *Vestnik KuzGTU – Bulletin of the Kuzbass State Technical University*. 3(103). pp. 147–154. (In Russian).
7. The Government of the Russian Federation. (2003) *Ob utverzhdenii Energeticheskoy strategii Rossii na period do 2020 goda: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 28.08.2003 № 1234-r* [On the approval of the Energy Strategy of Russia for the period up to 2020: Decree No. 1234-r of the Government of the Russian Federation of August 28, 2003]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/901872984> (Accessed: 22nd June 2021).
8. The Kemerovo Regional Institute for Advanced Studies of the Ministry of Fuel and Energy of Russia. (2000) *O sozdaniii gosudarstvennykh ekzamenatsionnykh komissiy: prikaz Kemerovskogo regional'nogo instituta povysheniya kvalifikatsii Mintopenergo Rossii ot 23.05.2000 № 168* [On the creation of state examination boards: Order No. 168 of the Kemerovo Regional Institute for Advanced Studies of the Ministry of Fuel and Energy of Russia dated May 23, 2000]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10112. List 1. File 225.
9. The V.P. Romanov Kemerovo Regional Institute for Advanced Studies. [Online] Available from: <http://kemripk.ru/> (Accessed: 23rd June 2021).
10. Kovalev, V.A. (2013) Tekhnicheskiy universitet dlya innovatsionnogo razvitiya Kuzbassa [Technical University for the Innovative Development of Kuzbass]. *Zapiski Gornogo instituta – Journal of Mining Institute*. 205. pp. 70–76.
11. Anon. (2006) Soveshchaniye po sotsial'no-ekonomicheskemu razvitiyu Sibiri [Discussion on the socio-economic development of Siberia]. *Ugol' – Russian Coal Journal*. 6. p. 47.
12. Kuznetsov, V.I. & Sagieva, G.S. (2010) Analiz rezul'tatov nauchno-tehnicheskoy deyatel'nosti v Rossii skvoz' prizmu patentnoy aktivnosti [The analysis of the results of scientific and technical activity in Russia through the prism of patent activity]. *Ekonomika, statistika, informatika*. 5. pp. 89–95.
13. Shaydullina, V.K., Pavlov, V.P., Sinelnikova, V.N., Efimova, N.A. & Novitskaya, L.Yu. (2019) Legal issues of patenting in the coal industry: challenges of the digital economy. *Ugol' – Russian Coal Journal*. 1. pp. 58–62. (In Russian). DOI: 10.18796/0041-5790-2019-1-58-62
14. Rozhkov, A.A. & Solovenko, I.S. (2017) Major trends in Russian coal industry in the late 20th – early 21st centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 418. pp. 124–136. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/418/16
15. OAO Rostovugol. (2000) *Protokol soveshchaniya tsentral'noy komissii po rassmotreniyu programm proizvodstvennoy i finansovo-khozyaystvennoy deyatel'nosti na 2000 god OAO "Rostovugol"*, 24 yanvarya 2000 g. [Minutes of the meeting of the central commission for reviewing the programs of production and financial and economic activities for the year 2000 of OAO Rostovugol, January 24, 2000]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10112. List 1. File 216.
16. OAO Dalvostugol. (2000) *Protokol zasedaniya po rassmotreniyu proizvodstvennoy i finansovo-khozyaystvennoy deyatel'nosti OAO "Dal'vostugol"* za I polugodie 2000 goda, 6 sentyabrya 2000 g. [Minutes of the meeting to review the production and financial and economic activities of OAO Dalvostugol for the first half of 2000, September 6, 2000]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10112. List 1. File 219.
17. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10112. List 1. File 223.
18. Petrenko, E.V. (2006) Management directions of innovative activity in coal branch. *Ugol' – Russian Coal Journal*. 7. pp. 34–36. (In Russian).
19. Bambaeva, N.Ya. & Urinson, M.Ya. (2008) Statisticheskiy analiz innovatsionnogo potentsiala Rossiyskoy Federatsii [Statistical analysis of the innovative potential of the Russian Federation]. *Voprosy statistiki*. 7. pp. 15–19.
20. Krasnyanskiy, G.L. & Revazov, M.A. (2010) Sovremennoe sostoyanie ugol'noy promyshlennosti i perspektivy innovatsionnogo razvitiya [The current state of the coal industry and the prospects for innovative development]. *Otdel'nye stat'i Gornogo informatsionno-analiticheskogo byulletenya (nauchno-tehnicheskogo zhurnala)*. Vol. 5.
21. Sannikov, V. Robotizirovannye kar'ery i shakhty: budushchee promyshlennosti [Robotic careers and mines: the future of industry]. *Populyarnaya mehanika*. 6th October. [Online] Available from: <https://www.popmech.ru/vehicles/10522-nechelovecheskiy-faktor-roboty/> (Accessed: 24th June 2021).

22. Rozhkov, A.A., Karpenko, S.M. & Sukachev, A.B. (2017) Importozavisimost' v ugol'noy promyshlennosti i perspektivy importozameshcheniya gorno-shakhtnogo oborudovaniya [Import dependence in the coal industry and the prospects for import substitution of mining equipment]. *Gornaya promyshlennost' – Russian Mining Industry Journal*. 2. pp. 25–30.

23. Akhmetzhanov, B., Zhdankin, A.A. & Shokhor, M.M. (2006) About opportunities of new systems of stimulation at the mining enterprises. *Ugol' – Russian Coal Journal*. 1. pp. 51–53. (In Russian).

24. Tolkacheva, N.V. (2012) Problemy istoricheskogo obrazovaniya v tekhnicheskikh vuzakh na sovremennom etape modernizatsii vysshego obrazovaniya [Problems of historical education in technical universities at the present stage of modernization of higher education]. In: Yurkov, Yu.A. (ed.) *Modernizatsiya obrazovatel'nogo protsessa v tekhnicheskem universitete pri perekhode na novye standarty* [Modernization of the educational process at a technical university during the transition to new standards]. Petropavlovsk-Kamchatskiy: KamchatSU. pp. 119–127.

25. Ovchinnikova, G.M. (2000) *Podgotovka studentov tekhnicheskikh vuzov k innovatsionnoy professional'noy deyatel'nosti* [Preparation of students of technical universities for innovative professional activities]. Pedagogy Cand. Diss. Tolyatti.

26. Potapov, V.P., Nifantov, B.F., Zaostrovskiy, A.N. & Zanina, O.P. (2004) Novye napravleniya reformirovaniya deyatel'nosti otrاسley promyshlennosti i nauki v Kuzbasse [New directions for reforming the activities of industries and science in Kuzbass]. *Innovatsii v ugol'noy promyshlennosti* [Innovations in the coal industry]. Proc. of the Meeting. December 8, 2004. Kemerovo. pp. 40–55.

27. Pens, I.Sh. (2003) O sotsial'noy strukture rabotnikov ugol'noy promyshlennosti [On the social structure of workers in the coal industry]. *Voprosy statistiki*. 9. pp. 87–91.

28. Starikov, A.P. (2007) Puti sovershenstvovaniya innovatsionnogo razvitiya ugol'nykh kompaniy [Ways to improve the innovative development of coal companies]. *Ugol' – Russian Coal Journal*. 11. pp. 3–4.

29. Puchkov, L.A. & Petrov, V.L. (2008) *Sistema podgotovki gornykh inzhenerov Rossii. Strategiceskiy podkhod v opredelenii prognoza razvitiya* [Training system for mining engineers in Russia. Strategic approach in determining the development forecast]. Moscow: Moscow State Mining University.

30. Panikhidnikov, S.A. & Novoselov, S.V. (2017) *Innovatsii v obespechenii bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti na ugol'nykh shakhtakh Rossii* [Innovations in ensuring life safety at coal mines in Russia]. St. Petersburg: St. Petersburg SUT.

31. Plakitina, L.S. (2011) Intensifikatsiya innovatsionnogo protsessa v ugol'noy promyshlennosti Rossii [Intensification of the innovation process in the Russian coal industry]. *Gornaya promyshlennost' – Russian Mining Industry Journal*. 3. pp. 4–11.

32. Korkina, T.A. (2010) *Upravlenie investitsiyami v chelovecheskiy kapital ugledobyvayushchikh predpriyatiy* [Management of investments in the human capital of coal mining enterprises]. Economy Dr. Diss. Chelyabinsk.

33. Lukichev, S.V. & Nagovitsyn, O.V. (2020) Tsifrovaya transformatsiya gornodobyvayushchey promyshlennosti: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Digital transformation of the mining industry: past, present, future]. *Gornyy zhurnal*. 9. pp. 13–18.

34. Erboz, G. (2017) How to Define Industry 4.0: Main Pillars of Industry 4.0. *Managerial Trends in The Development of Enterprises In Globalization Era*. International Scientific Conference. Nitra: Slovak University of Agriculture in Nitra. pp. 765–766.

35. The AO Rosinformugol' Current Archive.

36. Astafyeva, O.E. (2020) Opportunities for digital transformation of the coal industry at the stage of construction and design of hazardous production facilities included in the infrastructure of the coal industry. *Ugol' – Russian Coal Journal*. 3. pp. 44–48. (In Russian). DOI: 10.18796/0041-5790-2020-3-44-48

37. Urban, O.A. (2014) *Sotsial'nyy mekhanizm institutsiional'noy transformatsii khozyaystva v monoproduktovom regione* [Social Mechanism of Institutional Transformation of the Economy in a Single-Product Region]. Sociology Dr. Diss. Novosibirsk

38. Vlasuk, L.I., Sizemov, D.N. & Dmitrieva, O.V. (2020) Strategiceskie priorityty tsifrovoy transformatsii ugol'noy otrasi Kuzbassa [Strategic priorities of the digital transformation of the coal industry in Kuzbass]. *Ekonomika predpriyatiy*. 13(3). pp. 328–338.

39. Ministry of Fuel and Energy of the Russian Federation. (2019) *Itogi kruglogo stola "Tsifrovizatsiya ugol'noy promyshlennosti: vyzovy i perspektivy"* (Mintopenergo, 28.10.2019 g.) [Results of the round table "Digitalization of the Coal Industry: Challenges and Prospects" (Ministry of Fuel and Energy, October 28, 2019)]. [Online] Available from: https://www.rosugol.ru/news/innovatsii.php?ELEMENT_ID=28238 (Accessed: 17th March 2020).

40. Volkov, S.A. (2019) *Povyshenie innovatsionnoy aktivnosti i rezul'tativnosti chelovecheskogo kapitala ugol'noy kompanii* [Increasing the innovative activity and effectiveness of the human capital of a coal company]. Economy Cand. Diss. Kursk.

41. Labunskiy, L.V. (2004) *Metodologiya razvitiya kompetentsiy personala gornodobyvayushchego predpriyatiya* [Methodology for the development of competencies of mining enterprise personnel]. Economy Dr. Diss. Chelyabinsk.

42. Sagdeeva, L.S. (2012) *Kachestvo chelovecheskogo kapitala kak faktor sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona* [The quality of human capital as a factor in the socio-economic development of the region]. Economy Cand. Diss. St. Petersburg.

43. Kharchenko, E.V., Volkov, S.A. & Zakharov, S.I. (2021) Enhancing the innovative activity and performance of human capital assets of a coal company. *Ugol' – Russian Coal Journal*. 2. pp. 18–25. (In Russian).

44. Tverdov, A.A. & Ivanov, I.A. (2015) Problemy, zadachi i perspektivy razvitiya gornogo obrazovaniya v Rossii [Problems, tasks and prospects for the development of mining education in Russia]. *Gornyy zhurnal*. 12. pp. 80–82.

45. Gokhberg, L.M., Ditzkovskiy, K.A., Kuznetsova, I.A. et al. (2019) *Indikatory innovatsionnoy deyatel'nosti: 2019* [Indicators of innovation activity: 2019]. Moscow: HSE.

46. Masilova, M.G. (2019) Aging of personnel as staffing problemat the coal industry enterprises. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie – Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. 8-2(27). pp. 251–254. (In Russian). DOI: 10.26140/anie-2019-0802-0061

47. Grigorieva, N.V. (2018) *Formirovaniye professional'noy kompetentnosti budushchikh inzhenerov gornoj promyshlennosti v usloviyakh dual'nogo obucheniya* [Formation of professional competence of future mining engineers in the context of dual training]. Pedagogy Diss. Cand. Biysk.

48. Arkhipova, M. & Karpov, E. (2012) Analiz i modelirovaniye patentnoy aktivnosti v Rossii i razvitykh stranakh mira [Analysis and modeling of patent activity in Russia and developed countries of the world]. *RISK: Resursy, Informatsiya, Snabzhenie, Konkurentsiya*. 4. 286–293.

49. Kostarev, A.S. (2020) *Razrabotka strategii innovatsionnogo razvitiya ugledobyvayushchego proizvodstvennogo ob"edineniya v usloviyakh smeny tekhnologicheskikh ukladov* [A strategy for the innovative development of a coal-mining production association under changing technological patterns]. Economy Dr. Diss. Chelyabinsk.

50. Rozhkov, A.A. & Karpenko, N.V. (2019) Analysis of the use of domestic and foreign technological equipment for coal mining enterprises of Russia. *Ugol' – Russian Coal Journal*. 7. pp. 58–64. (In Russian). DOI: 10.18796/0041-5790-2019-7-58-64

Сведения об авторах:

Соловенко Игорь Сергеевич – доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: solovenko71@mail.ru

Рожков Анатолий Алексеевич – доктор экономических наук, профессор, директор по науке АО «Росинформуголь»; профессор кафедры индустриальной стратегии Института экономики и управления промышленными предприятиями им. В.А. Роменца Национального исследовательского технологического университета «МИСиС» (Москва, Россия). E-mail: raa@riu.ru

Карпенко Сергей Михайлович – кандидат технических наук, доцент кафедры энергетики и энергоэффективности горной промышленности Горного института Национального исследовательского технологического университета «МИСиС» (Москва, Россия). E-mail: ksm_62@mail.ru

Григоренко Екатерина Романовна – главный специалист центра заочного обучения по программам магистратуры, ассистент кафедры цифровой экономики, управления и бизнес-технологий Московского технического университета связи и информатики (Москва, Россия). E-mail: katiach@bk.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Solovenko Igor S. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: solovenko71@mail.ru

Rozhkov Anatoly A. – Doctor of Economics, Professor, Director of Science of JSC Rosinformugol, Professor of the Department of Industrial Strategy at the V.A. Romentz Institute of Economics and Management of Industrial Enterprises of the National Research Technological University “MISIS” (Moscow, Russian Federation). E-mail: raa@riu.ru

Karpenko Sergey M. – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department “Energy and Energy Efficiency of Mining Industry” of the Mining Institute of the National Research Technological University “MISIS” (Moscow, Russian Federation). E-mail: ksm_62@mail.ru

Grigorenko Ekaterina R. – Chief Specialist of the Center for Distance Learning in the Master's degree programs of the Moscow Technical University of Communications and Informatics, assistant of the Department “Digital Economy, Management and Business Technologies” (Moscow, Russian Federation). E-mail: katiach@bk.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.07.2021; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 06.07.2021; accepted for publication 06.05.2022

Научная статья

УДК 94(47+57)

doi: 10.17223/19988613/77/9

Социалистическая Лига Нового Востока как проект объединения эмиграции (1920-е гг.)

Алексей Юрьевич Суслов

Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, Россия, plushal31333@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются деятельность организации «Лига Нового Востока» во второй половине 1920-х гг., ее попытки интеграции части российской, украинской, белорусской и кавказской эмиграции. Изучены предпосылки возникновения данного проекта как попытки возрождения панславянских идей в социалистической оболочке с учетом новейших европейских и мировых интеграционных тенденций. Раскрыта роль одного из лидеров российских социалистов-революционеров в эмиграции, В.М. Чернова, в создании Социалистической Лиги Нового Востока. Проанализированы платформа Лиги, реакция на ее возникновение различных политических сил российского зарубежья.

Ключевые слова: Лига Нового Востока, В.М. Чернов, социалисты-революционеры, эмиграция

Для цитирования: Суслов А.Ю. Социалистическая Лига Нового Востока как проект объединения эмиграции (1920-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 82–86. doi: 10.17223/19988613/77/9

Original article

Socialist League of the New East as a project of unification of Russian emigration (1920s)

Aleksei Yu. Suslov

Kazan National Research Technological University, Kazan, Russian Federation, plushal31333@yandex.ru

Abstract. The activity of the League of the New East organization in the second half of the 1920s in its attempts to integrate a part of the Russian, Ukrainian, Belarusian and Caucasian emigration is considered in the article. The Socialist League of the New East organisation was a form of political activity of the first wave of immigrants from the former Russian Empire due to the loss of confidence in traditional institutions. The preconditions of this project as an attempt to revive the pan-Slavic ideas in the socialist shell with taking into account the latest European and world integration trends are studied. The role of one of the leaders of the Russian socialist revolutionaries in emigration, V. M. Chernov, in the creation of the Socialist League of the New East is revealed. Chernov focused on the pan-European ideas (the slogan of the "continental Union", "United States of Europe"), which intensified in Europe after the First world war. The platform of the League and reaction of various political forces of the Russians abroad to its emergence is analyzed. The program provisions of the League of the New East provided for the division of the Soviet Union into seven independent national States – Russia, Armenia, Belarus, Georgia, Ukraine, Turkmenistan and Uzbekistan. Then they would form a supranational Association with Poland, Finland and the Baltic States. This project caused a negative reaction of almost the entire socialist spectrum of Russian emigration (SR-party groups of different directions, social-democratic Mensheviks, etc.). The modern domestic and foreign historical literature devoted to the League of the New East is considered, and the features of studying of the League in the post-Soviet space are noted. The reasons for the failure of the League of the New East project as an organization of multidimensional political forces were expressed. For Chernov and his Russian comrades it was an idealistic attempt to revive pan-Slavic ideas in a socialist shell with taking into account the latest European and world integration trends. In addition, Chernov, who had virtually lost influence over the majority of the foreign socialist revolutionaries, was in dire need of a new platform for the realization of his political ambitions. However, for the nationalist socialists of the former Russian Empire the main thing was the recognition and support of Russian colleagues for their desire for de facto independence. As a result, this attempt to unite was rejected by the overwhelming majority of Russian emigrant socialists who were not ready to neglect the integrity of Russia.

Keywords: League of the New East, V. M. Chernov, socialists-revolutionaries, emigration

For citation: Suslov A.Y. (2022) Socialist League of the New East as a project of unification of Russian emigration (1920s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University Journal of History.* 77. pp. 82–86. doi: 10.17223/19988613/77/9

В 1920-е годы в Европе, Азии и Северной Америке сформировалась так называемая «первая волна» российской эмиграции, включавшая в себя представителей самых разных политических взглядов, по тем или иным причинам покинувших территорию страны. Частью этой волны были социалисты, в том числе члены партии социалистов-революционеров, самой многочисленной российской партии в 1917 г., одержавшей победу на выборах во Всероссийское Учредительное собрание. Однако в эмиграции эсеры переживали серьезные организационные проблемы, вызванные как идеологическими разногласиями, так и личными столкновениями, которые в итоге привели во второй половине 1920-х гг. к образованию нескольких вполне самостоятельных групп, не объединенных партийным руководством. В таких условиях эсеровская группа В.М. Чернова предприняла попытку интеграции с национальными социалистическими эмигрантскими организациями бывшей Российской империи с целью создания принципиальной новой политической структуры.

В октябре 1926 г. в Праге состоялось предварительное совещание российской, украинской и белорусской партий социалистов-революционеров, Белорусской партии социалистов-федералистов по вопросу о «возможности координации общих действий в идеологической борьбе против большевиков». Присутствовали В.М. Чернов, В.Я. Гуревич, Г. Шрейдер, Ф. Мансветов, Н. Шаповал, Н. Григорьев, Н. Мандрыка, Т. Грыб, П. Кречевский. Российский эсер В. Гуревич заявил, что «речь идет о необходимости общего координирования действий всех социалистических партий народов Восточной Европы. Во-первых, из-за кризиса власти большевистской диктатуры, что влечет за собой установление Лиги социалистической народов Восточной Европы». Белорус Т. Грыб поддержал эту идею: «Лига должна быть защитницей завоеваний революции, союзом социалистических партий, и в ней нет места и не может быть несоциалистическим элементам» [1]. Собрания были продолжены, и в итоге летом 1927 г. в Праге была основана Социалистическая Лига Нового Востока (СЛНВ), включавшая в себя первоначально пять членов российской партии социалистов-революционеров, шесть украинских эсеров, двух белорусских, двух армян-дашнаков. Позже к Лиге присоединились отдельные представители еврейских организаций – в итоге в целом новая структура объединяла не более 30 человек. Важно отметить, что членство в Лиге носило персональный характер, но с возможностью коллективного участия (с конечной целью создания особого блока «партий Восточной Европы» и «политически связанных с нею областей Азии»).

Идея формирования Лиги исходила из паньевропейских идей, активно оформлявшихся на Западе с начала XX в. и особенно после Первой мировой войны. Лозунг «континентального союза», «Соединенных штатов Европы» так или иначе пропагандировали С.Ю. Витте, Вильгельм II, У. Черчилль, Т. Масарик, А. Бриан и др. В 1920 г. была создана Малая Антанта, союз Чехословакии, Югославии и Румынии (существовала идея объединения в союз всех 13 стран между Германией и СССР – от Финляндии до Греции). В 1922 г. один из

основателей паньевропейского движения граф Рихард Куденхове-Калерги (на тот момент гражданин Чехословакии) создает Паньевропейский союз [2. С. 305–314]. Вдохновленный этими идеями (а также концепцией Британского Содружества наций), В.М. Чернов считал необходимым создать аналогичный союз славянских народов с социалистической ориентацией. По его мнению, славянский мир представляет собой буфер между Западом и Востоком, нуждается в объединении и имеет в этом вопросе определенных исторических предшественников в лице панславизма (Чернов указывает на Н.Я. Данилевского как «последнего теоретика» славянофильства), который, однако, давно прекратил существование ввиду того, что связывал славянское единство исключительно с российским самодержавием и православной церковью. Это стало его трагедией [3. С. 20]. Теперь, по мнению Чернова, необходимо новое единство славян на основе «пангуманизма», в начале которого был бы таможенный союз, затем единство валюты, экономические соглашения и, наконец, общее законодательство.

По мнению историка О.Е. Зубко, «в основу политической платформы “Лиги Нового Востока” была положена идея независимости всех наций и демократизации международных отношений как реальная основа решения национального вопроса. Здесь же отставалась и идея создания на территории бывшего СССР “свободного союза национальных государств”, своеобразных “трудовых республик” которые:

1) проводили бы солидарную и консолидированную международную политику,

2) подписали бы взаимную военную конвенцию, которая являлась бы гарантом суверенитета каждой трудовой республики,

3) подписали бы международный статут, гарантирующий права национальных меньшинств,

4) тесно сотрудничали бы в экономической и финансовой сферах,

5) создали бы тарифный и пошлинный союз,

6) решали бы внешние и внутренние проблемы в первую очередь собственными силами,

7) создали бы союзный трибунал для решения серьезных международных и международных конфликтов» [4].

Лига предлагала разделить Советский Союз на семь независимых национальных государств – Россию, Армению, Белоруссию, Грузию, Украину, Туркменистан и Узбекистан. Затем они образовали бы надгосударственное объединение вместе с Польшей, Финляндией и государствами Прибалтики [5].

Деятельность Лиги сводилась к выступлениям ее членов на различных собраниях и заседаниях в Чехословакии, Франции, США, Польше и Латвии. Кроме того, в 1928–1929 гг. в Праге вышло два номера «Вестника Социалистической Лиги Нового Востока». К брюссельскому Конгрессу Рабочего Социалистического Интернационала (август 1928 г.) были изданы брошюра на французском языке с изложением платформы Лиги и ее декларация. Немногочисленность организации и ее весьма скромные финансовые возможности ограничивали агитационно-пропагандистские

планы Лиги. Настороженно отнеслось к Лиге и правительство Чехословакии, имевшей в составе страны национальные меньшинства: проект охватывал центральную Европу и намекал в том числе на Карпатскую Русь.

В эмиграции были и иные подходы к панславянскому вопросу. Так, в Париже в 1928–1934 гг. выходила газета «Россия и славянство» с активным участием известных политиков и литераторов К.И. Зайцева и П.Б. Струве. Подзаголовок издания звучал следующим образом: «Орган национально-освободительной борьбы и славянской взаимности». Акцент делался на необходимости восстановления культурного единства и взаимообогащения славянских народов, разрушенных революцией связей между Россией и остальным славянским миром [6. С. 25]. Однако панславизм этого печатного органа ограничивался культурными и экономическими вопросами, отражался в публикациях типа юбилейной статьи о болгарском поэте, переводах с польского, репродукциях работ чешского художника и сообщениях об экономической ситуации в славянских странах [7. С. 496].

Реакция эсеровской эмиграции на появление новой политической организации, куда вошли видные эсеры, в том числе В.М. Чернов, была негативной. Наряду с очевидно позитивными моментами в программе Лиги всех резко насторожило почти неприкрытое стремление новой организации развалить Советский Союз [8. Р. 79–95]. Это противоречило как старой эсеровской программе, принятой еще до революции, так и новейшим подходам партии (в мае 1917 г. Третий съезд ПСР не одобрил идею полной независимости Финляндии). Все попытки эсеров – членов Лиги как-то оправдаться успеха не имели.

Характерна реакция Харбинской группы ПСР (письмо сторонникам В.М. Чернова от 14 декабря 1928 г.): «С одной стороны, вы подписали § 1 платформы лиги, признающий безоговорочное право национальностей конституироваться в самостоятельное государственное образование, а с другой – вы подписались, выходит, только для того, чтобы прекратить от такого сепаратистского конституирования, или, как вы говорите, против расчленения СССР. Одно здесь другое исключает. Нужно или одно, или другое... А что эти национальные группировки сепаратистски настроенные до крайних пределов, в этом у нас даже сомнения нет. Их аппетитов вы вашим союзом с ними не умерите и проще к этому вопросу подойти совсем иначе» [9].

Группа В.В. Сухомлина в журнале «Социалист-революционер» поместила следующее объявление: «Пока, во избежание недоразумений, считаем нужным указать, что: 1) Лига Нового Востока не является блоком партий, а объединением лиц, принадлежащих к различным партиям; 2) ее платформа партией с.р. не обсуждалась и партия за нее ни в какой мере не отвечает; 3) в этой платформе, наряду с несколькими бесспорными положениями, содержатся а) новый план государственного переустройства России (СССР), который, несомненно, встретит внутри партии серьезные возражения, и 2) по меньшей мере спорная программа внешней политики: мы имеем в виду требование рас-

членения Советского Союза на самостоятельные национальные государства...» [10. С. 15; 11].

Негативно отреагировали и социал-демократы-меньшевики: «...ЗД принципиально отвергает всякие зарубежные блоки, совместные организации и политические комбинации, поскольку они не являются – а в настоящих условиях и не могут являться – естественным выражением и дополнением сочетания сил, складывающегося в ходе партийной работы в России... создание политических блоков или совместных организаций в зарубежье, выработка “общих” платформ и т.п. имеет, с нашей точки зрения, совершенно иллюзорный характер, не опираясь ни на какое реальное сочетание сил в России» [12. С. 310].

Наконец, на Втором съезде заграничных организаций партии социалистов-революционеров (Париж, апрель–май 1928 г.; без участия Чернова и его группы) Лига подверглась единодушному осуждению всех эсеровских эмигрантских группировок, которые смогли договориться фактически только по этому вопросу: «Съезд самым решительным образом осуждает В.М. Чернова и его группу за то, что они, нарушив партийные традиции и перешагнув пункт партийной программы о федерации, примкнули, без предварительного обсуждения вопроса Организацией Партии С.-Р., к “Социалистической Лиге Нового Востока”, задачи и деятельность которой направлены на расчленение России, мыслимой Съездом как федерация народов. Съезд солидаризируется с постановлением Исполнительного Комитета Рабочего Социалистического Интернационала, запрещающим Партиям Рабочего Соц. Интернационала участвовать в Социалистической Лиге Нового Востока, равно как и с решением Раб. Соц. Интернационала предложить Международному его Конгрессу запретить и персональное участие Членов Партий Раб. Соц. Интернационала в международных объединениях, направление коих находится в противоречии с программой и тактикой Раб. Соц. Интернационала». К тому моменту прекратилась и деятельность Лиги – в 1929 г. Чернов на довольно длительное время уезжает в США.

В современной российской историографии деятельности СЛНВ не уделяется особого внимания. О Лиге пишут в основном биографы В.М. Чернова, обращая внимания на сам факт существования такого проекта. Лишь иногда появляются небольшие комментарии. Так, с точки зрения О.В. Коноваловой, «эмигранты не поняли, что речь идет об отдаленном демократическом будущем. По их мнению, распад СССР в современных международных условиях привел бы к трагическим последствиям для страны». В то же время «после Второй мировой войны идейный и организационный опыт СЛНВ оказался востребованным при создании в мае 1948 г. “Лиги борьбы за народную свободу” – организации, объединившей демократическую эмиграцию» [13. с. 253]. В биографии Чернова, написанной А.И. Аврусом, А.А. Голосеевой и А.П. Новиковым, содержится лишь лаконичная формулировка о том, что СЛНВ «...в силу разных причин оказалась неудачным политическим проектом» [14. С. 250]. Подробнее о Лиге пишет финский историк Х. Иммонен, однако

и он не делает четких выводов об итогах деятельности этой организации [15].

Напротив, в украинской и белорусской литературе о Лиге Нового Востока не забывают. Ей посвящена отдельная статья в 6-томной Энциклопедии истории Беларуси [16]. Несколько работ посвятили Лиге белорусский историк В.Е. Козляков [17–19], украинские авторы О.Е. Зубко [4; 20] и О. Сухобокова [21]. Они отмечают, что факт появления Лиги свидетельствует «об искреннем стремлении определенной части российских и национальных неонародников найти наиболее эффективные формы сотрудничества народов, длительное время живущих вместе» [17]. Подчеркивается, что «практически впервые представители российской демократии (эсеры-черновцы, а также некоторые другие политические силы, которые отказались от шовинистической идеи “единой и неделимой”) сделали встречный шаг к взаимопониманию и согласились на создание союза с представителями нерусских демократических элит. Практически впервые российские демократы публично признали украинцев и белорусов самостоятельными и суверенными народами, поддержали стремление всех нерусских народов бывшей Российской империи иметь свою собственную государственность, свободно развивать свои экономику и

культуру» [20]. Такие политизированные тенденции в историографии весьма показательны и свидетельствуют о том, что белорусские и украинские социалисты-эмигранты шли на союз с Черновым для реализации своих сепаратистских проектов, им было важно лишь имя известного российского политика, председателя Учредительного собрания.

Лига Нового Востока была амбициозным, но неудачным проектом в первую очередь из-за слишком разных целей, к которым стремились ее участники. Для Чернова и его российских товарищей это была идеалистическая попытка возрождения панславянских идей в социалистической оболочке с учетом новейших европейских и мировых интеграционных тенденций. Кроме того, Чернов, фактически лишившийся влияния на большую часть заграничных социалистов-революционеров, остро нуждался в новой площадке для реализации своих политических амбиций. Однако для националистически настроенных социалистов бывшей Российской империи главными были признание и поддержка российскими коллегами их стремления к фактической независимости. В итоге эта попытка объединения была отвергнута подавляющим большинством российских эмигрантов-социалистов, не готовых пре-небречь целостностью России.

Список источников

1. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины в г. Киеве. Ф. 4465. Д. 328.
2. Кембаев Ж.М. Политико-правовая история идеи единой Европы: с древнейших времен до современности. Алматы–Астана: Академпресс, 2012. 496 с.
3. Чернов В. «Пан»-Европа и «пан»-славянство // Революционная Россия. 1926. № 51–52. С. 11–25.
4. Зубко О.Е. Заметки о социалистической лиге Нового Востока (1926–1930) // Наука и школа. 2008. № 1. С. 70.
5. Платформа социалистической лиги нового Востока // Революционная Россия. 1927. № 59–60 (август–сентябрь). С. 18–21.
6. Кутаренкова Т.С. Журналистская и редакторская деятельность П.Б. Струве в контексте периодики русской эмиграции первой волны во Франции: 1925–1934 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 26 с.
7. Пайпс Р. Струве: правый либерал, 1905–1944. М. : Моск. школа полит. исслед., 2001. Т. 2. 680 с.
8. White E. The Socialist Alternative to Bolshevik Russia: The Socialist Revolutionary Party, 1921–1939. London ; New York : Routledge, 2011. 208 p.
9. Архив Международного института социальной истории (Амстердам).
10. Лига Нового Востока // Социалист-революционер. 1927. № 1. С. 15.
11. Сухомлин В.В. Лига Нового Востока // Воля России. 1928. № 5. С. 98–115.
12. Меньшевики в эмиграции : протоколы Заграничной Делегации РСДРП. 1922–1951 гг. : в 2 ч. М. : РОССПЭН, 2010. Ч. 1. 836 с.
13. Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М. : РОССПЭН, 2009. 383 с.
14. Аврус А.И., Голосеева А.А., Новиков А.П. Виктор Чернов: судьба русского социалиста. М. : Ключ-С, 2015. 368 с.
15. Иммонен Х. Мечты о новой России. Виктор Чернов (1873–1952). СПб. : Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2015. 486 с.
16. Зубко В., Ляхоускі У. Сацыялістычна Ліга Нового Усходу // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоу (гал. рэд.) і інш. Мінск : БелЭн, 2003. Т. 6, кн. 2. С. 433–434.
17. Козляков В.Е. Национальный вопрос и неонароднические партии. Начало XX в. – конец 20-х гг. (на материалах России, Беларуси, Украины) . Минск : БГТУ, 2001. 246 с.
18. Козляков В.Е. Проблемы славянского единства в трудах неонародников (конец XIX – 20-е гг. XX в.) // Романовские чтения – 12 : сб. ст. междунар. науч. конф., Могилев, 23–24 ноября 2016 г. / под общ. ред. А.С. Мельниковой. Могилев, 2017. С. 7–9.
19. Козляков В.Е. Неонародничество об идеях славянского единства (начало XX в. – конец 20-х гг.) // Працы гістарычнага факультэта : навук. зб. / рэдкал.: У.К.Коршук (адк. рэд.) і інш. Мінск, 2006. Вып. 1. С. 214–217.
20. Зубко О. Соціалістична Ліга Нового Сходу // Донецький вісник Наукового товариства ім. Шевченка. 2004. Т. 5. С. 115–119.
21. Сухобокова О. Празька група УПСР та створення Соціалістичної Ліги Нового Сходу // Східноєвропейський історичний вісник. 2018. № 6. С. 133–139.

References

1. The Central State Archive of the Supreme Authorities and Administration of Ukraine in Kyiv. Fund 4465. File 328.
2. Kembaev, Zh.M. (2012) *Politiko-pravovaya istoriya idei edinoy Evropy: s drevneyshikh vremen do sovremennosti* [Political and Legal History of the Idea of a United Europe: From Ancient Times to the Present]. Almaty; Astana: Akadempress.
3. Chernov, V. (1926) “Pan”-Evropa i “pan”-slavyanstvo [“Pan”-Europe and “Pan”-Slavs]. *Revolyutsionnaya Rossiya*. 51–52. pp. 11–25.
4. Zubko, O.E. (2008) *Zametki o sotsialisticheskoy lige Novogo Vostoka (1926–1930)* [Notes on the Socialist League of the New East (1926–1930)]. *Nauka i shkola – Science and School*. 1. p. 70.
5. Anon. (1927) Platforma sotsialisticheskoy ligi novogo Vostoka [Platform of the Socialist League of the New East]. *Revolyutsionnaya Rossiya*. 59–60. pp. 18–21.
6. Kutarenkova, T.S. (2013) *Zhurnalistskaya i redaktorskaya deyatel'nost' P.B. Struve v kontekste periodiki russkoy emigratsii pervoy volny vo Frantsii: 1925–1934 gg.* [Journalistic and editorial activity of P.B. Struve in the context of periodicals of Russian emigration of the first wave in France: 1925–1934]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

7. Pipes, R. (2001) *Struve: pravyy liberal, 1905–1944* [Struve: right-wing liberal, 1905–1944]. Vol. 2. Moscow: Moscow School of Political Studies.
8. White, E. (2011) *The Socialist Alternative to Bolshevik Russia: The Socialist Revolutionary Party, 1921–1939*. London; New York: Routledge.
9. The Archive of the International Institute of Social History (Amsterdam).
10. Anon. (1927) Liga Novogo Vostoka [The League of the New East]. *Sotsialist-revolyutsioner*. 1. p. 15.
11. Sukhomlin, V.V. (1928) Liga Novogo Vostoka [The League of the New East]. *Volya Rossii*. 5. pp. 98–115.
12. RSDLP. (2010) *Men'sheviki v emigratsii: protokoly Zagranichnoy Delegatsii RSDRP. 1922–1951 gg.* [Mensheviks in exile: Protocols of the Foreign Delegation of the RSDLP. 1922–1951]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
13. Konovalova, O.V. (2009) *V.M. Chernov o putyakh razvitiya Rossii* [V.M. Chernov about the ways to develop Russia]. Moscow: ROSSPEN.
14. Avrus, A.I., Goloseeva, A.A. & Novikov, A.P. (2015) *Viktor Chernov: sud'ba russkogo sotsialista* [Viktor Chernov: the fate of a Russian socialist]. Moscow: Klyuch-S.
15. Immonen, H. (2015) *Mechty o novoy Rossii. Viktor Chernov (1873–1952)* [Dreams of a new Russia. Viktor Chernov (1873–1952)]. St. Petersburg: St. Petersburg European University.
16. Zubko, V. & Lyakhouski, U. (2003) Satsyyalistichnaya Liga Novogo Uskhodu. In: Pashkou, G.P. (ed.) *Entsyklopediya gistorii Belarusi* [Encyclopedia of the History of Belarus]. Vol. 6. Minsk: BelEn. pp. 433–434.
17. Kozlyakov, V.E. (2001) *Natsional'nyy vopros i neonarodnicheskie partii. Nachalo XX v. – konets 20-kh gg. (na materialakh Rossii, Belarusi, Ukrayiny)* [National question and neo-populist parties. The early 20th century – the late 1920s (a case study of Russia, Belarus, Ukraine)]. Minsk: BSTU.
18. Kozlyakov, V.E. (2016) Problemy slavyanskogo edinstva v trudakh neonarodnikov (konets XIX – 20-e gg. XX v.) [Problems of Slavic unity in the writings of neo-populists (the late 19th – 1920s)]. In: Melnikova, A.S. (ed.) *Romanovskie chteniya – 12* [The Romanov Readings – 12]. Mogilev: [s.n.]. pp. 7–9.
19. Kozlyakov, V.E. (2006) Neonarodnichestvo ob ideyakh slavyanskogo edinstva (nachalo XX v. – konets 20-kh gg.) [Neopopulism about the ideas of Slavic unity (the early 20th century – the late 1920s)]. In: Korshuk, U.K. (ed.) *Pratsy gistorichnaga fakul'teta*. Vol. 1. Minsk: [s.n.]. pp. 214–217.
20. Zubko, O. (2004) Sotsialistichna Liga Novogo Skhodu [Socialistic League of the New Skhod]. *Donets'kiy visnik Naukovogo tovaristva im. Shevchenka*. 5. pp. 115–119.
21. Sukhobokova, O. (2018) Praz'ka grupa UPSR ta stvorennya Sotsialistichnoi Ligi Novogo Skhodu. *Skhidnoevropeys'kiy istorichniy visnik*. 6. pp. 133–139.

Сведения об авторе:

Суслов Алексей Юрьевич – доктор исторических наук, декан факультета социотехнических систем Казанского национального исследовательского технологического университета (Казань, Россия). E-mail: plush131333@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Suslov Alexey Yuryevich – Doctor of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Sociotechnical Systems of Kazan National Research Technological University (Kazan, Russian Federation). E-mail: plush131333@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.04.2019; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 14.04.2019; accepted for publication 06.05.2022

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Научная статья

УДК 94

doi: 10.17223/19988613/77/10

О трансформации и некоторых чертах президентского политического лидерства в Республике Корея в 1948–2021 гг.

Марта Владимировна Бочарникова

Томский государственный университет, Томск, Россия, bmartav@mail.ru

Аннотация. Исследованы изменения, произошедшие в южнокорейском президентском политическом лидерстве в период 1948–2021 гг., и рассмотрены некоторые его характерные черты. Анализируются причины формирования особого стиля лидерства президентов Республики Корея с учетом исторического и культурного контекста. Делается акцент на роли конфуцианской морали и этики, а также на системе личных связей политических лидеров, являющихся важной основой для эффективного политического лидерства. Исследование опирается преимущественно на материалы экспертов-корееведов и политологов, а также на проведенные личные интервью автора.

Ключевые слова: политическое лидерство, президент, Южная Корея, политика

Благодарности: Автор выражает благодарность Корейскому Фонду за грантовую поддержку ее научных исследований при Институте Седжона в Республике Корея, благодаря которым удалось собрать необходимый материал для публикации данной статьи.

Для цитирования: Бочарникова М.В. О трансформации и некоторых чертах президентского политического лидерства в Республике Корея в 1948–2021 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 87–94. doi: 10.17223/19988613/77/10

Original article

On the Transformation and Some Features of Presidential Political Leadership in the Republic of Korea in 1948-2021

Marta V. Bocharnikova

Tomsk state university, Tomsk, Russian Federation, bmartav@mail.ru

Abstract. The scientific article examines transformation and some specific features of South Korean presidential political leadership in 1948-2021. The article is based on the English and Korean language literature of scientists and experts in the fields of political science and history, as well as on the author's interviews with experts in these fields. A choice of American scientists' literature on political leadership is conditioned by the fact that historically leader-oriented research and analysis have originated and proven extremely popular in the United States, which became a stronghold of research in this field.

To begin with, the author dwells on the concept of "leadership" per se and explains the interest to the concept of "political leadership" in political and historical sciences. After that, a brief overview of classic leadership theories is provided to demonstrate a distinct difference between Western and Eastern approaches to analyzing political leadership. To this end, the Republic of Korea (ROK) represents a brilliant example of an Eastern country that has achieved tremendous progress in political, economic and social spheres over a period of one generation, including due to its political leadership.

When analyzing what has driven the progress in South Korea to such an extent, the author emphasizes that presidential political leadership played one of the major roles in the nation building process. To elaborate on this, the author examines historical and cultural premises that have formed South Korean political leadership we know today. Among historical preconditions, the author puts stress on a long period of dependency on foreign states throughout the history of the united Korea, along with country division on South and North Koreas in 1948 followed by the devastating Korean War of

1950-1953. All those events had culminated in strengthening of South Korean nationalism and an aspiration to have a strong leader who could restore security and prosperity of the country. Thus, South Korean political leadership experienced harsh conditions at the very beginning of nation building, which is why a leader with military background was seen as the only one capable of securing an order and establishing a solid base for economic development.

With regard to cultural preconditions, it is no exaggeration to say that Confucian legacy has played the key role as a cultural premise that rested against such virtues as subordination, personal and political order, moral duty and interpersonal relations. In addition, the author underlines an important role of an unofficial network of personal connections of a political leader. It usually represents ties between a political leader and his/her university, region, organization, etc. which provide him/her with strong support.

Besides, the author sheds light on some current trends in presidential political leadership in South Korea. The author attempts to generalize about contribution of each of the ROK presidents to national building and development and analyze what type of presidential political leadership South Korea is more close to.

The author concludes by providing a short summary on how the presidential political leadership in South Korea has transformed during 1948-2021 and how it might change in upcoming future. The author believes that a key dimension in understanding the current political dynamics in South Korea lies in a shift from the absolute power and personal influence of South Korean presidents in all spheres during 1948-1988 to a more restrained by political system role of the president after 1988, with his/her established political leadership.

Keywords: political leadership, president, South Korea, politics

Acknowledgments: The author extends her gratitude to the Korea Foundation for supporting her scientific research at the Sejong Institute in the Republic of Korea that made it possible to gather all the necessary materials for the publication of this article.

For citation: Bocharkova, M.V. (2022) On the Transformation and Some Features of Presidential Political Leadership in the Republic of Korea in 1948-2021. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Iстория – Tomsk State University Journal of History*. 77. pp. 87–94. doi: 10.17223/19988613/77/10

Политическое лидерство может рассматриваться с точки зрения разных наук, каждая из которых будет делать акцент на разных аспектах данного понятия. Более того, в исторической науке, как и в политологии и психологии, не существует единого понятия или теории политического лидерства, равно как и лидерства в принципе. Например, в психологии понятие лидерства имеет давнюю историю изучения как социально-психологическое явление, в политологии оно рассматривалось как политический феномен, а в исторической науке интерес к лидерству был связан с исторической ролью личности. Хотя наиболее ранние работы о лидерстве стали появляться с середины 1920-х гг. [1–3], изучение лидерства стало набирать популярность и активно развиваться с 1970-х гг. [4. Р. 1].

Поэтому, несмотря на широту понятия «политическое лидерство», мы будем придерживаться формулировки французского политолога Жана Жака Блонделя, который определял политическое лидерство как феномен власти, довольно уникальный набор властных отношений и влияний, который реализуется в широком спектре национальных и глобальных проблемных областей, осуществляется одним или несколькими авторитетными индивидуумами и обусловлен конкретной ситуацией [Ibid. Р. 2–3].

Теорий лидерства существует немало, и все они в основном западные. К ним часто относят теорию лидерских качеств (trait theory), появившуюся в 1930–1940-х гг., поведенческую теорию (behavioral theory; 1950–1960-е гг.), ситуативную теорию (situational theory; 1970-е гг.), трансформационную теорию (transformational theory), теорию мудрого лидерства (visionary leadership) и теорию харизматического лидерства (charismatic theory; 1980-е гг.) [5].

В работе выдающегося политолога Глена Пейджа политическое лидерство рассматривается с точки зрения

системно-ориентированного подхода, как феномен в контексте политической системы, которая воздействует на него и на которую воздействует он [6]. Известный историк и политолог Джеймс Макгрегор Бернс исследовал политическое лидерство как феномен власти. Ему принадлежит теория транзакционного и трансформационного лидерства [7. Р. 18]. В первом случае лидеры взаимодействуют с последователями для непосредственной выгоды каждого. Такое лидерство вызывает лишь ограниченные краткосрочные изменения в работе политической системы. В случае трансформационного лидерства лидеры заставляют последователей требовать, учитывая их способность порождать такие требования. Здесь Бернс подчеркивает силу идей и моральных ценностей в мотивации лидеров и мобилизации последователей. Таким образом, можно считать подход Глена Пейджа подходом на макроуровне, поскольку он стремится понять общий политический контекст, в котором действует лидерство. С другой стороны, Бернс использует микроуровневый подход, концентрируясь на психологической структуре людей, вовлеченных в процесс лидерства.

Однако существующие теории показывают методологическую слабость, когда речь идет о политическом лидерстве в восточноазиатских странах. Так, один из ведущих экспертов по корейскому президентству д-р Ким Чун Нам отмечает, что при использовании таких западных теорий, как, например, теория личностных черт, акцент смещается на «человека», а не на «личность» как фактор уникальной социальной и политической среды [8. Р. 118]. Как следствие, политического лидера обвиняют в неудачной политике, не понимая обстоятельств, в которых этот лидер действовал.

В восточноазиатских обществах, в том числе в Южной Корее, где сохранилась строгая иерархия, условно «классические» теории лидерства выглядят несколько

иначе. Например, трансформационное лидерство больше означает не вдохновение и мотивацию, а авторитарный стиль руководства и внедрения изменений [9]. Более того, большинство западных теорий лидерства основаны на индивидуалистическом подходе: лидерский характер, стиль и т.п. При этом мало внимания уделяется коллективистским факторам, включая политическую систему, культурные убеждения, социальную структуру, политическую культуру, религиозные ценности, которые формируют среду вокруг лидера, его индивидуальное поведение и т.п.

Мы считаем, что политическое лидерство конкретного лидера должно исследоваться как с точки зрения сформировавших его процессов и составляющих дeterminант в течение его жизни (семья и окружение, личный опыт, личностные черты и т.п.), так и на фоне конкретной исторической ситуации, в определенном социокультурном контексте и с учетом политико-экономической обстановки. В этой связи при написании данной статьи мы использовали структурно-рациональный подход, чтобы акцентировать внимание на изучении исторического влияния на развитие президентского политического лидерства в РК, а также интервью с южнокорейскими экспертами в области президентского политического лидерства [10–12]. Мы попытались рассмотреть в целом, каким образом такие структурные силы, как исторический процесс и социо-экономические изменения, создают возможности и ограничения, а также контекст для действий политических акторов.

История развития Южной Кореи – выдающийся пример современной истории политического, экономического и социального успеха страны Восточной Азии. Этот успех едва ли был бы возможен без политического лидерства, которое стало неотъемлемым фактором развития страны. Таким образом, при объяснении экономических достижений и успехов демократизации важно учитывать фактор южнокорейского политического лидерства, которое было одним из основных двигателей такого прогресса [13].

Тем не менее парадоксален тот факт, что образы южнокорейских президентов в основном негативные, а систематического исследования южнокорейского политического лидерства до сих пор не было [8. Р. 113]. Такая оценка политического лидерства в Южной Корее связана с тем, что политические лидеры Республики Корея рассматривались с точки зрения западной идеологии, которая основана на демократии. В условиях азиатских стран, в том числе и Южной Кореи, политические лидеры авторитарных режимов становились «диктаторами» или «диктаторами развития» [Ibid. Р. 130]. Однако существуют определенные исторические и культурные факторы, которые сформировали нацию и способствовали возникновению именно такого политического лидерства в Южной Корее.

Исторически единая Корея на протяжении большей части своей истории находилась в зависимости от Китая (до 1895 г.), а после – от Японии в период оккупации 1910–1945 гг. Затем последовали разделение страны в 1948 г. и Корейская война 1950–1953 гг., которая происходила уже в свете совместного с США ведения

боевых действий. Такое исторически зависимое положение страны способствовало усилению чувства национализма, собственной идентичности, а также желанию иметь сильного лидера, способного вести нацию и брать на себя ответственность. Подобное желание имеет и достаточно глубокие конфуцианские корни, но о них речь пойдет ниже.

Бывший-премьер-министр Южной Кореи Нам Док У выделял четыре ключевые национальные цели, на примере которых можно последовательно проследить историю развития политического лидерства в Республике Корея. С 1948 г. национальными целями были:

- 1) создание государства, основанного на идеологии свободы и демократии, сдерживания коммунизма,
- 2) искоренение тотальной экономической бедности,
- 3) урегулирование демократической представительной системы, привнесенной из западного мира,
- 4) объединение разделенной Кореи [14].

Строительство южнокорейского государства началось после разделения Кореи по 38-й параллели в 1948 г. Последовавшая вскоре Корейская война 1950–1953 гг. не только усилила и без того существовавший кризис национальной идентичности, но и создала острую необходимость дальнейшего противостояния Северной Кореи. Однако экономическая отсталость и неразвитость мешали этому, и до начала 1960-х гг. выживание и безопасность были главной заботой страны. Такая сложная ситуация с безопасностью стала причиной военного переворота и последовавшего за ним авторитарного президентского руководства. Принимая во внимание уникальные проблемы безопасности Республики Корея, лидер с военным опытом, который поднялся до высших уровней власти, казался единственным, кто смог бы изменить ситуацию [8. Р. 126].

С приходом и укреплением авторитаризма Южная Корея продемонстрировала и укрепление института президентской власти. Ее базовой целью была трансформация аграрного общества в индустриальное. Кроме того, во время и после Корейской войны Южная Корея была одной из самых бедных стран в мире [15]. Поэтому всеобъемлющая экономическая модернизация стала основой национального строительства страны под авторитарным лидерством военных, за которым позднее последовала постепенная демократизация общества [16].

Однако модернизация стала возможной во многом благодаря американской помощи. Влияние США на Южную Корею в целом было сильнее, чем на любую другую новую страну. Результаты такого взаимодействия оцениваются в литературе по-разному. После освобождения Кореи в 1945 г. на территории, которую заняли США ниже 38-й параллели, были установлены американские стандарты и институты, в том числе президентская система. Корейская война и ее наследие сделали Южную Корею зависимой от дальнейшей американской помощи и советов.

Несмотря на огромный разрыв между американскими идеалами и корейскими реалиями, иностранные ученые и журналисты обращали мало внимания на трудности и проблемы, с которыми сталкивались южнокорейские лидеры, особенно в 1950–1960-х гг. Они писали

о южнокорейских президентах с точки зрения предвзятых стереотипов и либерально-демократических идеалов, усиливая таким образом их неблагоприятные образы, которые потом влияли и на исследования политики внутри РК, и на критическую оценку корейцами своих лидеров [8. Р. 129]. Тем не менее американский академик и профессор Гарвардского Университета Картер Экерт утверждает, что авторитаризм, который на протяжении десятилетий являлся воплощением политики Южной Кореи после Корейской войны, во многом обязан политическому характеру различных корейских элит, сформировавшихся в конце колониального периода [17]. Другую точку зрения предлагает заслуженный профессор университета Ёнсе в Южной Корее д-р Чжанг Донг Чжин. В своей статье «Характеристики и моральные основы политического лидерства в современной Корее» он отмечает, что южнокорейские президенты, как правило, получали негативную оценку по итогам своей деятельности в силу того, что они ставили перед собой долгосрочные национальные задачи [16]. А учитывая тот факт, что с 1988 г. срок президентства в РК составляет 5 лет без возможности переизбрания, достичь существенного прогресса по такого рода целям за один срок было и остается трудным. Проблема также и в том, что оценивать эффективность реализации или решения комплексных национальных задач приходится уже следующем поколениям, для которых эти цели принимают новую форму и имеют другое значение. Яркий пример – поколенческая разница в отношении к межкорейскому объединению: чем моложе поколение, тем меньше оно поддерживает национальную идею объединения [18].

Таким образом, в контексте формирования политического лидерства президентов РК с точки зрения истории важно понимать тесную связь между вопросами безопасности, экономического роста и политического развития. Американский историк и политолог Клинтон Л. Росситер выдигал три типа угроз демократии: война, экономическая катастрофа и социальные волнения [19. Р. 1006]. Все это случилось с Южной Кореей одновременно на начальном этапе ее существования как самостоятельного государства. К этому можно добавить абсолютно неподготовленное южнокорейское политическое сознание, в которое США поспешили стараться внедрить демократические идеалы. Эти идеалы были полной противоположностью существовавшим корейским убеждениям как во время феодального правления, так и в период японской оккупации, когда Корея была полностью лишена автономности. Такое стечание обстоятельств породило сосуществование двух парадигм, либерально-демократической и конфуцианской, что в сочетании с национализмом создало абсолютно уникальный стиль политического лидерства. Мы не рассматриваем в данной работе опыт КНДР, поскольку там политическое лидерство приобрело другие черты, отличные от политического лидерства РК.

Испытания и ошибки Южной Кореи в развитии демократии были неизбежны. Непрерывный и быстрый экономический рост РК за счет демократических принципов породил очень несбалансированное обще-

ство, экономически развитое, но политически незрелое и создающее мощное давление на демократизацию [20]. Этот дисбаланс выразился в серьезной напряженности и в конечном итоге в кризисе легитимности, который определил переход к полной демократии.

С другой стороны, то, как люди думают и действуют, является отражением того, что «встроено» в их культуру. Лидерство имеет дело и с культурным контекстом, своеобразным «формирователем смысла», где люди могут сформировать понимание того, что значит быть хорошим и эффективным лидером. В своих исследованиях Роберт Хаус и другие ученые подчеркивали сложную взаимосвязь между культурой и лидерством и полагали, что атрибуты и поведение лидеров эффективны, когда они культурно поддерживаются представителями нации [21. Р. 66].

Какая в таком случае роль отводилась конфуцианству как культурной специфике в формировании политического лидерства в Южной Корее? В традиционном корейском обществе подчинение общества власти считалось патриотической добродетелью, а Конфуций учил искусству управления [22; 23. Р. 151]. Все общество представляло собой конфуцианскую иерархическую структуру приличия и порядка, в которой была заложена специфика ролей для семьи, общества и страны. Вся конфуцианская философия демократии основана на концепции политического управления. Конфуцианское лидерство базируется на личном и социально-политическом порядке, который подчеркивает межличностные отношения между начальством (правителем) и подчиненным (зависимым).

В конфуцианской политической философии отношения между государством (т.е. правителем, лидером) и людьми неравны и иерархичны [16]. Неравенство ценностей заключается в том, что государство обладает монополией на политические решения и имеет моральную поддержку народа в обмен на гарантию жизни людей в государстве. В этом ключе бывший премьер-министр Южной Кореи Нам Док У рассматривал значение в современной политике конфуцианства как культуры, в которой государство несет ответственность за все, что происходит «под солнцем», а в результате люди и средства массовой информации призывают правительство вмешаться всякий раз, когда они видят проблемы в повседневной жизни [24. Р. 112–113].

Другими словами, сильное лидерство было оправдано в южнокорейской политике с точки зрения конфуцианской морали. Обоснование конфуцианского государства основывается на двух моральных принципах. Во-первых, те люди, которые достигли морального совершенства и мудрости, имеют право руководить политикой, заниматься общественными делами. Во-вторых, будучи морально возвышенными и обладая мудростью, они несут ответственность за народ как в экономических, так и в моральных спорах в обмен на полную народную поддержку. В этом смысле конфуцианское государство напоминает аристократию: высшие и талантливые несут моральную ответственность за тех, кто ниже или менее талантлив. Основная идея аристократии состоит в том, что более высокопоставленные или способные люди должны принимать публичные

решения, в то же время принимая на себя моральные и практические обязанности перед более низкими или менее способными. По мнению профессора Чжанг Донг Чжина, современное южнокорейское государство обладает вышеуказанными доброжелательными аспектами конфуцианства [16].

Конфуцианство тесно связано с моралью, поэтому основную политику, инициированную южнокорейскими лидерами, следует считать наиболее важной, поскольку она обеспечивает моральные основы политического лидерства. Ключевые направления политики в РК, как правило, были связаны с решением фундаментальных общественных проблем: безопасность и национальное строительство при Ли Сын Мане (1948–1960), форсированный экономический подъем при Пак Чон Хи (1963–1979), сдерживание инфляции и стабилизация цен при Чон Да Хване (1980–1988) [25], начало демократизации и «Северной политики» при Ро Да У (1988–1993), политика глобализации при Ким Ён Саме (1993–1998) и преодоление финансового кризиса 1997–1998 гг. и межкорейское сближение при Ким Да Чжуна (1998–2003) [26].

Важно отметить, что быстрый экономический рост и политическая демократизация привнесли изменения в политический ландшафт и само устройство президентской власти. Если в 1960–1990-х гг. президентский стиль в Южной Корее больше напоминал «имперское президентство», то начиная с президента Но Му Хёна (2003–2008) мы видим, как акцент все больше и больше стал смещаться на «интерактивное президентство», как мы его обозначили. Его смысл состоит в том, что успех лидерства президента стал в том числе оцениваться не столько по тому, увеличились ли ВВП и производственные мощности страны за время пребывания президента в своей должности, сколько по таким комплексным аспектам, как удалось ли президенту продолжить и придать новый импульс социально-экономическому развитию, вовремя отреагировать на общественные настроения, выстроить продуктивные межпартийные отношения и т.д. В свою очередь, учет президентом подобных аспектов в своей политике требует в том числе соответствующего индивидуального политического лидерства.

Если бы мы продолжали приведенный выше список национальных целей и их реализации, то политическое лидерство президента Но Му Хёна (2003–2008) можно отнести к продолжению межкорейского сближения и не удавшимся попыткам изменить политическую культуру Южной Кореи. Политическое лидерство консервативных администраций Ли Мён Бака (2008–2013) и Пак Кын Хе (2013–2016) внесло вклад в усиление международной позиции Южной Кореи и ее «дипломатии державы среднего уровня» (middle power diplomacy). Это нашло отражение в участии Сеула в решении глобальных политических и экономических вопросов, а также усилении «мягкой силы» в виде распространения современной поп-культуры Южной Кореи по всему миру. Наконец, политическое лидерство Мун Чже Ина (2017–2022) мы рассматриваем как комплексный вклад в различные сферы, среди которых укрепление роли альянса РК–США и выведе-

ние двустороннего сотрудничества на новый уровень, межкорейское и американо-северокорейское сближение (однако временное), максимально эффективная борьба с короновирусной инфекцией с самого начала ее активного распространения в 2019–2020 гг. Поэтому, исходя из типов лидерства, предложенных историком и политологом Джеймсом Макгрегором Бернсом [7. Р. 18], южнокорейское лидерство ближе к трансформационному типу, чем к транзакционному, но с «ситуационной» составляющей.

Другой особенностью южнокорейской модели сильного политического лидерства является официальная опора на президентскую систему с бюрократией и на неофициальную сеть личных связей. Подобные связи в современном южнокорейском обществе представлены «кланом», выпускниками школ и регионализмом [16]. Официально у сильного руководства есть институты для достижения своих целей, такие как политические партии и бюрократические системы. Однако под ними лежат неофициальные сети, которые влияют на принятие политических решений. На примере регионализма, который в политической культуре РК часто обозначают как «региональную вражду» [27], их проявление можно четко проследить по итогам президентских выборов. Наибольшую поддержку лидеру оказывает регион, из которого он / она родом [28]. И хотя это очевидная истина, южнокорейские политики предпочитают игнорировать эту тему [29].

С 2007 г. в исходе политических выборов набирают силу и другие тренды. Один из ярких примеров – колебания в политических настроениях молодежи возраста 20–30 лет. Влияние этой группы избирателей за последние два десятилетия становилось едва ли не определяющим в исходе политической борьбы, поскольку возрастная группа людей 40–50 лет, как правило, поддерживает прогрессивный лагерь, а население в возрасте 60–70 лет склонно голосовать за консерваторов [30].

Похожим образом влияние таких связей проявляется в тенденции южнокорейских политических лидеров окружать себя узкой группой близких последователей, которые прошли с ними вместе через какие-либо трудности в прошлом. Влияние этой узкой группы людей, как правило, ограничивает роль формальных организаций и политических структур [31. Р. 231]. Поэтому политика в РК осуществлялась директивно, особенно в период 1948–2002 гг., несмотря на восстановление прямых президентских выборов в стране в 1987 г. Эта директивность была наследием авторитарных режимов 1960–1980-х гг. Она также может отражать двойственные аспекты современной южнокорейской политики: официальные правила демократичны и либеральны, неофициальные правила основаны на корейских традициях и культуре.

К слову, такое противоречие рассматривалось и исследователями, которые, например, отмечали, что традиционная конфуцианская культура, внешне противоречащая демократическим ценностям, глубоко повлияла на процесс демократизации, ускоряя экономическое развитие. С одной стороны, акцент на корейские традиции и приоритизация единства группы шли вразрез

с либеральной демократией [16]. С другой стороны, конфуцианский акцент на образовании, этике тяжелого труда и подчинении социальной иерархии, коллективизме сыграл жизненно важную роль в содействии процессу экономического роста, который, в свою очередь, стал основой южнокорейской демократизации [15, 32]. Это еще раз подчеркивает разницу между западными ценностями индивидуальной свободы и права и восточными ценностями общности, общественно-го блага, семьи и социальной солидарности. Поэтому принципиально важно понимать, из каких ценностей исходят исследователи, аналитики, эксперты и т.д., когда не только дают оценку эффективности политического лидерства, но и анализируют политический процесс в таких странах, как Южная Корея.

Таким образом, на протяжении 1948–2021 гг. президентское политическое лидерство в Южной Корее, с одной стороны, претерпело серьезные изменения и трансформировалось из «имперского» и директивного в более «интерактивное» и приближенное к народу. С другой стороны, наш анализ показывает, что в президентском политическом лидерстве РК до сих пор сохранились такие традиционные корейские социокультурные составляющие, как проявляющееся в соблюдении иерархии и негласных норм конфуцианское наследие, окружающая политические круги система неформальных связей, стремление политических лидеров за короткий срок провести политику, направленную на решение фундаментальных общенациональных вопросов. На основе изученной литературы и интервью с южнокорейскими исследователями политического лидерства мы полагаем, что конфуцианское

наследие является одной из самых сильных предпосылок культурно-исторического наследия РК в развитии президентского политического лидерства. Официальные идеологии были импортированы из западных обществ, в то время как на реальные политические практики большое влияние оказали корейские традиции и культура. Как результат, характерной чертой в принципе политического лидерства в Южной Корее стала комбинация либеральной демократии, конфуцианства, национализма и самоидентичности.

Мы также считаем, что для большего соблюдения баланса власти и с учетом практики импичмента президентам РК есть основания говорить о том, что президентство в Южной Корее будет становиться более институциональным по своей природе, нежели личностно-ориентированным. Это верно и потому, что политico-экономические вызовы заставляют президентов РК все больше и больше опираться на бюрократический аппарат. Тем не менее при этом внимание как общего населения Южной Кореи, так и политических наблюдателей к личностям президентов Южной Кореи и к их политическому лидерству не только не уменьшается, но и становится более явным, о чем свидетельствуют опросы общественного мнения и публикации исследовательских институтов РК. Мы полагаем, что такой сдвиг от абсолютной власти и личностного влияния президента РК во всех сферах в период 1948–1988 гг. к более сдержанной системными ограничениями роли президента после 1988 г., но с учетом его сформировавшегося политического лидерства, становится ключевым измерением в понимании современной политической динамики в Южной Корее.

Список источников

- Boots R.S. Four American Party Leaders. By Charles E. Merriam. (New York: The Macmillan Company. 1926. Pp. xvi, 104.) // American Political Science Review. 1927. Vol. 21, № 2. P. 450–452.
- Carlyle T. On heroes, hero-worship, and the heroic in history. London : Oxford University Press, 1993. 176 p.
- Jennings E.E. An Anatomy of Leadership: Princes // Heroes and Supermen. New York : Harper & Brothers Pub., 1960. P. 172–175.
- Blondel J. Political leadership: Towards a General Analysis. London : Sage Publications, 1987. 216 p.
- Nhung-Binh Ly. Cultural Influences on Leadership: Western-Dominated Leadership and Non-Western Conceptualizations of Leadership // Horizon Research Publishing. 2021. URL: http://www.hrupub.org/journals/article_info.php?aid=8763 (accessed: 17.10.2020).
- Paige G.D. The scientific study of political leadership. New York : Free Press, 1977. 416 p.
- Burns J.M. et al. Leadership. New York : Harper & Row, 1978. IX, 530 p.
- Kim C.N., Center E.W. Leadership for Nation Building: the Case of Korean Presidents1 // Leadership. 2007. Vol. 11, № 1. P. 113–143.
- Berman E., Haque M.S. Asian Leadership in Policy and Governance // Emerald Insight. 2021. URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/S2053-769720150000024027/full/html> (accessed: 17.10.2020).
- 백학순 세종연구소 전 사장과 인터뷰. – 서울, 2021년 5월 3일. (Интервью с д-м Пэк Хаксуном, бывшим президентом Института Седжона, Южная Корея. Сеул, 03.05.2021).
- 최진 대통령리더십연구원장인 대통령 리더십 및 심리경영 전문가와 인터뷰. – 대한민국. – 서울, 2021년 5월 4일. (Интервью с д-м Чхве Чжином, директором Исследовательского института президентского лидерства и ведущим экспертом в области президентского лидерства и психологического управления, Южная Корея. Сеул, 04.05.2021).
- 김충남 박사인 대통령 리더십 전문가와 인터뷰. – 대한민국. – 서울, 2021년 6월 15일. (Интервью с д-м Ким Чун Намом, экспертом в области президентского лидерства, Южная Корея. Сеул, 04.05.2021).
- Kwon T.H. Population Change and Development in Korea // Asia Society. 2022. URL: <https://asiasociety.org/education/population-change-and-development-korea> (accessed: 30.01.2022).
- Duck-Woo N. The Korean Economy in the Era of Internationalization // Seoul: Seoul Samsung Economic Research Institute, 1997. P. 323–324.
- S. Korea's GDP surges 31,000-fold since 1953: data // Yonhap News Agency. 2015. 10 Aug. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20150810006300320> (accessed: 15.11.2021).
- Dong-Jin J. The characteristics and moral grounds of political leadership in modern Korea // Korea Observer. 2001. Vol. 32, № 3. P. 379–407. URL: <http://www.hawaii.edu/intlrel/pols605c/leadership/Modern%20Korea/jang.htm> (accessed: 18.01.2022).
- Eckert C.J. Total war, industrialization, and social change in late colonial Korea // The Japanese wartime empire, 1931–1945. Princeton University Press, 2010. P. 3–39.
- Lee C.M. A Peninsula of Paradoxes: South Korean Public Opinion on Unification and Outside Powers. Washington, DC, 2020. 67 p. URL: https://carnegieendowment.org/files/2020_UBB_final.pdf (accessed: 18.01.2022).
- Rossiter C.L. Constitutional Dictatorship: Crisis Government in the Modern Democracies : Review by Karl Loewenstein // The American Political Science Review. 1948. Vol. 42, № 5. P. 1006–1009.

20. Diamond L. Economic development and democracy reconsidered // *American Behavioral Scientist*. 1992. Vol. 35, №. 4-5. P. 450–499.
21. Culture, leadership, and organizations: The GLOBE study of 62 societies / R.J. House et al. (eds.). Sage Publications, 2004. 848 p.
22. Лунь юй (Беседы и Суждения) // ModernLi.net. 2021. URL: https://modernlib.net/books/konfuciy/lun_yuy/read/ (дата обращения: 15.11.2021).
23. Strnad G. South Korean leaders in the politics of democratization // *International Journal of Korean Humanities and Social Sciences*. 2017. Vol. 3. P. 147–168.
24. Nam D.W. Korea's Economic Growth in a Changing World. Samsung Economic Research Institute, 1997. 383 p.
25. South Korea: the Dynamics of the Chun Regime // The U.S. Central Intelligence Agency. 2021. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP84S00554R000100050002-1.pdf> (accessed: 15.10.2020).
26. 이원종. 시대적 소명과 대통령의 정치리더십. 동아시아연구원. (Ли Вон Чонг. Зов времени и политическое лидерство президента) // 2013 대통령의성공조건. 제 4차 라운드테이블 회의록. 서울, 2012. – URL: http://www.eai.or.kr/data/bbs/kor_report/2012052519415944.pdf (дата обращения: 15.11.2021).
27. Se-Woong Koo. The Potent Force of S Korea's Regionalism // *Korea Exposé*. Seoul, 2017. URL: <https://www.koreaexpose.com/potent-force-koreas-regionalism/> (accessed: 15.11.2021).
28. Lee T. The Death of Regionalism in Korean Politics? // *Korea Economic institute of America*. Washington, DC, 2016. URL: <https://keia.org/the-peninsula/the-death-of-regionalism-in-korean-politics/> (accessed: 15.11.2021).
29. Korea – Regionalism // GlobalSecurity. Alexandria, 2017. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/world/rok/regionalism.htm> (accessed: 15.11.2021).
30. Young Voters Have Long Held the Keys to Electoral Victory / K. Harris, Y. Kwon et al. (eds.) // *Korea Economic institute of America*. Washington, DC, 2016. URL: https://keia.org/the-peninsula/young-voters-have-long-held-the-keys-to-electoral-victory/?utm_medium=email&_hsmi=202461754&_hsenc=p2ANqtz-9_s6U03HIXmA_bodqqdOH05BUCSTTTjkvt4QvAc1Bv5f9wcKqvqBY7bJRORqy2BhbGoI3eQhExzdhWUacTkY6NSUcjIA&utm_content=202461754&utm_source=hs_email (accessed: 02.02.2022).
31. Political leadership in Korea / D.S. Suh, C.J. Lee (eds.). University of Washington Press, 2014. 292 p.
32. Routledge Handbook of Korean Politics and Public Administration / C. Moon, M.J. Moon (eds.). Routledge, 2020. 528 p.

References

1. Boots, R.S. (1927) *Four American Party Leaders*. By Charles E. Merriam. (New York: The Macmillan Company. 1926. Pp. xvi, 104). *American Political Science Review*. 21(2). pp. 450–452.
2. Carlyle, T. (1993) *On heroes, hero-worship, and the heroic in history*. London: Oxford University Press.
3. Jennings, E.E. (1960) *An Anatomy of Leadership: Princes, Heroes and Supermen*. New York: Harper & Brothers.
4. Blondel, J. (1987) *Political Leadership: Towards a General Analysis*. London: Sage Publications.
5. Nhung-Binh, Ly. (2021) *Cultural Influences on Leadership: Western-Dominated Leadership and Non-Western Conceptualizations of Leadership*. [Online] Available from: http://www.hrpublishing.org/journals/article_info.php?aid=8763 (Accessed: 17th October 2020).
6. Paige, G.D. (1977) *The scientific study of political leadership*. New York: Free Press.
7. Burns, J.M. et al. (1978) *Leadership*. New York: Harper & Row.
8. Kim, C.N. & Center, E.W. (2007) Leadership for Nation Building: the Case of Korean Presidents. *Leadership*. 11(1). pp. 113–143.
9. Berman, E. & Haque, M.S. (2021) *Asian Leadership in Policy and Governance*. [Online] Available from: <https://www.emerald.com/insight/content/DOI: 10.1108/S2053-769720150000024027/full/html> (Accessed: 17th October 2020).
10. Baek Haksun. (2021) 백학순 세종연구소 전 사장과 인터뷰. – 대한민국. – 서울, 2021년 5월 3일 [Interview with Dr. Baek Haksun, former President of the Sejong Institute, South Korea, Seoul]. South Korea, Seoul, May 3, 2021
11. Choi Jin. (2021) 최진 대통령리더십연구원장인 대통령 리더십 및 심리경영 전문가와 인터뷰. – 대한민국. – 서울, 2021년 5월 4일 [Interview with Dr. Choi Jin, Director of the Presidential Leadership Research Institute and Leading Expert in Presidential Leadership and Mental Management, South Korea. Seoul]. 4th May 2021.
12. Kim Chung Nam. (2021) 김충남 박사인 대통령 리더십 전문가와 인터뷰. – 대한민국. – 서울, 2021년 6월 15일 [Interview with Dr. Kim Chung Nam, Presidential Leadership Expert, South Korea. Seoul]. 4th May 2021.
13. Kwon, T.H. (2022) *Population Change and Development in Korea*. [Online] Available from: <https://asiasociety.org/education/population-change-and-development-korea> (Accessed: 30th January 2022).
14. Duck-Woo, N. (1997) *The Korean Economy in the Era of Internationalization*. Seoul: Seoul Samsung Economic Research Institute. pp. 323–324.
15. Yonhap News Agency. (2015) S. Korea's GDP surges 31,000-fold since 1953: data. 10th August. [Online] Available from: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20150810006300320> (Accessed: 15th November 2021).
16. Dong-Jin, J. (2001) The characteristics and moral grounds of political leadership in modern Korea. *Korea Observer*. 32(3). pp. 379–407. [Online] Available from: <http://www.hawaii.edu/intlrel/pols605c/leadership/Modern%20Korea/jang.htm> (Accessed: 18th January 2022).
17. Eckert, C.J. (2010) Total war, industrialization, and social change in late colonial Korea. In: Duus, P., Myers, R.H. & Peattie, M.R. (eds) *The Japanese wartime empire, 1931–1945*. Princeton University Press. pp. 3–39.
18. Lee, C.M. (2020) *A Peninsula of Paradoxes: South Korean Public Opinion on Unification and Outside Powers*. Washington, DC. [Online] Available from: https://carnegieendowment.org/files/2020_UBB_final.pdf (Accessed: 18th January 2022).
19. Rossiter, C.L. (1948) Constitutional Dictatorship: Crisis Government in the Modern Democracies: Review by Karl Loewenstein. *The American Political Science Review*. 42(5). pp. 1006–1009.
20. Diamond, L. (1992) Economic development and democracy reconsidered. *American Behavioral Scientist*. 35(4-5). pp. 450–499.
21. House, R.J. et al. (eds) (2004) *Culture, leadership, and organizations: The GLOBE study of 62 societies*. Sage Publications.
22. Lun Yu. (2021) *Беседы i Suzhdeniya* [Conversations and Judgments]. [Online] Available from: https://modernlib.net/books/konfuciy/lun_yuy/read/ (Accessed: 15th November 2021).
23. Strnad, G. (2017) South Korean leaders in the politics of democratization. *International Journal of Korean Humanities and Social Sciences*. 3. pp. 147–168.
24. Nam, D.W. (1997) *Korea's Economic Growth in a Changing World*. Samsung Economic Research Institute.
25. The U.S. Central Intelligence Agency. (2021) *South Korea: the Dynamics of the Chun Regime*. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP84S00554R000100050002-1.pdf> (Accessed: 15th October 2020).
26. Lee Won Jong. (2013) 이원종. 시대적 소명과 대통령의 정치리더십. 동아시아연구원 [The Call of the Times and the Political Leadership of the President]. [Online] Available from: http://www.eai.or.kr/data/bbs/kor_report/2012052519415944.pdf (Accessed: 15th November 2021).
27. Se-Woong Koo. (2017) *The Potent Force of S Korea's Regionalism*. [Online] Available from: <https://www.koreaexpose.com/potent-force-koreas-regionalism/> (Accessed: 15th November 2021).
28. Lee, T. (2016) *The Death of Regionalism in Korean Politics?* [Online] Available from: <https://keia.org/the-peninsula/the-death-of-regionalism-in-korean-politics/> (Accessed: 15th November 2021).
29. GlobalSecurity. Alexandria. (2017) *Korea – Regionalism*. [Online] Available from: <https://www.globalsecurity.org/military/world/rok/regionalism.htm> (Accessed: 15th November 2021).

30. Harris, K., Kwon, Y. et al. (eds) *Young Voters Have Long Held the Keys to Electoral Victory*. Washington, DC: Korea Economic Institute of America. [Online] Available from: https://keia.org/the-peninsula/young-voters-have-long-held-the-keys-to-electoral-victory/?utm_medium=email&_hsmi=202461754&_hsenc=p2ANqtz-9_s6U03HIXmA_bodqqdOH05BUCSTTjkty4QvAc1Bv5f9wcKqvqBY7bJRORqy2BhbGoI3eQhExzdhWUacTkY6NSUcjIA&utm_content=202461754&utm_source=hs_email (Accessed: 2nd February 2022).
31. Suh, D.S. & Lee, C.J. (eds) *Political Leadership in Korea*. University of Washington Press.
32. Moon, C. & Moon, M.J. (eds) *Routledge Handbook of Korean Politics and Public Administration*. Routledge.

Сведения об авторе:

Бочарникова Марта Владимировна – аспирант, Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: bmartav@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Bocharnikova Marta V. – PhD Candidate, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bmartav@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.02.2022; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 23.02.2022; accepted for publication 06.05.2022

Original article

UDK 327

doi: 10.17223/19988613/77/11

Conflicts in Indochina and Lao PDR's Entry into ASEAN (1975-1997)

Phonkeo Vinavath

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, vinavathphonekeo@gmail.com

Abstract. The article examines the policy of the Lao PDR in connection with the conflict in Cambodia and the Sino-Vietnamese conflict, the influence of the Lao-Vietnamese alliance on Vientiane's relations with ASEAN. The author emphasizes that the reduction of conflict in Indochina at the end of the Cold War was the main prerequisite for Laos' accession to ASEAN.

Keywords: Laos, Vietnam, ASEAN, Chinese-Vietnamese conflict, alliance between Laos and Vietnam

For citation: Vinavath, P. (2022) Conflicts in Indochina and Lao PDR's Entry into ASEAN (1975-1997). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University Journal of History.* 77. pp. 95–98. doi: 10.17223/19988613/77/11

Научная статья

Конфликты в Индокитае и вступление Лаосской народно-демократической республики в АСЕАН (1975–1997 гг.)

Пхонкео Винават

Томский государственный университет, Томск, Россия, vinavathphonekeo@gmail.com

Аннотация. Цель статьи – выявление основных тенденций становления внешней политики ЛНДР в период камбоджийского и китайско-вьетнамского конфликтов в контексте отношений Вьентьяна с АСЕАН. Опираясь на официальные документы, периодику второй половины 1970-х – 1980-х гг. и исследовательскую литературу, автор анализирует контекст формирования внешней политики ЛНДР, отношения Вьентьяна с Ханоем, Пекином и Бангкоком, первые попытки Лаоса наладить отношения с АСЕАН и, наконец, его вступление в эту региональную организацию.

Краеугольным камнем внешней политики революционного Лаоса был союз с Вьетнамом. Нейтралитет не являлся для Лаоса жизнеспособным вариантом, поскольку был чреват риском превращения страны в арену борьбы за влияние между соседними государствами. Однако на начальном этапе союз с Вьетнамом сохранял для Лаоса значительную свободу действий, позволяя Вьентьяну поддерживать рабочие отношения с Китаем и Таиландом. Вмешательство Вьетнама в камбоджийский конфликт и китайско-вьетнамская война 1979 г. повысили зависимость Лаоса от Вьетнама. Отношения ЛНДР с Китаем и Таиландом приобрели враждебный характер. АСЕАН стала воспринимать Вьетнам как угрозу региональной безопасности, распространяя это видение и на Лаос. Отдельные приграничные районы тайско-лаосской границы стали зонами военных столкновений, иногда описываемых в литературе как пограничные войны.

Конец холодной войны и экономический кризис во Вьетнаме заставили Ханой вывести войска из Камбоджи и проявить готовность к решению камбоджийской проблемы путем переговоров. Лаос также начал рыночные реформы и политику привлечения иностранных инвестиций. Страна нормализовала отношения с Китаем и Таиландом. Граница с Китаем была открыта для торговли и пересечения гражданами.

После того как Парижские соглашения 1991 г. определили параметры политического урегулирования камбоджийского конфликта, АСЕАН запустила проект «Единой Юго-Восточной Азии». На сингапурском саммите 1992 г. АСЕАН провозгласила формирование нового регионального порядка, объединяющего все нации Юго-Восточной Азии в мире, прогрессе и процветании, и взяла обязательство сформировать более тесные отношения с государствами Индокитая. Вьетнам и Лаос подписали Договор 1976 г. о дружбе и сотрудничестве, основополагающий документ АСЕАН, после чего Ханой и Вьентьян получили статус наблюдателей в Ассоциации. В 1995 г. Вьетнам вступил в АСЕАН, вступление Лаоса последовало в 1997 г.

Автор приходит к выводу, что окончание холодной войны явились благоприятным для Лаоса, позволив стране начать получать выгоды от развития регионального сотрудничества. Членство в АСЕАН сделало страну частью широкого восточноазиатского сообщества, а не глубоко периферийным государством, замкнутым в Индокитае. При этом союз с Вьетнамом остался постоянным элементом внешней политики Вьентьяна, обеспечивая Лаосу гарантии безопасности, но ограничивая его пространство для маневра.

Ключевые слова: Лаос, Вьетнам, АСЕАН, китайско-вьетнамский конфликт, лаосско-вьетнамский союз

Для цитирования: Винават П. Конфликты в Индокитае и вступление Лаосской народно-демократической республики в АСЕАН (1975–1997 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 95–98. doi: 10.17223/19988613/77/11

Historically, Laos was a buffer state located between Vietnam and Thailand. This position changed after the 1975 Revolution. In the context of the Cold War and the Sino-Soviet rivalry, neutrality was an unsustainable option for Laos. For the sake of national consolidation and survival as a sovereign state, it had to be aligned with one of the three powers, China, Thailand or Vietnam. Otherwise, it would have been ripped apart into zones of influence. The common revolutionary history and shared ideological values predetermined the forging of the union with Vietnam.

From the outset, the fundamental characteristic of Lao PDR's foreign policy was its alliance with Vietnam. In July 1977 Laos and Vietnam signed a 25-year Treaty on Friendship and Cooperation officially establishing the "special relationship" between the countries [1. P. 8]. The Treaty is renewed every ten years and has protocols on joint defense and on economic cooperation.

However, in 1975-1978 the Laotian leadership tried to pursue a balanced foreign policy within the confines of the "special relationship". It successfully avoided conflicts with China and even maintained diplomatic relations with the US. But in December 1978 the Vietnamese invasion of Cambodia provoked by the Khmer Rouge regime became a disaster for the relations between Laos and China. Initially, Laos was in no hurry to condemn China's retaliatory incursion into Vietnam. However, in March 1979, under pressure from Hanoi, it issued a harsh condemnation of China. The border with China was closed. Beijing was requested to withdraw all its construction workers and reduce the Embassy staff to twelve, the same number that the US Embassy had. Ambassadors were withdrawn [2. P. 195–196]. Unsurprisingly, relations with Thailand whose government supported China deteriorated sharply.

A contingent of 50 000 Vietnamese troops, more than the whole of Laotian national army, was moved into the country by 1980, precluding China from opening a second front in the Sino-Vietnamese conflict [3]. It was only in 1987-1988 that the Vietnamese troops were withdrawn as Hanoi and Beijing agreed to de-escalate tensions.

On the whole, Vietnamese advisors and technicians made an enormous contribution to the economic development of Laos helping the country to build bridges, roads, a pipeline from Vinh to Vientiane, to develop iron ore deposits [4. P. 212]. In the late 1970s-1980s, Vietnam had advisers at all the Laotian ministries with the exception of Ministry for Foreign Affairs. Laotian army largely depended on Vietnam for training, and Vietnamese advisers were attached to the staff of most Lao Army units at battalion level. However, the Lao-Vietnamese special relationship never implied the subordination of Vientiane to Hanoi. It is a relationship of "consultation, cooperation, coordination and reciprocal influence" [5. P. 170], and Laos often acted independently of Vietnam.

In March 1979, Laos signed the Agreement on Economic, Cultural, Scientific and Technical Cooperation with Kampuchea. Tripartite cooperation of Vietnam, Laos

and Cambodia (Kampuchea) began, with regular meetings of foreign ministers and joint economic planning. Laos was also developing close ties with the Soviet Union. At the same time Hanoi expressed strong displeasure at Vientiane's cautious steps to improve relations with the US undertaken in 1982-1984, and Laos stepped back [2. P. 201–202].

In the late 1970s - early 1980s, Vientiane saw China mostly as a threat, especially in light of the Chinese support of anti-government activities of the Hmong and Yao tribes in the mountain regions bordering China. China also helped Lao insurgents acting from Thailand. From the Laotian perspective, one of Beijing's objectives was to instigate conflicts between ASEAN nations and the states of Indochina.

Relations between Laos and Thailand were uneven, with Vientiane blaming the Chinese influence on Bangkok for the Thai hostility. The two border conflicts between Laos and Thailand happened in the 1980s. The first broke out in mid-1984 over the possession of three border villages in Laos Sayaboury province [6. P. 114–115]. In 1987-1988 Thailand and Laos fought a three-month war over another disputed area. The conflict ended in a stalemate, leaving 103 dead on the Thai side and 340 dead on the Laotian side [2. P. 203–204].

The second outbreak appears to have been sparked by trade disputes, in particular by differences over logging operations. A ceasefire was arranged, but diplomatic talks were stalled by differing interpretations of the Franco-Siamese treaty of 1907 defining the Thai-Laotian border. At the same time, the normalization of relations with Thailand was necessary for Laos for economic reasons, to facilitate trade and reduce transportation costs.

The Vietnamese intervention in Cambodia effectively blocked the relations between Laos and ASEAN. While Hanoi initially saw ASEAN as an imperialistic ploy, in 1976-1977 Vietnam and Laos started showing a more benevolent attitude toward ASEAN. The Vietnamese foreign minister visited all ASEAN countries except Singapore in December 1977 – January 1978 and called for Southeast Asia becoming an area of "peace, independence and neutrality" [7. P. 184]. However, Vietnam's intervention into Cambodia resulted in Southeast Asia splitting into two antagonistic groups, ASEAN and the three Communist Indochinese states. In the words of Amitav Acharya, Vietnam's ambitions for leadership in Indochina even "provided ASEAN with a new sense of unity and purpose" [Ibid. P. 181].

In January 1979 ASEAN foreign ministers meeting insisted on respect for Cambodian sovereignty and denounced the change of government in Phnom Penh. ASEAN denied recognition to the Vietnamese-installed government and was the main driving force behind the formation of the Cambodian government in exile. The Organization lobbied successfully for the UN recognition of the government in exile in 1982. Vietnam did not object to discussing ASEAN's security concerns linked with its intervention into Cambodia. It hinted at establishing

the demilitarized zone on the Thailand – Cambodia border and suggested signing non-aggression pacts with ASEAN countries. However, Hanoi adamantly refused the ASEAN members' idea of convening an international conference on Cambodia [8. P. 53–54]. The Vietnamese occupation of Cambodia, with occasional military raids into Thailand where the Khmer Rouge retreated, made Thailand and Singapore see Vietnam as their major national security threat.

The easing of Cold War rivalries brought about a thaw in ASAEN-Vietnamese and ASEAN-Laotian relations. In the end of the 1980s, Malaysia and Indonesia already started discussions of Vietnam's eventual ASEAN membership [7. P. 199]. Economic reforms in Vietnam and Laos and the normalization of Thai-Vietnamese relations were the key factors of rapprochement. In April 1989, Vietnam changed its course on Cambodia. Cognizant of the heavy economic costs of continued military intervention, Hanoi announced that it would pull its troops out of Cambodia by September irrespective of the political resolution of the Cambodian problem [9].

The cooling of Cold War rivalries in the second half of the 1980s allowed Laos to start a gradual return to a more balanced foreign policy. In 1986, a high-profile Chinese delegation visited Vientiane. The trade agreement was signed, and Beijing promised that it would not support Laotian insurgents [2. P. 202]. The border with China was reopened for trade and crossings in 1992.

Meanwhile Laos faced a grave economic crisis in the late 1980s. The small population and country's landlocked position were impediments to industrialization by import substitution and export orientation [10. P. 16–17]. Laos followed Vietnam in starting market reforms while retaining socialism as a strategic objective. In 1986, the New Economic Mechanism was introduced aimed at decentralization, stimulating economic growth and raising low living standards [11].

The 1991 Constitution guaranteed private property and protected foreign investments [12]. The floating exchange rate of Laotian currency, the kip, was introduced. In agri-

culture where 86% of population were employed the market transition was made easier by the fact that collectivization in Laos had never advanced, having been officially suspended as early as in 1979. Most of agricultural cooperatives were later disbanded, as recommended by Vietnamese and Soviet advisors [5. P. 174–176]. In March 1994, Laos passed a law on the promotion of foreign investment [13]. At the same time Laos was a major recipient of official development aid provided by Japan, Australia and the major European countries.

In the final years of the Cold War, Vietnamese and Laotian national security interests grew closer to those of ASE members. What Hanoi now mainly pursued were "appropriately balanced relations with great powers" [7. P. 201]. After the Paris agreements of 1991 had brought a political settlement to the Cambodian conflict, ASEAN launched the "One South East Asia" project.

At the 1992 Singapore summit ASEAN proclaimed "a new regional order that embraces all nations of South East Asia in peace, progress and prosperity" and pledged to "forge a closer relationship with the Indo-Chinese countries" [14]. The 1976 Treaty on Amity and Cooperation, the cornerstone of ASEAN, was signed by Vietnam and Laos, and Hanoi and Vientiane were granted observer status at the ASEAN. In 1995 Vietnam joined ASEAN. Laos and Myanmar followed in 1997 and Cambodia in 1999.

The end of the Cold War, the shifts in the Chinese and Vietnamese foreign policies and the political settlement of the Cambodian conflict allowed for the intensification of subregional cooperation. The Greater Mekong Subregion (GMS) concept resulted from the studies conducted by the Asian Development Bank in the early 1990s. The concept emphasized cooperation in trade, investment, transport infrastructures, telecommunications, energy, environmental management, human resource development [15]. Laos is in the very center of GMS as it borders four subregional countries and China. The GMS was finally established in 1995 encompassing Cambodia, Laos, Myanmar, Thailand, Vietnam and the Chinese province of Yunnan.

References

1. China. (1983) Treaty on Friendship and Cooperation between the Lao People's Democratic Republic and the Socialist Republic of Vietnam. *Chinese Law and Government*. 1. pp. 8–12.
2. Stuart-Fox, M. (1991) Foreign Policy of the Lao People's Democratic Republic. In: Zasloff, J.J. & Unger, L. (eds) *Laos: Beyond the Revolution*. Houndsills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan. pp. 192–213.
3. Washington Post. (1979) Laos, Thailand Feel Repercussions of Indochina Fighting. 10th March. [Online] Available from: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1979/03/10/laos-thailand-feel-repercussions-of-indochina-fighting/af4eeb2a-5f20-452e-9d10-bef4512d9165/> (Accessed: 5th May 2022)
4. Farrell, E.C. (1998) *The Socialist Republic of Vietnam and the Law of Sea: An Analysis of Vietnamese Behavior within the Emerging International Ocean Regime*. The Hague: Kluwer.
5. Cole, R. & Ingalls, M.L. (2020) Rural Revolutions: Socialism, Market and Sustainable Development of the Countryside in Vietnam and Laos. In: Hansen, A., Inge Bekkevold, J. & Nordhaug, K. (eds) *The Socialist Market Economy in Asia: Development in China, Vietnam and Laos*. London: Palgrave Macmillan. pp. 167–194.
6. Dommen, A. (1985) Laos in 1984: The Year of the Thai Border. *Asian Survey*. 1. pp. 114–121.
7. Acharaya, A. (2012) *The Making of Southeast Asia: International Relations of a Region*. Ithaca, N.Y., L.: Cornell University Press.
8. Jones, D.M. & Smith, M.L.R. (2006) *ASEAN and East Asian International Relations: Regional Delusion*. Cheltenham, UK, Northhampton, MA: Edward Elgar.
9. The New York Times. (1989) *Vietnam Promises Troops Will Leave Cambodia by Fall*. 6th April. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/1989/04/06/world/vietnam-promises-troops-will-leave-cambodia-by-fall.html>
10. Hansen, A., Inge Bekkevold, J. & Nordhaug, K. (eds) *The Socialist Market Economy in Asia: Development in China, Vietnam and Laos*. London: Palgrave Macmillan. pp. 3–27.
11. Lao National Chamber of Commerce and Industry. (n.d.) *Lao Economic Overview*. [Online] Available from: <https://lncci.la/lao-economic-overview/>
12. Lao People's Democratic Republic. (n.d.) *Constitution of the Lao People's Democratic Republic*. [Online] Available from: https://www.parliament.go.th/ewtadmin/ewt/ac/ewt_dl_link.php?nid=119&filename=parsystem2 (Accessed: 5th May 2022).
13. Lao People's Democratic Republic. (1994) *Law on the Promotion and Management of Foreign Investment in the Lao People's Democratic Republic, March 14, 1994*. [Online] Available from: https://www.wto.org/english/thewto_e/acc_e/lao_e/wtacclao3a1_leg_25.pdf (Accessed: 5th May 2022).

14. ASEAN. (1992) *Singapore Declaration of January 28, 1992*. [Online] Available from: <https://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/asean/19920128.D1E.html> (Accessed: 5th May 2022).
15. *The Greater Mekong Subregion*. [Online] Available from: <https://greatermekong.org/about> (Accessed: 5th May 2022).

Information about the author:

Vinavath Phonkeo – Post-Graduate Student of the Department of World Politics of the Faculty of Historical and Political Sciences of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vinavathphonekeo@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Сведения об авторе:

Винават Пхонкео – аспирант кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vinavathphonekeo@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 04.05.2022; accepted for publication 06.05.2022

Статья поступила в редакцию 04.05.2022; принята к публикации 06.05.2022

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья

УДК 929. 94

doi: 10.17223/19988613/77/12

Историки об историке: памяти Лидии Николаевны Корневой, доктора исторических наук, профессора Кемеровского государственного университета

Светлана Владимировна Арапина¹, Галина Гавриловна Супрыгина²

¹ Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, arapina77@mail.ru

² Томский государственный университет, Томск, Россия, askis@ngs.ru

Аннотация. Публикация посвящена профессору исторического факультета Кемеровского государственного университета Лидии Николаевне Корневой. Она останется в памяти коллег как талантливый лектор, ученый-историограф, наставник молодежи, организатор. Л.Н. Корнева внесла большой вклад в дело объединения сибирских германистов, была одним из организаторов и руководителей Западносибирского центра германских исследований, содействовала установлению связей с коллегами из ближнего и дальнего зарубежья.

Ключевые слова: Л.Н. Корнева, германистика в Сибири, Западносибирский центр германских исследований

Для цитирования: Арапина С.В., Супрыгина Г.Г. Историки об историке: памяти Лидии Николаевны Корневой, доктора исторических наук, профессора Кемеровского государственного университета // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 99–106. doi: 10.17223/19988613/77/12

Original article

Historians about the historian: in memory of Lydia Nikolaevna Korneva, doctor of historical sciences, professor of Kemerovo State University

Svetlana V. Arapina¹, Galina G. Suprygina²

¹ Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation, arapina77@mail.ru

² Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, askis@ngs.ru

Abstract. The article is dedicated to the memory of Lidia Nikolaevna Korneva, Professor of Kemerovo University. She was born in 1943, in the city of Stalinsk (now Novokuznetsk) in the Kemerovo region. After graduating from the high school, she studied at the Faculty of History and Philology of Tomsk State University. In 1974 she defended her PhD thesis on the historiography of National Socialism in the Federal Republic of Germany. In 1979, Lidia Nikolaevna was invited to work at the Department of World History of Kemerovo State University (KemSU). Thanks to the initiatives of professor Yu. V. Galaktionov and L. N. Korneva the department acquired the status of a new Siberian-German research center in the region.

In 1999, on the basis of KemSU, the West Siberian Center for German Studies (WSCGS) was established. L. N. Korneva was one of the organizers and participants of its numerous scientific events. In her speeches on historiography of Germany, she noted the emergence of new trends, rethinking, discussions (such as the “dispute of historians”), the actualization of the Holocaust, the influence of the end of the Cold War on historical science of Germany, the disintegration of the USSR. Korneva L. N. gave competent assessments of the reasons for the strengthening of revisionist tendencies in the historiography of National Socialism. An important place in her scientific work was occupied by the study of the specifics of the historiography of National Socialism in the GDR. She participated in the discussions about the identity and differences of the totalitarian regimes of the XX century.

The most significant project of the West Siberian Center for German Studies was a publishing of a 3-volume textbook about the history of Germany. The most significant project that German historians of Western Siberia managed to implement was the publication of a 3-volume textbook on the history of Germany. L. N. Korneva was not only one of the

authors of the textbook, but also the executive editor of the third volume. In 2007 Lidia Nikolaevna defended her doctoral thesis. In the 2000s, she was a successful supervisor of 6 postgraduate students.

From 2005, Lidia Nikolaevna until October 2020 headed the Under her leadership the textbook "Social Policy and the Social State in Germany" was published in 2014.Under her leadership, in 2014, the textbook "Social Policy and the Welfare State in Germany" (455 pages) was published.

The latest events held by L. N. Korneva as Chairman of WSCGS were the publication of the 9th edition of "German Research in Siberia" and an international conference in November 2018 dedicated to the memory of Professor Bonvec, a German colleague, friend and co-founder of WSCGS. L. N. Korneva was a highly qualified teacher and had a broad erudition.

The life of Lydia Nikolaevna Korneva ended on October 26, 2020. With her departure WSCGS also ceased to exist but it Thanks to this organization, the first twenty years of the 21st century will remain in the memory of many Russian scientists as the time of the rise of German studies in Siberia.Lidia Nikolaevna Korneva also made her contribution to this rise.

Keywords: L.N. Korneva, German studies in Siberia, West Siberian Center of German Studies

For citation: Arapina S.V., Suprygina G.G. (2022) Historians about the historian: in memory of Lydia Nikolaevna Korneva, doctor of historical sciences, professor of Kemerovo State University. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University Journal of History.* 77. pp. 99–106. doi: 10.17223/19988613/77/12

Лидия Николаевна Корнева родилась 22 декабря 1943 г. в городе Сталинске (ныне г. Новокузнецк) Кемеровской области. В этом городе в 1961 г. она окончила среднюю школу № 11. После успешной сдачи приемных экзаменов поступила на историко-филологический факультет Томского государственного университета. Для ТГУ 1960-е гг. были временем позитивных перемен. Новый ректор профессор Александр Иванович Данилов (1961–1967) поставил задачу становления ТГУ в качестве крупнейшего и авторитетнейшего регионального учебно-научного центра за Уралом. Значительные преобразования произошли и на ИФФ. На факультете появились новые научные направления, кафедры, внедрялись новые формы учебного процесса. Профессор А.Н. Данилов впервые в стране стал читать курсы по методологии и историографии всеобщей истории. При нем в образовательную программу ИФФ были введены спецкурсы и спецсеминары, созданы так называемые спецгруппы – учебные группы с усиленным изучением иностранного языка (английского или немецкого). Все это было направлено на повышение профессиональной подготовки студентов, приобретение ими навыков, позволяющих проводить более качественные научные исследования [1].

А.И. Данилов создал на ИФФ школу историографов, к которой принадлежали Б.Г. Могильницкий, Н.С. Черкасов, А.А. Говорков, Л.Г. Сухотина, Г.И. Пелих и др. Все они были учителями Л.Н. Корневой и значительно повлияли на формирование ее профессиональных и личностных качеств. Но самое большое воздействие на ее становление как исследователя-историографа в студенчестве и в годы аспирантуры оказал Николай Сергеевич Черкасов. Он был одним из самых ярких и талантливых преподавателей на факультете, не жалевшим сил, чтобы привить своим ученикам навыки научного труда. Н.С. Черкасов – общепризнанный основатель школы германистики в Сибири, спецификой которой является «комплексное, включающее теоретико-методологические и конкретно-исследовательские аспекты изучение истории» [2. С. 240]. Лидия Николаевна обучалась в немецкой спецгруппе, и это определило ее выбор специализации – история Германии, и научного руководителя Н.С. Черкасова. Она сотрудничала с ним три десятилетия и своей преподавательской

деятельностью, научными трудами, научно-организационной работой доказала, что усвоила его установки.

После окончания ТГУ Л.Н. Корнева более года работала преподавателем немецкого языка на кафедре немецкого и французского языков в Томском государственном университете. Затем в связи с переездом в Новокузнецк она с декабря 1968 г. преподавала в Сибирcком металлургическом институте (СМИ) по кафедре КПСС. В 1971 г. она поступила в аспирантуру Томского государственного университета. Трудолюбие, упорство позволили Лидии Николаевне под руководством Н.С. Черкасова написать и в 1974 г. защитить кандидатскую диссертацию на тему: «Проблема сущности германского фашизма и взаимоотношений крупного капитала с национал-социалистической партией в 1919–1933 гг. в буржуазной историографии ФРГ». В то время историографические исследования проблем национал-социализма были сравнительно редким явлением, поэтому работа Л.Н. Корневой сразу получила признание советских ученых-германистов.

В СМИ в октябре 1975 г. она была избрана по конкурсу старшим преподавателем, в июле 1976 г. – доцентом межвузовской кафедры КПСС. Наличие научной степени, постоянное совершенствование учебных курсов и интенсивная методическая и научная работа привлекли к ней внимание руководства Кемеровского государственного университета. В 1979 г. Лидия Николаевна была приглашена на кафедру всеобщей истории КемГУ на должность старшего преподавателя, а в декабре этого же года избрана по конкурсу на эту должность.

На новой работе ей пришлось осваивать другую специализацию, разрабатывать новые курсы (в первые годы она вела занятия по истории Востока и истории стран Латинской Америки), совершенствовать преподавательские компетенции, что способствовало расширению ее кругозора и сказывалось на качестве ее научных исследований. В 1984 г. Л.Н. Корнева была избрана по конкурсу на должность доцента, в 1986 г. ей было присвоено звание доцента. Для студентов исторического факультета КемГУ Лидия Николаевна многие годы читала курс лекций по Новой истории стран Европы и США (1870–1918), неизменно вызывая

у студентов интерес к специфике истории региона, его героям и тем, кто шел за ними.

Важным фактором, который содействовал профессиональному росту Л.Н. Корневой, стало назначение в 1987 г. на должность заведующего кафедрой всеобщей истории¹ Юрия Владимировича Галактионова, который был одним из немногих в стране специалистов по отечественной историографии национал-социализма. Он, как и Лидия Николаевна, принадлежал к научной школе Н.С. Черкасова. По инициативе Ю.В. Галактионова главным направлением научной работы коллектива кафедры было выбрано изучение истории Германии, одним из значимых ее сегментов стала историография национал-социализма. Уже в 1988 г. в издательстве КемГУ из печати вышло учебное пособие «Марксистская историография германского фашизма», подготовленное Н.С. Черкасовым, Ю.В. Галактионовым и Л.Н. Корневой [3].

В 1990-е гг. кафедра новой и новейшей истории КемГУ благодаря инициативам Ю.В. Галактионова и Л.Н. Корневой, поддержаным ректоратом и коллегами, постепенно приобретает в регионе статус нового научного центра сибирской германистики. Они успешно развивали связи с коллегами из университетов и научных учреждений Сибири и европейской части России, которые занимались германистикой.

1990-е годы, как известно, были отмечены распадом СССР, трудными и неоднозначными трансформациями во всех общественных сферах. Но одновременно эта эпоха характеризовалась появлением условий для отхода от чрезмерной идеологизации исторической науки, возможностями применять новые методологические подходы для анализа исторических процессов, исследовать табуированные ранее темы, проводить открытые дискуссии.

Поворотным моментом в развитии германистики в Кемеровском государственном университете и в научной деятельности Лидии Николаевны явилось знакомство с немецким ученым, профессором Бернхардом Бонвичем, заведующим кафедрой восточноевропейской истории одного из лучших вузов ФРГ – Рур-Университета (г. Бохум) [4]. С ним на первом российско-германском коллоквиуме в Берлине в ноябре 1992 г., менее чем за год до своей преждевременной смерти, встретился Н.С. Черкасов и установил деловые контакты. Профессор Бонвич в 1993 г. совершил ознакомительную поездку в Кемерово и Томск. По инициативе Ю.В. Галактионова (ее поддержал ректор КемГУ Ю.А. Захаров) профессор Бонвич прочел на историческом факультете ряд курсов лекций для преподавателей, аспирантов и студентов по истории России и Германии [4. С. 30].

Кафедра новой и новейшей истории КемГУ усилила свои позиции путем открытия в 1994 г. аспирантуры по специальности историография, источниковедение и методы исторического исследования. Престиж ее вырос и в связи с защитой в 1997 г. Ю.В. Галактионовым докторской диссертации на тему «Отечественная историография германского фашизма (20-е годы – первая половина 90-х гг.)». Этому же способствовала и победа проекта коллектива кафедры, возглавляемого

ее заведующим, – «Феномен национал-социализма. Взгляд историков Германии и России» – в конкурсе грантов РФФИ в области гуманитарных наук на 1998–2000 гг. Лидия Николаевна была одним из ведущих исполнителей гранта. В 1998 г. она опубликовала учебное пособие «Германский фашизм: немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма (1945 – 90-е годы)» [5]. Эта работа стала основой ее будущей докторской диссертации.

Систематический характер связи между историками Рурского и Кемеровского университетов приобрели после заключения официального договора о сотрудничестве по немецкой программе Александра Герцена сначала на три, а затем еще на два года (1998–2003). Договоры о партнерстве уже были заключены с университетами Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Волгограда, Екатеринбурга, но за Уралом это было первое соглашение такого рода.

Плодотворное сотрудничество привело Б. Бонвича и Ю.В. Галактионова к мысли создать в Кемеровском госуниверситете постоянно действующую структуру, которая объединяла бы всех ученых-германистов региона, ставила общие цели и координировала их работу. Этот проект был поддержан руководством факультета и университета. Итогом обсуждений стало учреждение в КемГУ в 1999 г. Западносибирского центра германских исследований (ЗСЦГИ) – первой в России межрегиональной общественной организации, объединившей историков-германистов. Руководителем Центра стал Ю.В. Галактионов, а Л.Н. Корнева – его заместителем. Вскоре в Томске, Барнауле и Новосибирске были созданы отделения ЗСЦГИ. Руководители Центра делали все возможное, чтобы в его научных мероприятиях участвовало как можно больше ученых-германистов из других городов Сибири, а также преподавателей кафедр отечественной истории сибирских вузов, политологов, лингвистов и литераторов. Лейтмотивом совместной работы был выбран сравнительный анализ истории России и Германии. При учреждении ЗСЦГИ было решено, что организация будет регулярно издавать выпуски сборников статей и материалов «Германские исследования в Сибири».

Л.Н. Корнева плодотворно использовала новые возможности для научной работы, которые появились в связи с договором о партнерстве между Рурским университетом и КемГУ, особенно после создания ЗСЦГИ. В 2000 и 2001 гг. она стажировалась в Рур-Университете в Бохуме, где в библиотеках и архивах изучила широкий круг документов, источников и литературы о современной историографии национал-социализма в ФРГ, которые позволили ей составить более полное представление о ее новых тенденциях. Крайне полезным для нее оказалось и содействие профессора Бонвича в установлении прямых контактов с такими маститыми специалистами по национал-социализму, как Н. Фрай, В. Бенц, Х. Моммзен, Х.-Г. Нольте, Б. Фауленбах, Ю. Царуски и др., которые помогли ей своими консультациями и размышлениями.

Л.Н. Корнева со времен своей аспирантуры всегда активно участвовала в конференциях по проблемам методологии и историографии, которые регулярно

проводились в Томске, а затем в Кемерово. С конца 1980-х гг. география их значительно расширилась. Она уже была известна как серьезный ученый-историограф и часто получала приглашения на российские и международные конференции за пределами сибирского региона: в Москве, Екатеринбурге, Волгограде, Вологде, Липецке, Перми, Челябинске, Ярославле и др.

После создания Центра важнейшим направлением его работы на протяжении 2000–2018 гг. стала организация международных конференций, коллоквиумов, школ, круглых столов, чтений. На них обсуждались проблемы преодоления тоталитаризма и развития демократии в Германии и России, итоги Второй мировой войны, специфика тоталитарного менталитета и др. Они всегда были представительными, в них наряду с германистами из многих городов России участвовали ученые из Германии, а также из Белоруссии, Украины, Казахстана, Армении. Л.Н. Корнева была одним из главных организаторов и участников всех научных мероприятий ЗСЦГИ. В своих докладах и выступлениях Лидия Николаевна фиксировала возникновение в историографии ФРГ новых направлений, дискуссий, переосмыслений, таких как, например, «спор историков», актуализация Холокоста, влияние на историческую науку и историографию окончания холодной войны, распада СССР. Она давала компетентные оценки метаморфозам политики «преодоления прошлого», истокам и обоснованию ревизионистских тенденций в исторической науке ФРГ, «историизации» национал-социализма. Лидия Николаевна участвовала в обсуждении болезненной для немцев проблемы, которая возникла еще в эпоху оккупационного режима, но не утратила актуальности до наших дней, – вопроса о вине и ответственности немцев за преступления нацистского режима. Составной ее частью является современная полемика в науке и обществе о (не)виновности «неприкасаемых»: вермахта, дипломатов, политической юстиции, женщин и др. Не последнее место в ее научной работе отводилось изучению специфики историографии национал-социализма в ГДР. Свой вклад она внесла и в дискуссии о тождестве и различиях тоталитарных режимов XX в., которые неоднократно проводились на конференциях ЗСЦГИ. Следует отметить, что она вслед за своим учителем Н.С. Черкасовым, несмотря на критические высказывания, демонстрировала «уважение и любовь к Германии, понимание ее трудной исторической судьбы» [2. С. 240].

Самым амбициозным проектом, который удалось осуществить западносибирским историкам-германистам из Кемерово, Томска, Барнаула и Новосибирска за 2001–2003 гг. под руководством профессоров Б. Бонвеча и Ю.В. Галактионова², явилось издание трехтомного учебного пособия по истории Германии [6]. Финансовую поддержку проекту оказывал фонд Фольксвагена, что дало возможность 11 авторам стажироваться в Германии. Учебное пособие состоит из двух томов текстов и третьего тома, в котором собраны наиболее важные документы, характеризующие сущностные черты рассматриваемых эпох. Академик Л.О. Чубарьян в «Обращении к читателям», написанном им ко второму изданию пособия (Москва, 2008),

назвал этот труд новаторским и отметил, что его авторам, удалось «последовательно и системно представить в рамках одного учебного пособия всю историю Германии, начиная от эпохи древних германцев и заканчивая началом XXI века» [7. С. 8–9].

Лидия Николаевна выступила не только в роли одного из авторов пособия, подготовив для второго тома главу IV «Германия в годы нацистской диктатуры (30 января 1933 г. – 8 мая 1945 г.)», но и в качестве ответственного редактора третьего тома. Его общий объем составляет 543 страницы и содержит более 500 документов, большинство из которых никогда не переводилось на русский язык. Она кропотливо выполнила задачу, поставленную при разработке концепции третьего тома, которая предполагала, что он должен иметь особую, автономную ценность, поскольку «даст возможность студентам работать с документами и пытаться самостоятельно интерпретировать те или иные события» [Там же. С. 9]. В итоге Л.Н. Корнева добилась относительного единства в подборе документов: по их типу, содержанию, комментариям, оформлению, отдавая предпочтение тем материалам, которые ранее не были доступны российским исследователям. Она сделала авторский перевод с немецкого языка документов к своей главе, иллюстрирующих еще малоисследованные в то время аспекты социальной, культурной политики и повседневности немцев в годы национал-социализма.

Лидия Николаевна поддерживала творческие связи и с Германским историческим институтом в Москве, который был открыт в 2005 г. благодаря многолетним усилиям профессора Бонвеча. Она неоднократно пользовалась фондами этого института, завершая работу над докторской диссертацией на тему «Германская историография национал-социализма: проблемы исследования и тенденции современного развития (1985–2005 гг.)», которую она блестяще защитила в 2007 г. в КемГУ [8]. Защита показала, что она входит в число лучших отечественных историографов, ее публикации появились и за рубежом. В 2008 г. она была избрана на должность профессора по кафедре новой и новейшей истории и международных отношений.

В 2000-е гг. Л.Н. Корнева успешно выступила и в роли научного руководителя группы аспирантов, большинство из которых являлись ее единомышленниками и помощниками в организации работы ЗСЦГИ. В работе с аспирантами она нередко выходила за рамки проблематики, которая была ее специализацией. Накопленный Лидией Николаевной опыт участия в конференциях, посвященных сопоставлению различных тоталитарных режимов, позволил ей выйти за рамки германских исследований и результативно помочь Н.Г. Костроминой провести исследование по теме «Теория и практика тоталитаризма в оценке французской исторической и политической мысли в XX веке». В 2006 г. соискательница защитила свою неординарную диссертацию. В том же году состоялась и защита ее аспирантки С.В. Арапиной по теме: «Германский трудовой фронт: создание и деятельность (1933–1939 гг.)». Эта работа ликвидировала многие «белые пятна» в исследовании самой массовой организации

нацистов, численность которой превышала 20 млн человек.

Л.Н. Корнева помогла завершить диссертационные исследования двум молодым преподавателям – Е.А. Жаронкиной и А.В. Равнушкину, которые начинали свои исследования у Ю.В. Галактионова, но после его кончины остались без консультанта. Она оперативно погрузилась в изучение проблем Германии эпохи оккупационного режима, которыми ранее не занималась, и успешно выступила в роли их научного руководителя. А.В. Равнушкин уже в 2007 г. защитил свою примечательную новизной диссертацию «Осуществление Потсдамских соглашений в английской оккупационной зоне в 1945–1949 гг.». Положительный отклик в научной среде вызвала и диссертация Е.А. Жаронкиной «Политика американских оккупационных властей по денацификации и денационализации в Западной Германии», которую она успешно защищила в 2009 г.

Лидия Николаевна далеко вышла за пределы своих традиционных исследовательских интересов и в случае с Г.В. Торопчиным, выпускником отделения международных отношений, который пришел к ней со своей идеей будущей диссертации. После обсуждения она получила название ««Ядерный фактор» в политике нейдерных стран. Австралийский Союз и Федеративная Республика Германия (1991–2011 гг.)»: сравнительная характеристика». В 2015 г. Г.В. Торопчин стал кандидатом исторических наук. Схожая ситуация сложилась с ее аспирантом А.Е. Антоновым, который в 2017 г. защитил диссертацию о правом экстремизме и радикализме в современной ФРГ.

Свой вклад в дело подготовки молодых ученых Л.Н. Корнева внесла и активным участием в работе Института истории и международных отношений и жизни Кемеровского государственного университета. Она была членом диссертационного совета Д 212.088.08 по историческим специальностям при КемГУ. Лидия Николаевна имела благодарности и премии КемГУ за высокие учебные и научные достижения, награды городской и областной администраций.

В 2006 г. при поддержке Германского исторического института Лидия Николаевна вместе с коллегами подготовила к изданию том с избранными трудами основателя и первого руководителя ЗСЦГИ Ю.В. Галактионова в знак уважения к его огромному вкладу в развитие сибирской германистики – созданию научной школы германистики в КемГУ [9].

После кончины Ю.В. Галактионова в 2005 г. Лидия Николаевна до октября 2020 г. возглавляла ЗСЦГИ и делала все возможное для продолжения его деятельности. Она систематически занималась редакторской работой. Из девяти выпусков серии «Германские исследования в Сибири» Л.Н. Корнева выступила редактором трех: № 6 (2009), № 7 (2010; совместно с профессором В.П. Румянцевым) и № 9 (2015). Она была научным редактором «постдиссертационной» монографии Н.Г. Костроминой (2009) и монографии коллеги по кафедре О.Э. Терехова (2011), посвященной историографии ФРГ, предметом исследования которой были основные концепции и проблемы интерпретации фе-

номена «консервативной революции» в Веймарской республике.

Л.Н. Корнева проявила себя как руководитель, который стремился привлечь к работе Центра молодых исследователей, продолжать сотрудничество с учеными из других сибирских университетов и немецкими коллегами. Так, в 2006 г. в Барнауле была проведена «Германская школа». В 2008 г. при содействии профессора Бонвеча в Томском госуниверситете состоялись чтения фонда Тиссена, на которых с докладами по проблеме преодоления прошлого выступили один из самых известных ученых Германии профессор Н. Фрай (Университет Йена) и широко известный в российской научной среде профессор Б.Г. Могильницкий (ТГУ). В 2009 г. в Томском государственном университете сотрудниками кафедры новой и новейшей истории и кафедры мировой политики при поддержке ЗСЦГИ была проведена международная конференция «Разрушение и возрождение в истории Германии и России».

Еще одним успешным проектом, который возглавила Л.Н. Корнева, явилось издание в 2014 г. учебного пособия «Социальная политика и социальное государство в Германии». Оно охватывает период с конца XIX до начала XXI в. [10]. Его выход в печать стал возможным благодаря финансовой поддержке Центра Европейского Союза в Сибири во главе с профессором Томского госуниверситета Л.В. Дериглазовой (грант ЕС № 2010/257-459). Работа над пособием началась в 2011 г. Благодаря организаторским способностям Лидии Николаевны был создан коллектив из 8 авторов из Кемерово, Томска, Барнаула, Новосибирска. Она сумела обеспечить стажировку ряда из них на кафедрах профессоров Г. Хайдемана (Лейпциг), Й. Шолтысека (Бонн), Б. Физелер (Дюссельдорф), которые содействовали сибирякам в сборе текстов и документов для написания пособия. В процессе работы над пособием было проведено две научных конференции (Барнаул, Кемерово) с участием российских и немецких ученых. Л.Н. Корнева успешно выполнила работу ответственного редактора учебного пособия. Кроме того, она подготовила текст главы IV, посвященной политике союзных держав по преодолению последствий войны и социальной политике в годы оккупации Германии (1945–1949) и доказала способность осваивать тематику другой исторической эпохи.

В этом труде рассматриваются становление первого в мире социального государства – германского, и эволюция социальной политики Германии на протяжении более ста лет, выделены этапы ее развития и их существенные черты, большое внимание уделено исследованию роли государства и общественных организаций в формировании основных направлений социальной политики, показаны причины кризисов социального государства и пути их преодоления. Учебное пособие предназначается для историков, политологов, социологов. Оно получило высокую оценку сообщества германистов России и широко используется студентами, аспирантами, преподавателями вузов России.

В 2015 г. Лидия Николаевна вместе с рядом коллег из ЗСЦГИ организовала издание 9-го выпуска «Герман-

ских исследований в Сибири», посвященного 75-летию профессора Бонвеча [11]. Лидия Николаевна как ответственный редактор поделила выпуск на два раздела. Первый содержит научные статьи российских и немецких историков по германской и частично связанной с ней российской истории нового и новейшего времени. Большая часть статей посвящена осмысливанию влияния войн и послевоенного времени на общественное и индивидуальное сознание жителей Германии и России. Материалы второго раздела посвящены воспоминаниям авторов о встречах с профессором Бонвечем в России и Германии, их совместной деятельности. Все авторы не скрывают эмоций, когда пишут о неординарности его натуры, его любви к России, об оперативной и щедрой помощи, которую он оказывал им в научной работе даже после выхода на пенсию в 2009 г. Т.В. Евдокимова, профессор из Волгограда, выразила общее мнение авторов этого сборника: «Вся его профессиональная деятельность была направлена на то, чтобы сблизить Россию и Германию» [Там же. С. 269]³.

На дальнейшей профессиональной и научной деятельности Л.Н. Корневой оказались те общие изменения, которые в той или иной степени происходят во всех вузах страны. В целях рационализации в Институте истории и международных отношений КемГУ произошло слияние кафедр новой и новейшей истории и международных отношений и кафедры Средних веков – вновь появилась кафедра всеобщей истории. В ИИиМО и на кафедре всеобщей истории были проведены значительные кадровые сокращения. От большого коллектива, который был создан Ю.В. Галактионовым и в большинстве своем настроен на проведение исследований по истории и современности Германии, осталось небольшая группа преподавателей, первоочередной задачей которых стало обеспечение учебного процесса. Акцент в учебной и научной работе был сделан на международные отношения, зарубежное регионоведение, туризм, вероятно, востребованные временем и способные дать коммерческую отдачу. На этом фоне германистика выглядела как «чистая наука». Лидия Николаевна читала курс для студентов по направлению туризм и радовалась их активности и интересу к дисциплине.

Последним мероприятием, организованным Л.Н. Корневой в качестве председателя Западносибирского центра германских исследований и ее учениками, несмотря на сокращение финансовых возможностей и числа германистов в КемГУ, в университетах других городов Западной Сибири, явилась международная конференция в ноябре 2018 г., посвященная годовщине со дня смерти профессора Бонвеча. Она стала возможной благодаря поддержке О.С. Советовой, директора Института истории и международных отношений КемГУ. Хотя конференция была не столь представительной, как в первое десятилетие работы ЗСЦГИ, на приглашение Лидии Николаевны откликнулись многие ученые. Среди них давний друг Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова и Л.Н. Корневой доктор Ю. Царуски, главный редактор авторитетного научного журнала *Vierteljahrsshefte für Zeitgeschichte*⁴ Мюнхенского ин-

ститута современной истории, немецкие и русские сотрудники Германского исторического института в Москве, Института Европы РАН и германисты из сибирских городов и европейской части России. Заседания были насыщены интересными докладами, дискуссиями, обменом мнениями, постановкой новых проблем. Обсуждался и вопрос о возможных направлениях работы Центра.

Невозможно не упомянуть о личностных качествах Лидии Николаевны. От своих учителей она усвоила, что преподаватель университета не может быть узким специалистом, он обязан обладать широкой эрудицией. Она по природе своей была целеустремленной и любознательной. Имея несильный, но проникновенный голос и хороший музыкальный слух, она в студенческие годы пела в капелле ТГУ и сохранила влечение к музыке на всю жизнь. Она хорошо разбиралась в современном театральном искусстве и часто, находясь в командировках, бывала в театрах столичных и периферийных городов. В последние годы своей жизни Лидия Николаевна стала завсегдатаем фитнес-зала, делая успехи в освоении не для всех доступной йоги и флай-йоги. Она любила путешествовать, тщательно готовилась к поездкам даже в региональные города, выбирая рукотворные и природные достопримечательности, на которые у нее было чутье.

У Лидии Николаевны был гостеприимный дом. Во время конференций у нее всегда собирались российские и зарубежные участники. Некоторые гости оставались ночевать, поскольку застольные беседы нередко превращались в обсуждение серьезных научных вопросов. Так, профессор Бонвич рассказывал, что идея книги о детях (немецких и российских) Второй мировой войны, которую он позднее издал, родилась у него во время такихочных бдений в Кемерово, поскольку его собеседники (в том числе и с кафедрой отечественной истории) нередко были не только детьми военного или послевоенного времени, но и историками, и они профессионально оценивали события и свои впечатления о них.

Лидия Николаевна была преданной женой, нежной бабушкой своим внукам, она всегда понимала своего сына и верила в него. Она умела дружить, ее сокурсницы, живущие ныне в Новосибирске, хором подтвердили, что ни одна из их просьб к Лидии Николаевне не оставалась невыполненной, если это ей было по силам. Так же она поступала в отношении коллег, всегда с готовностью выступала рецензентом на защитах аспирантов и докторантов, магистрантов в ближних и дальних университетах, никогда не отказывала в консультациях или написании отзывов тем, кто выходил на защиту. Она всегда была готова к сотрудничеству с коллегами из отделений ЗСЦГИ и стремилась участвовать в их научных мероприятиях. Заведующий кафедрой новой и новейшей истории Алтайского государственного университета профессор Ю.Г. Чернышов написал о ней: «Мы много лет сотрудничали с Лидией Николаевной – участвовали в конференциях, публиковали статьи... Все эти годы мы видели пример настоящего научного энтузиазма, служения науке» [12].

Лидия Николаевна имела благодарности и премии КемГУ, городской и областной администрации за высокие учебные и научные достижения.

Жизнь Лидии Николаевны Корневой оборвалась 26 октября 2020 г. С ее уходом прекратил существование и ЗСЦГИ. Летом 2021 г. была завершена юридическая процедура ликвидации этой неординарной общественной организации, в которую Лидия Николаевна вложила много сил и творчества, продолжая дело Н.С. Черкасова, Ю.В. Галактионова, немецкого профессора Бернда Бонвеча. К сожалению, в силу возраста, смены ориентиров в научной и профессиональной деятельности, отсутствия гарантированного финансиро-

вания в западносибирских вузах не нашлось ученого-лидера, настолько преданного германистике и способного генерировать идеи и проекты, чтобы у него хватило отваги взять на себя руководство этой организацией и вдохнуть в нее жизнь. Но первые два десятилетия XXI в. останутся в памяти многих ученых России как время небывалого взлета германских исследований в Сибири. Свой многолетний и разнообразный вклад в этот подъем внесла и Лидия Николаевна Корнева, и он обеспечил ей прочное место не только в сибирской, но и в российской науке. Жизнь ее, дела и даже ее уход, как и ее коллег по ЗСЦГИ, показали еще раз, что незаменимые люди есть.

Примечания

¹ С 1991 г. кафедра Новой и новейшей истории зарубежных стран.

² После выхода в свет этого учебного пособия Ю.В. Галактионов в ноябре 2005 г. ушел из жизни.

³ К присюю многих, в ноябре 2017 г. профессор Бонвич после тяжелой болезни ушел из жизни. Сборник, подготовленный Л.Н. Корневой, оказался своеобразным памятником ему в России.

⁴ Ежеквартальный журнал по современной истории Германии.

Список источников

References

1. TSU Electronic Encyclopedia. (n.d.) *Danilov Aleksandr Ivanovich*. [Online] Available from: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php?title=Danilov_Aleksandr_Ivanovich&oldid=33144 (Accessed: 9th October 2021)
2. Mogilnitskiy, B.G. & Suprygina, G.G. (2007) *Uchenyy-grazhdanin. K 75-letiyu so dnya rozhdeniya N.S. Cherkasova* [Citizen Scientist. To the 75th anniversary of the birth of N.S. Cherkasov]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 294. pp. 238–241.
3. Galaktionov, Yu.V., Korneva, L.N. & Cherkasov, N.S. (1988) *Marksistskaya istoriografiya germanskogo fashizma* [Marxist historiography of German fascism]. Kemerovo: Kemerovo State University.
4. Korneva, L.N. (2019) The scholar: doctor, professor Bernd Bonwetsch and the activities of the West Siberian Center for German Studies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Iстория – Tomsk State University Journal of History*. 57. pp. 29–34. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/57/4
5. Korneva, L.N. (1998) *Germaniyskiy fashizm: nemetskie istoriki v poiskakh ob"yasneniya fenomena natsional-sotsializma (1945 – 90-e gody)* [German fascism: German historians in search of an explanation of the phenomenon of national socialism (1945 – 1990s)]. Kemerovo: Kemerovo State University.
6. Bonwetsch, B. & Galaktionov, Yu.V. (eds) (2005) *Istoriya Germanii* [History of Germany]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
7. Bonwetsch, B. & Galaktionov, Yu.V. (eds) *Istoriya Germanii* [History of Germany]. Moscow: KDU.
8. Korneva, L.N. (2007) *Germaneskaya istoriografiya natsional-sotsializma: problemy issledovaniya i tendentsii sovremenennogo razvitiya (1985–2005 gg.)* [German Historiography of National Socialism: Problems of Research and Trends in Contemporary Development (1985–2005)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
9. Galaktionov, Yu.V. (2006) *Natsional-sotsializm v Germanii: problemy izucheniya i preodoleniya: izbrannye trudy* [National Socialism in Germany: Problems of Study and Overcoming]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
10. Korneva, L.N. et al. (eds) *Sotsial'naya politika i sotsial'noe gosudarstvo v Germanii* [Social policy and welfare state in Germany]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
11. Korneva, L.N. (ed.) (2015) *Germaniya. Gosudarstvo, obshchestvo, chelovek* [Germany. State, Society, Person]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
12. Chernyshev, Yu.G. (n.d.) *Lidiya Nikolaevna Korneva (1943–2020 gg.)* [Lidia Nikolaevna Korneva (1943–2020)]. [Online] Available from: <https://ashpi.livejournal.com/347245.html> (Accessed: 19th October 2021).

Сведения об авторах:

Арапина Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: arapina77@mail.ru

Супрыгина Галина Гавриловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: askis@ngs.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Arapina Svetlana V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation), E-mail: arapina77@mail.ru

Suprygina Galina G. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of World Politics, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: askis@ngs.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.01.2022; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 28.01.2022; accepted for publication 06.05.2022

Научная статья

УДК 93/94:930

doi: 10.17223/19988613/77/13

Преобразование содержания учебных материалов в 1953–1956 гг.

Антон Петрович Арtyков

Самарский филиал Московского городского педагогического университета, Самара, Россия, artiukov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена одному из переломных периодов советской истории. В ней рассматриваются изменения в содержании учебных книг за период с 1953 по 1956 г. на основе как исследования архивных документов (ГА РФ, РГАНИ, РГАСПИ), так и проведения сравнительного анализа содержания учебных пособий. Это позволило четко проследить причины внесения корректировок в их содержание, отразить динамику происходивших изменений и увидеть некоторую закономерность и синхронность таких изменений. Прослеживается взаимосвязь с происходившими политическими событиями в исследуемый период.

Ключевые слова: учебник, учебное пособие, идеологическая пропаганда, И.В. Сталин

Для цитирования: Арtyков А.П. Преобразование содержания учебных материалов в 1953–1956 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 107–114. doi: 10.17223/19988613/77/13

Original article

Transformation of the educational materials content in 1953-1956

Anton P. Artyukov

Samara branch of Moscow City Pedagogical University, Samara, Russian Federation, artiukov@yandex.ru

Abstract. Undoubtedly, the 50s of the twentieth century was a very eventful period for Soviet Russia history, changing the established picture of Soviet reality. For the most part, they passed quietly and not always noticeably for the contemporaries, who noticed transformations only after the fact. The changes that took place after the J.V. Stalin's death affected many spheres of the country's life: the penitentiary system underwent significant correction, that led to a series of amnesties and rehabilitation in the first three post-Stalin years. The system of ideological propaganda also changed, an integral part of which was the content of humanitarian subjects of all levels of education in the USSR, where it was skillfully woven.

The article discusses a change in the content of educational books, which began immediately after the mourning events of March 1953. This process of transformation took place throughout all three years and was constantly subjected to correction depending on the political situation in the Party and country.

The educational books of 1953 were removed from the bookselling network circulation in 1954, either the books' contents were amended "mechanically", when the sheet was removed from the publication, or the information was edited out with ink.

If "mechanical" way spoiled the structure or violated the integrity of the publication, then the Ministry of Education of the RSFSR sent methodological recommendations to subordinate organizations with detailed instructions which pages in the textbook should not be studied categorically.

The political changes that took place in 1953-1956 were unexpected, and it was often necessary to make changes to the content of study books very quickly, as the publishing industry and the editorial colleagues of study books could not cope with it. Often edits of editorial boards had a purely "decorative character" limited to removing punctuation marks in the text and a footnote at the bottom of the page to note who became an objectionable politician. This, in turn, practically did not change how the material was presented to students.

For quicker and deeper processing of the content of educational books some editorial teams were given several months' sabbaticals. Therefore, 1954 and 1955 already met entirely rewritten and revised texts of educational books and publications, consistent with new trends and accents of ideological propaganda and meeting the political realities of the time.

The fact mentioned above perfectly reflects the dynamics of changes in the content of educational books and demonstrates the increasing amount of work performed every year. Amendments to publications had severe financial costs and placed an unbearable burden on publishers. The Party leadership and the USSR government had to reckon with this situation. Thus, in cases when reprinting was too expensive, the adjustments were made to the structure of the book and only on separate pages or chapters.

Changes in the content of textbooks, although static, reflected the current state of affairs, but the revision process of several state symbols of the USSR in the content of textbooks appeared earlier than reflected in the currently available archival documents.

Keywords: textbook, tutorial, ideological propaganda, J.V. Stalin

For citation: Artyukov, A.P. (2022) Transformation of the educational materials content in 1953-1956. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University Journal of History.* 77. pp. 107–114. doi: 10.17223/19988613/77/13

Политические события 1953 года были переломными в советскую эпоху российской истории. Это не только отразилось на внутренней и внешней политике государства, но и привело к необходимой коррекции, а в дальнейшем и к изменениям в содержательной части идеолого-пропагандистской партийной линии в материалах учебных пособий.

В марте 1953 г. на заседании Центрального комитета КПСС был поднят вопрос о необходимости внесения изменений в учебные пособия «...в связи с кончиной великого вождя Иосифа Виссарионовича Сталина...» [1. Л. 41]. Следовало дополнить содержательную часть учебных книг «...материалами о решениях четвертой сессии Верховного Совета СССР и внесением некоторых изменений в подписи к портретам и иллюстрациям, а также дополнениями в виде портретов Г.М. Маленкова и К.Е. Ворошилова» [Там же].

Коррекцию содержания предполагалось произвести в 44 из 118 учебников, выпускавшихся учебно-педагогическим издательством Министерства просвещения РСФСР. Среди них «Краткий курс СССР» для начальной школы под редакцией А.В. Шестакова, «История СССР», часть III, под реакцией А.М. Панкратовой, «Конституция СССР» под редакцией В.А. Карпинского, «Экономическая география СССР» под редакцией В.И. Борковского, Букварь коллектива авторов Академии педагогических наук, книги для чтения «Родная речь» для I, III, IV классов и др. [Там же].

Быстро провести такую работу было невозможно, что нашло отражение в докладной записке аппарата ЦК КПСС: «...по состоянию на 15 марта 1953 года из 44 названий учебников, выпускаемых Учпедгизом, в которые следовало бы внести дополнения и изменения, 38 были отпечатаны или печатались, что делало невозможным внесение изменений, иначе как перепечаткой уже выпущенных учебников» [Там же. Л. 42].

Учебно-педагогическому издательству Министерства просвещения РСФСР удалось внести необходимые изменения в тексты только шести учебников, которые еще не были сданы в производство. Среди них учебники В.А. Карпинского «Конституция СССР», А.М. Панкратовой «История СССР», часть III, Букварь, подготовленный Академией педагогических наук и др. [Там же].

Содержание документа указывает на то, что процесс внесения изменений не был стремительным и затронул только те издания, которые еще не были сданы в печать. Причинами, вызвавшими необходимость коррекции учебников, стали политические события, произошедшие в марте 1953 г. При этом предложенные изменения не меняли идеолого-пропагандистской линии в содержании образовательных предметов.

Процесс изучения материалов учебников, в которые внести изменения не удалось, протекал следующим образом: отдел школ ЦК КПСС или Министерство просвещения РСФСР направляли методические рекомендации нижестоящим организациям по работе с учебными книгами. Аналогичная ситуация сложилась и в 1956 г.: в соответствии с решениями XX съезда КПСС, изменившими идеолого-пропагандистскую линию партии, требовалось внести изменения в содержание учебных книг. Этот процесс зависел от темпов работы полиграфической промышленности, которая не успевала к новому 1956–1957 учебному году переиздать все учебники.

Отдел школ ЦК КПСС дал разрешение Министерству просвещения РСФСР на использование старых учебников, обязав при этом направить методические рекомендации отделам народного просвещения о том, «...какие тексты в этих учебниках изучать категорически не следует» [2. Л. 12]. Коррекция содержания идеолого-пропагандистской части в материалах учебных пособий произошла не только из-за новых политических событий, произошедших в марте 1953 г., но и в связи «...с исправлениями допускавшихся ранее ошибок по вопросам трактования роли народных масс и личности в истории, о великих стройках коммунизма...» [Там же. Л. 23].

Из этого следует, что, затронув вопрос о роли личности в истории, пересмотр содержания идеолого-пропагандистской части материала в учебных пособиях стал значительно шире. Так, исходя из содержания статьи, опубликованной в сентябре 1953 г. в газете «Правда», которая являлась официальным рупором партии, именно прекращение неправильного освещения вопроса о роли личности в истории объявлялось основной задачей партийного просвещения в новом учебном году [3. С. 1]. Интересным, на наш взгляд, является содержание уточнения и дополнения № 1631, изданного Министерством культуры СССР 10 сентября 1953 г., к приказу № 923 Министерства высшего образования от 5 июля 1952 г.

Данный приказ был посвящен вопросу подготовки новой редакции второго тома учебника «История России». Из его содержания следовало, что профессору Милице Васильевне Нечкиной при подготовке рукописи к третьему переизданию «следует организовать работу авторского коллектива с учетом имеющейся в печати критики» [4. Л. 71]. Других уточняющих деталей архивный документ не содержит. Следовательно, уточнить, о какой именно критике идет речь, становится не вполне возможным. Можно предположить, что речь шла о пересмотре содержания учебной книги в соответствии с содержанием статьи из газеты «Правда».

да». Для ускорения процесса подготовки нового макета учебной книги профессору Милице Васильевне Нечкиной был предоставлен «...3-месячный творческий отпуск...» [4. Л. 71] с освобождением ее от исполнения служебных поручений.

В приказе Министерства культуры СССР было оговорено и время исполнения поставленной задачи: срок предоставления нового макета учебника равнялся шести месяцам. Таким образом, третье издание учебника должно было быть готово в марте 1954 г. Представление творческого отпуска с освобождением от исполнения всех служебных поручений по институту Академии наук СССР и по кафедре истории СССР Академии общественных наук при ЦК КПСС, равно как и выпуск дополнения к приказу, свидетельствует о высокой значимости данной работы для руководства страны в лице сталинских наследников. Финансовая сторона затрат на приведение содержания учебных пособий в соответствие с новой идеолого-пропагандистской партийной линией не бралась во внимание. Так, лишь только одним издательством Академии педагогических наук РСФСР в 1953 г. на выдирки и вклейки по отдельным изданиям «израсходован... 130,9 тысяч рублей» [2. Л. 23], что являлось значительной суммой и равнялось 180 средним зарплатам того времени.

Изменения содержания материалов учебных дисциплин в 1953 г. затронули как среднюю, так и высшую ступень образования в СССР. Причинами изменений стали, во-первых, произошедшие исторические события, что требовало их обязательного отражения в образовательном материале, во-вторых, произошедшие изменения идеолого-пропагандистской партийной линии ввиду неправильного, не марксистко-ленинского освещения роли личности в истории. Это объяснялось тем, что следовало показывать именно «...решающую роль народа-творца и роль Коммунистической партии как руководящей и направляющей силы советского народа в борьбе за коммунизм» [3. С. 1], а не отдельного вождя.

Необходимо особо подчеркнуть, что причины, приведшие к неправильному освещению роли личности в истории, не назывались, как и не приводилась персонификация этой личности. Все происходившие преобразования, вызванные трансформацией идеолого-пропагандистской линии, реализовывались тихо и скрытно. Важным является тот факт, что не все исторические события, произошедшие в 1953 г., нашли отражение в содержании учебных пособий. Именно это и будет являться одной из причин продолжения внесения изменений в содержание учебных книг и отдельных изданий в 1954 г.

Событием, потребовавшим серьезного пересмотра содержательной части учебных материалов, являлось «...разоблачение Лаврентия Павловича Берии и его банды...» на июльском пленуме ЦК КПСС 1953 г. Так, по указанию Центрального комитета КПСС Главное управление литературы и издательства обязали «...изымать из продажи книготорговой сети школьные учебные пособия [5. Л. 17]», которые в 1954 г. заменились изданиями с существенной переработкой образовательного материала или новыми учебниками по

списку, который был предоставлен ЦК КПСС Министерством Просвещения РСФСР. В этот список входило пять учебных книг по различным образовательным предметам: «Экономическая география СССР» для VIII класса, «Русская советская литература» для X класса, «История СССР», часть III, для X класса и др. В нем очень подробно, даже постранично, было расписано, где, как и в связи с чем упоминается Лаврентий Павлович Берия. Так, отмечалось что «...в учебнике для X класса средней школы "История СССР", часть III, под редакцией А.М. Панкратовой, на страницах 31, 35 издания 1953 г. и всех предыдущих лет содержатся цитаты из книги Л.П. Берии "К вопросу об истории большевистской организации в Закавказье", на странице 425 издания 1953 г. – указание о выступлении Л.П. Берии на траурном митинге 9 марта 1953 г. В учебном пособии В.А. Карпинского "Конституция СССР" для VII класса средней школы, на странице 119 издания 1953 г. и всех предыдущих лет содержались данные об избрании Л.П. Берии депутатом Верховного Совета СССР» [5. Л. 16]. Упоминание имени, книг и цитат из выступлений Л.П. Берии на страницах этих учебных пособий послужило причиной изъятия их из продажи.

Отметим еще одну деталь: в списке изданий для изъятия из обращения указывались учебные пособия, выпущенные в 1953 г., в содержание которых уже были внесены необходимые изменения в соответствии с произошедшими историческими событиями. Список с таким же содержанием, предназначавшийся для общего отдела секретариата ЦК КПСС, был составлен вице-президентом Академии педагогических наук РСФСР М.А. Мельниковым. В нем также постранично было прописано, где встречались положительные отзывы о Л.П. Берии и его деятельности и давались ссылки на его труды. Данный список из отдела секретариата ЦК КПСС был перенаправлен в Главное управление литературы и издательства с вопросом «...о возможности дальнейшего использования книг из этого списка» [6. Л. 122, 125]. Скорее всего, книги из списка вице-президента Академии педагогических наук были изъяты и запрещены в обращении, после чего вновь переиздавались и возвращались в книготорговый оборот. В ряд изданий вносились необходимые изменения: либо имя Л.П. Берии и его цитаты были просто жирно замазаны, либо вымараны, что нам приходилось встречать при изучении периодических изданий и учебной литературы тех лет.

Внесение изменений хорошо иллюстрируется примером второго издания «Большой советской энциклопедии» под главной редакцией С.И. Вавилова. В 1950 г. вышел пятый том энциклопедии (Березна–Ботокуды), где на страницах 22–23 содержались биографическая справка о Л.П. Берии и его деятельности и сведения об одноименном поселке городского типа, являвшемся центром Берииевского района в Армянской ССР, в 13 км от Еревана. В существующее издание были внесены необходимые корректизы: справочная информация о личности Л.П. Берии и о поселке, названном в его честь, была удалена [7. С. 22–23]. Внесенные изменения не нарушили структуру пятого тома, и он вновь был возвращен в использование.

Политические события января 1955 г. также стали причиной внесения коррекционных правок в учебные пособия, например в иллюстративный материал учебника «История СССР. Краткий курс» для IV класса. Если в издании 1954 г. содержались портреты Г.М. Маленкова и К.Е. Ворошилова с характеристикой их как «верных и испытанных соратников и учеников Ленина и Сталина» [8], то в издании 1955 г. портрет Г.М. Маленкова был удален. Вместо него появились изображения Н.С. Хрущева и Н.А. Булганина, но уже без всякой партийно-политической характеристики [9].

Исчезновение партийно-политической характеристики в новом издании 1955 г. – закономерное продолжение изменений содержания идеолого-пропагандистской линии в учебных материалах, начатых в 1953 г.

Проследить изменения содержания в учебных пособиях значительно легче, так как они сразу заметны добавлением материала. Изменения же, вызванные тихой коррекцией идеолого-пропагандистской партийной линии, обнаружить сложнее, так как они затрагивают содержательную часть образовательного материала. Для этого проведем сравнительный анализ некоторых учебных книг, изданных в период с 1953 по 1955 г. включительно, с более ранними изданиями. Это позволит выявить причины, приведшие к неправильному освещению роли личности в истории, как-то персонифицировать эту личность, проследить динамику изменений в содержании учебных книг, выявить некоторую закономерность.

При проведении сравнительного анализа внимание будет обращено на количество упоминаний и цитирований исторических деятелей, освещение их роли и содержание подобранных цитат, проявление новой идеолого-пропагандистской линии, а также на специфику подачи образовательного материала учащимся. Вполне логично первоначальному сравнительному анализу подвергнуть материалы второго тома учебника «История России», о содержании которого так заботилось Министерство культуры СССР, для ускорения работы над которым отправив главного редактора в творческий отпуск, при этом четко определив шестимесячный срок сдачи рукописи.

Отметим, что, судя по дате сдачи учебника в набор, в указанный срок авторский коллектив под руководством члена-корреспондента Академии наук СССР М.В. Нечкиной не уложился, задержав сдачу на четыре месяца. Причины задержки точно неизвестны, но надо полагать, что редакционная коллегия не смогла уложитьсь в отведенное время ввиду большого объема проводимой работы. В учебной книге «История СССР. Россия в XIX веке» под редакцией М.В. Нечкиной 1949 г. издания общее количество страниц составляет 870, а в учебнике 1954 г. издания – всего 847. То есть учебник постсталинского издания сократился в объеме на 23 страницы.

Более детальный анализ учебных пособий обнаруживает ряд изменений текста. Так, в учебнике 1949 г. во второй главе «Внутренняя и внешняя политика царизма 1801–1811 гг.» цитировались слова И.В. Сталина, которыми он характеризовал политическую историю революционной Франции конца XVIII – начала

XIX в. и личность Наполеона: «...Наполеон сохранил “только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии”» [10. С. 54]. В издании 1954 г. в этой же главе процитированные слова в тексте сохранились, а вот сноска, что это цитата из речи И.В. Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников», была удалена [11. С. 53].

Для исключения трактовки этого факта как механической опечатки приведем еще один пример. Так, в учебнике 1949 г. в главе XXII «Внешняя политика царизма в 1856–1875 гг. Утверждение России на Дальнем Востоке» внешняя политика царизма после Восточной войны характеризовалась цитатой И.В. Сталина: «...самостоятельная роль царизма в области внешней политики Европы стала значительно падать, а к моменту перед мировой империалистической войной царская Россия играла, в сущности, роль вспомогательного резерва для главных держав Европы» [10. С. 561]. Данная цитата была взята из публикации «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”», опубликованной в № 9 журнала «Большевик» за 1941 г. Приведенная цитата И.В. Сталина в тексте главы XVIII «Внешняя политика Царизма в 1856–1875 гг. Утверждение России на Дальнем Востоке» учебника 1954 г. сохранилась, но сноска с указанием источника внизу страницы вновь была удалена [11. С. 562].

Таким способом убирались не только ссылки на отдельные публикации И.В. Сталина, но и упоминания такой его культовой работы, как «История ВКП(б). Краткий курс». Если в учебнике 1949 г. в первой главе «Развитие капиталистических отношений в России в первой половине XIX века и возникновение кризиса феодально-крепостнической формации» была цитата из «Краткого курса Истории ВКП(б)»: «...Изменение в способе производства, как учит нас теория марксизма-ленинизма, “неизбежно вызывает изменение всего общественного строя, общественных идей, политических взглядов, политических убеждений, – вызывает перестройку всего общественного и политического уклада”» [10. С. 7], – то в учебнике 1954 г. ссылка на «Краткий курс» отсутствует.

Исходя из приведенных примеров, становится очевидным, что сноски на сталинские цитаты были удалены умышленно, и это соответствовало новой идеолого-пропагандистской партийной линии. Ввиду ограниченности времени, предоставленного на переиздание данного учебника, такой способ приведения текста в соответствие с новой линией в идеологической пропаганде является вполне допустимым. Отметим, что данный способ удаления сталинских цитат был применен не только в этом издании, но и в других учебных книгах и материалах.

Не всегда цитаты оставались в тексте учебных книг. Случалось, что цитаты и сноски удалялись полностью. Например, из содержания пятой главы «Восстание декабристов» учебника 1954 г. была полностью удалена цитата, присутствовавшая в этой же главе учебника 1949 г., взятая из беседы И.В. Сталина с немецким писателем Эмилем Людвигом, где «...восстание

декабристов упоминалось в ряду крупнейших революционных событий на протяжении 300 лет...» [10. С. 134]. Данный факт свидетельствует о целенаправленной работе коллектива авторов по очищению образовательного материала от сталинского наследия, которое, видимо, иискажало правильное отношение к вопросу о роли личности в истории.

Вполне обоснованным является суждение, что уменьшение количества страниц в новом издании учебника 1954 г. достигнуто за счет сокращения цитирования И.В. Сталина и сталинских работ. На это указывает и общее количество цитат во всем учебнике. Если в учебнике 1949 г. было 57 сносок на работы И.В. Сталина и 219 сносок на работы В.И. Ленина [10], то в учебнике, переизданном в 1954 г., количество сносок на работы И.В. Сталина сократилось практически в 4 раза и составило всего 13 на весь том, а количество сносок на работы В.И. Ленина существенно не изменилось [11]. Следует подчеркнуть, что в отведенный редакционной коллегии срок (шесть месяцев) не позволил более тщательно изменить идеологическую составляющую содержания учебного пособия, да и, видимо, задача коренного пересмотра перед авторами не ставилась. А произошедшие изменения вполне вписывались в процесс коррекции идеолого-пропагандистской партийной линии.

В связи с произошедшими в марте 1953 г. политическими событиями, а также с изменениями в идеолого-пропагандистской линии партии содержание учебных пособий в первый постсталинский год уже подвергалось коррекции. В учебном пособии 1956 г. по предмету «История Украинской ССР» цитаты сталинских речей и высказываний остаются в тексте, а сноски на них исчезают, что соответствует изменениям, выявленным при сравнительном анализе других учебных пособий. Однако здесь мы можем выделить некоторое новшество, не отмеченное при сравнительном анализе учебников по истории СССР. «Россия в XIX веке», изданных в 1949 и 1954 гг., а именно замена цитат И.В. Сталина на цитаты В.И. Ленина.

Так, в главе VII издания 1953 г. в параграфе «Совместная борьба русских и украинских народных масс против феодально-крепостнического гнета» с помощью сталинской цитаты подчеркивалось историческое значение крестьянских войн: «...Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачёв и др. В выступлениях этих людей наблюдается отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета» [12. С. 317]. В учебном пособии 1956 г. указанная выше цитата заменена на ленинскую, в которой дается личностная характеристика Степана Разина как одного из представителей мятежного крестьянства, отдавшего жизнь в борьбе за свободу [13. С. 330].

Данный факт демонстрирует динамику произошедших изменений в содержании текстов учебных пособий по приведению их в соответствие с новыми направлениями в идеологической пропаганде страны. При этом исправлялись тексты, содержание которых однажды уже подвергалось коррекции.

Замена цитат одного вождя на другого до официального осуждения культа личности И.В. Сталина и не отмеченные ранее похожие изменения в содержании других учебных пособий позволяют говорить не о коррекции идеолого-пропагандистской партийной линии, а о скрытых изменениях в содержании учебных книг и материалов, проходивших незаметно для современников. Для более качественного анализа обратим внимание на содержание учебных пособий для средней школы. Так, сравнительный анализ выявил схожесть происходивших процессов, но с некоторыми особенностями, что отлично отражает содержание материала учебных пособий «Новая история» для 8-го и 9-го класса и «Конституция СССР» для 7-го класса.

Остановимся только на некоторых. Так, в материале учебника «Новая история» для 8-го класса 1954 и 1955 гг. произошли следующие изменения. Во-первых, сократилось количество сносок. Если в издании 1953 г. подстрочных ссылок на работы И.В. Сталина было 35, то в 1954 и 1955 гг. осталось только семь. На В.И. Ленина было 17 ссылок, а осталось только пять, на работы К. Маркса и Ф. Энгельса из 29 сохранилось 18. Во-вторых, были удалены цитаты И.В. Сталина, в которых давалась характеристика партии, ее значения для пролетариата и революции в целом; были удалены высказывания и абзацы, характеризовавшие личность И.В. Сталина как гениального человека и руководителя. В-третьих, удаленные сталинские цитаты были заменены на пропагандистские лозунги, использовавшиеся в печати и ставшие часто употребляемыми только после смерти вождя. Для примера приведем одну из произошедших замен. В тексте учебника 1952 и 1953 гг. причины победы и успехи социализма в России характеризовались сталинской цитатой: «...мы обязаны своими успехами тому, что работали и боролись под знаменем Маркса, Энгельса, Ленина» [14. С. 143]. Однако в последующих изданиях исторические победы Советского Союза являлись результатом «...торжества марксизма-ленинизма» [15. С. 119].

Количество сносок было сокращено по следующим причинам: объем издания был уменьшен на 92 листа, а содержание учебника приведено в соответствие с изменениями, произошедшими в идеолого-пропагандистской партийной линии, одна из задач которой – придать партии особое значение – представить ее новым лидером страны.

Выдвижение партии как лидера хорошо прослеживается при сравнительном анализе второй части «Новой истории» для 9-го класса 1952, 1953 и 1954, 1955 гг. Так, в выводах второй главы издания 1953 г. указывалось, что «...партия большевиков, руководимая Лениным и Сталиным, использовала уроки Парижской коммуны в борьбе за победу социалистической революции в нашей стране» [16. С. 21], однако в издании 1955 г. слова «...руководимая Лениным и Сталиным...» [17. С. 21] отсутствуют.

Удаление слов персонификации вождей, подчеркивавших равный их вклад, было не единичным случаем. Оно сопровождало весь материал учебника. Для подтверждения приведем еще один пример. В учебнике 1952 г. в материале, посвященном вопросу заключения

Брестского мира, деятельность Льва Троцкого характеризовалась нарушением «...директивы Ленина и Сталина подписать мирный договор» [18. С. 205]. При этом в материале учебного пособия 1954 г. действия Троцкого нарушали уже «...директиву партии...» [19. С. 205].

Еще одной особенностью этого учебного пособия является восстановление роли Ленина в революционных и исторических событиях на рубеже XIX и XX вв. без «сталинской тени» за его спиной. Если до 1953 г. в материалах учебных пособий писали: «...борьба Ленина и Сталина... созданная Лениным и Сталиным партия... решающую роль в идеологической подготовке партии сыграли работы Ленина и Сталина...» [16. С. 133], – то после 1953 г. уже указывалось только на роль и действия В.И. Ленина [19. С. 133].

Все варианты коррекции, изменений содержания образовательных материалов в учебных пособиях четко проявились в содержании учебника по предмету «Конституция СССР». Новый учебник, изданный в 1954 г., по сравнению со своим предшественником 1953 г. сократился по объему на 40 страниц. Сокращение учебного материала произошло как за счет двухкратного уменьшения сталинского цитирования, так и за счет удаления материала, «имевшего некоторое второстепенное значение», как это определено в статье В.А. Карпинского «Новая программа к учебнику по курсу “Конституция СССР” для VII класса» [20]. В содержании учебной книги, как и в остальных учебных пособиях, неоднократно подчеркивалась руководящая и направляющая роль партии, а также первостепенное лидерство В.И. Ленина в партии и коммунистическом движении в целом.

Отличительная особенность данного учебного пособия заключалась в изображении государственных символов СССР. В учебнике 1953 г. приведены все три государственных символа СССР (флаг, герб, гимн) [21. С. 72–73]. В содержании же учебника 1954 г. слова гимна отсутствуют. Это является ключевым моментом, так как вопрос о создании совершенно нового музыкального символа СССР будет поднят только в декабре 1955 г. [22].

Изменилась и специфика преподнесения материала для учащихся, что хорошо иллюстрирует следующий пример. В материале учебника 1950 г. «История СССР в XVIII–XIX веках» в одном из параграфов указывалось, что И.В. Сталин руководил восемью кружками рабочих, где он «...умело, исходя из ближайших насущных интересов рабочих, подводил их вплотную к коренным задачам рабочего движения» [23. С. 313]. В учебном пособии, переизданном в 1955 г., читаем, что он (Сталин) «...руководит несколькими кружками рабочих» [24. С. 313]. Очевидно, что слово «несколько» имеет более неопределенное значение, чем точное число. Оно может принять как большее, так и меньшее значение относительно первоначальной цифры. Нельзя забывать и то, что точное число легче запоминается, врезается в ум учащегося, нежели некая неопределенность. Кроме того, «...число обладает огромной силой убеждения и ставит в глубокую, хоть и скрытую зависимость тех, кто числа потребляет» [25. С. 62].

Исчез из материала школьного учебника 1955 г. и фрагмент воспоминаний слушателей рабочих кружков в г. Тифлисе, демонстрировавший красноречие и большую требовательность вождя к себе и другим: «Товарищ Сталин говорил всегда увлекательно, просто, все время обращаясь к примерам и фактам... Он требовал, чтобы мы, со своей стороны, вели на заводе такие же беседы с остальными рабочими, как и он с нами» [24. С. 311–313].

Не сохранилось в новой редакции учебника и упоминания о том, что трудящиеся писали И.В. Сталину письма. Речь идет о письме, написанном трудящимися Грузии и содержащем характеристику князя Цицианова, проводившего политику присоединения Закавказья к Российской империи:

«И сатрап царя-тирана,
чтоб сжигать и вешать нас,
Цицианов, князь грузинский,
шел с войсками на Кавказ» [23. С. 139].

Таким образом, подводя итог, можно выделить несколько причин, побуждавших проводить изменения содержания учебных материалов в 1953–1956 гг. Во-первых, это политические события первых трех постсталинских лет, а поскольку таких событий было много, то каждый год требовалось учебники обновлять, чтобы они соответствовали реальной картине в стране. Во-вторых, это коррекция партийной линии в сфере идеологической пропаганды, которая была вызвана пересмотром роли личности народных масс в истории, а также выдвижением на первое место руководящей роли коммунистической партии в исторических событиях и реальной политической жизни в середине 50-х гг. XX в. Представление партии руководящим звеном всех событий в стране характеризуется непersonифицированной линией, переносом остроты идеологической пропаганды в СССР с личности вождя на партийную массу, что убедительно показал проведенный сравнительный анализ содержания учебных книг. Данный анализ позволил выявить динамику корректировок и показать изменения в специфике преподнесения материала для учащихся.

Ввиду ограниченных возможностей типографской промышленности внесение изменений в содержание учебных материалов мгновенным быть не могло. Это обусловило направление в подведомственные структуры методических рекомендаций по вопросам рассмотрения и изучения отдельных материалов, которые либо не отвечали реальной картине, либо не соответствовали новой линии идеологической пропаганды. Внесение изменений в условиях экономического планирования было весьма невыгодно и затруднялось непредвиденными расходами.

Все это позволяет утверждать, что в 1953–1956 гг. в СССР проходил скрытый и тихий процесс десталинизации, затронувший одну из ключевых сфер жизни советского общества – образование. Приведение содержания учебных пособий в соответствие с новыми реалиями и задачами в рамках изменений партийной линии идеологической пропаганды продолжится и после XX съезда КПСС, но это уже другой, открытый процесс отказа от сталинского наследия.

Список источников

1. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5: Аппарат ЦК КПСС. Оп. 18. Д. 53.
2. РГАНИ. Ф. 5: Аппарат ЦК КПСС. Оп. 18. Д. 76.
3. Об основных задачах партийного просвещения в новом учебном году // Правда. 1953. 27 сент.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9396: Министерство Культуры СССР. Оп. 1. Д. 27.
5. РГАНИ. Ф. 5: Аппарат ЦК КПСС. Оп. 18. Д. 64.
6. РГАНИ. Ф. 5: Аппарат ЦК КПСС. Оп. 18. Д. 52.
7. Большая советская энциклопедия / под гл. ред. С.И. Вавилова. М. : Сов. энциклопедия, 1950. Т. 5: Березна–Ботокуды. 652 с.
8. История СССР. Краткий курс для 4-го класса / под ред. А.В. Шестакова. М. : Учпедгиз, 1954. 288 с.
9. История СССР. Краткий курс для 4-го класса / под ред. А.В. Шестакова. М. : Учпедгиз, 1955. 288 с.
10. История СССР. Россия в XIX веке / под ред. М.В. Нечкиной. М. : Госполитиздат, 1949. Т. 2. 872 с.
11. История СССР. Россия в XIX веке / под ред. М.В. Нечкиной. М. : Госполитиздат, 1954. Т. 2. 848 с.
12. История Украинской ССР / под ред. В.А. Дедиченко. Киев : Акад. наук Украинской ССР, 1953. Т. 1. 838 с.
13. История Украинской ССР / под ред. В.А. Дедиченко. Киев : Акад. наук Украинской ССР, 1956. Т. 1. 925 с.
14. Новая история : для 8-го класса / под ред. А.Б. Ефимова. М. : Учпедгиз, 1952. Ч. 1. 240 с.
15. Новая история : для 8-го класса / под ред. А.Б. Ефимова. М. : Учпедгиз, 1954. Ч. 1. 192 с.
16. Новая история : для 9-го класса / под ред. И.С. Галкина, Л.И. Зубок, Ф.И. Нотовича, В.М. Хвостова. М. : Учпедгиз, 1953. Ч. 2. 216 с.
17. Новая история : для 9-го класса / под ред. И.С. Галкина, Л.И. Зубок, Ф.И. Нотовича, В.М. Хвостова. М. : Учпедгиз, 1955. Ч. 2. 216 с.
18. Новая история : для 9-го класса / под ред. И.С. Галкина, Л.И. Зубок, Ф.И. Нотовича, В.М. Хвостова. М. : Учпедгиз, 1952. Ч. 2. 216 с.
19. Новая история : для 9-го класса / под ред. И.С. Галкина, Л.И. Зубок, Ф.И. Нотовича, В.М. Хвостова. М. : Учпедгиз, 1954. Ч. 2. 216 с.
20. Карпинский В.А. Новая программа к учебнику по курсу «Конституция СССР» для VII класса // Преподавание истории в школе. 1954. № 4. С. 92–99.
21. Конституция СССР : для 7-го класса / под ред. В.А. Карпинского. М. : Учпедгиз, 1952. 206 с.
22. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82: В.М. Молотов. Оп. 2. Д. 279.
23. История СССР в XVIII–XIX веках : для 9-го класса средней школы / под ред. А.М. Панкратовой. М. : Учпедгиз, 1950. 328 с.
24. История СССР в XVIII–XIX веках : для 9-го класса средней школы / под ред. А.М. Панкратовой. М. : Учпедгиз, 1955. 328 с.
25. Кара-Мурза С. Идеология и мать ее наука. М. : Алгоритм. 2002. 256 с.

References

1. The Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5: Apparatus of the Central Committee of the CPSU. List 18. File 53.
2. The Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5: Apparatus of the Central Committee of the CPSU. List 18. File 76.
3. *Pravda*. (1953) Ob osnovnykh zadachakh partiiynogo prosveshcheniya v novom uchebnom godu [On the main tasks of party education in the new academic year]. 27th September.
4. The State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 9396: Ministry of Culture of the USSR. List 1. File 27.
5. The Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5: Apparatus of the Central Committee of the CPSU. List 18. File 64.
6. The Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5: Apparatus of the Central Committee of the CPSU. List 18. File 52.
7. Vavilov, S.I. (ed.) (1950) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 5. Moscow: Sov. Entsiklopediya.
8. Shestakov, A.V. (ed.) (1954) *Istoriya SSSR. Kratkiy kurs dlya 4-go klassa* [History of the USSR. A Short Course for the 4th Grade]. Moscow: Uchpedgiz.
9. Shestakov, A.V. (ed.) (1955) *Istoriya SSSR. Kratkiy kurs dlya 4-go klassa* [History of the USSR. A Short Course for the 4th Grade]. Moscow: Uchpedgiz.
10. Nechkina, M.V. (ed.) (1949) *Istoriya SSSR. Rossiya v XIX veke* [History of the USSR. Russia in the 19th century]. Vol. 2. Moscow: Gospolitizdat.
11. Nechkina, M.V. (ed.) (1954) *Istoriya SSSR. Rossiya v XIX veke* [History of the USSR. Russia in the 19th century]. Vol. 2. Moscow: Gospolitizdat.
12. Dedichenko, V.A. (ed.) (1953) *Istoriya Ukrainskoy SSR* [History of the Ukrainian SSR]. Vol. 1. Kiev: Ukrainian SSR Academy of Sciences.
13. Dedichenko, V.A. (ed.) (1956) *Istoriya Ukrainskoy SSR* [History of the Ukrainian SSR]. Vol. 1. Kiev: Ukrainian SSR Academy of Sciences.
14. Efimov, A.B. (ed.) (1952) *Novaya istoriya : dlya 8-go klassa* [New History: For the 8th Grade]. Vol. 1. Moscow: Uchpedgiz.
15. Efimov, A.B. (ed.) (1954) *Novaya istoriya : dlya 8-go klassa* [New History: For the 8th Grade]. Vol. 1. Moscow: Uchpedgiz.
16. Galkin, I.S., Zubok, L.I., Notovich, F.I. & Khvostov, V.M. (eds) (1953) *Novaya istoriya: dlya 9-go klassa* [New History: For the 9th Grade]. Vol. 2. Moscow: Uchpedgiz.
17. Galkin, I.S., Zubok, L.I., Notovich, F.I. & Khvostov, V.M. (eds) (1955) *Novaya istoriya: dlya 9-go klassa* [New History: For the 9th Grade]. Vol. 2. Moscow: Uchpedgiz.
18. Galkin, I.S., Zubok, L.I., Notovich, F.I. & Khvostov, V.M. (eds) (1952) *Novaya istoriya: dlya 9-go klassa* [New History: For the 9th Grade]. Vol. 2. Moscow: Uchpedgiz.
19. Galkin, I.S., Zubok, L.I., Notovich, F.I. & Khvostov, V.M. (eds) (1954) *Novaya istoriya: dlya 9-go klassa* [New History: For the 9th Grade]. Vol. 2. Moscow: Uchpedgiz.
20. Karpinskiy, V.A. (1954) Novaya programma k uchebniku po kursu “Konstitutsiya SSSR” dlya VII klassa [New program for the textbook on the course “The Constitution of the USSR” for Grade VII]. *Prepodavanie istorii v shkole*. 4. pp. 92–99.
21. Karpinskiy, V.A. (ed.) (1952) *Konstitutsiya SSSR: dlya 7-go klassa* [The Constitution of the USSR: for the 7th grade]. Moscow: Uchpedgiz.
22. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 82: V.M. Molotov. List 2. File 279.
23. Pankratova, A.M. (ed.) (1950) *Istoriya SSSR v XVIII–XIX vekakh: dlya 9-go klassa sredney shkoly* [History of the USSR in the 18th – 19th centuries: for the 9th grade of high school]. Moscow: Uchpedgiz.
24. Pankratova, A.M. (ed.) (1955) *Istoriya SSSR v XVIII–XIX vekakh: dlya 9-go klassa sredney shkoly* [History of the USSR in the 18th – 19th centuries: for the 9th grade of high school]. Moscow: Uchpedgiz.
25. Kara-Murza, S. (2002) *Ideologiya i mat' ee nauka* [Ideology and Its Mother-Science]. Moscow: Algoritm.

Сведения об авторе:

Артиков Антон Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения Самарского филиала Московского городского педагогического университета (Самара, Россия). E-mail: artiukov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Artyukov Anton P. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, International Law and Foreign Regional Studies Samara branch of Moscow City Pedagogical University (Samara, Russian Federation). E-mail: artiukov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.02.2019; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 07.02.2019; accepted for publication 06.05.2022

Научная статья

УДК 94(570) + 930.2+271.2

doi: 10.17223/19988613/77/14

Вопросы изучения истории Томской епархии в современных исторических исследованиях

Юрий Анатольевич Зноско

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Средняя школа № 153, Новосибирск, Россия

znosko1868@gmail.com

Аннотация. Приводится краткий историографический обзор исследований, посвященных истории Томской епархии и входящей в ее состав Алтайской духовной миссии, ее территориально-административного делению, духовенству, направлениям деятельности. Выделены четыре научные школы (Алтайская, Кемеровская, Новосибирская и Томская), изучающие различные аспекты православия на территории Западной Сибири, определены их особенности, основные авторы и их труды. Отмечена необходимость проведения комплексного пространственного анализа динамики развития Томской епархии.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Томская епархия, Томская губерния, духовенство, Алтайская духовная миссия, церковная история, церковно-административное деление

Для цитирования: Зноско Ю.А. Вопросы изучения истории Томской епархии в современных исторических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 115–123. doi: 10.17223/19988613/77/14

Original article

Questions of studying the history of the Tomsk diocese in modern historical research

Yuri A. Znosko

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

Secondary School No. 153, Novosibirsk, Russian Federation

znosko1868@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the issues of modern historiography of the Tomsk diocese. In the course of the research, the author identifies four main centers for the study of local church history in Western Siberia, which differ in local historiosophical traditions, approaches, issues and problems raised. The Altai school is characterized by a great research interest in the history of the Altai spiritual Mission and, accordingly, the issues of missionary work, as well as the extensive use of methods of historical geoinformatics. The experience of cartographic reconstruction, produced on the basis of church documentation, seems to be potential for the analysis of demographic, socio-economic, and cultural processes. The Kemerovo School of Church researchers is the most numerous. It is distinguished by a fundamental approach to research and a wide range of issues under consideration, such as monastic and church construction, the parish system, the relationship between the Orthodox clergy and Old Believers, parish education, etc. In Novosibirsk the appeal to the history of the church and church documentation made it possible to significantly expand the source base on the issues of worldview, education, management, and economy of the region, but in recent years the roles and functions of the clergy have been actively studied through certain aspects of their activities such as the fight against drunkenness, health education, charity, etc. The Tomsk school mainly considers the church through biographies and the worldview of the clergy, as well as in the context of the development of Siberia and its socio-political life. Common to all regions are the following: broad study of issues related to the repressions against the clergy that occurred after 1917; local history and search activities to fill in the lost information about churches, clergy. Thus, the author comes to the conclusion about decentralization of study of this issue, which has both positive and negative features. Each of these centers of study has its own scientific school, its own traditions, interests and a set of methodological technologies. The article notes that the list of issues, subjects, problems, in which the clergy of the Tomsk diocese are studied, has been rapidly expanding in recent years, and previously unprocessed documents are being introduced into scientific circulation. The author also expressed the need to more actively use GIS technologies and methods of spatial analysis, which will make it possible to study the territorial and administrative division more systematically, as well as the dynamics of social processes and the influence of topogeographic factors on them in the context of migration processes to Siberia.

Keywords: Russian Orthodox Church, Tomsk diocese, Tomsk province, clergy, Altai spiritual mission, church history, church-administrative division

For citation: Znosko, Y.A. (2022) Questions of studying the history of the Tomsk diocese in modern historical research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University Journal of History*. 77. pp. 115–123. doi: 10.17223/19988613/77/14

Вопросы, связанные с историей Русской православной церкви, на сегодняшний день активно разрабатываются на различных уровнях. Особенно историков привлекает период XIX – начала XX в. Связано это с множеством факторов, среди которых можно выделить открытие церковных фондов архивами и музеями для исследователей, удовлетворительную степень сохранности церковной документации, появление и развитие множества направлений исторической науки, а также стремление восполнить пробелы в исследовании церкви, связанные с отношением к данной теме советской идеологии. Исходя из этого мы определили необходимость краткого историографического обзора изучения Томской епархии Русской православной церкви для определения направления будущих исследований.

Интерес ученых к региональным аспектам церковной истории возрос после 1993 г., когда был издан справочник по документам РПЦ, хранящимся в центральных и региональных архивах [1, 2]. Так, в период 1992–2001 гг. появились труды посвященные истории Санкт-Петербургской, Иркутской, Тобольской, Астраханской, Пензенской, Владивостокской и Приморской, Самарской, Екатеринбургской и других епархий. За последние 20 лет сфера изучения жизни РПЦ в досоветском обществе значительно расширилась: социокультурное значение РПЦ в образовании, проповеди, миссионерстве, политической жизни общества; история регионов, благочиний, приходов, отдельных монастырей и храмов; биографии представителей духовенства; церковная мемуаристика; анализ церковных СМИ; религиозная география; взаимодействие с другими конфессиями. Это лишь некоторые из актуальных и активно развивающихся сегодня направлений изучения истории церкви. Одним из таких вопросов является история Томской епархии, ее роль и влияние на другие сферы жизни.

Томская епархия в начале XX в. включала в себя территории современных Кемеровской, Новосибирской, Томской областей, Алтайского края, Республики Алтай, часть территории Казахстана, Красноярского края и Тюменской области. Данный факт отразился и на изучении местной церковной истории в XXI в. Сложилось несколько самостоятельных, но взаимодополняющих направлений исследования Томской епархии. При этом работы отражают традиции, подходы и имеющийся опыт той научной школы, к которой принадлежал исследователь, а на объекты их интересов во многом влияет содержание документальных источников, которые доступны исследователям в родном регионе. Так, условно можно выделить четыре школы: Алтайскую, Кемеровскую, Новосибирскую, Томскую.

Характерными чертами Алтайской школы церковной истории можно назвать системный подход, широкий круг рассматриваемых вопросов, использование

ГИС-технологий для пространственного анализа. При этом поле внимания алтайских исследователей, как правило, территориально, не выходит за границы Алтая. Во многом это связано с Алтайской духовной миссией (АДМ) – структурным подразделением РПЦ на территории Алтая, которое во многих вопросах было автономно от епархиального руководства, подчиняясь напрямую Святейшему Синоду.

Замечательный импульс изучению православия в Западной Сибири, а особенно на Алтае, дала публикация ключевых документальных источников по церковной истории [3].

Значительную работу по сбору, поиску и обнаружению материалов по Алтайской духовной миссии провел протоиерей Ю.А. Крейдун. Помимо публикации документальных и визуальных архивных документов по культовым сооружениям Алтайской духовной миссии, были составлены компьютерные объемные проекции ряда зданий на основе чертежей и фотоматериалов, что может быть использовано как в учебно-информационных целях, так и в научной реконструкции архитектуры [4]. Данный автор также рассмотрел строительный процесс, архитектурную стилистику и провел ряд экспедиций с использованием археологических и этнографических методов, пытаясь ответить на нетривиальный вопрос: «Как строили храмы?», – и составил проект всей технологической цепочки строительства культовых сооружений в XIX – начале XX в. [5]. Также Ю.А. Крейдун провел обстоятельное исследование истории АДМ, ее структуры, подразделений и миссионерской деятельности [6].

Большой вклад в изучение АДМ внесла Н.В. Расова [7]. Она уточнила и дополнила хронику развития миссии, дала характеристику ее служащим и собрала документальные и мемуарные сведения, дающие оценку их деятельности. Развитие и эволюцию системы женских обителей на территории Алтая, а также их просветительскую и благотворительную деятельность рассмотрела А.П. Адлыкова [8]. Становление и развитие миссионерства изучал и В.Ю. Софонов, но в более широких временных (конец XVII – конец XX в.) и территориальных (миссии Западной Сибири) границах [9]. Отличительными чертами его работы стали сравнительный анализ Алтайской миссии с Обдорской, Кондинской и Сургутской миссиями, рассмотрение методов и результатов взаимодействия православной миссии с представителями других конфессий, старообрядчества, различных сект. Роль и деятельность РПЦ в контексте Столыпинской реформы на Алтае обозначили в коллективной монографии В.Н. Разгон, А.А. Храмков, К.А. Пожарская [10].

Нельзя обойти вниманием и развитие в среде алтайских историков такого направления, как историческая геоинформатика. Данная технология позволяет

обобщить картографическую, статистическую и текстовую информацию из различных источников и создать уникальный информативный картографический продукт, на основе которого можно визуализировать различные исторические процессы, проследить связи и закономерности, неочевидные ранее. Одним из признанных специалистов в этой сфере исследований является В.Н. Владимиров, чей ученик М.Е. Чибисов применил опыт перенесения информации текстовых источников, а именно клировых ведомостей, в графический формат с использованием ГИС-технологий [11]. Им были составлены карты приходов Барнаульского духовного правления с указанием различных параметров, что дает обширную базу для пространственного анализа. Однако по данным картам невозможно проследить динамическое различие приходских и волостных границ, границы благочиний, центры приходов и населенные пункты, входящие в них. Д.Е. Сарафанов осуществил картографическую реконструкцию демографической картины Барнаула XIX в. на основе документации церковно-приходского учета населения [12], а также критический анализ такого типа источников, проведя сравнение данных церковных и светских органов управления [13]. Подобный подход к обработке и использованию источников дает потенциал для изучения не только демографических, но и социально-экономических, культурных и других процессов.

Кемеровская школа исследователей Томской епархии выделяется фундаментальным подходом в своих работах, используя основной массив источников базы, а также вводя в научных оборот необработанные ранее документы. Важную роль в дальнейших исследованиях сыграла источниковедческая работа В.В. Шиллера [14], в которой были определены основные методики и практики использования в исторических исследованиях церковной документации. Количество приходов Томской епархии, их социальный состав, состав причта и его взаимодействие с прихожанами изучил А.М. Адаменко [15]. Сбор сведений о каждом приходе позволил отобразить общую картину приходской структуры. Критериями для обобщения были выбраны приходская церковь и населенный пункт, где она находилась, а также количество представителей каждого из сословий. К данным за 1914 г. добавляется количество населенных пунктов в приходе, количество православных, раскольников и язычников, состав причта, обеспеченность землей и жилым помещением, источники содержания причта, однако за этот год не приводятся сведения о сословном составе прихода. К тому же большой временной промежуток между сводными данными (1855, 1875 и 1914 гг.) не дает полной возможности отследить динамику изменения прихода, его размеров, кадрового и материального обеспечения, а также оценить влияние факторов, связанных с активным переселением в Западную Сибирь в конце XIX – начале XX в.

Вопрос развития монастырской сети, роль и место монастырей в управлеченческой, миссионерской, общественной и хозяйственной жизни Томской епархии стал объектом изучения В.А. Овчинникова [16]. Им были рассмотрены динамическое развитие монасты-

рей и обителей, их типологизация, характеристика и численность монашествующих лиц, а также приведены примеры процедуры открытия новых монастырей и обителей. Развитие православия в Кузбассе изучалось Л.А. Тресвятским [17]. Рассматривая историю развития отдельных приходов, церквей и их причта, автору удалось собрать и обработать колоссальный объем документов и ввести их в научный оборот, но, к сожалению, период XX в. в его работах отражен слабо. В данном контексте нельзя не упомянуть коллективную монографию об истории строительства, архитектурно-стилевых особенностях православных храмов на территории современной Кемеровской области [18].

Развитие, положение и организацию системы церковно-приходского образования изучила Ю.Ю. Гизей [19]. Ею проведен системный анализ места и роли церковно-приходской школы в системе начального образования Западной Сибири, деятельности Томского епархиального училищного Совета в организации образовательного процесса, дана характеристика образа учительского персонала. Однако вопросы процесса и оценки подготовки педагогических кадров остается, на наш взгляд, не полностью проработанным, а именно не дана оценка качества курсов учительской подготовки.

Старообрядцы и инородцы в пореформенный период занимали особое место в социальной структуре Российской империи. К началу XX в. санкционная политика по отношению к ним со стороны православной церкви и государства ослабевает, создается и поддерживается система единоверческих церквей, и в связи с этим они становятся более «открытыми» для статистического учета и анализа, который осуществлялся епархиальным начальством. Благодаря этому К.Ю. Иванову удалось рассмотреть положение и статус сибирского старообрядчества и его взаимоотношения с православным духовенством [20].

Алтайская духовная миссия также интересовала кузбасских исследователей. Так, в 1996 г. Д.В. Кацюба обобщил наработки исторической науки по вопросам данной миссии на тот момент, что стало опорой для следующего поколения исследователей [21].

Одна из основных работ по истории Томской епархии принадлежит О.Н. Устьянцевой (Тереховой) [22]. Она дала институциональные характеристики Томской епархии как управлеченческой структуре, выполняющей ряд социальных и культурных функций, проанализировала в динамике ее общее состояние, процесс храмостроительства, социальное и финансовое положение духовенства. Автором проведен анализ изменений территориально-административного деления епархии, просчитана динамика роста приходов и дано сравнение местных тенденций с общегосударственными, однако ряд вопросов остался незатронутым или не до конца раскрытым. Среди таких вопросов движение приходских и благочинных границ, проблема приписки населения к приходам, отсутствие визуализации динамики количественных и качественных статистических показателей церковного административно-территориального деления, проблемы, вызванные различиями границ светской и духовной власти, особенно при выполнении государственных обязанностей.

Обобщенный опыт кузбасских исследователей Томской епархии был собран в виде коллективной монографии [23].

В Томске, что удивительно, проблемы истории Томской епархии XIX – начала XX в. специально практически не изучалась. Исключение составляет монография В.П. Бойко, С.В. Смокотина и Е.В. Ситниковой о храмовом строительстве в Томской губернии [24]. Фактически это издание незащищенной диссертации безвременно почившего иеряя С.В. Смокотина по истории деятельности РПЦ в Томской губернии, дополненное иллюстрациями храмов и чертежей церквей. Можно отметить лишь несколько работ, посвященных биографическому обзору томских архиереев [25] и проведенных томскими учеными на должном уровне. Трансформации, культурные и ментальные характеристики сибирского старообрядчества основательно изучила Е.Е. Дутчак [26]. Различные аспекты деятельности РПЦ рассмотрены при изучении колонизации Сибири [27], ее хозяйственного освоения [28] и общественно-политической жизни [29].

В Новосибирске роль православной церкви в региональных исторических процессах и различные аспекты ее деятельности попали в поле научных интересов с начала 1980-х гг. Пионером данного направления была Н.Д. Зольникова. Именно она во многом заложила основу и обозначила вектор дальнейших исследований региональных конфессиоанальных обществ. Обозначенные ею вопросы – взаимодействие церкви и государства [30], состояние приходской системы [31], изучение культуры и быта различных региональных ветвей старообрядчества [32]. Это позволило уже к концу 1980-х гг. использовать материалы духовного ведомства для дополнения картины исторических процессов, происходивших в конце XIX – начале XX в., например, в просвещении, где без изучения церковного образования, которое к тому периоду занимало с переменным успехом более половины рынка начального образования, невозможно было дать объективную оценку. Обращение к этим материалам позволило К.Е. Зверевой полноценно представить организацию и процесс начального образования в указанный период [33]. Позднее данный вопрос развили в своих работах А.В. Ремнёв [34], Е.И. Соловьёва, Д.В. Константинов [35]. Использовав наработки коллег, а также изучив ранее недоступные документы церковного делопроизводства, Т.В. Батурина смогла дать характеристику роли и влияния православной церкви на переселенческие процессы в Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. [36].

Открытие доступа исследователям к церковным фондам архивов и избавление от идеологических ограничений в конфессиональном вопросе позволили М.М. Громыко [37] и Н.А. Миненко [38] системно изучить культурологические и мировоззренческие вопросы сибирского населения. Именно они во многом определили современное представление о роли религии в культурной жизни сибиряков. Однако в наши дни актуальным и востребованным становится вопрос об особенностях социокультурных характеристиках самого духовенства, как его отдельных представителей, так и

группы в целом. Так, образ священника-миссионера, формируемый и транслируемый через церковную периодическую печать, детально разобрала Н.А. Лысенко [39], определив, что епархиальное руководство старалось представить миссионера исследователем, первооткрывателем и проводником для инородцев в цивилизованный мир. И, несмотря на критику, этот образ был довольно устойчив. В свою очередь, социокультурный облик духовенства как отдельного класса с набором особых характеристик рассмотрела А.В. Васильева [40].

На сегодняшний день мы имеем целый ряд работ, которые обозревают различные направления деятельности духовенства Томской епархии, что дает в итоге более объективную картину ее значения, масштаба влияния и взаимодействия с обществом. Среди таких направлений можно выделить роль церкви в культурно-массовой жизни [41], борьбу с пьянством [42], попечение бедных и сирот [43], санитарную и медицинскую деятельность [44], миссионерство и борьбу с сектантством [45], благотворительность [46], женские объединения [47]. Также здесь стоит отметить контекстное изучение роли духовенства в глобальных процессах на региональном уровне. В первую очередь это связано с деятельностью представителей церкви в период Первой мировой войны, события, которое на территории Томской губернии изучали Ю.А. Фабрика [48], И.А. Еремин [49], А.И. Тимошенко, В.В. Введенский [50], М.В. Шиловский [51]. Последний также рассматривал политическое и общественное влияние духовенства региона в условиях революции 1904–1905 гг. [52], а также революционных событий 1917 г. [53].

Отдельно стоит выделить работы, посвященные истории православной церкви в условиях революций 1917 г., Гражданской войны, отдельных вех советского государства. Одним из первых в современной России проблемы взаимоотношений советской власти и церкви обозначил М.Л. Белоглазов [54]. Им определено, что главными сложностями, с которыми столкнулась церковь, были внутренний раскол и репрессивные меры со стороны государства. Одним из специалистов по истории церкви 1920-х гг. является С.Г. Петров [55]. Публикация документов центральных архивов, иллюстрирующих действия государства по отношению к церкви, осуществленная им в соавторстве с академиком Н.Н. Покровским, дала неоценимую источниковую базу для изучения взаимоотношений советской власти и духовенства в раннесоветский период [56], а анализ и критика этого корпуса документов позволяет использовать их более эффективно [57]. Вопрос дискриминации и репрессий духовенства со стороны советской власти является в наше время неполностью изученным вследствие слабой сохранности документальной базы, однако попытки оценить этот процесс стоит отметить. Так, ограничения в правах и свободах, вводимые государством против православного духовенства, и его реакцию на данную дискриминацию исследовала Д.Н. Москаленская [58]. Историю церковных репрессий на территории Томской области рассмотрели М.В. Фаст, Н.П. Фаст [59], В.Н. Уйманов [60], на Алтае – В.Ф. Гришаев [61], в Новосибирской

области – И.В. Затолокин [62]. Книги памяти жертв политических репрессий также содержат сведения о представителях духовенства. В последние годы они составляются и обновляются регионами: Томская область [63], Новосибирская область [64], Кемеровская область [65], Алтайский край [66], Республика Алтай [67].

Стоит также отметить интерактивную ГИС проекта «Родиновед», руководителем которого является уже упомянутый протоиерей И.В. Затолокин [68]. На данный момент на этой платформе собраны сведения о церквях, монастырях, архиерейских домах и других культовых православных сооружениях на территории бывшей Томской епархии. Эти данные включают: координаты местонахождения объекта, историю объекта, сведения о нынешнем состоянии (сохранилось / не сохранилось / восстановлено), информацию о служителях данных объектов, фотоматериалы. Несмотря на большой объем проделанной работы и обработанной информации, данный проект нельзя назвать полностью завершенным. Во-первых, акцент сделан в первую очередь на объекты, находящиеся на данный момент на территории Новосибирской области, охват других регионов, входивших в Томскую епархию, произведен, но не полностью. Во-вторых, отсутствует возможность хронологически на карте проследить развитие храмовой сети региона, хотя в представленном каталоге церквей есть возможность отсортировать их по году постройки. В-третьих, не показаны границы приходов

и благочиний, что не позволяет оценить, какие населенные пункты, не имеющие собственной церкви, к какой из соседних церквей были приписаны.

Резюмируя все вышеупомянутое, нужно отметить, что на сегодняшний день изучение Томской епархии, ее структуры, деятельности и представителей развивается в основных центрах, которые она ранее объединяла, что лишь подтверждает многогранную роль, которую церковь играла в Российской империи к началу XX в. В каждом из центров изучения имеются своя научная школа, свои традиции, интересы и набор методологических технологий. Такой подход не только позволяет внутри каждой школы готовить новых специалистов, передавать навыки опытным путем, но и свидетельствует о децентрализации научного сообщества, имеющей как позитивные, так и негативные стороны. Набор вопросов, сюжетов, проблем, в рамках которых изучается духовенство Томской епархии, постоянно расширяется, вводятся в научный оборот ранее необработанные документы. Однако использование пространственного анализа приходского и благочинного устройства Томской епархии остается одной из важнейших задач, решение которой будет способствовать системному и многофакторному представлению процессов, происходивших в территориально-административном делении, социальной структуре, выявлению влияния топографических факторов как на развитие приходской системы управления церкви, так и на процессы переселения в Западную Сибирь в начале XX в.

Список источников

1. История Русской Православной церкви в документах региональных архивов России : аннот. справ.-указ. / сост. М.В. Бельдова и др. М. : Новоспас. монастырь, 1993. 681 с.
2. История Русской Православной церкви в документах федеральных архивов России, архивов Москвы и Санкт-Петербурга : аннот. справ.-указ. / сост. М.В. Бельдова и др. М. : Новоспас. монастырь, 1995. 397 с.
3. Документы по истории церквей и вероисповедания в Алтайском крае. Барнаул, 1997. 407 с.
4. Крейдун Ю.А. Храмы, станы и монастыри Алтайской духовной миссии : чертежи, панорамы, 3D-модели. Барнаул : Алт. дом печати, 2013. 287 с.
5. Крейдун Ю.А. Миссионерское храмоздательство на Алтае. Воссоздание облика утраченных храмов XIX – начала XX в. Барнаул : Алт. дом печати, 2013. 262 с.
6. Крейдун Г., свящ. Алтайская духовная миссия в 1830–1919 годы: структура и деятельность. М. : Изд-во ПСТГУ, 2008. 200 с.
7. Расова Н.В. Миссионерская деятельность Русской Православной церкви на Алтае в XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 287 с.
8. Адлыкова А.П. Монастыри Алтайской Духовной миссии во второй половине XIX – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2003. 214 с.
9. Софонов В.Ю. Миссионерская деятельность Русской Православной церкви в Западной Сибири в конце XVII – начале XX веков : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007. 450 с.
10. Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе. Барнаул : Азбука, 2013. 346 с.
11. Чибисов М.Е. Клировые ведомости как источник по истории приходов Барнаульского духовного правления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1804–1864 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 243 с.
12. Сарафонов Д.Е. Материалы церковно-приходского учета населения как источник для изучения численности и демографического развития населения Барнаула в XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 27 с.
13. Сарафонов Д.Е. Опыт сравнительного анализа материалов церковно-приходского и административного учетов населения (на примере населения Барнаула XIX в.) // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографических источников / под ред. В.Н. Владимириова. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2007. С. 217–240.
14. Шиллер В.В. Этноконфессиональное взаимодействие в Кемеровской области в конце XIX – XX в. (источники и методы изучения) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2004. 30 с.
15. Адаменко А.М. Приходы Русской православной церкви на юге Западной Сибири в XVIII – начале XX века. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2014. 190 с.
16. Овчинников В.А. Православные монастыри, архиерейские дома и женские общины Томской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2002. 26 с.
17. Тресвятский Л.А. Православие на Кузнецкой земле в дореволюционный период. Новокузнецк : МАОУ ДПО ИПК, 2013. 267 с.
18. Кимеев В.М., Кандрашин Д.Е., Усольцев В.Н. Православные храмы Кузбасса. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1996. 307 с.
19. Гизей Ю.Ю. Церковно-приходская школа Западной Сибири конца XIX – начала XX века (по материалам Томской Епархии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2004. 24 с.
20. Иванов К.Ю. Старообрядчество юга Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2001. 272 с.

21. Кацюба Д.В. Алтайская Духовная миссия. Вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности. Кемерово : Изд-во КемГУ, 1996. 155 с.

22. Устьянцева О.Н. Томская епархия в конце XIX – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2003. 259 с.

23. Русская православная церковь юга Западной Сибири (XIX–XX вв.) : исторические очерки / А.М. Адаменко, Ю.Ю. Гизей, А.В. Горбатов и др. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2007. 319 с.

24. Бойко В.П., Смокотин С.В., Ситникова Е.В. Православное храмовое строительство в Томской губернии в XVII – начале XX века. Томск : Изд-во ТГАСУ, 2021. 164 с.

25. Исаков С.А., Дмитриенко Н.М. Томские архиереи : биогр. словарь, 1834–2002. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 111 с.

26. Дутчак Е.Е. Старообрядческие таежные монастыри: условия сохранения и воспроизведения социокультурной традиции (вторая половина XIX – начало XXI в.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2008. 55 с.

27. Черная М.П. Роль христианизации в русской колонизации (XVII–XIX вв.) // Американский и Сибирский фронт : материалы междунар. науч. конф. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. Вып. 2. С. 115–124.

28. Храпова Н.Ю. Место и роль Алтайской духовной миссии в процессе колонизации и хозяйственного освоения Горного Алтая (1828–1905 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1989. 24 с.

29. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. / сост. В.П. Зиновьев, О.А. Харусь. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Т. 1: 1880 – февраль 1917 г. 402 с.

30. Зольникова Н.Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск : Наука, 1981. 183 с.

31. Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск : Наука, 1990. 288 с.

32. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: проблемы творчества и общественного сознания. М. : Памятники истор. мысли, 2002. 466 с.

33. Зверева К.Е. Просвещение крестьянства Сибири в конце XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1988. 249 с.

34. Ремнёв А.В. Правительственный взгляд на церковное и школьное строительство в зоне Сибирской железной дороги на рубеже XIX–XX веков // История культуры советского общества. Омск : ОмГУ, 1990. С. 67–70.

35. Соловьёва Е.И., Константинов Д.В. Деятельность фонда имени императора Александра III в церковно-школьном строительстве Сибири // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск : Изд-во НГПИ, 1992. С. 105–114.

36. Батурина Т.В. Русская православная церковь и крестьянские переселения в Сибирь на рубеже XIX–XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1999. 204 с.

37. Громыко М.М. Мир русской деревни. М. : Молодая гвардия, 1991. 446 с.

38. Миненко Н.А. Культура русских крестьян Зауралья. М. : Наука, 1991. 222 с.

39. Лысенко Н.А. Идеал сибирского священника-миссионера в официальных периодических изданиях Русской православной церкви второй половины XIX – начала XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2014. 222 с.

40. Васильева А.В. Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2015. 261 с.

41. Дегальцева Е.А. Культурно-просветительские объединения Томской губернии в последней трети XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1999. 300 с.

42. Караваева Е.В. Из истории трезвеннического движения в Томской епархии (конец XIX – начало XX века) // Сибирский медицинский журнал. 2010. Т. 25, № 3–1. С. 96–101; № 4–1. С. 148–153.

43. Караваева Е.В. Призрение сирот при монастырях и женских общинах в последней четверти XIX – начале XX в. (на примере Томской епархии) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4–3. С. 95–100.

44. Караваева Е.В. Санитарно-просветительская и медицинская деятельность русской православной церкви среди сельского населения во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Томской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. 290 с.

45. Ильин В.Н. Противораскольническое братство святителя Димитрия, митрополита Ростовского в Томской епархии // Известия АлтГУ. 2013. № 4 (80). С. 157–161.

46. Быкасова Л.В. Благотворительность в истории культурной жизни Западной Сибири конца XVIII – начала XX века. Новокузнецк : СибГИУ, 2007. 164 с.

47. Катионов О.Н., Зненко Ю.А. Кружки дам духовного звания Томской губернии в годы Первой мировой войны // Интерэкспо-ГЕО-Сибирь–2016 : XII Междунар. науч. конгресс. Новосибирск : СГУГиТ, 2016. Т. 1. С. 26–30.

48. Фабрика Ю.А. Сибирь сражающаяся. Омский (Сибирский) военный округ в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Новосибирск : Сиб. кн. изд-во, 2014. Т. 1. 688 с.

49. Ерёмин И.А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. 276 с.

50. Сибирский тыл в исторической динамике XX столетия: теория и практика реализации идеи / А.И. Тимошенко, В.В. Введенский, В.А. Исупов и др. Новосибирск : Параплель, 2016. 379 с.

51. Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск : Автограф, 2015. 329 с.

52. Шиловский М.В. Православное духовенство и погромы в Сибири в конце 1905 г. // Сибирь на перекрестье мировых религий : материалы межрегионар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2011. С. 132–135.

53. Шиловский М.В. Сибирские объединения РПЦ в революции 1917 г. (на примере Томской епархии) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2017. Т. 21. С. 96–100.

54. Белоглазов М.Л. Взаимоотношения органов государственной власти и православной церкви на Алтае (октябрь 1917 – 1925 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1992. 19 с.

55. Петров С.Г. Новые данные об обновленческом Поместном соборе 1923 года // История Русской Православной Церкви в XX веке (1917–1933) : материалы конф., Сентендре (Венгрия), 13–16 ноября 2001 г. Сентендре, 2002. С. 259–283.

56. Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. : в 2 кн. / изд. подгот. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. Новосибирск : Сиб. хронограф ; М. : РОССПЭН, 1997–1998.

57. Петров С.Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.) / отв. ред. Н.Н. Покровский. М. : РОССПЭН, 2004. 406 с.

58. Москаленская Д.Н. Православные священно- и церковнослужители-«лишенцы» Западной Сибири в середине 1920-х – середине 1930-х гг.: статус, облик, поведение : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 227 с.

59. Фаст М.В., Фаст Н.П. Нарымская голгофа: материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. Томск ; М. : Водолей, 2004. 560 с.

60. Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 – 1941 гг.). Томск : Том. гос. ун-т, 2012. 562 с.

61. Гришаев В.Ф. Невинно убиенные. К истории сталинских репрессий православного духовенства на Алтае. 2-е изд. Бийск : Бия, 2007. 238 с.

62. Ложок : из истории Искитимского «каторжного» лагеря. 4-е изд. / сост. И.В. Затолокин. Искитим, 2019. 200 с.

63. Боль людская : книга памяти жителей Томской области репрессированных в 1920-х – начале 1950-х гг. : в 3 т. 2-е изд., доп. и перераб. / сост. В.Н. Уйманов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016.

64. Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области / сост. и отв. ред. С.А. Папков. Новосибирск : К-2, 2018. Вып. 5. 382 с.

65. Стальнск. Годы репрессий (по материалам Новокузнецкого городского краеведческого музея) / авт.-сост. Л.И. Фойт. Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 1994. Вып. 1. 38 с.

66. Жертвы политических репрессий в Алтайском крае / отв. ред. Г.Н. Безруков. Барнаул : Управление архивного дела Администр. Алт. края, 1998. Т. 1: 1919–1930. 483 с.

67. Книга памяти жертв политических репрессий / сост. П.И. Чепкин, О.Н. Вразовская, Т.А. Бурак. Горно-Алтайск : ЮЧ-Сюмер, 1996. Т. 1. 285 с.

68. Родиновед : сайт сибирских краеведов. URL: <http://rodinoved.ru/> (дата обращения: 11.08.2021).

References

1. Beldova, M.V. et al. (eds) (1993) *Istoriya Russkoy Pravoslavnoy tserkvi v dokumentakh regional'nykh arkhivov Rossii* [The history of the Russian Orthodox Church in the documents of the regional archives of Russia]. Moscow: Novospas. monastyr'.
2. Beldova, M.V. et al. (eds) (1995) *Istoriya Russkoy Pravoslavnoy tserkvi v dokumentakh federal'nykh arkhivov Rossii, arkhivov Moskvy i Sankt-Peterburga* [The history of the Russian Orthodox Church in the documents of the Federal Archives of Russia, the archives of Moscow and St. Petersburg]. Moscow: Novospas. monastyr'.
3. Division of Archival Affairs of the Altai Territory Administration. (1997) *Dokumenty po istorii tserkvey i veroispovedaniya v Altayskom krae* [Documents on the history of churches and religion in the Altai Region]. Barnaul: Division of Archival Affairs of the Altai Territory Administration.
4. Kreydun, Yu.A. (2013a) *Khramy, stany i monastyri Altayskoy dukhovnoy missii: chertezhi, panoramy, 3D-modeli* [Temples, camps and monasteries of the Altai Spiritual Mission: drawings, panoramas, 3D models]. Barnaul: Alt. dom pechati.
5. Kreydun, Yu.A. (2013b) *Missionerskoe khramozdatel'stvo na Altae. Vossozdanie oblika utrachennykh khramov XIX – nachala XX v.* [Missionary church building in the Altai. Reconstruction of the appearance of the lost temples of the 19th – early 20th century]. Barnaul: Alt. dom pechati.
6. Kreydun, G. (2008) *Altayskaya dukhovnaya missiya v 1830–1919 gody: struktura i deyatel'nost'* [Altai Spiritual Mission in 1830–1919: its structure and activity]. Moscow: St. Tikhon's Orthodox University.
7. Rasova, N.V. (2002) *Missionerskaya deyatel'nost' Russkoy Pravoslavnoy tserkvi na Altae v XIX – nachale XX vv.* [Missionary activity of the Russian Orthodox Church in the Altai in the 19th – early 20th century]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
8. Adlykova, A.P. (2003) *Monastyri Altayskoy Dukhovnoy missii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [Monasteries of the Altai Spiritual Mission in the second half of the 19th – early 20th century]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
9. Sofronov, V.Yu. (2007) *Missionerskaya deyatel'nost' Russkoy Pravoslavnoy tserkvi v Zapadnoy Sibiri v kontse XVII – nachale XX vekov* [Missionary activity of the Russian Orthodox Church in Western Siberia in the late 17th – early 20th century]. History Cand. Diss. Barnaul.
10. Razgon, V.N., Kramkov, A.A. & Pozharskaya, K.A. (2013) *Stolypinskie migranti v Altayskom okruse* [The Stolypin migrants in the Altai District]. Barnaul: Azbuka.
11. Chibisov, M.E. (2006) *Kliroye vedomosti kak istochnik po istorii prikhodov Barnaul'skogo dukhovnogo pravleniya Kolyvano-Voskresenskogo (Altayskogo) gornogo okruga (1804–1864 gg.)* [“Kliroye Vedomosti” as a source on the history of parishes of the Barnaul Church Board of the Kolyvan-Voskresensky (Altai) Mountain District (1804–1864)]. History Cand. Diss. Barnaul.
12. Sarafonov, D.E. (2006) *Materialy tserkovno-prikhodskogo ucheta naseleniya kak istochnik dlya izucheniya chislennosti i demograficheskogo razvitiya naseleniya Barnaula v XIX v.* [Materials of the parish population registration as a source for studying the number and demographic development of the population of Barnaul in the 19th century]. History Cand. Diss. Barnaul.
13. Sarafonov, D.E. (2007) *Opyt srovnnitel'nogo analiza materialov tserkovno-prikhodskogo i administrativnogo uchetov naseleniya (na primere naseleniya Barnaula XIX v.)* [The comparative analysis of parish and administrative population records (a case study of the Barnaul population in the 19th century)]. In: Vladimirov, V.N. (ed.) *Materialy tserkovno-prikhodskogo ucheta naseleniya kak istoriko-demograficheskikh istochnik* [Materials of the parish population records as a historical and demographic source]. Barnaul: Altai State University. pp. 217–240.
14. Shiller, V.V. (2004) *Etnokonfessional'noe vzaimodeystvie v Kemerovskoy oblasti v kontse XIX – XX v. (istochniki i metody izucheniya)* [Ethno-confessional interaction in Kemerovo region in the late 19th – 20th centuries (sources and methods of study)]. Abstract of History Cand. Diss. Kemerovo.
15. Adamenko, A.M. (2014) *Prikhody Russkoy pravoslavnoy tserkvi na yuge Zapadnoy Sibiri v XVIII – nachale XX veka* [Parishes of the Russian Orthodox Church in the south of Western Siberia in the 18th – early 20th century]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
16. Ovchinnikov, V.A. (2002) *Pravoslavnye monastyri, arkhiereyskie doma i zhenskie obshchiny Tomskoy eparkhii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Orthodox monasteries, episcopal houses and women's communities of the Tomsk diocese in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Kemerovo.
17. Tresvyatskiy, L.A. (2013) *Pravoslavie na Kuznetskoy zemle v dorevolyutsionnyy period* [Orthodoxy in the Kuznetsk land in the pre-revolutionary period]. Novokuznetsk: MAOU DPO IPK.
18. Kimeev, V.M., Kandashin, D.E. & Usoltsev, V.N. (1996) *Pravoslavnye khramy Kuzbassa* [Orthodox Churches of Kuzbass]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat
19. Gizey, Yu.Yu. (2004) *Tserkovno-prikhodskaya shkola Zapadnoy Sibiri kontsa XIX – nachala XX vv. (po materialam Tomskoy Eparkhii)* [The parochial school of Western Siberia of the late 19th – early 20th centuries (a case study of the Tomsk Diocese)]. Abstract of History Cand. Diss. Kemerovo.
20. Ivanov, K.Yu. (2001) *Staroobryadchesvo yuga Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [The Old Believers of the South of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th century]. History Cand. Diss. Kemerovo.
21. Katsyuba, D.V. (1996) *Altayskaya Dukhovnaya missiya. Voprosy istorii, prosvescheniya, kul'tury i blagotvoritel'nosti* [Altai Church Mission. Questions of history, education, culture, and charity]. Kemerovo: Kemerovo State University.
22. Ustyantseva, O.N. (2003) *Tomskaya eparkhiya v kontse XIX – nachale XX veka* [Tomsk Diocese in the late 19th – early 20th century]. History Cand. Diss. Kemerovo.
23. Adamenko, A.M., Gizey, Yu.Yu. & Gorbatov, A.V. (2007) *Russkaya pravoslavnyaya tserkov' yuga Zapadnoy Sibiri (XIX – XX vv.): istoricheskie ocherki* [The Russian Orthodox Church of the South of Western Siberia (the 19th – 20th centuries): historical essays]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
24. Boyko, V.P., Smokitin, S.V. & Sitnikova, E.V. (2021) *Pravoslavnoe khramovoe stroitel'stvo v Tomskoy gubernii v XVII – nachale XX veka* [Orthodox church construction in Tomsk province in the 19th – early 20th century]. Tomsk: TSUAB.
25. Isakov, S.A. & Dmitrienko, N.M. (eds) (2002) *Tomskie arkhierei: biogr. slovar', 1834–2002* [Tomsk bishops: Biographies, 1834–2002], Tomsk: Tomsk State University.
26. Dutchak, E.E. (2008) *Staroobryadcheskie taezhnye monastyry: usloviya sokhraneniya i vosproizvodstva sotsiokul'turnoy traditsii (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI v.)* [Old Believers' taiga monasteries: conditions for the preservation and reproduction of socio-cultural tradition (the second half of the 19th – early 21st century)]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
27. Chernaya, M.P. (1997) *Rol' khristianizatsii v russkoy kolonizatsii (XVII–XIX vv.)* [The role of Christianization in Russian colonization (the 17th – 19th centuries)]. In: Pelipas, M.Ya. (ed.) *Amerikanskiy i Sibirskiy frontir* [The American and Siberian Frontier]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 115–124.

28. Khrapova, N.Yu. (1989) *Mesto i rol' Altayskoy dukhovnoy missii v protsesse kolonizatsii i khozyaystvennogo osvoeniya Gornogo Altaya (1828–1905 gg.)* [The place and role of the Altai Church Mission in the colonization and economic development of the Altai Mountains (1828–1905)]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.

29. Zinoviev, V.P. & Kharus, O.A. (eds) (2013) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii v 1880–1919 gg.* [The socio-political life of the Tomsk province in 1880–1919]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

30. Zolnikova, N.D. (1981) *Soslovnye problemy vo vzaimootnosheniakh tserkvi i gosudarstva v Sibiri (XVIII v.)* [Caste problems in the relationship between Church and State in Siberia (the 18th century)]. Novosibirsk: Nauka.

31. Zolnikova, N.D. (1990) *Sibirskaya prikhodskaya obshchina v XVIII veke* [The Siberian parish community in the 18th century]. Novosibirsk: Nauka.

32. Pokrovskiy, N.N. & Zolnikova, N.D. (2002) *Starovercheskoye na vostoke Rossii v XVIII–XX vv.: problemy tvorchestva i obshchestvennogo soznaniya* [Old Believers-Chapels in the East of Russia in the 18th – 20th centuries: problems of creativity and public consciousness]. Moscow: Pamyatniki istor. myslj.

33. Zvereva, K.E. (1988) *Prosveshchenie krest'yanstva Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv.* [Education of the Siberian peasantry in the late 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Novosibirsk.

34. Remnev, A.V. (1990) *Pravitel'stvennyy vzglyad na tserkovnoe i shkol'noe stroitel'stvo v zone Sibirskoy zheleznoy dorogi na rubezhe XIX–XX vekov* [The government view on church and school construction in the Siberian Railway zone at the turn of the 20th centuries]. In: *Istoriya kul'tury sovetskogo obshchestva* [History of the Soviet Culture]. Omsk: Omsk State University. pp. 67–70.

35. Solovieva, E.I. & Konstantinov, D.V. (1992) *Deyatel'nost' fonda imeni imperatora Aleksandra III v tserkovno-shkol'nom stroitel'stve Sibiri* [Activities of The Emperor Alexander III Foundation in church and school construction in Siberia]. In: Solovieva, E.I. (ed.) *Kul'turnyy potentsial Sibiri v dosovetskiy period* [The cultural potential of Siberia in the pre-Soviet period]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 105–114.

36. Baturina, T.V. (1999) *Russkaya pravoslavnyaya tserkov' i krest'yanskie pereseleniya v Sibir' na rubezhe XIX–XX vv.* [The Russian Orthodox Church and peasant migrations to Siberia at the turn of the 20th century]. History Cand. Diss. Novosibirsk.

37. Gromyko, M.M. (1991) *Mir russkoy derevni* [The World of the Russian Village]. Moscow: Molodaya gvardiya.

38. Minenko, N.A. (1991) *Kul'tura russkikh krest'yan Zaural'ya* [Culture of Russian Trans-Urals Peasants]. Moscow: Nauka.

39. Lysenko, N.A. (2014) *Ideal sibirskogo svyashchennika-missionera v ofitsial'nykh periodicheskikh izdaniyah Russkoy pravoslavnoy tserkvi vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [The ideal of a Siberian missionary priest in the official periodicals of the Russian Orthodox Church of the second half of the 19th – early 20th century]. History Cand. Diss. Novosibirsk.

40. Vasilieva, A.V. (2015) *Sotsiokul'turnyy oblik pravoslavnogo dukhovenstva v Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv.* [The socio-cultural image of the Orthodox clergy in Western Siberia in the late 19th – early 20th century]. History Cand. Diss. Omsk.

41. Degaltseva, E.A. (1999) *Kul'turno-prosvetitel'skie ob"edineniya Tomskoy gubernii v posledneye treti XIX – nachale XX vv.* [Cultural and educational associations of the Tomsk province in the last third of the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.

42. Karavaeva, E.V. (2010) From the history of antialcoholic movement in the Tomsk Diocese (the end of the 19th – early 20th centuries). *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal – The Siberian Medical Journal.* 25(3-1; 4-1). pp. 96–101; 148–153.

43. Karavaeva, E.V. (2010) Prizrenie sirot pri monastyryakh i zhenskikh obshchinakh v posledneye chetverti XIX – nachale XX v. (na primere Tomskoy eparkhii) [Charity of orphans at monasteries and women's communities in the last quarter of the XIX-early XX century. (on the example of the Tomsk Diocese)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestia of Altai State University.* 4–3. pp. 95–100.

44. Karavaeva, E.V. (2011) *Sanitarno-prosvetitel'skaya i meditsinskaya deyatel'nost' russkoy pravoslavnoy tserkvi sredi sel'skogo naseleniya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. (po materialam Tomskoy gubernii)* [Sanitary-educational and medical activities of the Russian Orthodox Church among the rural population in the second half of the 19th – early 20th century (based on the materials of the Tomsk province)]. History Cand. Diss. Novosibirsk.

45. Ilin, V.N. (2013) Protivorskol'nicheskoe bratstvo svyatitelya Dimitriya, mitropolita Rostovskogo v Tomskoy eparkhii [Anti-Schismatic Brotherhood of St. Demetrius, Metropolitan of Rostov in the Tomsk Diocese]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestia of Altai State University.* 4(80). pp. 157–161.

46. Bykova, L.V. (2007) *Blagotvoritel'nost' v istorii kul'turnoy zhizni Zapadnoy Sibiri kontsa XVIII – nachala XX veka* [Charity in the history of the cultural life of Western Siberia at the end of the 18th – early 20th century]. Novokuzneck: SibSIU.

47. Kationov, O.N. & Znosko, Yu.A. (2016) Krushki dam dukhovnogo zvaniya Tomskoy gubernii v gody Pervoy mirovoy voyny [Groups of ladies of the spiritual rank in the Tomsk province during the First World War]. *Interexpo-GEO-Sibir'-2016* [Interexpo-GEO-Siberia-2016]. Proc. of the 12th Congress. Vol. 1. Novosibirsk: SGUGiT. pp. 26–30.

48. Fabrika, Yu.A. (2014) *Sibir' s razhayushchayasya. Omskiy (Sibirskiy) voennyy okrug v Pervoy mirovoy voynie 1914–1918 gg.* [The fighting Siberia. The Omsk (Siberian) military District in the First World War of 1914–1918]. Vol. 1. Novosibirsk: Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.

49. Eremin, I.A. (2005) *Tomskaya guberniya kak tylovoy rayon Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1918 gg.)* [Tomsk province as a rear region of Russia during the First World War (1914–1918)]. Barnaul: BSPU.

50. Timoshenko, A.I., Vvedenskiy, V.V., Isupov, V.A., Laperdin, V.B. & Romanov, R.E. (2016) *Sibirskiy tyl v istoricheskoy dinamike XX stoletiya: teoriya i praktika realizatsii idei* [The Siberian rear in the historical dynamics of the 20th century: theory and practice of implementing the ideal]. Novosibirsk: Parallel'.

51. Shilovskiy, M.V. (2015) *Pervaya mirovaya voyna 1914–1918 godov i Sibir'* [The First World War of 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk: Avtograf.

52. Shilovskiy, M.V. (2011) *Pravoslavnoe dukhovenstvo i pogromy v Sibiri v kontse 1905 g.* [Orthodox clergy and pogroms in Siberia at the end of 1905]. In: *Sibir' na perekrest'e mirovykh religiy* [Siberia at the crossroads of world religions]. Proc. of the Conference. Novosibirsk. pp. 132–135.

53. Shilovskiy, M.V. (2017) Siberian Branches of the Russian Orthodox Church in the Revolution of 1917 (by the Example of Tomsk Diocese). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istorika – The Bulletin of Irkutsk State University. Series "History".* 21. pp. 96–100. (In Russian).

54. Beloglazov, M.L. (1992) *Vzaimootnosheniya organov gosudarstvennoy vlasti i pravoslavnoy tserkvi na Altai (oktyabr' 1917 – 1925 gg.)* [Relations between state authorities and the Orthodox Church in the Altai (October 1917–1925)]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.

55. Petrov, S.G. (2002) Novye dannyye ob obnovlencheskom Pomestnom sobore 1923 goda [New data on the Renovationist Local Cathedral of 1923]. *Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v XX veke (1917–1933)* [The History of the Russian Orthodox Church in the 20th century (1917–1933)]. Proc. of the Conference. Szentendre (Hungary), November 13–16, 2001. Szentendre (Hungary). pp. 259–283.

56. Pokrovskiy, N.N. & Petrov, S.G. (eds) (1997–1998) *Arkhivnye Arkhivy Kremlja: Politbyuro i Tserkov'* 1922–1925 gg. [Archives of the Kremlin: The Politburo and the Church. 1922–1925]. Novosibirsk: Sib. hronograf; Moscow: ROSSPEN.

57. Petrov, S.G. (2004) *Dokumenty deloproizvodstva Politbyuro TsK RKP(b) kak istochnik po istorii Russkoy tserkvi (1921–1925 gg.)* [Documents of the Politburo of the Central Committee of the RCP (b) office as a source on the history of the Russian Church (1921–1925)]. Moscow: ROSSPEN.

58. Moskalenskaya, D.N. (2017) *Pravoslavnye svyashchennye i tserkovno-sluzhiteli-«lishentsy» Zapadnoy Sibiri v seredine 1920-kh – seredine 1930-kh gg.: status, oblik, povedenie* [Orthodox sacred and church clergy – "non-voters" of Western Siberia in the mid-1920s – mid-1930s: status, appearance, behavior]. History Cand. Diss. Novosibirsk.

59. Fast, M.V. & Fast, N.P. (2004) *Narymskaya golgota: materialy k istorii tserkovnykh represiy v Tomskoy oblasti v sovetskiy period* [The Narym Golgotha: materials for the history of Church repressions in Tomsk Region during the Soviet period]. Tomsk; Moscow: Vodoley.

60. Uymanov, V.N. (2012) *Likvidatsiya i reabilitatsiya: politicheskie repressii v Zapadnoy Sibiri v sisteme bol'shevistskoy vlasti (konets 1919 – 1941 gg.)* [Liquidation and rehabilitation: political repressions in Western Siberia in the system of Bolshevik power (end of 1919 – 1941)]. Tomsk: Tomsk State University.
61. Grishaev, V.F. (2007) *Nevinno ubiennye. K istorii stalinskikh repressiy pravoslavnogo dukhovenstva na Altai* [The Innocently Murdered. On the History of Stalin's Repressions of the Orthodox Clergy in the Altai]. 2nd ed. Biysk: Biya.
62. Zatolokin, I.V. (ed.) (2019) *Lozhok: iz istorii Iskitimskogo "katorzhnogo" lagerya* [Lozhok. From the history of the Iskitim "hard labor" camp]. 4th ed. Iskitim: [s.n.].
63. Uymanov, V.N. (ed.) (2016) *Bol' lyudskaya: kniga pamyati zhiteley Tomskoy oblasti repressirovannykh v 1920-kh – nachale 1950-kh gg.* [Human pain. The book of memory of the residents of Tomsk region repressed in the 1920s – early 1950s]. 2nd ed. Tomsk: Tomsk State University.
64. Papkov, S.A. (ed.) (2018) *Kniga pamyati zherty politicheskikh repressiy v Novosibirskoy oblasti* [The Book of Memory of the Victims of Political Repression in Novosibirsk Region]. Vol. 5. Novosibirsk: K-2.
65. Foygt, L.I. (ed.) (1994) *Stalinsk. Gody repressiy (po materialam Novokuznetskogo gorodskogo kraevedcheskogo muzeya)* [Stalinsk. The years of repression (on the materials of the Novokuznetsk City Museum of Local Lore)]. Vol. 1. Novokuznetsk: Kuznetskaya krepost'.
66. Bezrukov, G.N. (ed.) (1998) *Zhertvy politicheskikh repressiy v Altayskom krae* [Victims of political repression in the Altai Territory]. Vol. 1. Barnaul: Upravlenie arkhivnogo dela Administr. Alt. kraya.
67. Chepkin, P.I., Vrazovskaya, O.N. & Burak, T.A. (eds) (1996) *Kniga pamyati zherty politicheskikh repressiy* [The Book of Memory of the Victims of Political Repression] Vol. 1. Gorno-Altaysk: Yuch-Syumer.
68. Rodinoved.ru. (n.d.) *Rodinoved: sayt sibirskikh kraevedov* [Rodinoved: the site of Siberian local historians]. [Online] Available from: <http://rodinoved.ru/> (Accessed: 11th August 2021).

Сведения об авторе:

Зноско Юрий Анатольевич – аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета; учитель истории и обществознания средней школы № 153 (Новосибирск, Россия). E-mail: znosko1868@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Znosko Yuri A. – Post-Graduate Student of the Department of National and Universal History of Novosibirsk State Pedagogical University; Teacher of History and Social Studies of Secondary School No. 153 (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: znosko1868@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.01.2022; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 26.01.2022; accepted for publication 06.05.2022

Научная статья

УДК 93/94 + 930.23

doi: 10.17223/19988613/77/15

История развития отечественной гражданской авиации: от специальных к комплексным исследованиям

Юлия Андреевна Лазуревская

*Ростовский филиал Московского государственного технического университета гражданской авиации,
Ростов-на-Дону, Россия, lazurevskaya88@mail.ru*

Аннотация. Предпринимается попытка осмыслиения предпосылок становления гражданской авиации в России на основе структурно-функционального подхода. Гражданская авиация представляется как саморегулирующаяся система общественных отношений, а исторические предпосылки ее становления – как возникновение ее структурных элементов в определенное историческое время. Подход позволяет обобщить эволюцию системы гражданской авиации и выявить историографические разнотечения для постановки и решения исследовательских задач.

Ключевые слова: структурно-функциональный подход, гражданская авиация, предпосылки становления, системная целостность, историографические разнотечения

Для цитирования: Лазуревская Ю.А. История развития отечественной гражданской авиации: от специальных к комплексным исследованиям // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 124–132. doi: 10.17223/19988613/77/15

Original article

History of development of domestic civil aviation: from special to complex researches

Julia A. Lazurevskaya

*Rostov Branch of Moscow State Technical University of Civil Aviation,
Rostov-on Don, Russian Federation, lazurevskaya88@mail.ru*

Abstract. The problem of complex historical studies of domestic civil aviation is related to the issues of interpretation and popularization of history.

The aim of the study is to demonstrate the prospect of complex studies of the history of civil aviation on the basis of a structural and functional approach on the example of the analysis of historical background of the domestic civil aviation formation. Within this approach civil aviation is understood as a self-regulating system of public relations, the integrity and functionality of which depends on the presence and development of its individual structural elements.

The object of the research is the process of formation of the structural elements of civil aviation as a self-regulating system. The subject of the study is the historical background of the domestic civil aviation formation.

The sources of the research include: the historiography of the formation of domestic civil aviation, historical and modern publications, materials of scientific conferences, archival documents.

Specialized studies allow us to consider the formation of such structural elements of the domestic aviation system as: scientific and engineering thought, aviation development management structures, aviation education, and the aircraft industry. The synthesis of individual studies based on the structural-functional approach reveals the "blank spots" of national history and controversial historiographic issues that require the concentration of research attention. Even the anniversary of the domestic aviation, connected with the testing of the first model of the aircraft of A.F. Mozhaisky in full size, can be called into question. A general approach is needed to the criteria for determining the important historical stages in the development of aviation. From the point of view of the development of scientific and engineering thought as an essential element of the integrated aviation system, the date of the first grant for research in the industry – 1876 – is more important. The organization of the Main Directorate of the Civil Air Fleet of the USSR in 1932 completes the long stage of the formation of civil aviation as a self-regulating system (1876–1932). During this time the main structural elements of the system had been formed.

The proposed approach requires further discussion. There is a need to bring together specialists in selected fields of civil aviation history to comprehensively reconstruct the overall evolution of this system of public relations. This work is an attempt to determine the possibility of overcoming conceptual and ideological differences of individual historiographic sources on the basis of a structural and functional approach.

Keywords: structural and functional approach; civil Aviation; prerequisites of formation; system integrity; historiographic discrepancies

For citation: Lazurrevskaya, Ju.A. (2022) History of development of domestic civil aviation: from special to complex researches. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University Journal of History*. 77. pp. 124–132. doi: 10.17223/19988613/77/15

В Ростове-на-Дону 27–30 сентября 2018 г. в очередной раз состоялась уже традиционная международная научно-практическая конференция, посвященная актуальным аспектам развития воздушного транспорта. Ежегодно на конференции, проводимой благодаря поддержке авиакомпании «Аэрофлот», обсуждается комплекс злободневных проблем, решение которых без участия научного сообщества, включая отечественных и зарубежных экспертов, в современной авиации просто невозможно.

Особенностью последней конференции стала организация круглого стола историков «История развития воздушного транспорта России» под руководством ведущего научного сотрудника ИРИ РАН, ученого секретаря Научного совета РАН по проблемам военной истории, члена экспертного совета при Комитете образования и науки Государственной Думы РФ, кандидата исторических наук Б.У. Серазетдина. Различные вопросы истории отечественной авиации постоянно поднимаются на конференциях как экспертами (Г.Л. Акоповым, Т.Ю. Анопченко, Р.Х. Ашурбековым, Б.П. Елисеевым, К.С. Ермаковым, Ю.А. Лазуревской, В.Д. Победённым, Д.К. Ремизовым, И.В. Смагиным и др.), так и руководителями отрасли (В.И. Абрамцовым, А.П. Башлаевым, А.В. Громовенко, В.С. Исаевым, А.А. Полозовым-Яблонским и др.). Однако при наличии большого числа исследований по истории отечественной авиации еще остаются «белые пятна» и спорные вопросы, затрудняющие ее освоение неспециалистами (руководителями и сотрудниками отраслевых предприятий, пилотами, стюардессами и т. д.).

Одним из примеров конструктивного сотрудничества индустрии и исторической науки стала представленная на конференции 2015 г. монография «История зарождения и развития гражданской авиации на Дону» [1], материалы которой легли в основу очерка по истории авиакомпании ОАО «Донавиа» К. Деревянко [2] и краткой периодизации истории гражданской авиации Дона в истории компании [3]. Г.Л. Акопов, представляя монографию на конференции 15 мая 2015 г., подчеркнул роль руководства ОАО «Аэропорт Ростов-на-Дону» и ОАО «Донавиа» в поддержке исторических исследований [4. С. 26–27].

Поддержка науки со стороны корпораций – в целом важный позитивный опыт. Однако двусмысленность высказывания К. Деревянко («Авиакомпания «Донавиа» ведет свою историю от первых полетов гражданских самолетов с пассажирами и грузами на юге России – с 1925 года» [2]), отражающего в данном случае позицию корпорации, в популярном «википедическом» контенте интерпретируется достаточно однозначно и может трактоваться как инсинуация исторической действительности: «Современная «Донавиа» – наследница ростовского объединенного авиаотряда «Аэрофло-

та», основанного 15 июня 1925 и ставшего впоследствии одним из его крупнейших подразделений» [5]. Структура Аэрофлота начинает формироваться, как известно, только 25 февраля 1932 г. путем подчинения инфраструктуры акционерных обществ «Добролет» и «Укрвоздухпуть» Главному управлению Гражданского воздушного флота (ГУ ГВФ) [6. С. 186–190]. Помимо достоверности информации популярных интернет-ресурсов, проблема интерпретации истории отечественной гражданской авиации имеет ряд актуальных академических аспектов. Важнейшим остается определение концептуальных оснований комплексных исследований, которые содействовали бы разрешению спорных вопросов и популяризации исторической науки.

В данной статье хотелось бы обратить внимание на перспективность организации комплексных исследований истории отечественной гражданской авиации на базе современных системных представлений и структурно-функционального подхода, позволяющего структурировать накопленный опыт специальных исследований в общую картину эволюции авиации. Опираясь на данное В.П. Шенкиным определение [6. С. 28–33], можно сказать, что в наиболее широком смысле под авиацией понимается сфера общественных отношений, обеспечивающая полеты аппаратов тяжелее воздуха в пределах земной атмосферы, производство и эксплуатацию самих летательных аппаратов и необходимой инфраструктуры, работоспособность специализированных организационных структур, подготовку необходимых специалистов для производства и эффективной эксплуатации авиационной техники. В данном значении можно говорить о мировой, национальной или региональной авиации в той мере, в какой локализуется сфера общественных отношений. Базовым в данном случае является положение о социальных структурах как самоорганизующихся системах, что соответствует современной *постнеклассической* парадигме системных представлений [7]. По мнению А.Э. Воскобойникова, саморегуляция систем является частным случаем самоорганизации [8]. В этом смысле отечественная авиация как особая сфера общественных отношений, складывающаяся в саморегулирующуюся систему, представляет собой теоретическую структурную модель, в рамках которой общество развивается в определенных границах системных регуляторов.

Мы можем представить современную отечественную гражданскую авиацию как саморегулирующуюся систему. Это будет теоретической структурной моделью отношений элементов к системной целостности, в рамках которой функциональные отношения элементов переживали исторические изменения: какие-то элементы появлялись, другие исчезали и т.д. Структурированная саморегулирующаяся система современной гражданской авиации может рассматриваться как ре-

зультат самоорганизации, как состояние, к которому шло ее историческое развитие.

Пользуясь структурно-функциональной моделью современной гражданской авиации как саморегулирующейся системы, мы можем выделять и описывать ее состояние на определенном историческом промежутке. Сравнительно-исторический метод позволяет, опираясь на исторические источники и современные исследования, в наиболее общем виде реконструировать факторы, повлиявшие на становление гражданской авиации России, формирование ее общесистемных и уникальных черт. Важно проследить логику исторического развития этих факторов, их логическую причинность.

Структурно можно выделить следующие элементы гражданской авиации как саморегулирующейся системы: 1) научную и инженерную мысль авиации; 2) институты управления развитием авиации; 3) индустрию авиации: предприятия авиастроения и смежные с ними (металлургия, машиностроение и др.); 4) образовательные учреждения по подготовке кадров для авиации и авиастроения; 5) аэродромную инфраструктуру и предприятия ее обслуживания, авиалинии в транспортной системе, авиакомпании и пр. Системная целостность данных структурных элементов предполагает возможность управления системой в целом и ее интеграцию в систему высшего порядка – хозяйственную жизнь общества. На примере становления основных структурных элементов отечественной авиации продемонстрируем перспективность предлагаемого подхода.

В историографии авиации выделяют два самостоятельных, имеющих собственную специфику предмета: военную и гражданскую авиацию. Разделение по способу использования авиации (в гражданских или военных целях) существенно для понимания их особого места в структуре общественных отношений. Если эффективность гражданской авиации измеряется непосредственной экономической пользой в рамках хозяйственной жизни, то военная авиация проявляет свою эффективность опосредовано: с одной стороны, через конверсию военно-промышленного комплекса раскрывается научно-технический и организационный потенциал военной авиации как ресурса технологического прогресса авиации в целом, с другой – военная мощь государства в современном противоречивом мире остается гарантом его суверенитета и стабильности мирного развития народного хозяйства, и здесь военная авиация занимает не последнее место. Поэтому комплексное исследование гражданской авиации подразумевает и обращение к проблематике военной, особенно это касается общих вопросов развития теоретической и инженерной мысли, становления системы управления авиацией, специализированных учебных заведений, авиационной промышленности и инфраструктуры.

Как саморегулирующаяся система гражданская авиация представляет собой сложный хозяйствственный механизм. Со ссылкой на коллективный научно-популярный очерк 1983 г. под общей редакцией Б.П. Бугаева [9] в авиационной энциклопедии Г.П. Свищёва 1994 г. предложено определение гражданской авиации СССР как составной части «единой транспортной системы

и народно-хозяйственного комплекса СССР», обслуживающей «потребности народного хозяйства и населения в воздушных перевозках» и реализации ряда хозяйственных технологий с применением авиационной техники. Главное управление Гражданского воздушного флота, по существу, формировалось как государственная корпорация «Аэрофлот», управлявшая всей гражданской авиацией СССР и выступавшая «как единое самостоятельное авиационное предприятие» за рубежом [6. С. 96]. Так, в 1932 г. был сформирован централизованный аппарат управления всей гражданской авиацией СССР, предопределивший структурную особенность государственной монополии на применение авиации в хозяйственной жизни страны. Следовательно, определяется период становления советской гражданской авиации с момента образования советского государства в 1917 г. и до образования Аэрофлота в 1932 г.

Однако дата изменения общественного устройства страны является промежуточной по отношению к становлению отрасли в целом. Ведь советская власть наследовала по меньшей мере около 356 тыс. человек личного состава воздушного флота России и около 1 тыс. самолетов [9. С. 14]. Российский «Императорский военно-воздушный флот был самым большим в мире и насчитывал 263 самолета (из них 224 – в составе 39 авиаотрядов)» в 1914 г., а к февралю 1917 г. – уже 1 039 самолетов [10]. За статистикой военной авиации стоит и степень развития гражданской инфраструктуры: инженерно-конструкторских организаций, производственных мощностей авиапроизводителей, продуктивности системы профессиональной подготовки летчиков и обслуживающего персонала, наличия и качества аэродромов и т.д. Верхний предел развития предпосылок становления гражданской авиации России (1932 г.) несложно датируется, а нижний требует уточнения.

Если начало мировой авиации связывать с первыми полетами братьев Райт, осуществлявшимися ими с 17 декабря 1903 г. [11] на бензиновом двигателе (прототип современного самолета), то необходимо обозначить и годы первых полетов тяжелых самолетов И.И. Сикорского, знаменовавших собой окончание «романтического» периода сугубо спортивного освоения неба: в 1911 г. поднимается в воздух первый в мире четырехмоторный биплан «Русский витязь» [12. С. 83], имевший запас полезной грузоподъемности (прототип грузовой авиации), а в 1913 г. испытывается и «Илья Муромец», совершивший свой полет с 12 пассажирами на борту в 1914 г. (прототип пассажирского лайнера) [Там же. С. 98]. Период становления отечественной гражданской авиации, таким образом, можно было бы датировать 1911–1932 гг. Однако несмотря на то, что Императорский всероссийский аэроклуб (ИВАК; 1908–1917), организованный по инициативе В.В. Корна после нашумевших в Европе авиашоу, среди прочих задач преследовал и чисто гражданские (содействие развитию специального образования, научно-конструкторских работ, медицинских исследований влияния полетов на человека, организации воздушной почты и др. [13]), приготовления к Первой мировой войне обусловили первоочередной характер именно военного использования авиации. Первый на пространстве Рос-

сийской империи почтовый авиарейс на специализированном почтовом самолете по маршруту Одесса–Екатеринослав состоялся только в конце февраля 1918 г., за штурвалом был летчик-инструктор Туренко, сотрудник Одесского авиастроительного завода Ангара [14. С. 44]. К тому же период 1911–1932 гг. не захватывает первоначальный этап развития воздухоплавания в России, на протяжении которого формируется такой важный структурный элемент особой сферы общественных отношений гражданской авиации, как научная и инженерная мысль.

Научная и инженерная мысль

Как отмечают А.Ю. Пиджаков и В.А. Хороших, со времен Екатерины II отношение великодержавной власти к воздухоплаванию было неоднозначным [15]. Увлечение воздухоплаванием считалось опасным и не приветствовалось.

Удачные авиамодели А.Ф. Можайского в конце XIX в., по мнению И.И. Сикорского, опережали свое время: доступные конструкции двигателей, как и другие комплектующие «натурального самолета», по своим характеристикам были непригодны для устойчивого управляемого полета с полезной нагрузкой [16. С. 11–23]. Помимо И.И. Сикорского положительную оценку моделям А.Ф. Можайского дают многие отечественные исследователи истории авиации (В.Б. Баршевский, В.В. Бычков, Г.С. Бюшганс, А.Н. Владимиров, П.Д. Дузь, С.В. Коновалов, А.К. Мартынов, Ю.А. Никулин, С.П. Остроухов, Г.П. Свищев, В.Б. Шавров и др.). В связи с этим 1876 год, год представления успешных моделей планера А.Ф. Можайским и символического асигнования Военным министерством 3 000 руб. на изготовление «натурального самолета», есть основание считать рубежным в развитии отечественной авиаконструкторской мысли. Символической точкой отсчета в традиции советской историографии считается 1883 год, год испытания Можайским первой модели своего самолета в натуральную величину [17]. Однако эта дата остается спорной, поскольку факт полета первого запатентованного аэроплана не задокументирован, а позднейшие публикации противоречивы. В.Д. Бердоносов, в частности, сравнивая аппараты Райт и Можайского, указывает основные конструктивные недоработки последнего, не позволяющие говорить о его функциональности [18]. При этом следует признать факт и социокультурное значение системных исследований А.Ф. Можайского. И если определять нижний предел развития предпосылок становления гражданской авиации России, то 1883 год является существенной исторической датой. Подчеркнем связь системных наблюдений А.Ф. Можайского за птицами со становлением научной теории крыла.

Теоретические обобщения отечественного и мирового опыта по гидроаэродинамике Н.Е. Жуковского («К теории летания», 1890; «О крылатых пропеллерах», 1898; «Теория гребного винта с большим числом лопастей», 1907 и др.) складывались в передовую по своему времени теорию крыла [19]. И.И. Сикорский указывает, что организованная в 1904 г. Д.П. Рябушинским

при поддержке Н.Е. Жуковского аэродинамическая лаборатория (Аэродинамический институт в Кучино) [20] на начало века была первой «такого рода» и наиболее передовой в мире [16. С. 25]. Российская Империя в первом десятилетии XX в. уже располагала собственным потенциалом научной и инженерной мысли (еще «в период начала и середины XIX в. в России были замечательные энтузиасты воздухоплавания: Леппих, Ростопчин, Каразин, Ильинская, Леде, Снегирев, Архангельский, Черносвитов, Третесский, Соковнин и др., которые проектировали, строили воздухоплавательные аппараты и летали на них» [15. С. 61], а «в 1909–1914 гг. в стране появились первые самолеты Я.М. Гаккеля, Д.П. Григоровича, И.И. Сикорского и др.» [15. С. 62]).

В силу популярности авиационной темы уже в начале XX в. появляются первые книги, касающиеся истории воздухоплавания. В 1911 г. издается сборник работ О. Шанюта, в котором прослеживается история научно-инженерной мысли по освоению воздушного пространства [21], в дореволюционной России заслуживает внимания работа К.Е. Вейгелина «Завоевание воздушного океана: история и современное состояние воздухоплавания», изданная в 1912 г., обобщающая мировой конструкторский и экспериментально-спортивный летный опыт [22]. Эти книги в целом посвящены обзору научно-технических достижений в воздухоплавании и авиации на начало XX в. и, по существу, обосновывают возможность и необходимость более интенсивного освоения воздушного пространства. А уже в книге «Воздушный флот: история и организация военного воздухоплавания» под редакцией Н.М. Глаголева, вышедшей в 1915 г., предпринимается общая классификация существующих к этому времени летательных аппаратов и способов их военного применения как в России, так и за рубежом (в Австро-Венгрии, Англии, Бельгии, Германии, Италии, Франции, Швейцарии, Японии) [23], что говорит о том, каким катализатором развития новой отрасли послужило соперничество ведущих мировых держав в подготовке новейших вооружений накануне Первой мировой войны.

Можно констатировать, что в первое десятилетие XX в. научная и инженерная мысль России в направлении воздухоплавания и авиации была одной из передовых в мире. Столь же интенсивно, а в некоторых отношениях и с опережением России в плане практической реализации теоретического потенциала, развивалась инженерия во Франции, Германии, Америке. Важнейшим фактором отставания отечественной инженерии от ведущих держав оставалась слабость индустрии, в особенности машиностроения и металлургии. Уточняя период развития предпосылок становления гражданской авиации России, следует указать исторический период 1883–1932 гг.

Управление развитием авиации

Немаловажным фактором, обусловившим технологическое отставание Российской империи в развитии воздухоплавания и авиации, оставалось неоднозначное отношение царской власти к научным и техническим достижениям отечественных ученых и первопроходцев

воздухоплавания. В.П. Захаров повествует, как главным образом усилия энтузиастов, среди которых были отечественные ученые и инженеры (Д.И. Менделеев, М.А. Рыкачев, К.И. Константинов и др.), повлияли на появление в 1869 г. первого в России органа управления – Особой комиссии по вопросам воздухоплавания – из офицеров Генштаба и военных инженеров под председательством Э.И. Тотлебена [24. С. 3–25]. Военное ведомство Российской империи с перерывом на русско-японскую войну проявляло активный интерес к освоению воздушного пространства. Правда, до полетов братьев Райт и последовавших европейских авиационных шоу интерес отечественных военных инженеров в большей степени был прикован к совершенствованию аппаратов легче воздуха.

Следующим этапом становления системы управления развитием авиации стало образование Императорского всероссийского аэроклуба – общественной организации содействия авиаспорту и развитию авиации под попечением Великого князя Александра Михайловича, с филиалами в отдельных регионах России (деятельность ИВАК и других обществ изучается И.В. Хохловым, В.В. Лебедевым, И.А. Уваровым, А.Ю. Пиджаковым, В.А. Хороших и др.). В 1908 г. организуется и Одесский аэроклуб, объединивший энтузиастов-авиаторов М.И. Ефимова, С.И. Уточкина, И.М. Заикина, И.И. Костина, В.И. Хиони и др. [6. С. 391]. Помимо общественных объединений энтузиастов авиации, отношение к складывающейся системе управления ее развитием имеют и сформированные при 2-м и 4-м делопроизводствах Департамента полиции контролирующие органы [15. С. 64–67]. Интерес царской семьи к авиации стимулировал к инвестициям в перспективную отрасль авиастроения промышленников и предпринимателей В.А. Лебедева, А.А. Анатра, Ю.А. Меллера и др.

В целом нельзя сказать, что системы управления развитием авиации в царской России не существовало. Однако о ее эффективности говорить сложно, поскольку комплексных исследований этого вопроса до последнего времени не предпринималось. Подытоживая, можно сказать, что в формировании этой системы, помимо военного ведомства, участвовали гражданские институты Российской империи (промышленники, Императорское русское техническое общество, многочисленное сообщество ученых, инженеров) и специальные структуры Департамента полиции, хотя роль последних была неоднозначной.

Авиационное образование

При большом интересе в дореволюционной России к авиационному образованию на Департамент полиции возлагались функции особого контроля (2-е и 4-е делопроизводства) за интересом общества к авиации. А.Ю. Пиджаков и В.А. Хороших приводят выдержку из циркуляра «товарища министра внутренних дел П.Г. Курлова губернским властям, изданным 16 марта 1910 г.»: «Быстрое развитие техники воздухоплавания и полная возможность обращения летательных снарядов, если не сейчас же, то в очень скором времени,

в орудия преступных замыслов побудили Правительство обсудить теперь же те меры, какие надлежало бы принять в видах предупреждения такого рода явлений», рассматривая далее как этот контроль выражался в конкретных ограничениях добровольных обществ и студенческих инициатив технических учебных заведений [Там же].

Обобщая работы В.Н. Андреева, П.В. Бабенко, С.В. Волкова, В.Л. Герасимова, П.Д. Дузя, В.П. Захарова, О.Д. Маркова, С.Н. Полторака в аспекте развития авиационных военно-учебных заведений в России за период 1910–1917 гг., О.И. Донина и К.В. Синякин указывают, что количество последних с момента открытия Офицерской воздухоплавательной школы (1910) возросло в 6 раз: «...к ноябрю 1917 г. в системе авиационных военно-учебных заведений функционировало 17 авиашкол пилотов, из которых 8 относились к учебным заведениям морской авиации» [25. С. 101], кроме того, «гражданские частные авиашколы и аэроклубы (в Москве, Одессе, Киеве, Риге, Харькове и Гатчине) готовили пилотов-авиаторов» в сжатые сроки, от 2 месяцев [Там же. С. 94].

История именно гражданского авиационного образования в дореволюционной России изучена мало. Это еще один проблемный вопрос, требующий комплексного междисциплинарного подхода. Отдельные аспекты освещаются при исследовании авиационных обществ (О.Н. Астраханцев, В.Н. Воронцов, О.И. Донина, Н.Е. Жукова, Ш.Н. Исянгулов, И.Н. Касьян, В.М. Кононенко, А.П. Купайгородская, А.С. Минаков, А.Ю. Пиджаков, Р.Н. Сулейманова, В.А. Хороших и др.), развития военно-авиационного образования (В.Н. Андреев, П.В. Бабенко, С.В. Волкова, В.Л. Герасимов, П.Д. Дузь, В.П. Захаров, О.Д. Марков, С.Н. Полторак и др.), в регионалистике (Г.Л. Акопов, Е.В. Алтунин, Н.В. Антошина, А.С. Бочкарева, В.Х. Зиннуров, Е.В. Комиссарова, И.В. Смагин, М.В. Третьяков, Ю.В. Хотина, А.А. Ярошенко и др.). Учреждения гражданского авиационного образования в дореволюционной России только начинали формироваться. О.И. Донина и К.В. Синякин упоминают о многочисленных частных школах при авиационных клубах [Там же]. А.Ю. Пиджаков и В.А. Хороших описывают, как в учебных заведениях (в Институте инженеров путей сообщения, Московском университете, Петербургском и Киевском политехнических институтах) организовывались первые авиационные кружки и лекции по инициативе студентов [15. С. 64–67].

Однозначно нельзя сказать, что гражданского авиационного образования в дореволюционной России не было. Но не было и конструктивной государственной политики в отношении его развития. В целом государственная политика в сфере образования при Николае II не отличалась последовательностью, хотя число университетов и технических институтов неуклонно росло. Отметим, что если в гражданских учебных заведениях лекции по авиационному делу читали отечественные преподаватели (Н.Е. Жуковский, К.П. Боклевский, Н.Б. Делоне и др.), то для организации обучения военных летчиков была осуществлена подготовка первых инструкторов во Франции.

Индустрія авиастроения

Первая мировая война серьезно стимулировала рост машиностроения и тяжелой индустрии в России. Авиационная промышленность, переживавшая первые шаги становления, не была исключением (А.А. Анатра инвестировал в строительство своего завода под Одесской к 1913 г. 1 млн 300 тыс. руб., значительные по тем временам средства, которые не только оккупились за три года [14. С. 26], но и привлекли в октябре 1915 г. военный заказ на сумму 8 млн 134 тыс. руб. от правительства России [Там же. С. 31]). Мнение Н.М. Глаголова о значимости военно-воздушного флота в Первой мировой войне подтверждают и И.И. Сикорский в своей мемуарной книге, законченной к 1920 г. [16. С. 67–69], и ряд современных исследователей (С.В. Аверченко, А.О. Багдасарян, В.Л. Герасимов, Ю.П. Доронин, В.В. Кушнерев и др.).

Следует особо подчеркнуть роль войны для развития промышленности. Только после русско-японской войны ведущее машиностроительное предприятие в России («Дукс» Ю.А. Меллера) в 1909 г. начинает серийное производство самолетов французского авиаконструктора Анри Фармана. А уже в 1917 г. на территории России действовало 27 авиационных предприятий и строилось еще 7 [9. С. 16].

Однако несмотря на рост численности авиационных заводов говорить об отечественной авиационной индустрии накануне и в годы Первой мировой, по мнению В.А. Обуховича и А.Ф. Никифорова, преждевременно [26. С. 250]. Общий низкий уровень машиностроения по сравнению с европейскими странами не позволял России производить самолеты полностью из отечественных комплектующих. Отставание промышленности России от ведущих индустриальных держав обусловило зависимость отечественной авиации накануне Первой мировой войны от достижений европейских авиапроизводителей. Братьям Вуазен удалось первыми в Европе и мире поставить производство аэропланов на поток. Самолеты их конструкции производились не только во Франции, но и на ведущих авиазаводах России: В.А. Лебедева, А.А. Анатра, Ю.А. Меллера (Императорский самолетостроительный завод; с 1919 г. Государственный авиационный завод № 1 – ГАЗ № 1; в настоящее время ОАО «Дукс»). Отечественные промышленники больше ориентировались на испытанные и менее затратные европейские решения, нежели на разработки отечественных авиаконструкторов.

Грамотная инвестиционная политика А.А. Анатра, по заслугам оцененная царским правительством, позволила ему в сжатые сроки накопить потенциальную мощность своего авиастроительного комплекса «до 100 самолетов в месяц», или в оборотных средствах до 17 млн руб. в год) [14. С. 38], и серьезный инженерно-конструкторский потенциал, позволявший в сжатые сроки существенно модернизировать производимые лицензионные модели европейских самолетов и моторов [27]. К сожалению, А.А. Анатре не удалось преодолеть непримиримые разногласия с советской властью, сохранить и реализовать накопленный

предприятием производственный и интеллектуальный ресурс после Октября.

Деятельность А.А. Анатра достаточно хорошо освещена украинскими историками (В.Н. Нахапетов, В.Ю. Тищенко, О.О. Феденко, А.И. Харук, А. М. Шевченко и др.). Отечественное авиастроение анализируется в трудах М.А. Бендикова, А.М. Глэмина, П.Д. Дузя, С.Н. Емельянова, В.П. Захарова Е.В. Королевой, Ф.П. Мельникова, В.А. Рудика, А.М. Смурова, С.Н. Токарева, А.М. Третьякова, В.Б. Шаврова и др. Советская историография прежде всего акцентирует внимание на становлении отечественного авиастроения после 1920 г., хотя можно проследить и дореволюционные корни. Социальные потрясения 1917 г. застали отечественное авиастроение на взлете, но их последствия были столь серьезными, что для дальнейшего восстановления потребовались десятилетия. Комплексный подход в данном аспекте подразумевает необходимость акцентировать как достижения отечественной дореволюционной промышленности, так и ее критическую зависимость от ориентации на военное производство.

Вплоть до осени 1917 г. авиация России интенсивно развивалась во всех структурных направлениях саморегулирующейся системы общественных отношений (теоретическая и инженерная мысль, структура управления, индустрия, образование, инфраструктура), но не стала таковой, поскольку не была ориентирована на эффективное использование в экономике страны. Ориентация на военное производство при ограничении свободы гражданского использования авиации свидетельствует о серьезных недостатках в нарождающейся системе управления авиацией, на которую наложили отпечаток общесистемные проблемы государственного управления Российской империи.

Революционные события 1917 г. и последовавшее гражданское военное противостояние большевиков и белого движения, помимо краха индустрии, экономики в целом, подорвали и интеллектуальный ресурс авиаконструкторской мысли. В иммиграции оказались А.А. Анатра, Г.А. Ботезат, И.И. Сикорский, С.А. Ульянин и др.; В.Р. Поплавко, А.А. Пороховщиков, М.В. Шидловский, как и многие другие, были репрессированы и расстреляны советской властью по политическим мотивам, несмотря на их готовность служить делу строительства отечественной авиации.

Весной 1918 г. Л.Д. Троцкий назначается наркомом воздушных сообщений Советской Республики [28. С. 68], а 12 декабря того же года при всей скучности бюджета Добровольческой армии организуется Кубанский авиационный отряд и в стане белой гвардии [29. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–8]. Красной Армии достается техническая и инфраструктурная база Москвы и Санкт-Петербурга, белым – Юга России. Несмотря на то, что формально приказом № 10 по отделу Управления Воздушного флота Штаба Народного Комиссариата по военным делам УССР от 7 июня 1919 г. наследие А.А. Анатра национализируется [14. С. 45], произведенный им авиапарк еще в 1918 г. частично был передан Добровольческой армии, частично – экспроприирован австро-венгерскими оккупантами, частично уничтожен патриотически настроенным пролетариатом,

бойкотировавшим венгерский военный заказ. С приходом сил Антанты разоренное производство в Одессе и Симферополе замораживается [14. С. 44]. В военной администрации А.И. Деникина, будучи министром управления торговли, промышленности и снабжения, не последнее место занимал энтузиаст авиации и автопромышленник Таганрога В.А. Лебедев. Но ресурсов для восстановления промышленности во время Гражданской войны 1918–1921 гг. не было ни у красных, ни у белых.

Не умаляя усилий советского правительства по восстановлению индустрии и широкой пропаганде авиации в первые годы после Гражданской войны (агиткампании и деятельность добровольных обществ в поддержку авиации 1920-х гг. исследуют О.Н. Астраханцев, В.Н. Воронцов, Н.Е. Жукова, Ш.Н. Исянгулов, И.Н. Касьян, В.М. Кононенко, А.П. Купайгородская, А.С. Минаков, Р.Н. Сулейманова и др.), обратим внимание на некоторые обстоятельства, раскрывающие элементы соцреалистического мифа вокруг становления советской авиации.

Во-первых, совершенно очевидно, что детища НЭПа «Добролет» и «Укрвоздухпуть» организуются не на пустом месте, а на заложенной в дореволюционное время инфраструктурной базе, сохранившемся, хоть и перешедшем после Гражданской войны, кадровом составе и авиапарке, частично обновляемом за счет немецкого импорта техники и специалистов согласно соглашениям в рамках «Рапальского договора» (1922–1933) «о создании системы тайного военного сотрудничества между оборонно-промышленными комплексами и вооруженными силами двух стран» [30. С. 4]. Для установления международного сообщения между Москвой и Кёнигсбергом в 1922 г. организуется совместное российско-германское предприятие «Дерулюфт» [31. С. 245]. Но этим сотрудничество не ограничивалось. Оказавшись в экономической блокаде со стороны Антанты, Советская Россия могла рассчитывать на сотрудничество только с Германией, также испытывавшей ограничения в Версальской системе международных отношений, но сохранившей, в отличие от России, собственный интеллектуальный и производственный потенциал.

Во-вторых, отдельные работы современных отечественных ученых (О.Н. Астраханцева, Е.А. Гороховской, Е.А. Добреко, Е.Л. Желтовой, А.В. Карташева, В.С. Кобзова, Ю.В. Кузнецова и др.) раскрывают малоизученные прежде историко-культурные аспекты социальных явлений начала XX в. Е.А. Добреко, в частности, обстоятельно обосновывает принцип идеализации социальной реальности, укоренившийся в советском обществе с конца 1920-х гг., повлиявший и на историографию советского времени [32]. И здесь обратим внимание на один историографический казус.

М.Ю. Лебедева и А.Ю. Пиджакова, ссылаясь на книгу Б.Л. Симакова и И.Ф. Шипилова «Воздушный флот Страны Советов» (1958) [33], пишут следующее: «К концу 1924 г. начали действовать авиалинии Москва–Нижний Новгород–Казань, Москва–Харьков, Харьков–Одесса, Харьков–Ростов-на-Дону, Евпатория–Севастополь, Тифлис–Баку, Тифлис–Манглы, Хива–Бухара, Бухара–Душанбе. Общая протяженность линий

составила более 5 000 км» [34. С. 57]. Уже со ссылкой на В.М. Тихонова и Б.С. Балашова (1992) [35. С. 121] кубанские авторы в 2016 г. почти дословно вторят: «В 1924 г. в стране стали действовать авиалинии: Москва–Нижний Новгород–Казань; Харьков–Одесса; Москва–Харьков; Харьков–Ростов-на-Дону; Тифлис–Баку; Евпатория–Севастополь; Хива–Бухара; Тифлис–Манглы; Бухара–Душанбе. Общая протяженность указанных линий составила более 5000 км» [36. С. 420]. Указанная протяженность воздушных линий СССР на конец 1924 г. расходится с данными, приведенными одним из основателей Общества друзей воздушного флота (1923) В.А. Зарзаром в 1928 г.: в 1924 г. протяженность авиалиний составляла 4 400 км, на 1925 г. – 4 984 км и лишь в 1926 г. составила 6 392 км [31. С. 246].

Архивные исследования и сравнительно-исторический анализ подшивок местных (донских) газет, инициированные, по словам директора Ростовского филиала Московского государственного технического университета гражданской авиации Г.Л. Акопова, в связи с идеей празднования годовщины гражданской авиации на Дону руководством ОАО «Донавиа» 16 сентября 2014 г. и поддержанные в 2015 г. ОАО «Аэропорт Ростов-на-Дону» [4. С. 26], позволяют заключить, что открытие воздушной линии, связавшей Ростов-на-Дону и Харьков, состоялось в 1925 г.: «Утром 15 июня 1925 г. аэроплан Дорнье-Комета вылетел в Харьков. Экипаж состоял из русского летчика Матвеева, германского борт-механика Егильского и германского инженер-летчика Фата» [1. С. 25]. Донская газета «Молот» 23 июня 1925 г. так описывала первый регулярный полет Дорнье-Кометы: «Всего лишь пять дней назад он прилетел в Россию из немецкого ангара Фридрихсгафена» [37. С. 26].

В этой связи утверждение М.Ю. Лебедевой и А.Ю. Пиджакова, что 1925 год был ознаменован отказом от приобретения самолетов за рубежом ввиду удовлетворения внутренних потребностей собственной промышленностью [34. С. 57], нуждается в уточнении. Поставки немецких самолетов в 1925 г. продолжались, как и техническое сотрудничество России и Германии. Сведения же, что в 1924 г. функционировала авиалиния Харьков–Ростов-на-Дону, не соответствуют действительности и являются историографическим мифом, сложившимся в результате соцреалистического преувеличения темпов социалистического строительства.

Таким образом, структурно-функциональный подход позволяет представить историю гражданской авиации как эволюцию сложной системы общественных отношений, выявляя существенные историографические разнотечения. Отечественная гражданская авиация развивается с конца XIX в., переживая кризис в годы Гражданской войны. Учитывая опорные моменты формирования структурных элементов системы, историю становления гражданской авиации в России уместно датировать 1876–1932 гг.

Предложенный подход требует дальнейшего обсуждения. Необходимо объединение усилий специалистов отдельных направлений, изучающих историю гражданской авиации, для комплексной реконструкции общей картины эволюции этой системы общественных

отношений. В преддверии очередной ростовской конференции, посвященной актуальным аспектам развития гражданской авиации в 2019 г., хотелось бы привлечь внимание отечественных и зарубежных истори-

ков к возможности объединения различных исследовательских подходов на основе идеи реконструкции системной целостности гражданской авиации как сферы общественных отношений.

Список источников

1. Акопов Г.Л., Лазуревская Ю.А. История зарождения и развития гражданской авиации на Дону. Ростов н/Д : Фонд науки и образования, 2015. 150 с.
2. Деревянко К. Первые крылья Дона // АО «Донавиа». URL: <http://www.aeroflot-don.ru/company.aspx?no=1034> (дата обращения: 06.12.2018).
3. История компаний // АО «Донавиа». URL: <http://www.aeroflot-don.ru/company.aspx?no=491> (дата обращения: 06.12.2018).
4. Акопов Г.Л. О проведенном Ростовским филиалом МГТУ ГА исследовании истории гражданской авиации на Дону // Гражданская авиация: прошлое, настоящее и будущее (Авиатранс–2015): материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 15 мая 2015 г.) / Ростов. филиал МГТУ ГА. Ростов н/Д : Фонд науки и образования, 2015. С. 26–30.
5. Донавиа: История // Wikimedia Foundation, Inc. 2018. 6 июня. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Донавиа> (дата обращения: 06.12.2018).
6. Авиация : энциклопедия / ред. Г.П. Свищёв. М. : Большая Рос. Энциклопедия ; ЦАГИ им. Н.Е. Жуковского, 1994. 736 с.
7. Стёпин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 743 с.
8. Воскобойников А.Э. Системные исследования: базовые понятия, принципы и методология // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2013. № 4. С. 35–66.
9. История гражданской авиации СССР : науч.-попул. очерк / П.Г. Авдеенко, В.И. Артамонов, Н.И. Васильев и др.; ред. Б.П. Бугаев. М. : Воздушный транспорт, 1983. 376 с.
10. Русская императорская авиация 1909 по 1917 гг. // Авиатор : арт-пространство. 2018. URL: <http://aviator-art.com/about/istoriya/> (дата обращения: 27.10.2018).
11. Телеграмма отцу от Орвилла Райта из Китти-Хоук, штат Северная Каролина, с сообщением о четырех успешно совершенных полетах, 17 дек. 1903 г. // Library of Congress; При поддержке Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. 2018. URL: <https://www.wdl.org/ru/item/11372/> (дата обращения: 25.10.2018).
12. Катышев Г.И., Михеев В.Р. Крылья Сикорского. М. : Воениздат, 1992. 432 с.
13. Беляков А.И. Санкт-Петербург, подаривший крылья России. СПб. : Изд-во Буковского, 2003. 152 с.
14. Нахапетов В.Н., Тищенко В.Ю., Шевченко А.М. Полет сквозь столетие. Харьков : Майдан, 2005. 221 с.
15. Пиджаков А.Ю., Хороших В.А. Зарождение авиационных обществ и авиационного образования в дореволюционной России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 4, № 2. С. 60–70.
16. Сикорский И.И. Воздушный путь / предисл. Д.А. Соболев. М. : Русский путь ; New York : YMCA Press, 1998. 141 с.
17. Авиация в России : к 100-летию отечественного самолетостроения / ред. Г.С. Бюшгендс. М. : Машиностроение, 1983. 290 с.
18. Бердносов В.Д. Закон полноты частей системы: методические особенности // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2010. Т. 1, № 2. С. 45–50.
19. Степанов Г.Ю. Теория крыла в трудах Н.Е. Жуковского и С.А. Чаплыгина // Ученые записки ЦАГИ. 1997. Т. 28, № 1. С. 6–26.
20. Рябушинский Д.П. Аэродинамический институт в Кучине: 1904–1914. М. : И.Н. Кушнерев и К°, 1914. 7 с.
21. Chanute O. Progress in Flying Machines / ed. and intr. J. Stoff. New York : Courier Corporation, 1997. 308 p.
22. Вейгелин К.Е. Завоевание воздушного океана: история и современное состояние воздухоплавания. СПб. : Тип. П.П. Сойкина, 1912. 168 с.
23. Воздушный флот : история и организация военного воздухоплавания / ред. Н.М. Глаголев. Петроград : Изд. т-ва И.Д. Сытина, 1915. 109 с.
24. Захаров В.П. Первый военный аэродром. М. : Воениздат, 1988. 128 с.
25. Донина О.И., Синякин К.В. Генезис проблемы создания авиационных военно-учебных заведений в России (1910–1917 гг.) // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 53-1. С. 92–101.
26. Обухович В.А., Никифоров А.Ф. Самолеты Первой мировой войны. Минск : Харвест, 2003. 368 с.
27. Харук А.И. Виробнича і конструкторська діяльність фірми «Антара» в галузі військової авіації: 1912–1917 рр. // Весник Національного університета «Львівська політехніка» : сб. наук. работ. 2007. № 584. С. 74–79.
28. Гороховская Е.А., Желтова Е.Л. Советская авиационная агиткампания 20-х гг.: идеология, политика, массовое сознание // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 3. С. 63–78.
29. Государственный архив Краснодарского края.
30. Байков А.Ю. Советско-германское военное и военно-техническое сотрудничество 1920–1933 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2008. 39 с.
31. Зарзар В. Советская гражданская авиация и ее перспективы // Плановое хозяйство. 1928. № 8. С. 240–255.
32. Добренко Е.А. Политэкономия соцреализма. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.
33. Симаков Б.Л., Шипилов И.Ф. Воздушный флот Страны Советов : краткий очерк истории авиации нашей Родины / ред. Е.С. Андреев. М. : Воениздат, 1958. 487 с.
34. Лебедева М.Ю., Пиджаков А.Ю. Воздушный транспорт СССР в довоенные годы // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2011. № 170. С. 55–59.
35. Балашов Б.С., Тихонов В.М. Система мирового воздушного транспорта и российская гражданская авиация. М. : Правовая культура, 1992. 374 с.
36. Бочкарёва А.С., Хотина Ю.В. К вопросу об истории развития пассажирских перевозок на воздушном транспорте // Научные труды кубанского государственного технологического университета. 2016. № 5. С. 418–425.
37. Молот. 1925. 23 июня. № 1163.

References

1. Akopov, G.L. & Lazurevskaya, Yu.A. (2015) *Istoriya zarozhdeniya i razvitiya grazhdanskoy aviatsii na Donu* [History of the Origin and Development of Civil Aviation on the Don]. Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniya.
2. Derevyanko, K. (n.d.) *Pervye kryly'a Dona* [The First Wings of the Don]. [Online] Available from: <http://www.aeroflot-don.ru/company.aspx?no=1034> (Accessed: 6th December 2018).
3. AO Donavia. (2002–2017) *Istoriya kompanii* [The Company History]. [Online] Available from: <http://www.aeroflot-don.ru/company.aspx?no=491> (Accessed: 6th December 2018).
4. Akopov, G.L. (2015) O provedennom Rostovskim filialom MGTU GA issledovanii istorii grazhdanskoy aviatsii na Donu [About the Research of History of Civil Aviation Conducted by the Rostov Branch of MSTUCA on Don]. *Grazhdanskaya aviatsiya: proshloe, nastoyashchee i budushchee* (AviaTrans–2015) [Civil Aviation: Past, Present and Future]. Proc. of the International Conference. Rostov-on-Don, May 15, 2015. Rostov-on-Don. pp. 26–30.

5. Wikimedia Foundation, Inc. (2018) *Donavia: Istorya* [Donavia: History]. [Online] Available from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Донавия> (Accessed: 6th December 2018).
6. Svischhev, G.P. (ed.) (1994) *Aviatsiya: entsiklopediya* [Aviation: Encyclopedia] Moscow: Bol'shaya Ros. Entsiklopediya; TsAGI im. N.E. Zhukovskogo.
7. Stepin, V.S. (2000) *Teoreticheskoe znanie: struktura, istoricheskaya evolyutsiya* [Theoretical knowledge: structure, historical evolution]. Moscow: Progress-Traditsiya.
8. Voskoboinikov, A.E. (2013) *Sistemnye issledovaniya: bazovye ponyatiya, printsipy i metodologiya* [System Studies: Basic Concepts, Principles and Methodology]. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*. 4. pp. 35–66.
9. Bugaev, B.P. (ed) (1983) *Istoriya grazhdanskoy aviatsii SSSR* [The History of USSR Civil Aviation]. Moscow: Vozdushnyy transport.
10. Aviator-art.com. (2018) *Russkaya imperatorskaya aviatsiya 1909 po 1917 gg.* [Russian Imperial Aviation, 1909 to 1917]. [Online] Available from: <http://aviator-art.com/about/istoriya/> (Accessed: 6th December 2018).
11. Library of Congress. (2014) *Telegramma otsu ot Orvilla Rayta iz Kitti-Khouk, shtat Severnaya Karolina, s soobshcheniem o chetyrekh uspeshno sovershennykh poletakh, 17 dek. 1903 g.* [Telegram from Orville Wright in Kitty Hawk, North Carolina, to His Father Announcing Four Successful Flights, 1903 December 17]. [Online] Available from: <https://www.wdl.org/ru/item/11372/> (Accessed: 6th December 2018).
12. Katyshev, G.I. & Mikheev, V.R. (1992) *Kryl'ya Sikorskogo* [Sikorsky's Wings]. Moscow: Voenizdat.
13. Belyakov, A.I. (2003) *Sankt-Peterburg, podarivshiy kryl'ya Rossii* [St. Petersburg that Gave Wings to Russia]. St. Petersburg: Bukovsky.
14. Nakhapetov, V.N., Tishchenko, V.Yu. & Shevchenko, A.M. (2005) *Polet skvoz' stoletie* [Flight Through the Century]. Kharkov: Maydan.
15. Pidzhakov, A.Yu. & Khoroshikh, V.A. (2011) *Zarozhdenie aviatsionnykh obshchestv i aviatsionnogo obrazovaniya v dorevolyutsionnoy Rossii* [The Origin of Aviation Societies and Aviation Education in Pre-Revolutionary Russia]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 4(2). pp. 60–70.
16. Sikorsky, I.I. (1998) *Vozdushnyy put'* [Air Way]. Moscow: Russkiy put'; New York: YMCA Press.
17. Byushgens, G.S. (ed.) (1983) *Aviatsiya v Rossii: k 100-letiyu otechestvennogo samoletostroeniya* [Aviation in Russia: The 100th Anniversary of the Domestic Aircraft Industry]. Moscow: Mashinostroenie.
18. Berdonosov, V.D. (2010) *Zakon polnотy chastej sistemy: metodicheskie osobennosti* [The law of completeness of system parts: Methodological features]. *Uchenye zapiski Komsomolskogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 1(2). pp. 45–50.
19. Stepanov, G.Yu. (1997) *Teoriya kryla v trudakh N.E. Zhukovskogo i S.A. Chaplygina* [Theory of the Wing in the Writings by N.E. Zhukovsky and S.A. Chaplygin]. *Uchenye zapiski TsAGI*. 28(1). pp. 6–26.
20. Ryabushinsky, P. (1914) *Aerodinamicheskiy institut v Kuchine: 1904–1914* [Aerodynamic Institute in Kuchine: 1904–1914]. Moscow: I.N. Kushnerev and K°.
21. Chanute, O. (1997) *Progress in Flying Machines*. New York: Courier Corporation.
22. Weigelin, K.E. (1912) *Zavoevanie vozdushnogo okeana: istoriya i sovremennoe sostoyanie vozdukhoplavaniya* [Conquest of the Air Ocean: History and Current State of Aeronautics]. St. Petersburg: P.P. Soykin.
23. Glagolev, N.M. (ed.) (1915) *Vozdushnyy flot: istoriya i organizatsiya voennogo vozdukhoplavaniya* [Air Fleet. History and Organization of Military Aeronautics]. Petrograd: I.D. Sytin.
24. Zakharov, V.P. (1988) *Pervyy voennyy aerodrom* [First Military Airfield]. Moscow: Voenizdat.
25. Donina, O.I. & Sinyakin, K.V. (2016) *Genezis problemy sozdaniya aviatsionnykh voenno-uchebnykh zavedeniy v Rossii (1910–1917 gg.)* [Genesis Problems of Creation of Aviation Military Educational Institutions in Russia (1910–1917)]. *Problemy sovremennoy pedagogicheskogo obrazovaniya*. 53-1. pp. 92–101.
26. Obukhovich, V.A. & Nikiforov, A.F. (2003) *Samolety Pervoy mirovoy voyny* [Aircrafts of the First World War]. Minsk: Kharvest.
27. Kharuk, A.I. (2007) *Virobnicha i konstruktors'ka diyal'nist' firmi "Anatra"* v galuzi viys'kovoyi aviatsii: 1912–1917 rr. [Production and Design Activities of the Company "Anatra" in the Field of Military Aviation: 1912–1917]. *Vesnik Natsional'nogo universiteta "Lviv's'ka politehnika"*. 584. pp. 74–79.
28. Gorokhovskay, E.A. & Zheltova, L.E. (1995) *Sovetskaya aviatsionnaya agitkampaniya 20-kh gg.: ideologiya, politika, massovoe soznanie* [Soviet Air Campaign the 1920s of the: Ideology, Politics, and Mass Consciousness]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 3. pp. 63–78.
29. The State Archive of Krasnodar Territory.
30. Baykov, A.Yu. (2008) *Sovetsko-germanskoe voennoe i voenno-tehnicheskoe sotrudnichestvo 1920–1933 gg.* [Soviet-German Military and Military-Technical Cooperation of 1920–1933]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
31. Zarzar, V. (1928) *Sovetskaya grazhdanskaya aviatsiya i ee perspektivy* [Soviet Civil Aviation and its Prospects]. *Planovoe khozyaystvo*. 8. pp. 240–255.
32. Dobrenko, E. (2007) *Politekonomiya sotsrealizma* [Political Economy of Socrealism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
33. Simakov, B.L. & Shipilov, I.F. (1958) *Vozdushnyy flot Strany Sovetov: kratkiy ocherk istorii aviatsii nashey Rodiny* [Air Fleet of the Soviet Union: A Brief Sketch of the History of Aviation of our Country]. Moscow: Voenizdat.
34. Lebedeva, M.Yu. & Pidzhakov, A.Yu. (2011) *Vozdushnyy transport SSSR v dovoennye gody* [Air Transport of the USSR in the Pre-War Years]. *Nauchnyy vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoy aviatsii – Civil Aviation High Technologies*. 170. pp. 55–59.
35. Balashov, B.S. & Tikhonov, V.M. (1992) *Sistema mirovogo vozdushnogo transporta i rossiyskaya grazhdanskaya aviatsiya* [The System of World Air Transport, and Russian Civil Aviation]. Moscow: Pravovaya kul'tura.
36. Bochkareva, A.S. & Khotina, Yu.V. (2016) *K voprosu ob istorii razvitiya passazhirskikh perevozok na vozdushnom transporte* [On the History of the Development of Passenger Traffic in Air Transport]. *Nauchnye trudy kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 5. pp. 418–425.
37. Molot. (1925) 1163. 23rd June.

Сведения об авторе:

Лазуревская Юлия Андреевна – старший преподаватель кафедры социально-экономических дисциплин Ростовского филиала Московского государственного технического университета гражданской авиации (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: lazarevskaya88@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Lazarevskaya Yulia A. – Senior Lecturer of the Department of Socio-Economic Disciplines. Rostov branch of Moscow State Technical University of Civil Aviation (Rostov-on Don, Russian Federation). E-mail: lazarevskaya88@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.12.2018; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 17.12.2018; accepted for publication 06.05.2022

Научная статья

УДК 930.1

doi: 10.17223/19988613/77/16

О перспективах исследования легенд о «возвращающемся избавителе»

Михаил Сергеевич Путилин

Томский государственный университет, Томск, Россия, mish.put.1997@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены основные вопросы историографии по теме изучения комплекса народных социально-утопических легенд XVIII–XIX вв. о «возвращающемся избавителе» в целом и сюжета о царе-старце Александре I под именем старца Фёдора Кузьмича в частности. Анализируются работы исследователей, посвященные народным социально-утопическим легендам, и намеченные в них перспективы дальнейшего изучения темы. Предпринята попытка предложить собственную гипотезу о перспективном направлении для дальнейшего изучения этой темы с опорой на сложившуюся историографию.

Ключевые слова: народные представления, социально-утопические легенды, история ментальностей, историография, методология истории

Для цитирования: Путилин М.С. О перспективах исследования легенд о «возвращающемся избавителе» // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 133–140. doi: 10.17223/19988613/77/16

Original article

The prospects for studying the legends of the “returning savior”

Mikhail S. Putilin

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, mish.put.1997@gmail.com

Abstract. The relevance of the study is due to the need to develop a new strategy to continue scientific research on the issue of socio-utopian legends. The work is written on the material of theoretical studies devoted to folk ideas of the 18th–19th centuries.

The purpose of this article is to formulate a working hypothesis about a promising direction for studying the complex of socio-utopian legends about the “returning savior” based on the gaps in the studies outlined by the historiography of the issue. In order to achieve this goal, it is essential to identify the trends and necessary aspects of further study of the topic based on the analysis of previous scientific works.

The first researcher who mentioned socio-utopian legends was V. Ya. Propp, who described a scheme for studying legends and fairy tales in his work “Morphology of the tale”. V. V. Chistov, in his work entirely devoted to social and utopian legends, created a classification of legends and made a rough diagram of legends at the stage of development of this type of plot. According to the scholar, the hero of such a legend is not necessarily an impostor. The role of the religious messiah is no less characteristic. The applicability of the schemes outlined by V. Ya. Propp and K. V. Chistov to the research of specific socio-utopian legends about the “returning savior” has been convincingly proved by the studies of A. S. Mylnikov. The legend of the Staret Tsar attracts attention of many researchers. American researcher Barry Stone included this legend in the section on monarchs who retired from power. In his article “The typology of folklore texts about the Emperor Alexander I and Napoleon Bonaparte” N. N. Ivanov compared this legend with other folklore plots, but could not, on the basis of this, attribute it to a certain type. E. B. Gaidukova considered the history of this legend in literature from the position of philology. All authors have agreed on the assessment of the legend of the Staret Tsar as a unique phenomenon in Russian history and culture.

Thus, further studies of the legend of the Staret Tsar should be considered in the context of typologically similar folklore plots of the 18th–19th centuries. It seems that these are socio-utopian and religious legends about the “returning savior”.

According to our concept, the legend about Fyodor Kuzmich is a kind of a legend about the “returning savior”. It has many features similar to this type of legend: the hero is a ruler deprived of power or an unrecognized messiah hiding in a distant outback. There are also a lot of differences: the hero does not return to power but helps those around him with his advice and healing. It is possible that the story about the Staret Tsar–Alexander I under the name of Fyodor Kuzmich was formed under the influence of legends about the “returning savior”, but then acquired originality, having received its own unique meaning in the system of folk mentality.

Keywords: folk ideas, socio-utopian legends, history of mentalities, historiography, history methodology

For citation: Putilin, M.S. (2022) The prospects for studying the legends of the “returning savior”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Iстория – Tomsk State University Journal of History.* 77. pp. 133–140. doi: 10.17223/19988613/77/16

Изучение народных представлений о лишенном власти и скрывающемся среди народа «избавителе» в лице «истинного царя», законного наследника или мессианской фигуры пророка в XVIII–XIX вв. имеет обширную традицию в отечественной историографии. В связи с этим появилась потребность систематизировать данные исследования. Это позволит не только упорядочить имеющиеся научные наработки по данной тематике, но и обозначить те области, которые нуждаются в дополнительном изучении. Актуальность темы статьи связана с необходимостью выявить современное состояние историографии по вопросу социально-утопических легенд в народных представлениях XVIII–XIX вв. и наметить дальнейшие перспективные направления развития истории в данной области. Современные методологические концепции исторической науки позволяют по-новому интерпретировать это явление народной ментальности XVIII–XIX вв., затрагивая недостаточно изученные советскими исследователями примеры монархических и религиозных легенд об «избавителе», и определить их место в типологическом ряду народных социально-утопических легенд. В связи с этим важно обратиться к историографии вопроса. Таким образом, обращение к работам по теме легенд о «возвращающемся избавителе» для рассмотрения данных источников с новых методологических позиций и обоснованного классифицирования их роли и места среди других видов выражения народных социально-утопических представлений в настоящее время представляется актуальным.

Цель данной статьи – предложить собственную рабочую гипотезу о перспективном направлении изучения комплекса социально-утопических легенд о «возвращающемся избавителе» с опорой на лакуны в исследованиях, намеченные историографией вопроса. Для достижения этой цели важно выявить тенденции и необходимые аспекты дальнейшего изучения темы на основе анализа предшествующих научных работ.

Для характеристики историографии вопроса о народных социально-утопических легендах и их месте в народных представлениях нам следует рассмотреть несколько тематических блоков исследований. К первому относятся теоретические исследования, посвященные народным представлениям XVIII–XIX вв. и месту религиозных и социально-утопических легенд о «возвращающемся избавителе» в этих представлениях. Исследования по этой теме важны для понимания сложившихся в отечественной историографии теоретических основ изучения темы, а также для выработки собственной научной концепции, органично развивающей предшествующие теоретические схемы.

Первая в отечественной исторической науке схема изучения сюжетов легенд и сказок была предложена В.Я. Проппом в работе «Морфология “волшебной” сказки», написанной в 1928 г. и выдержавшей неоднократные переиздания позднее [1]. Но первое значимое исследование, целиком посвященное легендам о «возвращающемся избавителе», провел К.В. Чистов в работе о социально-утопических легендах [2]. Исследователь объединил легенды, которыми пользовались различные самозванцы, в комплекс легенд о «возвращающемся избавителе» [Там же. С. 24]. В их основе, с незначительными вариантами, лежит составленная ученым схема: «избавитель» намерен провести социальные реформы – его отстраняют от власти – он чудесным образом спасается – «избавитель» странствует или оказывается в заточении – следуют встречи с неизвестным «избавителем» или вести от него – правящий «ложный» царь пытается ему помешать – «избавитель» возвращается – его узнают – в будущем он воцаряется (подробно об этой схеме см.: [Там же. С. 30–32]). При этом, в соответствии с господствовавшей в советской историографии классовой теорией, К.В. Чистов почти не рассматривает те легенды и случаи самозванства, которые не оказали значительного влияния на социально-политические движения крестьянства и других низших социальных групп. По этой причине исследователь не рассматривает легенду о святом старце Фёдоре Кузьмиче, в большинстве вариантов признаваемом скрывающимся императором Александром I.

Тем не менее именно К.В. Чистов наметил многие ключевые моменты для дальнейшего изучения социально-утопических легенд. В самом начале работы автором сделано важное замечание о неоднородности легенд о «возвращающихся избавителях» и их классификации: «...уже можно говорить о двух основных типах: религиозно-мессианских легендах о “спасителях” и легендах социально-политического характера о “возвращающихся царях (царевичах) – избавителях”» [Там же. С. 24]. Посвятив исследование преимущественно второму типу социально-утопических легенд, К.В. Чистов отметил, что легенды о «возвращающихся избавителях» являются самой сложной из разновидностей социально-утопического фольклора: «...социально-утопический идеал еще не воплощен в действительность, однако сила, которой предназначено реализовать это воплощение, – “избавитель” – уже существует» [Там же. С. 16]. В связи с этим автор констатировал необходимость исследования комплекса данных легенд в будущем.

В чем же состоит сложность данного типа легенд? Возможно, легенды о «возвращающихся избавителях», в отличие от других видов социально-утопических легенд, осложнены тем, что основаны на рассказах о реально существовавших людях. Следовательно, это не совсем легенды, а образы реально существовавших людей, «обросшие» вымыщенными подробностями и превратившиеся в легенду. Они начинают создаваться еще при жизни данных личностей, т.е. описывается действие в реальных временах и местах. Но если легенды о «возвращающихся избавителях», укладывающиеся в схему Чистова, еще можно объяснить желанием народа «получить лучшую жизнь в реальное время, скоро и именно здесь, а не в сказочном Беловодье, то популярность легенд о «спасителях» объяснить сложнее. Возможно, их продуцирует желание людей вернуть «золотое» время, когда боги и герои ходили среди людей и часто общались с самыми простыми из народа. Эти «спасители» ведь не обещают изменить жизнь «здесь и сейчас», но являются собой доказательство общения с высшими силами.

Кроме того, согласно наблюдениям исследователя, легенда о «возвращающемся избавителе» может существовать и без каких-либо самозванцев, открыто апеллирующих к ней в своих возвзываниях. Примером этого является легенда о Константине Павловиче, сформировавшаяся в 1826 г. и оказавшая влияние на крестьянские выступления в 1831–1834 гг. Исследователь отметил среди ее особенностей скорость формирования и большое количество дополняющих ее подробностями слухов [2. С. 199]. Автор написал о некоторых параллелях этой легенды с зарождавшимися в то же время слухами о царе-старце Александре I в Сибири, но более конкретно не притронулся к этой теме. Таким образом, по результатам рассмотрения работ 1920–1970-х гг. легенды о «спасителях», не желающих вернуться к власти, являются перспективным материалом для научного исследования.

Применимость схем, намеченных В.Я. Проппом и К.В. Чистовым для исследования конкретных социально-утопических легенд о «возвращающемся избавителе» убедительно доказана работой А.С. Мыльникова «Легенда о русском принце» [3]. Исследователь подробно проанализировал все основные варианты легенды о «возвращающемся избавителе» в лице Петра III, бытавшей в XVIII в. Помимо этого, он раскрыл причины зарождения и распространения этой легенды в форме слухов, а также причины ее устойчивости в народных представлениях. В более поздней работе «Искушение чудом» [4] А.С. Мыльников расширил источниковую базу и углубил анализ, что позволило подтвердить на новом уровне выводы предшествующей работы.

Исследователи более позднего периода также обращались к теме народных легенд о «возвращающемся избавителе», прежде всего в связи с прецедентами самозванства в отечественной истории. О.Г. Усенко в своей работе «Самозванчество в России: норма или патология?» [5] определил, что народные легенды о «возвращающемся избавителе», имевшие распространение в сознании массовых социальных групп России со времен Смуты до середины XIX в., формировали определенное представление о фигуре «избавителя». Это представление задавало жесткие «правила игры», которым, по мнению исследователя, пытались соответствовать как известные самозванцы, оказавшие влияние на историю страны, так и менее известные деятели, выдававшие себя за изгнанного законного царя или мессию [5. № 1. С. 57]. На основе анализа свидетельств о деятельности самозванцев в источниках автор сделал вывод о том, что отступление от этих «правил игры» в народном сознании сразу же обнуляло легитимность такого «избавителя», делая его очевидным самозванцем.

Автор сделал важный вывод об отсутствии видимой границы между самозванчеством правителя и религиозного «мессии», или пророка, в рамках легенд о «возвращающемся избавителе». В качестве примера приведена история скопческого «Христа» Кондратия Селиванова, который был для сектантов одновременно Мессией и «государем Петром Фёдоровичем» [5. № 2. С. 70].

В более поздних статьях О.Г. Усенко сделал несколько важных для нашего исследования выводов.

Так, в статье «Об отношении народных масс к царю» он указал на ошибочность отождествления социально-утопических легенд о «возвращающемся избавителе», явлений самозванчества и массовых народных восстаний на примерах из истории XVII в. Наиболее глубоко О.Г. Усенко проанализировал отношение восставших казаков С. Разина к личности правящего монарха. Исследователь пришел к однозначному выводу, что именно слухи о «боярском заговоре» против царя стали поводом для восстания, а не наоборот. А уже после к восставшим казакам пришел самозванец, выдававший себя за «избавителя» в лице царевича Алексея Алексеевича: «По всей видимости, самозванец, чье настоящее имя и происхождение, увы, нам неизвестны, «объявился» повстанцам по собственной инициативе» [6. С. 87]. В этой же статье автор указал, что ошибкой является отождествление взглядов «староверов» с мировоззрением широких народных масс [Там же. С. 76], в связи с чем можно говорить о том, что среди старообрядческих общин могли получить распространение собственные легенды о «возвращающемся избавителе», почти не оказавшие влияния на общественное сознание в целом.

В статье «Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг.» О.Г. Усенко рассмотрел отечественную и зарубежную историографию по тематике монархического самозванчества [7]. Исследователь констатировал факт нехватки обобщающих работ об этом явлении, поскольку на протяжении дореволюционного и советского периодов историки народных движений занимались прежде всего накоплением фактического материала [Там же. С. 293], систематизацией же этого материала пытались заниматься лишь отдельные немногочисленные исследователи. Помимо этого, автор отметил, что наличествующие в историографии концепции могут быть пересмотрены в связи с вводом в оборот новых источников или расширением хронологических рамок исследований.

Наконец, в одной из последних статей по тематике монархического самозванчества О.Г. Усенко привел пример скопческого «государя Петра Фёдоровича» Кондратия Селиванова и его мифической «матери-Богородицы» Акулины Ивановой [8. С. 114] как образец социально-утопической легенды, не оказавшей влияния на общество за пределами старообрядческой секты.

И.Л. Андреев в статье «Анатомия самозванства» полнее раскрыл роль народных представлений о власти в истории путем анализа различных эпизодов самозванства XVIII в. [9]. В более позднем очерке «Искушение властью» исследователь подробнее остановился на народных представлениях о власти, роли правителя и его «мессианском» предназначении, однако не затронул тему соотношения этих представлений с социально-утопическими легендами о «возвращающемся избавителе» [10].

Одной из последних фундаментальных работ по теме места самозванчества в народных представлениях XVIII–XIX вв. является монография Ю.А. Обуховой. Исследователь вновь убедительно доказала на примере Е.И. Пугачёва связь монархического и религиозного самозванства в едином контексте легенды о «возвращающемся избавителе».

щающимся избавителем»: «Суггестивный совместный эффект образов сакральной и ментальной географии в сознании окружающих “присваивал” Е. Пугачеву несомненные мессианские черты спасителя» [11. С. 152]. Однако заданные работой хронологические и тематические рамки вновь оставили эту связь нераскрытым.

Помимо этого, исследования в области народных представлений и ментальностей XIX в. проводила Е.А. Мельникова в статье о народной эсхатологии [12]. Но тематические и предметные рамки не позволили исследователю сопоставить народные религиозные представления с какими-либо сюжетами о «возвращающемся избавителе».

Попытку применить новые методологические концепции и междисциплинарный подход к изучению легенд о «возвращающемся избавителе» сделал В.Я. Мауль в работе, посвященной восстанию под предводительством Е.И. Пугачёва в народных представлениях. Автор сделал важное для нашего исследования предположение о том, что в основе любого сюжета об «избавителе» лежат мессианские ожидания, бытовавшие в народных представлениях: «В сгущавшейся атмосфере святотатственной беспросветности народ отчаянно ждал, когда же сверкнет “луч света в темном царстве”, наполненном коллективными фобиями, раздражающей сменой настроений и колебаниями психики масс, легко впадавших в панику» [13. С. 26]. Это означает, что у социально-утопических легенд о «возвращающихся избавителях» и религиозных сюжетах о «спасителях», в сущности, имеется общая основа в виде мессианских ожиданий, которые были частью народных представлений XVII–XIX вв.

Тема народных представлений и социально-утопических легенд была затронута также в работе Е.Е. Дутчак, посвященной сибирским старообрядцам. Анализируя причины отсутствия по-настоящему глубоких исследований учения страннических сект старообрядцев, автор указала, что позитивистский методологический аппарат, которым оперировали отечественные исследователи, «не приспособлен для адекватного отражения всех нюансов апокалиптического видения истории» [14. С. 46]. А так как в социально-утопических легендах о «возвращающемся избавителе», как мы увидим на примерах из историографии, широко представлены как «апокалиптический», так и мессианский элементы народного мировоззрения, мы можем констатировать справедливость данного утверждения по отношению к научным трудам, касающимся и этого типа легенд. Таким образом, еще не было написано фундаментальной исследовательской работы, посвященной религиозным легендам о «возвращающемся избавителе» или «спасителе».

Вторым тематическим блоком научных трудов, которые мы рассмотрим в статье, будет ряд теоретических работ, способных послужить методологическим основанием нового этапа исследования легенд о «возвращающемся избавителе». В связи со спецификой явления социально-утопических легенд XVIII–XIX вв. о «возвращающемся избавителе» очевидно, что мы имеем дело с устойчивым комплексом фольклорных элементов и символов, к которому применим термин

«ментальность», или «народное представление». Для начала исследования по этой теме оптимальным выбором дискурса работы является раздел исторической антропологии под названием «история ментальностей».

Чтобы продолжить анализ перспективного направления для новых исследований по этой теме, следует кратко охарактеризовать данную методологическую концепцию. Она предполагает, что поведение людей «...в значительной мере определяется теми нормами, образцами и ценностями, которые признаны в данном обществе как сами собой разумеющиеся» [15. С. 8]. Эти коллективные представления в разных сферах сегодня объединяются историками термином «ментальность». Таким образом, концепция «истории ментальностей» предполагает изучение коллективных представлений исторических социальных групп на основе материала источников. Целью этих исследований является выявление источников или процессов внутри социальных групп, на основе которых такие «ментальности» были сформированы.

Следует указать, что среди современных исследователей не существует единого мнения о соотношении таких подходов, как история ментальностей и историческая антропология, что заметил М.М. Кром, характеризуя зарождение исторической антропологии в работах школы «Анналов» и ее тесную связь с историей ментальностей [16. С. 41].

В историографии уже имеются примеры успешного применения методологических принципов «истории ментальностей» и «исторической антропологии» к российскому историческому материалу. В качестве наиболее характерного примера следует указать монографию профессора Л. Штайндорфа, посвященную феномену церковного поминовения и обрядам поминальной службы в русской православной культуре [17]. Другим примером может служить статья Б.А. Успенского и В.М. Живова о сакрализации образа монарха в народной культуре [18].

В качестве методов исследования в рамках этой концепции в зависимости от типа доступных источников могут быть привлечены как привычные для исторической науки сравнительный метод, текстологический и контент-анализ, так и более сложные количественные методы, которые используются при работе со статистикой. Другой отличительной чертой «истории ментальностей» является широкое применение междисциплинарного подхода, взаимодействия со смежными с исторической наукой дисциплинами (антропология, социология, лингвистика), а также активное сотрудничество между специальными отраслями внутри самой науки (экономической, социальной и политической историей). Данный подход позволит наиболее полно раскрыть и описать все научно значимые факты исследуемого материала, каким в нашем случае является текст как исторический источник. Следовательно, исследование утопических легенд о «спасителях» в дискурсе «истории ментальностей» представляется наиболее перспективным в плане рассмотрения аспектов вопроса, оставшихся за пределами внимания ученых.

Третий блок представляющих интерес для нашей работы исследований связан непосредственно с изуче-

нием легенды о царе-старце Александре I в трудах отечественных ученых. Ввиду сложного характера легенд из этой группы их исследование логичнее всего начинать с примеров, нашедших отражение во многих исторических источниках еще в период их широкого бытования в народе. В связи с этим для начала изучения религиозных легенд о «возвращающемся избавителе» мы выбрали в качестве объекта исследования легенду о царе-старце Александре I под именем Фёдора Кузьмича как пример одной из самых задокументированных легенд в этой группе, по аналогии с тем, как исследователи монархического самозванства ставили в центр исследования деятельность Е.И. Пугачёва. Сюжет легенды о царе-старце Александре I достаточно полно отражен в ряде источников. Основным источником, в котором описана легенда о царе-старце, были сочинения томского купца С.Ф. Хромова, который довольно продолжительное время знал Фёдора Кузьмича, вел с ним духовные беседы и оказывал старцу посильную помощь. Первую публикацию его записей о старце осуществил в 1892 г. Е.З. Захаров [19], журналист, собравший записи бесед о старце с людьми, знавшими старца при жизни. Материалы были привезены в Санкт-Петербург и опубликованы в типографии Дома призрения малолетних бедных.

В более позднем «Кратком жизнеописании...» [20] С.Ф. Хромов составил полный список сбывающихся позднее предсказаний Фёдора Кузьмича, сотворенных им чудес исцеления, а также слухов о царственном происхождении, связанных с тайной его личности. Это собрание записей С.Ф. Хромова, которые он вёл с ноября 1852 г. до июля 1890 г., опубликованное в форме воспоминаний о старце. В соответствии с жанровыми особенностями «Краткого жизнеописания...» его следует классифицировать как мемуарный источник.

Высокую ценность такого типа источников для исследований отметила Л.Е. Бушканец. В статье «Проблема достоверности литературных мемуаров» она утверждает, что через мемуариста преломляются социально-политические, мировоззренческие, литературно-эстетические установки современных, близких ему групп общества [21. С. 21]. Исследователь считает, что нестыковки, ошибки и умолчания, встречающиеся в воспоминаниях, следует рассматривать как факты, свидетельствующие об особенностях авторского взгляда на события. С учетом данной специфики анализ мемуарных источников может выявить как аспекты мировоззрения определенной социальной группы исследуемого периода, так и авторский вариант отношения к описываемым фактам, в связи с чем источники такого типа имеют большую научную ценность.

Помимо записей С.Ф. Хромова, для полноты рассмотрения источников, отразивших сюжет о царе-старце, следует обратиться к документам полицейского расследования об истоках этой легенды [22–24]. Данное расследование проводилось в 1882 г., во время осуществления С.Ф. Хромовым деятельности по популяризации своих записей. Кроме того, при анализе распространенности, оценки и социально-общественной значимости легенды о царе-старце мы обратимся к материалам периодической печати. Местная печать

Томска воспринимала эту легенду весьма скептически: «Несомненно, это был рядовой среди сибирских поселенцев, каких были рассеяны по громадной стране сотни. Все его значение, весь ореол, каким окружили его почитатели, заключался в том, что в старике хотели видеть императора Александра I и так загипнотизировали и себя, и других этой мыслью, что после смерти старца создали настоящий кульп его» [25. С. 118].

Представленные в перечисленных источниках версии легенды являются во многих случаях субъективными впечатлениями и частными мнениями авторов об описанной в них личности. Тем не менее их изучение и сопоставление представляет научный интерес, так как позволяет выявить основные общие черты презентации сюжета о царе-старце.

Потребность в обращении к историографии вопроса о типологии сюжета о царе-старце задана предметными рамками нашего исследования. Современная историография неохотно берется за изучение народной легенды о царе-старце, окружающей святого Феодора Томского, в миру Фёдора Кузьмича. К сожалению для исследователей, большая часть литературы, посвященной данной теме, носит публицистический или даже тенденциозный характер. Примером последнего является статья В. Мамаева «Легенда о царе Александре Благословленном и старце Фёдоре Кузьмиче», которую автор закончил эмоциональным выводом о невозможности заниматься какими-либо исследованиями по теме сюжета о царе-старце: «Словно ангел опрокидывал пальчиком их построения. И словно тот же ангел стоит на страже тайны кончины императора Александра. Вновь и вновь исследователи оказываются на распутье» [26]. Однако вряд ли с таким выводом можно согласиться, о чем свидетельствует и внимание ученых к данному вопросу.

Интерес к сюжету о царе-старце проявил и иностранный исследователь Барри Стоун. В монографии, посвященной феномену отшельничества и особенностям его проявлений в разных культурах, автор включил легенду об уходе Александра I в старчество в раздел об удалившимся от власти в отшельничество монархах [27. С. 97–98].

Имеются и примеры подъема интереса отечественных исследователей к комплексу социально-утопических легенд о «возвращающемся избавителе». Среди них заслуживает внимание монография И.И. Ломакиной, посвященная монгольским легендам об Амурсане и его возвращении через перерождение [28]. Эта легенда приобрела большое влияние на рубеже XIX–XX вв., позднее ей воспользовались в идеологических целях такие деятели гражданской войны в Монголии, как Джалаама и барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг. Безусловно, подобные факты подчеркивают рост научного интереса к этому типу социально-утопических легенд как в России, так и за рубежом. Но сюжет об уходе Александра I в старчество требует определения места не только в типологическом ряду сказаний о православных отшельниках-старцах, но и в ряду легенд о «возвращающемся избавителе», поскольку изначально он распространился в народе в форме слухов, без какого-либо активного участия самого старца Фёдора Кузьмича.

Упоминает этот сюжет и С.В. Привалихина в историко-биографической работе об императрице Екатерине Алексеевне, жене императора Александра I [29]. Свою позицию по вопросу об этом сюжете автор прямо выразила в самом начале исследования, задав риторический вопрос: мог ли император покинуть безнадежно больную жену, с которой был вместе 32 года, или не мог? [Там же. С. 6]. Отрицательный ответ, по мнению исследователя, очевиден, что делает исследование сюжета о царе-старце предметом не политической, а социокультурной истории.

Одним из последних историков, обратившихся к этому вопросу, является Н.Н. Иванов. В статье «Типология фольклорных текстов об императоре Александре I и Наполеоне Бонапарте» [30] он делает попытку вписать легенду о царе-старце и другие легенды об Александре I в типологический ряд фольклорных произведений. При этом исследователь совершил серьезное упущение, немотивированно, по нашему мнению, отказавшись рассмотреть легенду о царе-старце в контексте народных представлений XVIII–XIX вв., в частности «мифа о царе», предпочтая сравнение с другими сюжетами из фольклора. Это привело к тому, что сам автор не смог отнести легенду о царском происхождении Фёдора Кузьмича к какому-либо определенному типу: «Образ Александра Первого существенно мифологизирован и создан по законам текстов трех типов: легенда (романовская легенда и легенда о святом старце), семейное предание и агиография с чертами фольклора» [Там же. С. 199]. Далее Н.Н. Иванов отметил, что подобное размытие типовых и жанровых границ характерно для легенд этого периода, однако это также не проясняет положение легенды о царе-старце в типологическом ряду народных легенд XVIII–XIX вв.

Намного более подробное научное исследование этой легенды было предпринято со стороны филологов. Е.Б. Гайдукова рассмотрела историю этой легенды в литературе, подробно разобрав презентацию легенды о царе-старце русскими писателями Серебряного века и современными авторами [31]. Для исторической науки упоминание легенды о царе-старце в литературе, возможно, может представлять научный интерес в части отражения народной ментальности в авторских картинах мира, однако это уже выходит за рамки нашего исследования. Тем не менее все авторы сходятся в оценке легенды о царе-старце как уникального явления как в историческом, так и в литературном плане. Попытки вписать легенду о Фёдоре Кузьмиче в хронологический ряд известного народного «мифа о возвращающемся избавителе» XVIII–XIX вв. до сих пор не были осуществлены в силу специфики исследовательских работ по данной теме. Другой причиной может быть нежелание авторов проводить параллели этой легенды, по меткому наблюдению Гайдуковой, превратившейся в «национальный символ» [Там же. С. 7], с представлениями, порождавшими в XVII–XVIII вв. деятельность различных самозванцев.

Таким образом, анализ имеющихся научных работ по вопросу о статусе легенды о царе-старце позволил

выявить необходимость рассмотрения данных материалов в контексте народных представлений XVIII–XIX вв. о «возвращающемся избавителе». Помимо отсутствия основательных исследований данного вопроса, она обусловлена возможностью рассмотрения этой легенды в рамках перспективной «концепции ментальностей», применения новой методологии и ввода в научный оборот новых источников. Это позволяет более детально описать особенности легенды о Фёдоре Кузьмиче и аргументированно поместить ее в ряд подобных исторических явлений.

Наша работа исходит из предположения, что дальнейшие исследования легенды о царе-старце должны рассматриваться в контексте типологически схожих сюжетов в народных представлениях XVIII–XIX вв. Наиболее близки к этому сюжету некоторые социально-утопические и религиозные легенды о «возвращающемся избавителе», что предполагает необходимость сравнительного анализа для выделения общих признаков.

Согласно нашей концепции, легенда о Фёдоре Кузьмиче является разновидностью легенд о «возвращающемся» избавителе. Она имеет многие сходные с данным видом легенд черты: героем является лишенный власти правитель либо непризнанный мессия, который скрывается в далекой глубинке и чудесным образом проявляет как святость, так и свою истинную личность. Тем не менее есть и существенный ряд отличий: герой данного вида легенд – не бунтарь и не старается вернуть себе власть или свергнуть существующего правителя. Он принимает свою новую жизнь и только помогает окружающим своими советами, даром пророчества и целительством. Такие фольклорные произведения обусловлены сложным комплексом народной ментальности. Здесь сочетается несколько социально-психологических проблем, потребность разрешения которых вылилась в сюжет о царе-старце. Например, желание людей получить справедливое облегчение жизни для себя «здесь и сейчас» может породить известный с древних времен сюжет о неузнанном Боге / герое / правителе, который появляется под видом простого человека в самых неожиданных местах. Часто это своего рода проверка, которую проходят не все. Те, кто ведет себя правильно и достойно, получают вознаграждение, а те, кто оскорбляет данного персонажа либо пытается ему навредить, бывают наказаны. Желание чувствовать свою причастность к «большой» жизни страны может усилить их уверенность в том, что эти отшельники и святые – не просто особенно угодные Богу подвижники, но еще и бывшие цари или важные вельможи. Возможно, сюжет о царе-старце Александре I под именем Фёдора Кузьмича сформировался под влиянием легенд о «возвращающемся избавителе», но затем приобрел своеобразие, получив уникальное значение в системе народной ментальности. Следовательно, определение места сюжета о царе-старце в типологическом ряду легенд о «возвращающемся избавителе» поможет выявить дальнейшие перспективные направления исследований социально-утопических легенд и народных ментальностей XVIII–XIX вв.

Список источников

1. Пропп В.Я. Морфология «волшебной» сказки. Исторические корни волшебной сказки / сост., науч. ред., текст. comment. И.В. Пешкова. М. : Лабиринт, 1998. 512 с.
2. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М. : Наука, 1967. 342 с.
3. Мыльников А.С. Легенда о русском принце (русско-славянские связи XVIII в. в мире народной культуры). Л. : Наука, Ленинград. отд-ние, 1987. 174 с.
4. Мыльников А.С. Искушение чудом: «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы / Академия наук СССР. Л. : Наука, Ленинград. отд-ние, 1991. 272 с.
5. Усенко О.Г. Самозванчество на Руси: норма или патология? // Родина. 1995. № 1. С. 53–57; № 2. С. 69–72.
6. Усенко О.Г. Об отношении народных масс к царю Алексею Михайловичу // Царь и царство в русском общественном сознании. М. : Ин-т рос. истории РАН, 1999. С. 70–93. (Мировосприятие и самосознание русского общества; вып. 2).
7. Усенко О.Г. Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг. (опыт системно-статистического анализа) // Россия в XVIII столетии. М. : Языки славянской культуры, 2004. Вып. 2. С. 290–353.
8. Усенко О.Г. Матушкины самозванцы // Родина. 2010. № 2. С. 113–116.
9. Андреев И.Л. Анатомия самозванства // Наука и жизнь. 1999. № 10. С. 110–117.
10. Андреев И.Л. Искушение властью // Бремя власти. М. : Дрофа, 2008. С. 383–460.
11. Обухова Ю.А. Феномен монархических самозванцев в контексте российской истории (по материалам XVIII столетия). Тюмень : ТИУ, 2016. 201 с.
12. Мельникова Е.А. Эсхатологические ожидания рубежа XIX–XX веков: конца света не будет? // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 250–266.
13. Мауль В.Я. Социокультурное пространство русского бунта: (по материалам Пугачевского восстания) : автореферат дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Том. гос. ун-т, каф. отеч. истории. Томск, 2005. 42 с.
14. Дутчак Е.Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.) / под ред. В.В. Керова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 414 с.
15. История ментальностей, историческая антропология : зарубежные исследования в обзорах и рефераатах. М. : Изд-во РГГУ, 1996. 255 с.
16. Кром М.М. Историческая антропология : учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп., СПб. ; М. : Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге ; Квадрига, 2010. 214 с.
17. Steindorff L. Memoria in Altrussland. Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge // Quellen und Studien zur Geschichte des ostlichen Europa. B. 38. Stuttgart, 1994. 294 S.
18. Uspensky B.A., Zhivot V.M. Tsar and God: Semiotic Aspects of the Sacralization of the Monarch in Russia // Uspensky B.A., Zhivot V.M. “Tsar and God” and Other Essays in Russian Cultural Semiotics. Boston : Academic Studies Press, 2012. Р. 1–112.
19. Захаров Е.З. Сказание о жизни и подвигах великого раба божия старца Феодора Кузьмича, подвизавшегося в пределах Томской губернии с 1837 года по 1864 год / предисл. изд. Е. Захарова. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб. : Изд. Елисея и сына его Антона Захаровых, 1892. 54 с.
20. Хромов С.Ф. Краткое жизнеописание великого старца Феодора Кузьмича : из воспоминаний купца Семена Феофановича Хромова / под ред. В.П. Бойко, Е.В. Ситникова; авт. предисл. В.П. Бойко. Томск : Изд-во Том. гос. архитектурно-строительного ун-та, 2015. 251 с.
21. Бушканец Л.Е. Проблема достоверности литературных мемуаров // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2015. Т. 147, кн. 2. С. 19–27.
22. Рапорт томского полицмейстера томскому губернатору о распространившихся в г. Томске слухах, что скончавшийся в 1864 году бродяга по имени Федор Кузьмич является императором Александром I // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3 Оп. 51. Д. 18. Л. 1–3.
23. Рапорт и.д. томского полицмейстера томскому губернатору о проведенном расследовании об источнике и содержании слухов, что скончавшийся в 1864 году бродяга по имени Федор Кузьмич является императором Александром I // ГАТО. Ф. 3. Оп. 51. Д. 18. Л. 7–9.
24. Копия протокола дознания, проведенного и.д. томского полицмейстера относительно личности Федора Кузьмича, проживавшего у купца С.Ф. Хромова. Самоназвание документа: Протокол // ГАТО. Ф. 3. Оп. 51. Д. 18. Л. 10–11.
25. Адрианов А.В. Томская старина // Город Томск : бесплатное приложение к газете «Сибирская жизнь» за 1912 год. Томск : Изд. Сиб. т-ва печатного дела в Томске, 1912. С. 101–183.
26. Мамаев В. Легенда о царе Александре Благословленном и старце Фёдоре Кузьмиче. Ч. 2 // История Отечества. URL: <http://www.rusvera.mrezha.ru/386/13.htm> (дата обращения: 20.10.2021).
27. Stone B. I Want to be Alone: Solitary Lives: salvation seekers, celebrity recluses, hermit poets and survivalists from the Buddha to Greta Garbo. Allen & Unwin, 2010.
28. Ломакина И.И. Грозные махакалы Востока. М. : Эксмо ; Яуза, 2004.
29. Привалихина С.В. Русская судьба немецкой принцессы: императрица Елизавета Алексеевна (1779–1826). Тула : Лев Толстой, 2009. 340 с.
30. Иванов Н.Н. Типология фольклорных текстов об императоре Александре I и Наполеоне Бонапарте // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 3. С. 198–201.
31. Гайдукова Е.Б. Цикл легенд о Феодоре Кузьмиче на рубеже XX–XXI вв.: проблема демифологизации сюжета // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 7–10.

References

1. Propp, V.Ya. (1998) *Morfologiya “volshebnoy” skazki. Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [The Morphology of the Fairy Tale. Historical roots of the fairy tale]. Moscow: Labirint.
2. Chistov, K.V. (1967) *Russkie narodnye sotsial’no-utopicheskie legendy XVII–XIX vv.* [Russian folk socio-utopian legends of the 17th–19th centuries]. Moscow: Nauka.
3. Mylnikov, A.S. (1987) *Legenda o russkom printse (russko-slavyanskie svyazi XVIII v. v mire narodnoy kul’tury)* [The Legend of the Russian Prince (Russian-Slavonic Relations of the 18th Century in the World of Folk Culture)]. Leningrad: Nauka.
4. Mylnikov, A.S. (1991) *Iskushenie chudom: “Russkiy prints”, ego prototipy i dvoyniki-samozvantsy* [Temptation by a miracle: “The Russian prince”, his prototypes and impostor doubles]. Leningrad: Nauka.
5. Usenko, O.G. (1995) Samozvanchestvo na Rusi: norma ili patologiya? [Imposture in Russia: norm or pathology?]. *Rodina*. 1. pp. 53–57; 2. pp. 69–72.
6. Usenko, O.G. (1999) Ob otnoshenii narodnykh mass k tsarju Alekseyu Mikhaylovichu [On the Attitude of People to Tsar Alexei Mikhailovich]. In: Gorsky, A.A. (ed.) *Tsar’ i tsarstvo v russkom obshchestvennom soznanii* [Tsar and Tsardom in the Russian Public Consciousness]. Moscow: RAS. pp. 70–93.
7. Usenko, O.G. (2004) Monarkhicheskoe samozvanchestvo v Rossii v 1762–1800 gg. (opyt sistemno-statisticheskogo analiza) [Monarchist imposture in Russia in 1762–1800 (the system-statistical analysis)]. In: Rychalovsky, E.E. (ed.) *Rossiya v XVIII stoletii* [Russia in the 18th century]. Vol. 2. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury. pp. 290–353.
8. Usenko, O.G. (2010) Matushkin samozvantsy [Mother’s impostors]. *Rodina*. 2. pp. 113–116.

9. Andreev, I.L. (1999) Anatomiya samozvanstva [Anatomy of imposture]. *Nauka i zhizn'*. 10. pp. 110–117.
10. Andreev, I.L. (2008) Iskushenie vlast'yu [Temptation by power]. In: Merezhkovsky, D. et al. *Bremya vlasti* [The Burden of Power]. Moscow: Drofa. pp. 383–460.
11. Obukhova, Yu.A. (2016) *Fenomen monarkhicheskikh samozvantsev v kontekste rossiyskoy istorii (po materialam XVIII stoletiya)* [The Phenomenon of Monarchist Impostors in the Context of Russian History (Based on the Materials of the 18th Century)]. Tyumen: TIU.
12. Melnikova, E.A. (2004) Eskhatologicheskie ozhidaniya rubezha XIX–XX vekov: kontsa sveta ne budet? [Eschatological expectations at the turn of the 20th centuries: will there be no end of the world?]. *Antropologicheskiy forum*. 1. pp. 250–266.
13. Maul, V.Ya. (2005) *Sotsiokul'turnoe prostranstvo russkogo bunta: (po materialam Pugachevskogo vosstaniya)* [The sociocultural space of the Russian rebellion: (based on the materials of the Pugachev uprising)]. History Dr. Diss. Tomsk.
14. Dutchak, E.E. (2007) *Iz "Vavilona" v "Belovod'e": adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI v.)* [From "Babylon" to "Belovodie": adaptive capabilities of the taiga communities of Old Believers-wanderers (the second half of the 19th – early 21st centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
15. Mikhina, E.M. (ed.) (1996) *Istoriya mental'nostey, istoricheskaya antropologiya: zarubezhnye issledovaniya v obzorakh i referatakh* [History of mentalities, historical anthropology: foreign studies in reviews and abstracts]. Moscow: RSUH.
16. Krom, M.M. (2010) *Istoricheskaya antropologiya* [Historical Anthropology]. 3rd ed. St. Petersburg; Moscow: St. Petersburg European University; Kvadriga.
17. Steindorff, L. (1994) *Memoria in Altrussland. Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge*. Stuttgart: Casemate Academic.
18. Uspensky, B.A. & Zhivotov V.M. (2012) *"Tsar and God" and Other Essays in Russian Cultural Semiotics*. Boston: Academic Studies Press. pp. 1–112.
19. Zakharov, E.Z. (1892) *Skazanie o zhizni i podvigakh velikogo raba bozhiya startsa Feodora Kuz'micha, podvizavshegosya v predelakh Tomskoy gubernii s 1837 goda po 1864 god* [The legend of the life and deeds of the great servant of God, the elder Feodor Kuzmich, who labored within the limits of the Tomsk province from 1837 to 1864]. 2nd ed. St. Petersburg: Elisey and His Son Anton Zakharovykh.
20. Khromov, S.F. (2015) *Kratkoe zhizneopisanie velikago startsa Feodora Koz'micha : iz vospominaniy kuptsa Semena Feofanovicha Khromova* [Brief biography of the great old man Theodore Kozmich: from the memoirs of the merchant Semyon Feofanovich Khromov]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Bushkanets, L.E. (2015) Problema dostovernosti literaturnykh memuarov [The problem of reliability of literary memoirs]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 147(2). pp. 19–27.
22. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). (1864a) *Raport tomskogo politsmeystera tomskomu gubernatoru o rasprostranivshikhsya v g. Tomskie slukhakh, chto skonchavshisya v 1864 godu brodyaga po imeni Fedor Kuz'mich yavlyatsya imperatorom Aleksandrom I* [Report of the Chief of Police of Tomsk to the Governor of Tomsk about rumors spreading in Tomsk that a tramp named Fyodor Kuzmich, who died in 1864, is Emperor Alexander I]. Fund 3 List 51. File 18. pp. 1–3.
23. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). (1864b) *Raport i.d. tomskogo politsmeystera tomskomu gubernatoru o provedennom rassledovanii ob istochnike i soderzhaniyu slukhov, chto skonchavshisya v 1864 godu brodyaga po imeni Fedor Kuz'mich yavlyatsya imperatorom Aleksandrom I* [Report of acting Tomsk police chief to the Tomsk governor on an investigation into the source and content of rumors that a vagabond named Fyodor Kuzmich, who died in 1864, is Emperor Alexander I]. Fund 3. List 51. File 18. pp. 7–9.
24. The State Archive of the Tomsk Region (n.d.) *Kopiya protokola doznniya, provedennogo i.d. tomskogo politsmeystera otmositel'no lichnosti Fedora Kuz'micha, prozhivavshego u kuptsa S.F. Khromova. Samonazvanie dokumenta: Protokol* [A copy of the protocol of the inquiry conducted by acting Tomsk police chief regarding the personality of Fyodor Kuzmich, who lived with the merchant S.F. Khromov. Self-title of the document: Protocol]. Fund 3. List 51. File 18. pp. 10–11.
25. Adrianov, A.V. (1912) Tomskaya starina [Tomsk Old Times]. In: *Gorod Tomsk: besplatnoe prilozhenie k gazete "Sibirskaya zhizn'" za 1912 god* [City of Tomsk: free supplement to the newspaper "Sibirskaya zhizn'" for 1912]. Tomsk: Sib. t-vo pechatnogo dela v Tomskie. pp. 101–183.
26. Mamaev, V. (n.d.) *Legenda o tsare Aleksandre Blagoslovennom i startse Fedore Kuz'miche. Ch. 2* [The legend of Tsar Alexander the Blessed and the elder Fyodor Kuzmich. Part 2]. [Online] Available from: <http://www.rusvera.mreza.ru/386/13.htm> (Accessed: 20th October 2021).
27. Stone, B. (2010) *I Want to be Alone: Solitary Lives: salvation seekers, celebrity recluses, hermit poets and survivalists from the Buddha to Greta Garbo*. Allen & Unwin.
28. Lomakina, I.I. (2004) *Groznye makhakaly Vostoka* [Terrible Mahakals of the East]. Moscow: Eksmo; Yauza.
29. Privalikhina, S.V. (2009) *Russkaya sud'ba nemetskoy printsessy: imperatritsa Elizaveta Alekseevna (1779–1826)* [Russian fate of a German princess: Empress Elizaveta Alekseevna (1779–1826)]. Tula: Lev Tolstoy.
30. Ivanov, N.N. (2012) *Tipologiya fol'klornykh tekstov ob imperatore Aleksandre I i Napoleone Bonaparte* [Typology of folklore texts about Emperor Alexander I and Napoleon Bonaparte]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 3. pp. 198–201.
31. Gaydukova, E.B. (2008) *Tsikl legend o Feodore Kuz'miche na rubezhe XX–XXI vv.: problema demifologizatsii syuzheta* [A cycle of legends about Feodor Kuzmich at the turn of the 21st century: the problem of plot demythologization]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University of Journal*. 308. pp. 7–10.

Сведения об авторе:

Путилин Михаил Сергеевич – аспирант кафедры российской истории факультета политических и исторических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mish.put.1997@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Putilin Mikhail S. – Postgraduate Student of the Department of Russian History of the Faculty of Political and Historical Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mish.put.1997@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.02.2022; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 04.02.2022; accepted for publication 06.05.2022

Научная статья

УДК 930.2

doi: 10.17223/19988613/77/17

Современная отечественная историография об актуальности педагогического наследия славянофилов

Марина Алексеевна Широкова¹, Вячеслав Александрович Должиков²

^{1, 2} Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

¹ mshirokova1@rambler.ru

² dolshikov@yandex.ru

Аннотация. Анализируется содержание работ современных исследователей педагогической концепции, сформулированной родоначальниками классического славянофильства. Многие аспекты данной теории сохраняют свою актуальность до сих пор и могут быть востребованы в процессе реформирования системы образования в России. Среди них можно выделить гуманистический критерий общественного прогресса, идею единства образования и нравственного воспитания, а также органичное соотношение национального и общечеловеческого, инноваций и традиций в российской цивилизационной модели образования.

Ключевые слова: славянофильство, историография, русская педагогика, образование, национальная идентичность

Для цитирования: Широкова М.А., Должиков В.А. Современная отечественная историография об актуальности педагогического наследия славянофилов // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 141–148. doi: 10.17223/19988613/77/17

Original article

Contemporary Russian historiography on the relevance of the pedagogical heritage of the Slavophiles

Marina A. Shirokova¹, Vyacheslav A. Dolzhikov²

^{1, 2} Altay State University, Barnaul, Russian Federation

¹ mshirokova1@rambler.ru

² dolshikov@yandex.ru

Abstract. Employing the methodological toolkit of the civilizational approach, the purpose of the study is to identify those aspects of the Slavophil pedagogical concept that correspond to the current demands and needs of contemporary society, and therefore are actively developed by the scientific community.

The historiography of the Slavophil pedagogical concept, which is the research object, is chronologically limited by the framework from the beginning of the 21st century to the present days. In particular, the authors analyze the works by L. N. Belenchuk, L. A. Gritsay, I. V. Karlov, P. I. Kasatkin, V. N. Katasonov, A. A. Korolkov, V. A. Kravtsov, V. V. Kulikov, S. V. Kulikova, A. S. Kurenkov, O. V. Parilov, S. I. Skorokhodova, B. N. Tarasov, and others. Based on the analysis of the scientific contribution of each researcher to the development of the topic, the paper shows which philosophical and pedagogical ideas of the Slavophiles are relevant and might be in demand in the process of reforming the education system in Russia.

The paper examines the value priorities of the Slavophiles in pedagogy, and also compares them with the trends that are in force today in the Russian education system. In particular, the principle of humanization, which is officially proclaimed as one of the main requirements for educational activities, is highlighted and covered in the paper. However, according to many researchers, this principle is often declarative and therefore only to a small extent implemented both in state standards and other normative documents regulating the activities of educational institutions, as well as in educational practice. The Slavophiles, on the other hand, were consistent supporters of the humanization both in education and the social sphere as a whole. They considered the moral improvement of humans to be the main criterion of social progress. The emphasis in the paper is on the need to combine the scientific and axiological components in the content of education, with the determining role of national values. The Slavophiles considered education and upbringing to be important tools for the formation of an internally integral personality and prevention of social conflicts. They assigned a special role to teaching history, since it is historical education that contributes to the preservation of the continuity of generations, forming civic consciousness and the cultural identity of the people.

The authors conclude that historiography of the last decades emphasizes that the pedagogical potential of the historical and philosophical educational concept of Slavophilism today may well be used, since it still contains highly relevant idea of the synthesis of the national and universal, innovative and traditional, individual and social in the educational process. Therefore, as many researchers believe, an appeal to the pedagogical heritage of Russian Slavophile thinkers can be quite productive for choosing methods for resolving the contradictions of modern society in the context of reproducing the domestic civilizational model of public education and enlightenment.

Keywords: Slavophilism, historiography, Russian pedagogy, education, national identity

For citation: Shirokova, M.A., Dolzhikov, V.A. (2022) Modern Russian historiography on the relevance of the pedagogical heritage of Slavophiles. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University Journal of History*. 77. pp. 141–148. doi: 10.17223/19988613/77/17

В отечественных гуманитарных науках последних лет славянофильство является одним из интенсивно изучаемых течений русской мысли XIX в., привлекая к себе внимание историков, политологов, правоведов, социологов, философов и представителей других смежных дисциплин. Специалисты, работающие в сфере теории образования и педагогики, также активно участвуют в освещении данного дискурса. Основной мотив, побуждающий отечественных исследователей вновь и вновь обращаться к воззрениям славянофилов и их полемике с западниками, – это, на наш взгляд, стремление восполнить определенный дисбаланс в национальном сознании. Не секрет, что начиная с петровских времен и до сегодняшнего дня их оппоненты явно доминируют в интеллектуальной истории России.

Актуальность изучения многогранного идейного наследства классиков славянофильства обусловлена тем, что наряду с представителями западничества они стоят у самых истоков российской гуманитарной науки. Это учение обладает значительным эвристическим потенциалом междисциплинарного подхода, который с успехом начали применять для осмыслиения перспектив развития русской национальной культуры и народного образования родоначальники данного направления А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, И.В. Киреевский. «Педагогические идеи славянофилов явились ответом на насущные требования XIX века, – отмечает исследователь, – но соответствуют и современным требованиям к просвещению. Наследие славянофилов поможет нам выбрать правильное направление и сэкономить время в педагогическом поиске. Идеи славянофилов могут дать образованию вектор развития, который не только вполне соответствует современному состоянию общества и пониманию ценностей, необходимых для передачи последующим поколениям, но и позволяет работать на перспективу, закладывать основы для дальнейшего развития педагогической мысли» [1. С. 15]. Славянофильская концепция, по мнению многих авторов, оптимально подходит для решения этих задач, поскольку интегрирует в себе ценности национальные и общечеловеческие, консервативные и либеральные, традиционалистские и прогрессистские.

Не следует, впрочем, отрицать или принижать значимость вклада западников в российскую образовательную традицию. Л.Н. Грицай замечает, что «насущные потребности общества виделись западниками и славянофилами по-разному, поэтому в центр у них ставились различные задачи: у западников – развитие, эмансипация общественного и личного, индивидуаль-

ного сознания, культура свободной личности; у славянофилов – самоопределение русского сознания, осмысливание собственного исторического и духовного опыта» [2. С. 198].

Сопоставляя просветительские установки западничества и славянофильства, Л.Н. Беленчук приходит к выводу, что между ними гораздо больше сходства, чем различий. К философско-педагогическим темам, интересовавшим представителей обоих направлений, замечает данный автор, относятся «свобода личности, роль познания в воспитании и образовании, тема исторического воспитания народа». Углубленное изучение педагогического наследия представителей обоих лагерей позволяет утверждать, что в конкретно-исторических условиях николаевского царствования, в отличие от последующих периодов российской истории, «западники и славянофилы не были антиподами, но составляли вместе единую, хотя и по-разному смотревшую на вещи, “семью” мыслителей» [3. С. 2]. Действительно, в начальный период (1834–1839) будущие западники и славянофилы входили в один и тот же московский философский кружок, группировавшийся вокруг Н.В. Станкевича. Участниками этого объединения молодой дворянской интеллигенции являлись К.С. Аксаков, П.В. Анненков, М.А. Бакунин, В.Г. Белинский, В.П. Боткин, Т.Н. Грановский, М.Н. Катков, Ю.Ф. Самарин и др. Активно взаимодействовал с этим кружком во время «всенощных споров» и А.С. Хомяков, родоначальник славянофильства (см.: [4. С. 322]). «Достаточно вспомнить, что К.С. Аксаков был тогда германизирующим философом, – замечает в своих мемуарах П.В. Анненков, – не менее Станкевича; П. Киреевский – завзятым европейцем и западником, не уступавшим Т.Н. Грановскому...». По свидетельству Анненкова, «либерализм безличного дружеского кружка» фиксировал «тогдашнее интеллектуальное состояние образованной молодежи, у которой все виды направлений жили еще как в первобытном раю, [бок] о бок друг с другом, не находя причин к обособлению». Будущих западников и славянофилов, либералов и радикалов, «охранителей» и «прогрессистов» соединяла «одинаковая любовь к науке, свету, свободной мысли и родине». Все они «ждали переворота в области литературы и мышления» [5. С. 112–114, 131–134]. Так что в данный исторический момент цели двух группировок «образованного класса» России на ниве отечественного просвещения во многом совпадали.

С.В. Куликова обращает внимание на тот факт, что в 30–50-е гг. XIX столетия русская «общественная

и философская мысль... создает некий идеальный образ целостного человека, который, не теряя своей индивидуальности, мог бы органично вписаться в систему общественных отношений и оказать позитивное влияние на развитие культуры, его породившей» [6. С. 142]. Поэтому неслучайно в конце 1850-х – начале 1860-х гг. идейное наследие мыслителей-славянофилов оказалось востребованным русской общественностью при организации воскресных народных школ, в земской педагогике многочисленными последователями К.Д. Ушинского, а затем и участниками «рождений в народ» 1870-х гг.

Характеризуя ситуацию в мыслящей среде российского общества второй четверти XIX в., А.С. Хомяков писал: «Наше время представляет странное явление в словесности. Всякий частный вопрос обращается в общий... всякое беллетристическое мнение получает значение мнения жизненного и общественного» [7. С. 519]. Поясним, что в то время «словесностью» (или «литературой») называли весь массив печатной, а иногда и распространявшейся в списках продукции – не только непосредственно художественные произведения, но и научные и философские труды и публицистику. По воспоминаниям Хомякова, каждый, кто высказывался публично, должен был примкнуть к одному из двух направлений, «к которым более или менее принадлежат все пишущие люди». Продолжая развивать данную тему, лидер славянофилов писал: «Одно из этих направлений открыто признает за русским народом обязанность самобытного развития и право самотрудного мышления; другое, в выражениях более или менее ясных, отстаивает обязанность постоянно ученического отношения нашего к народам Западной Европы...» [Там же]. Отстаивая ценностный выбор собственного направления, славянофилы, констатирует В.В. Куликов, «всем своим творчеством стремились обосновать необходимость придерживаться именно его, особенно в области образования» [8. С. 41].

В контексте рассматриваемой проблематики остановимся на некоторых специфических элементах славянофильской педагогической концепции, соответствующих, по мнению исследователей, актуальным запросам и потребностям сегодняшнего времени. «Прежде всего, – подчеркивает И.В. Карлов, – следует отметить, что славянофилы видели необходимость в просвещении, основанном на трудовом, социальном и познавательном опыте, развивающем творческие и аксиологические качества личности, выстроили антропоцентричную систему взглядов, полностью соответствующую сегодняшнему требованию гуманизации образования» [1. С. 14]. Но именно концепт гуманизации, как полагает, в частности, О.В. Парилов, не нашел достаточного воплощения ни в государственных стандартах, ни в учебной практике современного отечественного образования. Гуманистическая составляющая, увы, как правило, выхолащивается. Например, принцип непрерывности, формулируемый как «образование в течение жизни», реализуется посредством подстраивания «человеческого капитала» к сиюминутной конъюнктуре рынка. Поэтому «возникает закономерный вопрос (скорее, риторический): рынок для человека или человек для рынка?» [9].

В связи с идеей гуманизации необходимо вспомнить о роли нравственного воспитания в образовательном процессе. Славянофильство, являясь одновременно продуктом европейского Просвещения и реакцией на него, восприняло в качестве одного из базовых тезис просветителей о том, что формирование всей структуры личности, и прежде всего ее ценностных приоритетов, зависит от полученного ею образования. Однако, в отличие от большинства западных просветителей, славянофилы были убеждены в том, что воздействовать на человека необходимо «изнутри», а не «извне», т.е. не путем трансформации общественных отношений, а посредством нравственного воспитания.

Характерно, что позиция славянофилов по данному вопросу не совпадала с установками ни либеральной, ни консервативной ветви Просвещения. Если западническая либеральная идея прогресса предполагает в первую очередь усовершенствование «внешних» форм, демократизацию социально-политических институтов, то консерваторы, напротив, выступают за сохранение пусть несовершенных, но исторически проверенных общественных и государственных структур, так как именно последние спасают человека от зла, скрытого в самой человеческой природе. У славянофилов же разработана концепция прогресса, реализуемого через человека, что особенно актуально в наше время, когда «прогресс средств» явно опережает «прогресс целей». Поэтому так важно формирование субъекта, способного самостоятельно эти цели ставить. Поддерживая в целом прогрессистское представление о ходе истории, лидер славянофильства Хомяков напоминал: «Нужно задавать себе вопрос, чей прогресс, прогресс чего именно? Иначе выйдет, что вся жизнь Римской империи до последнего дня была прогрессом; может усовершенствоваться наука, а нравы могут упадать и страна гибнуть. Может скрепляться случайный центр, а все члены слабеть и болеть, и страна опять-таки гибнуть. Где же тут прогресс страны? Прогресс есть слово, требующее субъекта. Без этого субъекта прогресс есть отвлеченность или, лучше сказать, чистая бессмыслица» [7. С. 25–26]. Тем самым А.С. Хомяков подчеркивал первостепенную важность гуманистического критерия прогресса, детерминирующую роль нравственности по отношению к развитию науки и совершенствованию государственных институтов. Рассматривая педагогическую антропологию славянофилов, А.А. Корольков замечает: «Отдельный человек и народ становятся в своем развитии чем-либо благодаря вере в идеалы, движение к совершенству невозможно без веры в совершенство» [10. С. 42].

О возможности использования славянофильской теории прогресса в современном социально-гуманитарном дискурсе напоминает Б.Н. Тарасов. По его мнению, только нравственно сформированная личность «перестает рассматривать окружающий мир лишь как предмет своей пользы и выгоды, видит в других людях такие же уникальные личности» [11. С. 20]. Таким образом, аксиологический, моральный компонент в содержании получаемого человеком образования для славянофилов являлся приоритетным по отноше-

нию к научному компоненту. Комментируя взгляды И.В. Киреевского, современный автор приводит его высказывание о том, что науки «могут быть полезны, или бесполезны, или даже вредны, смотря по нравственному направлению лица, их приобретшего» [9; 12. С. 420]. Ту же идею в философии образования мыслителей «московской школы» усматривает С.И. Скороходова. «Ни отдельный человек, ни народ никогда не бывают пустым сосудом, – замечает исследовательница, – который можно наполнять знанием, и знание не есть нейтральное вещество» [13. С. 141]. Многие авторы констатируют раскрытие славянофилами еще одной универсальной закономерности процесса обучения – его воспитывающего характера. Вновь приобретенные знания сами по себе влияют и на формирование нравственного облика личности, порождая особую сферу ответственности просветителей. По мнению О.В. Парилова, при осуществлении любых реформ в системе образования следовало бы учитывать рекомендацию славянофилов о синтезе «истин практических с нравственными» [9; 12. С. 426].

Основной пафос педагогической концепции просвещения И.В. Киреевского, как полагает В.В. Куликов, состоял в «отрицании автономии во имя целостности, распространенной на все сферы индивидуальной и общественной жизни человека: отрицание автономии разума во имя целостности души, автономии отдельной личности во имя ее собственной целостности и целостности общества, автономии отдельных сфер человеческой деятельности – во имя целостности культуры». Образование и воспитание данный мыслитель считал важными инструментами сбалансирования внутреннего духовного мира отдельной личности и социальной структуры общества в целом [8. С. 45]. В одной из ранних статей «Обозрение русской словесности 1829 года» Киреевский писал: «Судьба каждого из государств европейских зависит от совокупности всех других – судьба России зависит от одной России. Но судьба России заключается в ее просвещении: оно есть условие и источник *всех* благ. Когда же эти *все* блага будут *нашими* – мы ими поделимся с остальной Европой и весь долг наш заплатим ей сторицей» [14. С. 61]. Именно таким образом социальные функции образования применительно к России трактовались и другими славянофилами. Образование, справедливо замечает автор классических работ по истории отечественной педагогики С.Ф. Егоров, они рассматривали «в качестве одной из необходимых предпосылок общественного согласия, взаимопонимания, нематериальной основы связей, без чего общество необратимо распалось бы на отдельные, между собой даже враждебные сословные и профессиональные группы населения» [15. С. 92–93]. При этом у славянофилов речь шла не только о гражданском согласии внутри страны, но и об утверждении общечеловеческих нравственных ценностей. «Истинное славянофильство, – по верной оценке И.В. Карлова – не содержало идей национальной исключительности и превосходства одной нации над другими. Такой подход необходим и в сегодняшнем мире, чтобы избежать межнациональных, межрасовых, межцивилизационных конфликтов» [1. С. 15].

Действительно, славянофильскому проекту присущ универсализм, и важнейшей особенностью создаваемой ими русской философии сами родоначальники славянофильства считали способность в высшем синтезе соединить позитивные элементы как собственной, так и других культур. Похожее суждение высказывает Л.Н. Беленчук по поводу просветительских идей А.С. Хомякова: «Он выступил на сцену публичных баталий как истинный христианский универсалист, не противопоставляя западноевропейское и отечественное просвещение, помня об их общих корнях, но и не соединяя их в одно гомогенное европейское просвещение, обозначив различия и самобытные особенности в самих образовательных основах России и Европы» [3. С. 19].

Еще одной, чрезвычайно актуальной, задачей для системы образования в России мыслители-славянофилы считали восстановление непрерывности отечественной истории и культурной преемственности будущих поколений. Рассматривая образование и воспитание как явления синонимичные, в одной из своих работ А.С. Хомяков сформулировал дефиницию, характерную для всего славянофильского («земского», или «московско-русского», как его называли сами основоположники данной идеологии) направления. «Воспитание в обширном смысле, – утверждает он, – есть... то действие, посредством которого одно поколение приготавляет следующее за ним поколение к его очередной деятельности в истории народа» [16]. Стремление к излишне радикальным переменам системного порядка в образовании приводит к разрыву такой преемственности. Подобная трагедия произошла в результате петровской «европеизации», на отдаленные негативные последствия которой обращали внимание мыслители-славянофилы. «Прошедшего для нас нет – замечал Хомяков, – вчерашний день – старина. Редкая семья знает что-нибудь про своего працареда, кроме того что он был чем-то вроде дикаря в глазах своих образованных правнуков» [17. С. 214]. Чтобы восстановить цельность исторического бытия, славянофилы призывали вернуться не к отжившим институтам, но к «духу» земской народной традиции: «Для своего просвещения, для оживления и преуспеяния (прогресса) Россия должна обратиться не к формам, конечно, но к своим древним основным началам, к жизненным сокам корней своих...» – это высказывание еще одного выдающегося представителя славянофильства – К.С. Аксакова [18]. Тем более что во многом ситуация разрыва культурных идентичностей между поколениями соотечественников повторяется и в настоящее время. С точки зрения С.В. Куликовой, сегодня также необходимо учитывать, что национальные традиции «не только оказывают мощное психологическое воздействие на социальные отношения, но и воздействуют на личность в силу своей преемственности, устойчивости и эмоционального характера» [6. С. 143]. В целом же интегральный органичный синтез «традиций» и «новаций» может и должен стать методологическим ориентиром для подлинной модернизации системы образования.

Антитеза «старого» и «нового», т.е. противопоставление традиционалистской России допетровского

периода и «европеизированной» империи послепетровского образца, собственно российской и западной версий Просвещения, представляет собой диалектическое противоречие, которое, по мысли славянофилов, должно быть разрешено методом интегрального синтеза. Русская философия в их лице искала возможные пути выхода отечественной культуры и образования из тупика пресловутой «догоняющей модернизации», в который страна попала «из-за слепого и нетворческого заимствования западноевропейских культурных достижений и цивилизационных образцов». Сегодня, на новом витке трансформации российского общества и его образовательной системы, по мнению А.С. Куренкова, опять возникает необходимость органического соединения «традиции и модернизации в бытии современной России» [19. С. 10]. В контексте современной отечественной историографии сегодня уже получил признание тот факт, что интегральный синтез прогрессизма и традиционализма является актуальной особенностью педагогического наследия славянофилов. Рассматривая вопрос о соотношении «традиционного» и «инновационного» подходов к данной проблеме, С.В. Куликова делает обоснованный вывод о том, что современная система образования должна опираться как на «инновационные педагогические концепции и технологии», включающие «принципы современной культурной деятельности: понятие экологической безопасности, компьютерной грамотности и многое другое, что позволяет перейти к новой информационной эпохе», так и на «возрождение и развитие традиций отечественной педагогики», связанных с «ментальностью, народностью и национальными чертами характера» [6. С. 143].

Для того чтобы восстановить утраченную связь времен, А.С. Хомяков предложил собственные методические приемы преподавания истории. При объяснении смысла исторических процессов следует, полагал он, руководствоваться в первую очередь не «мертвыми» статистическими данными или археологическими остатками, а «живой» современной реальностью, в которой прошлое содергится в диалектически снятом виде. На страницах «Записок о всемирной истории» родонаучальник славянофильства, говоря об истории как науке, рекомендовал исследователям и преподавателям: «Хотите узнать то, что было, – сперва узнайте то, что есть». Каждому, кто берется писать о прошлом, необходимо доводить свой рассказ «до своего или по крайней мере до совершенно известного времени» и показывать учащимся, что «все настоящее имеет свои корни в старине» [7. С. 33–34]. Как полагает И.В. Карлов, «такой метод исторических исследований раскрывает воспитательный потенциал истории, позволяет избежать отстраненности ученика от дат и событий далекого и не очень далекого прошлого, включить ребенка в одну цепочку с великими предками, создавшими славу Отечества» [1. С. 15]. А главное, молодой человек, включенный в живую ткань истории своего народа, обретает собственную идентичность.

Твердое убеждение славянофилов в неразрывной связи воспитания с исторической памятью народа способствовало распространению в русской общественной

мысли идеи о том, что люди, занимающиеся просветительской деятельностью, тем самым продлевают и свое духовное существование. По словам С.И. Скородовой, согласно их концепции, воспитание – это «творчество, которое способно увековечить воспитателя» [13. С. 143].

Следующий актуальный аспект славянофильской педагогической концепции, достаточно широко обсуждаемый в историографии, – это взаимосвязь общего и специального образования. Стремясь к формированию нравственной, разумной и цельной личности, славянофилы выступали за универсализацию образования. К узкой специализации, особенно в раннем возрасте, они относились весьма настороженно. «Ум, съзмала ограниченный одною какою-нибудь областью человеческого знания, – отмечал А.С. Хомяков, – впадает по необходимости в односторонность и тупость и делается неспособным к успеху даже в той области, которая была ему предназначена». Мыслитель был убежден в том, что способность к обобщению «делает человека хозяином его познаний», тогда как «ранний специализм делает человека рабом вытврежденных уроков» [16]. Хомяков и здесь проявляет себя сторонником идей европейского Просвещения. Для него, как ранее для М.В. Ломоносова, «высшей аксиологической целью образовательного процесса было формирование развитого человека, раскрывшего свои способности, которые он активно применит на благо государственного развития» [20. С. 111]. Образование принесет максимальную пользу и самой личности, и обществу именно в том случае, если будет универсальным: «Человек, получивший основное образование общее, находит себе пути по обстоятельствам жизни, человек, замкнутый в тесную специальность, погиб, как скоро непредвидимая и неисчислимая в случайностях жизнь преградит ему единственный путь, доступный для него» [16]. С другой стороны, каждый, владеющий уникальными компетенциями, постарается обеспечить себе монополию на информацию и отсечь доступ к последней конкурентов, что, в свою очередь, неизбежно затруднит как научно-технический прогресс, так и социальную мобильность. А.С. Хомяков делает еще один актуально звучащий вывод: усиленная специализация в образовании создает новые формы социального неравенства, а следовательно, питательную среду для конфликтов. Наличие закрытых, привилегированных школ порождают в обществе «десять умных недовольных на каждого осчастливленного тупицу» [16].

В данном случае идея приоритета общего образования над специальным роднит концепцию Хомякова с обширно представленной гуманистической традицией в педагогике. Основоположник педагогической науки Нового времени Я.А. Коменский писал еще в 1638 г. во вступлении к своей знаменитой работе *Didactica magna*: «Мы решаемся обещать Великую Дидактику, т.е. универсальное искусство всех учить всему» [21]. Обращает на себя внимание удивительное сходство аргументации чешского гуманиста и протестантского священника XVII в. с доводами русского православного философа XIX в. в пользу общего образования. Главу 10 «Великой Дидактики», которая так и называется –

«Обучение в школах должно быть универсальным», Кomenский завершает следующей аналогией: «Подобно тому, как в чреве матери у каждого будущего человека образуются одни и те же члены, и притом у каждого человека все: руки, ноги, язык и пр., хотя не все должны быть ремесленниками, скороходами, писцами, ораторами, – так и в школе всех должно учить всему тому, что касается человека, хотя впоследствии одним будет более полезно одно, а другим – другое» [21]. Хомяков рассуждает примерно в той же парадигме: «Умственная жизнь человека подчинена законам, подобным тем, которыми управляет его жизнь физическая». Поэтому «тот, кто желал бы воспитать известное число скороходов, носильщиков, кулачных бойцов и так далее, даст им всем сперва общее воспитание атлета... и потом уже обратит их к предназначенным специальностям». В таком случае цель обучения будет достигнута. Если же кто-либо, с детства «разделив воспитанников по будущему ремеслу на скороходов, носильщиков, бойцов, вздумал бы развивать в будущем скороходе единственно силу ног и дыхания, в будущем носильщике – единственно крепость спины и в бойце – мускулы руки», успеха не будет. Он «вырастит множество бессильных уродов, из которых едва ли один окажется сколько-нибудь способным к работе, на которую был предназначен» [16]. Среди современных авторов на критику Хомяковым узкой специализации в образовании обращает внимание О.В. Парилов. Он подчеркивает, что «именно ориентацией на всестороннее, универсальное развитие всегда славилась отечественная педагогика» [9].

И.В. Карлов справедливо отмечает, что религиозность А.С. Хомякова «не вступает в противоречие с научным подходом к образованию». Напротив, философско-педагогическая позиция классика славянофильства базировалась на единстве принципов народности, религиозности и научности в образовательном процессе [1. С. 14]. Предлагавшийся им отказ от системы ранней специализации должен был способствовать утверждению в массовой школе фундаментального научного знания, не ограниченного рамками как-либо одной из отраслей науки. А.А. Корольков трактует данный вопрос более широко, напоминая, что еще И. Кант «сознавал ущербность отождествления культуры со всяkim профессиональным умением» [10. С. 39], поскольку профессиональным в своем роде деятельности может быть и преступник. Точно так же, согласно убеждениям славянофилов, просвещение должно включать в себя нравственность [Там же. С. 44]. Здесь уместно будет вновь процитировать великого Яна Кomenского: «И как драгоценные камни оправляем не в свинец, а в золото, и тогда оба ярче блестят, так

и научные знания должны быть соединены не с нравственной распущенностью, но с добродетельной спокойностью, и тогда одни будут служить украшением для других» [21].

Итак, славянофильская концепция просвещения имеет четко выраженный интегральный синтетический характер. Образовательная деятельность, как и общественное познание в целом, по убеждению славянофилов, осуществляются на стыке науки, искусства и религии. При этом разные формы духовно-практического освоения действительности служат для дополнения и взаимопроверки друг друга. Считая одним из инструментов достижения истины в истории «поэтический инстинкт», А.С. Хомяков, например, утверждал, что «ученость может обмануть, остроумие склоняет к парадоксам: чувство художника есть внутреннее чутье истины человеческой, которое ни обмануть, ни обмануться не может» [7. С. 41]. Анализируя философский подход лидера славянофилов к образованию, А.А. Корольков напоминает, что и современная педагогика должна знать «о своем родстве с искусством, ибо занята созиданием неповторимого, личностного начала» [10. 42].

Подводя итог, отметим, в чем же конкретно, с позиции современных исследователей, заключается актуальность педагогического потенциала в славянофильстве. Во-первых, представители этого течения русской общественной мысли определенно являлись сторонниками принципов гуманизма и социального антропоцентризма в образовании, согласно которым любые системные изменения в обществе и государстве должны начинаться с совершенствования самого человека. Поэтому среди критериев общественного прогресса определяющую роль мыслители-славянофилы отводили гуманистическому началу, а приоритетным в образовательном процессе считали нравственное воспитание. Во-вторых, критикуя ограниченность узкой специализации, они настаивали на преимуществах общенационального образования, которое не только способствует воспитанию всесторонне развитой, рационально мыслящей личности, но и обеспечивает социальный мир и целостность национально-государственного сообщества. В-третьих, родоначальники славянофильства предлагали в преподавании истории выявлять постоянно действующую взаимосвязь событий прошлого и настоящего, чтобы тем самым формировать у новых поколений соотечественников историческую память и русскую культурную идентичность. Наконец, в-четвертых, они считали главной задачей образовательной деятельности нахождение баланса между личным и общественным, национальным и общечеловеческим, инновацией и традицией.

Список источников

1. Карлов И.В. Педагогические идеи славянофилов и современность // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Педагогика. 2010. № 2. С. 12–16.
2. Грицай Л.А. Понимание сути родительского воспитания детей в семье в педагогическом наследии западников и славянофилов (на примере трудов В.Г. Белинского и А.С. Хомякова) // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 198–202.
3. Беленчук Л.Н. Просвещение России: взгляд западников и славянофилов. М. : Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитар. ун-та, 2014. 147 с.
4. Герцен А.И. Былое и думы. Часть 7 // Герцен А.И. Сочинения : в 4 т. М. : Худож. лит., 1988. Т. 3. 560 с.
5. Анненков П.В. Литературные воспоминания. М. : Правда, 1989. 688 с.

6. Куликова С.В. О взаимосвязи национальных и западных традиций в российском образовании // Историко-педагогический журнал. 2011. № 1. С. 138–144.
7. Хомяков А.С. Сочинения : в 2 т. М. : Медиум, 1994. Т. 1. 590 с.
8. Куликов В.В. «Познавать и жить цельным духом» (славянофилы и образование) // Ученые записки ЗабГТПУ. Философия, культурология, социология, социальная работа. 2009. Вып. 4. С. 41–48.
9. Парилов О.В. Педагогические взгляды славянофилов и современная реформа российского высшего образования // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 6. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=23327> (дата обращения: 10.08.2021).
10. Корольков А.А. Духовные основания педагогической антропологии // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2005. № 8. С. 36–46.
11. Тарасов Б.Н. А.С. Хомяков как личность и как мыслитель // А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист : сб. ст. по материалам международной конф., состоявшейся 14–17 апреля 2004 г. в г. Москве в Литературном ин-те им. А.М. Горького : в 2 т. М.: Языки славянских культур, 2007. Т. 1. С. 13–23.
12. Киреевский И.В. Критика и эстетика. М. : Искусство, 1979. 439 с.
13. Скороходова С.И. Понимание воспитания в философии «московской школы» // Наука и школа. 2015. № 3. С. 138–144.
14. Киреевский И.В. Избранные статьи. М. : Современник, 1984. 383 с.
15. Егоров С.Ф. Ценность общего образования // Педагогика. 1995. № 3. С. 90–93.
16. Хомяков А.С. Об общественном воспитании в России // Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. Сочинения богословские. М. : Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1907. URL: http://dugward.ru/library/homyakov/homyakov_ob_obchestvennom_vospitanii.html (дата обращения: 10.08.2021).
17. Хомяков А.С. О старом и новом. Статьи и очерки. М. : Современник, 1988. 462 с.
18. Аксаков К.С. Заметки редактора // Молва. 1857. 4 мая. URL: <http://aksakov-k-s.lit-info.ru/aksakov-k-s/public/stati-molva-1857.htm> (дата обращения: 10.08.2021).
19. Куренков А.С. Проблема «модернизации» и «просвещения» России в религиозной философии И.В. Киреевского // Научные ведомости. Сер. Философия. Социология. Право. 2016. № 24 (245). Вып. 38. С. 5–10.
20. Касаткин П.И. Предпосылки формирования философии образования в России // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6, № 6А. С. 107–117.
21. Коменский Я.А. *Didactica magna* // Коменский Я.А., Локк Д., Руссо Ж.-Ж., Песталоцци И.Г. Педагогическое наследие. М. : Педагогика, 1989. URL: http://makarenko-museum.narod.ru/Classics/Komensky_Komensky_Yan_Amos_Velikaya_didakt_izbr.htm (дата обращения: 10.08.2021).

References

1. Karlov, I.V. (2010) Pedagogicheskie idei slavyanofilov i sovremennost' [Pedagogical ideas of the Slavophiles and modernity]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Pedagogika*. 2. pp. 12–16.
2. Gritsay, L.A. (2014) Views on children parenting in the family in the pedagogical heritage of the Westerners and Slavophiles (the works of V.G. Belinsky and A.S. Khomiakov). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 378. pp. 198–202. (In Russian).
3. Belenchuk, L.N. (2014) *Prosveshchenie Rossii: vzglyad zapadnikov i slavyanofilov* [Enlightenment of Russia: The view of Westerners and Slavophiles]. Moscow: St. Tikhon's Orthodox University.
4. Gertsen, A.I. (1988) *Sochineniya v 4 t.* [Works in 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
5. Annenkov, P.V. (1989) *Literaturnye vospominaniya* [Literary Memories]. Moscow: Pravda.
6. Kulikova, S.V. (2011) O vzaimosvyyazi natsional'nykh i zapadnykh traditsiy v rossiyskom obrazovanii [On the relationship between national and Western traditions in Russian education]. *Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal*. 1. pp. 138–144.
7. Khomyakov, A.S. (1994) *Sochineniya : v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Medium.
8. Kulikov, V.V. (2009) “Poznavat' i zhit' tsel'nym dukhom” (slavyanofiliy i obrazovanie) [“To cognize and live with an integral spirit” (Slavophiles and education)]. *Uchenye zapiski ZabGGPU. Filosofiya, kul'turologiya, sotsiologiya, sotsial'naya rabota*. 4. pp. 41–48.
9. Parilov, O.V. (2015) Pedagogicheskie vozzreniya slavyanofilov i sovremenennaya reforma rossiyskogo vysshego obrazovaniya [Pedagogical views of the Slavophiles and the modern reform of Russian higher education]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 6. [Online] Available from: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=23327> (Accessed: 10th August 2021).
10. Korolkov, A.A. (2005) Dukhovnye osnovaniya pedagogicheskoy antropologii [Spiritual Foundations of Educational Anthropology]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertseva – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 8. pp. 36–46.
11. Tarasov, B.N. (2007) A.S. Khomyakov kak lichnost' i kak myslitel' [A.S. Khomyakov as a person and as a thinker]. In: Tarasov, B.N. (ed.) *A.S. Khomyakov – myslitel', poet, publitsist* [A.S. Khomyakov as a thinker, poet, and publicist]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 13–23.
12. Kireevsky, I.V. (1979) *Kritika i estetika* [Criticism and Aesthetics]. Moscow: Iskusstvo.
13. Skorokhodova, S.I. (2015) Ponimanie vospitaniya v filosofii “moskovskoy shkoly” [Understanding education in the philosophy of the “Moscow School”]. *Nauka i shkola*. 3. pp. 138–144.
14. Kireevsky, I.V. (1984) *Izbrannye stat'i* [Selected Articles]. Moscow: Sovremennik.
15. Egorov, S.F. (1995) Tsennost' obshchego obrazovaniya [The value of general education]. *Pedagogika*. 3. pp. 90–93.
16. Khomyakov, A.S. (1907) *Polnoe sobraniye sochineniy Alekseya Stepanovicha Khomyakova. Sochineniya bogoslovskie* [Complete Works of Alexey Stepanovich Khomyakov. Theological Works]. Moscow: I.N. Kushnerev i K°. [Online] Available from: http://dugward.ru/library/homyakov/homyakov_ob_obchestvennom_vospitanii.html (Accessed: 10th August 2021).
17. Khomyakov, A.S. (1988) *O starom i novom. Stat'i i ocherki* [About the Old and the New. Articles and Essays]. Moscow: Sovremennik.
18. Aksakov, K.S. (1857) Zametki redaktora [Editor's Notes]. *Molva*. 4th May. [Online] Available from: <http://aksakov-k-s.lit-info.ru/aksakov-k-s/public/stati-molva-1857.htm> (Accessed: 10th August 2021).
19. Kurenkov, A.S. (2016) Problema “modernizatsii” i “prosveshcheniya” Rossii v religioznyi filosofii I.V. Kireevskogo [The problem of “modernization” and “enlightenment” of Russia in I.V. Kireevsky's religious philosophy]. *Nauchnye vedomosti. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 24(245). pp. 5–10.
20. Kasatkin, P.I. (2017) Predposyлki formirovaniya filosofii obrazovaniya v Rossii [Prerequisites for the formation of the philosophy of education in Russia]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*. 6(6A). pp. 107–117.
21. Comenius Ya.A. (1989) *Didactica magna*. In: Comenius, Ya.A., Locke, D., Rousseau, J.-J. & Pestalozzi I.G. (1989) *Pedagogicheskoe nasledie* [Pedagogical Heritage]. Moscow: Pedagogika. [Online] Available from: http://makarenko-museum.narod.ru/Classics/Komensky_Komensky_Yan_Amos_Velikaya_didakt_izbr.htm (Accessed: 10th August 2021).

Сведения об авторах:

Широкова Марина Алексеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и политологии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: mshirokova1@rambler.ru

Должиков Вячеслав Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: dolshikov@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Широкова Марина А. – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Political Science of Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: mshirokova1@rambler.ru

Должиков Вячеслав А. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations of Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: dolshikov@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 01.12.2021; accepted for publication 06.05.2022

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Научная статья

УДК 93/94+159.992.4

doi: 10.17223/19988613/77/18

Становление этнопсихологии в контексте развития теорий «национального характера» и «национального духа»

Станислав Витальевич Мажинский

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, mazhinsky@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются история развития двух традиций (подходов) – «национального характера» и «национального духа» – и их влияние на возникновение и становление эннопсихологической науки в Германии, на европейских политиков и философов XVIII–XIX вв., а также на процессы становления немецкого национального духа и обсуждения «немецкого вопроса». Статья отвечает на вопрос о месте и роли немецких философов и ученых в становлении этнической психологии.

Ключевые слова: национальный характер, национальный дух, этническая психология, наука

Для цитирования: Мажинский С.В. Становление этнопсихологии в контексте развития теорий «национального характера» и «национального духа» // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 149–154. doi: 10.17223/19988613/77/18

Original article

Formation of ethnopsychology in the context of “national character” and “national spirit” theories development

Stanislav V. Mazhinsky

Siberian Federal University Law Institute, Krasnoyarsk, Russian Federation, mazhinsky@yandex.ru

Abstract. The foundation and development of ethnopsychology as a scientific field is of rather high interest not only in domestic but also in foreign science. The reasons for the formation of conditions for its foundation are the most important component of understanding the processes of formation of a given science. The article answers the questions about the development of prerequisites for the foundation of ethnic psychology.

The first attempts to explain the differences of ethnic groups and peoples among them were made in ancient Greece by such representatives of ancient science as Herodotus, Hippocrates, Tacitus and others. However, the first studies in this field were made only in the middle of the 18th century by two outstanding philosophers of that time, David Hume and Montesquieu. Their efforts formed two traditions of describing differences between peoples: “national character” and “national spirit”. In European science of that time these traditions began to exert a significant influence on philosophers, historians, and politicians. These traditions began to play an important role in German society due to the efforts of authors such as J. Zimmermann and F. von Moser-Filseck, who exposed the problem of fragmentation of the German national spirit and raised the question of creating a united German state. These traditions were also discussed by such German philosophers as I. Kant and J. Herder, who supplemented them and developed some aspects. Thus, over half a century of the existence of two traditions, important processes were launched in German society, but theories were supported and developed.

At the beginning of the 19th century, the theories of Hume and Montesquieu continued to be developed by the German philosophers I. Fichte and G. Hegel and received a deeper study and understanding. Thanks to the work of Hegel, by that time it became obvious to researchers that the “national character” and “national spirit” are, in essence, synonyms and

describe the same processes. Under the influence of popularity of the two theories, a basis appears for the ethnopsychological trend in science, which was formed by the scientists M. Lazarus and H. Steinthal. They formed the main tasks of science and its scope. However, in the emerging ethnopsychology, the Montesquieu tradition of “national spirit” and “soul of the people” was used to describe national differences. Later in 1886, the German psychologist, one of the founders of modern psychology, W. Wundt proposed constructive criticism of the new science and thereby completed the process of its formation. The relevance of the national spirit issue in German society led to the formation of ethnopsychological science coincided with the formation and emergence of a unified German state.

Keywords: ethnic psychology, science, national character, national spirit

For citation: Mazhinsky, S.V. (2022) Formation of ethnopsychology in the context of “national character” and “national spirit” theories development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University Journal of History*. 77. pp. 149–154. doi: 10.17223/19988613/77/18

Рассматривая столь непростую тему, как становление и развитие этнической психологии, необходимо обратиться к ее истокам и тем условиям, которые оказали существенное влияние на ее появление. Несомненно, характерные черты народов стали замечать еще в глубокой древности, отмечая их непохожесть и самобытность.

Первые этнopsихологические знания были сформированы такими античными философами и историками, как Тацит, Плиний, Страбон, Гиппократ и Геродот. Особое место среди них занимают Гиппократ и Геродот, оставившие сравнительные описания народов, которые проживали по соседству с Древней Грецией и имели с ней активные контакты. Особо значимые работы были написаны Геродотом, которому удалось не только описать народности, но и рассмотреть причины и особенности их характеров [1. С. 69]. Однако полного теоретического описания характера народов и его глубокого изучения осуществлено не было.

К ранним попыткам объяснения сущности нации и национального характера можно отнести эссе шотландского философа Дэвида Юма (1711–1776) «О национальных характерах», впервые опубликованное в 1748 г. Юм высказывает мнение о том, что особенности национального характера объясняются с двух точек зрения, или условий: моральной и физической. Моральные условия понимаются автором как обстоятельства, приспособленные для того, чтобы воздействовать на ум через мотивы и причины, формирующие особый набор привычек, которые можно отнести ко всему народу. По мнению Юма, эти условия проявляются в работе правительства, в нищете или богатстве народа, в положении нации по отношению к соседям и т.д. К физическим условиям относятся качество воздуха и климата, которые незаметно воздействуют на нрав, тонус и привычки тела.

Дэвид Юм придерживался позиции, что моральные условия играют более важную роль в жизни нации, нежели физические. Нация, по мнению философа, – не что иное как совокупность людей, а нравы людей часто определяются моральными условиями [2. Р. 203].

Также автор сделал важное замечание о том, что национальный характер распространяется обширным (сильным) правительством по всей территории проживания нации [Ibid. Р. 209–210]. При этом Юм в своих рассуждениях пришел к выводу, что физические условия никак не влияют на национальный характер, потому что территория государства может находиться в раз-

ных климатических и географических зонах, а народы, которые живут в таком государстве, являются носителями единых моральных норм и национального характера, приводя в пример Китай [Ibid. Р. 209].

В том же 1748 г. во Франции выходит работа Ш.Л. Монтескье (1698–1755) «Дух законов», в которой говорится, что на народ оказывает влияние несколько условий: климат, религия, законы, принципы деятельности правительства, обычаи, моральные законы. Именно из этих условий и формируется общий дух нации. По мнению философа, в разных странах существуют разные пропорции перечисленных условий. Он приводит в пример Китай, который управляемся преимущественно традицией, Японию, в которой существуют очень жесткие законы, древнюю Спарту, социальные отношения в которой регулировались моральными принципами [3. Р. 300].

Также французский философ утверждает, что законы влияют на дух нации, и их не стоит игнорировать, так как они могут изменить народные институты [Ibid. Р. 304–305]. Таким образом, Монтескье приходит к выводу, что общий дух нации формируется благодаря законам, что именно они оказывают важное влияние на жизнь народа в целом.

Рассматривая данные работы, можно отметить, что идеи философов имеют очевидное сходство: Юм и Монтескье пытаются объяснить национальные процессы и различия между нациями с точки зрения таких философских категорий, как мораль и дух. При этом Монтескье объясняет, какие аспекты формируют общий дух нации, а Юм пытается описать влияние морали на национальный характер, при этом отрицая влияние климатических условий. Из вышесказанного можно заключить, что в середине XVIII в. сформировались две традиции, два взгляда на конкретное социальное явление.

Позже, в 1758 г., появляется работа швейцарского врача Иоганна Циммерманна (1728–1795) «Эссе о национальной гордости», где автор пишет, что каждая нация сама формирует идеи о своей красоте и изъянах, противопоставление или сходство с другими нациями [4. Р. 53]. Также Циммерманн утверждает, что чтобы человеку не быть изгоем в своей стране, ему нужно соответствовать национальному образу мышления и принимать все предрассудки и изъяны [4. Р. 55].

Циммерманн наводит на мысль о том, что каждый человек, живя в рамках нации, разделяет с другими людьми общие образы и мысли, тем самым намекая,

что существует некий набор правил, образов и идей, которые формирует сама нация и которые относятся к ее национальному духу или характеру.

Продолжателем идей Монтескье стал еще один знаменитый французский философ – Вольтер (1694–1778). В «Эссе о нравах и духе наций» (1759) он показывает непохожесть культур и традиций и делает попытки выделить общие черты наций [5. Р. 547–555]. Однако работа носит описательный характер европейских народов.

Работы Монтескье, Циммерманна и Вольтера оказали существенное влияние на Фридриха Карла фон Мозера (1723–1798), немецкого писателя и политика, которого считают основоположником немецкой национальной идеи. В 1765 г. выходит его эссе «О немецком национальном духе», в котором он критикует существующую ситуацию с положением немецкого народа и призывает к сплочению и переосмыслению национальных приоритетов [6. Р. 141].

Данная работа получила, с одной стороны, много критики, с другой – под воздействием идей Монтескье, Циммерманна и Вольтера она оказала большое влияние на немецкую общественность. В конце 60-х – начале 70-х гг. XVIII в. стал активно обсуждаться так называемый «немецкий вопрос» (вопрос о создании единого немецкого государства), а также было положено начало дебатам о немецком национальном духе [7].

Тематика национального духа, тем более что она была увязана с «немецким вопросом», впоследствии отразилась в исследованиях выдающихся немецких философов того времени И. Гердера и И. Канта, которые попытались более глубоко рассмотреть данное понятие. Иммануил Кант (1724–1804) в своей работе «Антропология с прагматической точки зрения» (1798), включающей в себя университетские лекции философа с начала 70-х до начала 90-х гг. XVIII в., критикует Юма за то, что тот не относит англичан к нации, у которой есть свой национальный характер. Но, с другой стороны, он развивает идею Юма о национальном характере. Кант пишет, что народ нужно понимать как объединенное в той или иной местности множество людей. А множество, которое признает себя объединенным в одно гражданское общество, называется нацией [8. С. 350].

В продолжение своих мыслей о природе национального характера Кант отрицает влияние на него какой бы то ни было формы правления, а также климатических условий [Там же. С. 352]. Через сравнение европейских народов философ приходит к выводу, что истоки национального характера лежат не только в свойствах культуры, но и в природных задатках, которые обусловлены первоначальным смешением различных племен [Там же. С. 355].

Сравнивая точки зрения Юма и Канта, можно отметить схожие черты: оба философа отрицают влияние климатических условий на национальный характер, а все их доводы основаны на описаниях и сравнениях разных народов. Этой же точки зрения придерживается итальянский ученый Риккардо Мартинелли [9].

Немецкий философ Иоганн Гердер (1744–1803) в своей работе «Идеи к философии истории человечес-

ства» (1792), говоря о духе нации, использует определения «генетический дух» и «характер народа». В целом работа посвящена цивилизационному сравнению народов и объяснению их особенностей. Гердер приходит к выводу, что дух и характер народа невозмож но объяснить и стереть [10. С. 332]. Более того, философ полагает, что образ жизни влияет на фантазию и представления каждого народа [Там же. С. 215], а также важное значение играют сказки, которые ложились в основу национального духа и внутреннего строя [Там же. С. 336]. Автор не смог сформулировать свое определение «духа народа», однако ему удалось очень точно выделить некоторые особенности его формирования.

Таким образом, во второй половине XVIII в. в Европе стали формироваться и развиваться две философские традиции, по сути, одного явления. Однако мощное развитие и обсуждение они получили среди немецких философов того времени. Безусловно, это было связано с остротой «немецкого вопроса» и, очевидно, с Французской революцией, которая существенно повлияла на социальные процессы в Европе в конце XVII – XIX в. и запустила процесс образования национальных государств. Также стоит упомянуть о том, что тема национального характера была необычайно актуальной и среди популярных английских писателей, поэтов и прозаиков второй половины XVIII в., таких как Самуэль Джонсон, Оливер Голдсмит, Петер Бекфолд, Джон Гайлхард и др. Подробное исследование данного вопроса было проведено Джоном Хейманом [11].

Анализируя основные труды по проблемам национального духа и национального характера XVIII в., можно сделать следующие выводы.

Во-первых, все исследователи пытались объяснить рассматриваемые явления через сравнения народов. Отсюда следует вывод о том, что народ может осознать свою непохожесть или национальные качества только в сравнении с другими народом или народами.

Во-вторых, в работах исследователей стали выделяться определенные особенности в понимании данного явления. К примеру, национальный характер / дух оказывает влияние на социальную жизнь народа, на его основе осуществляется сплочение народа. Также он воздействует и на социальные процессы, происходящие в государстве.

В-третьих, исследователи того времени делают первые попытки выделить составные части национального характера / духа и даже рассмотреть его истоки, как это сделал И. Кант.

В начале XIX в. в Европе начинается более интенсивное изучение национального характера и духа нации. Развитие данных идей происходит и в среде немецких философов и ученых, которые продолжали традиции, заложенные еще в XVIII в.

Юм и Кант в своих работах закладывают философские основы для последующего развития понятия «национальный характер», которые отразились в работе немецкого философа Иоганна Фихте (1762–1814) «Обращение к немецкой нации» (1808). В данной публикации автор говорит о том, что народ – это совокупность людей, проживающих совместно в обществе и постоян-

но производящих себя как естественным, так и духовным способом, которая находится в совокупности по определенным особым законам, которые управляют развитием божественного в нем посредством распространения христианской этики и ценностей. Универсальность этого закона связывает массы людей в естественное единство. Данный закон, по мнению И. Фихте, полностью определяет и улучшает то, что называется национальным характером [12. Р. 103]. Таким образом, в начале XIX в. вопрос об общей закономерности, которая объединяла людей и которая была определена Д. Юмом в середине XVIII в., продолжила быть актуальным предметом философских рассуждений. Однако Фихте в своей работе говорит, что такая закономерность имеет божественный характер, а не социальный или психологический. К таким выводам он пришел, возможно, из-за того, что его несколько раз обвиняли в атеизме [13. Р. 20].

Новые подходы к углублению знаний о национальном характере внес Георг Гегель (1770–1831). В своих лекциях по философии духа, которые были прочитаны в 1827–1828 гг., он приходит к выводу, что народные характеры имеются в каждом народе и отличны друг от друга [14. С. 56]. Философ, говоря о различии народных характеров, называет их различностью локальных духов, которая выработалась без привязки к науке, религии или образованию [15]. В данном случае Гегелем допускается использование двух понятий – национального характера и национального духа – для описания одного явления.

Также Гегель попытался выделить три основы появления национального духа: врожденную особенность, опирающуюся на антропологию, среду проживания и исторические обстоятельства, и традиции [14. С. 67]. Рассматривая эти основы, можно сделать вывод, что у Гегеля, в отличие от Канта и Юма, природные факторы являются важными при формировании национального духа.

Еще одной важной идеей философа является идея о партикулярности национальных характеров [Там же. С. 57], т.е. в рамках одного национального характера может быть множество «субхарактеров», которые зависят от локальных особенностей проживания одного народа. Примерами такой партикулярности в более поверхностном приближении может являться разделение таких стран, как Китай или Германия, на северную и южную части. А в более детальном приближении – это провинциальные или земельные характеры соответственно.

Тема национального характера повлияла не только на исследователей политической и социальной жизни в Европе, но и на специалистов в точных науках. Ярким примером может служить работа ирландского химика Ричарда Ченевикса (1774–1830), вышедшая в 1830 г. под названием «Эссе о национальном характере». В ней автор попытался дойти до основ появления национального характера. Упоминая в работе точки зрения Монтескье и Юма, он не поддерживает их позиции и приходит к выводу, что базовым компонентом национального характера являются плодородие почв и протяженность территории изначального проживания племени. Ченевикс считает, что именно эти два аспекта

придают основной импульс характеру любого народа, хотя и признает, что искусство, политический строй, литература, промышленность и религия оказывают более значительное влияние [16. Р. 42].

Исходя из мыслей и подхода автора становится очевидным, что в его понимании истоки образования национального характера и, соответственно, наций изначально созданы природой, созданы естественно. Однако он делает замечание, что не все нации созданы естественно, указывая на страны Африки [Ibid. Р. 14].

С развитием психологии и этнологии во второй половине XIX в. в западной науке происходит формирование базы для этнопсихологии как абсолютно нового научного направления. Неудивительно, что у истоков этой науки стояли немецкие мыслители и психологи, поскольку вопрос о создании германского государства, так называемый «немецкий вопрос», в то время стоял достаточно остро. Многие исследователи того времени пытались определить цели и задачи еще не сложившейся науки этнопсихологии, в основе которой лежало понятие «народного духа».

В работе немецких исследователей, основоположников этнопсихологической науки Морица Лацаруса (1824–1903) и Хеймана Штайнталя (1823–1899) «Мысли о народной психологии» (1859) говорится, что народный дух есть то, что делает внешнее множество индивидуумов народом; он есть союз, принцип, идея народа, образующая его единство [17. С. 24]. Также имидается и более короткое определение: народный дух – это одинаковое сознание многих [Там же. С. 29]. Более того, в работе определяется связь между народным духом и духом индивидуумов и показано, что два этих понятия не только близки между собой, но и взаимодополняемы. Авторы указывают, что в народном духе происходят те же самые основные процессы, что и в духе индивидуума, но только сложнее или пространнее. В народной психологии речь идет о тех же процессах, что и в индивидуальной психологии, но только совершающихся в сознании народа, в его творчестве. У каждого народа есть свои ум и воля, свои чувство и воображение – все это проявляется в жизни народа, его религии и поэзии [Там же. С. 9].

Немецкий мыслитель и психолог Вильгельм Вундт (1832–1920), которого также относят к числу основателей этнопсихологической науки, завершил концепцию, предложенную Лацарусом и Штайнталем, в нескольких своих работах, вошедших в сборник «Психология народов». В 1886 г. Вундт предложил конструктивную критику работ двух исследователей, говоря о том, что определение «народного духа» в своей понятийной основе взято из философии Гегеля, который заключил, что национальных дух состоит из отдельных душ. Более того, у Гегеля понятие «национальный дух» служит дополнением и завершением традиционного понятия индивидуальной души [18. С. 61]. Также Вундт конкретизирует и расширяет понятие о народной душе, заключая, что она есть совокупное содержание душевных переживаний [Там же. С. 28], указывает на то, что народный дух проявляется в национальном сознании, так как нация, по его мнению, является важнейшим кругом, где может развиваться совместная

духовная жизнь [18. С. 33]. Вундт дополнил понятие народной души понятием «переживание», что является чувственной составляющей.

Анализируя мысли основателей этнопсихологии, стоит выделить один сложный момент. Поскольку психология того времени только начала активно развиваться, понятие о сущности и структуре индивидуального духа еще не было глубоко проработано и изучено психологами, и народный дух как порождение совокупности душ индивидуумов представлялся с исследовательской точки зрения как нечто абстрактное.

Если продолжать мысли Лайаруса и Штайнталя о том, что индивидуальный дух как единица национального духа заключен в человеке, то народный дух, сообразно логике, будет заключен в нации, а нация, в свою очередь, заключена в границах национального государства. То есть национальное государство и есть то, что содержит уникальный национальный дух его народа, и это отличает его от других национальных государств.

Появление этнопсихологии стало итогом влияния нескольких факторов: во-первых, историческое развитие двух традиций национального характера и национального духа привело к активному их изучению и обсуждению среди немецких политиков и философов того времени; во-вторых, Великая Французская революция и доминирование Франции в Европе оказывали влияние на немецкий характер и стимулировали дискуссии по вопросу о немецком духе; в-третьих, появление такого феномена, как национальное государство, стало одним из факторов развития теорий о национальном духе и характере среди немецких политиков и философов.

Более того, само зарождение этнопсихологии совпало с процессом объединения Германии и появлением нового немецкого государства. Таким образом, формирование этнической психологии представляет собой комплексный исторический процесс.

Однако остался неразрешенным один важнейший вопрос: почему Лацарус и Штайнталь использовали в зарождающейся этнопсихологической науке термины «национальный дух» и «душа нации», а не «национальный характер»? Здесь можно сослаться на то, что Лацарус был доктором юридических наук, а теоретической основой юридической науки того времени была работа Монтескье «Дух законов», на базе которой шло развитие правоведения. Именно эта традиция и соответствующие обстоятельства повлияли на использование данного термина. Более того, активную роль в процессе развития «немецкого вопроса» и немецкого национального духа сыграл политик и правовед Ф. Мозер, который тоже использовал понятие «национальный дух». На данное обстоятельство в начале XX в. критически укажет в своей работе австрийский политический деятель Отто Бауэр (1881–1938), говоря о том, что этнопсихология и понятие «национальный дух» были сформированы исторической школой права и что понятие «национальный дух» не в состоянии объяснить общность народа [19. Р. 23].

В конце XIX – XX в. этнопсихология продолжает свое развитие. Идеи Лацаруса, Штайнталя и Вундта получают широкую поддержку среди социологов, политиков и этнологов. И даже на сегодняшний день этнопсихология не потеряла своей важности и актуальности.

Список источников

1. Усманова М.Н., Останов Ш.Ш., Бафаев М.М. К вопросу о зарождении этнопсихологии // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2013. № 1-1. С. 68–72.
2. Hume D. Essays moral, political and literary. London : William Clowes and Sons, Ltd, 1904. 608 p.
3. Montesquieu C.-L. Spirit of laws. London : T.C. Hansard, 1823. 339 p.
4. Zimmermann J.G. An Essay on National Pride. London : J. Wilkie, 1771. 326 p.
5. Voltaire. The portable Voltaire / ed. by B.R. Redman. New York : Penguin Books, 1977. 582 p.
6. Krebs C.B. A most dangerous book: Tacitus's Germania from the Roman Empire to the Third Reich. New York : W.W. Norton & Company, 2011. 266 p.
7. Vazsonyi N. Montesquieu, Friedrich Carl von Moser, and the “National Spirit Debate” in Germany, 1765–1767 // German Studies Review. 1999. Vol. 22, № 2. P. 234–240.
8. Кант И. Собрание сочинений. М. : Чоро, 1994. Т. 8. 495 с.
9. Martinelli R. On the philosophical significance of national characters. Reflections from Hume and Kant // Practical rationality in politica contexts: facing diversity in contemporary multicultural Europe. Trieste : EUT, 2016. P. 47–58.
10. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / под ред. А.В. Гулыги. СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2013. Вып. 2. 758 с.
11. Hayman J.G. Notions on national characters in the eighteenth century // Huntington Library Quarterly. 1971. Vol. 35, № 1. P. 1–17.
12. Fichte J.G. Fichte: addresses to the German nation / ed. by G. Moore. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2009. Vol. 1. 248 p.
13. Zöller G. Johann Gottlieb Fichte (1762–1814) // The Oxford Handbook of German Philosophy in the Nineteenth Century / ed. by M.N. Foster, K. Gjesdal. Oxford : Oxford University Press, 2015. Vol. 1. P. 11–25.
14. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии духа. Берлин 1827/1828 : в записях И.Э. Эрдмана и Ф. Вальтера. М. : Дело, 2014. 304 с.
15. Тимофеев А.И., Концепции народного духа у Г. Гегеля и И. Ильина // Россия: прошлое, настоящее, будущее : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 16–19 декабря 1996 г. СПб. : Издательство БГТУ, 1996. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/timofeev-ai/konsepcii-narodnogo-duha-u-ggegelya-i-iliina>
16. Chenevix R. An essay upon national character. London : James Dunkan, Paternoster-Row, E.C., 1832. 557 p.
17. Лацарус М., Штайнталь Х. Мысли о народной психологии / перед. П.А. Гильтербрандтом. Воронеж : тип. В. Гольдштейна, 1865. 41 с.
18. Вундт В.М. Психология народов. М. : Эксмо-Пресс, 2002. 864 с.
19. Bauer O. The question of nationalities and social democracy. Minneapolis : University of Minnesota Press, 2000. 494 p.

References

1. Usmanova, M.N., Ostanov, Sh.Sh. & Bafaev, M.M. (2013) K voprosu o zarozhdenii etnopsikhologii [On the origin of ethnopsychology]. *PEM: Psychology. Educology. Medicine*. 1-1. pp. 68–72.
2. Hume, D. (1904) *Essays moral, political and literary*. London: William Clowes and Sons, Ltd.
3. Montesquieu, C.-L. (1823) *Spirit of Laws*. London: T.C. Hansard.

4. Zimmermann, J.G. (1771) *An Essay on National Pride*. London: J. Wilkie.
5. Voltaire. (1977) *The portable Voltaire*. New York: Penguin Books.
6. Krebs, C.B. (2011) *A most dangerous book: Tacitus's Germania from the Roman Empire to the Third Reich*. New York: W.W. Norton & Company.
7. Vazsonyi, N. (1999) Montesquieu, Friedrich Carl von Moser, and the “National Spirit Debate” in Germany, 1765–1767. *German Studies Review*. 22(2). pp. 234–240.
8. Kant, I. (1994) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 8. Translated from German. Moscow: Choro.
9. Martinelli, R. (2016) On the philosophical significance of national characters. Reflections from Hume and Kant. In: De Anna, G. & Martinelli, R. (eds) *Practical rationality in politica contexts: facing diversity in contemporary multicultural Europe*. Trieste: EUT. pp. 47–58.
10. Gerder, I.G. (2013) *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the Philosophy of Human History]. Vol. 2. St. Petersburg: for the Humanities Initiatives.
11. Hayman, J.G. (1971) Notions on national characters in the eighteenth century. *Huntington Library Quarterly*. 35(1). pp. 1–17.
12. Fichte, J.G. (2009) *Fichte: addresses to the German nation*. Vol. 1. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
13. Zöller, G. (2015) Johann Gottlieb Fichte (1762–1814). In: Foster, M.N. & Gjesdal, K. (eds) *The Oxford Handbook of German Philosophy in the Nineteenth Century*. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press. pp. 11–25.
14. Hegel, G.W.F. (2014) *Lektsii po filosofii dukha. Berlin 1827/1828: v zapisu I.E. Erdmana i F. Val'tera* [Lectures on the Philosophy of Spirit. Berlin 1827/1828: recorded by I.E. Erdman and F. Walter]. Moscow: Delo.
15. Timofeev, A.I. (1996) Kontseptsii narodnogo dukha u G. Gegelya i I. Il'ina [Concepts of the national spirit by G. Hegel and I. Ilyin]. *Rossiya: proshloe, nastoyashchее, budushchее* [Russia: Past, Present, Future]. Proc. of the Conference. St. Petersburg, December 16–19, 1996. St. Petersburg: BSTU. [Online] Available from: <http://anthropology.ru/ru/text/timofeev-ai/koncepcii-narodnogo-duha-u-gegelya-i-ilina>
16. Chenevix, R. (1832) *An essay upon national character*. London: James Dunkan, Paternoster-Row, E.C.
17. Lazarus, M. & Shteinthal, H. (1865) *Mysli o narodnoy psikhologii* [Thoughts on Popular Mind]. Translated from English by P.A. Hilterbrandt. Voronezh: V. Goldstein.
18. Wundt, V.M. (2002) *Psikhologiya narodov* [Popular Mind]. Moscow: Eksmo-Press, 2002. 864 s.
19. Bauer, O. (2000) *The question of nationalities and social democracy*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Сведения об авторе:

Мажинский Станислав Витальевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международного права Юридического института Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: mazhinsky@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Mazhinsky Stanislav V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of International Law of the Siberian Federal University Law Institute (Krasnoyarsk, Ruassian Federation). E-mail: mazhinsky@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.04.2020; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 20.04.2020; accepted for publication 06.05.2022

Научная статья

УДК 392

doi: 10.17223/19988613/77/19

Хуваанак – традиционное гадание тувинских шаманов

Дуэрдин Цзясына

Томский государственный университет, Томск, Россия, duerdun@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается система гадания хуваанак в тувинском шаманизме в сравнении со схожими системами гадания у других народов. Описывается процедура гадания хуваанак, используемая тувинским шаманом Ооржак Романом Каваевичем, которую автору статьи удалось наблюдать во время полевых работ в Республике Тыва летом 2019 г. Анализируются и обобщаются предположения других ученых о месте происхождения этого вида гадания.

Ключевые слова: хуваанак, гадание, шаманизм, Республика Тыва, кумалак

Для цитирования: Цзясына Д. Хуваанак – традиционное гадание тувинских шаманов // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 155–164. doi: 10.17223/19988613/77/19

Original article

Huvaanak - traditional divination of tuvan shamans

Duerdong Jiasina

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, duerdun@yandex.ru

Abstract. The study of divination, as one of the main functions of shamanic work, is a very important part of the research on shamanism. The main object of this paper is to study the Huvaanak divination of Tuva, its characteristics and divination methods as well as divination techniques similar to Huvaanak in other regions and ethnic cultures, in order to find similarities and establish characteristics of these divinations. On the basis of the results of these analytical comparisons, the author analyzes the unique methods of the Khuvanak divination of shamans, which were observed and registered by the author in the Republic of Tuva. The similarity of divination in so many places and regions of the world provokes curiosity about its origin. The author summarizes the studies of different scholars on its origin and concludes, that it is a very ancient method of divination. The resources of the study include: specialized literature on divination, information from the Internet (blogs and videos) and author's fieldwork results. The main research methods of this article are analysis and comparison, as well as observations and interviews used in fieldwork. On the basis of literary sources, this article analyses and compares similar methods of divination for the following ethnic groups: Kazakhs, Mongols, Kyrgyz, Uzbeks, Karachai-Balkars, Ubykhs. Similar methods of divination also exist in Bosnia and Herzegovina and Iraq. Literature analysis shows that methods of divination in these regions and within these ethnic groups are in many ways similar to those of Huvaanak, except that in some cases not only stones are used for divination, but also beans and sheep dung. It should be pointed out in this context, that there is a shaman in Tuva who owns the unique method of divination Huvaanak. The divination process of this shaman differs from the divination process of other Tuvan shamans and from the divination process described in the literature. His method differs not only in the way the stones are placed, but also in the way the stones are interpreted. Among his stones there are some of special colors, and their positions have a certain unique meaning. These are special methods that have not been described in literature before. The article also discusses the fact that the Huvaanak method of divination is somehow similar to an ancient Chinese method of divination and to some methods of divination in Tibetan Buddhism. Consequently, we can conclude that Huvaanak is a universal and a very old method of divination.

Keywords: Huvaanak, divination, shamanism, Tuva Republic, kumalak

For citation: Jiasina, D. (2022) Huvaanak - traditional divination of tuvan shamans. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Iстория – Tomsk State University Journal of History.* 77. pp. 155–164. doi: 10.17223/19988613/77/19

В деятельности шамана можно выделить пять основных функций: исцеление, предводительство в ритуальных жертвоприношениях животных, гадание, психопомпы (проведение души умершего в потусторонний мир), функция певца, поэта, мудреца, человека,

знающего священные тексты, молитвы, заклинания,зывающие духов песни [1. Р. 14]. Изучение гадания как одной из основных функций шаманской работы является очень важной частью исследований в области шаманизма.

Со времен Платона предсказания делятся на интуитивные и индуктивные. Первый вид подразумевает непосредственное восприятие информации. Второй включает наблюдение за знаками, из которых выводятся значения [2. Р. 445]. Цицерон цитирует мнение, которое «и очень старое, и единогласно подтверждено всеми народами и нациями» о том, что «существуют два вида предсказаний: один с участием техники, другой с участием природы» [3].

Можно сказать, что «интуитивное предсказание», или «предсказание с участием природы», в тувинском шаманизме проводится с помощью транса. В этом предсказании происходит прямое общение с духами через шамана, чтобы понять судьбу человека и найти ответы на его вопросы. «Предсказание индуктивное», или «предсказание с участием техники», в тувинском шаманизме осуществляется с помощью какого-либо инструмента, также иногда называемого «материальным медиумом». Например, гадание с лопаткой овцы или 41 камнем. С помощью этих предметов проделывается определенная процедура, чтобы поговорить с духами и силами о проблемах людей [4. С. 89]. Гадание по лопатке овцы может проводиться только мужчинами, в то время как гадание хуваанак не ограничивает пол гадателя. В.К. Даржа писал, что гаданием по лопатке овцы занимались исключительно мужчины, женщин к этому «виду деятельности» даже не подпускали [5. С. 245].

Хуваанак – древняя тувинская шаманская система гадания и предсказания на камнях. С июня по август 2019 г. я проводила полевые исследования в Республике Тыва. За это время я обнаружила, что гадания вообще и хуваанак в частности играют очень важную роль в работе тувинских шаманов, а также занимают важное место в жизни тувинцев. Как отметила А.К. Оельшлагел, «после того как гадание долгое время было неотъемлемой частью повседневной жизни юрт... теперь оно пользуется все большей популярностью в городской среде» [6. С. 378].

Хуваанак проводится при помощи 41 камня, которые могут быть как получены от предков, так и собраны в 41 священном месте Тывы самим гадателем. Эти места находятся далеко от человеческих жилищ и считаются святыми местами с сильными магнитными полями. Обычно это реки, родники, перевалы, горы и другие природные объекты [4. С. 90–91]. Камни считаются частью святой земли, поэтому они обладают «магической силой». Когда эти камни используются для гадания, дух-хозяин и сила святых мест, где эти камни находились, отвечают на вопросы гадателя. В особых случаях, например когда у шамана нет с собой камней, можно использовать чистые бобы. Однако камни, собранные на улице, непригодны для гадания, потому что они нечистые. Кроме того, иногда могут использоваться камни, взятые из желудка дикой птицы, но неясно, из желудка какой птицы конкретно. В литературе имеются разные сведения на этот счет. Это могут быть камни, собранные из желудка птицы с черным оперением, камни из зоба глухаря [7. С. 1364].

Гадание в различных формах существует в культурах разных народов по всему миру. Можно сказать, что гадание для разрешения различных проблем явля-

ется культурной универсалией. В разных частях мира используются различные методы гадания. На сходство методов гадания влияет как географическое положение, так и степень культурного сходства. Гадание хуваанак существует не только в тувинской культуре. Схожие виды гадания встречаются в культурах других регионов, стран и народов мира.

Гадание, подобное гаданию хуваанак, существует и в казахской культуре. Оно называется кумалак (құмалак). Кумалак наиболее распространен в Казахстане и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. На данный момент существует мало исследовательских работ по данному типу гадания. В основном исследованием гадания кумалак занимаются только в Казахстане. Это казахское гадание было описано также французским писателем Дище Блау в его книге «Кумалак. Зеркало судьбы» (Kumalak. Le Miroir de la Destinée). В Большом казахско-русском и русско-казахском словаре құмалақ означает «овечий или верблюжий помет». В китайско-казахском словаре «АКтерек» Құмалақ означает не только «овечий или верблюжий помет», но и 八卦 (bagua) – «восемь триграмм (для гадания)». В казахском гадании кумалак, как можно понять из названия, используется сущеный овечий или верблюжий помет, а также камни, кизиловые косточки и бобы [8]. Этот вид гадания существует также в Киргизии и Узбекистане, где носит то же название. В Киргизии предпочтительно используется овечий помет [9].

Традиция гадания на 41 камне сохранилась и у кавказских карачаево-балкарских тюрков. У них оно известно как таş salgan, или таş saluv. На карачаево-балкарском языке слово «камень» (taş) означает гадание, а поиск удачи называется таş salgan [10].

Похожий вид гадания существует и в монгольской культуре. В западной части Монголии он называется «ховолго». Значение этого слова – «гадание на 41 камне» (Дөчин нэгэн чулууны мэргэ) [11]. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР монголы называют его «билиг», что означает «инструмент для гадания». Там также используется 41 камень, семена или сущеный овечий помет [12].

Аналогичное гадание можно встретить и в Боснии и Герцеговине, где оно называется bacanje graha, или falanje u grah. Bacanje – «бросание», grah – «бобы», bacanje graha – «бросание бобов». Falanje – от персидского fal – «предвещать». Отсюда falanje u grah – «гадание на бобах» [13]. Как следует из названия, для гадания в основном используются бобы, а не камни или овечий помет.

Есть слово, специально используемое для обозначения этого вида гадания на английском языке – Favomancy (фавомантия). Термин происходит от латинского термина *Vicia faba*, означающего «фасоль Фава», и образован по аналогии с названиями подобных методов гадания, таких как, например, алектриомантия (гадание при помощи петуха) [14. С. 394]. Фавомантию практиковали и провидцы на Руси. Встречалась она и у убыхов. Русские методы фавомантии сохранились и по сей день. Однако в связи с уходом убыхов с Кавказа в 1864 г. были утеряны детали того, как именно убыхские прорицатели интерпретировали

узоры, образованные бобами [15]. Убыхский термин для гадателя, занимающегося фавомантией (*rxažayš*), означает «боб-метатель». Впоследствии он стал термином, обозначающим всех предсказателей и ясновидцев на этом языке [16. Р. 149].

Самым необычным из гаданий, похожих на хуваанак, описанных в литературных источниках, является иранское гадание «Фатима» (*Fàtima*). Этот вид гадания требует использования 53 горошин [Ibid.]. Поскольку его описание в литературе изложено всего лишь в нескольких предложениях, на данный момент не представляется возможным определить, насколько сильно он похож на хуваанак.

Все описанные выше способы гадания схожи, но между ними есть и некоторые различия. По записям немецкого ученого А.К. Оельшлагел, процедура гадания хуваанак не является сложной. Для гадания нужно положить ткань. К цвету и материалу ткани особых требований нет, кроме запрета на использование черной ткани. Предпочтительно использовать белую ткань, которая также часто служит контейнером для камней. Это связано с тем, что в тувинской культуре белый считается цветом благословения [17]. Если нет чистой ткани, то можно взять одежду с вывернутой наружу

внутренней стороной. Камни хуваанак также упаковывают в специальные пакеты. Подтверждение этому можно найти в статье тувинской журналистки Саяны Монгуш: «Из правил обращения с камнями: хуваанак нельзя давать в чужие руки, камешки хранят в специальных мешочках, лучше всего в кожаном, из старой потерты замши (сказала мне по секрету одна шаманка). Чтобы камни не «сбивались с курса», их не раскладывают за столом, где ели люди, в нечистых местах, без специальной ткани или коврика для расклада» [18]. Писатель, шаман и исследователь шаманизма Олард Диксон писал в своей книге «Шаманизм – сила от природы», что тувинская шаманка Людмила Кара-Ооловна Оюн использовала для гаданий квадратный ковер под названием «энчек». Во время гадания она клала его под камни вместо ткани. «Энчек представляет собой квадратный коврик из войлока, кожи или ткани белого, красного, зеленого или коричневого цвета. Иногда для удобства его делят нашитыми полосами на 9 одинаковых частей» [19. С. 329].

Прежде чем описывать процедуру гадания, необходимо объяснить значение «9 частей», упомянутых выше. Как показано на рис. 1, гадальная карта хуваанак разделена на девять одинаковых частей.

A1 Глаз (Орел-Ворон)	A2 Мозг (Тигр)	A3 Нос (Медведь)
B1 Горло (Паук)	B2 Сердце (Цапля)	B3 Грудь (Бык)
C1 Живот (Черепаха)	C2 Таз (Олень)	C3 Ноги (Змея)

Рис. 1. Значение «9 частей» гадальной карты хуваанак.
Рисунок автора

Интерпретация гадания хуваанак очень личная и может сильно отличаться у разных шаманов. Но у гадания есть также и общие черты, типовой расклад. Во-первых, камни образуют 9 кучек (три ряда по горизонтали и по вертикали). Во-вторых, во всех исследованиях, рассмотренных автором, указывается, что верхняя часть (A1, A2, A3) – это «голова» (тув. Баш), средняя часть (B1, B2, B3) – «живот» (тув. ишти), нижняя часть (C1, C2, C3) – «нижние конечности» (тув. бут или даяк).

Вертикальные ряды имеют разные значения. Оельшлагел отметила, что левый столбец (см. рис. 1: A1, B1, C1) или правый столбец (см. рис. 1: A3, B3, C3), обозначает человека, которого интересует хуваанак – человека, ищущего совета. Если спрашивающий планирует меро-

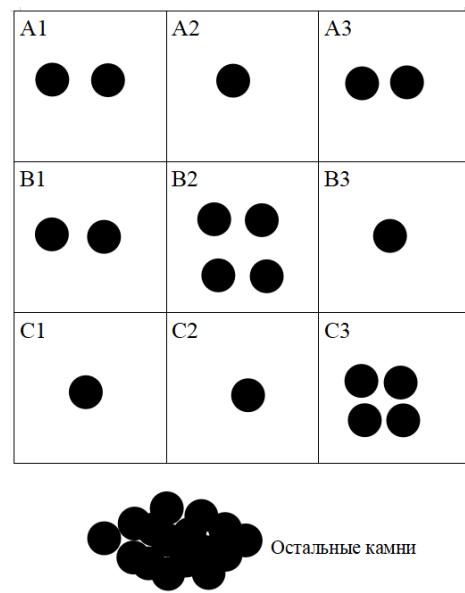

Рис. 2. Пример результатов гадания Р.К. Ооржаком.
Рисунок автора

приятие, в этом столбце отображается его статус. Средний столбец (см. рис. 1: A2, B2, C2) относится к самому делу: идет ли дело хорошо на данный момент, произойдет ли что-то хорошее или плохое в будущем. В редких случаях это может быть представлено диагональной линией (см. рис. 1: C1, B2, A3 или C3, B2, A1) [6]. Олард Диксон писал, что «вертикальные ряды отражают время и ориентацию: слева – будущее и внешнее (чужие); центральный ряд – настоящее и внутреннее (сам человек); справа – прошлое и близкое (родные). Пересечение рядов создает подвижность толкования относительно времени» [19. С. 330]. Интересно, что Диксон приводит конкретное описание олицетворения 9 частями различных частей тела. Как

показано на рис. 1, верхняя часть (A1, A2, A3) – это глаза, мозг и нос, средняя часть (B1, B2, B3) – горло, сердце и грудь; нижняя часть (C1, C2, C3) – живот, таз и ноги. Кроме того, 9 частей также представляют 9 животных. Верхняя часть (A1, A2, A3) – это орел-ворон, тигр и медведь; средняя часть (B1, B2, B3) – паук, цапля и бык; нижняя часть (C1, C2, C3) – черепаха, олень и змея. Каждое животное представляет состояние органа в его местоположении. «Для более детального просмотра состояния тех или иных органов, выявления нарушений в них каждый квадрат рассматривают отдельно. Правый квадрат в нижнем ряду – это Змея, средний – Олень, левый – Черепаха...» [19. С. 331]. Кроме того, каждая часть представляет определенные качества, как положительные, так и отрицательные. Например, для A1 выделяются следующие качества: мистицизм, откровение, духовность (положительные); атеизм, скептицизм, материальность (отрицательные). Когда количество камней, падающих на A1, является нечетным, рассматриваются положительные качества, четным – отрицательные [Там же. С. 332].

Процесс гадания намного проще, чем определение значения девяти частей. Перед началом гадания хуваанак шаман иногда совершает обряд очищения. «Тувинцы окуривают свои руки, коврик энчек и камни дымом от сжигаемого можжевельника – артыша» [Там же. С. 329]. Шаман также может прочитать алгыш (гимн). А.К. Оельшлагел писала, что такой обряд обычно проводится, когда камни хуваанак используются впервые или когда гадание совершается спустя долгое время. Обычно сначала шаман берет хуваанак обеими руками и начинает его оживлять [6]. Он, медленно двигаясь, трет камни обеими руками, затем подносит их ко рту и несколько раз выдыхает на них имя клиента и вопрос. После этого он ненадолго дает камни клиенту и забирает их обратно. В качестве альтернативы шаман может коснуться головы человека, ищущего совета, руками, которые держат хуваанак. После этого шаман медленно и осторожно кладет камни на ткань.

Весь процесс гадания делится на три этапа:

1. Первый этап: 41 камень произвольно делятся на три части, а затем, начиная с первой части справа, шаман несколько раз убирает из них 4 камня до тех пор, пока не останется от 4 до 1 камня, и помещает их в A3. После этого шаман продолжает убирать по 4 камня до тех пор, пока не останется от 4 до 1 камня, и помещает их в A2. Аналогичный процесс происходит и для A1.

A1 Левый висок	A2 Лоб, чело	A3 Правый висок
B1 Левая почка	B2 Сердце	B3 Правая почка
C1 Левый косяк	C2 Подхвостник лошади	C3 Правый косяк

Рис. 3. Значение «9 частей» гадальной карты кумалак.
Рисунок автора

2. Второй этап: все оставшиеся камни собираются вместе, затем шаман делит их на три части и повторяет описанные выше действия для B3, B2 и B1.

3. Третий этап: повторяются вышеуказанные действия и камни по очереди помещаются в C3, C2 и C1.

В итоге можно получить результат, аналогичный показанному на рис. 2.

После того, как с помощью трех вышеуказанных этапов будут получены результаты, их можно будет интерпретировать в соответствии со смыслом каждой части, описанным выше. Как уже говорилось, в гадании хуваанак нечетные числа считаются положительными, а четные – отрицательными. Если в первом ряду (см. рис. 2: A1, A2, A3) находятся девять или пять камней, результат гадания положительный, потому что оба эти числа представляют будущее счастье и успех человека. После проведения трех этапов гадания шаман также может взять по два камня с каждого места, чтобы уточнить и прояснить результаты хуваанак [6. С. 389].

Казахское гадание кумалак и тувинское гадание хуваанак схожи по способу гадания. Процесс гадания в кумалак представлен теми же самыми тремя этапами, которые упоминались выше, однако девять частей имеют другие значения: первый ряд – A1, A2, A3 – «левый висок», «лоб, чело (мандай)», «правый висок»; второй ряд – B1, B2, B3 – «левая почка (сол бүйрек)», «сердце (жүрек)», «правая почка (он бүйрек)»; третий ряд – C1, C2, C3 – «левый косяк двери (сол босага)», «подхвостник лошади (қыйысқан)», «правый косяк (он босага)» (рис. 3) [8]. В гадании Кумалак нечетные числа тоже положительные, а четные – отрицательные.

В верованиях карачаево-балкарцев считается, что камнями гадания управляет сверхъестественная сила, или дух, известный как Эр-Гизав (Er-Gizav), или Гизав (Gizav). Провидец или гадалка, которые смотрят на состояние камней, перед тем как положить камни, читают молитву. Процесс гадания в культуре карачаево-балкарского народа такой же, как и в хуваанак. Однако значение девяти клеток отличается, в том числе и от значений гадания кумалак. Как показано на рис. 4, первый ряд – A1, A2, A3 – путь (yol), первая колонка A3, B3, C3 справа – спина (arka), A1 – голова (baş), B1 – рука (el), B2 – печь (ocak), B3 – враг (düşman), C1 – предшественник (mütjdeci), C2 – порог (eşik), C3 – новости (haber). Общее количество камней в первом ряду должно быть 5 или 9. Также считается очень хорошим результатом, если в каждой клетке первого ряда по 3 камня [10].

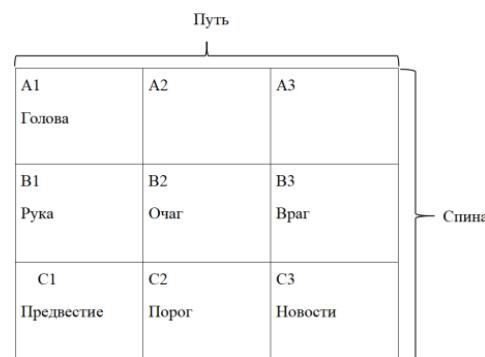

Рис. 4. Значение девяти клеток гадальной карты Эр-Гизав, или Гизав. Рисунок автора

Согласно записям китайского ученого Ли Юань (李媛), подобные методы гадания в монгольской культуре не сильно отличаются от хуваанак. Однако ею были описаны только методы гадания и не были изучены значения каждой части и значение чисел. При этом Ли Юань (李媛) также отмечает, что если количество камней в каждой клетке в одном ряду нечетное, то это хорошее предзнаменование, в противном случае – плохое. Если в каждой клетке первого ряда по 3 камня, это означает, что результат гадания очень хороший и продолжать гадание нет необходимости. В связи с этим перед гаданием некоторые гадалки молятся богам, чтобы они благословили результат 3×3 [12].

На Западе очень мало записей о фавомантии, но, судя по блогам [20] и видеозаписям [21] некоторых прорицателей, использующих данный тип гадания, можно предположить, что весь процесс гадания в фавомантии такой же, как и в хуваанак. Гадание фаландже угра (Falanje u grah), существующее в Боснии и Герцеговине, так же как и хуваанак, проводится в три этапа, но при этом присутствуют небольшие различия в их проведении. Среди вышеперечисленных гаданий нет строгих требований к лежащей под ним ткани. Однако в фаландже угра используется исключительно красная ткань, так как «красный цвет традиционно считается отличной защитой от “дурных глаз”, которые могут нарушить судьбу человека. Кроме того, вероятно, красный цвет, в интерпретации боснийских

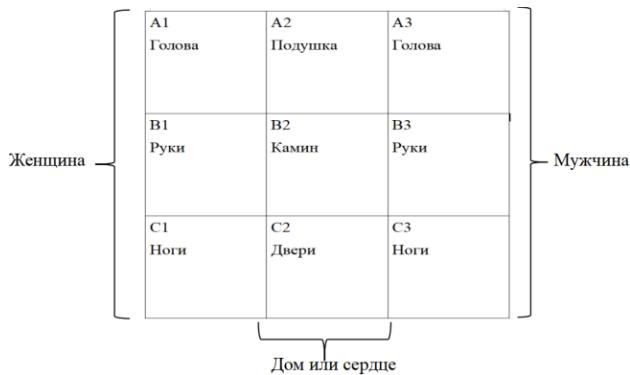

Рис. 5. Значение девяти клеток гадальной карты фаландже угра.
Рисунок автора

Существует две формы гадания фаландже угра. Первая была описана выше. Для второй используется 38 белых бобов, кусок хлеба, кофейное зерно и монета. Сначала один белый боб окрашивается в красный цвет. Этот боб представляет человека, задающего вопрос. Гадалка будет использовать положение этого боба для разъяснения результатов гадания. Когда красный боб находится рядом с хлебом, это означает счастье: желания клиента сбудутся, влюбленные поженятся, клиента ожидает карьерный успех и т.д. Когда красный боб расположен ближе к монете, это означает, что клиента ожидает финансовый успех в ближайшем будущем. Если боб ближе к кофейным зернам, то это плохой сигнал, который также представляет собой отрицательный ответ на поставленный вопрос. Неясно, представляют ли нечетные и четные

гадалок, обладает способностью поднимать их осведомленность на более высокий уровень, чтобы как можно тщательнее понять чью-то судьбу» [22]. Перед началом гадания гадалка берет бобы в правый кулак, подносит его близко ко рту и трижды читает молитву, а затем трижды дует в свой кулак. Левая вертикальная линия представляет женщину (рис. 5: A1, B1, C1), а правая – мужчину (см. рис. 5: A3, B3, C3). Вертикальная линия посередине называется домом или сердцем (см. рис. 5: A2, B2, C2). Кроме того, женская и мужская линии разделены на три символа: голова, руки, ноги, а линия посередине разделена на подушку, камин и двери.

Значения девяти разделов также отличаются: первый ряд (A1, A2, A3) называется «поверхностью»; второй ряд (B1, B2, B3) представляет эмоции и дом; третий ряд (C1, C2, C3) является символом вещей, которые находятся снаружи или перед дверью (рис. 6). Первый ряд посвящен прошлому и символизирует детство и юность. Второй ряд символизирует настоящего клиента и его жизнь. Третий ряд символизирует будущее и рассматривается как самая важная часть гадания. Он символизирует вторую половину чьей-то жизни. Отличительной особенностью фаландже угра является то, что объясняются не только бобы, расположенные в девяти частях, но и оставшиеся бобы. Они указывают на времена, в течение которых пророчество может сбыться.

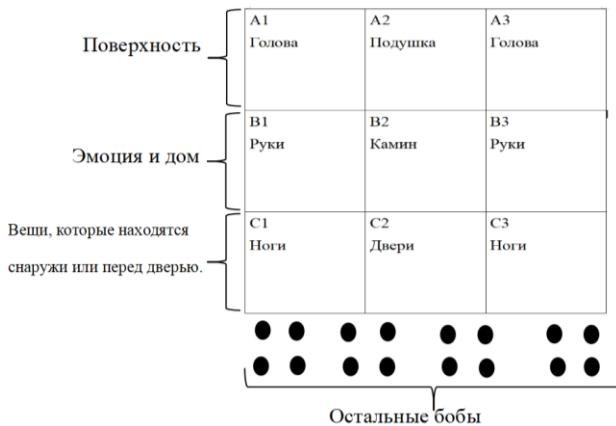

Рис. 6. Значение девяти клеток гадальной карты фаландже угра.
Рисунок автора

числа в гадании фаландже угра положительные и отрицательные качества соответственно, как в предыдущих типах гаданий.

Таким образом, можно утверждать, что основной процесс гадания одинаков для всех типов гаданий, вне зависимости от географического положения или культурной принадлежности. В то же время некоторые интерпретации значений 9 частей могут сильно отличаться, однако B2 всегда считается сердцем, за исключением фаландже угра, где A2, B2, C2 считаются представляющими дом или сердце.

Летом 2019 г., когда я проводила полевые исследования в Республике Тыва, я обнаружила, что процесс гадания хуваанак у некоторых тувинских шаманов существенно отличался от описанного в литературе. Даже «универсальное правило», что нечетные числа

положительны, а четные – отрицательны, у них не действовало.

Я засняла весь процесс гадания тувинского шамана Ооржака Романа Каваевича и обнаружила, что его способ гадания совершенно отличается от способов других тувинских шаманов. Перед тем как провести для меня обряд, Роман Каваевич упомянул, что его способ отличается от других и он сам считает его оригинальным способом гадания хуваанак.

Для гадания шаман использует белую ткань. Камни разного цвета и формы он носит в маленьком атласном мешочке. Во время полевых работ в Туве я обнаружила, что у многих шаманов камни для гадания были гладкой черной галькой. У Романа Каваевича все камни были разного цвета, но похожих размеров. Во время гадания шаман также давал объяснения по положению камней разного цвета. Шаман сказал, что левый столбец представляет работу, средний столбец – жизнь, а правый столбец представляет семью или самих клиентов, как это показано на рис. 7. Иногда значения среднего и правого столбцов меняются местами.

Сначала шаман взял все камни в руки и сложил руки так, чтобы обернуть камни. Затем он поднес руки ко рту и попросил клиента задать вопрос, а также сказать полное имя и дату рождения. Шаман молился несколько секунд, после чего рассыпал камни на ткань и наблюдал за положением рассеянных камней. Камни, выпавшие за пределы ткани, он поднимал и клал в рот по одному. Затем, рассмотрев положение рассеянных камней, он доставал камень из рта и бросал в рассеянные камни. Расположение камней имело определенное значение. После этого шаман собрал все камни

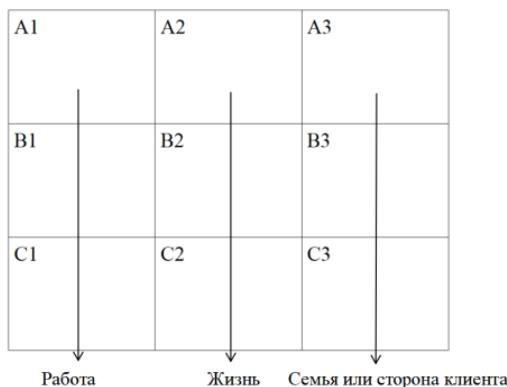

Рис. 7. Значение девяти клеток гадальной карты хуваанак у Романа Каваевича. Рисунок автора

После объяснения шаман собирает камни вместе, выстраивает камни во второй ряд (B1, B2, B3), а затем отдельно выстраивает камни, которые были удалены. После окончания заполнения второго ряда шаман продолжает интерпретацию результатов. Общее количество камней во втором ряду должно быть четным, равным 4 или 6. Когда это не так, нужно повторить расчет. Интересно отметить, что, согласно сведениям, имеющимся в литературе, и моим личным наблюдениям в Туве,

вместе и разделил их на три части, затем пошлепал обеими руками две части камней слева и справа, сверху и снизу, а в конце – камни посередине. После этого сложил руки перед ртом и несколько секунд молился.

Процесс гадания этого шамана отличается как от процесса гадания, используемого другими тувинскими шаманами, так и от процесса гадания, описанного в литературе. Выше было указано, что обычно 41 камень произвольно делится на три части, а затем из них несколько раз убираются по 4 камня до тех пор, пока не останется от 4 до 1 камней, и уже эти камни помещаются в A3. Роман Каваевич делает почти то же самое, он несколько раз убирает по 4 камня до тех пор, пока не останется от 4 до 1 камня, но помещает их в A1, не в A3.

Обычно при выполнении гадания хуваанак важны только девять частей, и результат гадания объясняется количеством камней или бобов на этих девяти частях. Роман Каваевич также смотрит на расположение тех четырех камней, которые были убраны. Кроме того, обычно шаман приступает к интерпретации только после заполнения камнями всех девяти частей. Однако Р.К. Ооржак начинает интерпретировать результат гадания, заполнив только первый ряд A1, A2, A3, как это показано на рис. 8. Когда расположение удаленных камней такое, как на рис. 8, это хороший знак. Этот шаман считает, что, если в ряду (A1, A2, A3), общее число нечетное и равно 5, 7 или 9, то это хороший знак. Обычно считается, что первый ряд с нечетным итогом представляет собой положительный результат, а если итог равен 9, то нет необходимости продолжать подсчет, потому что это доказывает, что все хорошо. Об этом упоминается во многих источниках [6, 8, 10].

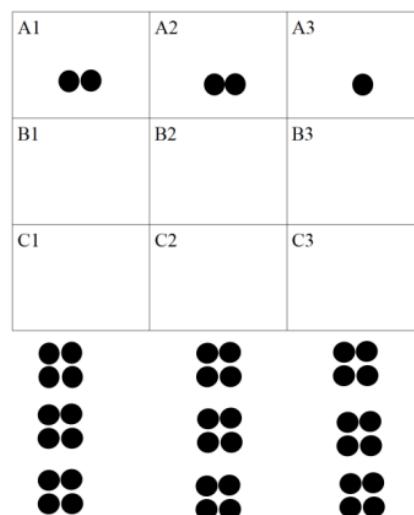

Рис. 8. Первый этап процесса хуваанак у Романа Каваевича. Рисунок автора

четные числа обычно считаются отрицательными, однако шаман говорит, что общее количество камней во втором ряду должно быть четным: 4 или 6. К сожалению, шаман не объяснил, почему это является необходимым условием для выполнения обряда.

На последнем этапе гадания шаман также собирает оставшиеся камни и разделяет их на три части. Он начинает брать уже по 2 камня (обычно на третьем этапе отнимается также по 4 камня), пока не останется

один или два камня. После завершения третьего этапа на 9 частях находится разное количество камней, а оставшиеся камни располагаются группами по два (рис. 9). Шаман начинает окончательную интерпретацию. Отличительная особенность на этом этапе заключается в том, что шаман просит клиента поднять камень, одна сторона которого золотая. Шаман просит клиента назвать цвет и рисунок с другой стороны камня. После того как клиент назвал цвет и рисунок, которые он увидел, шаман просит клиента помолиться камню, а затем вернуть его на место.

Расположение этого камня также имеет некоторое значение, но что именно он означает, шаман не уточнил. Среди 41 камня шамана есть еще два белых камня, которые тоже имеют определенное собственное значение. В процессе проведения обряда два белых камня оказались рядом в столбце, представляющем самого клиента. Шаман сказал, что это означает, что у клиента чистые кости (то есть душа чиста). В тувинской культуре белый цвет обычно олицетворяет чистоту и святость. После объяснения, чтобы проверить точность результата, шаман берет два камня из четырех и три камня из девяти частей. Этим способом часто пользуются и другие тувинские шаманы.

Шаман сказал, что его метод гадания хуваанак – это метод, сохранившийся из древнего тувинского шаманизма, поэтому он так сильно отличается от современных методов гадания, которыми пользуются другие шаманы. К сожалению, шаман не захотел подробно объяснить свой метод гадания, поэтому узнать

об особенностях его метода можно только наблюдая за самим процессом гадания.

Некоторые ученые считают, что хуваанак восходит к древним тюркским временам, поскольку он присутствует в культурах тувинских, казахских, киргизских и других тюркоязычных народов, а также из-за сходства в названиях гадания (тув. хуваанак; каз. кумалак) [8–10, 19]. В Древнем Китае существовал метод гадания, похожий на хуваанак (а также другие подобные гадания), называвшийся методом Шэ Ши Фа (揲蓍法). В древнем Китае люди использовали для гадания растение под названием Ши (蓍). В России оно известно как тысячелистник обыкновенный [23. С. 210–213]. Метод гадания Шэ Ши Фа очень утомителен и не так прост, как хуваанак. Наибольшее сходство между этими двумя гаданиями заключается в «делении на 4».

В процессе гадания хуваанак все камни делятся на три части, а затем из них убираются по четыре камня до тех пор, пока не останется от 4 до 1 камня. В методе Шэ Ши Фа (揲蓍法) убирают один из 50 тысячелистников, затем делят его на две части. Одну его часть берут правой рукой, а вторую держат между мизинцем и безымянным пальцем левой руки. После этого тысячелистник из правой руки перекладывают в левую, а затем правой рукой вытаскивают тысячелистник из левой руки. Затем берут по 4 тысячелистника за раз и помещают их на стол, пока не останется от 4 до 1 тысячелистника, и зажимают их между безымянными пальцами. По завершении этих действий левой рукой берут тысячелистник из правой руки и повторяют описанные выше действия.

A1	A2	A3
●●	●●	●
●	●●●	●●●
●	●●	●
●●	●●	●●
●●	●●	●●
●●	●●	●●
●●	●●	●●

Рис. 9. Результат процесса гадания хуваанак
у Романа Каваевича. Рисунок автора

Камни хуваанак распределены по девяти квадратным клеткам. В Китае это имеет название «Девяти дворцов» и считается производным от древнекитайского «Письмена с реки «Ло»» («Лошу» 洛书) [8]. В Китае существует два мистических рисунка, называемых «Хэту Лошу» (河图洛书), которые содержат глубокие космические и астрологические принципы, известные как «Космический кубик Рубика», и являются источником китайской культуры и пяти элементов Инь и Ян [24, 25]. Один из этих элементов – Лошу (洛书), расположенный на диаграмме, состоящей из девяти частей [25].

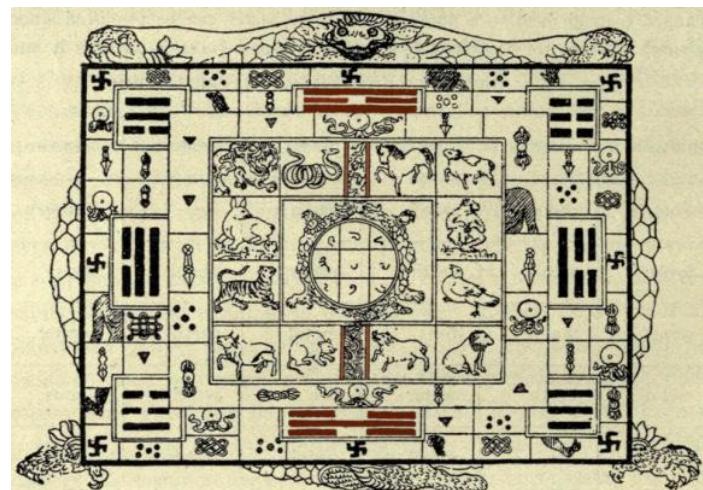

Рис. 10. Из Вайдур-дкарпо (Vaidur-dkarpo).

По мнению В.М. Яковлева, «наиболее близко к ее истокам лежит система, представленная одной из иллюстраций «Vaidur-dkarpo» – астрологического трактата Десрида Санг-ргъяса Ргымтшо (1653–1706), регента Тибета Пятой и Шестой Далай-ламы. Видимыми частями человеческого тела, занимающими восемь клеток вне таблицы из 9 квадратов (рис. 10), являются голова, руки, ступни и интимные органы». Он также считает, что части тела связаны с числами «Лошу» и что две системы гадания – хуваанак и гадания тысячелистника – также связаны между собой [26].

Выводы

Гадание хуваанак является основным в тувинском шаманизме. Этот вид гадания существует также и в культуре других народов и регионов. Из изученной автором литературы известно, что этой формой гадания владели казахи, монголы, киргизы, узбеки, карачаево-балкарцы, убыхи. Подобные виды гадания существуют в Боснии и Герцеговине, а также в Ираке. Способы гадания в этих странах во многом аналогичны хуваанаку, за исключением того, что для гадания здесь используются не только камни, но также бобы и овечий помет.

Хотя эти разновидности гадания похожи по способу проведения, они имеют разные названия и могут быть разделены на три категории, в соответствии с инструментарием гадания: первая – «овечий помет», вторая – «бобы», а третья – не «овечий помет» и не «бобы». Казахи, узбеки и киргизы называют такой тип гадания «кумалак». Тувинцы называют его «хуваанак». По произношению данный термин похож на предыдущий за исключением того, что в тувинском языке он обозначает гадание на камнях. Из-за сходства произношения можно сделать вывод, что первоначальное значение было «овечий помет». В Боснии и Герцеговине, России и некоторых других регионах этот вид гадания в основном называется гаданием на бобах. Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на то, что используются разные названия и инструменты, смысл остается одним и тем же. В дополнение к двум вышеупомянутым названиям у монгольского народа есть два уникальных имени для этого вида гадания: в Монголии он называется «ховолго», а монголы в Синьцзяно-Уйгурском автономном округе КНР называют это «билиг». Первое означает гадание на 41 камне, а второе – инструмент для гадания. Карабаево-балкарцы называют гадание на 41 камнях *taş salgan*, или *taş saluv*. На карабаево-балкарском тюркском языке слово камень (*taş*) означает гадание, а поиск удачи называется *taş salgan*. За исключением неясности относительно

того, представляют ли нечетные и четные числа в гадании фаландже угра (в Боснии и Герцеговине) положительные и отрицательные качества, в остальных разновидностях гадания нечетные числа считаются положительными, а четные – отрицательными. Система гадания хуваанак в тувинском шаманизме также схожа с древней китайской системой гадания – Шэ Ши Фа (揲蓍法), а особенности расположения сетки из девяти квадратов соответствуют девяти квадратам в центре гадательной карты в тибетском буддизме.

Анализ литературы показывает, что процедуры и интерпретации гадания хуваанак и аналогичных ему в целом схожи во всех регионах и этнических группах. Но во время проведения летом 2019 г. полевых исследований в Республике Тыва мне удалось выяснить, что существует шаман, практикующий отличную от описанных в литературе процедуру гадания хуваанак. В его интерпретации свои собственные значения имеют не только камни в девяти отделениях (клетках), но и четыре оставшихся камня, которые, кроме того, не кладутся наугад, а размещаются на дне девяти отделений в определенном порядке, так что результаты гадания могут быть получены и по этим камням. Также шаман считает, что если в первом ряду общее число нечетное – 5, 7 или 9, то это хороший знак. Это является общей со всеми чертой практикуемого Р.К. Ооржак гадания хуваанак. Однако, согласно сведениям, имеющимся в литературе, и личным наблюдениям автора в Туве, четные числа обычно считаются отрицательными, а этот шаман считает, что общее количество камней во втором ряду должно быть четным – 4 или 6. У него есть также особый камень, золотой с одной стороны. Расположение этого камня и описание его клиентом влияют на интерпретацию результатов гадания.

Из всего вышесказанного можно сделать общий вывод, что хуваанак – древняя и широко распространенная система гадания, имеющая определенные региональные особенности в процедуре гадания и интерпретации его результатов.

Список источников

1. Hoppál M. Shamans and traditions. Akademie Kiadó, 2007. 188 p.
2. Vocabulary for the Study of Religion / R.A. Segal, K. von Stuckrad (eds.). Leiden : Brill, 2015. 1842 p.
3. Wardle D. Cicero on Divination: De Divinatione. Oxford, 2006. Book 1. xii + 469 p.
4. Оельшлагел А.К. Тувинское гадание «хуваанак» – вопросы к природе // Музей в XXI веке: проблемы и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Кызыл, 21–24 сентября 2005 г. / Национальный музей «Алдан Маадыр»; сост. А.О. Дыртык-оол. Кызыл, 2005. С. 89–95.
5. Даржа В. Тайны мировоззрения тувинцев-номадов. Кызыл : Тув. кн. изд-во, 2007. 255 с.
6. Oelschlaegel A.C. Deutung und Wahrheit. Zwei Divinationspraktiken bei den Tyva im Süden Sibiriens // „Roter Altai, gib Dein Echo!“ : Festschrift für Erika Taube zum 65. Geburtstag / A.C. Oelschlägel, I. Nentwig, J. Taube (Hg.). Leipzig : Leipziger Universitätsverlag, 2005. S. 377–400.
7. Айыкы Е.В., Монгуш А.М. Охотничьи традиции тувинцев: этнографический аспект // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 5. С. 1359–1370.
8. Яковлев В.М. Кумалак ашу – устная традиция гадания и ее вероятные истоки // Российская тюркология. 2017. № 1-2. С. 158–167.
9. İnan A. Tarihte ve Bugün Şamanizm. Materyaller ve Araştırmalar. Ankara : Türk Tarih Kurumu, 2000.
10. Tavkul U.: Ufuk Tavkul «Kırçak Kökenli Türk Boylarında “Kürek Kemiği” ve “Kumalak-Taş” Falı» // Çağdaş Türk Araştırmaları Sempozyumu Bildirileri. 2003. Cilt 2. S. 181–190.
11. Большой словарь монгольского языка (Монгол Хэлний их тайлбар тол). URL: https://mongoltoli.mn/search.php?ug_id=108960&opt=1&word=%D0%A5%D0%9E%D0%92%D0%9E%D0%9B%D0%93%D0%9E (дата обращения: 19.03.2021).
12. Ли Юан. Синьцзян мэнгуцзу миньцзян синъян юй шэхүй тяньедяоча (李媛。新疆蒙古族民间信仰与社会田野调查). Полевые исследования монгольских народных верований и общества в Синьцзян. Миньцзу чубаньшэ, 2011. С. 118.
13. Fortune telling // Falanje.com. URL: <https://web.archive.org/web/20130305174411/http://www.falanje.com/page.php?15> (accessed: дата обращения: 19.03.2021).
14. Encyclopaedia Perthesis, or Universal dictionary of the arts, sciences, literature, &c. intended to supersede the use of other books of reference. Printed by J. Brown, 1816. Vol. 1. 726 p.

15. Tsapina O. Something Old, Something New: Continuity and Modernization in Eighteenth-Century Russia. *Eighteenth-Century Studies*. 2002. Vol. 35 (2). P. 313–319.
16. Vogt H. *Dictionnaire de la langue oubykh*. Oslo, 1963. 264 p.
17. Донгак С.Ч., Ондар А.У. Сакральные аспекты «белой пищи» у тувинских кочевников // Культура и цивилизация., 2019. Т. 9, № 2А. С. 233–239.
18. Монгуш С. 41 камень для тувинского гадания «Хуваанак», или Почему наши предки все знали без google. URL: (https://vk.com/wall-105944631_106767 (дата обращения: 19.03.2021).
19. Диксон О. Шаманизм – сила от природы. М. : Велигор, 2013. 520 с.
20. Favomancy. 2020. 7 Sent. URL:https://aminoapps.com/c/thewitchescircle/page/blog/favomancy/Bwpr_d8uwudqgnwqavNQZ35X1nGPkKmN3g (accessed: 20.01.2021).
21. Favomancy // Youtube. 2020. 14 June. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=45toQva2S0g> (accessed: 20.01.2021).
22. Esmerović R. Bosnian fortune telling with grain of beans or “throwing beans” (bacanje graha). URL: <https://www.scribd.com/document/102873566/Bosnian-Fortune-Telling> (дата обращения: 19.03.2021).
23. И цзин: «Книга перемен» и ее канонические комментарии / пер., предисл. и примеч. В.М. Яковлева. М. : Янус-К, 1998. 267 с.
24. Энъшу бяньцзи въйоаньхүй. Июе байкэоаньшу (本书编辑委员会·易学百科全书). Энциклопедия исследований И-Цзин. Шанхай : Шанхай цыши чубаньшэ, 2018. 12, 331 с.
25. Лай Шаоэй, Лю Юнцян. Хэтулошу люекао (賴少偉, 刘永强。河图洛书略考). Хэтулошу краткого изучения // Вэньши цзачжишэ. 2017. № 3. С. 39–43.
26. Yakovlev V. *Divination about the Way and the Way of Divination among the Turkic People* : a draft English translation of a paper presented at the 51st Permanent International Altaistic Conference held in Bucharest. 2008. 11 p.

References

1. Hoppál, M. (2007) *Shamans and traditions*. Akademie Kiadó.
2. Segal, R.A. & Stuckrad, K. von (eds) (2015) *Vocabulary for the Study of Religion*. Leiden: Brill.
3. Wardle, D. (2006) *Cicero on Divination: De Divinatione*. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press.
4. Oelschlägel, A.K. (2005) Тувинское гадание “хуваанак” – вопросы к природе [The Tuvan divination “хуваанак” – questions to nature]. In: Dytryk-ool, A.O. (ed.) *Muzey v XXI veke: problemy i perspektivy* [Museum in the 21st century: problems and prospects]. Kyzyl: [s.n.]. pp. 89–95.
5. Darzha, V. (2007) *Tayny mirovozreniya tuvintsev-nomadov* [Secrets of the worldview of Tuvan nomads]. Kyzyl: Tuv. kn. izd-vo.
6. Oelschlägel, A.C. (2005) Deutung und Wahrheit. Zwei Divinationspraktiken bei den Tyva im Süden Sibiriens. In: Oelschlägel, A.C., Nentwig, I. & Taube, J. (eds) “Roter Altai, gib Dein Echo!”: *Festschrift für Erika Taube zum 65. Geburtstag*. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag. pp. 377–400.
7. Ayyzhy, E.V. & Mongush, A.M. (2020) Tuvan Hunting Traditions: An Ethnographic Perspective. *Oriental Studies*. 13(5). pp. 1359–1370. (In Russian). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1359-1370
8. Yakovlev, V.M. (2017) Kumalak ashu – oral tradition of divination and its probable sources. *Rossiyskaya tyurkologiya – Russian Turkology*. 1-2. pp. 158–167. (In Russian).
9. İnan, A. (2000) *Tarihte ve Bugün Şamanizm. Materyaller ve Araştırmalar*. Ankara: Türk Tarih Kurumu.
10. Tavkul, U. (2003) “Kırçak Kökenli Türk Boyalarında “Kürek Kemiği” ve “Kumalak-Taş” Fali”. *Çağdaş Türk Araştırmaları Sempozyumu Bildirileri*. 2. pp. 181–190.
11. Mongolia. (n.d.) *Bol'shoy slovar' mongol'skogo yazyka* [Great Dictionary of the Mongolian Language]. [Online] Available from: https://mongoltoli.mn/search.php?ug_id=108960&opt=1&word=%D0%A5%D0%9E%D0%92%D0%9E%D0%9B%D0%93%D0%9E (Accessed: 19th March 2021).
12. Li Yuan. (2011) 李媛. 新疆蒙古族民间信仰与社会田野调查 [Field studies of Mongolian folk beliefs and society in Xinjiang]. *Min'tszu chuban'she*. p. 118.
13. Falanje.com. (n.d.) *Fortune telling*. [Online] Available from: <https://web.archive.org/web/20130305174411/http://www.falanje.com/page.php?15> (Accessed: 19th March 2021).
14. Anon. (1816) *Encyclopaedia Perthsensis, or Universal dictionary of the arts, sciences, literature, &c. Intended to supersede the use of other books of reference*. Vol. 1. Ulan Press.
15. Tsapina, O. (2002) Something Old, Something New: Continuity and Modernization in Eighteenth-Century Russia. *Eighteenth-Century Studies*. 35(2). pp. 313–319.
16. Vogt, H. (1963) *Dictionnaire de la langue oubykh*. Oslo: Universitetsforlaget.
17. Dongak, S.Ch. & Ondar, A.U. (2019) Sacred aspects of “white food” among the tuvan nomads. *Kul'tura i tsivilizatsiya*. 9(2-1). pp. 233–239. (In Russian).
18. Mongush, S. (n.d.) 41 камен' dlya tuvinskogo gadaniya “Khuvaanak”, ili Pochemu nashi predki vse znali bez google [41 stones for Tuvan divination “Khuvaanak”, or Why our ancestors knew everything without google]. [Online] Available from: https://vk.com/wall-105944631_106767 (Accessed: 19th March 2021).
19. Dixon, O. (2013) *Shamanizm – sila ot prirody* [Shamanism is a force from nature]. Moscow: Veligor.
20. Aminoapps. (2020) *Favomancy*. 7th September. [Online] Available from: https://aminoapps.com/c/thewitchescircle/page/blog/favomancy/Bwpr_d8uwudqgnwqavNQZ35X1nGPkKmN3g (Accessed: 20th January 2021).
21. Youtube. (2020) *Favomancy*. 14th June. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=45toQva2S0g> (Accessed: 20th January 2021).
22. Esmerović, R. (n.d.) *Bosnian fortune telling with grain of beans or “throwing beans” (bacanje graha)*. [Online] Available from: <https://www.scribd.com/document/102873566/Bosnian-Fortune-Telling> (Accessed: 19th March 2021).
23. Anon. (1998) *I tszin: “Kniga peremen” i ee kanonicheskie kommentarii* [I Ching: “The Book of Changes” and its canonical comments]. Translated by V.M. Yakovlev. Moscow: Yanus-K.
24. Shankhay tsyshu chuban'she. (2018) 本书编辑委员会. 易学百科全书 [Encyclopedia of I Ching Studies]. Shanghai: Shankhay tsyshu chuban'she.
25. Lai Shaowei & Liu Yongqiang. (2017) 赖少伟, 刘永强. 河图洛书略考. *Ven'shi tszachzhishe*. 3. pp. 39–43.
26. Yakovlev, V. (2008) *Divination about the Way and the Way of Divination among the Turkic People*. A draft English translation of a paper presented at the 51st Permanent International Altaistic Conference held in Bucharest.

Сведения об авторе:

Цзясына Дуэрдун – аспирант кафедры антропологии и этнологии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: duerdun@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Jiasina Duerdong – Postgraduate Student of the Department of Anthropology and Ethnology of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: duerdun@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.12.2021; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 17.12.2021; accepted for publication 06.05.2022

Научная статья

УДК 93

doi: 10.17223/19988613/77/20

Православие в городах национализирующегося Узбекистана в 2010-е гг.

Юлия Николаевна Цыряпкина

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия, guzvenko@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются процессы, происходящие в религиозном сознании и обрядовой жизни православных в постсоветском Узбекистане. Проанализирована ситуация в приходах городов Ташкентской области, Фергане, Кагане на основе данных интервью со священнослужителями и выявлены основные тенденции развития православия. В отдельных городах охарактеризованы процессы, связанные с православным сознанием, на основе интервью с православными прихожанами. Показано, что происходит смешение мусульманской и православной обрядовости у выходцев из смешанных браков.

Ключевые слова: православие, приход, православная обрядовость, религиозный синкретизм

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта «“Русские” в Центральной Азии: особенности этнокультурных процессов в конце XX – начале XXI веков», поддержанного фондом Президентских грантов 14.124.13.2516-МК, а также при поддержке РГНФ, проект 13-31-01277/13 «Русскоязычные Узбекистана в 2000-е годы: этнокультурные процессы в условиях “национализирующегося” государства (на примере Ангрина и Ферганы)».

Для цитирования: Цыряпкина Ю.Н. Православие в городах национализирующегося Узбекистана в 2010-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 165–173. doi: 10.17223/19988613/77/20

Original article

Orthodoxy in the cities of nationalizing Uzbekistan in the 2010s

Yulia N. Tsyryapkina

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation, guzvenko@yandex.ru

Abstract. The article gives a brief description of the state policy towards Orthodoxy in the “Russian Turkestan” during the Soviet period in the Uzbek SSR, in the nationalizing Uzbekistan. The purpose of this article is to analyze the processes occurring in the religious consciousness and ritual life of the Orthodox, in the conditions of a decline in the percentage of Russians in post-Soviet Uzbekistan. The empirical basis of the research is a field work. The author collected about 60 semi-structured interviews. Russians, Tatars, Uzbeks, Tajiks, Germans, and others – all those who belong to the group of the Russian-speaking population of Uzbekistan were interviewed by the author.

It was found that the national model of the state adopted by the government of the first President Islam Karimov, which called for combating religious extremism in the 1990s, did not allow for the politicization of Islam. It found itself in the sphere of everyday culture and in the same position as in the USSR. Accordingly, Orthodoxy also does not play a special role in the hierarchy of identities of “secular” Uzbekistan. The Russian Orthodox Church in Uzbekistan cannot do missionary activities, which leads to a decline in the parishioners because of the outflow of the Russian population from Uzbekistan. The situation in 4 Orthodox parishes in the cities of Uzbekistan was studied. Based on the data obtained, it can be concluded that in the cities of the Tashkent region (Angren and Almalyk) the proportion of Orthodox believers is smaller. These cities were formed as Soviet industrial centers, and the Orthodox communities in them were actually consolidated after the collapse of the USSR.

Fergana has a higher activity of the Orthodox parish, which is related both to the history of Orthodoxy in the city and to the personality of the priest, who managed to unite the Orthodox community of the city. The study highlighted common problems noted in interviews of Orthodox priests, which are characteristic of people from ethnically and religiously mixed unions / marriages: religious syncretism, ritual acceptance of canons of Orthodoxy. At the same time, it is necessary to note the positive attitude and interest of the indigenous Muslim population of the region to the Orthodoxy. Despite the favorable conditions for the development of Orthodoxy in the Republic of Uzbekistan, the further fate of the Orthodox parishes of cities will depend on the migration activity of the Russian population. Orthodox parishes in the future are likely to become fewer, but they can become cohesive communities. Under the conditions of a nationalizing Uzbekistan, the identification markers of Russian / Russian speakers are adapted to the new socio-political and socio-cultural conditions. The ethnic identity of Russians and identification with Orthodoxy are eroding most rapidly.

Keywords: Orthodoxy, parish, Orthodox rite, religious syncretism

Acknowledgments: The research was carried out within the framework of the project ““Russians” in Central Asia: features of ethnocultural processes in the late XX – early XXI centuries”, supported by the Presidential Grants Fund 14.124.13.2516–МК; and also with the support of the RGNF, project 13-31-01277/13 “Russian-speaking Uzbekistan in the 2000s: ethnocultural processes in a “nationalizing” state (on the example of Angren and Ferghana)””.

For citation: Tsyryapkina, Y.N. (2022) Orthodoxy in the cities of nationalizing Uzbekistan in the 2010s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University Journal of History.* 77. pp. 165–173. doi: 10.17223/19988613/77/20

Православие в Узбекистане исторически связано с судьбой русского населения, формировавшегося на этой территории со второй половины XIX в., после присоединения региона к Российской империи. Если проблема русских в Центральной Азии актуализировалась в постсоветской российской историографии, где в первую очередь рассматривали статусно-правовое положение меньшинства, демографические характеристики русских, объемы и потоки миграции из республики после распада СССР и др., то вопрос о развитии православия в постсоветском Узбекистане не подвергался серьезным исследованиям, кроме единичных публикаций [1, 2]. Это связано с общей тенденцией снижения этнографических / антропологических публикаций об обрядах жизненного цикла русского населения Узбекистана, динамике их культурных и религиозных традиций. Русские в Узбекистане не представляют гомогенного этнического образования, их чаще включают в группу русскоязычного населения, куда вместе с русскими входят татары, корейцы, немцы, евреи и представители коренного населения республики, разделяющие «европейскую» социокультурную идентичность через русский язык. Кроме того, необходимо учитывать, что среди молодого поколения русских Узбекистана высок процент выходцев из смешанных в этническом и религиозном плане браков / союзов, что вызывает сложности в этнической идентификации и отождествлении с конфессией.

Согласно официальным данным, имеющимся у автора, на 1 января 2018 г. из 32 656 660 жителей Узбекистана русские составляли 739 684 человека (2,3%) [3]. За предшествующие 28 лет их численность в республике снизилась более чем в 2 раза. Суверенизация в Узбекистане породила огромный исследовательский интерес к культуре и традициям титульного населения – узбеков. Русские как особая этнокультурная группа узбекского общества оставалась малоисследованной, хотя по всеобщему признанию русские в Узбекистане, несмотря на значительный миграционный отток, по-прежнему составляют достаточно серьезный интеллектуальный, культурный и экономический потенциал.

Специфика современного состояния православия в постсоветском Узбекистане еще не становилась объектом серьезных антропологических исследований. Сложность и многоплановость изучаемой научной проблемы требуют междисциплинарного подхода и новых источников, а именно интервью и наблюдений приходских священнослужителей. Статья написана на основе полевых материалов, собранных в 2012–2015 гг. в ходе реализации авторской научно-исследовательской программы, посвященной изучению этнокультурных особенностей русских Узбекистана в XX – начале XXI в.

Автор в 2012–2015 гг. проводила полевые исследования в Ташкенте, отдельных городах Ташкентской области, Фергане, Кагане (12 км от Бухары), фиксирующие этнокультурные особенности русских Узбекистана, в том числе и особенности приходской жизни православных. Было собрано около 60 полуструктурированных интервью по заранее разработанному гайду, опрашивались русские, татары, узбеки, таджики, немцы и другие – все те, кто входит в группу русскоязычного населения Узбекистана.

Православие на территории современного Узбекистана появилось в период освоения Туркестана во второй половине XIX в. и рассматривалось как государственная религия на окраине Российской империи. Православное вероисповедание обеспечивало связь переселенцев с государством в Туркестане, который в большинстве был заселен мусульманским коренным населением [4. С. 184]. Соответственно, это был важнейший идентификационный маркер русского населения. В условиях построения атеистической идеологии в советском обществе в 1920–1930-е гг. православие, как и ислам, потеряло свое первостепенное значение. Православная церковь пережила обновленческий раскол, разрушение храмов и соборов, сокращение числа православных приходов. Все это нанесло удар по верующим, снизило сакральное значение воскресенья и других православных праздников.

Ситуация изменилась после распада СССР и суверенизации Узбекистана. Правительство Узбекистана берет курс на суверенизацию общественно-политической жизни, в республике строится узбекское национальное государство, базирующееся на идее узбекского этноса, его истории, культуры и языка, другими словами, на ценностях «узбекчилик» (узбекскость). Согласно государственной идеологии, консолидация нации в постсоветском Узбекистане происходит на основе принятия меньшинствами ценностей «узбекчилик». При этом пропагандируются лозунги: «Узбекистан – наш общий дом!»; «Узбекистан – страна толерантности!». Государство обеспечивает равные права всем гражданам Узбекистана вне зависимости от этнической принадлежности и вероисповедания. В религиозной сфере провозглашаются принципы веротерпимости. Упомянутая выше модель нации-государства, взятая на вооружение правительством первого президента Ислама Каримова, борьба с религиозным экстремизмом в 1990-е гг. не позволили политизировать ислам, он оказался в сфере бытовой культуры и на том же положении, что и в СССР. Православие также не играет особой роли в иерархии идентичностей «светского» Узбекистана.

При этих условиях в постсоветском Узбекистане начался религиозный ренессанс в бытовой сфере, со-

проводившийся возрождением религиозного сознания, появлением всеохватывающей моды на «духовность». Во всех городах Узбекистана появились приходы Русской Православной Церкви (Московский Патриархат). В настоящее время в Узбекистане насчитывается 35 приходов. Все православные приходы Узбекистана подчиняются Ташкентской и Узбекистанской епархии (глава Среднеазиатского митрополичьего округа). Это не единственная форма самоорганизации русских: поддержкой со стороны государства пользуется Русский культурный центр, отделения которого есть во всех городах Узбекистана.

Эти положительные изменения совпали по времени с общим сокращением носителей православной культуры – русских, которое было связано как с естественной убылью, так и с миграционным оттоком. Деятельность Русской Православной Церкви (РПЦ) в республике строго координируется Комитетом по делам религий при Аппарате Президента Республики Узбекистан, и православным священнослужителям не рекомендуется заниматься миссионерской деятельностью за пределами православных приходов и храмов. У представителей РПЦ существует возможность работать с той частью русского населения, которая в силу исторического наследия отождествляет себя с православным христианством, но до сих пор не является воцерковленной.

Другой важной этнокультурной особенностью русских Узбекистана является то, что под воздействием процессов нациестроительства у них прослеживается тенденция к адаптации к культурным, религиозным традициям азиатско-мусульманского большинства, в том числе с помощью изменения идентификационных маркеров. Быстрее всего у русских размывается этническая идентичность. Связано это с тем, что еще с советского времени в Узбекистане поощрялись межэтнические и межконфессиональные браки для усиления интернационализма. В постсоветский период увеличилось число межэтнических союзов, реже браков, между русскими и представителями коренных народов региона (узбеки, таджики). У выходцев из смешанных браков и союзов возникают сложности с этническим самоопределением. В советский период дети из смешанных браков, где кто-либо из родителей был русским, чаще всего в паспорте записывались «русскими». При этом отождествление с религией либо не происходило, либо происходило на очень поверхностном уровне, так как в эпоху атеизма религия была под запретом.

В постсоветский период этническая идентичность и отождествление с религией становятся необходимыми в «национализирующемся» Узбекистане. В узбекских паспортах обязательной для заполнения является графа «национальность», которая диктует необходимость твердо определиться с этнической принадлежностью. Самоотождествление населения с религией чаще всего происходит на основе религиозной традиции предков. Носители русской культуры и языка, преимущественно из смешанных семей, легко изменяют свои идентификационные маркеры и подстраиваются под этническую принадлежность или религию большинства. Зачастую это решение связано с выбо-

ром дальнейшей стратегии на проживание в Узбекистане. Из интервью О., татарка, 39 лет, Ташкент:

«О.: Мама русская, папа – татарин, но всегда говорил только по-русски. Я в 16 лет пошла в церковь, хотела покреститься, мама меня отговорила. В 16 лет (1990 г. – Ю.Ц.) получила паспорт, была записана как русская. В 24 года я покрестилась, долго выбирала между православием и исламом. Но в 25 лет (1999 г. – Ю.Ц.) при получении нового паспорта переписалась под татарку.

Ю.Ц.: Почему в 25 лет записалась в паспорте как татарка?

О.Н.: Проживая здесь, лучше быть татаркой!» [5]

В данном случае выбор этнической принадлежности оправдан тем, что татары имеют промежуточный статус между «европейской» и национальной социокультурной идентичностью. Большинство татар отождествляют себя с исламом и всегда были ближе к узбекам. Это один из немногих примеров, доказывающих, что этническая идентичность русского / русскоязычного населения не является прочным идентификационным маркером в постсоветском Узбекистане.

В отдельных городах Узбекистана выделяются свои характерные особенности православного сознания верующих, и связано это с множеством факторов, в первую очередь с социально-демографическими характеристиками русских.

Город Ангрен, Ташкентская область, молитвенный дом в честь иконы Божьей Матери «Взыскание погибших»

Доля русских в Ангрене, по данным Государственного комитета статистики Республики Узбекистан, на 1 января 2015 г. составила 3 901 человек (2,6%) [6]. Накануне распада СССР, по данным последней Всесоюзной переписи населения 1989 г., русских в Ангрене насчитывалось 43 218 человек (31,4%) [7. С. 8]. Более чем в 10 раз снизилась доля русского населения, которое является потенциально православным. В Ангрене в демографической структуре русских преобладает население старших возрастных групп.

Несмотря на постепенный отъезд русских из Ангрена, с 1992 г. в городе действует молитвенный дом в честь иконы Божьей Матери «Взыскание погибших». Здание представляет собой небольшое одноэтажное строение – частный дом, который был выкуплен прихожанами и общими усилиями превращен в церковь. Настоятель молитвенного дома иерей А., приписанный к ангренскому приходу с 2009 г., сообщил, что в год совершается около 150 крещений, на воскресной службе регулярно присутствуют 50–60 человек, что свидетельствует об активной деятельности ангренского прихода среди потенциально православного населения (невоцерковленных русских, корейцев и др.) и «возвращении» русских из сект. К тому же православное население крупного поселка Нурабад (30 км от Ангрена) посещает ангренский молитвенный дом. После введения практики огласительных бесед перед крещением большинство крещаемых становятся активными прихожанами [8].

Кроме краткой характеристики, полученной у иероя А., в ходе полевых исследований в Ангрене в 2012–

2015 гг. были опрошены респонденты, отождествляющие себя с православием. Из 17 опрошенных автором русских / русскоязычных в Ангрене активных прихожан не встретилось. Крещенными оказались 8 респондентов, но все они не жили приходской жизнью ангренской общины, скорее, в Церковь приходили по нуждам, чтобы поставить свечи, заказать молебен и др. При этом практически все респонденты указали, что православные праздники, такие как Рождество и Пасха, отмечают, особенно на Пасху пекут или приобретают куличи, красят яйца. В интервью Е. из Ангрена было точно подмечено, что в настоящее время религиозный смысл православных праздников для верующих практически исчез: «*Я вижу, как наши девушки (коллеги по работе. – Ю.Ц.): «О! Рождество! Девчонки, отмечать будем?» То есть для них это застолье. Для меня – нет!*» [9]. В данном случае респондент указывает на потерю религиозной подоплеки престольного праздника, который превращается в ритуал для совместного времяпрепровождения.

У трех респондентов прослеживалась мысль, что ангренский молитвенный дом не похож на храм, в частности проигрывает в сравнении со Свято-Успенским кафедральным собором в Ташкенте. Из интервью Н.: «*Вот в Ташкенте церковь шикарная, а здесь – домик какой-то*» [10]. Респондентами в первую очередь оценивается внешнее убранство церкви, а не обрядовая сторона православия, никто не обратил внимание на то, с какой периодичностью приходской священник проводит службы в Ангрене, есть ли возможность исповедоваться и причаститься и др. Собранные в Ангрене интервью свидетельствуют о том, что опрошенные респонденты – это либо православные верующие, не живущие активной приходской жизнью, но помнящие о религиозных праздниках, соблюдающие атрибутику главного из них – Пасхи (куличи, яйца, поминовение усопших в Пасхальные дни и др.), либо атеисты. Из интервью Н.: «*Пасху обычно всеправляем, яйца красят даже татары, и дети-узбеки (имеет в виду учеников своего класса) яйца приносят в школу*» [10].

Другой респондент Ю. из смешанного брака, в котором мама – русская, папа – татарин, на вопрос о том, к какой конфессии себя относит, ответила: «*Я свободная*», – но при этом отметила, что посещает церковь изредка, так как «*когда дети болеют, какое-то облегчение испытываешь, когда стоишь под куполом церкви*» [11].

Кто-то из респондентов носит нательный крестик. При этом необходимо отметить, что православное сознание и серьезное отношение к христианским канонам (забота о бессмертии души через молитву, соблюдение постов, частую исповедь, Причащение Христовых Тайн и др.) не прослеживается ни у одного из опрошенных респондентов, хотя это не означает, что в городе не проживают воцерковленные православные.

У одной из опрошенных респондентов, которая была крещеной в детстве, но при этом не стала активной прихожанкой ангренского молитвенного дома, явно проявлялось смешение христианских элементов в сознании с суеверием. Из интервью О.: «*У меня дочь от мусульманина, говорят, что ее нельзя крестить, а я не хочу, чтобы она стала мусульманкой*» [12].

Низкий уровень православного самосознания отчасти объясняется тем, что на русское население в Ангрене наложил отпечаток опыт проживания в промышленных центрах, сложившихся в советское время, в которых отсутствовал молельный дом и прививались принципы материалистического мировоззрения.

Город Алмалык, Ташкентская область, Храм Успения Пресвятой Богородицы

Ситуация с православием в Алмалыке по сравнению с Ангреном отличается большей степенью религиозной активности в связи с большей долей потенциально православного населения – русских, хотя алмалыкская православная община обладает теми же чертами, что и ангренская – малая традиция воцерковленности населения, связанная с созданием здесь горно-металлургического производства в советское время. По воспоминаниям одной из респондентов, с 1963 г. в городе действовал молельный дом, который объединял всех православных верующих Алмалыка [13].

В Алмалыке с 1988 г. работает Храм Успения Пресвятой Богородицы, который был специально построен под нужды православной общины. Алмалык в постсоветский период сохранил основные производственные мощности города, поэтому отток населения из него не был таким масштабным как из Ангрена. На 1 января 2015 г. в городе из 121 097 человек проживали 30 266 русских (25%) [6]. Положительным фактом является то, что при храме работает воскресная детская школа. Настоятель храма в 2013 г. иерей И. сообщил, что в 2012 г. провел 700 крещений за один год [14]. В 2013 г. воскресные службы регулярно посещали 60–80 человек. При этом в Алмалыке оставались огромные возможности для работы с потенциально православным населением. В интервью иерей И. отметил, что одной из сложностей приобщения отдельных прихожан к православию стало смешение у них христианского мировоззрения с пристрастием к оккультизму, и это привело к тому, что в Храме Успения Пресвятой Богородицы в Алмалыке свечи на вынос за пределы храма не продавали [Там же]. Поверхностное восприятие православных канонов и традиций прихожанами и потенциально православными требует долгой и кропотливой работы приходских священников, особенно в индустриальных центрах, сформировавшихся в советское время.

В 2013 г. иерей И. по состоянию здоровья уехал в Россию. С 2013 по 2015 г. алмалыкский настоятель игумен Г. совмещал служение на приходе с послушанием в Ташкентской и Узбекистанской епархии; соответственно, настоятель приезжал к пастве на выходные и по православным праздникам. В Алмалыке были опрошены 4 респондента, двое из которых мусульмане, двое – люди пожилого возраста, которые не являлись активными прихожанами храма.

Город Фергана, Ферганское благочиние, Храм Сергия Радонежского

Город Фергана (Новый Маргилан) был основан в 1876 г. как военно-административный центр Российской империи, в котором в дореволюционный период был построен Храм Александра Невского, разрушенный в 1936 г. Специфика зарождения города, его про-

мышленная база обусловили этносоциальный состав его жителей с высокой долей русского населения. Фергана в советское время была молодым городом, культурной столицей Узбекистана, здесь были Русский драматический театр, собственная футбольная команда, Ферганский университет, пополнившийся в годы Великой Отечественной войны кадрами из лучших московских и петербургских высших учебных заведений. Этот город выделялся особым духом интернационализма [15. С. 20]. В 1946 г. советские власти разрешили открыть в Фергане Храм Сергия Радонежского, так как в дореволюционный период здесь существовал православный собор. В советской Фергане сохранился свой уникальный православный мир.

Постсоветская трансформация в 1990–2000-е гг. кардинально изменила этнический состав города. Большая часть русского / русскоязычного населения покинула Фергану. По данным на 1 января 2015 г. в городе проживали 268 064 человека, среди которых узбеков 244 317 (91,1%), русских – 7 973 (2,9%), корейцев – 1 864 (0,6%) [6]. Соответственно, Храм Сергия Радонежского лишился как активных прихожан, так и потенциально православных. Тем не менее в Фергане были предприняты действенные меры по сплочению православной общины.

С 2000 г. и по август 2014 г. (на момент полевых исследований в Фергане. – Ю.Ц.) настоятелем храма являлся протоиерей В., инициировавший организацию Школы юношества, которая включала не только организацию воскресных занятий с детьми прихожан. В Школе юношества занимались также дети не прихожан, были открыты различные отделения самодеятельности при храме – спортивные секции, занятия танцами и многое другое. На базе воскресной школы при Храме Сергия Радонежского постоянно проходили детские фестивали. Настоятель находил спонсоров, оплачивавших поездки детей в Москву и др. Вероятно, протоиереем В. была поставлена задача воспитания нового поколения православных, создавались условия для их прямого и косвенного участия в жизни храма и воскресной школы, православной среды в целом.

Диакон П., служащий при Храме Сергия Радонежского сообщил, что каждую субботу на вечерней службе присутствует 30–40 человек, воскресную службу посещают около 100 человек. На Пасху приходят гораздо больше – около 300 человек, причем не только православные: «*Интерес в Пасхе и православной обрядовости проявляют мусульмане. На Пасху они приходят с девками целоваться (христосоваться)*» [16]. Диакон Павел также отметил, что с введением огласительных бесед изменилось отношение прихожан к таинству Крещения, у прихожан появилась возможность более глубокого осмысления канонов православия и православной обрядовости: «*Раньше прихожане приходили как в магазин – быстро крестились и уходили. Но благодаря занятиям у нас появились люди. Если раньше 10–15 человек крестились в воскресенье, то сейчас 10–15 человек крестятся в месяц, но они приходят в храм постоянно*» [16].

В Фергане в июле-августе 2014 г. были опрошены 15 русскоязычных респондентов, среди которых 11 иден-

тифицировали себя как русские. Все они отождествляли себя с православным вероисповеданием, но церковь в Фергане посещали трое респондентов. Одна из респондентов С., русская, 68 лет, оказалась глубоко воцерковленной, знающей и выполняющей все каноны христианства. Ее родственником являлся протоиерей Владимир Сторожук, долгие годы являющийся настоятелем Храма казанской иконы Божьей матери в Коканде. Двое респондентов отметили, что ферганскую церковь посещают редко в связи со строгими порядками, установленными протоиереем В., связанными по большей части с требованием священника посещать огласительные беседы в течение трех месяцев перед крещением: «*Здесь батюшка требует ходить 3 месяца на огласительные беседы. А это тяжело для работающего человека*» [17]. В интервью А., русский, 64 года, объясняет ситуацию со строгими порядками в Храме Сергия Радонежского: «*У нас очень хороший батюшка, умный, толковый, правда, с характером, но волевой, такой эмоциональный. Прекрасно знает службу, понимает людей, там, где нужно, он решительный... При нашем батюшке, я до него знаю 6–7 батюшек, 5 наверное, никто не разговаривает, он это категорически не выносит. Тишина вообще идеальная в церкви*» [18]. Во время данного исследования ферганский приход был единственным, в котором строго соблюдалось требование прослушать 12 огласительных бесед.

Деятельность священнослужителей Ферганского прихода – один из примеров активной работы по сплочению православной общины города в условиях сокращения русского населения. По последним данным, на момент подготовки статьи диакон П. скончался через неделю после записанного интервью с ним, 12 августа 2014 г., протоиерей В. переехал в Россию в 2016 г.

Город Каган, Свято-Никольский храм

Город Каган (Новая Бухара) был основан в 1888 г. как русское поселение при Закаспийской железной дороге. Интересен тот факт, что Свято-Никольский храм в Кагане расположен в непосредственной близости от мечети. Каган был опорным пунктом российских имперских властей в непосредственной близости от Бухары, поэтому храм здесь существовал с 1892 г. Современное здание построено в 1968 г., его отличительной особенностью является иконостас, представляющий собой часть исторического иконостаса московского храма Преображения Господня, закрытого и взорванного в 1964 г. Официальной статистики по численности русского населения в Кагане нет. Настоятель храма иерей С. сообщил, что городе проживают 45 тыс. человек, из которых около 3 тыс. русских. Во всех службах и праздниках участвуют 15–20 прихожан, в основном, это люди старшей возрастной группы. Таинство Крещения проходят около 60 человек в год, часть из них крестятся перед отъездом в Россию из-за экономических соображений: «*Количество прихожан уменьшается, но среднее держится. По Пасхе видно, уменьшилось или нет. В Пасху даже ленивый приходит. Раньше в Пасху стояли во дворах, а сейчас стоят свободно в храме*» [19]. При церкви действует воскресная школа, но посещать ее практически некому,

так как мало прихожан с детьми. В Свято-Никольском храме применяется опыт огласительных бесед, при этом достаточно 3–4 занятий. К тому же иерей С. заметил, что огласительные беседы перед Крещением проходили и до 2011 г., т.е. до их официального введения.

Фиксируя ситуацию в четырех разных православных приходах Узбекистана, можно сделать общий вывод, что православие напрямую зависит от доли русских, потенциально православных, в составе населения урбанизированных центров. На условия и активность приходской жизни влияют экономические условия в городе, наличие работы, а также личность и харизма настоятеля. Священники выполняют чрезвычайно важную функцию – сохраняют православную религию и обрядовость в Узбекистане в условиях острой нехватки кадров священнослужителей, малой традиции восприятия религиозности русского населения и др. Также стоит отметить, что для большей части опрошенных респондентов характерно поверхностное отношение к православной обрядовости, которая, по сути, и составляет основу церкви. Это отчасти связано с тем, что для русских традиционная вера не приобрела былого значения, которое имела в дореволюционное время, несмотря на то что в 1990–2010-е гг. правительство И. Каримова предприняло меры по укреплению основных конфессий в государстве, в том числе и православия.

После распада СССР в Узбекистане для определенной части населения становится сложным соотнести себя с той или иной конфессией. Если в моноэтнических семьях русских процесс выбора религии проходит безболезненно, детей отождествляют с православием, то у русских из смешанных семей, т.е. метисов, самоидентификация по религиозному признаку размывается. Метисы – дети, рожденные от смешанных в этническом и религиозном плане союзов, – в настоящее время являются многочисленной группой в Узбекистане. Обычно это союз женщины-христианки и мужчины-мусульманина; и в каждом случае процесс определения религии для детей становится в условиях постсоветской действительности трудным выбором. Одним из выходов из сложившейся ситуации становится такой феномен, как *религиозный синкретизм* – соединение православной и мусульманской обрядовости. В смешанных семьях воспроизводятся обряды православия и ислама. Порой религиозные практики приобретают ритуальный характер. Из интервью В., 38 лет, русская, Фергана: «Вышла замуж за таджика, в семье воспитываем сына и дочь, говорим по-русски, хотя и сын, и дочь владеют узбекским. Все религиозные праздники отмечаем, и Пасху, и Хаит (Рамазан Хаит, Курбан Хаит – Ю.Ц.). На Пасху муж все яйца уносит в свою семью, к родителям. У нас нет разделения по религии и национальности. Узбеки на Хаит пловом угощают, ты куличи раздаешь на Пасху. Детей я крестила, сына крестила в Кувасайской церкви (Кувасай – город Ферганской долины, расположенный в непосредственной близости от киргизско-узбекской границы. – Ю.Ц.). Муж (таджик. – Ю.Ц.) с батюшкой договаривался о крещении, но обрезание сыну также будем делать» [17]. Случай этой семьи показывает, что оба родителя приобщены к исламской и православной обрядовой тра-

диции поверхностно, что позволило мужу не настаивать на смене религии женой и допускает выполнение обрядов Крещения и обрезания одновременно у сына.

Другой пример из интервью Ф., 19 лет, Алмалык, у которой в семье воспитывается сводный брат четырех лет:

«Ф.: У брата родители разные: мама – мусульманка, папа – христианин, и никаких конфликтов не возникает.

Ю.Ц.: Какую веру выберет брат?

Ф.: Он сам решит, когда вырастет, но отец сказал, что ему можно делать обрезание» [20].

Даже если в дальнейшем мальчик крестится, по мнению родителей, обрезание – ритуал, который не помешает приобщению к православной обрядовости.

Из интервью Э., Ташкент, татарка, 41 год:

«Э.: Мусульманские праздники большие значимы для моих родителей. Я люблю праздники, всевозможные Хаиты (имеет в виду Рамазан Хаит и Курбан Хаит. – Ю.Ц.) еще по детской традиции, просто потому что можно собраться семьей, а в мегаполисе для этого мало возможностей. Что касается православных праздников, то мы не так чтобы празднуем, но, во-первых, наша семья, мы же выросли в России, мы детьми красили яйца на Пасху. Для нас не было никакой религиозной подоплеки... Сейчас у нас в семье сноха (жена брата Э. – Ю.Ц.) русская. Она носит нательный крестик, ходит в церковь. Она, кстати, перед Пасхой печет куличи, освещает в церкви, мы у них на Пасху тоже собираемся и все это поедаем. Это, скорее, не столько даже религиозные какие-то вещи, а вот уже просто такие даже где-то бытовые. Ну, просто такие праздники, это обряд, за которым нет религиозного смысла.

Ю.Ц.: Какую религию выберут дети в семье Вашего брата, правильно я понимаю, что он мусульманин?

Э.: У моего брата сын и дочь, они пока некрещенные, да и не мусульмане. Хотя его сыну сделали обрезание. Но родители приняли решение, что выбор детьми религии должен быть осознанным. Я не могу сказать, что мой брат религиозный, что он прям себя мусульманином считает. Его жена более традиционная в плане религии» [21].

Стоит обратить внимание, что в последнем примере брат и сноха респондента – оба русскоязычные и разделяют «европейскую» идентичность. Эти идентификационные маркеры гораздо крепче религиозных предпочтений каждого из родителей. Религиозный синкретизм в смешанных семьях приводит к тому, что дети адаптируют религиозные обряды и из православия, и из ислама, и это свидетельствует, что религиозные традиции носят, скорее, ритуальный поверхностный характер, без глубокого осмыслиения обрядовой стороны и православия, и ислама. В статье священника Сергея Стасенко (Ташкентская духовная семинария) указывается, что дети-метисы, не определившиеся со своей конфессиональной принадлежностью, в дальнейшем могут так и не сделать выбор в пользу одной из религий и продолжать выполнять мусульманские ритуалы, одновременно накладывать на себя крестное знамение и произносить христианские молитвы [1. С. 311].

С. Стациенко отметил, что существует феномен религиозной раздвоенности, когда выходцы из смешанных семей отстаивают лозунг: «Веры бывают разные, но Бог – один», – он более всего присущ татарам в силу их тяготения к европейской культуре и ценностям и выбора в пользу ислама [1. С. 311]. В подтверждение этой версии хотелось бы привести выдержку из интервью О., татарка, 41 год, Ташкент:

«Я была на причастии в Храме на Боткинском. И, значит, я причастилась, и бабушки, и батюшка меня пригласили завтракать, у них после причастия внутри церкви внутренние работники кушают, там только по приглашению приглашают, то есть на кухню, очень вкусная кухня, там такая потрясающая каша была и все такое. И вот мы сидели, кушаем. Сидит узбек напротив меня, кушает, мы так все болтаем. Мы разговариваем с бабушкой, которая меня пригласила, и я ей говорю: «У меня такое лето тяжелое, вот впереди поминки бабушки, надо как-то все это сделать, тяжело. Еще мусульманский, все это выпало в Уразу (30-дневный пост у мусульман в месяц Рамадан. – Ю.Ц.). Мы делали вечером, получается, после ифтара» (вечерний прием пищи во время месяца Рамадан. – Ю.Ц.), а этот дяденька на меня так смотрит и говорит: «Мусульманка, что ли?» Я говорю: «Ну, бабушка – мусульманка! Я – крещенная, а бабушка – да». Я говорю: «Сейчас тоже надо, здесь за всех своих попросила в христианской церкви, сейчас надо в мечеть сходить». Он говорит: «Хотите, я Вам почитаю?» А я так обалдела, говорю: «Как?» А он говорит: «А я – мулла!» Я говорю: «Как мулла?», – у меня, видимо, на лице все это было написано, он смеется, говорит: «А Вы что думаете, у каждого Бог разный? Бог один»» [22].

Данный эпизод свидетельствует также и о той степени толерантности и веротерпимости, которая существует в узбекском обществе между представителями основных религий.

Другой важной особенностью православия, выявленной в ходе полевых исследований, является интерес коренного населения региона к православной обрядовости, святыням. В каждом приходе священники отмечают, что нередки случаи, когда мусульмане (чаще всего женщины) ставят свечки за здравие своих родственников, просят священника помолиться (к примеру, за мужа, который находится на заработках в России).

Иерей А. (Ангрен): «Приходят узбеки и спрашивают святую воду» [8]. Иерей С. (Каган): «Узбечки приходят, просят помолиться за них. Я им говорю: «Приходите, молитесь Николаю Чудотворцу», – они приходят. Святую воду просят постоянно, узбеки детей посыпают за неё. Им требуется даже больше, чем нам» [19].

Интерес к православию и православным святыням отчасти связан с трудовой миграцией и повышением статуса России в Узбекистане в 2000-е гг. В каждом приходе есть единичные случаи крещения мусульман. Мусульмане крестятся крайне редко из-за традиционности больших семей. К тому же Русская Православная Церковь не ставит своей задачей проведение миссионерской работы среди мусульманского населения. В ходе полевых исследований в Ташкенте в 2015 г. была опрошена казашка, 42 года, которая проживала

в браке с русским и приняла православие в Храме Георгия Победоносца мужского монастыря в г. Чирчик (30 км от Ташкента). Однако ей приходится скрывать этот факт от собственных родственников.

Приведенные факты требуют дальнейшего изучения и осмысливания, но уже сейчас стоит заметить, что они входят в диссонанс с мыслями, декларируемыми многими российскими СМИ о повальной радикализации и исламизации населения центральноазиатских республик, в том числе и Узбекистана. Хотелось бы подчеркнуть другую мысль: узбеки, не отказываясь от своей религии и обычая, очень восприимчивы и толерантны к другим культурным традициям, в том числе и религиозным. Из интервью Р., узбечка, Ферганы: «Я на Пасху пекла русским куличи, знаете, как у меня их разбирали?» [23]. В Ангрене на празднование Пасхи 20 апреля 2014 г. узбеки также покупали куличи, чтобы символически приобщиться к празднику либо поздравить православных родственников или соседей.

Сдерживает развитие православия в Узбекистане постоянное снижение доли русского населения, а также такие факторы, как нехватка религиозного воспитания, влияние ислама, поверхностное знание церковных обрядов, канонов. В большей степени эти тенденции проявляются в небольших городах, где доля русских быстро уменьшается, в церковь приходят прихожане старшего возраста, а у молодежи не хватает мотивации и времени, чтобы вникнуть в православную обрядность полностью. Выходцы из смешанных семей, русские, проживающие в небольших городах в мусульманском окружении постепенно приближаются к идентификационным маркерам мусульманского большинства, проживающего в Узбекистане. Как узбеки, так и русские с удовольствием поддерживают миф о том, что у русских в Средней Азии, благодаря положительному мусульманскому влиянию, выработалась стойкость к спиртным напиткам, в отличие от их собратьев в России и др.

Возвращаясь к вопросу о религиозном воспитании, диакон П. в 2014 г. в Фергане пояснил: «Если увидишь в церкви незнакомую женщину, прилично одетую, в платке, которая ведет себя скромно, значит, она из России» [16]. Все опрошенные настоятели храмов и молитвенных домов отметили, что практика огласительных бесед позволяет вести важную индивидуальную работу с прихожанами и приобщать их к православной обрядовости и ценностям. Это дает возможность сплотить православную общину через общие праздники, мероприятия, поддержку членов общины в сложных жизненных обстоятельствах и др.

Резюмируя вышеизложенное, хочется отметить, что православие в Узбекистане связано с судьбой русского населения. Несмотря на благоприятные условия для развития православия, создаваемые правительством Республики Узбекистан, дальнейшая судьба православных приходов городов Узбекистана будет зависеть от миграционной активности русского населения, а также процессов, происходящих с идентификационными маркерами русских / русскоязычных. Православные приходы в обозримом будущем, скорее всего, станут малочисленнее, но могут превратиться в сплоченные

общины. Поверхностные знания опрошенных респондентов о совершаемых в приходах православных обрядах свидетельствуют, что религиозные праздники и обряды носят, скорее, ритуальный характер. В условиях национализирующегося Узбекистана идентификационные маркеры русских / русскоязычных подстраиваются

под новые общественно-политические и социокультурные условия. Быстрее всего размываются этническая идентичность русских и отождествление с православием, более устойчивой основой идентификации русских / русскоязычных становится владение русским языком и «европейская» социокультурная идентичность.

Список источников

1. Стациенко С. Специфика современного конфессионального состояния православной диаспоры в Средней Азии // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Ташкент, 2010. С. 301–328.
2. Приход Русской православной церкви в России и за рубежом : материалы к изучению приходской жизни. М. : Изд-во ПСТГУ, 2018. Вып. 6. 376 с.
3. Материалы Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан № 01/4-01-19-477 от 03.05.2019.
4. Цыряпкина Ю.Н. Русские переселенцы в Туркестане в конце XIX – начале XX в.: основные социокультурные характеристики // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 183–187.
5. Полевые материалы автора (ПМА). 2013, Республика Узбекистан, Ташкент: О., татарка, 39 лет, высшее образование, журналист, август 2013 г.
6. Материалы Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан № 01/3-13-07/3-280 от 05.10.2015.
7. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Ташкентская область. Ангренский горсовет. С. 8–11 // Архив Хокимията г. Ангрен. [Без номера].
8. ПМА. 2014, Республика Узбекистан, Ангрен: иерей Алексей Балухатин, русский, август 2014 г.
9. ПМА. 2014, Республика Узбекистан, Ангрен: Е., русская, 44 года, химик, высшее образование, 24 августа 2014 г.
10. ПМА. 2012, Республика Узбекистан, Ангрен: Н., русская, 38 лет, учитель начальных классов, высшее образование, 5 августа 2012 г.
11. ПМА. 2012, Республика Узбекистан, Ангрен–Ташкент: Ю., татарка, безработная, 33 года, 18 августа 2012 г.
12. ПМА. 2012, Республика Узбекистан, Ангрен: О., русская, 26 лет, лаборант в химической лаборатории, 22 августа 2012 г.
13. ПМА. 2014, Республика Узбекистан, Алмалык: М., русская, 76 лет, пенсионер, учитель русского языка и литературы, сентябрь 2014 г.
14. ПМА. 2013, Республика Узбекистан, Алмалык: иерей И., русский, август 2013 г.
15. Цыряпкина Ю.Н. Русские в Узбекистане: языковые практики и самоидентификация (на примере полевых исследований в Фергане) // Томский журнал антропологических и лингвистических исследований. 2015. № 3 (9). С. 18–28.
16. ПМА. 2014, Республика Узбекистан, Фергана: диакон П., русский, 5 августа 2014 г.
17. ПМА. 2014, Республика Узбекистан, Фергана: В., 38 лет, русская, бухгалтер, 7 августа 2014 г.
18. ПМА. 2014, Республика Узбекистан, Фергана: А., 64 года, русский, преподаватель, 7 августа 2014 г.
19. ПМА. 2014, Республика Узбекистан, Каган: иерей С., русский, 5 сентября 2014 г.
20. ПМА. 2014, Республика Узбекистан, Алмалык: Ф., 19 лет, узбечка, август 2014 г.
21. ПМА. 2014, Республика Узбекистан, Ташкент: Э., 41 год, татарка, психолог, 9 сентября 2014 г.
22. ПМА. 2015, Республика Узбекистан, Ташкент: О., татарка, 41 год, преподаватель в лицее, сентябрь 2015 г.
23. ПМА. 2014, Республика Узбекистан, Фергана: Р., узбечка, пенсионер, 2 августа 2014 г.

References

1. Statsenko, S. (2010) Spetsifika sovremenennogo konfessional'nogo sostoyaniya pravoslavnoy diasporы v Sredney Azii [The specifics of the modern confessional state of the Orthodox diaspora in Central Asia]. In: Flygin, Yu.S. (ed.) Vtorye Vostokovedcheskie chteniya pamyati N.P. Ostromova [The Second N.P. Ostromov Oriental Readings]. Tashkent: Tashkent and Central Asian Dioceses. pp. 301–328.
2. Podlesnaya, M. (2018) Prihod Russkoy pravoslavnoy tservi v Rossii i za rubezhom : materialy k izucheniyu prikhodskoy zhizni [The Parish of the Russian Orthodox Church in Russia and Abroad: Materials for the Study of Parish Life]. Vol. 6. Moscow: St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities.
3. Uzbekistan. (2019) Materialy Gosudarstvennogo komiteta po statistike Respubliki Uzbekistan № 01/4-01-19-477 ot 03.05.2019 [Materials of the State Committee on Statistics of the Republic of Uzbekistan No. 01/4-01-19-477 of May 3, 2019].
4. Tsyryapkina, Yu.N. (2016) Russian settlers in Turkestan in the late 19th - early 20th centuries: the main socio-cultural characteristics. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 411. pp. 183–187. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/411/25
5. Tsyryapkina, Yu.N. (2013) Field materials. The Republic of Uzbekistan, Tashkent: O., Tatar, 39 years old, higher education, journalist, August 2013.
6. Uzbekistan. (2015) Materialy Gosudarstvennogo komiteta po statistike Respubliki Uzbekistan № 01/3-13-07/3-280 ot 05.10.2015 [Materials of the State Committee on Statistics of the Republic of Uzbekistan No. 01/3-13-07/3-280 dated October 5, 2015].
7. Uzbekistan. (1989) Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 g. Tashkentskaya oblast'. Angrenskiy gorsovet. pp. 8–11 [All-Union population census 1989, Tashkent region. Angren City Council. pp. 8–11]. The Archive of the Khokimiyat of Angren. [Without a number].
8. Tsyryapkina, Yu.N. (2014a) Field materials. The Republic of Uzbekistan, Angren: Priest Alexey Balukhatin, Russian, August 2014.
9. Tsyryapkina, Yu.N. (2014b) Field materials. The Republic of Uzbekistan, Angren: E., Russian, 44, chemist, higher education, August 24, 2014.
10. Tsyryapkina, Yu.N. (2012a) Field materials. The Republic of Uzbekistan, Angren: N., Russian, 38, primary school teacher, higher education, August 5, 2012.
11. Tsyryapkina, Yu.N. (2012b) Field materials. The Republic of Uzbekistan, Angren-Tashkent: Y., Tatarka, unemployed, 33 years old, August 18, 2012.
12. Tsyryapkina, Yu.N. (2012c) Field materials. The Republic of Uzbekistan, Angren: O., Russian, 26, assistant in a chemical laboratory, August 22, 2012.
13. Tsyryapkina, Yu.N. (2014c) Field materials. The Republic of Uzbekistan, Almalyk: M., Russian, 76, pensioner, teacher of Russian language and literature, September 2014.
14. Tsyryapkina, Yu.N. (2013) Field materials. The Republic of Uzbekistan, Almalyk: Priest Igor Skorik, Russian, August 2013.
15. Tsyryapkina, Yu.N. (2015) Russkie v Uzbekistane: yazykovye praktiki i samoidentifikatsiya (na primere polevykh issledovanii v Fergane) [Russians in Uzbekistan: language practices and self-identification (field research in Fergana)]. Tomskiy zhurnal antropologicheskikh i lingvisticheskikh issledovanii – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 3(9). pp. 18–28.
16. Tsyryapkina, Yu.N. (2014d) Field materials. The Republic of Uzbekistan, Fergana: Deacon Paul, Russian, August 5, 2014.
17. Tsyryapkina, Yu.N. (2014e) Field materials. The Republic of Uzbekistan, Fergana: V., 38 years old, Russian, accountant, August 8, 2014.
18. Tsyryapkina, Yu.N. (2014f) Field materials. The Republic of Uzbekistan, Fergana: A., 64 years old, Russian, teacher, August 7, 2014.
19. Tsyryapkina, Yu.N. (2014g) Field materials. The Republic of Uzbekistan, Kagan: Priest Sergey, Russian, September 5, 2014.
20. Tsyryapkina, Yu.N. (2014h) Field materials. The Republic of Uzbekistan, Almalyk: F., 19 years old, Uzbek, Lyceum graduate, August 2014.
21. Tsyryapkina, Yu.N. (2014i) Field materials. The Republic of Uzbekistan, Tashkent: E., 41 years old, Tatar, psychologist, September 9, 2014.

22. Tsyryapkina, Yu.N. (2014j) *Field materials. The Republic of Uzbekistan, Tashkent: O., Tatarka, 41, teacher at the Lyceum, September 2015.*
23. Tsyryapkina, Yu.N. (2014k) *Field materials. The Republic of Uzbekistan, Fergana: R., Uzbek, pensioner, August 2, 2014.*

Сведения об авторе:

Цыряпкина Юлия Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия). E-mail: guzvenko@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Tsyryapkina Yulia N. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: guzvenko@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.07.2019; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 09.07.2019; accepted for publication 06.05.2022

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

Научная статья

УДК 747(470.311)“16” + 902.4

doi: 10.17223/19988613/77/21

Изразец как явление русской культуры: источники и изучение

Светлана Измайловна Баранова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, svetlanbaranova@yandex.ru

Аннотация. В России изразец признан как первоклассный исторический источник. Приведена периодизация эволюции изразца, которая включает этапы расцвета рельефного изразца (XVI–XVII в.), европейской модели с эмалевой поверхностью и росписью (XVIII–XIX вв.), возрождения древних форм (вторая половина XIX в.), советского символизма. Изразец важен для изучения просвещения, освоения пространства, связей заказчика и мастера, межкультурных контактов. Затронуты вопросы атрибуции, датирования, хранения, каталогизации, архитектурной реставрации, терминологии, экспертизы на подлинность.

Ключевые слова: атрибуция, реставрация, история цивилизации, история печи, заказчик и художник, история технологии, архитектурная керамика, музейное дело

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-19-50310.

Для цитирования: Баранова С.И. Изразец как явление русской культуры: источники и изучение // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 174–188. doi: 10.17223/19988613/77/21

Original article

Tile as a phenomenon of the Russian culture: sources and study

Svetlana I. Baranova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, svetlanbaranova@yandex.ru

Abstract. Tile occupies an outstanding place among items left by material culture of Russia of the 16th–20th centuries. In Russia this name was assigned to a ceramic product that has a special construction for fastening to wall (a *rump*) and a décor on its face side. Décor of the 16th and 17th centuries could be relief or covered with glazing, plain or polychrome. In the 18th century tiles had a flat white enameled surface and painting. Both technologies are employed since the end of the 19th century. As the author proves, tiles in Russia originated in the West. Moreover, imaginative and technological impulses from the West came to Russia repeatedly. At the same time its assimilation and development in Moscow Tzardom and later on, in the Russian Empire made the tiles one of the principal markers of the national culture. In many respects it is connected with the use of tiles for furnace plating which is the central feature of traditional Russian homes. In Russia they were used widely – in decoration of facades of churches, palaces and other public places – as widely as they were used nowhere in Europe. Also, the use of tiles was immanent to the Russian architecture of the second half of the 19th–early 20th centuries, and to Soviet architecture of the 1930s–1950s.

Due to the long and active development, the tile has become a valuable historical source. It reflected refinement of technology, assimilation of new imaginative tastes, growth of striving to comfort in everyday life. Tiles in Russia played a considerable role as means of enlightenment, public communication, propaganda and for differentiating social status. Material of glazed tiles allows to solve the tasks of relations of social strata, mutual work of a customer and a performer, as well as ‘eternal’ issues of the Russian history. Spatial distribution of tiles also serves as a good marker of territorial movement of the culture (especially in territories beyond Urals).

Architects, historians and archeologists began to study the Russian tiles in the mid 19th century. By the beginning of the 20th century, technology historians and designers, including avant-garde artists and restorer architects, had joined the research. A special laboratory worked under the leadership of A. V. Phillipov.

Currently, working with tiles is extremely relevant for museums, because tile is a very numerous type of objects. Certain problems arise with ascertaining of items' originality. Dating of separate items also rises questions. Over the past 10 years, archaeologists have conducted a number of studies, the results of which have significantly changed the information base of the tile history. That can be said about the moment of its advent (excavations in Moscow Kremlin and Novodevichiy). Then tiles were transformed into high priority imaginative product due to construction of New Jerusalem monastery. A massive material is collected for the study of Russian tiles history in the new and newest time, up to the epoch of the avant-garde.

Keywords: interpretation, restoration, history of civilization, history of oven, a customer Key words and an artist, history of technology, architectural ceramics, museum business

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-19-50310.

For citation: Baranova, S.I. (2022) Izrazets as a phenomenon of Russian culture: sources and study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University Journal of History*. 77. pp. 174–188. doi: 10.17223/19988613/77/21

Современная наука рассматривает любое явление истории материальной культуры как потенциальный исторический источник, а прошлое в целом – как их совокупность. Дискуссии, обращенные к миру предметов (см. семинар «Вещь. Время и место». М.: РГГУ, 2021) привлекают сотни участников. Это объяснимо: функциональные изделия, изначально не предназначенные служить знаками, принимают их роль без переноса на вербальный уровень. Так, для советской эпохи стали эмблемами не только серп, молот и звезда, но и широко известные сегодня танк и автомат. Предметные общности значимы и как идентификаторы культурного пространства. Для Московских княжества и царства маркерами стали, например, изделия особого типа: надгробные плиты, антропоморфные саркофаги и другие вещи XIV–XV вв. В этот круг входит, охватывая гораздо более длительную эпоху, и русский изразец (о термине см. ниже).

Изразец украшал фасады зданий и печей с XVI–XVII вв. до середины XX в. Рождение новой вещи включает знакомство с неизвестным ранее типом изделия и попытки его воспроизвести. Позже начинается переработка, в методах которой скрыт механизм усвоения. Вряд ли можно найти в разнообразии предметного мира России XVI–XX вв. более яркую демонстрацию этого процесса, чем мир изразца. Он удивительным образом сочетает технологию с искусством, элитарность с доступностью, очевидную массовость с уникальностью отдельных проектов, копирование с творческой самостоятельностью. Отсюда – его значимость как исторического источника для изучения технологии, художественной культуры, символики, социальных отношений. Достоинством является сама временная протяженность, ведь большинство маркеров Московской эпохи не пережили реформ Петра Великого.

Это оценили еще в середине XIX в. архитекторы и художники, обратившись сразу и к образной переработке, и к изучению истории изразца. Формат статьи не позволяет подробно остановиться на историографии вопроса, но следует назвать имена И.Е. Забелина [1], Н.В. Султанова [2, 3], архимандрита Леонида (Кавелина) [4]. В XX в. умножились работы по технологии производства и художественной значимости изразца,

он занял важное место в трудах апологета строительной керамики А.В. Филиппова [5–7] и его последователей [8, 9], а также историка прикладного искусства А.Б. Салтыкова [10, 11]. Обилие изразцов в культурном слое сделало их особо значимыми для археологии XVI–XVIII вв. и уточнило их собственную хронологию (рис. 1).

В последние полвека интерес к изразцу стал взрывным. Сегодня, благодаря действующему Госкатаалогу Музейного фонда РФ, пересматривают или заново включают в научный оборот огромные собрания изразцов – раньше в музеях до них редко доходили руки. По-прежнему тысячи фрагментов ежегодно собирают при раскопках и при натурных исследованиях объектов архитектуры. Реставрация и музейная работа формируют запрос на атрибуцию, новую методику изучения (в том числе естественнонаучную) и разработку протоколов консервации, включая приемы воссоздания на основе репликации аутентичных экземпляров. Параллельно идет архивный поиск, открывая новые сведения о работе старых мастеров и художников-керамистов Нового времени, а также об открытиях ученых XIX–XX вв.

Все это сопровождают научные дискуссии, активная презентационная работа (выставки и создание постоянных экспозиций), образовательные программы разных уровней, включая производственные мастер-классы. Отражение процесса и в то же время его часть – вал публикаций, от непрятательных заметок до фундаментальных научных компендиумов. Показательное разнообразие! Среди плодов этого бума – подготовка диссертаций об изразцах по специальностям история, история искусства, археология, архитектура, музееведение и культурология [12–14]. Все это доказывает, что изразец – многоплановое явление, занимающее в русской истории и культуре особое место. Он заслуживает хотя бы общего обзора.

Настоящая статья представляет, во-первых, оценку сделанного в изучении изразца с характеристикой его функций и особенностей производства, места в быту, искусстве и культуре России. Во-вторых, заостряется внимание на актуальных проблемах атрибуционного анализа изразца как музеиного объекта и архитектурного элемента, нуждающегося в охране и реставрации.

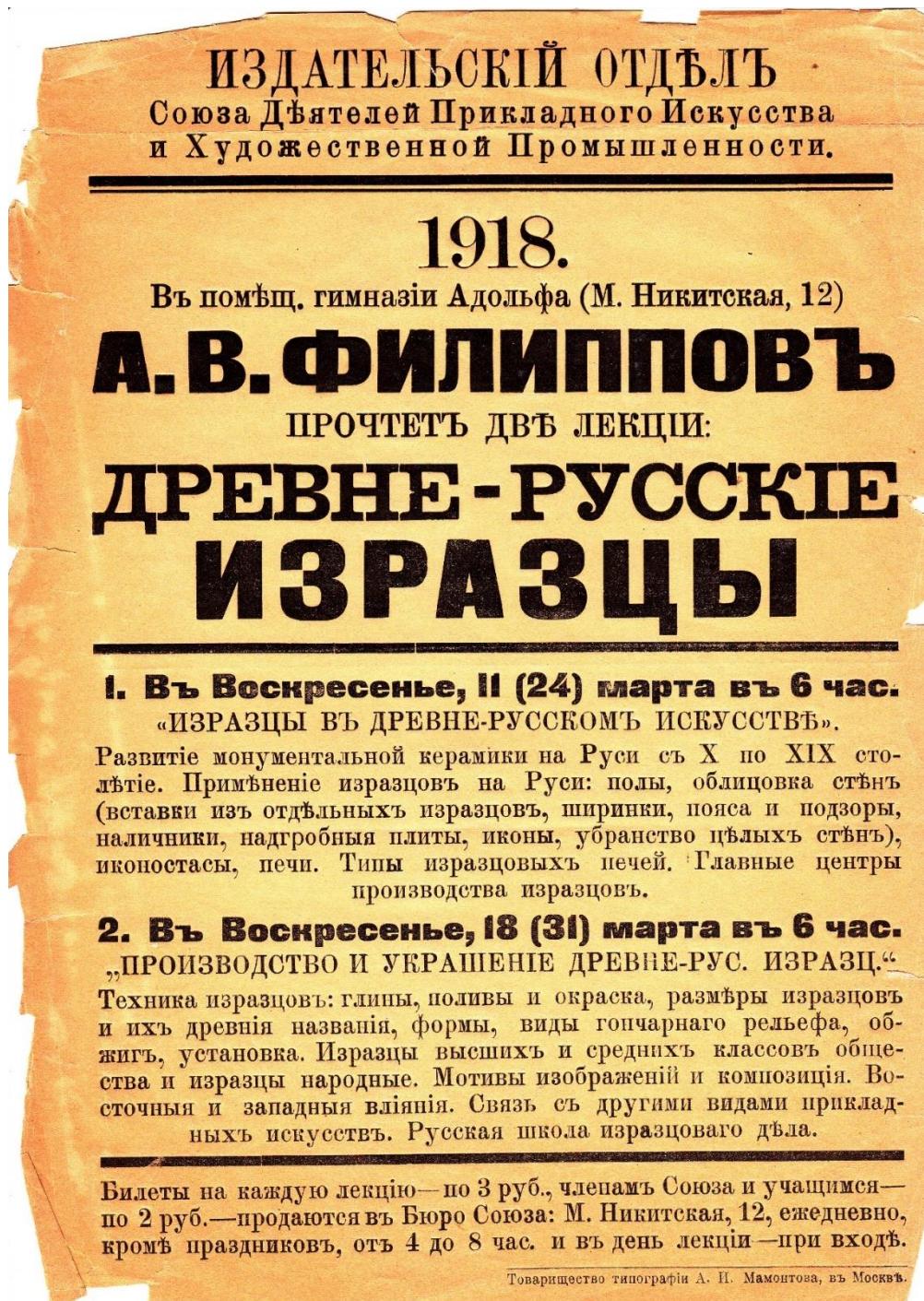

Рис. 1. Афиша лекций А.В. Филиппова «Древнерусские изразцы». 1918 год

По функции русские изразцы делятся на две группы. Первая неразрывно связана с фасадами зданий. Это орнаментальные (реже сюжетные) композиции, по информативной нагрузке и сакральному значению сравнимые с иконами, церковно-учительными текстами и храмозданными надписями. Как сложные, единичные или мало тиражируемые объекты, они отвечают высокому статусу зданий и сами повышают их значимость. Эти элитные, престижные модели создавались по специальному заказу княжеских и царских семей, церковных иерархов и верхушки посада (рис. 2).

Вторую группу образуют более распространенные, не столь дорогие и сложные элементы. Их широко

использовали в интерьере для декорации печей. Это не уникальные изделия, но и определение «массовые» к ним не вполне подходит.Правильнее называть их серийными, или тиражными; в литературе по прикладному искусству XIX–XX вв. их отнесли бы к дизайну. Это наборные элементы, стандартные детали, из которых составляли малые архитектурные формы. По сути, это рыночная продукция: было довольно просто купить или заказать у мастера-изразечника, гончара готовый набор для печи. Такие же печные элементы использовали как элементы фасадов, где они соседствовали с изразцами первой группы или заменяли их (рис. 3).

Рис. 2. Изразцовый декор церквей Теремного дворца Московского Кремля. Фото 1917 г. (архив автора)

Рис. 3. Изразцовая печь в Дымковской слободе Великого Устюга. Фото 1927 г. (архив А.В. Филиппова)

Однако особенно устойчиво изразец связан с русской культурой благодаря тому, что это узнаваемая часть архетипа русского сознания – *печи*. Именно в ней отражен процесс смены стилей, начиная с работ мастеров XVII в. до эпохи Брубеля и позже. Изразцовая печь не так элитарна, как монументальные постройки, ей находится место в интерьере деревянных домов горожан и крестьян, это типичное «искусство для среднего класса». Среди ее функций не только бытовая (отопление, приготовление пищи и др.) и декоративная, но и познавательная: в Московии, где визуальный мир ограничивался иконой, лубком, книгой с картинками (часто дорогой и элитарной), визуальный ряд изразцов, гораздо более доступный, постоянно присутствующий в доме, служил важным средством обучения, освоения культурного кода Европы.

Итак, изразцы – часть функционального архитектурно-строительного контекста. Но они и часть декоративного искусства, говорящая о художественных, культурных пристрастиях народа. С учетом технологии они помогают выделять отдельные этапы в истории культуры. В них отражены и заимствования, и путь переработки, и новый уровень своеобразия. За сменой типов изразцов и основанных на них конструкций скрыты особенности периодов русской цивилизации, переломные моменты в их развитии. В самом сжатом очерке это выглядит следующим образом.

Для появления изразца важной предпосылкой было знакомство с методом глазурования керамики стекломассой, который Киевская Русь унаследовала от византийских мастеров в X–XI вв. [15]. Он сохранялся вплоть до завершения удельного периода. Период ге-

незиса собственно изразца, серия ярких в социокультурном отношении, но дискретных опытов использования его в монументальном строительстве, растянут в Московии с конца XV до начала XVII в. В конце XVI – начале XVII в. формируется устойчивая традиция включать изразцы как конструктивный и демонстрационный элемент в фасады печей. С этого момента изразцовую печь делается неотъемлемым атрибутом

русского быта и культуры, меняясь только в техническом и художественном отношении. С начала XVIII в. русский изразец развивается целиком в русле европейского искусства. С середины XIX в. его средневековые формы становятся объектом изучения и подражания, а в XX столетии они переживают бурный расцвет в рамках художественного авангарда и советского символизма 1930–1950-х гг. (рис. 4).

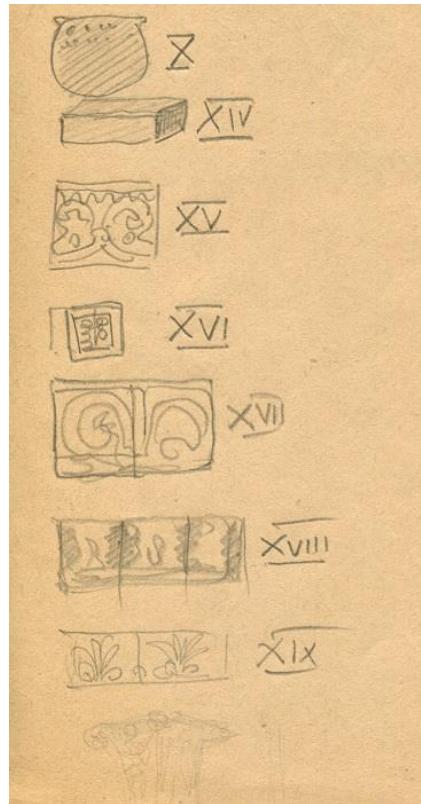

Рис. 4. А.В. Филиппов. Рисунок «Хронология русского изразца». 1920 г.

Сами эти этапы ясно показывают связь изразца с развитием Руси. Конец политической зависимости Руси от Орды и начало трансформации великого княжества в царство знаменует приглашение в Москву мастеров итальянского Возрождения – в результате видим появление в конце XV – XVI в. рельефных фризов из терракоты, с классическими архитектурными обломами и орнаментами [16]. За ними следуют опыты адаптации техники глазури для деталей полихромных вставок (собор Покрова на Рву и др.) [5, 17] и иконные панно Старицы и Дмитрова (до второй половины XVI в.) [18, 19]. Ко второй половине правления Иоанна Грозного восходит эпизодическое появление белоглиняных рельефных изразцов с кессонами и аканфом (в печах Александровой слободы и Кремля) [20], а эпоха Бориса Годунова и последовавшая Смута отмечены достоверно датированными изразцами Борисова городка [21], усадьбы в Вязёмах [22], Тушинского лагеря [23] и слоя пожара 1611 г. в Новодевичьем монастыре [24]. Это явные свидетельства запроса на более высокий уровень комфорта и демонстрации статуса. Сплочение городов вокруг новой династии иллюстрируют украшенные изразцами фасады церквей, ктиторами которых выступали богатые посады. Подобным же образом новые

этапы истории изразца оказываются связанны с событиями середины и второй половины XVII в. («царства изразцов», по выражению Н.В. Султанова) [2. С. 12].

Рельефная цветная архитектурная керамика во многом заменяла на Руси дорогие и, как правило, недоступные природные отделочные материалы, а также их имитации, такие как искусственный мрамор. С их появлением в XVIII в. и с приходом в архитектуру европейских моделей яркое изразцовое убранство было вытеснено с фасадов. Это один из малозаметных, но значимых результатов архитектурной революции Петра I.

Но изразец не прекратил развитие: он активнее вторгся в интерьеры, где начала распространяться стенная плитка с росписью и появились более сложные формы печей из гладких изразцов, которые в XVIII в. примут отчетливо европейский облик: гладкая поверхность лицевой пластины;держанная на первых порах цветовая гамма и разнообразие сюжетов, выполненных росписью без рельефа [25–28]. Активизируется и роль изразца как элемента социальной коммуникации. Беспредентные по объему культурные новшества сменили жизненный антураж, на их основе создается европеизированная версия русского быта,

фактически чуждая крестьянскому да, отчасти, и посадскому жителю. Но человек нового общества должен был учить новые культурные коды, в том числе – язык европейской эмблематики. В этом ему помогли новые типы изразцов [29, 30]. Уже их гибридные, переходные формы включали сюжетные вставки с росписью [31]. Их источником служили иллюстрированные издания европейских книг, гравюры (в том числе лубок) и сборники эмблем, популярные в XVI–XVII вв. Европе, а с начала XVIII в. оцененные и в России. Их распространение позволяло относительно легко опознавать сюжеты по одной фразе-девизу или изображенным деталям, поддерживая со зрителями (иначе не назовешь людей, которые собирались у печей в XVIII–XIX вв.) своеобразный диалог, так ясно описанный М.В. Булгаковым в «Белой гвардии», где кафельная печь сохраняет древние функции «домашней энциклопедии» и поля для злободневных дипинти.

В XIX столетии производство изразцов в основном переместилось в фабричные цеха. Возможно, это столетие так и осталось бы веком фабричного изразца, если бы к древней традиции не обратились великие русские художники и архитекторы. Исходной точкой вновь стала рефлексия новых художественных идей, рожденных в атмосфере Европы эпохи романтизма и эклектики. Историзм вернул жизнь архитектурной глазуревой керамике, которой суждено было стать одним из маркеров модерна. В рамках этого романтического дискурса обращение к искусству собственного Средневековья стало возможным и в России. Но здесь не нужно было преодолевать многовековую толщу, как в Англии, Франции и Германии, – русское искусство могло заимствовать мотивы, которые воспринимало как народные и национальные, чуть ли не у живых носителей: совсем недавно, до середины XVIII в., они легко восполняли утраты на стенах храмов изразцами собственного производства.

Представители художественных течений середины XIX – начала XX в. пытались использовать эти уходящие ремесленные методы работы с традиционными материалами Средневековья, в том числе с обожженной глиной. Михаил Врубель в маскарадах и каминах возвысил ремесло керамики до уровня высокого искусства. Его творения – прямая родня книжным переплетам, домотканым материям и рукописным книгам европейских собратьев-художников, прежде всего Уильяма Морриса, которые также считали процесс ручной работы составной частью искусства и охотно брали уроки у ремесленников.

В итоге единство архитектуры и изразца, столь яркое в зодчестве второй половины XVII в., проявилось на рубеже XIX–XX вв. с новой силой. Возможности воплощения монументальных образов инициировали создание керамических панно,красивших в начале XX в. статусные общественные и частные постройки: храмы, гостиницы, вокзалы, банки, городские усадьбы. Само перечисление имен (М.А. Врубель, В.М. Васнецов, многие другие) убеждает в исключительной важности этих экспериментов для художников и архитекторов России [32–34]. Они уделяли изразцу несравненно большее внимание, чем другим архитектурным дета-

лям, передавая через него самую суть позднесредневекового русского искусства, его стремление к цветистости и восхищение новыми технологическими возможностями. Словом, ту же атмосферу, которая сопровождала закат древнерусской культуры.

Это возвращение было не только данью изобильному изразцовому убранству *старых* городов России, – его ждало славное продолжение в виде плиток и изразцов стен метрополитена и павильонов ВДНХ. Ведь течение производственного дизайна строительных материалов, возглавленное А.В. Филипповым, сформировалось в той же атмосфере. Начиная как один из художников-реконструкторов народных традиций в эпоху модерна, он обратился и к изучению русского изразца, а после революции возглавил лабораторию проектирования архитектурного декора «Керамическая установка». В 1930-х гг. работники «Установки» решительно взялись за разработку и внедрение в производство новых видов керамических облицовок для Дворца советов, затем использованных на практике в оформлении Московского метрополитена и других крупных объектов. Правда, масштаб этой деятельности открылся нам только недавно, после публикации части архива лидера движения, ученого и художника-практика [35].

Таковы в самом кратком очерке история и оценка значения изразца в русской культуре. Выделим теперь из этой картины хотя бы некоторые проблемы, в которых изучение изразца особенно ярко рисует его роль исторического источника. Выберем три примера: освоение пространства складывающейся империи; отношения заказчика и мастера; контакты с культурой Востока и Запада.

Расцвет производства изразцов в Московском царстве определили два центра: Новый Иерусалим и особенно Москва. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь в середине XVII в. стал точкой формирования особого стиля в архитектурном декоре, где изразец оказался вторым (после пространственно-символического решения собора) средством воплощения уникальной идеально-художественной программы патриарха Никона [36, 37]. Вскоре изразцы обрели свойство элемента, объединяющего формирующееся общекультурное российское пространство и распространяемого из Москвы.

Отсюда изразец нашел дорогу в другие города, куда его поставляли (или куда перемещались сами мастера) и где путем копирования и переработки сложились локальные варианты «московского» направления. Это объяснимо: организационные и финансовые возможности столицы, на время предоставленные и монастырю, были выдающимися. Здесь были доступны многие европейские технологии, здесь знали и о западных вкусах. В результате через хорошо известный механизм подражания придворным элементам в оформлении государственного и церковного быта складывалась общая мода.

Можно сказать, что изразцы всей страны, широко востребованные в провинции, остались явлением единой московской культуры. Это удобно для ученых: углубленно изучая изразцы Москвы, они получают

возможность понять быт и вкусы эпохи в целом. Изразец стал истинно общероссийским явлением: к Москве и Новому Иерусалиму вскоре добавились Смоленск и Тверь, города Русского Севера и Поволжья от Ярославля, Углича и Балахна до Астрахани, центры Сибири, а в начале XVIII в. и Санкт-Петербург. Карта распространения изразца со второй половины XVII в. и карта страны точно совпадают, причем граница распространения изразца движется вместе с границей огромного русского государства [38]. Хотя региональные (локальные) центры производства вполне сформировались, заметно и сохранение определенного производственного стандарта на всем обширном пространстве. Это же касается и сюжетов и художественных особенностей. Причина не только в подражании центру, но и в тиражном характере предмета: мастера усваивали определенную технологию и ориентировались на сходные заказы по оформлению фасадов и интерьеров статусных зданий, включая их печи, важную для национальной культуры архитектурную форму.

Описанная картина строится не только на документальных свидетельствах (они немногочисленны), но и на процессе изучения генезиса технологий, орнаментов и архитектурного использования региональных школ [39, 40]. Это обеспечивает дальнейшее типологическое и технологическое сравнение. Так установлено происхождение от московских прототипов памятников изразцового дела Вяжищского монастыря и Ярославля, Углича и Устюга, Сольвычегодска и многих других (в XVI–XVII вв. практических) городов. Привезенные из Москвы образцы, усвоенные приемы и мотивы рождали местную традицию, державшуюся десятилетиями за занесенные издалека новации, давно ставшие архаикой в центре. Подобные «культурные резерваты» уже открыты на Русском Севере и в Сибири [41], но они не до конца изучены, что порождает иногда фантомные картины (так в истории русского искусства появился в свое время термин «северодвинская школа» для характеристики архаичных для XVIII в. изразцов Великого Устюга) [42].

За переменами в архитектуре и искусстве стоят не только исторические события, но – еще в большей степени – конкретные исторические личности, заказчики. Это полностью справедливо для такой высокотехнологичной сферы, как изразец, где многое зависит от возможности собрать и оплатить все необходимое, включая специалистов. Это равно справедливо и для XVI в., где за изразцовыми вставками и керамическими иконами видна воля царского двора, и для XX в., когда облицовки Московского метро вызывает к жизни воля страны Советов. Соответственно, возможен обратный ход – от готового изделия к его заказчику. Он особенно важен для эпох, когда о взаимоотношениях мастера и ктитора не узнать из письменных документов, и нужно привлекать сооружения. Эта модель использована для анализа архитектуры второй половины XVII в. с многоцветным изразцовым декором, за которым стоит вполне определенный в социальном и личном отношении круг заказчиков. Изразцы украсили в это время дворцы царя и высших церковных иерархов, официальные постройки (приказы) и храмы,

а также здания, построенные по заказам торгово-промышленного посада.

Процесс определяли особым политическим обстоятельством: война с Речью Посполитой позволила привлечь к работе квалифицированных мастеров и художников западной выучки. Но такие возможности были доступны в первую очередь высокопоставленным заказчикам, таким как патриарх Никон. Его деятельность, к которой он привлек западнорусских мастеров, вышла за рамки простого заказа. Она впервые в полном масштабе раскрыла возможности керамики как архитектурного декоративного элемента и дала мощный толчок дальнейшему ее развитию. В результате изразцы стали одним из главных продуктов, своего рода брендом иностранных слобод, одной из которых, наряду с Мещанской или Немецкой, следует видеть и Новый Иерусалим (по крайней мере в эпоху его строительства).

Конечно, условия «творческой лаборатории» Нового Иерусалимского монастыря были уникальными, но роль заказчика в развитии «изразцовой архитектуры» выявляется и в других случаях. Она широко представлена среди зданий Москвы, имевших важное политическое и градостроительное значение. Здесь ее заказчиками в первую очередь выступили Романовы, их первые постройки вызвали волну подражаний в ближайшем окружении, а кремлевские изразцовые декорации усилили ее. Следом за царской семьей храмы украшают изразцами выдвинувшиеся при новой династии представители придворных кругов: глава Посольского приказа боярин А.С. Матвеев, князь М.Я. Черкасский и В.В. Голицын, многие другие. Во второй половине столетия вырастает и активность приходского каменного строительства, отнюдь не уступающая по объемам придворному и монастырскому [43]. Новые формы декора в дворцовой архитектуре, став эталоном, усваивались и зодчеством посада, причем не только московского, но и крупных купеческих городов, первым из которых стал Ярославль [44, 45].

Механизм взаимодействия заказчика (им мог быть и подрядчик) с исполнителем предусматривал художественное решение, которое зодчий должен был воплотить, привлекая к поставке изразцов особого мастера или используя готовую продукцию, которая была в предложении на рынке. В этом случае на облицовку шли изразцы стандартных размеров и форм, привычных для печей; их можно было также заказать по образу готовых. Но крупноформатные изразцы и составные панно, вообще сложные композиции изготавливали специально, по предварительным заказам, по индивидуальным формам и, возможно, рисункам.

Уровень технологий этого периода позволил освоить массовое производство такого сложного продукта, как изразец. Археологические раскопки в Новом Иерусалимском монастыре предоставили материальные свидетельства проведения широких экспериментов по изготовлению изразцового декора не только для собора Воскресения, но и для небольших каменных построек Нового Иерусалима, таких как каменная надкладезная часовня «с ангелом», «старые каменные службы» у западной стены и др. Эксперименты по

изготовлению архитектурной керамики шли в нескольких направлениях и дали весьма необычные результаты, часть которых была в дальнейшем отвергнута, а часть использована [46].

Изучение истории изразца не только раскрывает перипетии развития вкусов, быта, культуры, индустрии в России. Оно позволяет с поразительной наглядностью и четкостью решать многие «вечные вопросы» русской культуры как части мирового культурного пространства. Именно здесь процесс и формы усвоения новшеств, ход аккультурации и ее объем позволили внести вклад в разработку коренной дилеммы Восток / Запад. Этот вектор исследования привел к конкретному культурно-историческому выводу: конструкции, формы и технологии изразца пришли в Москву из внешнего, западного, мира. Иными словами, развитие декоративной архитектурной керамики предстает чередой культурных импульсов [47].

Установлены фундаментальные и прямые заимствования технологий, сюжетов, композиций. Выше сказано о связи архитектурной керамики конца XV–XVI вв. с передовой индустриальной провинцией майолики, Италией. Изразцы XVII в. уводят в другую часть Европы – на восток ее центральных и южных территорий (современная Беларусь, входившая в состав Речи Посполитой, и др.). Намеченный гораздо раньше процесс усвоения западными русскими землями европейских художественных тенденций совпал по времени с этапом становления печного изразца как новой формы архитектурно-декоративной керамики в Германии, Чехии и Польше, а также в ряде альпийских стран.

В этот культурный процесс почти сразу была органично включена (напомним о схожести климатических условий) вся Восточная Европа. Об этом говорит возникшая примерно в XV в. синхронность развития стадиально однородных явлений в западно- и восточноевропейском изразце. Мастера, взятые в середине и второй половине XVII в. из польско-литовских земель (документы называют их литвинами или поляками) прошли европейскую выучку и были носителями западной художественной традиции. Это объясняет нам общие мотивы композиций и сходные (классические в основе) орнаменты западноевропейских, польско-литовских (белорусских) и русских изразцов, причем не только в уровне сюжета, но зачастую и в детальном сходстве элементов.

Таков лишь один из примеров, рисующих генезис и культурную основу русского изразцового искусства. Не менее убедителен пример печных изразцов XVIII в., основное направление в производстве которых осознанно и явно подражает западным образцам.

Поразительно, но, прия извне, изразец в художественном отношении стал ярчайшим элементом *русского* искусства. Русскую «кафлю» не спутаешь ни с западноевропейской майоликой, ни с ее дериватами в странах Центральной Европы, ни, тем более, с поливным кирпичом и декоративными панно Востока (о них как о возможном источнике русского изразца писали с XIX в. и до 1920-х гг.).

Актуальность глубокого изучения изразца, этого яркого исторического источника, проявилась в послед-

нюю четверть XX в. как никогда ранее. Изразцы в музеиных собраниях стремительно умножаются из-за интенсивных архитектурно-археологических и реставрационных работ. Они требуют надежной атрибуции и статистической обработки, позволяя использовать результаты анализа при датировании, что невозможно без классификации. Их к настоящему времени несколько, причем цели и уровни построенных структур различаются. Методику формально-морфологического (но при частичном учете технологии) описания изразцов разработали ученики Ю.Л. Щаповой [48] Ю.А. Лихтер и др. [49, 50], однако в практической работе археологов и музейных сотрудников она не применяется. Н.И. Немцова создала свою классификацию, зависящую от принадлежности изразцов к одному из типов печей («готический», «ренессансный», «современный»), но связь малых архитектурных форм с их элементами не является модульной, устойчивой [51]. Простую и логичную систему распределения изразцов на основе культурно-исторических этапов предложил Л.А. Беляев [52], она ориентирована на статистическую обработку при археологических раскопках, но применяется и для музейного описания.

Методика работы с изразцами в музеях образует особый раздел их изучения. Массовая каталогизация в рамках создания Госкатаалога Музейного фонда РФ поставила на первый план первичную атрибуцию музейных памятников¹. Это фундамент для работы по углубленной каталогизации, комплектованию музейного фонда, учету для научно-исследовательской, образовательной и научно-популяризаторской деятельности. От хранителя требуется не только владение общими принципами и критериями атрибуции, но и серьезное знание общей истории керамического, прежде всего изразцового, производства.

Начальный этап в первичной атрибуции – выявление атрибутивных характеристик и связанная с этим необходимая критика источников. Традиционная искусствоведческая атрибуция предметов искусства подразумевает установление множества характеристик: времени и места создания; авторства; функциональных особенностей; социальной значимости; техники исполнения и др. В силу особенностей материала практически невозможно проведение технико-технологической экспертизы с привлечением специального оборудования для анализа использовавшегося сырья, техник и методов его обработки, химического состава красок и глазури, орудий производства для определения наиболее точных показателей указанных свойств. Поэтому следует полагать, что абсолютное большинство атрибуционных описаний, исполняемых сейчас широким кругом специалистов, составлено преимущественно путем визуального анализа. А его качество, в свою очередь, зависит от уровня погруженности музейного сотрудника в материал («знаточства»), а также наличия и проработанности архивных материалов и научных исследований.

Уже на этапе первичной атрибуции можно наблюдать неожиданные, на первый взгляд, проблемы. Достаточно обратиться к Госкатаалогу Музейного фонда РФ, чтобы отметить несовершенство терминологии,

ограниченность понятийного аппарата, отсутствие четкости в названиях и определениях, терминологической точности в описаниях, многочисленных расхождений в датах (при этом необоснованно широких) и др. Все это свидетельствует, что изразцы как целое, как особая область источников в сфере материальной культуры, недостаточно изучены. В ряде случаев можно говорить не только о необходимости уточнения, но порой и опровержения данных, представленных в каталогах. И это характерно не только для памятников, относящихся к эпохе позднего Средневековья, XVI–XVII вв., но и для более поздних предметов, вплоть до настоящего времени.

Несмотря на то, что изразцы изучают в России уже более столетия, уязвимым местом в их атрибуции остаются вопросы терминологии. Первую классификацию изразцов «сообразно их назначению в кладке» предложил И.Е. Забелин, проявив понимание неразрывной связи изразца с монументальными памятниками истории и культуры, прежде всего церквями, другими зданиями, производственными сооружениями [51]. В настоящее время, напротив, наблюдается расплывчатость и путаница терминов.

Нечетко сформулировано в российской научной литературе уже само определение предмета: «изразец» или «плитка»? Изразцами, в том числе и в современной литературе, зачастую называют и облицовочную плитку (ее лицевая пластина напоминает изразец, но без румпы), и облицовочный (лицевой) толстостенный кирпич (по форме тождественный строительному кирпичу, лицевая поверхность которого специально обработана, или весь он исполнен из особой керамической массы). Порой эти два термина употребляются одновременно (например: «изразцовая плитка»). Часто их используют для описания схожих по функциям объектов, которые по конструкции совершенно различны. Маркирующим признаком должно считаться устройство предмета, наличие (у изразца) румпы или ее отсутствие (у плитки и кирпича).

Об этом же справедливо написал еще А.В. Филиппов: «В нашей искусствоведческой и археологической литературе все эти понятия часто смешиваются, или термину “изразец” придается расширенное значение, без учета производственных и строительных особенностей каждого из перечисленных видов керамических изделий...» [35. С. 462]. Сложившееся и устойчивое определение звучит так: «...изразец, или кафель (от нем. *Kachel*, лат. *calculus*), – глиняная обожженная плитка, имеющая на задней стороне румпу (нем. *Rumpr*), т.е. глиняную коробку, помогающую прикреплению изразца к кладке» [Там же]. Заметим, что, судя по документам XVIII в., изделия делились на «плитки» и изразцы – «обрасцы», или «кафли», пример чего – письмо Петра I Куракину: «...плитки, ежели еще не отпущены, то велите приказать отпустить самые лучшие, которыми окна выкладывают и чтоб по оным синею краской было написано, а не красною, так же как печи были б самой доброй работы гладкие обрасцы синей краской выписаны» (цит. по: [56. С. 111]).

Название обязательной детали изразца, «румпа», также претерпело изменения: до начала XX в. бытова-

ло название «рюмка», но сегодня такое употребление выглядит архаикой, хотя изредка используется [57]. Зато старорусские термины оказались устойчивыми и удобными. Такие термины, как «муравленные» и «ценинны», появляющиеся в документах с XVII в., уверенно использованы в разработанной в Институте силикатов в 1928 г. «Классификации керамических изделий» А.В. Филиппова и Б.С. Швецовым [58].

Больше вопросов вызывает употребление термина «майолика» применительно к изразцам. Этимологически оно связано, как известно, с островом Майорка, откуда в Европу в XIII–XV вв. поступала испано-мавританская керамика, под влиянием которой сложилась местная художественная индустрия, получившая соответственное название. В Италии майоликой в период расцвета ее производства называли керамические изделия с пористым цветным черепком, покрытые непрозрачной белой глазурью (эмалью) и расписанные по сырой эмали керамическими огнестойкими красками. В русской литературе термин «майолика» отмечен только в 1795 г. в статье «Письма к даме о познании разных товаров щегольства», вошедшей в издание «Магазин общеполезных знаний и изобретений» в качестве специального названия для итальянских изделий XVI в. [59] В конце XIX – начале XX в. в русской художественной среде изразцы XVII в. стали называть «майоликой»². Позднее этот термин взяли на вооружение крупнейшие советские исследователи керамики А.В. Филиппов [61], С.В. Филиппова [62] и А.Б. Салтыков³. С этим определением технологов фактически смыкается мнение искусствоведов, которые считают майолику, наряду с полумайоликой и тонким фаянсом, разновидностью фаянса. Т.И. Дулькина говорит о двух пониманиях термина майолика: «Майолика в первоначальном смысле слова (с цветным толстым черепком и росписью по необожженной эмали) уступила место майолике современной (с белым черепком, политым цветными глазурями)» [63]. В.Ю. Коваль подходит к делу еще шире и предлагает считать майоликовыми все глазурованные керамические изделия, изготовленные из обычных глин, независимо от цвета обжига [64. С. 20, 264], что представляется логичным.

Чтобы выйти из этого терминологического разнобоя, следует либо признать термин «майолика» синонимом поливной керамики с цветным черепком – от светло-кремового до темно-красного, либо оставить его только для импортной испанской и итальянской продукции, к которой он изначально прилагался, тем самым разорвав вполне достойную традицию, которая сложилась в России с конца XIX в. Последнее явно невозможно хотя бы по принципу Оккама.

Разумеется, первый вопрос атрибуции – определение подлинности предмета, ведь подделки в области керамики распространены, по выражению Салтыкова, «едва ли не больше, чем в любой другой отрасли материальной культуры». Правда, это почти не касалось до сих пор архитектурной керамики, изразец этой части избежал. Однако, к сожалению, не все так просто. Принципиальная методическая установка в вопросе определения подлинности касается изразца в той же степени, как и других керамических изделий, уже в силу

того, что многие изразцы в период бытования зданий, которые они украшали, становились объектами ремонтного копирования, т.е. добросовестной подделки. Часть их сохраняется и в настоящее время на памятниках архитектуры, причем понятие «сохраняется» здесь весьма условно. Зачастую нам предстают не первоначальные, оригинальные, изразцы, а их более поздние реставрационные копии, выполненные с той или иной степенью тщательности. Реже копии встречаются на печах (обычно печи разбирали целиком), но полностью исключить случаи дополнения более поздними изделиями нельзя (об этом свидетельствуют и наблюдения археологов). При этом необходимо иметь в виду, что и в музейные собрания могли попадать такие вторично исполненные подражания – особенно в тех случаях, когда здания разбирались целиком [65].

Такие копии, однако, часто полезны для истории декора конкретного памятника, так как они могут донести до нас облик первоначального убранства, по тем или иным причинам утраченного. По ним приходится подчас изучать оригиналы-прототипы. Они, впрочем, важны и сами по себе, как свидетельства по истории реставрации, развития строительной техники, изобразительного искусства. Появление таких копий образует своеобразный пунктир, который соединяет зодчих-реставраторов и их предшественников, создателей объекта, сохраняя в Новое время допетровскую традицию. Возможность встречи с вторичным декором следует принимать во внимание и при реставрации, и при анализе музейных материалов, – в противном случае исследователь рискует принять за оригиналы их поздние реплики или вариации, которые неизбежно будут отличаться от первоисточника (степень различия – особый вопрос).

Заявить о такой необходимости важно, но недостаточно для выявления замены оригинальных изразцов. Факты подобных замен далеко не всегда фиксировали, они остаются неизвестным как любителям старины, так и специалистам-аналитикам, и в литературе, как правило, отсутствуют систематически подобранные данные о реставрациях зданий. Значительных усилий требует и выявление следов реставрации на *de visu* – изразцы могут оказаться слишком высоко расположеными, и прямой контакт с ними возможен обычно только при новых строительных работах.

Часто единственными свидетельствами оригинального декора, а также и образцы копий – снятые с памятника изделия, хранящиеся в музейных собраниях. Для их атрибуции важны наблюдаемые визуально и неотъемлемо присущие подлинным экземплярам характеристики, такие как определенный цвет поливы и его оттенки, особенности рельефа, конструкции румпы и рисунок отверстия в ней, а также следы установки: остатки строительного раствора при использовании изделия в кладке фасада, остатки глины и следы сажи при функционировании изразца в составе печной облицовки. Говоря о трудности определения подлинности предметов из керамики, Салтыков, писал: «Эта трудность вызывается тем, что важнейшим моментом в установлении подлинности вещи являются тончайшие оттенки цвета черепка, глазури и красок и вообще

технические качества, связанные с развитием керамического производства и зависящие от степени механической и химической обработки сырья и от его основных физических свойств. Следует иметь в виду, что от неравномерного распределения в горне температуры и газов изделия, сделанные одним способом и из одних материалов и выходящие из одного горна, могут быть разного качества и даже иногда значительно отличаться друг от друга по внешнему виду» [11. С. 14].

Ключевой пункт в работе с изразцовым декором, сохранившемся на памятниках или в музейных собраниях, – определение или уточнение даты. Так, общепринятая хронология на основе технологической манеры относит практически все рельефные многоцветные изразцы ко второй половине XVII в. Эта широкая дата вполне устраивала исследователей. Но проведенная в последнее время систематизация фасадной керамики позволяет оперировать более дробными периодами. Изучение истории строительства памятников с изразцовым декором подтвердило, что время создания их убранства в большинстве случаев можно связывать с датой постройки и, что очень важно, перестройки; это существенный показатель. Сопоставление внешнего вида здания со сведениями об изразцах позволяет говорить о том, что керамический декор являлся неотъемлемой частью сооружения. А это, в свою очередь, приводит к выводу о синхронности кладки стен и установки в них изразцов, которые крепились румпами (отдельные кирпичи кладки просто вставляли в румпы) на известковом растворе, что прочно соединяло их со стеной.

Корректную дату можно получить, зафиксировав изразцы *in situ* на четко датированном (на основе записей в архивных источниках) памятнике. Однако ряд сооружений этого круга точных дат возникновения и перестроек не имеет; их многие (иногда основные) части утрачены, а имеющиеся источники не сообщают буквально никаких подробностей, что легко приводит к искажению их истории. Тогда именно изразцы помогают разобраться в запутанной хронологии, становясь маркерами строительных периодов, убедительно свидетельствующими не только о возведении, но и о других этапах строительства памятника, как, например, на церкви Николы Мокрого [66] или Иоанна Златоуста в Коровниках в Ярославле [67].

Такие исследования, входящие, вместе с другими артефактами, в устойчивые архитектурные, археологические, историко-производственные контексты, формируют надежно (вплоть до года строительства) датированные серии, которые становятся эталонными. Они позволяют сужить даты производства и печных изразцов, во многом ориентированных на фасадные декоры.

Как показывает обзор, работа с русским изразцом в последние десятилетия позволила превратить его в первоклассный источник по истории и культуре России. Это не снимает остающихся проблем его генезиса, недостаточной проработанности некоторых разделов (например, красных терракотовых изразцов), а также практики хранения, атрибуции, интерпретации. Каждый год собираются огромные новые коллекции

и открываются объекты, где изразец производился и использовался⁴. В ближайшем будущем ожидается введение в науку блоков материалов из работ экспедиции ИА РАН (рук. Л.А. Беляев) в Ново-Иерусалимском (2009–2018) [37, 67, 68] и Новодевичицем (идут в настоящее время) монастырях, из раскопок Москов-

ского Кремля (рук. Н.А. Макаров) [20], из далекого Енисейска [69] и многих других городов России. По-прежнему бурно идет работа и в музейных хранилищах. Вряд ли стоит сомневаться в том, что на возникающие вопросы будут найдены обоснованные и, вероятно, неожиданные ответы.

Примечания

¹ Каталоги изразцов из музейных коллекций чрезвычайно редки (см.: [53–55]).

² Еще в 1907 г. А.В. Филиппов пишет об изразцах, называя их «русской майоликой» (см.: [60]).

³ А.Б. Салтыков прямо пишет: «Ценинными, иногда также каменными и палевыми, назывались в XVIII в. майоликовые изделия, т.е. имеющие красный, или чаще, розовато-желтоватый пористый черепок, покрытый эмалью» (см.: [11. С. 44]).

⁴ Сотни статей, в которых публикуются изразцы XVII–XIX вв., содержатся в археологических ежегодниках центральной России, таких как «Археология Подмосковья», «Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья», «Археологические открытия», в сборниках конференций и подобных изданиях. Вероятно, следует составить их библиографический свод.

Список источников

1. Забелин И.Е. Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России // Записки Императорского Археологического общества. СПб., 1853. Т. 6. С. 238–338.
2. Султанов Н.В. Изразцы в древнерусском искусстве // Материалы по истории русских одежд. СПб., 1885. С. 1–63.
3. Султанов Н.В. Древнерусские красные изразцы // Архитектурные известия и заметки. 1894. № 12. С. 369–397.
4. Леонид (Кавелин), архимандрит. Ценинное дело в Воскресенском, Новый Иерусалим именуемом монастыре с 1656 по 1759 г. // Вестник общества древнерусского искусства. М., 1876. Отд. IV. Смесь. С. 81–87.
5. Филиппов А.В. Русские поливные изразцы XVI века. М. : т-во тип. А.И. Мамонтова, 1915.
6. Филиппов А.В. Древнерусские изразцы XV–XVII вв. М. : Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1938. Вып. 1.
7. Филиппов А.В. Древнерусские изразцы. 1938. Вып. 2: Изразцы XVII в. // РусАрх: Электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры. URL: <http://www.rusarch.ru/>
8. Воронов Н.В., Сахарова И.Г. О датировке и распространении некоторых видов московских изразцов // Материалы и исследования по археологии СССР. 1955. № 44. С. 77–115.
9. Маслик С.А. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Изобразит. искусство, 1983.
10. Салтыков А.Б. Первый русский керамический завод. М. : Гос. ист. музей, 1952. (Труды Государственного исторического музея. Памятники культуры; вып. 6).
11. Салтыков А.Б. Русская керамика : пособие по определению памятников материальной культуры XVIII – начала XX в. М. : Госкультпрогиздат, 1952.
12. Околович М.Г. Искусство полихромного рельефного изразца великого Новгорода и его окрестностей XVII–XVIII вв. : дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.04. СПб., 2011.
13. Лисенкова Ю.Ю. Изразцовое убранство храмов Великого Устюга XVII – первой половины XVIII веков: этапы развития и художественные особенности : дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.04. М., 2012.
14. Зубарева М.М. Изразцы Казани конца XVI – XIX веков : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Казань, 2013.
15. Иоаннисян О.М. О происхождении традиции убранства полов керамическими плитками в средневековой архитектуре славянских стран (Преслав–Киев–Гнездо) // Средневековая архитектура и монументальное искусство. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1999. С. 25–31.
16. Выголов В.П. Русская архитектурная керамика конца XV – начала XVI в. (о первых русских изразцах) // Древнерусское искусство. М., 1975. Т. 9: Зарубежные связи. С. 282–317.
17. Евдокимов Г.С., Рузаева Е.И., Яковлев Д.Е. Архитектурная керамика в декоре московского великолукского дворца в середине XVI в. // Древнерусское искусство : русское искусство позднего Средневековья : XVI в. СПб., 2003. С. 120–129.
18. Кавельмакер В.В., Чернышев М.Б. Древний Борисоглебский собор в Старице. М. : **Московские учебники – СиДипресс**, 2008.
19. Яганов А.В., Рузаева Е.И. Успенский собор в Дмитрове. М. : **Северный паломник**, 2003.
20. Беляев Л.А., Глазунова О.Н., Смирнов А.Н. Изразцы конца XVI – первой половины XVII в. по материалам раскопок 2019 г. в Московском Кремле // Российская археология. 2020. № 3. С. 114–124.
21. Янишевский Б.Е. Борисов городок: археологические материалы // От смуты к империи. новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. : материалы науч. конф. М., 2016. С. 198–206.
22. Смирнов А.Н. Печные изразцы из раскопок дворцового комплекса Б.Ф. Годунова в селе Вяземы // Археология Подмосковья. М., 2015. Вып. 11. С. 526–535.
23. Двуреченский О.В. Тушинский лагерь (публикация коллекции В.А. Политковского из собрания ГИМ). М. : ИА РАН, 2018.
24. Беляев Л.А., Глазунова О.Н., Григорян С.Б., Елкина И.И., Шуляев С.Г. Археология московского Новодевичицкого монастыря: первые итоги // Российская археология. 2019. № 4. С. 192–207.
25. Дутов А.А. Декоративное оформление печей в Петровскую эпоху // Петровское время в лицах–2015. СПб., 2015. С. 173–184. (Труды Государственного Эрмитажа; LXXVIII).
26. Андреева Е.А. Появление голландской расписной фаянсовой плитки в России во второй половине XVII – начале XVIII в.: историография вопроса // Петербургский исторический журнал. 2016. № 4 (12). С. 212–235.
27. Андреева Е.А. Производство «голландской» плитки в России в петровское время: легенды и факты // Меншиковские чтения. СПб., 2016. Вып. 7 (17). С. 237–246.
28. Реброва Р.В. Интерьеры с голландской плиткой в Зимнем дворце Петра I (по материалам археологических исследований) // Меншиковские чтения. СПб., 2015. Вып. 6 (15). С. 207–213.
29. Сергеенко И.И. Сюжеты и орнаменты русских изразцов XVIII века // Труды ГИМ. М., 1990. Вып. 75: Памятники русской народной культуры XVII–XIX вв. С. 29–50.
30. Сергеенко И.И. Об изразцах с «иероглифическими фигурами», эмблематами и о московском мастере Яне Флегнере // Коломенское : материалы и исследования. М., 1993. Вып. 5, ч. 2. С. 52–70.
31. Полятун М.В. К вопросу об изучении живописных печных изразцов XVIII в. с надписями // Археология и художественное видение: исторические контексты : сб. ст. / отв. ред. Л. Ю. Лиманская. М. : РГГУ, 2018. С. 355–365.
32. Арзуманова О.И., Любартович В.А., Нащокина М.В. Керамика Абрамцева в собрании Московского государственного университета инженерной экологии М. : Жираф, 2000.

33. Нашокина М.В. Золотой век московской архитектурной керамики // Архитектурное наследство : сб.. М., 2001. Вып. 44. С. 210–228.

34. Нашокина М.В. Московская архитектурная керамика. Конец XIX – начало XX века. М. : Прогресс-Традиция, 2014.

35. Керамическая установка : по материалам архива и коллекций А.В. Филиппова / [концепция изд.: С.И. Баранова и др.; рук. проекта и науч. ред. С.И. Баранова; авт. кол.: С. Баранова, А. Броновицкая, Е. Гаспарова, А. Лаврентьев, А. Трошинская]. М. : Эксмо, 2017. URL: <http://1p.fondpotain.ru/projects/38180411>

36. Воскресенский собор Ново-Иерусалимского монастыря: путь к возрождению. Реставрация 2009–2015 годов / науч. ред.: Л.А. Беляев, И.Л. Бусева-Давыдова. М. : Коллектор, 2016.

37. Беляев Л.А. Архитектурная керамика Нового Иерусалима: русский вклад в развитие художественных традиций Европы // Керамические строительные материалы в россии: технология и искусство Позднего Средневековья : материалы I и II Всерос. науч.-практ. конф. : сб. ст. и тезисов / под ред. Л.А. Беляева. М.–Новый Иерусалим : Коллектор, 2016. С. 17–28.

38. Баранова С.И. Московский изразец XVII века в пространстве России // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1 (57). С. 98–106.

39. Немцова Н.И. Владимиро-суздальские рамочные изразцы // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: пространство и пластика. М., 1991. Вып. 4. С. 75–94.

40. Немцова Н.И. Балахнинские изразцы // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Н. Новгород, 1991. С. 171–178.

41. Черная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция / науч. ред. В.И. Молодин. Томск : Д-Принт, 2015.

42. Баранова С.И. Региональные версии изразцового декора. О понятии «северодвинская школа» // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 68. С. 15–22.

43. Анциферова Г.М. Изразцовая композиция «Евангелисты» // Памятники русской архитектуры и монументального искусства XIII–XIX вв. М., 2002. Вып. 6. С. 113–120.

44. Воронов Н.В., Блохина Н.Б. Ярославские изразцы // Краеведческие записки. Ярославль, 1956. Вып. 1. С. 113–132.

45. Кондратьева Е.В. Изразцовый декор Ярославской церкви Петра и Павла на Волжском берегу // Памятники культуры: новые открытия : ежегодник, 1996. М., 1998. С. 547–566.

46. Беляев Л.А. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь как памятник археологии начала Нового Времени // Российская археология. 2013. № 1. С. 30–41.

47. Беляев Л.А., Глазунова О.Н. Маркёры Запада: новые элементы европейской художественной и технологической традиции в археологических материалах Ново-Иерусалимского монастыря // Традиции и инновации в истории и культуре : программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук / отв. ред. А.П. Деревянко, В.А. Тишков. М. : ОИФН РАН, ИЭА РАН, 2015. С. 147–154.

48. Щапова Ю.Л. Некоторые наблюдения над технологией изготовления изразцов // Коломенское : материалы и исследования. М., 1993. Вып. 5, ч. 1. С. С. 22–29.

49. Лихтер Ю.Л. Новое в классификации русских изразцов // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 1997. С. 320–325.

50. Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.Л. Морфология декора. М. : URSS, 2007.

51. Немцова Н.И. Методика исследования, реставрации и реконструкции русских изразцовых печей XVII–XVIII вв. на материале Владимирской области : автореф. дис. ... канд. архитектуры. М., 1991. 24 с.

52. Беляев Л.А. Московские печные изразцы до начала XVIII века (опыт археологической систематизации) // Коломенское : материалы и исследования. М., 1993. Вып. 5, ч. 1. С. 8–22.

53. Яковleva Л.П., Жегурова О.В. Изразцы в собрании Новгородского музея : каталог выставки. В. Новгород, 2006.

54. Баранова С.И. Московский архитектурный изразец XVII века в собрании Московского государственного объединенного музея-заповедника Коломенское–Измайлово–Лефортово–Люблино. М. : МГМОЗ, 2013. (Каталоги фондовых коллекций Московского государственного объединенного музея-заповедника Коломенское–Измайлово–Лефортово–Люблино).

55. Сад ценнейшего искусства: изразцы XVI – начала XIX века из собрания Музея имени Андрея Рублева и частных коллекций : каталог выставки / сост. Г.В. Попов; вступ. слово: М.Б. Миндлин; авт. ст. А.Г. Горшкова, Г.В. Попов; авт. каталожных описаний А.Г. Горшкова. М. : Центр. музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева, 2017.

56. Сергиненко И.И. Голландские мастера керамисты и их русские ученики // Россия и Нидерланды в XVII–XX вв. : новые исследования и актуальные проблемы. М. : Ин-т всеобщей истории РАН, 2014. С. 111–120.

57. Киселев И.А. Архитектурные детали в русском зодчестве XVIII–XIX веков : справ. архитектора-реставратора. М. : Academia, 2005. (Справочники. Энциклопедии. Словари).

58. Филиппов А.В., Швецов Б.С. Классификация керамических изделий. М. : Музей керамики, 1928.

59. Астраханцева Т.Л. Искусство гжельской майолики второй половины XX века. Проблема традиции и современности : автореферат дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.05. М., 1999.

60. Филиппов А.В. Керамика. Глазури восстановительного огня. М. : т-во тип. А.И. Мамонтова, 2007.

61. Гончарство и майолика в будущем социальном строем // Бюллетень 1-го Всероссийского съезда по глиняной промышленности. М., 1920. № 2. С. 9–10.

62. Филиппова С.В. Архитектурная майолика / под ред. С.Г. Туманова. М. : Промстройиздат, 1956.

63. Русский художественный фаянс XVIII–XX веков. Государственный о. Ленина Исторический музей. М. : Внешторгиздат, [б. г.].

64. Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. М. : Наука, 2010.

65. Баранова С.И. К вопросу о подлинности изразцового декора памятников архитектуры Москвы XVII в. // Архитектурное наследство. М., 2007. Вып. 48. С. 106–117.

66. Баранова С.И. Из опыта изучения изразцового декора церкви Николы Мокрого в Ярославле // Вестник сектора древнерусского искусства. Государственный институт искусствознания. 2020. № 2. С. 98–111.

67. Беляев Л.А., Баранова С.И. История и реставрация строительных материалов: от технологий до концепции национальной самоидентификации // Керамические строительные материалы в россии: технология и искусство Позднего Средневековья : материалы I и II Всерос. науч.-практ. конф. : сб. ст. и тезисов / под ред. Л.А. Беляева. М.–Новый Иерусалим : Коллектор, 2016. С. 9–16.

68. Беляев Л.А., Глазунова О.Н., Данилов Ю.А., Савельев Н.И. Керамические горны Ново-Иерусалимского монастыря XVII–XVIII вв. // Керамические строительные материалы в россии: технология и искусство Позднего Средневековья : материалы I и II Всерос. науч.-практ. конф. : сб. ст. и тезисов / под ред. Л.А. Беляева. М.–Новый Иерусалим : Коллектор, 2016. С. 36–39.

69. Абolina Л.А., Щербаков В.В. Печи Енисейска XVII–XX веков: от каменок и глинобитных беструбных к кирпичным русским и изразцовым голландским до «утремарховских» // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. Омск, 2017. С. 57–63.

References

1. Zabelin, I.E. (1853) Istoricheskoe obozrenie finiifyanogo i tseninnogo dela v Rossii [Historical review of the enamel and glazing business in Russia]. *Zapiski Imperatorskogo Arkheologicheskogo obshchestva*. 6. pp. 238–338.

2. Sultanov, N.V. (1885) *Izraztsy v drevnerusskom iskusstve* [Tiles in ancient Russian art]. In: Prokhorov, V. (ed.) *Materialy po istorii russkikh odezhd* [Materials on the history of Russian clothes]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 1–63.
3. Sultanov, N.V. (1894) *Drevnerusskie krasnye izraztsy* [Old Russian red tiles]. *Arkhitekturnye izvestiya i zametki*. 12. pp. 369–397.
4. Kavelin, L. (1876) *Tseninnoe delo v Voskresenskom, Novyy Jerusalim imenem monastyre s 1656 po 1759 g.* [Glazing business in the Resurrection, New Jerusalem Monastery from 1656 to 1759]. In: Filimonov, G. & Ivinskaya, A. (eds) *Vestnik obshchestva drevnerusskogo iskusstva* [Bulletin of the Society of Old Russian Art]. Moscow. pp. 81–87.
5. Filippov, A.V. (1915) *Russkie polivnye izraztsy XVI veka* [Russian glazed tiles of the 16th century]. Moscow: A.I. Mamontov.
6. Filippov, A.V. (1938a) *Drevnerusskie izraztsy XV–XVII vv.* [Old Russian tiles of the 15th – 17th centuries]. Vol. 1. Moscow: All-Russian Academy of Architecture.
7. Filippov, A.V. (1938b) *Drevnerusskie izraztsy* [Old Russian tiles]. Vol. 2. [Online] Available from: <http://www.rusarch.ru/>
8. Voronov, N.V. & Sakharova, I.G. (1955) *O datirovke i rasprostraneni nekotorykh vidov moskovskikh izraztsov* [On the Dating and Distribution of Some Types of Moscow Tiles]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 44. pp. 77–115.
9. Maslikh, S.A. (1983) *Russkoe izraztsovoe iskusstvo XV–XIX vv.* [Russian tile art of the 15th–19th centuries]. 2nd ed. Moscow: Izobrazit. iskusstvo.
10. Saltykov, A.B. (1952a) *Pervyy russkiy keramicheskiy zavod* [The first Russian ceramic factory]. Moscow: Gos. ist. muzei.
11. Saltykov, A.B. (1952b) *Russkaya keramika: posobie po opredeleniyu pamyatnikov material'noy kul'tury XVIII – nachala XX v.* [Russian ceramics: a manual for the identification of monuments of material culture of the 18th – early 20th century]. Moscow: Goskul'prosvetizdat.
12. Okolovich, M.G. (2011) *Iskusstvo polikhromnogo rel'efnogo izraztsa velikogo Novgoroda i ego okrestnostey XVII–XVIII vv.* [The art of polychrome relief tiles of Veliky Novgorod and its environs in the 17th–18th centuries]. Art Studies Cand. Diss. St. Petersburg.
13. Lisenkova, Yu.Yu. (2012) *Izraztsovoe ubranstvo khramov Velikogo Ustyuga XVII – pervoy poloviny XVIII vekov: etapy razvitiya i khudozhestvennye osobennosti* [Tiled decoration of the temples of Veliky Ustyug in the 17th – the first half of the 18th centuries: stages of development and artistic features]. Art Studies Cand. Diss. Moscow.
14. Zubareva, M.M. (2013) *Izraztsy Kazani kontsa XVI – XIX vekov* [The Kazan tiles in the end of the 16th – 19th centuries]. History Cand Diss. Kazan.
15. Ioannisyan, O.M. (1999) *O proiskhozhdenii traditsii ubranstva polov keramicheskimi plitkami v srednevekovoy arkitekture slavianskikh stran (Preslav–Kiev–Gnezdo)* [On the origin of the tradition of floor decoration with ceramic tiles in the medieval architecture of the Slavic countries (Preslav–Kyiv–Gnezdo)]. In: *Srednevekovaya arkitektura i monumental'noe iskusstvo* [Medieval Architecture and Monumental Art]. St. Petersburg: State. Hermitage. pp. 25–31.
16. Vygolov, V.P. (1975) *Russkaya arkitekturnaya keramika kontsa XV – nachala XVI v. (o pervykh russkikh izraztsakh)* [Russian architectural ceramics of the late 15th – early 16th centuries (about the first Russian tiles)]. In: Lazarev, V.N. & Podobedova, O.I. (eds) *Drevnerusskoe iskusstvo* [Old Russian Art]. Vol. 9. Mosow: Nauka. pp. 282–317.
17. Evdokimov, G.S., Ruzaeva, E.I. & Yakovlev, D.E. (2003) *Arkhitekturnaya keramika v dekore moskovskogo velikoknyazheskogo dvortsya v seredine XVI v.* [Architectural ceramics in the decoration of the Moscow Grand Duke's Palace in the middle of the 16th century]. In: Batalov, A.L. (ed.) *Drevnerusskoe iskusstvo: russkoe iskusstvo pozdnego Srednevekov'ya : XVI v.* [Old Russian art: Russian art of the late Middle Ages: the 16th century]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 120–129.
18. Kavelmakher, V.V. & Chernyshev, M.B. (2008) *Drevniy Borisoglebskiy sobor v Staritsa* [Ancient Borisoglebsky Cathedral in Staritsa]. Moscow: Moskovskie uchebniki – SiDipress.
19. Yagano, A.V. & Ruzaeva, E.I. (2003) *Uspenskiy sobor v Dmitrovye* [Assumption Cathedral in Dmitrov]. Moscow: Severnyy palomnik.
20. Belyaev, L.A., Glazunova, O.N. & Smirnov, A.N. (2020) Stove tiles of the late 16th – the first half of the 17th century based on the 2019 excavations in the Moscow Kremlin. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 3. pp. 114–124. (In Russian). DOI: 10.31857/S086960630010954-8
21. Yanishevskiy, B.E. (2016) *Borisov gorodok: arkheologicheskie materialy* [Borisov Gorodok: Archaeological Materials]. In: Belyaev, L.A. et al. (eds) *Ot smuty k imperii. novye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv.* [From Troubles to Empire. new discoveries in the field of archeology and history of Russia in the 16th–18th centuries]. Moscow: Drevnosti Severa. pp. 198–206.
22. Smirnov, A.N. (2015) *Pechnye izraztsy iz raskopok dvortsovogo kompleksa B.F. Godunova v sele Vyazemy* [Stove tiles from the excavations of B.F. Godunov's palace in Vyazemy]. In: Engovatova, A.V. (ed.) *Arkeologiya Podmoskov'ya* [Archeology of Moscow Region]. Vol. 11. Mosow: RAS. pp. 526–535.
23. Dvurechenskiy, O.V. (2018) *Tushinskiy lager' (publikatsiya kollektsi V.A. Politkovskogo iz sobraniya GIM)* [The Tushino camp (V.A. Politkovsky's collection from the State Historical Museum)]. Moscow: RAS.
24. Belyaev, L.A., Glazunova, O.N., Grigoryan, S.B., Elkina, I.I. & Shulyaev, S.G. (2019) *Archaeology of the Novodevichy Convent in Moscow: preliminary results. Rossiyskaya arkheologiya*. 4. pp. 192–207. (In Russian). DOI: 10.31857/S086960630007225-6
25. Dutov, A.A. (2015) *Dekorativnoe oformlenie pechey v Petrovskuyu epokhu* [Decorative design of stoves in the Petrine era]. In: Arapova, T.B. (ed.) *Petrovskoe vremya v litsakh–2015* [The Petrine time in faces–2015]. St. Petersburg: State Hermitage. pp. 173–184.
26. Andreeva, E.A. (2016) *Poyavlenie gollandskoy raspisnoy fayansovoy plitki v Rossii vo vtoroy polovine XVII – nachale XVIII v.: istoriografiya voprosa* [The Dutch painted faience tiles in Russia in the second half of the 17th – early 18th centuries: historiography]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. 4(12). pp. 212–235.
27. Andreeva, E.A. (2016) *Proizvodstvo "gollandskoy" plitki v Rossii v petrovskoe vremya: legendy i fakty* [Production of "Dutch" tiles in Russia in the time of Peter the Great: legends and facts]. *Menshikovskie chteniya*. 7(17). pp. 237–246.
28. Rebrova, R.V. (2015) *Inter'ery s gollandskoy plitkoy v Zimnem dvortse Petra I (po materialam arkheologicheskikh issledovanii)* [Interiors with Dutch tiles in the Winter Palace of Peter I (based on archaeological research)]. *Menshikovskie chteniya*. 6(15). pp. 207–213.
29. Sergeenko, I.I. (1990) *Syuzhetnye i ornamentnye russkikh izraztsov XVIII veka* [Plots and ornaments of Russian tiles of the 18th century]. *Trudy GIM*. 75. pp. 29–50.
30. Sergeenko, I.I. (1993) *Ob izraztsakh s "iероглифическими фигурами", emblematami i o moskovskom mestere Yane Flegnere* [About tiles with "hieroglyphic figures", emblems and about the Moscow master Yan Flegner]. *Kolomenskoe: materialy i issledovaniya*. 5(2). pp. 52–70.
31. Potsyapun, M.V. (2018) *K voprosu ob izuchenii zhivopisnykh pechnykh izraztsov XVIII v. s nadpisyami* [On the study of picturesque stove tiles of the 18th century with inscriptions]. In: Limanskaya, L.Yu. (ed.) *Arkeologiya i khudozhestvennoe videnie: istoricheskie konteksty* [Archeology and Artistic Vision: Historical Contexts]. Moscow: RSUH. pp. 355–365.
32. Arzumanova, O.I., Lyubartovich, V.A. & Nashchokina, M.V. (2000) *Keramika Abramtseva v sobranii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernoy ekologii* [Ceramics of Abramtsev in the collection of the Moscow State University of Engineering Ecology]. Moscow: Zhiraf.
33. Nashchokina, M.V. (2001) *Zolotoy vek moskovskoy arkitekturnoy keramiki* [The golden age of Moscow architectural ceramics]. *Arkhitekturnoe nasledstvo*. 44. pp. 210–228.
34. Nashchokina, M.V. (2014) *Moskovskaya arkitekturnaya keramika. Konets XIX – nachalo XX veka* [Moscow architectural ceramics. Late 19th – early 20th century]. Moscow: Progress-Traditsiya.
35. Baranova, S., Bronovitskaya, A., Gasparova, E., Lavrent'ev, A. & Troshchinskaya, A. (2017) *Keramicheskaya ustanova: po materialam arkhiva i kollektsiy A.V. Filippova* [Ceramic installation: based on materials from A.V. Filippov's archive and collections]. Moscow: Eksmo. [Online] Available from: <http://1p.fondpotanin.ru/projects/38180411>
36. Belyaev, L.A. & Buseva-Davydova, I.L. (2016) *Voskresenskiy sobor Novo-Jerusalimskogo monastyrja: put' k vozrozhdeniyu. Restavratsiya 2009–2015 godov* [Resurrection Cathedral of the New Jerusalem Monastery: The Path to Revival]. Moscow: Kollektor.

37. Belyaev, L.A. (2016) Arkhitekturnaya keramika Novogo Ierusalima: russkiy vklad v razvitiye khudozhestvennykh traditsiy Evropy [Architectural ceramics of New Jerusalem: Russian contribution to the development of the artistic traditions of Europe]. In: Belyaev, L.A. (ed.) *Keramicheskie stroitel'nye materialy v rossii: tekhnologiya i iskusstvo Pozdnego Srednevekov'ya* [Ceramic building materials in Russia: technology and art of the Late Middle Ages]. Moscow; New Jerusalem: Kollektor. pp. 17–28.

38. Baranova, S.I. (2014) Seventeenth century Moscow tiles in Russia. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 1(5). pp. 98–106. (In Russian).

39. Nemtsova, N.I. (1991) Vladimiro-suzdu'skie ramochnye izraztsy [Vladimir-Suzdal frame tiles]. In: Vygolov, V.P. (ed.) *Pamyatniki russkoy arkitektury i monumental'nogo iskusstva: prostranstvo i plastika* [Monuments of Russian architecture and monumental art: space and plasticity]. Vol. 4. Moscow: Nauka. pp. 75–94.

40. Nemtsova, N.I. (1991) Balakhninskie izraztsy [Balakhna tiles]. In: *Pamyatniki istorii i kul'tury Verkhnego Povolzh'ya* [Monuments of History and Culture of the Upper Volga Region]. Nizhny Novgorod: [s.n.]. pp. 171–178.

41. Chernaya, M.P. (2015) Voevodskaya usad'ba v Tomske. 1660–1760-e gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya [Voivodship estate in Tomsk. 1660–1760s: historical and archaeological reconstruction]. Tomsk: D-Print.

42. Baranova, S.I. (2020) Regional versions of the tile decor. About the concept of “Northern Dvina Style”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University Journal of History*. 68. pp. 15–22. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/68/2

43. Antsiferova, G.M. (2002) Izraztsovaya kompozitsiya “Evangelisty” [Tiled composition “Evangelists”]. In: Vygolov, V.P. (ed.) *Pamyatniki russkoy arkitektury i monumental'nogo iskusstva XIII–XIX vv.* [Monuments of Russian architecture and monumental art of the 13th – 19th centuries]. Vol. 6. Moscow: Nauka. pp. 113–120.

44. Voronov, N.V. & Blokhina, N.B. (1956) Yaroslavskie izraztsy [Yaroslavl tiles]. *Kraevedcheskie zapiski*. 1. pp. 113–132.

45. Kondratieva, E.V. (1998) Izraztsovyy dekor Yaroslavskoy tserkvi Petra i Pavla na Volzhskom beregu [Tiled decor of the Yaroslavl Church of Peter and Paul on the Volga coast]. *Pamyatniki kul'tury: novye otkrytiya*. pp. 547–566.

46. Belyaev, L.A. (2013) Voskresenskiy Novo-Ierusalimskiy monastyr' kak pamyatnik arkheologii nachala Novogo Vremeni [Resurrection New Jerusalem Monastery as an archeological monument of the beginning of the New Age]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 1. pp. 30–41.

47. Belyaev, L.A. & Glazunova, O.N. (2015) Markery Zapada: novye elementy evropeyskoy khudozhestvennoy i tekhnologicheskoy traditsii v arkheologicheskikh materialakh Novo-Ierusalimskogo monastyrja [Markers of the West: new elements of the European artistic and technological tradition in the archaeological materials of the New Jerusalem Monastery]. In: Derevyanko, A.P. & Tishkov, V.A. (eds) *Traditsii i innovatsii v istorii i kul'ture: programma fundamental'nykh issledovanii Prezidiuma Rossiyskoy akademii nauk* [Traditions and innovations in history and culture: a program of fundamental research of the Presidium of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: RAS. pp. 147–154.

48. Shchapova, Yu.L. (1993) Nekotorye nablyudeniya nad tekhnologiyey izgotovleniya izraztsov [Some observations on the technology of manufacturing tiles]. *Kolomenskoe: materialy i issledovaniya*. 5(1). pp. 22–29.

49. Likhter, Yu.L. (1997) Novoe v klassifikatsii russkikh izraztsov [New in the classification of Russian tiles]. In: Khokhlov, A.N. (ed.) *Tver', tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu Srednevekov'ya* [Tver, Tver land and adjacent territories in the Middle Ages]. Tver: Tver Research Historical, Archaeological and Restoration Center. pp. 320–325.

50. Kokorina, Yu.G. & Likhter, Yu.L. (2007) *Morfologiya dekora* [Morphology of Decor]. Moscow: URSS.

51. Nemtsova, N.I. (1991) *Metodika issledovaniya, restavratsii i rekonstruktsii russkikh izraztsovikh pechey XVII–XVIII vv. na materiale Vladimirskei oblasti* [Methods of research, restoration and reconstruction of Russian tiled stoves of the 17th–18th centuries on the material of Vladimir Region]. Abstract of Architecture Cand. Diss. Moscow.

52. Belyaev, L.A. (1993) Moskovskie pechnye izraztsy do nachala XVIII veka (opyt arkheologicheskoy sistematisatsii) [Moscow stove tiles before the beginning of the 18th century (the archaeological systematization)]. *Kolomenskoe: materialy i issledovaniya*. 5(1). pp. 8–22.

53. Yakovleva, L.P. & Zhegurova, O.V. (2006) *Izrazty v sobranii Novgorodskogo muzeya: katalog vystavki* [Tiles in the collection of the Novgorod Museum: the exhibition catalogue]. Veliky Novgorod: [s.n.].

54. Baranova, S.I. (2013) *Moskovskiy arkhitekturnyy izrazets XVII veka v sobranii Moskovskogo gosudarstvennogo ob"edinennogo muzeya-zapovednika Kolomenskoe–Izmaylovo–Lefortovo–Lyublino* [Moscow architectural tile of the 17th century in the collection of the Moscow State United Museum-Reserve Kolomenskoye-Izmailovo-Lefortovo-Lyublino]. Moscow: MGOMZ.

55. Popov, G.V. et al. (2017) *Sad tseninnogo iskusstva: izraztsy XVI – nachala XIX veka iz sobraniya Muzeya imeni Andreya Rubleva i chastnykh kollektsiy: katalog vystavki* [The Garden of Valuable Art: Tiles of the 16th – early 19th centuries from the collection of the Andrei Rublev Museum and private collections: the exhibition catalog]. Moscow: The Center of the Andrei Rublev Museum of Old Russian Culture and Art.

56. Sergienko, I.I. (2014) Gollandskie mastera keramisty i ikh russkie ucheniki [Dutch ceramist masters and their Russian students]. In: Shatokhina-Mordvintseva, G.A. (ed.) *Rossiya i Niderlandy v XVII–XX vv.: novye issledovaniya i aktual'nye problem* [Russia and the Netherlands in the 17th–20th centuries: new research and topical problems]. Moscow: RAS. pp. 111–120.

57. Kiselev, I.A. (2005) *Arkhitekturnye detali v russkom zodchesstve XVIII–XIX vekov* [Architectural details in Russian architecture of the 18th–19th centuries]. Moscow: Academika.

58. Filippov, A.V. & Shvetsov, B.S. (1928) *Klassifikatsiya keramicheskikh izdeliy* [Classification of ceramic products]. Moscow: Muzey keramiki.

59. Astrakhantseva, T.L. (1999) *Iskusstvo gzhel'skoy mayoliki vtoroy poloviny XX veka. Problema traditsii i sovremennosti* [The art of Gzhel majolica in the second half of the 20th century. The problem of tradition and modernity]. Abstract of Art Studies Cand. Diss. Moscow.

60. Filippov, A.V. (2007) *Keramika. Glazuri vosstanovitel'nogo ognya* [Ceramics. Glazes of Restoration Fire]. Moscow: A.I. Mamontov.

61. Anon. (1920) Goncharstvo i mayolika v budushchem sotsial'nom stroe [Pottery and majolica in the future social system]. *Byulleten' 1-go Vsesoziyskogo s"ezda po glinyanoy promyshlennosti*. 2. pp. 9–10.

62. Filippova, S.V. (1956) *Arkhitekturnaya mayolika* [Architectural Majolica]. Moscow: Promstroyizdat.

63. Anon. (n.d.) *Russkiy khudozhestvennyy fayans XVIII–XX vekov. Gosudarstvennyy o. Lenina Istoricheskiy muzey* [Russian artistic faience of the 18th–20th centuries. The State Lenin Order Historical Museum]. Moscow: Vneshtorgizdat.

64. Koval, V.Yu. (2010) *Keramika Vostoka na Rusi* [Ceramics of the East in Russia]. Moscow: Nauka.

65. Baranova, S.I. (2007) K voprosu o podlinnosti izraztsovogo dekora pamyatnikov arkitektury Moskvy XVII v. [On the authenticity of the tiled decor of architectural monuments in Moscow in the 17th century]. *Arkhitekturnoe nasledstvo*. 48. pp. 106–117.

66. Baranova, S.I. (2020) Iz opyta izucheniya izraztsovogo dekora tserkvi Nikoly Mokrogo v Yaroslavle [From the experience of studying the tiled decor of the Church of St. Nicholas Wet in Yaroslavl]. *Vestnik sektora drevnerusskogo iskusstva. Gosudarstvennyy institut iskusstvoznaniya*. 2. pp. 98–111.

67. Belyaev, L.A. & Baranova, S.I. (2016) Istorya i restavratsiya stroitel'nykh materialov: ot tekhnologiy do kontseptsii natsional'noy samoidentifikatsii [History and restoration of building materials: from technology to the concept of national self-identification]. In: Belyaev, L.A. (ed.) *Keramicheskie stroitel'nye materialy v rossii: tekhnologiya i iskusstvo Pozdnego Srednevekov'ya* [Ceramic building materials in Russia: technology and art of the Late Middle Ages]. Moscow; New Jerusalem: Kollektor. pp. 9–16.

68. Belyaev, L.A., Glazunova, O.N., Danilov, Yu.A. & Saveliev, N.I. (2016) *Keramicheskie gorny Novo-Ierusalimskogo monastyrja XVII–XVIII vv.* [Ceramic furnaces of the New Jerusalem Monastery of the 17th–18th centuries]. In: Belyaev, L.A. (ed.) *Keramicheskie stroitel'nye materialy v rossii: tekhnologiya i iskusstvo Pozdnego Srednevekov'ya* [Ceramic building materials in Russia: technology and art of the Late Middle Ages]. Moscow; New Jerusalem: Kollektor. pp. 36–39.

69. Abolina, L.A. &, Shcherbakov, V.V. (2017) Pechi Eniseyska XVII–XX vekov: ot kamenok i glinobitnykh bestrubnykh k kirpichnym russkim i izratsovym gollandskim do “utremarkhovskikh” [Furnaces in Yeniseisk in the 17th – 20th centuries: from stoves and adobe pipeless stoves to Russian brick and Dutch tiled stoves to “Utremarch”]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: [s.n.]. pp. 57–63.

Сведения об авторе:

Баранова Светлана Измайловна – доктор исторических наук, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия). E-mail: svetlanbaranova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Baranova Svetlana I. – Dr. of Sci (History), Cand. of Sci. (Art History), Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: svetlanbaranova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.07.2021; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 06.07.2021; accepted for publication 06.05.2022

Научная статья

УДК 902:391

doi: 10.17223/19988613/77/22

Металлические перстни-печатки из якутских погребений XVIII–XIX вв.

Розалия Иннокентьевна Бравина

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия, bravinari@bk.ru

Аннотация. Исследуются обнаруженные в якутских погребениях XVIII–XIX вв. перстни-печатки, в оформлении которых, наряду с традиционным растительным орнаментом, встречаются элементы «степного орнаментализма»: мотивы «корона», «пламенеющий жемчуг», «перевязанная пальметта» и «цветок смоквы». Наиболее широкие их аналогии встречаются в декоре поясных и сбруйных наборов в Хойцегорском могильнике в Западном Забайкалье и памятниках культуры енисейских кыргызов в Центральной Туве и Кузнецкой котловине Алтая. В статье высказывается предположение, что это наследие средневековых кыпчаков.

Ключевые слова: якуты, перстни, степной орнаментализм, енисейские кыргызы, кыпчаки

Для цитирования: Бравина Р.И. Металлические перстни-печатки из якутских погребений XVIII–XIX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 189–195. doi: 10.17223/19988613/77/22

Original article

Metal Signet Rings from Yakut Burials of the 18th–19th Centuries

Rosalia I. Bravina

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North (IHRISN), Yakutsk, Russian Federation, bravinari@bk.ru

Abstract. Metal signet rings are a very attractive category of finds in the archaeological sites of the Yakuts of the XIV – XIX centuries, but at the same time there are practically no resumptive works on them. The purpose of the article is to study the origin and iconography of the Yakut signet rings based on their historical and comparative analysis with small forms of toreutics, mainly belt ornaments of Eurasian nomads of the end of the 1st – beginning of the 2nd millennium AD. The sources were the materials of the archaeological excavations of Yakut burials of the XVIII – XIX centuries, made in the regions of Central Yakutia.

On the plates of most of signet rings from the Yakut burials the initials of the owners were engraved in Russian letters. That was the main reason for the formation of the opinion in scientific literature that Yakut signet rings appeared under the influence of Russian culture. However, in private and museum collections there are signet rings with runic signs of Orkhon-Yenisei script. Moreover, in the first layer of the settlement Kerdyugan, dating back to the XIV century, a bronze signet ring with the image of a lion and a unicorn was found. This image is also found on the front metal plates of Yakut parade saddles of the 19th century, matched by decor with ornamented overlays on the bows of the Kudyrkinsky saddles. According to the researchers, the images of heraldic style reflect the ancient Turkic early medieval tradition, inherited in its turn from the neighboring civilizations – Sassanian Iran and China.

The artistic and decorative design of the Yakut signet rings, along with the traditional floral ornament, contains the elements of the so-called steppe ornamentalism: the motifs of “crown”, “flaming pearls”, “tied palmetta” and “fig flower”. The most extensive analogies of them are found in the decoration of the belt and harness sets in the Khoitsegorsk cemetery in Western Transbaikalia and cultural monuments of the Yenisei Kyrgyz in Central Tuva and the Kuznetsk Basin of Altai. The motives under consideration, although present in the engraving of Yakut silver products, including band patches, are still beyond the attention of specialists. Indeed, a German anthropologist U. Johansen once noted that the individual motifs of Yakut ornament show similar features with the elements of the fine arts of Asia Minor cultures.

The presence of ornamental motifs of religious content in the art of the Yakuts is accompanied by the presence of a number of elements of Manichaean mythology and early Buddhism in their worldview and beliefs, apparently received from the medieval population of Pribaikalye or the Yenisei Kyrgyz. It is noteworthy that in the engraving of single silver products of the Yakuts Manichaean symbols are fixed.

The article suggests that signet rings in a jewelry set of the Yakuts, along with earrings in the form of a “question mark”, neck hryvnias with loop-like folds, could be the heritage of the medieval Kypchaks culture, and the elements of their iconography – toreutics of Yenisei Kyrgyz.

Keywords: Yakuts, signet rings, steppe ornamentalism, Yenisei Kyrgyz, Kypchaks

For citation: Bravina, R.I. (2022) Metal Signet Rings from Yakut Burials of the 18th–19th Centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University Journal of History.* 77. pp. 189–195. doi: 10.17223/19988613/77/22

Среди якутов традиционного времени излюбленным видом украшений были кольца и перстни. В.Л. Прилонский, автор серии работ по дореволюционной этнографии якутов, писал: «Я не помню, видел ли я ино-родца без кольца или перстня на руке. Перстень непременно именной» [1. С. 38–39]. Кольца обычно были медные, а перстни – серебряные, и по материалу изготовления соответственно назывались «алтан бисилэх» и «кёмюс бисилэх» (якут. алтан – медь; кёмюс – серебро; тюрк.-монг. бисилэх / билзек / бисэлэх – кольцо / перстень) [2. Стб. 477]. Распространены были перстни-печатки со щитком «сирэйдээх бисилэх» круглой, овальной, подквадратной формы. Довольно часто в материалах якутских погребений встречаются так называемые «сургучные» перстни-печатки с инициалами из русских букв [3. С. 82; 4. С. 112; 5. С. 152]. Последнее, несмотря на то что в музейных и частных коллекциях встречаются серебряные печатки с руническими знаками, схожими с «буквами» орхено-енисейского алфавита [6. С. 273–274], послужило основным доводом в пользу мнения о том, что перстень у якутов появился под влиянием русской культуры.

А.И. Саввинов в своей монографии о металлических украшениях якутов XIX – начала XX в. высказывает предположение, что якутские перстни, возможно, имеют более древние традиции, чем принято считать [7. С. 63]. Это отчасти подтверждается находкой бронзового перстня на поселении Кердюген в Мегино-Кангаласском районе, датируемом XIV–XVI вв. По описанию А.Н. Прокопьевой, на окружной плоскости печатки оттиснуты зооморфные изображения, возможно, льва и лошади (единорога?), стоящих на задних конечностях. Между ними выгравирована веточка, наверху которой прорисована «порхающая птичка» (рис. 1, 1). Автор считает, что сюжет и композиция иконографии привнесены из русской геральдической традиции [8. С. 210]. Однако следует отметить, что аналогичный сюжет был характерен и для оформления лицевых металлических обкладок якутских парадных седел XIX в. На лицевой обкладке такого седла из сибирской коллекции Американского музея естественной истории изображено мировое дерево, на трех ветвях которого сидят птицы с расправленными крыльями, а по краям стоят на задних конечностях единорог и лев в короне [9. С. 200–201, рис. 214]. В свое время А.П. Окладников отметил сходство в торевтике якутских седел с кудыргинскими обкладками [10. С. 230–231, рис. 72]. Геральдические изображения льва и единорога, по мнению Д.Г. Савинова, являются отражением древнетюркской раннесредневековой традиции, унаследованной, в свою очередь, от соседних цивилизаций – Сасанидского Ирана и Китая [11. С. 24]. Все это дает основание предположить, что металлические перстни-печатки входили в традиционный набор украшений якутов задолго до прихода русских в Ленский край.

Перстни-печатки имели широкое распространение у тюрков Сибири в период расцвета государственных

образований. Они выделяются в общем массиве украшений своими размерами и символикой. На их щитках нанесены тамги, личины, изображения воинов на лошади и т.д. В археологических памятниках Сибири единичные находки перстней-печаток зафиксированы и в более ранних памятниках Северного Приобья [12] и Томского Прииртышья [13]. В пользу местного центра возникновения перстней в Приобском регионе отчасти свидетельствует находка бронзового перстня в городище Пламя Сибири-6 в Среднем Приобье, датируемом VI–IX вв. [14. С. 34, рис. 2, 2]. Такого же мнения придерживается А.А. Адамов относительно находок в Приуралье, где сложился вполне самостоятельный ювелирный центр, развивавший собственные сюжетные орнаментальные традиции в изготовлении серебряных черненых перстней [15. С. 36]. Кольцевидные перстни с плоским щитком наряду с серьгами в виде знака вопроса с длинным перевитым стержнем фиксируются в археологических памятниках средневековых кочевников степей Приуралья (XI–XIII вв.), которых можно соотносить с кимако-кыпчакскими племенами [16. С. 56].

На рубеже I–II тыс. военная и политическая экспансия «Кыргызского великодержавия» способствовала распространению в разных областях Центральной Азии и Южной Сибири не только сходных по стилю, но и чрезвычайно близких по декоративным композициям изделий, заимствованных из искусства Сасанидского Ирана и империи Танского Китая [17. С. 349]. Среди них выделяются поясные и сбруйные наборы со сложной системой орнаментации (растительный, «цветочный», «пламеневидный»), лировидные подвески с антропоформными изображениями в короне. Определенный интерес в связи с этим представляет иконография якутских перстней-печаток, в которой присутствуют мотивы и символы, характерные для так называемого «степного орнаментализма» – «корона», «пламенеющий жемчуг», «перевязанная пальметта» и «цветок смоквы».

В археологической коллекции материалов погребений XVIII–XIX вв. Саха-французской экспедиции (Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale; MAFSO) наряду с «сургучными» перстнями-печатками с инициалами встречаются и перстни с изображением «корон» [18. С. 46, рис.]. Авторы отмечают, что подобные перстни с «гербами», как правило, находятся в богатых погребениях и в сочетании с декорированными «парадными» кнутами представляют собой символ родовой власти [Там же. С. 132]. Впервые в археологических памятниках Южной Сибири изображения людей в короне были зафиксированы на поясных лировидных подвесках с сердцевидной прорезью в центре и овальной ножкой в Хойцегорском могильнике в Западном Забайкалье [19]. В дальнейшем аналоги были обнаружены в могильниках Эйлиг-Хем III (Центральная Тува; IX–X вв.) [20] и Октябрьский (Кузнецкая котловина Алтая; XI–XII вв.) [21], совершенных

по обряду кремации. По мнению Д.Г. Савинова, подвески подобного типа были характерны для культуры енисейских кыргызов по всей территории ее распространения [22. С. 127–128]. В этом плане весьма примечательной представляется бронзовая фигурная подвеска с небольшой сердцевидной прорезью в центре и округлой ножкой, найденная на стоянке Усть-

Тимптон I на р. Алдан [23. С. 197, рис. 1, 2]. В слое I вышеуказанной стоянки также был обнаружен трехлопастный наконечник стрелы [Там же. С. 198], что в комплекте с подвеской позволяет говорить о существовании этнокультурных контактов между племенами Якутии и Байкальского региона в конце I тыс. н.э.

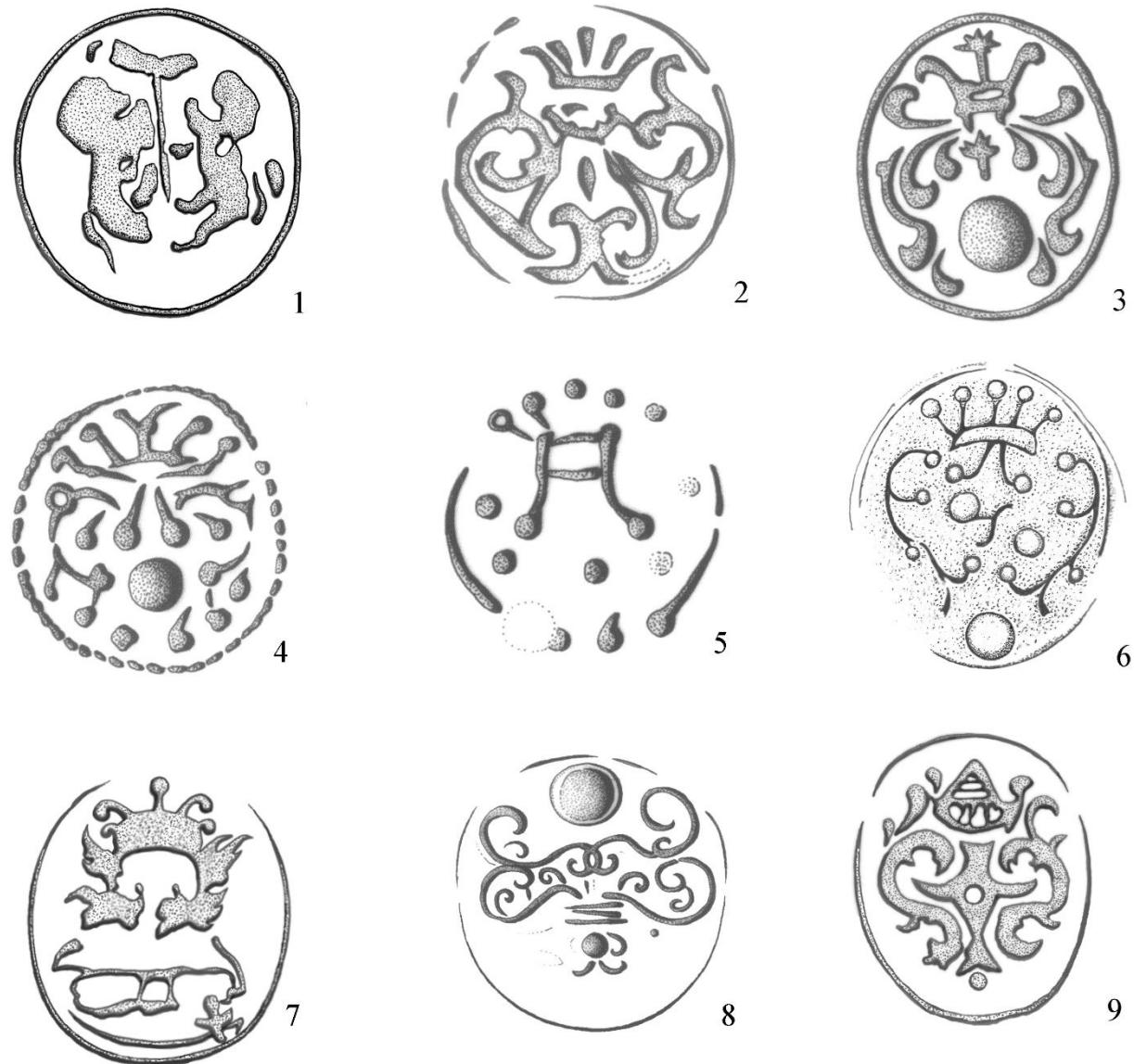

Рис. 1. Орнаментальные мотивы на перстях-печатках: 1 – поселение Кердюген; 2 – погребение Охтубут 1; 3 – погребение Охтубут 2; 4, 5 – погребение Аттах; 6 – случайная находка, Намский район; 7 – могильник Ампаардаах; 8 – погребение Мунур-Урях; 9 – погребение Ат Быран III

Мотив «корона» в материалах якутских погребений XVIII–XIX вв. фиксируется на семи перстнях. Общий фон для их иконографии составляет традиционный мотив процветшей лиры, что можно сопоставить с обрамленными растительным орнаментом «хойцегорскими портретами», нанесенными на лировидные подвески. Нагляднее всего мотив лиры представлен в изображении перстня из погребения пожилой женщины, исследованного экспедицией МАФСО в местности Охтубут 1 в Чурапчинском районе (рис. 1, 2). Исследователи торевтики малых форм отмечают, что один из основных элементов большинства хойцегорских

корон – это отогнутые книзу крайние лопасти, что придает им вид высокой пальметты, центральный «бутон» которой вариативен [24. С. 77–78]. Иконография перстня-печатки из погребения Охтубут 1 сочетает в себе мотив процветшей лиры и изображение 5-лепестковой короны. Четыре крайних лепестка короны слегка отогнуты книзу, основание короны согласно хойцегорской традиции схвачено поперечной полоской. В совокупности вся иконографическая композиция перстня передает силуэт фигуры человека в одеянии округлых форм. В «хойцегорских портретах» люди нарисованы в пышных пелеринах. «Круглые» пелерины с фестон-

чатыми краями были известны в Сасанидском Иране, где они являлись, прежде всего, элементами одежды мужчин-жрецов. Известны были подобные накидки-пелерины и в раннесредневековом Согде [24. С. 78]. Сходство сюжета якутского перстня с «хойцегорскими портретами» проявляется также в присутствии изображения дуги, соединяющей два крайних стебля лиры и как бы оттеняющей «лицо» человека. В тоже время дугу можно трактовать как полумесяц, который являлся одним из самых распространенных символов манихейства. Внутри лиры начертана каплевидная фигура с острием вниз.

Изображения корон на якутских перстнях-печатках типологически близки, но все же имеют различия. Корона на перстне из погребения молодой женщины Охтубут 2 в той же местности имеет три лопасти. Две крайние слегка отогнуты книзу и завершаются завитками (рис. 1, 3), а центральная лопасть прямая с венчающим ее шарообразным навершием с отходящими в разные стороны короткими лучами. Данное изображение можно трактовать как стебель с цветком / бутоном или жезл. Такая же фигура, только меньших размеров, помещена под короной. Корона на перстне из погребения Аттах, исследованного Саха-французской экспедицией в Таттинском районе, имеет пять лопастей (рис. 1, 4). Четыре из них имеют закрученные книзу завитки, которые в нижней части образуют округлые утолщения. Средняя лопасть имеет вид раздвоенного лепестка. Лировидное обрамление изображения нанесено прерывистыми изогнутыми линиями. По отдельности они имеют очертания знака удлиненной «запятой» и фигур, похожих на тамгообразные знаки (например, круг с изогнутыми рогами со сквозным отверстием в центре) или же иероглифы. В этой связи следует отметить, что в одном из погребений могильника Ампаардаах, где также обнаружен перстень с изображением короны, была найдена деревянная лакированная чашка. На ее донышке было выведено «черной тушью или краской что-то наподобие китайского иероглифа...» [3. С. 82].

Изображение на щитке второго перстня из погребения Аттах сильно стерто, хорошо прочитывается только часть короны (рис. 1, 5). Сохранились две лопасти с округлыми завитками. Присутствие рядом с ними трех кружочков позволяет предположить, что, вероятно, лопастей было пять. Основа короны вычерчена четырьмя линиями в виде контура прямоугольника. Две вертикальные, слегка разведенные в стороны и отогнутые наружу линии, отходящие вниз от второй и четвертой лопастей короны, имеют в нижней части завитки в форме круга. Сверху и посередине они соединяются двумя горизонтальными линиями, образуя своего рода четырехугольное основание короны, в результате чего получается фигура, напоминающая по своему начертанию букву «А». По некоторым деталям декора рассматриваемый перстень похож на другой – случайно найденный в Намском районе (рис. 1, 6). Изображенная на нем корона имеет пять лопастей. От середины нижней части ободка короны вниз прочерчены две сильно отогнутые наружу линии с круглыми завитками на концах. По краям изображение оканто-

вано двумя раздвоенными внизу стеблями с побегами-листьями по обе стороны, которые также украшены завитками. Под короной нарисован тамгообразный знак – круг с двумя волнистыми отростками, имевший распространение среди тюрко-монгольских народов Центральной Азии и Южной Сибири.

Плохо сохранилось изображение на перстне из могильника Ампаардаах в Мегино-Кангаласском районе (рис. 1, 7). В погребении, в котором обнаружен перстень, находился костяк женщины, одетой в меховую доху и нарядную шубу, украшенную бисерной вышивкой и кожаными аппликациями. На средние пальцы обеих рук были надеты серебряные перстни-печатки, на безымянные – серебряные кольца с неспаянными концами. На щитке одного из перстней прослеживается слабое очертание человека в короне с пятью лопастями. Центральная лопасть прямая, постепенно утолщается кверху и увенчивается круглым навершием. Две лопасти, расположенные с двух сторон от нее, отогнуты книзу и также закручены на концах. Две крайние лопасти отмечены округлыми навершиями. На лице точками отмечены глаза, пряди волос на уровне ушей загнуты вверх. На груди можно разглядеть сложенные вместе руки, кисти которых выделены общей линией, как в «хойцегорских портретах». На человеке, вероятно, надета накидка. Внизу справа от изображения прочерчен эфес (?) кинжала или меча. По стилю портрет человека в короне похож на персонажей манихейских картин Восточного Туркестана, на которых изображены поясные фигуры со сложенными на груди руками [24. С. 79]. Внизу изображения прочерчена дуга.

Таким образом, изображения короны на якутских перстнях проявляют сходство с хойцегорскими по ряду деталей: прорисовкам лопастей и оснований корон, присутствию растительной окантовки и изображению дуги, которую можно интерпретировать и как полумесяц.

Мотив «пламенеющая жемчужина» был заимствован средневековым населением Саяно-Алтая из искусства Среднего и Переднего Востока, Средней Азии и Китая. В буддизме «пламенеющая жемчужина» – многозначный символ, в том числе знак триединства Будды [25. С. 98–99]. Как отмечают исследователи, в Китае этот символ отождествляли с драгоценным камнем или драгоценной жемчужиной, которой владели два дракона – повелители моря, дождя, воды и хранители несметных богатств. Этот жемчуг осуществлял все желания, наподобие общетюркского камня яда, *йата*, *сата*, с помощью которого можно было управлять погодой. Существование веры в магические свойства камня яда отмечено в письменных известиях, датируемых VII в. Лингвисты этот термин считают заимствованным из древнеперсидского языка от слова *уати* (волшебство) [26. С. 302]. В топографии малых форм степной Евразии жемчуг изображается фигурой в виде круга, оббитого пламенем, расположенного на основании в виде лепестков – иногда раздвоенных, или же просто дуги.

Мотив «пламенеющая жемчужина» представлен в якутских материалах пятью перстнями (см. рис. 1, 2, 3, 4, 6, 8). Орнамент в форме круга часто встречается

на якутских бытовых предметах разного назначения и называется «тёгюрюк ойуу» (букв. узор «круг»). Некоторые исследователи связывают его с солярным знаком «солнце», исходя из названия металлических дисков «кюн» (буквально «солнце»), нашиваемых на традиционную шапку *дъабака* и шаманский костюм. Однако якуты в орнаментальном искусстве изображали солнце, как киргизы и алтайцы, – в виде вихреобразной круглой фигуры. Фигуры в форме круга на якутских перстнях обрамлены растительными побегами, напоминающими в данном случае языки пламени, что создает сюжет «пламенеющей жемчужины». Особенно наглядно этот мотив иллюстрируется на примере перстня из погребения Мунур Урях, где под верхней «жемчужиной» прорисовано два переплетающихся побега, а основанием нижней служит раздвоенный лепесток (см. рис. 1, 8). Жемчужина на перстне из погребения Охтубут 1 имеет контур капли с острием, направленным вниз (см. рис. 1, 2). Основанием ее служит мотив «перевязанная пальметта», характерный для поясов типа «Михельдорф–Скалистое», датируемых концом VII – первой половиной VIII в. Исследователи выдвигают гипотезу о том, что появление данного мотива в Степной Евразии связано с расселением различных групп из Великой Болгарии под натиском хазарского нашествия [27. С. 89]. На средневековых росписях Восточного Туркестана жемчуг – это овал, иногда в виде капли острием вверх, помещенный на основании в форме лотоса, что не фиксируется в археологических памятниках Саяно-Алтая тюркского времени [24. С. 171–172]. Таким образом, мотив «жемчужина» в якутской орнаментике проявляет более чем древние черты.

Мотив «цветок смоквы» является одним из самых популярных в конце I – начале II тысячелетия у кочевников Саяно-Алтая. Он присутствует в декоре предметов из археологических культур Минусинского края, Кузнецкой котловины Алтая, а также в ладейской культуре Красноярского края. Мотив также встречается в Киргизии, Забайкалье и Северном Китае, в культуре киданей империи Ляо [24. С. 160–161]. «Цветок смоквы» – декоративный мотив в виде шляпки с высокой круглой тульей и опущенными книзу полями из удлиненных лепестков с лентой между ними. Цветы и само дерево смоквы почитались как символ священного дерева Будды, дерева мудрости [25. С. 99]. Данный мотив представлен в наших материалах единственным перстнем из погребения Ат Быраан III в Хангаласском районе (рис. 1, 9), хотя он довольно часто встречается в гравировке серебряных обкладок седел и поясных блях [28. С. 107, табл. V, 4–8]. В якутском варианте «цветок смоквы» почти идентичен имеющимся изображениям в искусстве Саяно-Алтая рубежа I–II тыс. н.э.

Выступающая часть цветка имеет слегка округлый конусообразный верх. От опущенных книзу лепестков он отделен горизонтальными линиями-полосками. Удлиненные лепестки прочерчены вертикальными линиями. По мнению У. Йохансен, автора монографического исследования по орнаменту якутов, изображения цветов у северных потомков южных кочевников проявляют черты, свойственные древнему искусству Предней Азии [Там же. С. 59, 93].

Присутствие орнаментальных мотивов религиозного содержания в искусстве якутов позволяет выявить древние корни их традиционного мировоззрения и верований. Инородные элементы – нововведения – воспринимаются только при условии, если они сопоставимы с устоявшимися канонами мифо-ритуальной практики. Манихейская символика небесных светил была близка средневековым кочевникам Южной Сибири и поэтому понятна им. У саяно-алтайских тюркоязычных народов и якутов зафиксирована собственная развитая и общая для всех мифология небесных светил: солнца, луны, звезд [26. С. 83–91]. Даже самая яркая черта манихейской мифологии – дуализм (борьба Света и Тьмы, Добра и Зла), является основой мировоззренческих идей и мифологии этих народов. В традиционных воззрениях якутов представления о перерождении души, идее возмещения за грехи, превращении сакральных лиц после смерти в божества и тому подобное свидетельствуют о раннем влиянии буддизма. Вероятно, эти идеи были переняты предками якутов через население Прибайкалья или енисейских кыргызов. По мнению якутского тюрколога Г.Г. Левина, палеография некоторых надписей на якутских серебряных изделиях (табакерке, поясных бляхах) по форме и характеру выполнения «сильно напоминают манихейские знаки» [6. С. 274].

В палеоэтнографии якутов, в первую очередь в материалах раннеякутской кулун-атахской культуры XIV–XVI вв., содержится целый ряд кыргызских и кипчакских элементов. Относительно предметов украшений это в первую очередь проволочные серьги в виде «знакоа вопроса» с нанизанными бусами, получившие в литературе наименование «кипчакских», витые гривны, появляющиеся еще в верхнеобской культуре, т.е. в самом начале кипчакского культурогенеза [17. С. 26–27], различного рода ажурные украшения, наиболее характерные для сросткинской (кимако-кипчакской) традиции, и т.д. Вместе с элементами культуры енисейских кыргызов, также представленными в орнаментальном декоре парадных седел и перстней-печаток, они создают неповторимый облик традиционной культуры якутов, сохранивших и творчески переработавших многие элементы наследия культуры кочевников Южной Сибири предмонгольского времени.

Список источников

1. Приклонский В.Л. Материалы по этнографии якутов Якутской области // Известия ВСОИРГО. 1887. Т. 18. С. 1–43.
2. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. М. : Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. 710 с.
3. Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII в. (по материалам погребений). Якутск : Якуткнигоиздат, 1971. 212 с.
4. Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 192 с.
5. Кирьянов Н.С., Сtribézy E., Duchesne S., Gérard P., Mougin V., Géraut A., Petit C., Колодезников С.К., Попов В.В., Романова Л.Г., Алексеев А.Н., Бравина Р.И. Раскопки могильного комплекса позднего средневековья «Ат-Дабан» («Ат-Быран») в долине Эркээн Центральной Якутии (по результатам работ Саха-французской археологической экспедиции в 2016 году) // III Международный конгресс средневековой архео-

логии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдиков. Владивосток : Дальнаука, 2017. С. 148–154.

- Левин Г.Г. Была ли письменность у якутов? (к вопросу о руническом письме у народа саха) // Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история саха : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 125-летию Г.В. Ксенофонтова и 100-летию Л.Н. Гумилева. Новосибирск : Наука, 2014. С. 271–277.
- Саввинов А.И. Традиционные металлические украшения якутов: XIX–начало XX в. (историко-этнографическое исследование). Новосибирск : Наука, 2001. 171 с.
- Прокопьева А.Н. Бронзовые изделия поселения Кердюген // Материалы I (XLV) Российской с международным участием археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых «Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности». Иркутск, 2005. С. 210–211.
- Иванова-Унарова З.И. Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII – начало XX вв.) = Material and Spiritual Culture of the Peoples of Yakutia in World Museums (17th – early 20th centuries). Якутск : Бичик, 2017. Кн. 1: Сибирская коллекция в музеях США. 784 с.
- Окладников А.П. Якутия до присоединения к Русскому государству // История Якутской АССР. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. 432 с.
- Савинов Д.Г. Парадные седла с геральдическими изображениями животных // Археология Южной Сибири : сб. науч. тр., посвящ. 60-летию В.В. Боброва. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2005. Вып. 23. С. 19–24.
- Чикунова И.Ю. Металлический перстень из Северного Приобья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2017. № 12. С. 174–178.
- Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. 353 с.
- Гордienko A.B. Молчановско-андрюшинская культура лесного Зауралья // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2 (22). С. 31–36.
- Адамов А.А. Серебряные украшения из Тобольского Прииртышья (по материалам могильника Ивановский 10) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 34–39.
- Матюшко И.В. Погребальный обряд кочевников степей Приуралья в IX – XIV вв. н.э. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Казань, 2008. 375 с.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1949. 364 с.
- Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции) / под ред. Э. Крюбези, А. Алексеева. Якутск : Изд. дом СВФУ, 2012. 226 с.
- Талько-Грынцевич Ю.Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. IV // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского Отдела Императорского Русского географического общества. 1900 г. Иркутск, 1902. Т. III, вып. 1. С. 4–60.
- Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В. Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М. : Фундамента-Пресс, 1998. 84 с.
- Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово : Кузбас. гос. техн. ун-т им. Т.Ф. Горбачева, 2005. 240 с.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.
- Степанов А.Д. К аналогиям и происхождению некоторых бронзовых изделий Якутии (к вопросу о южных связях в эпоху железа и раннего Средневековья) // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИРГТУ, 2007. Вып. 5. С. 196–199.
- Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М. ; Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008. 332 с. (Труды сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. V).
- Король Г.Г. Декоративно-прикладное искусство Саяно-Алтая рубежа I–II тыс. н.э. и верований тюрков // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История. 2008. № 4/2. С. 98–106.
- Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск : Наука, 1980. 318 с.
- Данич А.В., Крыласова Н.Б. Новый пояс «византийского круга» из средневекового Баяновского могильника в Пермском крае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 3 (59). С. 87–94.
- Йохансен У. Орнаментальное искусство якутов: историко-этнографическое исследование. Якутск : Дани Алмас, 2008. 160 с.

References

- Priklonskiy, V.L. (1889) Materialy po etnografii yakutov Yakutskoy oblasti [Materials on the ethnography of the Yakuts of Yakutsk Region]. *Izvestiya VSOIRGO*. 18. pp. 1–43.
- Pekarskiy, E.K. (1958) *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut Language]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
- Konstantinov, I.V. (1971) *Material'naya kul'tura yakutov XVIII v. (po materialam pogrebenny)* [Material culture of the Yakuts of the 18th century (based on burial materials)]. Yakutsk: Yakutknoizdat.
- Gogolev, A.I. (1990) *Arkeologicheskie pamyatniki Yakutii pozdnego srednevekov'ya (XIV–XVIII vv.)* [Archaeological monuments of Yakutia in the late Middle Ages (the 14th – 18th centuries)]. Irkutsk: Irkutsk State University.
- Kiryanov, N.S., Crubézy, E., Duchesne, S., Gérard, P., Mougin, V., Géraut, A., Petit, S., Kolodeznikov, S.K., Popov, V.V., Romanova, L.G., Alekseev, A.N. & Bravina, R.I. (2017) Raskopki mogil'nogo kompleksa pozdnego srednevekov'ya "At-Daban" ("At-Byran") v doline Erkeeni Tsentral'noy Yakutii (po rezul'tatam rabot Sakha-frantsuzskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 2016 godu) [Excavations of the grave complex of the late Middle Ages "At-Daban" ("At-Byran") in the Erkeeni Valley of Central Yakutia (based on the results of the work of the Sakha-French archaeological expedition in 2016)]. In: Kradin, N.N. & Situdikov, A.G. (eds) *Mezhdunarodnoye dvizhenie kul'tur, tekhnologiy i imperiy* [Between East and West: Movement of Cultures, Technologies and Empires]. Vladivostok: Dal'nauka. pp. 148–154.
- Levin, G.G. (2014) Byla li pis'mennost' u yakutov? (k voprosu o runicheskem pis'me u naroda sakha) [Did the Yakuts have a written language? (on the question of the runic writing of the Sakha people)]. In: Alekseev, A.N. (ed.) *Vsadniki Severnoy Azii i rozhdenie etnosa: etnogeneza i etnicheskaya istoriya sakha* [Riders of North Asia and the birth of an ethnos: the ethnogenesis and ethnic history of the Sakha]. Novosibirsk: Nauka. pp. 271–277.
- Savvinov, A.I. (2001) *Traditsionnye metallicheskie ukrasheniya yakutov: XIX – nachalo XX v. (istoriko-ethnograficheskoe issledovanie)* [Traditional metal ornaments of the Yakuts: the 19th – early 20th century (a historical and ethnographic research)]. Novosibirsk: Nauka.
- Prokopieva, A.N. (2005) Bronzovye izdeliya poseleniya Kerdjogen [Kerdjogen bronze products]. In: *Kul'tury i obshchestva Severnoy Azii v istoricheskem proshlom i sovremennosti* [Cultures and Societies of North Asia in the Historical Past and Present]. Proc. of the I(XLV) Conference. Irkutsk. pp. 210–211.
- Ivanova-Unarova, Z.I. (2017) *Material'naya i duchovnaya kul'tura narodov Yakutii v muzeakh mira (XVII – nachalo XX vv.)* [Material and Spiritual Culture of the Peoples of Yakutia in World Museums (17th – early 20th centuries)]. Vol. 1. Yakutsk: Bichik.
- Okladnikov, A.P. (1955) *Istoriya Yakutskoy ASSR* [History of the Yakut ASSR]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
- Savinov, D.G. (2005) Paradnye sedla s geral'dicheskimi izobrazheniyami zhivotnykh [Ceremonial saddles with heraldic images of animals]. In: *Arkeologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archeology of Southern Siberia]. Vol. 23. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 19–24.
- Chikunova, I.Yu. (2017) Metallicheskii persten' iz Severnogo Priob'ya [The metal ring from the Northern Ob region]. *Trudy Kamskoy arkheologo-ethnograficheskoy ekspeditsii*. 12. pp. 174–178.

13. Pletneva, L.M. (1997) *Tomskoe Priob'e v pozdnem srednevekov'e (po arkheologicheskim istochnikam)* [Tomsk Ob region in the late Middle Ages (according to archaeological sources)]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Gordienko, A.V. (2013) Andryushinskaya culture of Wood Zauralye. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University Journal of History*. 2(22). pp. 31–36. (In Russian).
15. Adamov, A.A. (2017) Silver decorations from the Tobolsk Irtysh Region (based on the materials from the Ivanovsky 10 burial ground). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 414. pp. 34–39. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/414/5
16. Matyushko, I.V. (2008) *Pogrebal'nyy obryad kochevnikov stepей Priural'ya v IX – XIV vv. n.e.* [The funeral rite of the steppes nomads in the Urals in the 9th – 14th centuries AD]. History Cand. Diss. Kazan.
17. Kiselev, S.V. (1949) *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* [Ancient History of Southern Siberia]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
18. Crubezy, E. & Alekseev, A. (2012) *Mir drevnikh yakutov: opyt mezhdisciplinarnykh issledovanii (po materialam Saka-frantsuzskoy arkheologicheskoy ekspeditsii)* [The world of the ancient Yakuts: experience of interdisciplinary research (based on the materials of the Sakha-French archaeological expedition)]. Yakutsk: Northeastern Federal University.
19. Talko-Gryntsevich, Yu.D. (1902) Materialy k paleoetnologii Zabaykal'ya. IV [Materials for the paleoethnology of Transbaikalia. IV]. In: *Trudy Troitskosavsko-Kyakhtinskogo otdeleniya Priamurskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. 1900 g.* [Proceedings of the Troitskosavsko-Kyakhta branch of the Amur Department of the Imperial Russian Geographical Society. 1900]. Vol. 3(1). Irkutsk: [s.n.]. pp. 4–60.
20. Grach, A.D., Savinov, D.G. & Dluzhnevskaya, G.V. (1998) *Eniseyskie kyrgyzy v tsentre Tuvy (Eylig-Khem III kak istochnik po srednevekovoy istorii Tuvy)* [Yenisei Kyrgyz in the center of Tuva (Eilic-Khem III as a source on the medieval history of Tuva)]. Moscow: Fundamenta-Press.
21. Ilyushin, A.M. (2005) *Etnokul'turnaya istoriya Kuznetskoy kotloviny v epokhu srednevekov'ya* [Ethnocultural history of the Kuznetsk basin in the Middle Ages]. Kemerovo: Kuzbass State Technical University.
22. Savinov, D.G. (1984) *Narody Yuzhnoy Sibiri v drevneyturkskuyu epokhu* [The peoples of Southern Siberia in the ancient Turkic era]. Leningrad: Leningrad State University.
23. Stepanov, A.D. (2007) K analogiyam i proiskhozhdeniyu nekotorykh bronzovykh izdeliy Yakutii (k voprosu o yuzhnykh svyazyakh v epokhu zheleza i rannego Srednevekov'ya) [To analogies and the origin of some bronze products of Yakutia (on southern connections in the Iron Age and the early Middle Ages)]. *Izvestiya laboratori 5. pp. 196–199.*
24. Korol, G.G. (2008) *Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki* [Art of Medieval Nomads of Eurasia. Essays]. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
25. Korol, G.G. (2008) Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Sayano-Altaya rubezha I–II tys. n.e. i verovaniya tyurkov [Decorative and applied art of the Sayano-Altai at the turn of the 1st – 2nd millennium AD and Beliefs of the Turks]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istorya – Izvestiya of Altai State University. History*. 4/2. pp. 98–106.
26. Alekseev, N.A. (1980) *Rannie formy religii tyurkoyazychnykh narodov Sibiri* [forms of religion of the Turkic-speaking peoples in Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
27. Danich, A.V. & Krylasova, N.B. (2014) New belt of the “Byzantine Circle” from the Medieval Bayanovsky burial ground in the Perm territory. *Arkeologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 3(59). pp. 87–94. (In Russian).
28. Johansen, U. (2008) *Ornamental'noe iskusstvo yakutov: istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Ornamental art of the Yakuts: a historical and ethnographic study]. Yakutsk: Dani Almas.

Сведения об авторе:

Бравина Розалия Иннокентьевна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, зав. отделом археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия). E-mail: bravinari@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Bravina Rosalia I. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Head. Department of Archeology and Ethnography of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North (IHRISN) (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: bravinari@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.02.2019; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 20.02.2019; accepted for publication 06.05.2022

Научная статья

УДК 39(=55)

doi: 10.17223/19988613/77/23

Злоказненные силы в традиционных верованиях и фольклоре лесных юкагиров

Людмила Николаевна Жукова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия, zjukova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам формирования образов злоказненных сил в традиционной культуре лесных юкагиров на протяжении длительного времени. Хронологические рамки – от древнейшего периода до исторической современности (конец XX в.). Привлекаются данные археологии и этнографии, языка, фольклора, декоративно-прикладного искусства. Определяются семантика образов, причинно-следственные закономерности их трансформации. Сопоставляются наиболее полные материалы конца XIX – конца XX в. Рассматриваются образы первопредков по материнской и отцовской линиям, инвертированные в злые силы.

Ключевые слова: северо-восток Азии, юкагиры, картина мира, первопредки

Для цитирования: Жукова Л.Н. Злоказненные силы в традиционных верованиях и фольклоре лесных юкагиров // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 196–206. doi: 10.17223/19988613/77/23

Original article

Evil Forces in Traditional Beliefs and Folklore of the Forest Yukagirs

Lyudmila N. Zhukova

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North (IHRISN), Yakutsk, Russian Federation, zjukova@mail.ru

Abstract. The article deals with the formation of images of evil forces in the traditional culture of forest Yukagirs (self-name "Odul") for a long time. Oduls live in the North-East of Russia, in Verkhnekolymskiy ulus (district) of the Republic of Sakha (Yakutia). The chronological range of the study covers from the ancient period to historical modernity (late of XX century). They are attracted by data of archeology and ethnography, language, folklore, arts and crafts of Oduls. The work is written on the published materials and field data of the author, collected from the forest Yukagirs in the period 1996-2007. Classification of evil forces by category made V.I. Jochelson in early of XX century. It was the basis for comparison with the data obtained by us.

The material of religious views and folklore reveals the semantics of evil images; causal patterns of their transformation in time. It is assumed that the initial formation of this category of external forces belongs to the pre-religious period. The oldest idea of the surrounding primitive man is not yet divided into cosmic forces and unnamed space, saturated with energy bipolar forces, revealed in the analysis of Yukagir concept *Pon* 'Something' (Rus. 'Nature').

There is no indication of the place of concentration of malicious forces in the mythopoietic graphemes of the two-level and early three-part Universe of the Neolithic-Bronze Age period. Malicious forces *iuθie* are everywhere. Graphemes painted by red ochre on streamside rocks of Central Yakutia. The sign image of sky-father corresponds to the zoomorphic image of the Earth-mother; at the same time there is an idea of the underworld of the dead. Graphemes are known in the jewelry of modern clothing of Oduls.

With the addition of the shamanic three-part picture of the world images of evil forces are concentrated on its third level – in the underworld. This picture of the world with the concentration of evil forces of a class of *kukul* in the world of the dead is seen in religious and mythological views of Oduls and folklore. Hunters and fishermen of the Upper Kolyma who are now leading the economy, shamanistic views were received from the alien peoples.

The article compares and contrasts the changes that have occurred in the views of Oduls on malicious forces within 100 years (XIX-XX centuries). The images of ancestors on the maternal (Solomina-Cherv') and paternal (Ostrogolovy dedushka) lines inverted in evil are considered. Were wolves of these and other evil characters of mythology and folklore (Luna-ludoed. Myphichesky staric) are noted.

In general, at the late of XX century there was a weakening of emotional tension in the perception by the evil forces of the surrounding world by forest Yukagirs and transformation of previous images into the field of etiological myths and folklore. We believe that one of the main causes of re-meaning images are atheistic policy of the state.

Keywords: Northeast Asia, Yukagirs, worldview, ancestors

For citation: Zhukova, L.N. (2022) Evil Forces in Traditional Beliefs and Folklore of the Forest Yukagirs. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History.* 77. pp. 196–206. doi: 10.17223/19988613/77/23

Представления о злоказненных силах возникли в глубокой древности. В самый ранний, дорелигиозный период в истории человечества, соотносимый с палеолитической эпохой [1], явления окружающего мира определялись как качественно хорошие, приятные, и плохие, неприятные. Язык лесных юкагиров верхней Колымы – потомственных охотников и рыболовов, проживающих на северо-востоке Республики Саха (Якутия) (самоназвание *одул*), сохранил древнейшее представление об окружающем первобытного человека пространстве *Пон 'Нечто'* (рус. 'Природа'). *Пон* еще не расчленен на космические силы и стихии и не именован: *Кужуу* ('Небо'), *Йэльоодъэ* ('Солнце'), *Лэбii* ('Земля') и пр.; – он насыщен энергетикой биполярных сил и являлся объектом наблюдений и умозаключений древнего человека.

Исследователь юкагирской культуры В.И. Иохельсон писал в начале XX в.: «Если говорят *Пон-йулэч*, т.е. 'Нечто стало темным', то это означает, что наступил вечер; *Пон-эмидэч*, т.е. 'Нечто стало черным', значит, что наступила ночь; *Пон-омоч* – 'Нечто стало хорошим', т.е. наступила хорошая погода; *Пон-тибой* – 'Нечто стало дождливым', т.е. идет дождь [2. С. 206–207]. *Пон* становится то темным, то черным, то хорошим, то дождливым. «Нечто» не посыпает земле, людям и всему, что есть на земле, дождь, ночь и пр., а становится им само. Как будто человек живет внутри некоего изменчивого живого «организма», и «род человеческий» помещен в непривычные условия, которые ему предстоит, наблюдая и познавая, расчленить на составляющие, определить их функции и поименовать. Здесь «род человеческий» выступает как коллективная исследовательская самость, выделяющая себя из окружающего мира. В дорелигиозный период силы добра и зла еще не были позиционированы как антагонисты и представлялись находящимися в смешанном, миксомовом состоянии.

Явления *Пон* в зависимости от воздействия их на человека определялись как *омось* 'хорошие' (светлые, теплые, безопасные, полезные) и *эрись* 'плохие' (темные, холодные, опасные, вредные). Полагаем, что эти первичные качественные характеристики мира («хороший»–«плохой») заложили основу древней универсальной системы парных классификаторов. Согласно этой системе враждебные человеку силы стали ассоциироваться со «злом», «плохим». Действия злоказненных сил представлялись как проявления и угрозы видимого и невидимого внешнего мира, они находились и действовали повсюду, по своей природе они внезапны и вне прогноза и управления человеком. Максимальная консолидация родового коллектива есть способ противодействия злоказненным силам. Знаковые символы злоказненных сил отсутствуют в мифопоэтических ранних картинах Вселенной, известных по писаницам Якутии (поздний неолит – бронзовый век).

На писанице Суруктах-Хая (средняя Лена) за основу знакового обозначения Неба взята дуга (арка) (рис. 1), праобразом ее могло послужить такое явление природы, как радуга. Житель с. Нелемное Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия), одул Д.Г. Дьячков на вопрос о предполагаемой им форме Неба ответил: «По радуге». Интересно, что радугу некоторые северные народы ассоциировали с лосем: А.И. Мазин со ссылкой на Н. Харузина писал, что лопари «под видом радуги рисуют огромного лося, пьющего воду из реки» [3. С. 63]. Арки украшены «рогами» – солнечными лучами. Внутреннее пространство перечерчено косым крестом, иногда переходящим в антропоморф. Знаковое обозначение Неба почти всегда сопровождалось мелкими штрихами, мазками краски [4. Табл. 23, 24] – это символы небесного «благодатного» дождя, ниспосылающего на Землю души промысловых животных и людей.

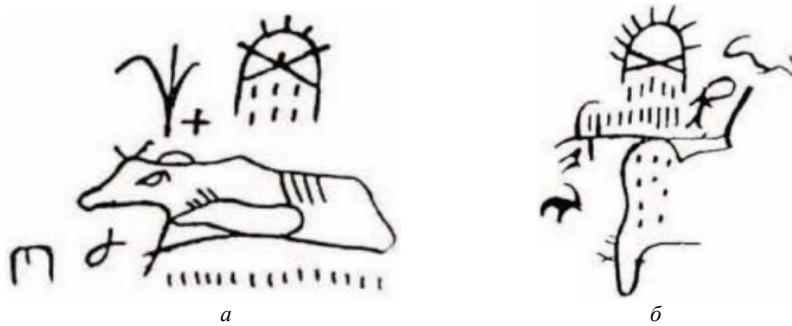

Рис. 1. Графемы Вселенной: Небесное / Солнечное божество и Земля-лосиха / лось на писаницах Якутии. Охра. Средняя Лена [4]

На рис. 1, *а* показана графема двучастной мифопоэтической Вселенной. Под знаком ниспосылающего Неба помещена беременная лосиха – символ Земли-матери, внутри нее показан детеныш. Слева помещены парные знаки, которые, как показали наши исследования, дублируют содержание графемы [5. С. 56].

На рис. 1, *б* под символическим изображением Неба изображен лось-самец, он обращен головой вниз; в петроглифах Якутии так ориентированы добытые животные, убитые противники, в пиктографическом письме юкагиров – умерший человек, погибшая собака (рис. 2).

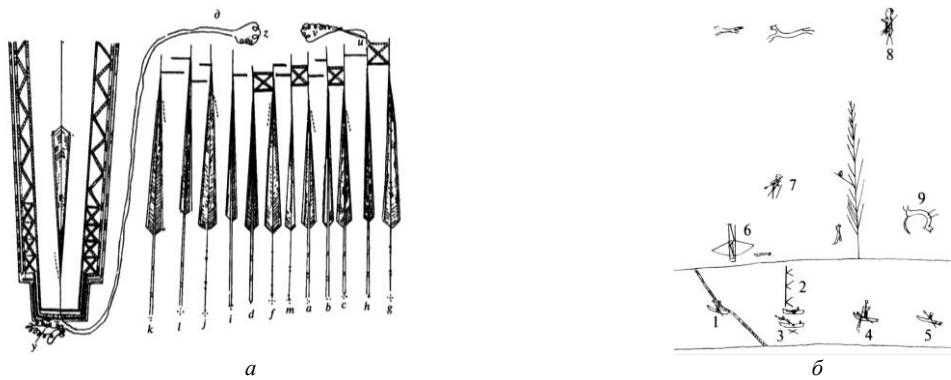

Рис. 2. Женское (а) и мужское (б) пиктографические письма юкагиров на бересте [2]

Между знаком Неба и животным прочерчена линия горизонта или дорога, разделяющая основные космические миры. Надо полагать, это ранний рисунок мифической трехуровневой Вселенной. Добытое животное головой ориентировано в подземный Мир теней. Значимость мелких штрихов внутри контура зверя следует читать как животворящий небесный дождь, «живая энергия», которая чудесным образом возвращает к жизни главное промысловое животное. Над «дорогой» справа помещены фигура человека и овал – шаман-посредник с бубном(?). В целом композиция иллюстрирует одно из важнейших условий существования охотничьего коллектива: возрождение добытых животных и новое наполнение ими тайги. В этой ранней графеме трехуровневой Вселенной еще отсутствует знаковое обозначение третьего уровня – подземного

мира как прибежища злоказненных сил. (Возможно, линия дороги, фигуры шамана и другие рисунки на периферии сделаны позже. Основу композиции изначально составляли изображения ниспосылающего Неба и добытого животного.)

Космогонические графемы позднего неолита – бронзового века центральной Якутии обнаруживают пролонгирование во времени в декоративно-прикладном искусстве охотников и рыболовов верхней Колымы. Изучение графем Вселенной, украшавших юкагирскую одежду (XIX–XX вв.), показало, что на мужских передниках к распашному кафтану воспроизводились двухуровневые графемы (рис. 3, а), на женских передниках – раннешаманские (рис. 3, б) [6]. В графемах также отсутствует фиксация местопребывания злоказненных сил.

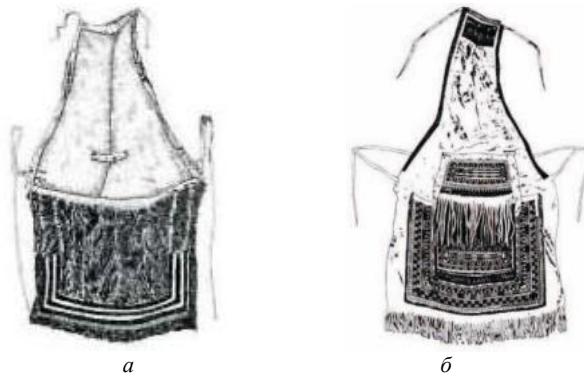

Рис. 3. Графемы Вселенной на мужских (а) и женских (б) передниках одулов [2, 6]

Предпринятое нами сравнительное исследование образцов наскального искусства Якутии периода позднего неолита – бронзового века (II–I тыс. до н.э.) и юкагирских материалов конца XIX – начала XXI в. показало, что эти два разновременных комплекса представляют собой последовательные стадии развития одной архаической культуры. Наскальные рисунки Якутии трудно достаточно достоверно интерпретировать без привлечения юкагирских материалов, и наоборот, исследование картины мира современных охотников на лося, имеющих глубинные корни в архаических пластиках истории, невозможно без привлечения и анализа образцов первобытного искусства. Обнаруживается взаимозависимость и неразрывная связь двух разновременных культурных комплексов – древнего и современного [5].

Опираясь на вышеизложенное, нужно считать традиционно одульским представление о нахождении злоказненных сил повсюду, от микро- до макрокосма. «Все духи, которых мы знаем, хотят убить нас. Хорошие, мы не знаем» [7. С. 399].

По наблюдениям В.И. Иохельсона, в конце XIX – начале XX в. юкагиры разделяли злых духов на невидимых *йуойэ*, живущих на самой земле, и *кукуль* / *кукуль*, живущих под землей.

Класс *йуойэ* многочисленный, некоторые имеют специфические названия. *Нинйуойэ* 'злой дух одежды' имеет облик лося, поселяется в складках одежды, вызывает ревматизм. *Нъаньулбэн* *йуойэ* ' тот, кто вводит в грех' – все нарушения табу происходят под его воздействием. Он вызывает нервные и некоторые женские болезни. Иногда злоказненные силы выдают себя

пением; так, юкагиры боялись мест, где раздавалось громкое эхо – там обитает *адъун-чэдьил йуойэ* 'злой дух, завлекающий словами' [2. С. 222]. Был *«jie-jie* 'злой дух, в виде медведя' [8. С. 16]. По-видимому, этот класс *йуойэ* является одним из древнейших. Главными защитниками от злых сил в прошлом были сведущие женщины, затем стал считаться шаман.

Наши полевые материалы показывают, что в конце XX в. класс *йуойэ* (от *йуо* 'смотреть, видеть') рассматривался не только как однозначно вредоносный. Были *йуойэ*, считающиеся благожелательными духами-помощниками промысловиков и членов их семей (рис. 4).

В.И. Йохельсон писал, что юкагиры особо выделяли *йоибэ* – злых духов других народов. Эта категория особо опасна, так как против чужих духов юкагирские шаманы бессильны. С вхождением Якутии в состав Российской государства опасным стали считать злого иноземного духа болезни, привезенного русскими. Шаманские обрядовые обращения адресовались духу, олицетворяющему инфекционные болезни – оспу, проказу, сифилис, простудные заболевания эпидемического характера и др.:

«*Со стороны русской земли пришедшая мать!*
Своих детей пожалей, тепло дай, согрей!

[9. № 40].

Обращение шамана во время камлания по случаю болезни человека:

«*Со стороны русской земли пришедшая матушка,
Меня пожалей!*
*Наш род таким обычаем примирялся,
Меня пожалей!*
Моего слова на землю не бросай!
...Ты мать наша!
Меня пожалей, в свою землю уйди!

[Там же. № 39].

Дух болезни представлялся в образе русской босоногой женщины с русыми выющимися волосами, которая ловила и поедала тени-души юкагиров. В 1930 г. юкагирский писатель и ученый, одул Н.И. Спиридонов (Тэки Одулок), считал, что прототипом иноземного духа болезни была *кож-ергэ* 'сказочная старушка' – персонаж народной демонологии, впоследствии получившая реальный облик как эпидемия оспы и кори, уничтожавшая юкагирские племена [8. С. 51]. В конце XX в. в фольклоре одулов сохранялся устрашающий облик духа болезни под именем *Чомол йоу* 'Большая болезнь' (рис. 5).

«*Вошла худая старуха с черным лицом. Волосы лохматые, нос крючковатый, обувь помята, верх носка загнутый!*

Рис. 4. Сакральная антропоморфная скульптура лесных юкагиров: 1, 2 – мужской и женский охранители домашнего очага *пэн йуойэ*; 3 – охранитель ребенка *уон йуойэ*; 4 – охранитель промысла *нумэ йэклыэ йуойэ* [5]

Рис. 5. «Большая болезнь». Юкагирская художница Л.А. Дьячкова-Дускулова

Повсеместность добрых и злых сил побуждает юкагиров в начале XXI в. задабривать стихии Природы, *Лэбиэн Погиль* ('Хозяин Земли'), *Эндельоонпэ погильпэ* ('Хозяева животных'), *айбии* ('тень / душа') предков, всех духов, как положительных, так и отрицательных (например, духов болезней), для чего приносят жертвы *Лосил* ('Огонь'), *Лэбиэ* ('Земля'), *Оожсии* ('Вода'), *Пиэ* ('Гора'), старым могилам, домам, пням, отдельным деревьям и пр. Согласно языческим представлениям об одушевленности всего сущего, добрые и злоказненные силы *миткат лэгулэк лации* 'от нас кушать просят'. Считается, что обиженный дух или природная сила может начать вредить человеку вплоть до трагического исхода.

В конце XX в. в записях фольклора в качестве злоказненных сил выступают персонифицированная Смерть, девушка-дьявол, привидения, «плохие» шаманы и др. [10]. Согласно народным поверьям, со злыми силами соотносят конец дня: вечером нельзя петь, а оброненную еду необходимо поднять, иначе она достанется злым силам. Эти же силы в качестве лука для нападения на человека могут использовать ноготь, обрезанный полукругом. Так как срезанная часть формой напоминает лук, то ноготь обрезают кусочками (полевые материалы автора; ПМА).

В.И. Иохельсон в особый класс злых духов выделил *кукул / кукуль* 'злой дух, дьявол', живущих под землей. Появление этого класса злых сил могло быть

связано с существованием представлений о шаманской трехъярусной Вселенной, наличием в ней особого подземного мира как вместилища злых сил, а также с функциональной значимостью шамана как посредника между людьми и духами.

В условиях шаманской трехчастной модели мира в соответствии с дуалистическим взглядом на природу вещей и явлений все непонятное, вредное и злое в обличии злоказненных сил было сконцентрировано в нижней части графемы мифопоэтической Вселенной. Среди наскальных рисунков бронзового – раннего железного века Якутии известна графема, выполненная красной охрой (рис. 6, а). Верх ее в виде лучистого овала с косым крестом внутри символизирует божественное Небо-отца. Женскими соответствиями космическому низу и Земле выступают два графических символа: рассеченный треугольник и помещенный рядом справа рисунок сумы, последа.

Центр этой трехчастной графемы Вселенной представлен изначально женским знаком: прямоугольником с точками. Знак известен в графеме двучастной модели с писаницы Бэшегтуу в Забайкалье (рис. 6, б), но он уже переосмыслен и несет символику мужского посредничества между божественным Небом-отцом и рождающей Землей-матерью. Так символически обозначены служители культа-мужчины, посредники, жрецы, шаманы. Значимость этого уровня усиlena изображением колюще-го предмета (пика, кинжал) – символа мужской власти.

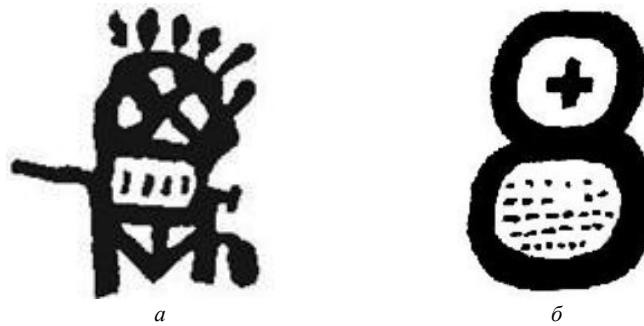

Рис. 6. Графемы: а – трехчастной мифопоэтической Вселенной (Средняя Лена) [4]; б – двучастной модели Вселенной (Забайкалье) [11]

В шаманской трехчастной модели мира универсальная система бинарных оппозиций четко позиционировала добрые и злые силы. По горизонтали: добро– зло, правое–левое, мужское–женское, Солнце–Луна, восход–закат и пр. По вертикали: добро–зло, верх–низ, мужское–женское, Небо–Земля, белое–черное и пр. В этих условиях маркером злоказненных сил становится принадлежность к семантическому ряду объединенных признаков: зло–левое–женское–Луна–закат–низ–Земля–черное и пр.

В традиционную культуру одулов шаманская трехчастная Вселенная, по-видимому, была воспринята от пришлых групп иноэтнического населения. Это были племена с устойчивыми патернистскими позициями в общественной и культурной жизни. По нашему мнению, под их влиянием в синкетической мифопоэтической модели мира одулов сложились представления о подземном *Айбииидыи* 'Мир теней', его хозяине и помощниках. В.И. Иохельсон писал, что подземный мир представлялся разделенным на два яруса. «В верхнем

ярусе – мире душ (*Айбииидыи-лэбиэ*) – проживают тени мертвых, в нижнем ярусе, называемом *Йоодичиньул хаха-лэбиэ*, т.е. Страна Дедушки с Остроконечной Головой, живут *кукулэ* (мн. ч. от *кукуль*). Во главе всех злых духов стоит самый страшный из них – Дедушка с Остроконечной Головой. В этом подземном королевстве царят вечные холод и мрак. Никто, кроме самых могущественных шаманов, не осмеливается спускаться во второй ярус подземного мира» [2. С. 222].

Этот класс злоказненных сил называют также *ньяньюлбэн* 'грешный', *элэдулбэн / эйэдулбэн* 'невидимый'; не исключено, что некоторые именования являются эпитетами самого Дедушки с Остроконечной Головой. Злые духи могут входить в тело человека, поедать его внутренние органы и быть причиной разнообразных болезней.

В конце XX в. главу злых духов, специально охотящихся за людьми, называли *Йоодээисьэньюлбэн* 'Голова как будто Острая'. Одул с. Нелемное, внук шамана Н.М. Лихачев (1916–2008) так описал его наружность:

фигура, как у человека, с двумя руками и ногами, голова, как пешня, острая, длинная, до полуметра длиной; лицо шириной в четыре пальца, рот от уха до уха, во рту четыре зуба; два глаза маленькие, круглые, как шилом проткнутые, в темноте горят, все видят (ПМА). В этиологических мифах он фигурирует как «Остроголовый», или просто «черт», это антагонист Христу-мироустроителю [12].

В записанной в 1987 г. эпической сказке «Петр Бэрбэкин» о странствиях одноименного персонажа по ярусам трехчастной Вселенной и встрече со злыми силами подземный Мир теней описывается как трехъярусный [10. Ч. 1. № 31]. Этот текст будет рассмотрен ниже.

Остроголовые изображения женщин, мужчин, детей прочерчены на бересте [2. С. 622–623] в женских пиктографических письмах лесных юкагиров (см. рис. 2, а). В мужских берестяных письмах [Там же. С. 611–615] все фигуры круглоголовы (см. рис. 2, б).

Остроголовые фигуры известны в вышивке одулов на мягких материалах [13], в культовой скульптуре из дерева (см. рис. 4, 1). Поэтому остроголовость не может считаться показателем однозначно отрицательной коннотации образа. Амбивалентность изображений

головы персонажей в текстах (устных, письменных, изобразительных и пр.) определяется из контекста. Интересно, что сочетания в одном культурном комплексе остроголовых и круглоголовых антропоморфных фигур в различных композициях и контекстах известны на писаницах Якутии периода неолита – раннего железного века [4, 11, 14–16].

В Колымском регионе самые ранние остроголовые изображения датированы неолитом (поздненеолитическая ымыяхтахская культура). В Родинском грунтовом захоронении молодой женщины (нижняя Колыма) на широкой костяной пластине прорезано пять горизонтальных линий, над каждой линией прочерчены короткие отростки с крючком на конце, под линиями – остроголовые антропоморфные фигуры. По нижнему краю нанесены S-видные знаки [17, 18]. На другой плоскости пластины отростки с крючками образуют косой крест-свастику с остроголовыми человечками внутри. Свастика в композиции с четырьмя антропоморфами может представлять реинкарнационный знак. Сама костяная пластина имеет форму удлиненной подковы и моделирует знаковое обозначение Неба-отца в графемах мифологических Вселенных. Нижний край пластины прямой (рис. 7).

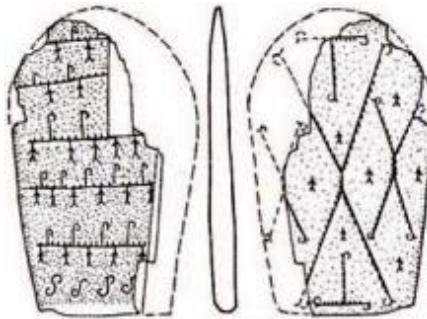

Рис. 7. Костяная пластина из неолитического женского Родинского захоронения. Нижняя Колыма [17]

Резные изображения и форма костяного предмета, сопровождавшего погребенную молодую женщину в Мир мертвых, предполагают его сугубо сакральное значение. Можно допустить, что виртуальная «дробь», в «числите» которой один отросток с крючком, а в «знаменателе» – антропоморфная фигура, моделирует вариант известных двучастных графем Вселенной [5. С. 162]. Но учитывая, что погребение грунтовое и указывает на функционирование представлений о Мире мертвых, возможно, полученная «дробь» и соответствующие ей изобразительные ряды воспроизводят знаки Средней земли (через растительный код) и знаки Нижней земли – Мира мертвых (через антропоморфы). Такое прочтение поздненеолитического рисунка позволяет говорить, во-первых, о существовании возврений на одноярусный Мир мертвых, пять резных линий с рисунками являются орнаментальным приемом, во-вторых, об иконографии тени-души умершего через остроголовый антропоморф, в-третьих, о присутствии реинкарнационных идей, в-четвертых, о раннем этапе моделирования трехчастной мифологической Вселенной. Семантика S-видных фигур в контексте всей композиции остается неясной.

В результате палеоэтнографического анализа способа захоронения и сопровождающего инвентаря Ро-

динского грунтового захоронения был поставлен вопрос о не юкагирском его происхождении. Определено, что по набору ритуальных предметов из камня, кости и рога памятник тяготеет к Приморской зоне [5. С. 161–167; 14]. Мы имеем очевидное свидетельство продвижения на нижнюю Колыму пришлой иноэтнической группы. Это весьма ценная находка, потому что она демонстрирует комплекс привнесенных из Приморья элементов, которые могли бы оказать влияние на аборигенные культуры и впоследствии обнаруживаться в них.

В контексте рассматриваемой темы орнаментированный предмет из кости представляет особый интерес. Как мы предположили, это иллюстрация натуралисто-философской идеи реинкарнации во временном континууме посредством знаков свастики и антропоморфов. На другой стороне предмета та же идея реинкарнации представлена пятью знаковыми рядами. Парность знаковых обозначений Нижней земли (остроголовые антропоморфы) и Средней земли (растительные символы) находит продолжение и объяснение в современных натуралисто-философских текстах одулов.

Текст записан в с. Нелемное от знатока языка, фольклора и традиционной культуры В.Г. Шалугина (1934–2002) в 1987 г.:

«Тень человека, став соломиной, с Нижней земли на Среднюю землю вышла, поднялась. Мышика ее съела. В животе носила; когда она [мышика] по реке плыла, ее ленок проглотил. Ленок ее проглотил и поплыл с живой мышью в животе. В животе мыши лежала [букв. была] соломина.

Потом скопа схватила ленка. И съела, сидя на дереве. И вот из живота ленка живая мышь на землю упала. И давай бежать. Ее схватила сова. Понесла и, на дереве сидя, съела. Когда она ела мышь, из живота мыши соломинка на землю упала. Упав на землю, стала человеком.

Так с Нижней земли на Среднюю землю человек спасается, [так и] живет» [10. Ч. 1. № 11].

Опуская анализ всего текста (см. об этом: [5. С. 213]), укажем только на параллелизм выведенных выше четырех основных доминант поздненеолитического изобразительного и юкагирского устного произведений. Гипотетическими объединяющими элементами являются: присутствие реинкарнационной идеи, представление о нахождении тени умершего человека в Мире мертвых – Нижней земле, стартовое циркулирование тени от Нижней к Средней земле, мифологизированное оборотничество тени человека в растительность (соломина). Также отмечена неявная роль Неба-отца через форму костяной пластины и через пребывание соломины в воздушной стихии посредством птиц.

В юкагирском тексте не назван абрис головы и всей фигуры человека. Если обратиться к прочерченным в пиктографических письмах обликам людей, то для палеореконструкции большую предпочтительность имеют остроголовые фигуры. В девичьем письме умершая женщина имеет общий для всей группы остроголовый абрис, только обращена головой вниз (см. рис. 2), в любовных письмах заложена идея супружества и продолжения рода. Мужские промысловые пиктограммы с круглоголовыми персонажами изображают сцены охоты и рыболовного промысла, перекочевки семей по местности. Кроме того, в письме промысловиков сообщение о смерти человека представлено прорисовкой могилы с крестом [2. С. 611]. В результате возникает предположение, что вычлененная знаковая формула на костяном предмете (растительный символ – антропоморф) может быть экстраполирована на юкагирский текст: знаковым эквивалентом ей являются соломина и антропоморф.

Сопоставление разножанровых текстов позволило наметить гипотетические общие места в натуралистических возвретиях на реинкарнацию души умершего человека у пришлой в кольмскую тундру в позднем неолите иноэтнической группы и современных лесных юкагиров верхней Колымы.

Как уже указывалось, в конце XIX – начале XX в. одулы представляли Мир мертвых двухъярусным. На верхнем ярусе находились тени умерших, на втором – Остроголовый дедушка во главе злых духов. В конце XX в. эпическая сказка о странствиях Петра Бэрбэкина по ярусам Вселенной описывает трехъярусным мифический Мир теней, тени умерших занимают верхний и средний ярусы. В записях одульского фольклора конца XX в. этот текст наиболее ярко иллюстрирует злокоз-

ненные силы подземного мира. На каждом ярусе Нижней земли герой встречал отрицательных персонажей, пытавшихся прямо или косвенно уничтожить его. На самом нижнем ярусе обитал трехпалый *Иркин аյдъэнулбэн* 'Одноглазый'. Главный герой сказки Петр Бэрбэкин попадает в его пещеру.

«...у того человека посреди лба только один глаз. Зубы на тесла похожи. На правой руке мизинца и безымянного пальца нет. На левой руке мизинца и большого пальца нет» [10. Ч. 1. № 31].

В образе Одноглазого великаны выступает поверженный герой, который когда-то жил на Средней земле, был «предводителем людей» (предком?) и за совершенные грехи отправлен на Нижнюю землю. Предварительно его лишили одного глаза, двух пальцев на руках, на ногах обрезали сухожилия. Форма головы не охарактеризована. Питается мясом добытых зверей, но это потенциальный людоед: проглотил топорик вместе с прилипшим к нему отрезанным мизинцем героя сказки. Одноглазый находится в постоянном соперничестве с другим великаном – представителем враждебных сил, отбравшим его помощников. Оба дерущихся похожи «то на горы, то на еще что-нибудь». Перспективно сопоставление образов Одноглазого великаны и Остроголового черта. Общность обнаруживается при описании внешности: акцент сделан на глаза, зубы, конечности (см. описание, данное одулом Н.М. Лихачевым); оба совершают греховные поступки, имеют некоторое число помощников и являются хозяевами нижнего яруса Мира теней.

На формирование всех персонажей этой сказки значительное влияние оказали образы, взятые из литературы, фольклора, кинофильмов (древнегреческий миф об Одиссее, русская сказка «Лихо одноглазое», фольклор старожилов села Русское Устье на р. Индигирке и др.). При этом заимствования творчески переработаны юкагирской устной традицией в соответствии с народной мифологией, включают элементы традиционных верований, этнографические подробности.

Другим знаковым персонажем сказки является сестра Одноглазого великаны *Ульэгэраа* 'Соломина' (досл. 'Травяное дерево'). Поющая *Ульэгэраа* – оборотень, превратившаяся в *Кэлидъэ-Алльитай* 'Червяк-Оплетай'. *Ульэгэраа* – единственный женский персонаж сказки – песней подозвала к себе человека, захватали его и заставила носить на себе около 3 лет. Этот мотив может быть рассмотрен как символ супружества. Герой нашел способ освободиться и спасся бегством. Пение Соломины косвенно указывает на извлечение звука из полого стебля сухой травы, т.е. музыкального инструмента в виде дудки.

Соломина и червь являются знаковыми символами и имеют ключевое значение в народных возвретиях одулов на воспроизведение жизни и инкарнацию [5. С. 156–166, 205–216]. Парность предков: брат и сестра, Одноглазый великан и Соломина-Червь указывают на праотца и праматерь в образе вредоносных хтонических сил, уже «запертых» в Мире теней без возможности новой реинкарнации. Сюжет о кровосмесительном браке, в результате которого возникает новый народ или род, широко известен в мировой фольклористике.

Результатом инцеста фольклор юкагиров объясняет появление соседей – чукчей («Юкагирская сказка о происхождении чукчей»), юкагирского Заячьего рода («Сказка о Луннолицем») («Сказка о Луннолицем») [2. С. 136, 342–343, 411–413].

На двух верхних ярусах Мира теней Петр Бэрбэкин наказал людоеда – Хозяина морского залива, ежедневно требовавшего человеческих жертв, и не помог человеку-зверю, «не помнящему Бога», в его борьбе с противником – защитником людей. Герой сказки, странствуя по ярусам Нижней земли, преодолевает их пешком, в лодке, в облике птицы, по веревке. Наконец, вместе с *айбии* ранее умерших вновь возвращается на Среднюю землю, но хозяева Средней земли, видя в нем непростого человека, отправляют его к божествам Верхней земли. Там Бэрбэкин устраивает подобие малой родины – рассыпает принесенную с собой землю, ставит дом, защитные кресты и живет, преодолевая козни, чинимые верхними богами и их помощниками.

Если в конце XIX – начале XX в. считалось, что на нижний ярус Мира теней могут проникнуть только самые сильные шаманы, то главный герой рассматриваемой эпической сказки отправляется в подземный мир в поисках личного бессмертия. Он не защитник Родины, людей, родственников по крови, не ищет и не освобождает невесту, не идет в бой с врагами рода человеческого из-за общественно значимых целей. Это странник-одиночка, спасающий свою жизнь. По-видимому, персонаж под именем Петр Бэрбэкин можно рассматривать как предтечу образа героя-змееборца, известного в эпических сказаниях многих народов.

Выше было предположено, что образ Остроголового дедушки – главы злых духов подземного Мира теней, сформировался в условиях и под влиянием шаманской трехчастной картины мира. Если шаманская Вселенная, как мы считаем, была привнесена в одульскую охотничью культуру, то образ ее Остроголового хозяина и сестры-оборотня также заимствованы.

Фольклор лесных юкагиров сохранил миф о происхождении Луны: в *Киндъэ* ('Луна') превратился периодически голодавший, но всегда спасаемый людьми бродяга. В этом этиологическом тексте смена лунных фаз объясняется через изменение внешности голодного бродяги. Тощий человек ходил вокруг озера, выспрашивая еду у людей. Его кормили, наевшись, он становился круглолицым. «Наестся – радуется, душа его добреет. Тогда далеко уходит, сидит и смотрит». Затем он худел, исчезал, и тощий вновь появлялся, выспрашивая еду. «Так его, ходящего, Луной сделали... свое озеро обходит, теперь и Землю обходит» [10. Ч. 1. № 1]. В очертаниях пятен полной Луны, по некоторым данным, видится лицо бродяги.

Считается, что на третий день полнолуния Луна бывает красной. В это время она является собой раскаленную печку или *чибаль* 'костер', в котором черти сжигают *айбии* особо грешных умерших людей. При этом они «транспортируют» тени грешников из Нижней земли (зап. от В.Г. Шалугина). Здесь прослеживаются явные семантические связи полной Луны и подземного Мира теней.

После полнолуния наступает «вторая ночь» *Kinise met cagitec* 'Луна себя потрогала' [8. С. 18], т.е. Луна на ущербе. Эту фазу сказка объясняет тем, что соседи уснули и не кормили бродягу. Фазу Луны, когда она не видна на небе, объясняют нахождением в доме скучной женщины, очень медленно варившей еду, от нее бродяга ушел, так и не поев.

Через изменения внешности Луны-бродяги: то тощего и остроголового, то полного, круглолицего, – объясняется смена лунных фаз. Миф указывает на присутствие в прошлом у лесных юкагиров лунного календаря и обнаруживает близость с широко известным в мифологии образом умирающего (исчезающего) и возрождающегося бога [19].

Фаза растущей Луны, когда остроголовый бродяга брал еду у соседей, а затем стал брать ее у жителей Земли, указывает на возможные семантические связи Луны с образом мифического предка одулов, охотником на людей *Йоодичинуул хааха* 'Дедушка с Остроконечной Головой'. С полной Луной одульский фольклор соотносит сказочного людоеда *Чуолиды Полут'a* [2. С. 342–343]. В быличках полная Луна ассоциирована с краснолицым чертом [20. С. 20–21]. В традиционных возвретиях лесных юкагиров полная Луна называется *Ньяасъэ-киндъэ* 'Луна-лицо' или *пӨмөгэчэ* *Киндъэ* 'полнолуние' (от *пӨмнэй* 'круглый').

Сопоставление полной Луны со сказочным людоедом весьма примечательно. Несущие смерть людоеды *Чуолиды Полут* ('Мифический / Сказочный Старик') являются древнейшими символами злоказненных сил в фольклоре лесных юкагиров. Записан цикл сказок о них и их женах-старухах, детях, бродивших по тайге в поисках пищи. В ранних текстах поверженный герой сказки старик-людоед перерождается в юношу-жениха [2. С. 342–343, 353–354]. Предполагаемая виртуальная цепочка перерождений (старик-людоед – юноша-жених – старик-людоед) позволяет видеть в *Чуолиды Полут'e* образ мифического реинкарнирующего предка юкагиров [5, 21]. Образ заключает в себе идею цикличности жизни и бессмертия, через него метафорически заявлена пролонгация во времени данной культурной традиции.

Герои поздних фольклорных текстов уничтожают людоедов как однозначное воплощение зла, тем самым прерывая цепочку реинкарнационных перерождений предка [9. № 14, 17, 19, 20]. В одном из мифов побежденный людоед превратился в черта элэдулбэн ('невидимый'), который стал поедать не самих людей, а их души [8. С. 50–51]. Так, образ реинкарнирующего предка по мужской линии оказался пересемантизованным в черта элэдулбэн – злого духа подземного Мира теней. Именно таким путем через пересемантизацию древних образов народной мифопоэтики создавались и утверждались пантеон патернизованный трехчастной шаманской Вселенной и наполнение ее нижнего яруса злоказненными духами и существами. Как показал текстовой анализ эпической сказки о странствиях Петра Бэрбэкина, подземный Мир теней наполнялся за счет образов не только народной демонологии, но также взятых из кинофильмов, литературных, фольклорных и иных заимствований.

Выше указывалось, что полную Луну сказка соотносит с Мифическим Стариком-людоедом *Чуолиды Полут'ом*, а растущая Луна предположительно имеет семантические связи с (остроголовым?) бродягой, т.е. в традиционной культуре лесных юкагиров Луна в растущей и полной фазах может иметь однозначно отрицательную коннотацию. Другое название Луны *эмим пугу* 'ночное солнце' (устар. *пугу* 'солнце') указывает на то, что юкагиры различали два солнца: дневное и ночное, Солнце и Луну, что хорошо вписывается в универсальную систему биполярных координат. Луна-людоед заглядывает в дымовые отверстия юкагирских жилищ в поисках пищи. Если летом в дымовом отверстии конического жилища видна звезда, то ее ассоциируют с глазом наблюдающего черта (зап. от А.В. Слепцовой (1930–2010)). У Луны – древнего антропоморфного представителя злокозненных сил в фольклоре и мифологии одулов – особое внимание обращено на верхнюю часть тела – голову. Здесь находит объяснение особое внимание на эту часть тела при описании внешности хозяев Мира теней.

Резюмирую изложенное, скажем, что рассматриваемый этиологический текст о происхождении Луны предположительно объединяет в одном мужском персонаже черты мифического предка-людоеда Дедушки с Остроконечной Головой и предка-людоеда Луннолицо. То есть ночное светило, Луна, отождествлялось с периодически менявшим облик остро- или круглоголовым предком по мужской линии. Полагаем, что древний мифический образ Дедушки с Остроконечной Головой в период формирования представлений о подземном Мире теней был «депортирован» в него и сохранился в народной демонологии благодаря шаманским воззрениям. В некоторых фольклорных текстах сообщается, что Остроголовый имеет до шести помощников; под влиянием христианского мифа Остроголового предка ассоциируют с Сатаной, антагонистом Христу.

Материалы XIX–XX вв. по традиционной мифологии одулов ничего не сообщают о пролонгации во времени второй составляющей образа Луны: Луннолицего персонажа. В одной из древних сказок луннолицый людоед *Чуолиды Полут* сопряжен с темой смерти и последующего возрождения. Над побежденным людоедом юноша соорудил ивовый шалаш. Утром его сестра увидела, что в шалаше сидит прекрасный юноша, расчесывающий волосы, он сказал девушке: «Я умер как Луннолицый, а возродился как человек» [2. С. 342–343]. В завершение сказки брат женился на сестре, а «юноша, расчесывающий волосы», – на их дочери. От кровнородственного брака появился новый Заячий род, а от брака переродившегося юноши и девушки из Заячьего рода пошла семья Луннолицых, однако в фольклоре и народных представлениях лесных юкагиров о семье Луннолицых других сведений нет. По-видимому, фольклорно-

мифологическая линия развития этого образа завершается уничтожением героем сказки луннолицего людоеда.

Таким образом, в статье рассмотрены злые духи классов невидимых *йуойэ*, живущих на самой земле, *кукул / кукуль*, живущих под землей, и *йоибэ* – злых духов других народов, выявленных В.И. Иохельсоном в мифопоэтических воззрениях одулов в конце XIX – начале XX в. Как показали собранные материалы, представления о злокозненных силах существенно изменились в конце XX в. Трансформация коснулась всех классов злокозненных сил; так, четко не просматривается разделение злых духов на классы. Невидимые *йуойэ*, вселенные шаманом в культовую скульптуру из дерева, являются охранителями промысловиков и членов их семей. Потеряли актуальность *йоибэ* – злые духи других народов. Устрашающие образы живущих под землей *кукул / кукуль* перешли в область этиологических мифов и фольклора. Образ главы злых подземных духов Остроголовый дедушка-предок, как предполагается, трансформировался в миксовый образ сказочного Одноглазого великаны.

В условиях сложения шаманской трехчастной модели мира в воззрениях одулов древние мифопоэтические образы предков оказались инвертированы в злокозненные силы нижнего яруса Вселенной. Следует указать на предполагаемую двойственность, или оборотничество, персонажей одульской мифологии и фольклора: сочетание в мужском предке остро- и круглоголового абриса, в женском – растительно-зооморфного (червь). Дальнейшие исследования в этом направлении опубликованы в [22, 23].

Основной причиной переосмыслиения и ослабления эмоциональной напряженности в отношении злокозненных сил к концу XX в., полагаем, явилась атеистическая государственная политика. Произошли отказ от чуждого традиционной одульской культуре шаманского мировидения с однозначно отрицательной маркировкой женского семантического ряда (Земля–женщина–левое) и исключение из общественно-культурной жизни фигуры шамана, заместившего собой традиционные мифопоэтические образы первопредков. Приняв христианство, юкагиры не особенно прониклись в основы христианского мировидения, поэтому атеизм снял также вопросы христианской демонологии. В результате в традиционной культуре одулов вновь обрели силу языческое многобожие, культ стихий природы с материнскими соответствиями.

Юкагирская культура, на протяжении длительного времени оставаясь присваивающей, охотничье-рыболовной, в начале XXI в. сохраняет сильные позиции женского материнского начала и языческого многобожия. Фольклор, мифология и народные представления одулов во фрагментарном виде сохраняют унаследованные от предков значительно трансформированные образы злокозненных сил.

Список источников

1. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М. : Политиздат, 1986. 575 с.
2. Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы / пер. с англ. В.Х. Иванова и З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск : Наука, 2005. 675 с.

3. Окладников А.П., Мазин А.И. Петроглифы бассейна реки Алдан. Новосибирск : Наука, 1979. 152 с.
4. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Средней Лены. Л. : Наука, 1972. 271 с.
5. Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. Новосибирск : Наука, 2012. Ч. 2: Мифологическая модель мира. 360 с.
6. Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. Новосибирск : Наука, 2009. Ч. I: Одежда юкагиров: генезис и семантика. 152 с.
7. Willerslev R. (Р. Виллерслеф). Духи, «находящиеся рядом с нами» // Антропологическая теория. Лондон, 2004. Т. 4. С. 395–418.
8. Спиридовон Н.И. (Тэки Одулук). Одулы (юкагиры) Колымского округа. 2-е изд. Якутск : Северовед, 1996. 80 с.
9. Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск : Бичик, 2005. 270 с.
10. Жукова Л.Н., Николаева И.А., Демина Л.Н. Фольклор юкагиров Верхней Колымы. Якутск : Изд-во Якут. ун-та, 1989. Ч. 1. 161 с.; Ч. 2. 89 с.
11. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Л. : Наука, 1969. Ч. 1. 219 с.; 1970. Ч. 2. 363 с.
12. Лунное лицо : сказки юкагиров / сост. и обраб. Л.Н. Жуковой, О.С. Чернецова. Якутск : Кн. изд-во, 1992. 124 с.
13. Жукова Л.Н. Декоративно-прикладное искусство лесных юкагиров : альбом. Якутск : Якутский край, 2011. 25 с.
14. Жукова Л.Н. Образ человека в пиктографическом письме юкагиров // Язык-миф-культура народов Сибири. Якутск : Изд-во Якут. ун-та, 1988. Вып. 1. С. 126–147.
15. Kochmar N.H. Pisanicy Yakutii. Новосибирск : Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1994. 263 с.
16. Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск : Наука, 1976. 190 с.
17. Кистенев С.П. Новые археологические памятники бассейна Колымы // Новое в археологии Якутии. Якутск : Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1980. С. 74–87.
18. Кистенев С.П. Родинское неолитическое захоронение и его значение для реконструкции художественных и эстетических возможностей человека в экстремальных условиях Крайнего Севера // Археологические исследования в Якутии. Новосибирск : Наука, 1992. С. 68–83.
19. Гринцер П.А. Умирающий и воскресающий бог // Мифы народов мира. М. : Сов. энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 547–548.
20. Шалугин В.Г. Рассказы для детей (на юк. и рус. яз.). Якутск : Изд-во Якут. ун-та, 2004. 34 с.
21. Прокопьева П.Е. Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре. Новосибирск : Наука, 2009. 142 с.
22. Жукова Л.Н. Лосиная тема и культ личинок в монументальном и мобильном искусстве аборигенов Якутии (к постановке вопроса) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021. № 4. С. 34–46.
23. Жукова Л.Н. Юкагирско-китайские фольклорно-мифологические параллели (к постановке вопроса). СПб. : Свое издательство, 2022. 76 с.

References

1. Tokarev, S.A. (1986) *Religiya v istorii narodov mira* [Religion in the history of the peoples of the world]. Moscow: Politizdat.
2. Yohelson, V.I. (2005) *Yukagiry i yukagirizirovannye tungusy* [Yukagirs and Yukagirized Tunguses]. Translated from English by V.Kh. Ivanov, Z.I. Ivanova-Unarova. Novosibirsk: Nauka.
3. Okladnikov, A.P. & Mazin, A.I. (1979) *Petroglyphy basseyna reki Aldan* [Petroglyphs of the Aldan River Basin]. Novosibirsk: Nauka.
4. Okladnikov, A.P. & Zaporozhskaya, V.D. (1972) *Petroglyphy Sredney Leny* [Petroglyphs of the Middle Lena]. Leningrad: Nauka.
5. Zhukova, L.N. (2012) *Ocherki po yukagirskoy kul'ture* [Essays on the Yukagir Culture]. Vol. 2. Novosibirsk: Nauka.
6. Zhukova, L.N. (2009) *Ocherki po yukagirskoy kul'ture* [Essays on the Yukagir Culture]. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka.
7. Willerslev, R. (2004) Dukhi, “nakhodyashchesya ryadom s name” [Spirits “located next to us”]. In: *Antropologicheskaya teoriya* [Anthropological Theory]. Vol. 4. London: [s.n.]. pp. 395–418.
8. Spiridonov, N.I. (1996) *Oduly (yukagiry) Kolymskogo okruga* [Oduls (Yukaghirs) of the Kolyma District]. 2nd ed. Yakutsk: Severoved.
9. Yohelson, V.I. (2005) *Materialy po izuchenie yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge* [Materials on the study of the Yukaghir language and folklore, collected in the Kolyma district]. Yakutsk: Bichik.
10. Zhukova, L.N., Nikolaeva, I.A. & Demina, L.N. (1989) *Fol'klor yukagirov Verkhney Kolomy* [Folklore of the Yukagirs of the Upper Kolyma]. Vol. 1(2). Yakutsk: North-Eastern Federal University in Yakutsk.
11. Okladnikov, A.P. & Zaporozhskaya, V.D. (1969) *Petroglyphy Zabaykal'ya* [Petroglyphs of Transbaikalia]. Leningrad: Nauka.
12. Zhukova, L.N. & Chernetsov, O.S. (ed.) (1992) *Lunnoe litso: skazki yukagirov* [The lunar face: The Yukaghir tales]. Yakutsk: Kn. izd-vo.
13. Zhukova, L.N. (2011) *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo lesnykh yukagirov* [Decorative and applied art of the forest Yukagirs]. Yakutsk: Yakutskiy kray.
14. Zhukova, L.N. (1988) *Obraz cheloveka v piktograficheskom pis'me yukagirov* [The image of a person in the pictographic writing of the Yukagirs]. In: Gabysheva, L.L. (ed.) *Yazyk-mif-kul'tura narodov Sibiri* [Language-myth-culture of the peoples of Siberia]. Vol. 1. Yakutsk: North-Eastern Federal University in Yakutsk. pp. 126–147.
15. Kochmar, N.N. (1994) *Pisanitsy Yakutii* [Petroglyphs of Yakutia]. Novosibirsk: SB RAS.
16. Okladnikov, A.P. & Mazin, A.I. (1976) *Pisanitsy reki Olekmy i Verkhnego Priamur'ya* [Petroglyphs of the Olekma River and the Upper Amur Region]. Novosibirsk: Nauka.
17. Kistenev, S.P. (1980) *Novye arkheologicheskie pamyatniki basseyna Kolomy* [New archaeological sites of the Kolyma basin]. In: Molchanov, Yu.A. (ed.) *Novoe v arkheologii Yakutii* [New in the archeology of Yakutia]. Yakutsk: SB RAS. pp. 74–87.
18. Kistenev, S.P. (1992) *Rodinskoe neoliticheskoe zakhоронение и его значение для реконструкции художественных и эстетических возможностей человека в экстремальных условиях* [Rodinskoe Neolithic burial and its significance for the reconstruction of artistic and aesthetic possibilities of a person in the extreme conditions of the Far North]. In: Mochanov, Yu.A. (ed.) *Arkheologicheskie issledovaniya v Yakutii* [Archaeological Research in Yakutia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 68–83.
19. Grinser, P.A. (1982) *Umirayushchiy i voskresayushchiy bog* [The dying and resurrecting god]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Vol. 2. Moscow: Sov. Entsiklopediya. pp. 547–548.
20. Shalugin, V.G. (2004) *Rasskazy dlya detey* [Stories for Children]. Yakutsk: North-Eastern Federal University in Yakutsk.
21. Prokopieva, P.E. (2009) *Otrazhenie mifologicheskogo myshleniya v yukagirskom fol'klore* [Reflection of mythological thinking in the Yukagir folklore]. Novosibirsk: Nauka.
22. Zhukova, L.N. (2021) The elk theme and the cult of larvae in the monumental and mobile art of the Yakutia aborigines. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik – North-Eastern Journal of the Humanities*. 4. pp. 34–46. (In Russian). DOI: 10.25693/SVG.2021.37.4.004
23. Zhukova, L.N. (2022) *Yukagirsko-kitayskie fol'klorno-mifologicheskie paralleli (k postanovke voprosa)* [Yukagir-Chinese folklore-mythological parallels (to the statement of the question)]. St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo.

Сведения об авторе:

Жукова Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия). E-mail: zjukova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Lyudmila N. Zhukova – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Department of Archeology and Ethnography of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North (IHRISN) (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: zjukova@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.03.2018; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 16.03.2018; accepted for publication 06.05.2022

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ACADEMIC LIFE

Интервью

УДК 93

doi: 10.17223/19988613/77/24

Об истории и историках: интервью с Б.С. Жигаловым

Оксана Геннадьевна Лекаренко¹, Анастасия Васильевна Мунько²

Томский государственный университет, Томск, Россия

¹olekarenko@gmail.com

²nastyamun@mail.ru

Аннотация. Приводится интервью с Борисом Степановичем Жигаловым, историком, доцентом кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета, работающим в университете более 60 лет. В преддверии своего 90-летнего юбилея он ответил на вопросы коллег по кафедре об истории и профессии историка, об особенностях научной школы, о жизни на факультете в разные исторические периоды. Размышления Б.С. Жигалова являются важным свидетельством развития кафедры новой, новейшей истории и международных отношений и факультета исторических и политических наук во второй половине XX – начале XXI в.

Ключевые слова: Б.С. Жигалов, историк, история, научная школа

Для цитирования: Лекаренко О.Г., Мунько А.В. Об истории и историках: интервью с Б.С. Жигаловым // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 207–212. doi: 10.17223/19988613/77/24

Interview

About History and Historians: Interview with B.S. Zhigalov

Oksana G. Lekarenko¹, Anastasiya V. Munko²

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹olekarenko@gmail.com

²nastyamun@mail.ru

Abstract. Boris Stepanovich Zhigalov, historian, Associate Professor of the Department of Modern, Contemporary History and International Relations, Tomsk State University, has been working at the university for more than 60 years. On the eve of his 90th birthday, he is answering questions from colleagues about the history and profession of a historian, the features of the scientific school, the life at the faculty in different historical periods. Zhigalov points out that the most important thing in the university teacher's work is an interaction with students. He reckons that a professional historian should rely solely on documents and facts and considers curiosity to be one of the main incentives in research work. B. S. Zhigalov's reflections are an important indication of the development of the Department of Modern, Contemporary History and International Relations and the Faculty of Historical and Political Sciences in the second half of the 20th – early 21st centuries.

Keywords: B.S. Zhigalov, historian, history, scientific school

For citation: Lekarenko, O.G., Munko, A.V. (2022) About History and Historians: Interview with B.S. Zhigalov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University Journal of History.* 77. pp. 207–212. doi: 10.17223/19988613/77/24

О юбиляре

Борис Степанович Жигалов родился 13 августа 1932 г. в Ленинграде. В 1935 г. семья Жигаловых перебралась в Омск, а в 1950 г. переехала из Омска в Томск. В том же году Б.С. Жигалов поступил на первый курс исторического отделения историко-филологического факультета Томского государственного университета и в 1955 г. с отличием окончил его. С сентября по декабрь 1955 г. Б.С. Жигалов работал учителем истории в средней школе № 21 г. Томска, затем с января 1956 г. – старшим лаборантом на кафедре всеобщей истории (с 1961 г. – кафедра новой и новейшей истории). С сентября 1957 г. Б.С. Жигалов стал преподавать на историко-филологическом факультете в должности ассистента. Сразу после перехода на работу в ТГУ молодой преподаватель начал заниматься сбором материала по теме будущей кандидатской диссертации [1. С. 98]. В октябре 1961 г. Б.С. Жигалов поступил в аспирантуру. Его научным руководителем стал доцент, кандидат исторических наук, впоследствии профессор Станислав Селиверстович Григорьевич. Кандидатская диссертация Б.С. Жигалова «Железные дороги и борьба империалистических держав за господство в Северо-Восточном Китае в 1905–1914 гг.», защищенная в 1965 г., была посвящена одной из важных проблем истории международных отношений на Дальнем Востоке.

После окончания аспирантуры Б.С. Жигалов продолжил преподавательскую деятельность в ТГУ сначала в должности ассистента, а с 1967 г. – доцента кафедры новой и новейшей истории (с 1993 г. – кафедра новой, новейшей истории и международных отношений). В разное время читал общие курсы «История южных и западных славян», «Новая история стран Европы и Америки (1870–1918 гг.)», «История международных отношений в Новое время (XVII в. – 1918 г.)», спецкурсы «Германия и СССР (1918–1941 гг.)», «Голлизм во внешней политике Пятой республики во Франции». Большое место в университетской деятельности Б.С. Жигалова занимала административная и организаторская деятельность. В 1972–1976 гг. он был заместителем декана, а в 1981–1986 гг. деканом исторического факультета. В 1990-е гг. Б.С. Жигалов вместе с С.В. Вольфсоном и Н.С. Индукаевой внес большой вклад в становление новой специальности «Международные отношения» на историческом факультете ТГУ. Много сил он отдал работе Новосибирского представительства отделения международных отношений исторического факультета ТГУ.

Область научных интересов Б.С. Жигалова – история международных отношений на Дальнем Востоке в начале XX в., история внешней политики Великобритании, история советско-германских и советско-британских отношений. Б.С. Жигалов подготовил трех кандидатов исторических наук: О.А. Аршинцеву, М.Л. Рогожникова, А.Ф. Аноп. После смерти профессора М.Я. Пелипася он помог завершить работу над кандидатской диссертацией Е.В. Хахалкиной. Б.С. Жигалов – автор двух монографий [2, 3] и учебного пособия

[4], получивших высокую оценку специалистов [5, 6], редактор ряда тематических сборников и монографий, автор статей по всеобщей истории и истории международных отношений.

Коллеги неизменно отмечают такие качества Бориса Степановича, как доброжелательное отношение к коллегам и студентам, деловитость, пунктуальность.

Интервью

О.Л. *Борис Степанович, почему вы выбрали профессию историка?*

Б.Ж. Я интересовался историей еще со школьной скамьи. Так, еще будучи школьником, я прочитал историю дипломатии. А в Томске оказался случайно – я окончил школу в Омске, а потом родители переехали в Томск, и я поехал за ними. Изначально хотел поехать в Москву, но поехал за родителями и поступал в Томский государственный университет.

О.Л. *А если бы Вы поехали в Москву, то на какой бы факультет поступали? Тоже на исторический?*

Б.Ж. Да, на исторический. Поскольку у меня был приличный английский, то, может быть, поступал бы в МГИМО на историю международных отношений. У нас на факультете сейчас осталось только три ветерана – А.Н. Жеравина¹, С.В. Вольфсон² и я. Кстати, я по возрасту самый младший.

О.Л. *Помните ли Вы свой первый выход в аудиторию в качестве лектора?*

Б.Ж. Нет, не помню. Когда я стал ассистентом, то работал на кафедре всеобщей истории, поэтому читал самые разные курсы. Так, в начале карьеры я читал курс по истории Древнего Рима для заочников, но вскоре забыл этот курс, поскольку он мне был не нужен.

О.Л. *Что для Вас самое ценное в общении и в работе со студентами?*

Б.Ж. Работать со студентами интересно, особенно с теми, кто интересуется историей и задает вопросы. Но для меня неприемлема система работы онлайн: я не понимаю, как можно читать лекции вне аудитории, не глядя на студентов. Отмечу, что работа со студентами является первоосновой работы преподавателя в университете.

О.Л. *Как Вы думаете, какими качествами должен обладать талантливый педагог?*

Б.Ж. Это сложно сказать. Прежде всего, он должен быть достойным человеком и хорошо знать предмет. Помимо этого, он должен быть не косноязычным человеком. Также, я считаю, что в определенной степени нужен артистизм. И потом необходимо время от времени делать разгрузку студентам: после тяжелого материала следует перейти на изложение более простого и анекдотичного. В свое время у нас было два великих педагога – И.М. Разгон³ и А.Я. Данилов⁴. Последний читал лекции очень жестко – диктуя по тетради, сохраняя все формулировки. Слушать было интересно, но тяжело, после его лекций все уставали. А вот И.М. Разгон, наоборот, часто рассказывал байки и анекдоты, о том, как собирал во время войны материалы по теме диссертации. Это был любимый преподаватель, и его было интересно слушать.

Поэтому, я полагаю, в чтении лекций надо сочетать серьезное изложение материала и давать отдушину.

О.Л. В 1980-е гг. Вы были деканом исторического факультета. Что было самым сложным для Вас в работе декана и в руководстве факультетом?

Б.Ж. (с улыбкой) Самым сложным во время пребывания на посту декана было то, что я был непьющим человеком. Будучи деканом, я убедился, что многие вопросы в мужской компании решаются за бутылкой. А я был непьющим, и мне было сложнее и труднее решать деликатные вопросы. Мое деканство пришлось на переломное время – начиналась перестройка. Последующим деканам – Б.П. Тренину, А.Т. Топчию, В.П. Зиновьеву также досталось работать в нелегкое время⁵.

Пользуясь моментом, мне хотелось бы напомнить об одной забытой страничке истории факультета. Так, по приказу министерства высшего образования СССР (было два таких министерства – союзное и республиканское; с первым мне как декану было легче работать) в начале 1980-х гг. на факультете была открыта экзотическая специальность – история КПСС. Мы были единственным провинциальным вузом, которому разрешили открыть данную специальность. Подобный шаг демонстрировал особое значение исторического образования в Томске, поэтому многие тогда считали, что ТГУ является третьим университетом в стране, после Московского и Ленинградского. Однако начиналась перестройка, поэтому был только один набор по данной специальности. Весьма любопытно, что не мы набирали студентов, а нам их присылали из Закавказья и Средней Азии – кандидатов и членов партии. Набор просуществовал только один год, затем – перестройка, и, как следствие, курс истории КПСС оказался вычеркнутым из учебных планов (ранее был обязательным для всех). И эта история тихо умерла. Такая была страничка в истории факультета – вторая специальность после истории. Общаясь со студентами данной специальности, я многое понял. Вот, допустим, один студент говорил мне, что он был удивлен тем, что получил в автобусе (из аэропорта до города) сдачу вплоть до копеек. Это было неприлично по меркам Закавказья или Средней Азии. Студентка из Азербайджана, встретив меня в трамвае, сказала, что если бы я был деканом в Баку, то я был бы миллионером и не ездил бы на общественном транспорте. Студент из Узбекистана говорил, что у них в партию вступают за деньги, и за большие деньги, поскольку это дает большие возможности в жизни, приобщает к доходам. Тогда я узнал, что люди в республиках живут в ином измерении, поэтому для меня распад СССР не явился неожиданностью. И, кстати, когда рассуждают про причины распада, почему-то игнорируют тот факт, что в республиках сложилась этно-партийная номенклатура, стремящаяся к получению власти. Одним из таких примеров является деятельность первого президента Туркмении – Сапармурата Атаевича Ниязова, прозванного Туркменбashi. Его стремление к власти и свободе во многом способствовало тому, что еще при жизни ему воздвигали памятники. К слову, не менее любопытным является и то, что, когда появились студенты из национальных республик, на факультете возник этно-национальный вопрос. Правда, я этим не

занимался – это было делом партийного бюро. Студенты из Армении и Азербайджана агрессивно вели себя.

О.Л. Как за последние пятьдесят лет изменилась жизнь на факультете?

Б.Ж. Жизнь факультета существенно изменилась. Как я уже говорил, в конце XX в. многие считали ТГУ третьим университетом по историческому образованию в стране. Я полагаю, что это, конечно, преувеличение, но все равно вуз оставался ведущим в Сибири. Так, по нашей кафедре было подготовлено более 100 кандидатов наук, а по факультету – несколько тысяч. Все они разъехались по городам, стали преподавать в университетах и на кафедрах. Но потом случилось вот что – ушли из жизни наши корифеи – З.Я. Бояршинова⁶, И.М. Разгон, С.С. Григорьевич⁷, Н.С. Черкасов⁸, В.С. Гурьев⁹ и многие другие. Некоторые уехали из Томска – археолог В.И. Матющенко в Омск, историк А.П. Бородавкин в Барнаул, историк Н.В. Блинов в Москву и др. И с факультетом что-то случилось – он просел. Это выражается в том, что он больше не головной вуз в Сибири. Меня очень огорчил следующий факт. В последние годы российская историческая общественность отметила ряд важных дат – юбилей Февральской и Октябрьской революций, окончание Первой мировой войны, юбилей Версальской конференции. Несмотря на то, что подобные исторические даты на факультете прошли незаметно, в стране были проведены крупные конференции – в Москве и других городах. Читая информацию об этих мероприятиях, где перечислялись докладчики из других сибирских городов – Новосибирска, Иркутска, Омска и Барнаула, я не встретил ни одного упоминания о томских участниках. Ни один человек с нашего факультета не выступил на этих всероссийских конференциях. Видимо, либо не с чем было выступать, либо денег не дали на поездку. Но налицо то, что роль факультета в жизни исторического сообщества в целом резко упала. И это не только у нас. Я читал интервью филолога, профессора А.П. Казаркина, в какой-то газете, где он отмечал, что роль и значение филологического факультета по сравнению с концом XX в. упали ниже плинтуса. Возможно, это преувеличение. Но падение факультета и его роли – заметно. Мы уже обычный факультет, наряду с Барнаулом и Кемерово. Хотя раньше они смотрели на нас снизу вверх. Так, несколько лет я был председателем ГАКа в Кемеровском государственном университете и помню, с каким почтением там отзывались о томском историческом образовании. Как ни печально это осознавать, но сейчас такого уважения уже нет.

О.Л. Насколько, будучи аспирантом, Вы ощущали влияние научного руководителя?

Б.Ж. Научный руководитель оказывал значительное влияние. Моим научным руководителем был профессор С.С. Григорьевич. Собственно, он начал эти исследования и был человеком знающим и авторитетным. Моим первым оппонентом был А.И. Данилов, также человек авторитетный и знающий. Но в основном приходилось пробивать все самому. Дело в том, что раньше были соответствующие возможности научных командировок. Помимо этого, еще существовали спецхраны – очень нужные и важные структуры.

В частности, в ТГУ получали большое количество иностранных книг в 1970–1980-е гг., к ним прилагался бумажный каталог. В свое время М.Я. Пелипась¹⁰ хвастался тем, что смог осилить все эти ящики, а я – только два. В спецхранилищах было огромное количество иностранной литературы. Например, если в общих залах в Москве в ИНИОНе или Иностранные было пусто, то в спецхране всегда было много народа. Любопытная деталь: когда мы с С.В. Вольфсоном ездили по библиотекам, его всегда интересовал вопрос сексуальной революции на Западе. Однажды это закончилось тем, что его попросили покинуть читальный зал. Если говорить в целом, то в мое время была возможность заниматься, ездить в Москву, работать с архивами. Так, я работал в архиве внешней политики Российской империи и в архиве внешней политики СССР. Кстати, тогда в архивах не так много работало ученых, поэтому было много свободного места. Если обобщить все вышесказанное, то можно отметить, что роль научного руководителя была значительная, но и я сам пахал, работал.

В моей научной жизни произошел один интересный эпизод, в результате которого у меня появился автограф нынешнего главы МИД С.В. Лаврова. Дело было в 1960-е гг., когда я написал монографию, посвященную дальневосточной политике Великобритании. Итоговую работу кафедра рекомендовала к печати, однако издательство побоялось ненужной огласки и отправило рукопись на рецензию в МИД. Когда пришла рецензия, я увидел только последнюю фразу о том, что исследование рекомендовано к публикации. Собственно, остальное меня не интересовало, поэтому текст рецензии я читать не стал (был немного самонадеян). Однако впоследствии, разбирая семейный архив, я наткнулся на эту рецензию и внимательно прочитал ее. Она была умно написана, значительно интереснее, чем рецензия на ту же работу в журнале «Новая и новейшая история». А далее в рецензии была подпись и расшифровка – Сергей Викторович Лавров. В то время он был начинающим работником, которому поручили это рецензирование, поскольку никто из начальства не собирался читать тексты из Сибири. Вот такая интересная получилась история.

О.Л. Какими качествами должен обладать крупный ученый?

Б.Ж. Я не крупный ученый, поэтому не могу сказать. Как правило, крупный ученый создает научную школу. Это правило не всегда соблюдается: например, советский академик Е.В. Тарле так и не создал научную школу. А вот у С.С. Григорьевича была научная школа – у него 43 аспиранта защитили работы. Более чем потрясающая цифра для одного человека! Ученый создает научную школу, когда имеется круг единомышленников со схожими научными тематиками и методологическими приемами. С.С. Григорьевич был против мнимой актуализации. Он всегда говорил, что войны с Америкой не будет, и не надо обострять эти отношения. Поэтому его никогда не приглашали на семинары международников, и он никогда не был в авторитете в областном комитете партии. С.С. Григорьевич выступал за то, чтобы работы были основаны на источниках и строго им соответствовали –ника-

кой отсебятины, никаких придумок. Ученый должен опираться исключительно на документы и факты.

О.Л. Как Вы думаете, в чем заключается ключевой признак научной школы?

Б.Ж. Прежде всего это выбор магистрального направления в исследованиях и основного корпуса источникового материала для исследований. Так, С.С. Григорьевич полагал, что в основе работы должны быть архивные и документальные источники. Но мне трудно ответить на этот вопрос.

О.Л. На что следует обращать внимание при отборе будущих аспирантов?

Б.Ж. В аспиранты следует брать того человека, с которым уже работал или взаимодействовал раньше (в бакалавриате или магистратуре). Нужно брать известного человека. У меня был неудачный опыт с аспирантом из Кемерово – его направили к нам, но ничего не вышло. Я его не знал, и не знаю, почему Кемеровский университет рекомендовал его в аспирантуру, однако он ничего не знал и ничего не мог. Например, он не смог прочитать пробную лекцию по своей теме. Поэтому я полагаю, что аспирант, во-первых, должен быть известен научному руководителю, во-вторых, абитуриенту следует продемонстрировать свою заинтересованность в теме – предложить научному руководителю варианты будущих тем.

О.Л. Что для Вас самое важное в научной деятельности?

Б.Ж. Для меня самое важное – удовлетворение личного интереса. Я всегда занимался тем, что мне было интересно, и когда это удавалось завершить, я чувствовал удовлетворение. В частности, в последнее время я занимался исследованием деятельности И.М. Майского, про которого сейчас я знаю практически все. Прежде всего мною всегда двигали и движут научный интерес и любопытство.

О.Л. Почему не состоялась Ваша докторская диссертация?

Б.Ж. Моя докторская диссертация была практически готова – из пяти глав было написано четыре, оставались первая глава и введение. Работа была посвящена англо-советским отношениям в 1917–1922 гг., но на завершающих этапах исследования в стране началась перестройка, и многие исторические события подверглись переосмысливанию, особенно события гражданской войны и становления советской власти. В частности, СМИ начали говорить о том, что английской интервенции на Дальнем Востоке попросту не было, а ведь первая глава моей диссертации как раз должна была описывать деятельность английских интервентов. Поэтому постепенно я потерял связь с историографией, перестал ездить в московские архивы и впоследствии забросил работу над диссертацией.

О.Л. Сожалеете?

Б.Ж. Да нет, о чем Вы.

О.Л. Наверное, надо было чуть раньше закончить написание работы?

Б.Ж. Да, надо было бы раньше закончить работу над докторской диссертацией. Подобную позицию разделял и С.С. Григорьевич, который считал, что надо скорее заканчивать написание текста. Также ректор –

Ю.С. Макушкин¹¹ – говорил, что возьмет этот вопрос под личный контроль, но ничего не получилось.

О.Л. Что Вы считаете своим главным профессиональным достижением? Чем можете гордиться?

Б.Ж. Трудно сказать, за всю научную деятельность я написал три монографии и являюсь автором около 30 статей. Но что любопытно и весьма характерно – у меня разнообразная тематика научных изысканий. В частности, в сферу моих интересов можно включить внешнюю политику СССР, Германии и Великобритании. Но я всегда занимался тем, что мне было интересно.

О.Л. Борис Степанович, как Вы считаете, историк в наше время – это перспективная профессия?

Б.Ж. Для начала стоит отметить, что сейчас наступают тяжелые времена. Я человек старый и консервативный, поэтому информацию получаю из газет и телевидения, а там, увы, в последнее время оголтелая агитация и пропаганда. А историк должен работать свободно, без цензуры, и писать то, что он сам сделал, а не то, что говорит руководство. Помимо этого, важно отметить, что подготовка на факультете всегда отличалась высоким уровнем. Поэтому в мое время выпускник исторического факультета мог реализоваться в любой отрасли знания: у нас есть доктора политических наук (А.И. Щербинин, Н.Г. Щербинина), есть доктора философских наук (В.Н. Сыров) и психологии (Э.В. Галажинский). Такие возможности в ТГУ были только у выпускников исторического факультета, выпускники других факультетов ТГУ не могли похвастаться подобными перспективами. И это не только про науку. Когда у меня раньше спрашивали, где может работать выпускник факультета, я всегда говорил, что везде. В частности, среди наших выпускников есть генералы, заместители министра спорта, представители дипломатической отрасли и административно-управленческие кадры. В советское время практически все местные управленические должности были заняты выпускниками исторического факультета. Соответственно, историк мог работать во многих сферах государственного управления. Таким образом, окончание истфака давало возможность работать на многих поприщах – и в науке, и за ее пределами. Но я не знаю, есть ли сейчас такие возможности, где работают сейчас наши выпускники.

О.Л. Ваше детство пришлось на годы Великой Отечественной войны. Сохранились ли у Вас воспоминания о том времени?

Б.Ж. Воспоминания сохранились, хотя они во многом нетипичные. Дело в том, что я родился и вырос

в семье научного работника, а в годы войны научные кадры хорошо снабжались благодаря американской программе ленд-лиза. Я помню, как нашу семью в это время заваливали яичным порошком. Помимо этого, стоит отметить, что в годы войны большую роль играла школа. Во-первых, там кормили – не очень много, конечно, но нам выдавали тарелку овсянки и маленькую булочку. Потом, во взрослой жизни, я пытался сварить овсянку похожим образом, но никогда так не получалось, никогда. А ведь в те военные годы она казалось необычайно вкусной. Также в военное время частный сектор был отключен от электроэнергии. И представьте себе картину – вечер, город весь темный, и только школа сверкает огнями, и там после занятий – кружки и всякие мероприятия. Поэтому люди, особенно ученики, тянулись к школе и шли в нее. Она сыграла важную роль в воспитании детей в годы войны. Поскольку Сибирь являлась местом ссылки пленных немцев и других народов, то в школе были и калмыки, и немцы, и представители других этносов и национальностей. Но все учились вместе, одинаково.

О.Л. Какое Ваше любимое занятие?

Б.Ж. Да у меня нет особых таких занятий. Наверное, могу сказать, что мое любимое занятие – это поиск информации. Сейчас по телевидению и радио говорят одно и то же, но в разных формах, неинтересно. Хотелось бы овладеть компьютером, но уже бесполезно.

О.Л. Какое решение в профессиональном плане для Вас было самым сложным?

Б.Ж. Я всю жизнь работаю на факультете. Сложностей особо не было, продвигался по служебной лестнице, потом работал доцентом. Менялись ректоры (нынешний ректор Э.В. Галажинский для меня восьмой по счету), менялись деканы, менялись заведующие кафедрой, кафедра трижды сменила название, факультет – дважды. Работа была по-прежнему. В доковидное время работал со студентами, было интересно.

О.Л. В завершение нашей беседы что бы Вы могли пожелать коллегам в профессиональном плане?

Б.Ж. Я хотел бы пожелать, чтобы каждый человек в профессиональном и личном плане стремился к развитию и совершенствованию, обретению высот и новых знаний, к тому, чтобы стать заметной фигурой в той отрасли научного знания, которой он занимается – будь то американистика или европеистика.

Томск, 13 апреля 2022 г.
Вопросы задавала О.Г. Лекаренко,
записала А.В. Мунько

Примечания

¹ Жеравина Аниса Нурлгаяновна – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории. Подробнее об А.Н. Жеравиной и других упомянутых сотрудниках ТГУ см.: Электронная энциклопедия ТГУ. URL: <http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/>

² Вольфсон Савелий Вольфович – канд. ист. наук, до 2020 г. доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, с 2020 г. – доцент кафедры востоковедения.

³ Разгон Израиль Менделевич – д-р ист. наук, профессор, преподавал на кафедре истории СССР.

⁴ Данилов Александр Иванович – д-р ист. наук, профессор, преподавал на кафедре всеобщей истории.

⁵ Тренин Борис Павлович – канд. ист. наук, доцент, декан исторического факультета в 1986–1993 гг.; Топчий Анатолий Тихонович – д-р ист. наук, профессор, декан исторического факультета с 1992 по 2004 г.; Зиновьев Василий Павлович – д-р ист. наук, профессор, декан исторического факультета в 2004–2017 гг.

⁶ Бояршинова Зоя Яковлевна – д-р ист. наук, профессор кафедры истории СССР дооктябрьского периода.

⁷ Григорьевич Станислав Селиверстович – д-р ист. наук, профессор, с 1961 по 1993 г. заведующий кафедрой новой и новейшей истории.

⁸ Черкасов Николай Сергеевич – канд. ист. наук, доцент кафедры новой и новейшей истории.

⁹ Гурьев Вадим Сергеевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков.

¹⁰ Пелипаш Михаил Яковлевич – д-р ист. наук, профессор, с 1993 по 2007 г. заведующий кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений.

¹¹ Макушкин Юрий Семёнович – д-р физ.-мат. наук, профессор, ректор Томского государственного университета в 1983–1992 гг.

Список источников

1. Бычкова Т.А. Борис Степанович Жигалов // Университет – моя Судьба. 2-е изд., испр. и доп. Томск, 2011. С. 98–100.
2. Жигалов Б.С. Дальневосточная политика Англии в 1917–1922 гг. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 173 с.
3. Жигалов Б.С. И.М. Майский: портрет советского дипломата по материалам его «Дневника», писем и мемуаров. Томск : Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2014. 91 с.
4. Жигалов Б.С. Германия и СССР: экономические и политические отношения (март 1918 – июнь 1941 г.) : конспект лекций по спецкурсу для студентов, обучающихся по магистерской программе «Американские и германские исследования». Томск : Том. гос. ун-т, 2013. 138 с.
5. Аршинцева О.А. Рецензия: Жигалов Б.С. И.М. Майский: портрет советского дипломата по материалам его «Дневника», писем и мемуаров. Томск: Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2014 // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5. С. 175–176.
6. Ющенко О.И., Хахалкина Е.В. Рецензия на конспект лекций Б.С. Жигалова «Германия и СССР: экономические и политические отношения (март 1918 г. – июнь 1941 г.)». Томск, 2013. 140 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 1. С. 134–136.

References

1. Bychkova, T.A. (2011) Boris Stepanovich Zhigalov. In: Fominyh, S.F. & Nekrylov, S.A. (eds) *Universitet – moya Sud'ba* [The University is my Destiny]. 2nd ed. Tomsk: Tomsk State University. pp. 98–100.
2. Zhigalov, B.S. (1981) *Dal'nevostochnaya politika Anglii v 1917–1922 gg.* [The Far East policy of England in 1917–1922]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Zhigalov, B.S. (2014) *I.M. Mayskiy: portret sovetskogo diplomata po materialam ego "Dnevnika", pisem i memuarov* [I.M. Maisky: the portrait of a Soviet diplomat based on his diary, letters and memoirs]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Zhigalov, B.S. (2013) *Germaniya i SSSR: ekonomicheskie i politicheskie otnosheniya (mart 1918 – iyun' 1941 g.): konспект lektsiy po spetskursu dlya studentov, obuchayushchikhsya po magisterskoy programme "Amerikanskie i germanskie issledovaniya"* [Germany and the USSR: Economic and Political Relations (March 1918 – June 1941): lecture notes for a special course for students enrolled in the master's program "American and German Studies"]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Arshintseva, O.A. (2016) Review: Zhigalov B.S. I.M. Maisky: The portrait of a Soviet diplomat based on his diary, letters and memoirs. Tomsk: Tomsk State University, 2014. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University Journal of History*. 5. pp. 175–176. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/43/36
6. Yushchenko, O.I. & Khakhalkina, E.V. (2015) Review of lecture notes “Germany and the Soviet Union: Economic and Political Relations (March 1918 to June 1941)” by B.S. Zhigalov. Tomsk, 2013. 140 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University Journal of History*. 1. pp. 134–136. (In Russian).

Сведения об авторах:

Лекаренко Оксана Геннадьевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: olekarenko@gmail.com

Мунько Анастасия Васильевна – ассистент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: nastyamun@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Lekarenko Oksana G. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Modern, Contemporary History and International Relations of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olekarenko@gmail.com

Munko Anastasia V. – Assistant at the Department of Modern, Contemporary History and International Relations of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nastyamun@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.04.2022; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 19.04.2022; accepted for publication 06.05.2022

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2022 № 77

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 30.06.2022 г. Формат 60x84^{1/8}. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Печ. л. 26,8. Усл. печ. л. 24,9. Тираж 50 экз. Заказ № 5092. Цена свободная.

Дата выхода в свет 20.07.2022 г.

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет Е.Г. Шумской
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – Е.А. Михайлицина, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)-53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет
Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)-52-96-67
Факс 8(382-2)-52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)-52-96-67
Fax: 8(382-2)-52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университета
Телефон 8(382-2)-52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)-52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru